ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1964

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

35

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тридцать пятый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит письма, написанные Марксом и Энгельсом с января 1881 по март 1883 года.

Эти годы составляли один из небольших отрезков того периода всемирной истории, который наступил после подавления Парижской Коммуны и продолжался до начала первой русской революции. В. И. Ленин в следующих словах определил самые существенные черты этого периода: «Учение Маркса одерживает полную победу и — *идет вширь.* Медленно, но неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 3). Вместе с развитием капитализма рос и его могильщик — рабочий класс. Положение пролетариата в этот период делало насущно необходимой борьбу за организацию и упрочение массовых социалистических рабочих партий в отдельных странах. Основоположники марксизма борются в эти годы против антипролетарских влияний в рядах международного рабочего класса, отстаивают чистоту идей научного коммунизма, содействуют распространению их в широких пролетарских массах, продолжают дальнейшую разработку революционной теории.

В центре внимания Маркса почти до последних дней жизни остаются вопросы экономической теории. После выхода в свет французского перевода I тома «Капитала» (1875 г.) Маркс для третьего немецкого издания этого тома, подготовку которого он начал в конце 1881 г., сначала предполагал переработать большую часть текста, отчетливее сформулировать некоторые теоретические положения, присоединить к ним новые,

дополнить исторический и статистический материал новыми данными. Однако тяжелое состояние здоровья, особенно после смерти в 1881 г. преданного друга и любимой жены, — не позволило Марксу полностью осуществить это намерение. Он вынужден был ограничиться лишь самыми необходимыми поправками и дополнениями. По той же причине в последние годы своей жизни Маркс не смог подготовить к печати рукописи последующих томов «Капитала», для которых он непрерывно накапливал новые данные.

Вместе с тем Маркс внимательно следит в это время за социально-экономическим развитием европейских стран и США, успевая, наряду с прочими делами, просматривать «уйму Синих книг» (см. настоящий том, стр. 126), знакомиться с новейшей американской литературой. В письмах к американским деятелям Маркс показывает теоретическую несостоятельность популярных в то время в США взглядов американского экономиста Генри Джорджа, объявившего национализацию земли при сохранении буржуазного государства панацеей от всех зол капитализма. Маркс оценивал взгляды Генри Джорджа как последнюю попытку «спасти капиталистический строй» (см. настоящий том, стр. 157). Ценные высказывания по широкому кругу социальных и экономических проблем: об особенностях кризисов, о роли биржи, о денежном обращении и т. д. — содержатся и в ряде писем Энгельса.

В эти последние два года своей жизни Маркс много занимается также изучением всемирной истории: читает работы по истории первобытной культуры, исследует проблемы первобытнообщинного строя. Он подробно конспектирует книгу Моргана «Древнее общество», сопровождая выписки из нее собственными замечаниями и выводами о характере первобытнообщинного строя (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX). В эти же годы он создает обширную рукопись, известную под названием «Хронологические выписки» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, VI, VII, VIII) с собственными замечаниями, которые имеют важное значение для понимания взглядов Маркса на историю. Маркс продолжает уделять самое пристальное внимание вопросам русской истории, изучает материалы о пореформенных социально-экономических отношениях России, о состоянии русской крестьянской общины и т. д., пишет «Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 422—441); много времени посвящает занятиям высшей математикой.

Энгельс предпринимает в этот период серьезное исследование аграрных отношений в Германии. Плодом этих научных заня-

тий явились его рукописи «К истории древних германцев», «Франкский период» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 442— 494, 495—546) и опубликованный в 1882 г. очерк о марке — древнегерманской форме общинного землевладения (см. там же, стр. 327—345), где в общих чертах анализируется история возникновения и развития в Германии земельной собственности и немецкого крестьянства. В «Марке» Энгельс еще раз обосновал необходимость перехода к коллективной собственности на землю и к коллективному производству в сельском хозяйстве, как основного условия кардинального решения аграрного вопроса. Изучение Энгельсом аграрных отношений в Германии было продиктовано в тот период насущной потребностью обратить внимание германских социал-демократов на важность привлечения на сторону партии сельскохозяйственных рабочих и крестьян, еще раз подчеркнуть первостепенное значение для победы пролетарской революции правильного решения партией вопроса о союзе рабочего класса и крестьянства.

В 1882 г. Энгельс готовит первое немецкое отдельное издание своей работы «Развитие социализма от утопии к науке», в которое с целью сделать брошюру «общедоступной, пропагандистской» он вносит целый ряд существенных изменений и дополнений.

Большое место в научных занятиях Энгельса занимают естественные науки, философия естествознания. Именно в это время он интенсивно работает над начатым им еще в 1873 г. большим произведением «Диалектика природы» (см. настоящее издание, т. 20, стр. 339—626).

Осуществляя идейное руководство международным рабочим движением на этом этапе, Маркс и Энгельс своими советами и указаниями помогают пролетариату правильно определить политику и тактику, отвечающую его классовым интересам, обобщают и пропагандируют опыт его борьбы, всемерно содействуют уже существующим социалистическим рабочим партиям в выработке революционной тактики и марксистской программы. В целом ряде писем к социалистам разных стран Маркс и Энгельс отмечают постепенные революционные сдвиги в странах Европы, повсеместный рост революционных сил. Главную опасность для развития революционного движения основоположники марксизма видели в войне, которую готовились развязать реакционные европейские правительства. «Европейскую войну я считал бы несчастьем, — писал Энгельс Бебелю 22 декабря 1882 года. — ... Война на долгие годы разожгла бы повсюду шовинизм, так как каждый народ боролся бы за свое существование. Вся работа русских революционеров, которые уже

находятся накануне победы, оказалась бы бесполезной, пошла бы насмарку; нашу партию в Германии сразу же захлестнул и расколол бы поток шовинизма, и то же самое произошло бы во Франции» (см. настоящий том, стр. 348). Маркс и Энгельс неоднократно предостерегали руководителей социалистических партий от возможных ошибок в создавшейся сложной обстановке. В частности, они требовали, чтобы социалисты при определении своего отношения к национально-освободительному движению различных народов исходили прежде всего из интересов пролетарской революции. Они подчеркивали, что главная задача социалистических партий — это борьба за освобождение пролетариата; этой цели следует «подчинить все остальное», писал Энгельс Бернштейну (см. настоящий том, стр. 230).

Из публикуемых в томе писем наглядно видно, что главное внимание основоположников марксизма было сосредоточено в это время на деятельности двух крупнейших социалистических рабочих партий в Европе — Социалистической рабочей партии Германии и французской Рабочей партии.

80-е годы были сложным периодом в жизни Социалистической рабочей партии Германии, деятельность которой протекала в это десятилетие в тяжелых условиях исключительного закона против социалистов. Подвергаясь постоянным правительственным преследованиям, лишенная возможности легальной деятельности, партия сумела тем не менее сохранить и укрепить свои ряды, перестроить свою организацию, установить связь с широкими массами и все эти годы имела свой боевой нелегальный печатный орган — газету «Sozialdemokrat». Огромную роль в выработке правильной политики и тактической линии партии сыграли критика, советы и указания Маркса и Энгельса.

Важнейшей задачей германской рабочей партии в годы исключительного закона против социалистов Маркс и Энгельс считали постоянную, последовательную и непримиримую борьбу с правыми элементами в партии, с тем «мелкобуржуазным, мещанско-филистерским духом», который сторонники правого направления насаждали в партии. Частично представленные бывшими лассальянскими вожаками, вошедшими в партию при объединении эйзенахцев и лассальянцев в 1875 г., частично являясь выходцами из буржуазных и буржуазно-интеллигентских кругов, принятыми в ряды партии накануне введения исключительного закона, представители правого направления, составлявшие большинство в социал-демократической фракции рейхстага, выступали против революционной тактики партии, проповедовали оппортунизм и соглашательство. Против этого

направления, указывал Энгельс, «должна вестись решительная борьба» (см. настоящий том, стр. 217). В своих письмах Бебелю и редактору газеты «Sozialdemokrat» Бернштейну, который стоял в эти годы еще на марксистских позициях, а также в письмах социалистическим деятелям других стран Энгельс подвергал беспощадной критике политическую трусость, малодушие, ограниченность и неустойчивость лидеров правого крыла. Он рекомендовал зорко следить за этими «господами партийными литераторами», «образованными» (как он иронически называл их за высокомерное отношение к простым рабочим), оберегать широкие массы рабочих от их тлетворного влияния, разоблачать их трусливые выступления в рейхстаге и печати. Все помыслы этих лидеров сосредоточились, писал Энгельс, на том, чтобы «во что бы то ни стало выклянчить с помощью кротости и смирения, подлизывания и покорности отмену закона против социалистов», ибо этот закон лишил их постоянного литературного заработка (см. настоящий том, стр. 276). Энгельс указывал, что путем унизительного попрошайничества партии менее всего удастся избавиться от закона против социалистов, что он будет отменен только под давлением массового рабочего движения.

Энгельс и в условиях действия исключительного закона требовал от партии боевой тактики: бичевать всех тех, кто стремился заслужить похвалу врагов, «не извиваться и не изворачиваться под ударами противника», «не выть, не хныкать и не лепетать извинения», а «отвечать ударом на удар, на каждый удар врага — двумя, тремя ударами. Такова, — писал он, — издавна наша тактика» (см. настоящий том, стр. 356—357).

В борьбе с филистерскими элементами в партии Энгельс призывал германских социал-демократов смело опираться на широкие рабочие массы, не бояться выдвигать простых рабочих в депутаты рейхстага, больше привлекать рабочих корреспондентов к участию в газете «Sozialdemokrat». «Я никогда не скрывал, — писал Энгельс, — что, на мой взгляд, массы в Германии гораздо лучше, чем господа вожди» (см. настоящий том, стр. 216); вместо того чтобы вести массы, эти люди с самого начала «сами шли вперед только под нажимом масс» (см. настоящий том, стр. 228).

Письма Энгельса деятелям германской рабочей партии проникнуты глубокой верой в революционные возможности немецкого рабочего класса, широких масс немецких трудящихся. Малодушию «господ вождей» из правого крыла Энгельс противопоставлял свойственные немецким пролетариям «широту взглядов, энергию, юмор и упорство в борьбе» (см. настоящий том,

стр. 373). Он настойчиво советовал революционным лидерам партии решительно пресекать какие бы то ни было попытки искусственно привить рабочему классу — «этому здоровому — и в Германии единственному здоровому — классу старый наследственный яд филистерской ограниченности и филистерской дряблости» (см. там же).

Столкновение с оппортунистическими элементами, размежевание с ними по принципиальным и тактическим вопросам и неизбежный разрыв между правым и левым крылом в партии Маркс и Энгельс предсказывали уже сразу после введения исключительного закона, изложив свое мнение по этому вопросу в знаменитом «Циркулярном письме» Бебелю, Либкнехту, Бракке и др. от 17—18 сентября 1879 года (см. настоящее издание, т. 19, стр. 161—175, т. 34, стр. 308—323). Маркс и Энгельс считали такой разрыв в принципе желательным, ибо организационное размежевание с оппортунистами и их изоляция обеспечивали идейное единство и чистоту рядов партии. «... Путем разрыва мы добьемся ясности и освободимся от совершенно чуждых нам элементов», — писал Энгельс Бебелю 21 июня 1882 года (см. настоящий том, стр. 278). Однако в условиях исключительного закона Энгельс советовал без нужды не спешить с разрывом и не поддаваться провокациям тех, кто искусственно форсировал раскол, ибо в сложившейся обстановке он мог быть использован правыми для усиления своего влияния на рабочий класс. Задача состояла в том, чтобы, следуя принципам революционной тактики, проявлять в этих условиях максимум выдержки, осторожности и осмотрительности. Энгельс решительно осуждал ошибочную, авантюристическую тенденцию у некоторых членов партии — превратить ее в тайную организацию; он призывал к умелому сочетанию возможных легальных и нелегальных средств борьбы, к тесной связи с широкими массами. В то же время Маркс и Энгельс обещали революционным лидерам партии свою полную и безусловную поддержку в случае, если бы раскол был спровоцирован даже и в это тяжелое для партии время. Если правые элементы принудят партию к расколу раньше, писал Энгельс в упомянутом письме Бебелю, «если дело дойдет до столкновения с этими господами и левое крыло партии открыто выступит против них, то мы при всех обстоятельствах пойдем с вами, при этом действуя активно и с поднятым забралом» (см. настоящий том, стр. 279).

В переписке находит отражение высокая оценка Марксом и Энгельсом политической деятельности Августа Бебеля. Бебель «представлял собой исключительное явление в немецком (можно

сказать в «европейском») рабочем классе», — писал Маркс Энгельсу в письме от 16 сентября 1882 года. Столь же высокую характеристику Бебелю давал Энгельс, говоря о нем, как о талантливейшем из вождей германской рабочей партии, обладавшем «ясным умом, политической дальновидностью», необходимой энергией (см. письмо Энгельса Бернштейну от 25, 31 января 1882 года).

Ряд писем, публикуемых в томе, раскрывает огромную роль Маркса и Энгельса в идейном руководстве печатным органом партии — газетой «Sozialdemokrat». Они приветствуют каждое ее смелое выступление против оппортунистической позиции правых депутатов из социал-демократической фракции рейхстага, дают указания и советы для разоблачения реакционной, демагогической политики Бисмарка, его государственного лжесоциализма и показных «социальных мероприятий». Маркс и Энгельс советуют при этом больше опираться на конкретный материал о жестоком обращении с рабочими в прусских государственных рудниках (см. письмо Маркса Энгельсу от 8 декабря 1882 г. и ответ Энгельса Марксу от 8 декабря 1882 года). Основоположники марксизма разъясняют деятелям германской рабочей партии, что так называемые «социальные мероприятия» Бисмарка — введение покровительственных пошлин, огосударствление железных дорог и другие подобные меры — не имеют ничего общего с социализмом и вполне укладываются в рамки классовой политики буржуазного государства (см. настоящий том, стр. 140, 267—268). В письме редактору «Sozialdemokrat» от 13 сентября 1882 г. Энгельс излагает подробный план задуманной им, но, к сожалению, неосуществленной работы, в которой он намеревался выступить с разоблачением «государственного социализма» Бисмарка и имевших еще хождение вредных, антинаучных взглядов Лассаля, его незаслуженной славы в определенных кругах как самобытного теоретика. «... Мне придется все же, — писал Энгельс Бернштейну 22 сентября 1882 г., — положить конец иллюзии, будто Лассаль в экономической области (да и во всех других) был оригинальным мыслителем» (см. настоящий том, стр. 304).

Вместе с тем Маркс и Энгельс незамедлительно реагируют на каждый неправильный шаг редакции, на каждую ошибку, допущенную газетой, в частности ее главным редактором Берн-штейном. «Ты прав насчет того недомыслия, которое иногда позволяет себе Бернштейн», — пишет Энгельс Марксу 22 декабря 1882 г. (см. настоящий том, стр. 112). В ряде писем Энгельс предлагает редакции «Sozialdemokrat» не заострять внимания на тех вопросах, которые в условиях исключительного

закона партия не могла делать предметом открытой дискуссии. Так, Энгельс выступает категорически против проектируемой Бернштейном кампании за пересмотр программы, принятой на объединительном съезде в Готе в 1875 г., ибо это способствовало бы усилению раздоров в партии.

Публикуемые в томе письма являются также ценным источником по истории формирования и становления французской Рабочей партии. Они содержат богатейший материал об участии основоположников марксизма во французском рабочем движении, раскрывают их активную роль в политическом просвещении французской Рабочей партии, в идейном отмежевании ее от мелкобуржуазного социализма и оппортунизма.

В эти годы во французской Рабочей партии продолжалась ожесточенная борьба вокруг революционной марксистской программы, выработанной при участии Маркса и Энгельса. Борьба шла между марксистским (или, как его называли во Франции, — коллективистским) направлением, возглавлявшимся Жюлем Гедом и Полем Лафаргом, сторонники которых группировались вокруг газеты «Egalite», и оппортунистическим (поссибилистским) направлением во главе с Малоном и Бруссом.

Энгельс в своих письмах подробно разъяснял социалистам разных стран причины этой борьбы, подчеркивая ее сугубо принципиальный характер. Спор шел, указывал он, о диаметрально противоположном отношении к характеру борьбы и к политической программе партии: должна ли борьба вестись *как классовая борьба* пролетариата против буржуазии или же допустим оппортунистический отказ от классового характера движения и от революционной программы во всех тех случаях, когда благодаря этому отказу можно заполучить больше сторонников, следовательно, больше голосов на выборах. Высказавшись за последнее, поссибилисты тем самым «пожертвовали пролетарским, классовым характером движения» (см. настоящий том, стр. 319).

В борьбе двух направлений во французской Рабочей партии вожди международного пролетариата стояли всецело на стороне гедистов. Письма Маркса и Энгельса за рассматриваемый период проникнуты глубокой симпатией к гедистам как к честным и убежденным пролетарским революционерам. В самый разгар острой внутрипартийной борьбы между гедистами и поссибилистами Энгельс писал немецким социал-демократам от своего имени и от имени Маркса: «все наши симпатии, конечно, на стороне Геда и его друзей» (см. настоящий том, стр. 210).

Для более эффективной борьбы с французскими оппортунистами и воспитания рабочих в духе пролетарского интерна-

ционализма Энгельс стремится установить регулярную деловую связь между марксистским руководством германской и французской рабочих партий. В письме П. Лафаргу от 30 октября 1882 г. и Бернштейну от 2—3 ноября 1882 г. он настоятельно рекомендовал французским и немецким социалистам регулярно обмениваться их печатными партийными органами — газетами «Egalite» и «Sozialdemokrat». Он советовал также Лафаргу установить более тесный личный контакт с деятелями германской рабочей партии с тем, чтобы снабжать их достоверной информацией о положении дел во французской Рабочей партии. В то же время Энгельс сам систематически давал подробный критический анализ внутрипартийной борьбы во Франции в своих многочисленных письмах редактору «Sozialdemokrat». Он предостерегал редакцию газеты от слишком доверчивого отношения к «перепевам Малона» в отношении политики гедистов, осуждал тенденцию к поддержке политики и тактики поссибилистов, решительно протестовал против появления на страницах «Sozialdemokrat» статей, фальсифицирующих историю французской Рабочей партии, и тому подобного материала (см. письма Энгельса Бернштейну от 2—3 и 28 ноября 1882 г. и другие).

Оказывая всемерную поддержку гедистам своими советами и указаниями, Маркс и Энгельс вместе с тем строго критиковали грубые ошибки и промахи, которые Гед и его сторонники допускали, особенно в тактике. В ряде писем Энгельс отмечал, что эти ошибки временами делали для него и Маркса невозможным публичное выступление в защиту гедистов. Основоположники марксизма сурово и справедливо порицали Геда и Лафарга за отсутствие у них должной выдержки и терпения, за недостаточно продуманную, нередко носившую чересчур личный характер полемику со своими политическими противниками и т. д. (см. письма Энгельса Бебелю от 25 августа 1881 г., Каутскому от 27 августа 1881 г., И. Ф. Беккеру от 10 февраля 1882 г. и Бернштейну от 22 сентября 1882 г. и другие).

Резкому осуждению со стороны Маркса и Энгельса подвергалась проявленная гедистами склонность к доктринерству, к подражанию «догматизму ученых оракулов», к злоупотреблению ультрареволюционной фразеологией, которую Маркс, по его словам, всегда рассматривал как «пустозвонство» (см. письмо Маркса Лауре Лафарг от 14 декабря 1882 года). «Они слишком часто одержимы революционной фразой», — писал о гедистах Энгельс в письме Бернштейну от 20 октября 1882 года.

Полное организационное размежевание марксистов с поссибилистами в результате раскола в рядах французской Рабочей

партии на Сент-Этьеннском съезде в сентябре 1882 г. Маркс и Энгельс считали назревшим и необходимым. Их отношение к этому вопросу подробно изложено в публикуемых в томе письмах Энгельса Марксу от 23 ноября 1882 г., Энгельса Бернштейну от 20 октября 1882 г. и Бебелю от 28 октября 1882 года. «Во Франции произошел давно ожидаемый раскол», — сообщал Энгельс в упомянутом письме Бебелю. Энгельс подчеркивал, что ни он, ни Маркс никогда не заблуждались насчет политического лица вожаков поссибилистов и «никогда не питали иллюзий» относительно долговечности союза между марксистской группой Геда и оппортунистической кликой «мнимых социалистов» Малона и Брусса.

В письмах содержится уничтожающая критика поссибилистских вожаков и их сторонников, как клики прожженных политических карьеристов и интриганов. В целом ряде писем Маркс и Энгельс отмечают, что в борьбе против марксистского крыла в партии эти люди не гнушались прибегать к таким неблаговидным приемам, как тайные интриги, бесстыдный обман, ложь и клевета на своих политических противников, вплоть до апелляции к шовинистическому германофобству отсталых французских рабочих и обвинения гедистов в измене отечеству на том только основании, что они являлись сторонниками «немца-пруссака» Маркса.

В связи с критикой партии поссибилистов, образовавшейся после раскола, Энгельс формулирует ряд важных положений, являющихся ценным вкладом в учение основоположников научного коммунизма о пролетарской партии.

Поссибилисты, указывал Энгельс, по существу отреклись от марксистской партийной программы, лишив ее пролетарского классового характера и отказались от коммунистических идеалов, которые были одобрены в 1880 г. на Гаврском съезде партии. «... Слыхано ли что-нибудь подобное, — писал Энгельс, — партия без программы, партия, за расплывчатыми мотивировочными положениями которой... следует заключение о том, что каждая группа фабрикует свою собственную частную программу!» (см. настоящий том, стр. 337—338). Энгельс называл поэтому партию поссибилистов «мнимой» партией. «... Это вообще не партия, — писал он, — потому что у нее в действительности нет никакой программы» (см. настоящий том, стр. 311) и уж меньше всего эти люди, по словам Энгельса, составляли *«рабочую* партию». Ссылаясь на тот факт, что поссибилисты широко открыли двери буржуазным и мелкобуржуазным элементам, в том числе реформистски настроенным аполитичным синдикальным камерам (профессиональным союзам) и т. п.,

Энгельс подчеркивал, что при таком беспринципном отношении к членству в партии в действительности должна получиться партия, «стоящая за *сохранение* наемного труда, а не за его уничтожение» (см. настоящий том, стр. 337).

Выступая против проповеди единства любой ценой, Энгельс учил, что рабочая партия становится подлинно пролетарской классовой партией только в процессе острой идейной борьбы с оппортунистическими элементами. Он отмечал, что кажущаяся сила поссибилистов, на стороне которых после раскола оказалось временно большинство, была в действительности их слабостью. «Быть временно в меньшинстве — организационно — с правильной программой, — писал Энгельс, — все же лучше, чем иметь без программы большой, но при этом почти номинальный круг мнимых сторонников» (см. настоящий том, стр. 338). Ориентируя пролетарские партии на размежевание с оппортунистами, Маркс и Энгельс указывали им путь к достижению подлинного идейного и организационного единства рядов пролетариата.

В публикуемой переписке содержится оценка Марксом и Энгельсом состояния рабочего и зарождавшегося социалистического движения в Англии. 80-е годы открыли собой тот период в истории Англии, в течение которого она стала постепенно утрачивать свою былую промышленную монополию; но с другой стороны, в эти годы завершался двадцатилетний период наиболее интенсивных колониальных захватов Англии, обеспечивших ей колониальную монополию. Именно колониальная монополия, доставлявшая баснословные сверхприбыли английскому капитализму, являлась на этом этапе одной из главных причин засилия оппортунизма в английском рабочем движении, слабости революционного направления в нем, отсутствия в Англии массовой политической рабочей партии.

Великие вожди и учители пролетариата подвергают в своих письмах заслуженной критике соглашательские настроения привилегированных слоев английских рабочих и их реформистских вождей, полностью превратившихся к этому времени, по словам Энгельса, в придаток *«радикальной буржуазной партии»*. «Единственное, что их связывает, —писал Энгельс об этой категории рабочих, — это буржуазный радикализм, — ведь рабочей программы у них никакой нет. И рабочие вожди, которые берутся поставлять для радикалов это стадо рабочих избирателей, совершают, на мой взгляд, *прямое предательство»* (см. настоящий том, стр. 338). Письма Энгельса И. Ф. Беккеру от 10 февраля 1882 г., Зорге от 20 июня 1882 г. и другие, раскрывающие историю сотрудничества Энгельса в 1881 г. в тред-юнио-

нистской газете «Labour Standard», свидетельствуют о его попытке обратиться через головы реформистских вождей непосредственно к массе английских рабочих с пропагандой идей научного коммунизма и призывом к организации в Англии самостоятельной политической пролетарской партии.

В начале 1882 г. пролетарские вожди отмечают некоторые признаки оживления среди промышленных рабочих Англии и как следствие этого пробуждение в рядах радикальной английской интеллигенции интереса к социализму. Ряд писем Маркса и Энгельса, касающихся Англии, содержит критическую характеристику некоторых буржуазных демократов, в том числе одного из будущих лидеров английских социалистов — Гайндмана.

Не отказывая этим деятелям «в добрых намерениях», Маркс и Энгельс, однако, отмечали их полный отрыв от масс, их сектантскую тактику, видя в этом одну из причин отсутствия у них на данном этапе какого бы то ни было политического влияния. «Никто не идет за этими людишками, — писал Энгельс, — они поддерживают лишь друг друга. Они разделяются на разнообразные секты, к которым примыкает несектантское общедемократическое болото» (см. настоящий том, стр. 317). Маркс и Энгельс вскрыли политическую непоследовательность английских буржуазных демократов в их критике английского капитализма, особенно в критике колониальной политики Англии. Яркий материал в этом отношении содержит впервые публикуемое на русском языке письмо Маркса своей дочери Элеоноре Маркс от 9 января 1883 года. Касаясь выступления о Египте радикального члена парламента Джозефа Коуэна, бывшего чартиста, которого Энгельс называл «наполовину, если не целиком» коммунистом (см. письмо Энгельса Берн-штейну от 12 марта 1881 г.), Маркс замечал, что в вопросе о колониях даже и этот «лучший» из парламентариев вел себя как подлинный буржуа. Осуждая парламентский карьеризм, честолюбивое стремление к популярности со стороны таких деятелей, как Гайндман, претендовавших на роль вождей английского рабочего движения, классики марксизма вместе с тем отмечали их теоретическую незрелость, а также склонность к вульгаризации научного социализма. Характерны с этой точки зрения письма, раскрывающие взаимоотношения Маркса с Гайндманом: письмо Маркса Зорге от 15 декабря 1881 г., письмо Энгельса Гайндману от 31 марта 1882 г. и особенно впервые полностью публикуемое на русском языке письмо Маркса Гайндману от 2 июля 1881 года. Как видно из этого письма, решающей причиной разрыва Маркса с Гайндманом яви-

лась попытка последнего приспособить заимствованные из «Капитала» положения научного социализма к программе руководимой им полубуржуазной Демократической федерации, цели которой, по словам Маркса, не имели «ничего общего» с научными открытиями «Капитала» (см. настоящий том, стр. 166).

В письмах Маркса Энгельсу от 5 января 1882 г., Энгельса Женни Лонге от 24 февраля 1881 г., Бернштейну от 3 мая и 11 июля 1882 г. классики марксизма разоблачают колонизаторскую сущность политики либерального правительства Глад-стона в отношении Ирландии. С одной стороны, английские либералы, стремясь ослабить все возраставшее массовое движение ирландских крестьян-арендаторов, провели в 1881 г. так называемый Земельный акт для Ирландии, несколько ограничивавший произвол английских лендлордов, но, с другой стороны, они перед этим ввели в стране осадное положение, наводнив ее войсками и приостановив в ней действие конституционных гарантий. Характеризуя земельный билль 1881 г., как «чистейшее надувательство», Маркс высказывался за поддержку требования самоуправления для Ирландии с тем, чтобы дать возможность ирландцам самим разрешить земельную проблему в своей стране (см. письма Маркса к его дочери Женни Лонге от 11 и 29 апреля 1881 года).

В томе публикуется ряд писем, в которых нашли отражение взгляды классиков марксизма на национально-колониальный вопрос, их живейший интерес к положению зависимых и колониальных народов стран Восточной и Южной Азии и Африки. В письмах из Алжира, где Маркс находился на излечении в начале 1882 г., он клеймит позором систему и практику колониального угнетения местного населения этой французской колонии. С возмущением Маркс пишет о существовании в судебной практике французских колониальных властей в Алжире жестоких пыток, а также групповых казней неповинных людей. Сами же европейские колонисты, замечает Маркс, обыкновенно считают себя среди «низшей расы» абсолютно неприкосновенными, проявляя бессовестное высокомерие, спесивость и жестокость по отношению к коренному населению страны. В ряде писем Маркс с большой теплотой отзывается о народе Алжира, сумевшем сохранить, несмотря на вековое угнетение, большое чувство собственного достоинства и стремление к свободе. Маркс, однако, предсказывал, что порабощенные народы этой страны ничего не добьются «без революционного движения» (см. настоящий том, стр. 258).

Значительное внимание в письмах Маркса и Энгельса этих лет уделено египетскому вопросу, который возник в связи

с вооруженной агрессией и захватом Англией Египта в 1882 году. Маркс писал с возмущением: «... Может ли быть более бесстыдное и лицемерно-ханжеское «завоевание», чем завоевание Египта, — завоевание, когда царит глубокий мир!» (см. настоящий том, стр. 353).

В письме Даниельсону 19 февраля 1881 г. Маркс отмечает нарастающее недовольство населения Индии, которую нещадно грабили британские колонизаторы.

Важные высказывания содержит публикуемое в томе письмо Энгельса Каутскому от 12 сентября 1882 года. Энгельс рассматривает здесь позицию привилегированных английских рабочих в отношении колониальной политики, показывает значение колониальных сверхприбылей, используемых господствующими классами для подкупа верхушки рабочего класса метрополии. «Вы спрашиваете меня, — писал Энгельс, — что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще: то же самое, что думают о ней буржуа. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке» (см. настоящий том, стр. 297). Высказывая свою точку зрения об отношении победившего пролетариата к колониальным странам, которые могли достаться ему в наследство от буржуазного мира, Энгельс прежде всего ставил перед пролетариатом задачу — как можно быстрее привести эти страны к самостоятельности, предоставить им самим решать свою судьбу. «... Освобождающийся пролетариат, — писал Энгельс, — не может вести колониальных войн» (см. настоящий том, стр. 297); он «не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы» (см. настоящий том, стр. 298). Пророчески предсказывая возможность революции в Индии, Алжире, Египте и других странах, Энгельс выдвигает в этом письме важное теоретическое положение о том, что социалистические преобразования, которые пролетариат, завоевавший власть, будет осуществлять в европейских странах, неизбежно окажут огромное революционизирующее воздействие на колониальные и зависимые страны (см. там же).

Огромный научный и политический интерес представляют письма, раскрывающие связи основоположников марксизма с русскими революционными и общественными деятелями — П. Лавровым, Л. Гартманом, Н. Даниельсоном, Верой Засулич и другими. По просьбе Лаврова Маркс и Энгельс пишут в начале 1882 г. предисловие к предпринятому Плехановым второму

изданию «Манифеста Коммунистической партии» (см. письма Маркса Лаврову от 23 января 1882 г. и Энгельса Лаврову от 10 апреля 1882 года). 8 марта 1881 г. Маркс в письме к Вере Засулич высказывается о судьбах русской крестьянской общины, волновавших в то время умы многих русских революционеров. В противовес взглядам русских либералов, считавших необходимым уничтожение крестьянской общины для беспрепятственного развития капитализма в России, и в противовес взглядам народников, которые мечтали о том, что с помощью общины, минуя развитие крупной капиталистической промышленности, Россия прямо перейдет к социалистическому общественному строю, Маркс увязывал историческую роль русской крестьянской общины с перспективой народной революции в России, поддержанной пролетарской революцией на Западе. Он писал Вере Засулич, что русская община могла бы быть «точкой опоры социального возрождения России», но только при условии, если бы были устранены «тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон», иными словами, свергнуты самодержавие в России и капитализм на Западе. В публикуемом впервые письме своей дочери Лауре Лафарг от 14 декабря 1882 г. Маркс выражает глубокое удовлетворение быстрым распространением марксистской революционной теории в пределах царской России. «Нигде мой успех, — пишет он, — не мог бы быть для меня более приятен; он дает мне удовлетворение в том, что я наношу удар державе, которая наряду с Англией является подлинным оплотом старого общества» (см. настоящий том, стр. 342). В письме Женни Лонге от 11 апреля 1881 г. Маркс высоко отзывается о русских революционных народниках. «Это действительно дельные люди, — писал он, — без мелодраматической позы, простые, деловые, героические» (см. настоящий том, стр. 147). В ряде писем Энгельс высказывал мысль о том, что в России назревала революционная ситуация и что именно в ней должен был вступить «в бой» авангард европейской революции. В ожидании скорой революции в России Маркс советовал своим соратникам поддерживать и укреплять связи с вероятным центром будущей русской революции — Петербургом. В письме Лауре Лафарг от 13—14 апреля 1882 г. Маркс, рекомендуя Лафаргу не прерывать его работы в качестве корреспондента одного из русских журналов, писал: «Очень важно не потерять такой пункт, как Петербург; важность его будет ежедневно возрастать!» (см. настоящий том, стр. 256).

Прочитав на русском языке «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» Даниельсона, Маркс в письме

к нему от 19 февраля 1881 г. отмечает особенности развития сельского хозяйства в России, показывает зависимость сельского хозяйства от природных и климатических условий, подчеркивает необходимость внесения в почву минеральных удобрений.

Тяжелая болезнь Маркса, а также смерть жены и старшей дочери окончательно подорвали его силы: 14 марта 1883 г. Маркс скончался.

В связи со смертью Маркса Энгельс в телеграммах и письмах ближайшим друзьям и соратникам с огромной любовью говорит о Марксе как гениальном теоретике и вожде международного пролетариата. «Величайший ум второй половины нашего века перестал мыслить», — писал Энгельс Либкнехту 14 марта 1883 года. «... Этот гениальный ум перестал обогащать своей мощной мыслью пролетарское движение обоих полушарий. Ему мы обязаны всем тем, чем мы стали; и всем, чего теперь достигло современное движение, оно обязано его теоретической и практической деятельности; без него мы до сих пор блуждали бы еще в потемках» (см. настоящий том, стр. 383). Высказывая глубокую скорбь по поводу тяжелой утраты, которую понесли пролетарская партия и весь международный рабочий класс, Энгельс призывал соратников к мужеству и выражал горячую уверенность в конечной победе великого учения, созданного Марксом.

После смерти своего великого друга Энгельс с честью продолжал выполнять роль вождя и учителя пролетариата, приняв на себя всю огромную ответственность и титанический труд по воспитанию и руководству рабочего класса всех стран мира.

* * *

В настоящий том включено 32 письма Маркса и Энгельса, не входившие в состав первого издания Сочинений. Из них 17 писем уже были опубликованы в различных зарубежных изданиях, 2 письма — в советских изданиях, 13 писем вообще публикуются впервые по рукописям, хранящимся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Все эти письма существенно дополняют биографические сведения о Марксе и Энгельсе, содержат ценные мысли основоположников марксизма по различным вопросам теории и практики международного рабочего движения.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМА

ЯНВАРЬ 1881—МАРТ 1883

Часть первая

ПЕРЕПИСКА
МЕЖДУ К. МАРКСОМ и Ф. ЭНГЕЛЬСОМ

ИЮЛЬ 1881 — ЯНВАРЬ 1883

1881 год

1
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ИСТБОРН [1]

[Лондон], 7 июля 1881 г.
122, Regent's Park Road, N. W.*

Дорогой Мавр!

В предыдущем письме я совсем забыл написать о деньгах; присутствие Шорлеммера несколько ограничивает мою свободу передвижения. Ты можешь получить теперь от 100 до 120 ф. ст., и спрашивается только, желаешь ли ты получить их все сразу и сколько отослать вам и сколько оставить здесь. Когда получишь это письмо, решай *сразу,* чтобы *уже завтра* я получил ответ. *Шорлеммер* и Пумпс как раз завтра вечером идут в театр, а я остаюсь дома; я смогу тогда выписать чек на имя Ленхен и отнести его ей; твоя жена или ты можете решить, как поступить с деньгами.

Тусси и Д. Мейтленд обе играли очень хорошо; маленькая проявила очень много самообладания и выглядела на сцене очень мило. Тусси была очень хороша в страстных сценах, но было заметно, что она взяла себе за образец Эллен Терри, как Редфорд — Ирвинга, но от этого она скоро отвыкнет; если она хочет производить впечатление, она, безусловно, должна выработать собственную манеру игры, и она это, конечно, сделает.

Я слышал, что морской воздух до сих пор не оказал на твою жену ожидаемого действия; это иногда бывает в первое время;

будем надеяться, что это еще придет.

Пумпс отправляется в понедельник** с Шорлеммером в Манчестер отвезти назад маленькую Лидию. Я слышал, вы

* — 122, Риджентс-парк-род, Норд-Уэст (по этому адресу Энгельс жил в Лондоне с сентября 1870 по начало октября 1894 года). *Ред.*

** — 11 июля. *Ред.*

написали Тусси, чтобы она приехала к вам; в таком случае я, вероятно, приеду позже, когда вернется сюда Пумпс. Мы, должно быть, скоро отправимся в Бридлингтон Ки, а позднее, когда Шорлеммер вернется из Германии, — вместе с ним на Джерси; по крайней мере, таковы пока планы.

Сердечный привет от всех нас твоей жене и тебе.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

2
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН [2]

Аржантёй, 27 июля 1881 г.
11, Boulevard Thiers

Дорогой Энгельс!

Не могу сегодня писать подробнее, ибо мне надо отправить массу писем, а малыши* по праву завладели мной в первый день.

Путешествие от Лондона до Дувра протекало так хорошо, как только можно было ожидать; это значит, что моя жена, чувствовавшая себя очень неважно, когда мы отправились с Maitland Park**, не заметила никакого ухудшения в результате поездки. На пароходе она сейчас же отправилась в дамскую каюту, где нашла великолепный диван для лежания. Море было абсолютно спокойно при прекраснейшей погоде. В Кале она сошла на берег в лучшем состоянии, чем покинула Лондон, и решила ехать дальше. Единственными станциями, где согласно нашим билетам мы могли прервать наше путешествие в Париж, были Кале и Амьен. Этот последний пункт (около двух часов пути до Парижа) она сочла слишком близким, чтобы останавливаться. Между Амьеном и Креем она почувствовала приближение диареи, и боли внутри тоже стали сильнее. В Крее поезд стоит только три минуты, но все же ей удалось использовать это время. В Париже, куда мы прибыли вечером в половине восьмого, нас на вокзале встретил Лонге. Однако прямой поезд в Аржантёй отходил с этого вокзала слишком поздно, чтобы дожидаться его. А потому, после осмотра багажа

---

* — внуки Маркса: Жан, Анри, Эдгар и Марсель Лонге. *Ред.*

** — Мейтленд-парк-род, 41 (по этому адресу Маркс со своей семьей жил в Лондоне с марта 1875 г. до конца своей жизни). *Ред.*

таможенными чиновниками, мы отправились кебом на вокзал Сен-Лазар, откуда, после некоторого ожидания, — железной дорогой на место назначения, куда, впрочем, мы прибыли только около десяти часов. Ей было очень плохо, но сегодня утром (по крайней мере сейчас, около десяти часов) она чувствует себя лучше, чем это обыкновенно бывало в Лондоне в это же время. Во всяком случае, обратный путь надо будет проделать с более частыми остановками.

Лонге представит меня сегодня своему доктору*, так что в случае повторения диареи можно будет немедленно принять меры.

Мы нашли здесь всех в добром здравии. Только Джонни и Гарри немного простужены вследствие перемены температуры (страшно жаркие дни сильно изнурили всех детей и особенно Джонни). Помещение как *летнее помещение* великолепно, служило, очевидно, некогда в качестве такового какому-нибудь богачу.

Наилучшие пожелания Пумпс.

Твой ***Мавр***

Тусси, по-видимому, написала своему парижскому корреспонденту** о моем прибытии, так что, как рассказывает мне Лонге, оно стало уже секретом полишинеля. «Анархисты», говорит он, будут приписывать мне злостные намерения в связи с избирательной кампанией[3]. Клемансо сказал ему, что мне абсолютно нечего опасаться полиции.

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

3
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В АРЖАНТЁЙ

Бридлингтон Ки, Йоркшир,
29 июля 1881 г. 1, Sea View

Дорогой Мавр!

Я получил твое письмо вчера утром еще до нашего отъезда[4] и был очень рад узнать, что в дороге у вас все обошлось еще сравнительно хорошо. Но ты прав, намереваясь на обратном

* — Дурлену. *Ред.*
** — Карлу Гиршу. *Ред.*

пути делать остановки: слишком рискованно оставлять на ногах в течение двенадцати часов такую больную. Надеюсь только, что перемена воздуха и обстановки дадут желаемый результат.

Мы выехали в 10.30, прибыли сюда в 5.05 без моего чемодана, который где-то запропастился, но уже вечером нашелся. После приблизительно пятнадцатиминутных поисков мы нашли великолепное и не слишком дорогое жилье (два дома типа прошлогодних, но гораздо лучше во всех отношениях). Вчера шел небольшой дождь, но сегодня, кажется, постепенно проясняется. Чтобы быть обеспеченным на случай дождливой погоды, ставшей для нас снова привычной последнее время в Лондоне, я позавчера взял у Тусси Скалдина и два первых тома Маурера о господских дворах[5].

Мы думаем пока пробыть здесь три недели, может быть четыре, в зависимости от погоды и прочих обстоятельств. Чековая книжка со мной; если тебе что-нибудь нужно, не стесняйся и укажи приблизительно сумму, какая тебе нужна. Твоя жена ни в чем не должна себе отказывать; она должна иметь все, чего ей захочется или что, по вашему мнению, доставляет ей радость.

Тусси еще позавчера была у нас, и я отправился с ней, чтобы забрать книги и выпить с ней неизбежного пильзенского. Тут можно обойтись без немецкого пива. Горький эль в маленьком кафе у пристани превосходен и пенится, как немецкое пиво.

Напиши поскорее, как дела.

Сердечный привет от всех нас твоей жене и Женни. Пумпс велит особо кланяться Джонни, я присоединяюсь. Передай также привет Лонге.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

4
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В БРИДЛИНГТОН КИ

Аржантёй, 3 августа 1881 г.
11, Boulevard Thiers

Дорогой Фред!

Мне очень тяжело, что приходится так нажимать на тебя в финансовом отношении, но из за анархии, установившейся

в течение последних двух лет в нашем домашнем хозяйстве, возникли всевозможные долги; все это давно уже тяготит меня. 15-го сего месяца я должен уплатить в Лондоне 30 ф. ст., и это угнетало меня со дня нашего отъезда оттуда.

Когда мы вернемся, совершенно неясно. Мы переживаем здесь изо дня в день те же превратности, что и в Истборне[1], с той только разницей, что вдруг наступают ужасные боли, как, например, вчера. Наш доктор Дурлен, превосходный врач, к счастью живущий совсем близко от нас, сразу вмешался и применил одно из героических опиумных лекарств, которые Донкин сознательно держал в резерве. После этого она[*] провела ночь хорошо и сегодня чувствует себя так хорошо, что против обыкновения встала уже в 11 часов утра и развлекается в обществе Женни и детей[**]. (Диарея была остановлена на второй день после нашего приезда. Дурлен сказал с самого начала: если это всего лишь случайность, то ничего; но это может быть также симптомом того, что поражены внутренние органы. К счастью, это оказалось не так.)

Временные «улучшения», разумеется, не мешают естественному развитию болезни, но они вводят в заблуждение мою жену и укрепляют уверенность в Женни — несмотря на мои возражения — в том, что надо по возможности дольше оставаться в Аржантёе. Я знаю дело лучше и тем более опасаюсь. Вчера ночью я фактически в первый раз снова проспал сравнительно прилично. Так от всего я одурел, как словно б в голове кто жернов завертел[***]. Поэтому я до сих пор оставался исключительно в Аржантёе и не посещал Парижа, а также ни строчкой не поощрял никого из парижан посетить меня. Гирш уже высказал Лонге в редакции «Justice» вполне оправданное удивление по поводу этого «воздержания».

Вдобавок ко всему в течение последних пяти дней здесь разыгрывалась драма в стиле Коцебу.

У Женни была кухаркой очень живая молодая девушка из деревни, которой она была во всех отношениях довольна, так как та и с детьми обращалась очень ласково. От своей последней хозяйки, жены д-ра Рено (тоже врач в Аржантёе), она имела лишь «отрицательное» свидетельство, что оставила место *по своему желанию.* Старая мать Лонге, которая стремится, насколько это возможно, осуществлять диктатуру над Женни, отнюдь не удовлетворилась этим и сочла самым неотложным делом по собственному почину написать г-же Рено.

[*] — Женни Маркс. *Ред.*
[**] — Женни Лонге и ее детей: Жана, Анри, Эдгара и Марселя. *Ред.*
[***] *Гёте.* «Фауст», часть I, сцена четвертая («Кабинет Фауста»). *Ред.*

Мадам Рено — хорошенькая кокетка, а ее муж непроходимый дурак. В доме этой четы происходят, таким образом, вещи, о которых много судачат в Аржантёе. *Они не знали, что их бывшая прислуга снова нашла себе работу в этом же самом городе,* да еще у г-на Лонге, интимного друга д-ра Дурлена, чья жена является интимным недругом мадам Рено! Об этом следовало позаботиться.

И вот в одно прекрасное утро является мадам Рено — до того лично не знакомая с Женничкой, — рассказывает ей, что девушка имела нечистые дела с мужчинами (а мадам?), но, что хуже, она, кроме того, воровка, так как она украла у нее самой золотое кольцо; она уверяет Женни, что хочет уладить дело *en famille*[*], не прибегая к «властям» и т. д. Одним словом, Женничка вызывает девушку, мадам Рено уговаривает ее и в то же время угрожает, девушка сознается, возвращает ей кольцо... и *тогда* д-р Рено доносит на несчастную *мировому судье.* Развязка: вчера она отправлена в Версаль к судебному следователю! Ты знаешь, что в виде остатка римского права, где familia = servi[**], кодекс[***] передает суду присяжных те мелкие преступления, которые обыкновенно подлежат рассмотрению суда исправительной полиции.

Женни между тем предприняла все возможные шаги у мирового судьи, очень славного человека, но дело уже не зависело от него, поскольку на нее официально поступила жалоба. Все же девушке помогут показания Женни, которые он записал, а также приобщенные им к протоколу указания на юридически недопустимую процедуру, которую применила Рено.

Защита девушки со стороны Женни удивила мирового судью, но все же он отнесся ко всему весьма юмористически. Он спросил ее: «Но ведь вы не станете защищать воровство?» — «Конечно нет, мосьё, но начните с того, что арестуйте всех крупных воров Аржантёя и Парижа в придачу!»

Ближайший результат тот, что она осталась без кухарки. Глупая девушка из Лондона — сестра бывшей у нас раньше Карри — в этом отношении никуда не годится, кроме того, у нее достаточно хлопот с четырьмя детьми.

Кстати. Нордау — который занял место Гирша в «Vossische Zeitung» — получил французский орден! В связи с этим Гирш разоблачил его в *«Justice».* Последняя выступает с нападками на министерство, которое награждает орденом человека, клевещущего на Францию (Нордау — немецко-венгерский еврей,

[*] — *по-семейному. Ред.*
[**] — семья = рабы. *Ред.*
[***] — Code pénal (французский уголовный кодекс). *Ред.*

писал в защиту Бисмарка против книг Тиссо о «подлинной стране миллиардов»[6]), так же как и Блейхрёдера, который хотел наложить на прекрасную Францию десятимиллиардную, вместо пятимиллиардной, контрибуцию[7].

Осел Нордау, находящийся в настоящее время в Париже, ответил письмом в «Justice», в котором выставляет себя защитником Франции, но он был тут же разоблачен в «Justice» и на следующий день в «Republique Francaise».

Привет.

Твой ***Мавр***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

5

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ В АРЖАНТЁЙ

Бридлингтон Ки, Йоркшир,
6 августа 1881 г. 1, Sea View

Дорогой Мавр!

Твое письмо из-за конверта пришло сюда позавчера вечером почти открытым. На вчера была назначена прогулка на мыс Фламборо-Хед, так что я собрался ответить только сегодня.

По поводу жалких 30 ф. ст. не расстраивайся. Если не получу от тебя других распоряжений, то я *заблаговременно* пошлю чек на них Тусси, которой ты дашь нужные инструкции. Но если тебе нужно *больше,* дай мне знать, и тогда я выпишу чек на большую сумму. Я захватил с собой только несколько чековых бланков и должен обойтись ими.

Большое спасибо за сведения о больной*. На твоем месте я выдержал бы установленный Донкиным срок с возможной точностью, ваш тамошний врач** несомненно поможет тебе в этом. Если боли усилятся, то ведь они могут начаться и в пути и причинить большие страдания.

* — Женни Маркс. *Ред.*
** — Дурлен. *Ред.*

История с прислугой для нас, во всяком случае, представляется в более смешном виде, чем для бедной Женнички; какое счастье, что сейчас она имеет там по крайней мере Ленхен. Неизвестно, кому из французских буржуа мы должны удивляться больше: старой матери Лонге, которая под предлогом доставления Женни нравственной прислуги заботится о том, чтобы она постоянно оставалась без прислуги, или же честнейшей докторской жене[*], которая нарушает данное ею слово (без которого она ни за что не получила бы обратно своего кольца) в интересах общественной нравственности, как только кольцо было получено обратно.

Здесь все идет как обычно на морском курорте, довольно скучно; только, к сожалению, я должен прекратить купание, ибо оно всегда усиливает мою глухоту. Это для меня весьма прискорбно, но иначе нельзя, если я не хочу преждевременно оглохнуть подобно Олсопу. Я пишу сегодня Лауре и приглашаю ее приехать сюда на некоторое время. Она сможет тогда устроить так, что снова будет в Лондоне к моменту вашего возвращения или вскоре после этого.

Прилагаю письмо Гумперта, которое тебя поразит. Мне нечего говорить тебе, что речь идет о живущей в Манчестере сестре лондонской Берты Бёккер[**].

Факт награждения орденом Нордау действительно непонятен. Еще совсем недавно я читал очень одобрительный отзыв «Kolnische Zeitung» о его наглой книге «Из подлинной страны миллиардов»[8]. Сопоставление с Блейхрёдером, однако, верно постольку, поскольку и Нордау приходит к тому заключению, что из этой страны можно еще очень много выкачать. Это, конечно, намотают себе на ус голодающие прусские юнкеры.

У меня кончаются чернила, остается ровно столько, чтобы написать Лауре, а потому заканчиваю сердечным приветом вам всем.

Твой ***Ф. Э.***

Ты вполне прав, когда, несмотря на всех этих Гиршей и т. д., не уделяешь Парижу внимания больше, чем ты это считаешь нужным.

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса. 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] — Рено. *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 12—13. *Ред.*

6
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В БРИДЛИНГТОН КИ

[Аржантёй], 9 августа 1881 г.

Дорогой Фред!

Только что получил твое письмо. Посылаю это заказным; о вскрытии писем, говорит Лонге, не приходится думать; но заказные письма, в особенности в таких второстепенных пунктах, как Аржантёй, отправляются быстрее.

В субботу* мы возили мою жену в Париж, который она наблюдала из открытого экипажа; он ей очень понравился (на меня производит впечатление непрерывной ярмарки). Конечно, делали при этом несколько остановок и отдыхали на террасах перед кафе. Один раз на обратном пути ей стало нехорошо. тем не менее она снова хочет туда.

Состояние ее, как обычно, то невыносимо, то целыми часами лучше. При продолжающемся исхудании — усиление слабости. Вчера небольшое кровотечение, которое доктор** рассматривает как симптом слабости. Я сказал ему, что нам надо серьезно подумать о возвращении; он говорит, что можно еще несколько дней выждать, прежде чем принимать окончательное решение. Она сама меня подвела: я говорил ей об отъезде в конце этой недели, а она отдала в стирку массу белья, которое *не будет готово до начала следующей недели.* Я во всяком случае протелеграфирую тебе, когда мы выезжаем (если не будет времени заранее известить об этом просто письмом). Удивительно, что, хотя я чертовски мало сплю по ночам, а в течение дня имею немало забот и волнений, все говорят о моем хорошем виде, и это соответствует действительности.

Женничка сильно страдает астмой, так как в доме очень сквозит, но девочка держится, как всегда, героически.

В воскресенье я должен был показать Елене*** Париж, поэтому заранее написал Гиршу, и как раз вовремя. Он уже собирался *выезжать* (к большому сожалению Кауба и огорчению его жены) в Германию. Он хочет показать партийным руководителям в Германии, что нет ничего особенного, если подвергаешься полицейской опасности. Вчера он укатил.

* — 6 августа. *Ред.*
** — Дурлен. *Ред.*
*** — Демут. *Ред.*

Вчера к завтраку был здесь Жаклар со своей русской женой*, милая пара. Сегодня та же церемония: ожидаются Лиссагаре и жена нашего доктора (вместе с сестрой).

От Жаклара мы узнали, что он присутствовал на предвыборном собрании в Батиньоле[3], где в качестве кандидатов выступали: *Анри Маре,* наш *д-р Реньяр* и... *Пиа,* который вдруг, — *само собой разумеется, с полицейского разрешения* — неожиданно там появился. Пиа был жалко высмеян. Когда он заговорил о Коммуне, поднялся всеобщий крик: «Вы ее предали!». Не больше успех Реньяра. Чтобы показаться парадоксальным и глубоким, этот дурень начал с заявления: «Я против свободы!». Всеобщий крик. Ему не помогло последующее объяснение, что он имеет в виду «свободу конгрегации». Борец против мракобесия провалился, также и Анри Маре.

Возможно, что крайняя левая несколько увеличится в числе, но главным результатом, вероятно, будет победа Гамбетты. Короткий срок выборов при французских условиях дает перевес дельцам, имеющим в своих руках многочисленные «позиции», — тем, кто, очевидно, сможет раздавать места в правительственной машине и распоряжаться «государственной казной» и т. д. «Гревисты»** могли бы побить Гамбетту, если бы проявили энергию и после его последних провалов выбросили из кабинета его сторонников: Казо, Констана и Фарра. «Раз они этого не сделали, — говорят себе охотники за местами, биржевые спекулянты и т. д. и т. д., — значит, Гамбетта настоящий человек! Они не посмели атаковать его позиции, на них нельзя положиться». Ежедневные всеобщие нападки на него в радикальной и реакционной прессе только укрепляют его положение, несмотря на все его дурачества. К тому же крестьянин смотрит на Гамбетту как на nec plus ultra*** *возможного* республиканизма.

Одновременно с этим к Туссиньке идет письмо с необходимыми инструкциями. Мне понадобится еще немного денег, так как на этот раз путешествие обойдется дороже (доктор, кроме того, думает, что несколько дней в Булони, благодаря морскому воздуху, могут благотворно повлиять на больную), надо оплатить значительный счет доктора и некоторым образом возместить Женничке расходы, которыми мы ее обременили.

Итак, Гумперт обзаводится третьей (или второй) семьей. В добрый час! Для доктора этот шаг разумен. О г-же Бёккер

* — А. В. Корвин-Круковской. *Ред.*
** — сторонники Жюля Греви. *Ред.*
*** — самое крайнее выражение. *Ред.*

моя жена слышала в Манчестере с разных сторон лестные отзывы.

Привет.

Твой ***Мавр***

Бизли ставит себя во все более и более смешное положение. Вейлер должен был бы не допускать прославления Макса Гирша в «Labour Standard»[9].

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

7
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В АРЖАНТЁЙ

Бридлингтон Ки, Йоркшир,
11 августа 1881 г. 1, Sea View

Дорогой Мавр!

Твое заказное письмо получено вчера вечером, но тоже вскрытым, и на этот раз *совсем*. Прилагаю тебе конверт, чтобы ты видел, что он не был даже заклеен.

Только что послал Тусси *заказным* чек на 50 фунтов стерлингов. Если ты хочешь, чтобы из остающихся 20 ф. ст. (сверх 30, о которых ты писал) часть или все было послано в Париж, то Тусси может выполнить это скорее, чем ты смог бы реализовать посланный непосредственно тебе чек на Лондон. Перевод на Париж она легко может получить.

По поводу французских выборов я вполне согласен с тобой. Долго эта палата, впрочем, заседать не будет: как только будет проведена система выборов по спискам, она будет скоро опять распущена.

Вчера утром я известил г-на Шиптона*, что он больше не получит от меня передовых статей. Каутский прислал мне слабую вещь о международном фабричном законодательстве в плохом переводе, который я поправил и отослал Шиптону[10]. Вчера приходит корректура и письмо от Шиптона, которому

* См. настоящий том, стр. 170—171. *Ред.*

два места показались слишком «сильными» и одно из которых он к тому же неправильно понял; спрашивает, не согласен ли я смягчить их. Я сделал это и ответил:

1) что это значит, предлагать мне во вторник[*] (в среду письмо было здесь), чтобы я внес изменения, тогда как мой ответ может быть получен в Лондоне только в четверг, *после* выхода газеты[**]?

2) если это для него слишком сильно, то тем более должны будут ему показаться таковыми мои, значительно более сильные статьи; поэтому для нас обоих лучше, если я перестану писать;

3) мое время не позволяет дальше регулярно писать каждую неделю передовую статью, и я уже имел в виду заявить ему об этом *после* конгресса тред-юнионов (в сентябре)[11]. Но при данных обстоятельствах, пожалуй, его положение к этому конгрессу улучшится, если я прекращу писать уже теперь;

4) он был бесспорно обязан показать мне статью о Максе Гирше *до* напечатания[9]. Я не могу оставаться «в числе сотрудников газеты, занимающейся восхвалением тех немецких профессиональных союзов, которые можно сравнить только с самыми худшими английскими тред-юнионами, позволяющими руководить собой людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею». Впрочем, желаю ему всякого счастья и т. д. Письмо это он получил сегодня утром.

Самую главную причину я ему не сообщил: это то, что мои статьи не оказывают абсолютно никакого влияния на остальные материалы газеты и на публику. Если они сколько-нибудь влияют, то это проявляется в скрытой реакции со стороны тайных апостолов свободной торговли. Газета по-прежнему остается мешаниной всевозможных и невозможных фантазий, а в конкретной политике более или менее, и скорее более, склоняется к Гладстону. Отклик, который, казалось бы, появился в одном или двух номерах, снова заглох. Британский рабочий совсем не хочет идти дальше, его должны встряхнуть события, утрата промышленной монополии. En attendant, habeat sibi[***].

Сегодня уже две недели, как мы живем здесь, при переменчивой, большей частью холодной и часто пасмурной погоде; однако дождей было не так много. Мы остаемся здесь еще по меньшей мере одну, может быть две недели, но ни в коем случае не дольше.

С тех пор как я здесь, я читаю «Daily News» вместо «Standard». Эта газета еще глупее, если это вообще мыслимо: пропо-

[*] — 9 августа. *Ред.*
[**] — «Labour Standard». *Ред.*
[***] — А пока — так ему и надо. *Ред.*

веди против вивисекции! В отношении информации она столь же скудна, как и «Standard».

Увеселительная поездка Гирша[*] может для него плохо кончиться; но с ним ничего не поделаешь.

Сердечный привет всем.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

8

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В БРИДЛИНГТОН КИ

[Аржантёй], 16 августа 1881 г.

Дорогой Энгельс!

Завтра мы должны ехать, так как я получил письмо от мисс Мейтленд, что Тусси *очень больна,* не позволяет больше мисс Мейтленд ухаживать за ней, не обращается к доктору и т. д. Может быть, и даже вероятно, что Ленхен должна будет проводить маму[**] в Лондон, а я должен сейчас же (то есть завтра) ехать туда.

Твой ***К. М.***

Я тотчас же написал д-ру Донкину относительно Тусси, но возможно, что его уже нет в Лондоне.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

9

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ В ЛОНДОН

Бридлингтон Ки, Йоркшир, 17 августа 1881 г.
1, Sea View

Дорогой Мавр!

Только что получил твою телеграмму. Надеюсь, твоя жена хорошо перенесла путешествие, и заключаю это из того, что вы,

---

[*] См. настоящий том, стр. 11. *Ред.*

[**] — Женни Маркс. *Ред.*

по-видимому, прибыли ночным пароходом. Напиши мне несколько строк, как обстоят дела.

Относительно срока нашего отъезда мы сами ничего определенного не знали; ввиду различных обстоятельств мы не могли быть готовы к завтрашнему дню, когда заканчивается наша неделя. По получении твоей телеграммы мы договорились с пашей хозяйкой о плате за следующие полнедели и, если ничего не случится, вернемся в Лондон в понедельник* вечером. Погода почти все время пасмурная, переменчивая и холодная, со вчерашнего дня определенно дождливая, и Бридлингтон Ки при таких условиях поистине скучен.

Гамбетта в Шаронне освистан очень хорошо![12]

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

10

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Бридлингтон Ки, 18 августа 1881 г.
1, Sea View

Дорогой Мавр!

Только вчера вечером получил твое письмо из Аржантёя, объясняющее твой внезапный приезд. Надеюсь, нездоровье Тусси в действительности не серьезно, — она еще позавчера написала мне веселое письмо; как бы то ни было, надеюсь сегодня вечером или завтра утром иметь подробности, а также узнать, ехала ли твоя жена с тобой до Булони или Кале и не осталась ли она там.

Вчера, наконец, я набрался храбрости проштудировать без пособий твои математические рукописи и был рад убедиться, что не нуждаюсь в книгах. Прими по этому поводу мои комплименты. Вещь ясна, как солнце, так что, право, диву даешься,

* — 22 августа. *Ред.*

почему математики так упорно настаивают на том, чтобы окутывать ее тайной. Но это происходит из-за односторонности мышления этих господ. Решительно и без обиняков признать, что $\frac{dy}{dx}=\frac{0}{0}$ это не укладывается у них в черепе. И однако ясно, что $\frac{dy}{dx}$ лишь тогда может быть чистым выражением происходящего *с x* и *y* процесса, если исчезли даже последние следы *количеств x* и *y* осталось лишь выражение происходящего процесса их изменения без всякого количества.

Тебе нечего опасаться, что в этом тебя опередил какой-нибудь математик. Этот способ дифференцирования в самом деле много проще, чем все остальные, так что я только что сам применил его, чтобы вывести формулу, в данный момент ускользнувшую у меня из памяти, и затем проверил ее обычным путем. Этот способ заслуживает величайшего внимания, в особенности потому, что он ясно показывает, что обычный метод, при котором пренебрегают *dxdy* и т. д., *положительно неправилен.* Особенно великолепно при этом то, что только когда $\frac{dy}{dx}=\frac{0}{0}$ и *только тогда,* операция является математически абсолютно правильной.

Старик Гегель, таким образом, вполне правильно угадал, говоря, что дифференцирование в качестве основного условия требует, чтобы обе переменные имели различные степени и чтобы по меньшей мере *одна* из них была во второй или $^1/_2$-й степени[13]. Теперь мы уже знаем, почему.

Когда мы говорим, что в формуле *y = f(x)* — *x* и *y* являются переменными, то это, пока мы не идем дальше, является утверждением, не имеющим никаких дальнейших последствий, а *x* и *y* все еще остаются, pro tempore*, фактически постоянными величинами. Только тогда, когда они действительно изменяются, то есть изменяются *внутри функции,* они становятся на деле переменными, и только тогда может проявиться скрытое еще в первоначальном уравнении отношение не двух величин как таковых, а их изменяемости. Первоначальная производная $\frac{\Delta y}{\Delta x}$ показывает это отношение, каким оно является в ходе действительного изменения, то есть в каждом *данном* изменении; конечная производная $\frac{dy}{dx}$ показывает это отношение в его всеобщности, в чистом виде, и поэтому мы можем от $\frac{dy}{dx}$ прийти

* — пока что. *Ред.*

к какому угодно $\frac{\Delta y}{\Delta x}$, тогда как эта последняя формула всегда соответствует лишь отдельному случаю. Но чтобы от отдельного случая прийти к общему отношению, отдельный случай должен быть «снят» как таковой. Итак, после того, как функция проделала со всеми его последствиями процесс от x к x^1, можно спокойно дать x^1 превратиться опять в x; это уже не прежнее, лишь по названию переменное x, оно претерпело *действительное изменение,* и *результат* изменения остается, даже если мы снова его «снимем».

Наконец, здесь впервые становится ясным то, что многие математики давно уже утверждали, но в защиту чего они не могли привести рациональных доводов, а именно — что дифференциальное *частное* является первоначальным, а дифференциалы dx и dy — производны: самое выведение формулы требует того, чтобы оба так называемых иррациональных фактора составляли первоначально одну сторону уравнения, и только после того, как уравнение приведено к этой его первоначальной форме $\frac{dy}{dx} = f(x)$, с ним можно что-нибудь делать, устраняется иррациональное и на его место ставится его рациональное выражение.

Эта штука так меня захватила, что я не только весь день думал о ней, но и во сне: в прошлую ночь мне приснилось, что я дал одному парню свои запонки для дифференцирования, а он с ними удрал.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

11

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В БРИДЛИНГТОН КИ

[Лондон], 18 августа 1881 г.

Дорогой Фред!

Ты теперь, наверно, получил мои несколько строк, которые я написал тебе позавчера из Аржантёя, и из них узнал, что я

приехал сюда без моей жены (а не *с нею,* как ты, естественно, предполагаешь в своем письме).

Получив известие о плохом состоянии Тусси, я решил выехать по возможности в тот же день; а моя жена должна выехать с Еленой* *сегодня,* и притом первым классом, сначала в Амьен и там переночевать; затем через день в Булонь и там отдохнуть по крайней мере один день, а если ей захочется, то и два или три дня; оттуда в Фолкстон и в зависимости от ее состояния затем прямо в Лондон или же с любым следующим поездом (и последнее казалось мне наилучшим). Мне, разумеется, было тяжело оставить ее, но настоящей поддержкой для нее является Елена, мое собственное присутствие не было абсолютно необходимым. К тому же мой отъезд вынуждает ее решиться, наконец, расстаться с Аржантёем, что в конце концов было необходимо ввиду увеличивавшейся слабости.

Итак, во вторник** я покинул Париж в 7.45 вечера с экспрессом через Кале и прибыл в Лондон около 6 утра.

Я сейчас же телеграфировал д-ру Донкину, который действительно явился уже к 11 часам утра и долго исследовал Тусси. У нее состояние крайней нервной подавленности; уже несколько недель она почти ничего не ест, ест меньше, чем д-р Таннер во время своего опыта[14]. Донкин говорит, что налицо нет никакого органического заболевания, сердце здоровое, легкие здоровые и т. д.; причиной всего этого состояния является полное расстройство деятельности желудка, который отвык от пищи (дело ухудшается обильным потреблением чая; он *немедленно совершенно запретил* ей чай), и опасное переутомление нервной системы. Отсюда бессонница, невралгические судороги и т. д. Удивительно, что такой упадок сил не наступил еще раньше. Он сейчас же смело взялся за дело и — что очень важно для такой упрямицы — сказал ей: если она будет послушной пациенткой, то *никакой опасности не будет; но если она будет продолжать упрямиться, то все пропало* (в чем он действительно убежден). К счастью, она обещала слушаться, а она держит слово, раз обещает. После, говорит Донкин, ей надо уехать, чтобы развлечься.

Я ускорил свой отъезд еще и потому, что знал, что Донкин после 17 августа хочет уехать на Гебридские острова, чтобы провести там свой отпуск. Ради Тусси он остается здесь до субботы и оставит затем заместителя для наблюдения за Тусси и моей женой.

* — Демут. *Ред.*
** — 16 августа. *Ред.*

Последнее собрание избирателей, где г-н Гамбетта в самом помещении собрания узнал то, о чем во время первого бельвильского собрания узнал лишь от толпы вне зала[15], тоже состояло только из людей, которых пригласил его собственный комитет и которые оказались допущены только после двойной чистки, произведенной назначенными комитетом комиссарами. Тем серьезней скандал. Оба раза доминировал крик: *Галиффе!* Гамбетта, таким образом, получил урок, что в Париже приемы *итальянского* бесстыдства не так легко сходят с рук. Если бы Рошфор мог выступать публично и мог быть прямо выставлен как конкурирующий кандидат, то Гамбетта несомненно провалился бы. Рабочее население Бельвиля уменьшилось вследствие событий Коммуны приблизительно на 20000 человек, места которых большей частью заняли мелкие буржуа. При этом как оставшееся, так и новое население Бельвиля (обоих округов) является одним из наиболее отсталых; его идеалом, если он идет дальше Гамбетты, остается в лучшем случае Рошфор; оба были выбраны там депутатами в 1869 году.

Что касается состояния *рабочей партии* в Париже, то один человек, в этом отношении совершенно беспристрастный, а именно Лиссагаре, признался, что хотя она существует еще только в зародыше, но *она* лишь *одна* имеет какое-либо значение против буржуазных партий всех оттенков. Ее организация, хотя еще слабая и более или менее фиктивная, все же достаточно дисциплинирована, чтобы иметь возможность выставить во всех округах своих кандидатов, дать о себе знать на всех собраниях и причинять неприятность господам из официального мира. Я сам следил с этой точки зрения за парижскими газетами всех оттенков, и нет ни одной, которая не была бы раздражена против этого всеобщего бича — коллективистской рабочей партии[16].

О последних расколах среди вождей рабочей партии лучше расскажу тебе потом устно.

Сердечный привет Пумпс и миссис Рендстон.

Твой ***Мавр***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

12
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В БРИДЛИНГТОН КИ

[Лондон], 19 августа 1881 г.
11 с половиной часов вечера

Мама[*] и Елена[**] только что приехали через Фолкстон, они сделали остановку в Булони.

Я тебе не писал, что Лонге и маленький Гарри очень больны. Одни лишь несчастья в семье в данный момент.

Привет.

К. М.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с французского

[*] — Женни Маркс. *Ред.*
[**] — Демут. *Ред.*

1882 год

13
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Вентнор, 5 января 1882 г.
1, St. Boniface Gardens

Дорогой Фред!

Холод и дождь днем, шквальный ветер ночью — таков в общем характер погоды и климата, с которым мы сталкивались здесь вплоть до настоящего времени[17]. — Исключением явился лишь вчерашний день, когда ярко светило солнце и стояла сухая погода. — Судя по письмам, полученным Тусси, то же самое на всем южном побережье Англии; всюду разочарование довольно многочисленной выздоравливающей и пр. публики. Поживем — увидим. Может быть, погода изменится к лучшему.

Я ношу теперь также (когда требуется) «намордник», другими словами — респиратор; это делает меня менее зависимым во время необходимых прогулок от случайностей погоды.

Кашель или катар бронхов все еще упорный и тягостный, но улучшение, пожалуй, в том, что по ночам на несколько часов удается задремать без применения искусственных средств, и это несмотря на рев ветра и близость моря; напротив, этот шум помогает заснуть.

Мой спутник — Тусси — сильно мучается от нервного тика, бессонницы и пр. Однако я надеюсь, что частые прогулки на чистом воздухе — поскольку ей каждый день приходится ходить за чем-нибудь в «город» — подействуют на нее благотворно.

Меня весьма позабавило сообщение Либеральной ассоциации — не знаю уж, Бирмингема или другого города[18] — о том, что на праздновании какой-то годовщины выступят не только старый Брайт и знаменитый член приходского управления и знаток в области избирательных махинаций Чемберлен, но что его почтят своим присутствием также *«сын»*

старого Обадийи*, г-н Джон** Брайт младший, и несколько *«мисс» Кобден.* Не сказано, одну ли из «мисс» Кобден или всех их отдадут молодому Обадийе, чтобы наиболее подобающим и надежным способом увековечить род Брайтов — Кобденов. Другую картину представляет собой трехтысячный митинг лендлордов в Дублине под предводительством Аберкорна[19], единственная цель которых «сохранять в силе... контракты и *свободу в отношениях между людьми в этом королевстве».* Бешенство этих парней по поводу помощников комиссаров комично. Впрочем, они вполне правы в своей полемике против Гладстона; однако лишь его исключительные меры и его 50000 солдат[20], не говоря уже о полиции, позволяют этим господам выступать против него с такой критикой и с такими угрозами. Весь шум должен, естественно, лишь подготовить Джона Буля к уплате «компенсационных издержек». Поделом ему.

Из прилагаемого письма Дицгена ты увидишь, что несчастный «развился» вспять и благополучно «добрался» до «Феноменологии»***. Считаю этот случай неизлечимым.

Я получил еще очень любезное соболезнующее письмо от Рейнхардта в Париже, который, между прочим, просит также кланяться тебе. Он всегда питал особенную симпатию к моей подруге жизни****.

Хотелось бы снова быть работоспособным; к сожалению, до этого еще далеко.

Сердечный привет от Тусси.

Твой ***Мавр***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

14
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР

Лондон, 8 января 1882 г.

Дорогой Мавр!

Мы обрадовались, узнав, что ваше***** молчание ничем особенным не вызвано и что если даже при неблагоприятной погоде не приходится ждать серьезного улучшения твоего здоровья,

* Обадийя (Obadiah) —старое английское прозвище квакера (по имени легендарного древнееврейского пророка). *Ред.*

** В оригинале описка: Джейкоб. *Ред.*

*** *Г. В. Ф. Гегель.* «Феноменология духа». *Ред.*

**** — Женни Маркс. *Ред.*

***** — Маркса и Элеоноры Маркс. *Ред.*

то все же имеется то достижение, что почти полностью исчезла опасность рецидива, а это ведь была главная причина, почему тебя отправили в Вентнор.

Завтра кончаются здесь праздники, Шорлеммер отправляется назад в Манчестер, и снова начинается усердная работа; я рад этому, а то становилось уж чересчур. Во вторник у Ленхен, в пятницу у Пумпс, вчера у Лафаргов, сегодня у меня — и по утрам вечное пильзенское, — это не может вечно продолжаться. Ленхен была, и конечно, и теперь всегда бывает с нами, так что не очень чувствует свое одиночество.

Еще до получения этих строк ты, вероятно, насладишься великолепной прокламацией старого Вильгельма*, в которой он заявляет о своей солидарности с Бисмарком и утверждает, что все это — его свободное волеизъявление[21]. Недурное также место о существующей с незапамятных времен в Пруссии неприкосновенности личности короля. Особенно против дроби Нобилинга![22] Прекрасное утешение для Александра II и III, что их личность неприкосновенна! Когда читаешь подобную ерунду. кажется, впрочем, будто переживаешь пародию на времена Карла X.

В «Standard» опять помещена любопытная статья — письмо одного русского генерала об общем положении и нигилистах, совсем как писали и говорили прусские генералы в 1845 г. о демагогах[23], либералах, евреях, скверных французских принципах и вечной всеобщей верности королю со стороны здорового народного ядра, что, разумеется, ни на один день не задержало революции. Ты читал, как земства бунтуют против Игнатьева, отчасти в форме петиций, отчасти в форме прямого отказа собираться[24]. Это весьма серьезный шаг, первый со стороны официальных корпораций при Александре III.

Вам, как и нам, желаю лучшей погоды. Вчера было очень хорошо при норд-весте, от которого вы защищены. Шорлеммер и я шатались весь день и около половины первого проводили еще Ленхен от Лауры домой, проделав весь путь пешком. Сегодня гнусный дождь, тем не менее мы с Сэмом Муром, который вернулся сюда третьего дня, прогулялись с часок, воспользовавшись временным улучшением. Сейчас на улице опять сильный ветер. Как, собственно, здоровье Тусси? Приветы ей и тебе от нас всех.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Вильгельма I. *Ред.*

15
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Вентнор, 12 января 1882 г.
1, St. Boniface Gardens

Дорогой Энгельс!

Я останусь здесь в виде опыта еще на неделю (с сегодняшнего дня началась третья); до сих пор нет ни малейшего изменения погоды к лучшему, скорее обратное. Тусси отправляется в понедельник в Лондон из-за одного театрального представления, в котором она принимает участие, затем снова вернется сюда.

Покидая Лондон, я вынужден был из данных мне тобой 40 ф. ст. истратить что-то около 20 на неотложные нужды. Здесь квартира стоит мне 2 гинеи в неделю, а с углем и газом, не считая других экстренных расходов, около 2 ф. ст. 15 шиллингов; прочие расходы в течение недели — около 4 гиней. Так высоко ценятся климатические достоинства этой дыры. Вместе с расходами на поездку я издержал около 17 ф. ст., и у меня остается еще 5. Этого не хватит на последнюю неделю (считая дополнительную поездку Тусси в Лондон и наш вероятный общий отъезд на будущей неделе). Поэтому буду благодарен, если к следующему понедельнику ты найдешь возможным прислать мне несколько фунтов стерлингов.

Что же касается дальнейших планов, то надо прежде всего освободить Тусси от роли моей спутницы (вообще я обойдусь без спутника, если снова поеду). Дитя находится в подавленном состоянии духа, которое совершенно подтачивает ее здоровье. Ни путешествия, ни перемена климата, ни врачи ничем в данном случае не помогут. Единственное, что можно сделать для нее, это уступить ее желанию и позволить ей закончить свои уроки театрального искусства у г-жи Юнг. Она сгорает от желания начать тем самым, как она надеется, самостоятельную активную артистическую карьеру, и если на это согласиться, то она, во всяком случае, права, что в ее возрасте нельзя больше терять времени. Я ни за что на свете не хотел бы, чтобы дитя вообразило, будто ее приносят в жертву на семейный алтарь, превратив в «сиделку» при старике. В самом деле, я убежден, что pro nunc* только г-жа Юнг может быть врачом для нее. Она скрытная: то, что я говорю, основано на наблюдении, а не на ее

* — в настоящий момент. *Ред.*

собственных признаниях. Только что сказанное отнюдь не противоречит тому, что наиболее тревожные симптомы, которые особенно ужасны ночью, как рассказала мне мисс Мейтленд (она провела здесь два дня), носят характер истерии. Но и против этого нет пока другого средства, кроме деятельности, которая нравится ей и захватывает ее. У меня имеются некоторые соображения насчет ее «сердечных» дел, но это слишком деликатная тема, чтобы касаться ее в письме.

Я получил письмо от семьи Зорге, написанное стариком*, подписанное также г-жой Зорге и Зорге младшим**, в котором они предлагают мне начать новую жизнь, иначе говоря, поселиться у них в Нью-Йорке. Во всяком случае мысль не плохая!

В «Arbeiterstimme», где К. Шрамм обрушился на Карла Бюркли, ссылаясь на меня[25], Бюркли теперь обрушивается на Шрамма, доказывая ему, что все его ссылки не имеют никакого отношения к делу, поскольку я нигде не говорю о том роде денег, который предлагает он, Бюркли, а именно о «приносящих проценты ипотечных банковых квитанциях». Правда, Бюркли удивляется, что я нигде не упоминаю поляка Августа Цешковского («О кредите и обращении», Париж, 1839), хотя «суровый Прудон» в «Системе экономических противоречий» много, но почтительно полемизирует с Цешковским («первооткрывателем» банковых квитанций Бюркли). Этот Цешковский — граф, как замечает швейцарский уроженец Бюркли, и в придачу «доктор философии»***, «гегельянец»*** и даже *«земляк* Маркса», а именно как «депутат от Познани» в «прусском» Национальном собрании, — так вот этот граф и т. д. однажды действительно посетил меня в Париже (во времена «Deutsch-Franzosische Jahrbucher») и так меня извел, что я не захотел да и не смог прочесть абсолютно ничего из его мазни. Примечательно, что изобретатели «реальных» кредитных денег, призванных одновременно служить средством обращения, в противоположность тому, что они называют «персональными» кредитными деньгами (как современные банкноты), пытали счастье, но тщетно, уже во времена основания Английского банка в интересах и по поручению земельной аристократии. Во всяком случае, Бюркли сильно ошибается относительно «исторической» даты рождения вновь им самостоятельно открытой «идеи» Цешковского!

* — Фридрихом Адольфом Зорге. *Ред.*
** — Адольфом Зорге. *Ред.*
*** В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

Что меня поразило в первый момент в бисмарковском манифесте Вильгельма*, так это смешение прусского короля с германским императором! В качестве последнего этот молодец не имеет ведь даже никакого исторического прошлого, никаких гогенцоллернских традиций (в первом ряду которых теперь красуется путешествие — конституционно-познавательное путешествие «принца Прусского» в Англию![26]). То, что Бисмарк — хотя и нелепым образом — пошел с этой карты, прелестно после тошнотворных, преисполненных верноподданнической любви заверений Моммзенов, Рихтеров, Хенелей[27] и tutti quanti**. Надо надеяться, мы еще кое до чего доживем.

Твой ***К. М.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

16
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР

Лондон, 13 января 1882 г.

Дорогой Мавр!

Прежде всего прилагаю 20 ф. ст. в четырех банковых билетах по 5 фунтов: G/K 53969. 70. 71. 72. London, 7 октября 1881 года. Кроме того, я дал 10 ф. ст. Ленхен, чтобы она смогла уплатить налоги и чтобы у нее осталось немного денег на руках. Наконец, на следующей неделе я буду иметь более крупные суммы наличными, и тогда мы сможем при твоем возвращении составить дальнейшие планы.

Очень рад, что ты чувствуешь себя достаточно сильным, чтобы быть в состоянии в дальнейшем путешествовать одному.

Полемику Шрамма с Бюркли*** я частично пробежал и очень смеялся над ней. Цешковский еще до 1842 г. написал натурфилософскую ботаническую книгу**** и, если я не ошибаюсь, сотрудничал также в «Deutsche» или уже в «Hallische Jahrbucher»*****.

* См. настоящий том, стр. 24. *Ред.*
** — им подобных. *Ред.*
*** См. настоящий том, стр. 26. *Ред.*
**** По-видимому, имеется в виду книга А. Цешковского «Пролегомены к историософии». *Ред.*
***** — «Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst» и «Hallsche Jahrbucher fur deutsche Wissenschaft und Kunst». *Ред.*

Наши парижские друзья пожали теперь то, что они посеяли. Сбылось буквально все, что мы оба им предсказывали. Своим нетерпением они испортили себе превосходное положение, которое можно было использовать, как раз только проявив сдержанность и умение выжидать. Они, как школьники (с Лафаргом во главе), попали в ловушку, поставленную им Малоном и Бруссом, — которые совсем на манер старого Альянса[28] клевещут лишь намеками, никогда не называя публично имен и раскрывая эти намеки по секрету устно, — попали в нее, ответив открытым нападением с *указанием имен,* и теперь будут опорочены как нарушители мира. К тому же и полемика их наивна; это сразу обнаруживается, как только читаешь ответ противника. Гед, например, опускает существенные, важные места у Жофрена, потому что они ему неприятны, и *замалчивает* тот факт, что, несмотря на его оппозицию, Национальный комитет[29] постановил, что программа Жофрена *радикальнее,* чем программа-минимум[30]. Жофрен, следовательно, *имел полномочия* партии. На что Жофрен, естественно, с триумфом указывает Геду[31]. Лафарг же составляет свои статьи так, что Малон имеет возможность ответить ему: мы ничего другого не утверждали, как то, что борьба граждан средневековых коммун против феодального дворянства являлась *классовой борьбой,* — и вы это оспариваете, г-н Лафарг? А теперь приходят из Парижа одно за другим жалостные письма о том, что они безнадежно побиты и что их еще и физически побьют на ближайшем заседании Национального комитета; отчаяние Геда так же велико, как велика была месяц тому назад его самоуверенность, и он не видит другого спасения для меньшинства, кроме раскола. И *теперь,* когда они с изумлением замечают, что им приходится расхлебывать то, что они заварили, теперь они приходят к похвальному решению оставить все личные счеты в стороне!

Посылаю тебе один старый, но содержащий очень интересную статью о России номер «Kolnische Zeitung»[32].

Впрочем, изготовленная Малоном и Бруссом и подписанная Жофреном полемическая статья в «Prolеtaire» (против Геда) является прекрасным образцом бакунистской полемики и выдержана всецело в стиле Сонвильерского циркуляра[33], только грубее.

Итак, издан указ о понижении выкупных[*] платежей[34]. Много же будут значить несколько процентиков при колоссальных недоимках[*]! Но для русской казны имеет значение каждый недополученный миллион.

[*] В оригинале русское слово, написанное латинскими буквами. *Ред.*

Бисмарку, однако, везет больше, чем можно было ожидать: рейхстаг большинством в две трети голосов покрывает его паломничество в Каноссу![35] Но это и все, на чем может объединиться нынешний рейхстаг. Великолепное большинство: феодалы, ультрамонтаны, партикуляристы, поляки, датчане, эльзасцы, несколько прогрессистов[36], горе-демократы и социалисты!

Ad vocem* паломничества: сегодня утром встретился мне Фёрнивелл в синем, туго подпоясанном демисезонном пальто и широкополой шляпе, — он выглядел точь-в-точь как паломник на пути в святую землю в поисках бороды святого Антония.

Наилучшие приветы Тусси.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса. 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

17
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Вентнор], 15 января 1882 г.

Дорогой Фред!

Большое спасибо за 20 фунтов стерлингов.

Я решил уехать уже завтра, так как погода все более «охлаждается», что действует отнюдь не благотворно на опухшую щеку. Я теряю, таким образом, лишь два дня, а благодаря этому станет излишним приезд сюда и обратный отъезд Тусси.

Наши люди, несмотря на все предостережения, основательно влопались в Париже** (поделом Лафаргу и Геду); однако поскольку они имеют в своих руках две газеты***, они могут все же при известной ловкости удержать за собой поле сражения.

Большой победой не только непосредственно в Германии, но и в отношении заграницы вообще я считаю *признание* Бисмарка в рейхстаге, что немецкие рабочие «наплевали»-таки

* — По поводу. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 28. *Ред.*
*** — «Egalite» и «Citoyen». *Ред.*

на его государственный социализм[37]. Паршивая лондонская буржуазная пресса постоянно старалась доказать противоположное.

Я получил в высшей степени любезное письмо от старого Франкеля из «государственной тюрьмы», а также письмо от Врублевского, написанное, очевидно, по поручению его польской партии в Женеве[38]; однако в своем усердии он забыл подписаться не только от ее, но и от своего имени.

Если Жофрен, как рассказывается в полемической статье в «Prolеtaire»[39], *демонстративно выступил* в свое время *в защиту Геда* в Лондоне против тамошнего «Интернационала», то во всяком случае эта демонстрация была *так платонична,* что никто ничего не знал о ней, кроме самого Жофрена и разве что его ближайших товарищей, следовательно, она была осуществлена совершенно «приватно».

Привет.

Твой ***Мавр***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

18
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Марсель, 17 февраля 1882 г.
Hotel au petit Louvre, Rue de Cannebiеre

Дорогой Фред!

Тусси, наверно, послала тебе вчера несколько строк. Первоначально я хотел покинуть Париж лишь в будущий понедельник, но поскольку состояние моего здоровья отнюдь не улучшалось, я принял решение немедля поехать в Марсель, а оттуда сразу же, в субботу, отплыть в Алжир[40].

В Париже, в сопровождении моего Джонни, я посетил лишь одного смертного, а именно Меса. (В результате он — Меса — заставил меня много болтать, и, кроме того, я несколько поздно, около 7 часов вечера, вернулся в Аржантёй. Всю ночь провел без сна.) Я старался убедить Меса, чтобы друзья, в особенности Гед, соблаговолили *отложить* свидание *до моего возвращения*

из Алжира. Но все напрасно. В самом деле, как раз теперь на Геда так сильно нападают со всех сторон, что для него было важно иметь «официальную» встречу со мной. На такую уступку надо было все же пойти в интересах партии. Я назначил им поэтому свидание, на которое Гед и Девиль с Меса прибыли приблизительно после пяти часов пополудни в «Hotel de Lyon et de Mulhouse», 8 Boulevard Beaumarchais. Я их принял сначала внизу, в зале ресторана, где находились Тусси и Женничка, проводившие меня туда из Аржантёя (в среду после обеда). Гед был немного смущен присутствием Женнички, ибо он только что написал едкую статью против Лонге, хотя она (Женничка) не обратила никакого внимания на этот инцидент. Как только наши дамы удалились, я повел их сперва в мою комнату, где мы болтали около часа, затем вниз в ресторан (Меса, однако, воспользовался этим моментом, чтобы улизнуть), где они еще успели опустошить со мной бутылку бона. В семь часов они «улетучились». Ко всему прочему, хотя я уже в 9 часов вечера был в постели, до часу не прекращался дьявольский шум экипажей; в это время (приблизительно в час) у меня была рвота: я опять слишком много болтал.

Пока не проехали Лион, путешествие в Марсель проходило благополучно и при хорошей погоде. Первая задержка на $1^1/_2$ часа в Шассе из-за порчи локомотива; опять та же беда с машиной в Валансе, хотя на этот раз задержка была не столь продолжительной. Тем временем стало очень холодно и подул злой, резкий ветер. Вместо того чтобы прибыть [в Марсель] *незадолго до полуночи,* мы приехали лишь после 2 часов, ранним утром; несмотря на всякого рода одеяния, я все-таки несколько продрог и находил средство против этого только в «алкоголе», то и дело прибегая к нему. Последнее неприятное испытание было в последнюю четверть часа (или больше) на марсельском вокзале: со всех сторон открыто, холодный ветер, весьма длительная процедура с получением багажа.

Сегодня в Марселе солнечно, но ветер сам по себе еще не теплый. Д-р Дурлен посоветовал мне остановиться в вышеназванной гостинице, откуда я завтра (в субботу) в 5 часов дня отправляюсь в Алжир. Бюро «Пароходной конторы французских почтовых линий» помещается тут же, *в той самой гостинице,* где я поселился, так что я сейчас же купил здесь билет (за 80 франков в первом классе) на пароход «Саид»; багаж сдается здесь же, в гостинице; таким образом, все в высшей степени удобно.

Кстати. Я поймал здесь номер «Prol<u>e</u>taire» («L'<u>E</u>galit<u>e</u>» тут тоже продается). Лафарг, как мне кажется, все увеличивает

количество новых ненужных инцидентов, да и детали, быть может, далеки от истины. Что касается его характеристики *Фурье* как «коммуниста», то теперь, когда они[*] высмеивают его за это, ему приходится объяснять, *в каком смысле* он имел право называть Фурье «коммунистом». От подобных «смелых утверждений» можно отмахиваться, их можно «растолковывать» или «истолковывать»[**]; хуже всего то, что вообще приходится выпутываться из таких мелочей. Я нахожу, что он слишком много пророчествует.

Сердечный привет Лауре; я напишу ей из Алжира. В качестве покровителя достаточно одного человека. Лонге написал длинное письмо своему другу Ферме, который сумел подняться из положения бывшего ссыльного в Алжире (при Наполеоне III) до звания судьи по апелляционным делам в Алжире. О паспорте и тому подобном нет и речи. На билете пассажиров не вписывается ничего, кроме имени и фамилии.

Приветы также Ленхен и другим друзьям.

Прощай!

Старый Мавр

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

19

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В ЛОНДОН[***]

Алжир, 21 февраля 1882 г.
Hotel d'Orient

Дорогой Фред!

Марсель я покинул в субботу, 18 февраля, в 5 часов пополудни на «Саиде», отличном пароходе; переезд совершился быстро, так что уже в $3^1/_2$ часа утра в понедельник (20 февраля) я прибыл в Алжир[40]. Однако во время поездки по морю было

[*] — то есть редакция «Proletaire». *Ред.*
[**] Игра слов, основанная на созвучии глаголов: «weglegen» — «откладывать в сторону», «отмахнуться», «auslegen» — «растолковывать», «unterlegen» — «истолковывать». *Ред.*
[***] Письмо написано на почтовой открытке без подписи. *Ред.*

холодно, и, несмотря на весь комфорт судна, я провел две бессонных ночи из-за дьявольского шума машины, ветра и пр., беспокоивших меня в каюте.

Здесь мне опять уготовано mutatis mutandis[*] то же самое quid pro quo[**], что и на острове Уайт![17] А именно, на этот раз сезон в Алжире против обыкновения холодный и сырой, тогда как Ницца и Ментона, напротив, переманивают теперь у Алжира большую часть посетителей! Во всяком случае, у меня было некоторое предубеждение, и я несколько раз намекал на то, чтобы сперва начать с Ривьеры. По-видимому, такова уж судьба! Бравый судья[***] принял меня вчера самым приветливым образом; письмом Лонге он был предупрежден за день до моего прибытия; посетит меня сегодня, чтобы обсудить дальнейшие планы. Тогда напишу подробнее. Всем сердечные приветы. Письма во Францию и Англию идут не каждый день. Пиши мне на мое имя, добавив: через г-на Ферме, судью гражданского суда, № 37, Route Mustapha Superieur, Алжир.

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Фр. Энгельсу, эсквайру, 122, Regent's Park Road, *Londres,* N. W., Angleterre.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

20
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Алжир, 1 марта 1882 г.
Hotel «Pension Victoria», Mustapha Superieur, Boulevard Bon Acceuil
(Теперь можно адресовать письма прямо мне по вышеозначенному адресу)

Дорогой Фред!

Посланная тебе телеграмма должна была опередить открытку[****], ибо последняя могла вызвать ненужную тревогу. Факт тот, что благодаря нагромождению ряда мелких

---

[*] — с соответствующими изменениями. *Ред.*
[**] — смешение понятий, одно вместо другого. *Ред.*
[***] — Ферме. *Ред.*
[****] См. настоящий том, стр. 32—33. *Ред.*

неблагоприятных обстоятельств (включая поездку по морю) я, гонимый своим corpus delicti*, высадился в Алжире 20 февраля промерзшим до самых костей.

Декабрь в Алжире был отвратительным, в январе — благоприятная погода, февраль холодный, а также сравнительно дождливый. Я еще захватил три дня — 20, 21, 22 февраля — самые холодные в этом последнем из упомянутых месяцев. У меня бессонница, нет аппетита, сильный кашель, некоторая растерянность не без приступов временами prorunda melancolia**, подобно великому Дон-Кихоту. Итак, ехать сейчас же назад в Европу, не добившись результатов, напрасно израсходовав деньги, притом с перспективой снова провести две ночи в одной из кают, где голову терзает ужасный шум машины? Или же наверняка избавиться от *quid pro quo****, немедленно уехав в Бискру, совсем близко от пустыни Сахары? Учитывая, однако, соответствующие средства сообщения или передвижения, требующие семи-восьмидневного нового путешествия, это тяжело, да и по отзывам людей, знакомых с местными условиями, для человека, являющегося pro nunc**** инвалидом, — отнюдь не безопасно ввиду возможных случайностей по дороге в Бискру!

Так как термометр после полудня 22 февраля и без того предсказывал мне благоприятную погоду и еще в день моего приезда я вместе с добрым судьей Ферме подыскал гостиницу «Пансион Виктория», я покинул «Большую восточную гостиницу» (в которой *ночевал* также противный философствующий радикал Аштон Дилк; между прочим, в «Petit Colon» и других мелких газетах Алжира каждый англичанин — лорд, даже Брэдло фигурирует здесь как лорд Брэдло) и, взяв багаж, отправился *на один из холмов* вне укреплений, к востоку от города. Расположение здесь великолепное: перед моей комнатой — бухта Средиземного моря, алжирская гавань, виллы, амфитеатром поднимающиеся по холмам (у подножия холмов — лощины, выше — другие холмы); вдали — горы; отчетливо видны, между прочим, снежные вершины за Матифу — в горах Кабилии — самые высокие вершины Джурджура. (Все холмы, о которых говорилось выше, состоят из известняка.) — Нет ничего более волшебного, чем эта панорама, воздух, растительность в 8 часов утра — удивительная смесь Европы и Африки. Каждое утро, приблизительно с 10 или с 9 до 11, я прогули-

* — буквально: составом преступления; здесь в смысле: заболеванием. *Ред.*
** — глубокой меланхолии. *Ред.*
*** — смешения понятий, одного вместо другого. *Ред.*
**** — в настоящий момент. *Ред.*

ваюсь по лощинам и холмам, расположенным выше того, на котором я живу.

Несмотря на это, все время глотаешь пыль. Сперва, только с 23 по 26 февраля, произошла действительно великолепная перемена погоды (и все же я *настолько промерз,* что и в эти дни моя одежда *лишь тем отличается* от моей одежды на острове Уайт[17] и в городе Алжире, что на вилле я заменил носорожье пальто моим *легким* пальто, все остальное до сих пор осталось без изменений), но затем началась (и продлится теперь, начиная с 27 февраля, пожалуй, дней 9) так называемая *tempete*[*]*,* то есть буйный ветер без грома и молний, опасная и предательская погода, которой очень боятся даже местные уроженцы. Таким образом, до сих пор, в сущности, было только три настоящих хороших дня.

Между тем мой кашель с каждым днем становится все хуже, ужасно сильное выделение мокроты, мало сна, а главное, определенно скверное ощущение, будто мой *левый бок* раз и навсегда омертвел, и у меня в высшей степени подавленное состояние духа. Поэтому я пригласил д-ра Стефана (лучшего алжирского доктора). Имел две встречи с ним, вчера и сегодня. Что делать? Сейчас иду в Алжир заказать прописанные им лекарства; после того как он очень серьезно меня обследовал, он прописал: 1) кантаридальный коллодий[**] для «татуировки» с помощью кисточки; 2) мышьяковистый натр, растворенный в определенном количестве воды; одна столовая ложка его при каждом приеме пищи; 3) в случае надобности, особенно ночью при кашле, столовая ложка микстуры кодеина с камедистым успокоительным напитком. Через неделю он снова посетит меня; предписанные мне физические упражнения — проделывать, но строго ограничивать; никакой серьезной умственной работы, за исключением чтения, для того чтобы развлечься. Таким образом, на деле возвращение мое в Лондон нисколько не приблизилось (скорее несколько откладывается)! Отсюда вытекает, что никогда не следует тешить себя слишком радужными надеждами!

Пора кончать, ибо надо идти в Алжир в аптеку. Между прочим, ты знаешь, что мне более чем кому-либо чужд демонстративный пафос; однако было бы ложью не признаться, что мои мысли большей частью поглощены воспоминаниями о моей жене[***], которая неотделима от всего того, что было самого

[*] — буря, шторм. *Ред.*
[**] — нарывной пластырь, мушки. *Ред.*
[***] — Женни Маркс. *Ред.*

светлого в моей жизни. Скажи моим дочерям* в Лондоне, чтобы они написали Олд Нику**, вместо того чтобы ждать, пока он напишет первый.

Как подвигается у Пумпс важное дело с сотворением человека? Передай ей сердечный привет от меня.

Передай мой привет Елене***; также Муру, Шорлеммеру.

Ну, милый, старый дружище, остаюсь

Твой ***Мавр***

Кстати. Д-р Стефан, подобно моему дорогому д-ру Донкину, не забывает... коньяка!

Впервые опубликовано с сокращением в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

21
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН****

Алжир, 3 марта 1882 г.

Дорогой Фред!

Вчера получил твое письмо, датированное 25 февраля, вместе с вырезками из «Daily News» (O. H.***** траги*комическая* английская государственно-сердечная тайна). Надеюсь, что Тусси наконец перестанет легкомысленно относиться к своему здоровью и что мой Какаду******, сиречь Лаурочка, по-прежнему цветет, поскольку много занимается физическими упражнениями. Из Парижа я еще не получил никакого ответа. Tempete******* — таково здесь сакраментальное выражение — продолжается с 26 февраля, хотя все время с разными вариантами.

2 марта для меня, как и для всех сожителей, общий домашний арест на весь день; с раннего утра ливень с небес лондон-

* — Лауре Лафарг и Элеоноре Маркс. *Ред.*
** — Домовому (шутливое семейное прозвище К. Маркса). *Ред.*
*** — Демут. *Ред.*
**** Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*
***** — псевдоним Ольги Алексеевны Новиковой. *Ред.*
****** — шутливое прозвище Лауры по имени модного портного, персонажа старинного романа. *Ред.*
******* — Буря. *Ред.*

ского цвета — серее серого; но на этот раз впервые порывы ветра временами сопровождаются громом и молнией; в 4 часа дня опять лазурно-голубое небо, позднее — чудесный лунный вечер. Целый день непрестанные изменения температуры, то она падает, то подымается. Между тем я вновь начал наравне с другим лечением «татуировку»; немедленно в следующую же ночь наступило заметное улучшение. — *Сегодня утром,* 3 марта, начал день с «татуировки»; ветер меня не испугал, прогулку на целительном морском воздухе с девяти почти до четверти одиннадцатого нашел в высшей степени восхитительной; вернулся как раз перед возобновлением ураганного ветра. Через несколько минут меня позовут к завтраку, использую решающий момент, чтобы успеть послать тебе эти несколько строк.

Твой ***Мавр***

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Фр. Энгельсу, 122, Regent's Park Road, London, N. W., Angleterre.

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

22

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В ЛОНДОН*

[Алжир], четверг, 23 марта [1882 г.]

Дорогой Фред!

Мой ассистент** только что — после завтрака — вскрыл мне и т. д. многочисленные и сильно вздувшиеся водяные пузыри на груди, вызванные вчерашним втиранием; после этого надо проваляться еще один-два часа в постели; здесь я и нацарапал эти несколько строк на открытке, так как время не терпит; дело в том, что посыльный в виде исключения рано уходит из гостиницы в Алжир, чтобы сдать там на почту письма и пр. (По понедельникам и средам во Францию почта не отходит.)

* Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*

** — д-р Кастелаз. *Ред.*

Со вторника (21 марта) с обязательными перерывами днем и ночью — снова сильная буря, гром и изредка молния, ливень по вечерам, особенно ночью, *а сегодня и утром.* При приближении бури во вторник днем, возвещенной сильно потемневшим, грозным небом мрачно черного цвета, меня прежде всего поразило, что в этой буре играет роль подлинно африканский сирокко.

Вчера здесь был д-р Стефан; результат осмотра *удовлетворительный:* улучшение; грешит *еще одно* место на *самой нижней* части груди и соответственное место на спине. На следующей неделе (то есть приблизительно в среду или четверг на следующей неделе) мой ассистент не должен делать втираний в этих местах; Стефан оставляет это, следовательно, специально для себя.

Приветы всем.

Твой ***Мавр***

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

[Фр. Энгельсу, 122, Regent's Park Road, London. N. W., Angleterre.]

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

23
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Алжир], 28—31 марта 1882 г.

Дорогой Фред!

28 марта. Сегодня неприятная дождливая погода с самого раннего утра, — так закончил я коротенькое послание к Тусси. Однако после того как оно уже было отправлено, поднялась буря, на этот раз впервые основательно разыгравшаяся: не только вой ветра, ливень, гром, но в придачу и молния за молнией. Это продолжалось до глубокой ночи; как обычно, одновременно — резкое падение температуры. Интересна игра красок на волнах в красивой бухте, образующей почти правильный отрезок эллипса: белоснежный прибой, окаймленный морской водой, превратившейся из голубой в зеленую.

29 марта (среда). Неприятный упорный дождь, не менее неприятное завывание налетающего порывами ветра, холод и сырость.

Сегодня незадолго до завтрака (обычно его подают в одиннадцать с четвертью или же в половине двенадцатого) пришел д-р Стефан со специальной целью «посвятить себя» «татуировке» обнаруженных им самых нижних мест на спине и груди, «атаку» на которые он оставил за собой. Сперва, как и при каждом визите, тщательное освидетельствование; в большей части левой стороны значительное улучшение; в *самых нижних* местах, о которых я упоминал, слышен пока еще глухой шум вместо гельмгольцевских музыкальных тонов, эти места могут быть лишь постепенно снова приведены в порядок (и плохая погода препятствует более быстрому улучшению). Стефан заявил мне сегодня впервые, — очевидно потому, что считает меня достаточно оправившимся, чтобы говорить со мной без стеснения, — что рецидив болезни я привез с собой уже при приезде в Алжир, и притом в серьезнейшей форме. Только мушками можно предупредить эксудат. Дело обернулось, мол, лучше, чем он мог предполагать. Однако в течение целого ряда лет я должен буду соблюдать очень большую осторожность. Он даст мне с собой — при отъезде из Алжира — письменную консультацию, в частности, для моего лондонского врача[*]. Людям моего возраста ни в коем случае нельзя-де допускать частых повторений эксперимента с рецидивом этой болезни. Через несколько часов после завтрака вся разрисовка на моей коже стала ужасно чувствительной, у меня возникло такое ощущение, будто кожа стала слишком узка, и хотелось выскочить из нее; вся ночь напролет мучительная; чесаться мне было абсолютно запрещено.

30 марта. В 8 часов утра у моей постели появляется мой доктор-ассистент, мой помощник[**]. Оказалось, что вследствие непроизвольных движений лопнули все волдыри; за ночь произошло настоящее наводнение, промокли простыня, фланель, рубашка. Таким образом, «татуировка» оказала *на «атакованные» места надлежащее действие.* Мой любезный ассистент немедленно перевязал меня, с тем чтобы не только устранить трение о фланель, но и обеспечить в дальнейшем наиболее удобное впитывание воды. Сегодня *(31 марта)* утром г-н Кастелаз нашел, что выделение воды наконец завершается и подсыхание почти закончилось. В таком случае я, вероятно, смогу в течение

[*] — Донкина. *Ред.*
[**] — Кастелаз. *Ред.*

недели (начавшейся с 29 марта) предпринять вторую «татуировку». Тем лучше.

30 марта (вчера). К 12 часам дня погода стала теплой и приятной, поэтому я совершил прогулку по галерее; позднее немного поспал, в возмещение за тревожную ночь, что проделаю и сегодня, ибо как раз ночью из-за строгого запрещения чесать больные места не удается заснуть, если даже, как в ночь с 30 на 31-е, нет никаких болей.

Погода сегодня (31 марта) сомнительная; во всяком случае, дождя еще нет; может быть, как вчера, будет сравнительно «хорошо» около полудня; время это приближается.

Больше к бюллетеню о моем здоровье прибавить нечего; в общем все удовлетворительно.

Сегодня получил письмо от Туссиньки.

Кстати, недавно она послала мне прилагаемое при сем письмо; не могу разобрать подпись; тебе это удастся. Во всяком случае, странное явление: кведлинбургский адвокат с собственным мировоззрением! Одно мне неясно: послал ли этот человек предназначенный для меня экземпляр своей «книги» на Maitland Park[*] или же он сперва желает получить мой точный адрес, чтобы его книга наверняка дошла? В первом случае Тусси должна сообщить ему о получении его книги, во втором — послать ему мой «надежный» адрес.

Дорогой мой, тебе, как и другим членам семьи, бросятся в глаза ошибки в моей орфографии, в построении фраз, неправильная грамматика; при моей еще очень сильной рассеянности я всегда замечаю их только post festum[**]. Это показывает вам, что у меня еще многого не хватает для sana mens in sano corpore[***]. Мало-помалу починка, вероятно, скажется.

Только что позвонили к завтраку, и потому это письмецо должно быть готово для курьера в Алжир.

Итак, привет всем.

Твой ***Мавр***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса. 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] — то есть по лондонскому адресу Маркса. *Ред.*
[**] — буквально: после праздника; здесь в смысле: после, задним числом. *Ред.*
[***] — здорового духа в здоровом теле. *Ред.*

24
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН[*]

[Алжир], вторник, 4 апреля 1882 г.

Дорогой Фред!

Получил твою открытку; пришло также письмо Лаурочки от 29 марта.

Сердечно поздравляю Пумпс.

В общем, дело у меня подвигается хорошо; однако погода подшутила надо мной.

31 марта, в пятницу, днем — за несколько часов до этого я отослал тебе свое письмо[**] — визит Ферме; он, между прочим, сообщил мне доверенную ему одним алжирским метеорологом тайну: на следующей неделе сперва в течение трех дней будет свирепствовать сирокко, затем наступят три-четыре дождливых дня, но наконец придет во всей красе настоящая весна. А кто этому не верит, тот ошибается.

Между тем в субботу (1 апреля), как и в понедельник (3 апреля), *тепло* (немного «слишком»[***] *душно),* но ветер (это еще не сирокко), поднявший столб пыли, приковал меня к моей галерее; напротив, 2 апреля (воскресенье) такое прекрасное утро, что оно соблазнило меня совершить двухчасовую прогулку.

В минувшую ночь завывание ветра; *сегодня,* около 5 часов утра — дождь, с 8-ми сухая погода, небо облачное, не прекращающиеся порывы ветра. Вчера вечером чудесная картина — освещенная луной бухта. Я все еще не могу налюбоваться видом моря с моей галереи.

Сердечно кланяйся Джоллимейеру[****], а также и другим.

Твой ***Мавр***

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Фр. Энгельсу, 122, Regent's Park Road, London, N. W., (Angleterre).

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 38—40. *Ред.*
[***] В оригинале диалект: «sehre». *Ред.*
[****] Джоллимейер (Jollymeier) — шутливое прозвище Шорлеммера от английского слова «jolly» — «веселый», «подвыпивший» и немецкого слова «Meier» — «фермер». *Ред.*

25
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Алжир], 8 апреля* (суббота) 1882 г.

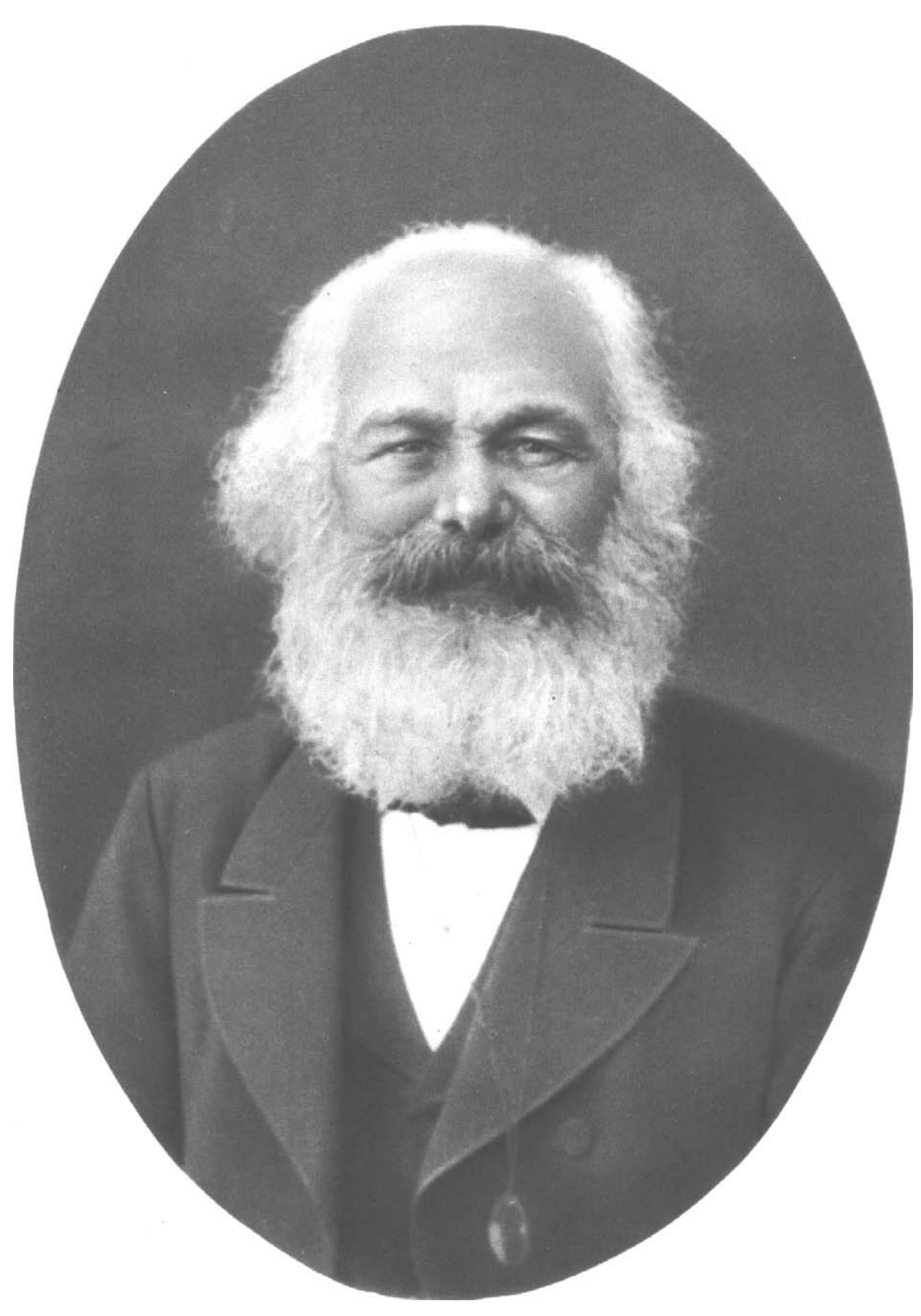
Дорогой Фред!

Вчера в 4 часа дня — осмотр д-ром Стефаном. Он был вполне удовлетворен, несмотря на то что переменчивость погоды то и дело вызывает новые простуды; нашел, что эксудат в нижней части (на левой стороне груди) почти совсем исчез; одно место на спине (слева внизу) еще не поддается лечению. Вчера он специально разделался с этим местом посредством «татуировки» кожи кантаридальным коллодием, в результате чего весьма сильные боли. Благодаря этому «размалевыванию» бессонная ночь (с 7 на 8 апреля*), но зато сегодня утром исключительно эффективное удаление воды из образовавшихся волдырей. Поэтому не сомневаюсь, что и данный камень преткновения теперь очень скоро поддастся. Моему доктору-ассистенту, г-ну Кастелазу, пришлось повозиться полчаса с моими зелеными арбузоподобными волдырями; затем я должен был пролежать в постели до завтрака в половине двенадцатого; дело в том, что после перевязки продолжается выделение по каплям оставшейся жидкости; удобнее всего при этом лежать.

Стефан нашел, что кашель, напротив, вследствие неприятной погоды несколько усилился (однако лишь *относительно,* так как перед тем он почти исчез); в течение четырех дней на этой неделе я смог воспользоваться *утренними часами* для прогулок; со вчерашнего полудня не перестает лить дождь; в течение ночи и сегодняшнего дня дождь принял «характер ливня»; была сделана слабая попытка протопить сегодня столовую, но здешние камины, кажется, существуют в действительности не для этой цели, а только напоказ.

После завтрака, в два часа дня, собрался было поспать, дабы несколько вознаградить себя за последнюю ночь, но, черт возьми, на этой и следующей неделе *судебные каникулы.* В результате мой план оказался нарушенным, впрочем, весьма любезным судьей Ферме, который оставил меня лишь около 5 часов пополудни, незадолго до ужина. Кстати, Ферме рассказал мне, между прочим, что в течение времени пока он работает мировым судьей, применяется (и это как «общее правило») особая форма *пытки* для вынуждения от арабов признаний; разумеется,

* В оригинале описка: «марта». *Ред.*

Карл Маркс
(1882 г.)

делает это «полиция» (как и у англичан в Индии); предполагается, что судья ничего не знает обо всем этом. С другой стороны, как он рассказывает, если, например, какой-нибудь шайкой арабов совершено убийство, большей частью в целях грабежа, и со временем действительные преступники опознаны, пойманы, осуждены и казнены, то такое искупление является недостаточным для потерпевшей семьи колонистов. В придачу она требует немного «поотрубать головы»* *по меньшей мере* у полдюжины *неповинных арабов.* Здесь, однако, оказывают сопротивление французские судьи, и именно *апелляционные суды,* в то время как кое-где *отдельно действующему,* изолированному судье колонисты в некоторых случаях угрожают смертью, если он на время (дальше не простирается его власть) не засадит в тюрьму дюжину ни в чем не повинных арабов по подозрению в убийстве, покушении на грабеж и пр. и не даст привлечь их к судебной ответственности. Однако мы знаем, что там, где поселяется или же только временно находится по делам среди «низшей расы» европейский колонист, он обыкновенно считает себя более неприкосновенным, чем красавец Вильгельм I**. И все же британцы и голландцы превосходят французов в бессовестном высокомерии, спесивости и жестоком служении Молоху по отношению к «низшим расам».

В то время как семейная миссия Пумпс является многообещающей, политическую миссию Гайндмана, наоборот, надо считать сомнительной. То, что твое письмецо*** досадило ему, это парню поделом, тем более что его нахальство по отношению ко мне было целиком рассчитано на то, что сам я не стану публично компрометировать его из «соображений пропаганды»[41]. Он действительно знал это.

Герой канкана Боденштедт и представитель дурно пахнущей эстетики Фридрих Фишер являются Горацием и Вергилием Вильгельма I[42].

Кстати. Статья о Скобелеве в *«Kolnische Zeitung»,* которую ты мне прислал, в высшей степени интересна.

Сегодня (в субботу) эта записка не может быть отправлена, так как в *понедельник, среду* и *субботу* вообще *нет* «рейсовых пароходов» на Марсель; зато *по воскресеньям* пароход в виде исключения отправляется из Алжира в *час дня,* и письма поэтому должны быть сданы на почту уже к *11* часам утра (в воскресенье). Гостиница «Виктория» в Алжире посылает по

* В оригинале здесь диалект: «ein bische zu «keppe»». *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 24. *Ред.*
*** См. настоящий том, стр. 248. *Ред.*

воскресеньям курьера с письмами уже *рано утром.* В остальные дни — к отправке парохода из Алжира в Марсель, они отправляются в $5^1/_2$ часов пополудни.

Но я хотел бы, чтобы эти строки ушли уже завтра, ибо последнее освидетельствование д-ра Стефана оказалось особенно благоприятным.

Сердечные приветы всем.

Твой ***Мавр***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

26
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Алжир], вторник, 18 апреля 1882 г.

Дорогой Фред!

Получил вчера твое письмо и письмо Тусси вместе с «царственной»* посылкой.

В своем последнем письме Лаурочке** я предсказывал наступление «двух прекраснейших дней»; но письмо еще не было закончено, как дал о себе знать сирокко (официальные бюллетени погоды, равно как и другие французские документы, пишут это слово то с одним *к,* то с двумя), и его шум послужил для меня увертюрой предсказанных «сильных атмосферических движений». Я признался Лауре, что устал от всего этого, по правде сказать, «устал от Африки» и решил повернуть спину Алжиру, как только д-р Стефан не будет больше «нуждаться во мне».

С 14 апреля (днем) до 17 апреля — порывы ветра, буря, ливни, солнечный зной, постоянные перемены погоды (почти ежечасно) от холода к жаре. Сегодня рано утром чудесная погода, но уже теперь, в 10 утра, ветер снова насвистывает

* Игра слов, основанная на сходстве написания прилагательных: «царственной» («kaiserlichen») и «кайзеровской» («kayserlichen»). Энгельс посылал Марксу деньги через банк А. Кайзера и К°. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 254—260. *Ред.*

свою самую угрюмую мелодию. — Метеорологическое бюро во вчерашнем бюллетене — скорее предсказании — обещает на 3—4 мая «сильное атмосферическое движение», в особенности же на 7—8 мая (дальше в будущее оно pro nunc* не заглядывает); но, кроме того, в первую неделю того же мая обещают так называемые «сейсмические движения» (эти «сейсмические» периодически вызываются будто бы скрытыми землетрясениями).

16-го (в воскресенье) пришел д-р Стефан; исследовал с выстукиванием, заявил: следов «плеврита» (речь идет о «рецидиве») больше нет; напротив, состоянием бронхов он-де менее доволен, чем при прошлом исследовании (тоже левая сторона). Несмотря на это, он с большой энергией проделал «татуировку» (все послеобеденные часы в воскресенье (16 апреля) и всю ночь до раннего утра в понедельник мне было чертовски тяжело и я имел возможность оценить его энергию!). — Д-р Стефан, впрочем, вполне согласился со мной, что бронхит неразрывно связан со здешней погодой; при таких обстоятельствах дальнейшее пребывание в Алжире оказало бы неблагоприятное действие. Он полагает, что можно будет отпустить меня с письменной консультацией в конце апреля, если не случится ничего непредвиденного, например блестящей перемены погоды здесь, или же, с другой стороны, что мало вероятно, ухудшения в состоянии моего здоровья. Тогда, следовательно, *на том же самом* «Саиде» и с тем же самым капитаном Масом (очень славный парень), которые привезли меня в Алжир, я был бы доставлен назад в Марсель *2 мая,* откуда направился бы искать счастья в Каннах, Ницце или Ментоне. Поэтому не посылайте мне из Лондона ни писем, ни газет, *разве что это будет сделано сразу же после получения этих строк.* Если же за это время произойдет какое-нибудь изменение в принятом решении, я вам сейчас же напишу отсюда.

Боюсь, что *«железный»* прибудет в Алжир, когда не только *я,* но и семья Кастелаз покинет Африку; все приготовляются к бегству. Ты должен извинить малосодержательность этого послания. Ночь с 16-го на 17-е апреля я провел без сна благодаря энергии, с какой делалась «татуировка»; с 17-го на 18-е апреля никаких болей, потому что вчера, в 7 часов утра, доктор-ассистент** уже сделал свое дело. Но зуд при образовании новой кожи заставляет меня и вторую ночь провести без сна. Так как сегодня, сверх того, я весьма рано насладился утренней

* — в настоящий момент, пока. *Ред.*
** — Кастелаз. *Ред.*

прогулкой (и притом в течение двух часов), то uw begriyp* (уж не помню, как это пишут голландцы, но *и begreip!** — черт знает, как много приходится им иметь дело с этим «Begriff»** — все еще слышится мне со времени визита в Залтбоммел[43] из уст теперь разведенной жены пастора Ротхауса, которую заместила моя кузина***), — одним словом, ты понимаешь, что я должен лечь спать и вознаградить себя за бессонные ночи. В самом деле, спи, «чего ж тебе больше желать»****. Только сперва я должен упомянуть о злой шутке, какую сыграли французские власти с одним бедным разбойником, бедным, неоднократно совершавшим преступления профессиональным убийцей-арабом. Лишь под самый конец, когда наступил момент «отправить» бедного грешника «к праотцам», как говорят презренные кокни*****, он узнаёт, что будет не расстрелян, а гильотинирован! *Это против уговора!* Вопреки обещанию! Несмотря на уговор, он был гильотинирован. Но это еще не все. Его родственники надеялись, как это делалось до сих пор с разрешения французов, получить тело и голову, чтобы пришить последнюю к первому и затем похоронить «целое». Quod non!****** Вой, проклятия и неистовство; французские власти наотрез отказывают в этом, и это впервые! И вот явится туловище в рай, и спросит Мухаммед: где потеряло ты свою голову? Или: почему голова лишилась туловища? Ты не достоин рая! Проваливай к христианским собакам! А потому родственники горько плачут.

Твой ***старый Мавр***

При более близком знакомстве — я раньше об этом не спрашивал — Стефан сказал мне, что хотя он совсем не знает немецкого, но он сын немца. Отец его из Пфальца (Ландау) переселился в Алжир.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — вы понимаете. *Ред.*
** — «понятием». *Ред.*
*** — Антуанетта (Наннетта) Филипс. *Ред.*
**** *Г. Гейне.* Стихотворение из цикла «Опять на родине». *Ред.*
***** — лондонские обыватели (в тексте употреблено английское выражение «to launch into eternity»). *Ред.*
****** — не тут-то было. *Ред.*

27
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Алжир], пятница, 28 апреля 1882 г.

Дорогой Фред!

Получил твое письмо и «Kolnische Zeitung».

Этими строками хочу только сообщить, что 2 мая (во вторник) я покидаю Алжир на том же самом «Саиде» и с тем же самым «капитаном г-ном Масом, морским лейтенантом», которые доставили меня в Алжир. В прошлую среду я посетил французскую эскадру из шести броненосцев; разумеется, я осмотрел адмиральское судно «Ле Кольбер», где один унтерофицер, красивый и интеллигентный парень, мне все подробно показал и продемонстрировал. При расставании он сказал мне в истинно французском духе, что эта скучная служба ему надоела и он-де надеется скоро получить отставку. Я и мои спутники (три сожителя по гостинице «Виктория») получили разрешение посетить корабль лишь по окончании «службы». Катаясь взад и вперед, мы, таким образом, наблюдали с лодочки, или иначе — ялика, маневры адмиральского корабля и пяти других броненосцев. Завтра днем «бал» на «Кольбере»; я мог бы через Ферме тоже получить пригласительный билет, но некогда. Дело в том, что во вторник (25 апреля) было последнее освидетельствование Стефаном; «татуировка» коллодием закончена; quo ad* рецидива плеврита, то я получил полное отпущение грехов, тем не менее завтра (в субботу) в 3 часа дня иду к нему, чтобы получить его письменную консультацию и распроститься с ним. Погода теперь временами жаркая, но фактически всю неделю (также и сегодня) продолжался ураган, исполнявший бурный танец сирокко (ночью непрерывный ураганный ветер, днем часто налетающие шквалы). Вот причина того, почему мой кашель до сих пор не смягчается; а потому бегство из Алжира своевременно.

Сердечные приветы всем.

Твой ***старый Мавр***

Кстати, солнце заставило меня избавиться от бороды пророка и «парика», но (так как мои дочери предпочитают мой прежний вид) я сфотографировался, раньше чем принести свои волосы в жертву на алтарь алжирского цирюльника. Фотографии

---

* — что касается. *Ред.*

получу в следующее воскресенье (30 апреля). Вышлю вам экземпляры из Марселя. Вы убедитесь, что, принимая во внимание продолжавшееся целых два месяца размалевывание коллодием (пишу в стиле Людвига Баварского[44]), — причем у меня не было в сущности ни одного полностью спокойного дня, — я еще сделал хорошую мину при плохой игре.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается т рукописи

Перевод с немецкого

28
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Монте-Карло, 8 мая 1882 г.
Гостиница «Россия»

Дорогой Фред!

Уже за 2—3 недели до отъезда из Алжира[45] (в начале мая) метеорологическая станция предсказывала бурю на море. И действительно, в течение последних дней моего пребывания в Африке беспрерывно бушевал сирокко, сопровождавшийся сильной жарой. Жаркую погоду, однако, портили порывы ветра, столбы пыли и внезапные, хотя временами быстро проходящие, неожиданные охлаждения температуры. Мой катар бронхов усилился за это время и все еще не вполне ликвидирован. Из-за шторма на море (в ночь с 4 на 5 мая) в каюте тоже чувствовался сквозняк; в Марсель я прибыл при сильном дожде (утром 5 мая), и дождь продолжался до самой Ниццы. В Монте-Карло я тоже привез с собой *один дождливый день* (вчера); сегодня великолепная погода. Как видишь, я последователен, ибо до моего приезда месяцами не было дождей ни в Ницце, ни в Монте-Карло. Но на этот раз дождь только подразнил; ничего серьезного, не то что в Алжире.

В Ницце, где я оставался 5-го и 6-го, я скоро почувствовал, что ветер там капризен и на неизменно ровную температуру рассчитывать не приходится. Сегодня мой кратковременный опыт подтвердил и д-р Делашо, врач-хирург (проживающий в Интерлакене), который остановился здесь в той же гостинице, что и я. Путешествуя во время каникул, он посетил Ниццу, ее окрестности и вообще наиболее известные места Ривьеры,

имея в виду также и деловые соображения: он хотел выяснить, какие места можно рекомендовать в качестве наилучших для больных, страдающих легочными болезнями, хроническим катаром бронхов и т. д. Он высказался решительно против Ниццы и отдал предпочтение Монте-Карло даже перед Ментоной. Д-р Делашо еще сегодня возвращается к себе на родину, в Швейцарию.

О восхитительной красоте здешней природы ты хорошо осведомлен из собственных наблюдений[46], либо из напечатанного и зарисованного. Многими чертами она живо напоминает мне африканскую природу.

Что касается «теплого сухого воздуха», то таковой в общем скоро должен быть везде. Пятна на солнце предсказывают сильное действие лучей, и во Франции опасаются засухи.

Для очистки совести я завтра проконсультируюсь здесь с немецким д-ром Кунеманом. При мне письменная консультация д-ра Стефана (только из его визитной карточки я узнал, что Стефан является также *сверхштатным профессором медицинского института* в Алжире), что избавляет меня от дальнейшей болтовни. — Лишь только д-р Стефан заявил, что плеврит прекратился, я немедленно начал согласно его (Стефана) указанию втирания тинктуры иода на самой верхней части (с левой стороны) груди и спины. С момента посадки на пароход и до сегодняшнего дня я прервал эту операцию, которую к тому же лишь «с трудом» удается собственноручно выполнять на собственной спине, хотя д-р Делашо советовал мне попытаться проделывать это с помощью зеркала. Поживем — увидим; во всяком случае я хочу сперва поговорить с д-ром Кунеманом. Намереваюсь возможно больше бродить на свежем воздухе.

В казино Монте-Карло в читальном зале имеются почти все французские и итальянские газеты; недурно представлены немецкие газеты, очень мало английских. Из *«Petit Marseillals»* от сегодняшнего числа я узнал об «убийстве лорда Кавендиша и г-на Бёрка»[47]. Напротив, здешнюю публику, например компаньонов по табльдоту в гостинице «Россия», гораздо больше интересует, что делается в игорных залах казино (на столах с рулеткой и trente-et-quarante*). Особенно позабавил меня один сын Великобритании, крайне угрюмый, брюзгливый, желчный, и по какой причине? Потому что он проиграл несколько золотых монет, тогда как был абсолютно уверен, что он их «прикарманит». Он не понял, что фортуну нельзя «укротить» даже с помощью британской грубости.

* — «тридцать и сорок» (название одной из азартных игр). *Ред.*

Надо заканчивать эти строки, так как письма отсюда приходится сперва отправлять с посыльным на почту в Монако.

Сердечные приветы всем.

Твой ***Мавр***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

29
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Личное

Монте-Карло (Монако), 20 мая 1882 г.
Гостиница «Россия»

Дорогой Фред!

Написанное здесь не стоит показывать детям, так как это напрасно испугало бы их. Однако я должен кому-нибудь сообщить наконец о своих последних испытаниях.

В последнем письме (не помню точно, тебе ли непосредственно, или Тусси, или Лауре) я писал, что подробности сообщу тебе после свидания с д-ром Кунеманом*. Свидание состоялось 8 мая; он — эльзасец, с широкими научными (медицинскими) знаниями; например, еще до получения твоего письма сообщил мне относительно открытия д-ра Коха о бацилле. Человек с большой практикой; в возрасте не менее 52—54 лет, ибо в 1848 г. он был студентом в Страсбургском университете; как политик, он видит в газете «Temps» орган, соответствующий своему темпераменту; наука-де убедила его, что все движется вперед лишь «медленно»; никакой революционной поспешности — иначе она вынуждает потом отступать почти столько же «назад» (как, например, в эхтернахской процессии[48]); первое условие — воспитание массы и «не-массы» и т. п. Одним словом, в политическом отношении — республиканец-филистер; все это упоминаю здесь, чтобы объяснить, почему я не пустился в разговоры с ним на эту тему, ограничившись «макиавеллистской» политикой Карла III, самодержавного тирана Монако. Он считает меня участником событий 1848 г., а о дальнейшей моей общественной деятельности, кроме

* См. настоящий том, стр. 49. *Ред.*

этой даты, я не дал ему никаких сведений. Но к делу. Первоначально, судя по моей *визитной карточке* (где значится: доктор), которую я передал ему через его горничную, он решил, что я доктор медицины, в чем его еще больше убедила переданная ему мной *карточка, д-ра Стефана,* а также *моего нового знакомого доктора** из Интерлакена, кроме того, — карточка д-ра Донкина, о котором я упомянул как о друге моего друга, профессора Рея Ланкестера, ибо Кунеман хотел знать, кто лечил меня в Лондоне и пр. Затем я дал ему для прочтения письменную консультацию Стефана.

Итак, считая меня самого доктором медицины — коллегой либо в теории, либо на практике, — он выложил все начистоту, после того как выслушал и выстукал меня. И к моему ужасу — *снова плеврит,* хотя и в менее сильной степени и *лишь в одном месте слева на спине;* бронхит, напротив, более или менее — *хронический!* Кунеман надеялся, что, после того как он поставит — один или два раза — мушки, он положит делу (плевриту) конец; но *9 мая* (вторник) первая мушка, *13 мая* (суббота) мое второе посещение Кунемана; предписал вторую мушку; смог поставить ее только 16 мая (во вторник) после подсыхания; *19 мая* я посетил его (в пятницу); выслушивание и выстукивание; нашел, что положение улучшилось, а именно, эксудат несколько уменьшился; он высказал мнение (ибо эти врачи боятся, что больной потеряет терпение от повторяющихся в той или иной степени каждую неделю страданий и пыток), что в дальнейшем нет необходимости продолжать применение мушек; я могу-де теперь ограничиться втиранием тинктуры иода (предписанным мне Стефаном против бронхита) вверху, *а также внизу* на левой стороне груди и спины. Я возразил на это, что, если эксудат еще не совсем исчез, я предпочитаю еще раз поставить мушку (23 мая, во вторник); от д-ра Стефана я-де знаю, что там, где речь идет о плеврите, тинктура иода представляет собой лишь слабое, ненадежное средство, применение которого затягивает лечение на долгое время. Самому д-ру Кунеману было, очевидно, гораздо приятнее, что я решился на героическое лечение; надеюсь теперь, что 26 или 27 мая он признает этот *второй рецидив* закончившимся (pro nunc**).

Действительно, в этом отношении «судьба» на сей раз показала себя последовательной и даже — почти как в трагедиях д-ра Мюльнера[49] — зловещей. Почему Кунеман объявляет мой бронхит таким «хроническим» (и я заранее знал, что «узнаю»

* — Делашо. *Ред.*
** — в настоящий момент, пока. *Ред.*

это)? Потому, что по всей Ривьере погода столь необыкновенно, ненормально изменилась к худшему; впрочем, это, по его мнению, пожалуй, нормально, поскольку с *января до начала мая* было слишком мало дождей, даже почти совсем не было; чересчур хорошая, теплая погода не могла не вызвать реакции. Я объяснил ему все проще — во всем виновен-де мой приезд из Алжира; с 4 мая я привез с собой в Марсель дождь, и после некоторого сопротивления погода и на месте моего нынешнего пребывания приняла mutatis mutandis* уже хорошо знакомый мне характер алжирской «непогоды». Это требует большого терпения, особенно также со стороны моих адресатов. Подобные повторения слишком скучны. Бесполезное, бессодержательное, к тому же дорогое времяпрепровождение!

Завтра я пишу Тусси**, так как ее письмо уже давным-давно лежит без ответа. Сегодня мне мешает то, что образовавшаяся после мушки новая кожа все еще причиняет боль, если я нагибаюсь, из-за трения о фуфайку или белье. Nota bene***: то, что я пишу детям, — правда, но *не вся.* Зачем пугать их?

Твой ***Мавр***

Заблуждение д-ра Кунемана насчет того, что я *коллега-«врач»* рассеялось, когда он в конце первого визита отказался принять плату: он стал совсем обворожительным, когда узнал, что я *непосвященный,* а следовательно, должен «раскошелиться».

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

30
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Монте-Карло], 30 мая 1882 г.

Дорогой Фред!

С тех пор как 23 мая мне была наложена мушка (в третий раз в Монте-Карло), я продолжал, правда, до сегодняшнего дня видеться с д-ром Кунеманом, но только по поводу «бронхита». *Quoad***** *плеврита,* то сегодня состоялось продолжительное, но заключительное обследование; эксудат *«исчез»;* то, что остается, это так называемый *сухой плеврит;* никакой жидкости больше

* — с соответствующими изменениями. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 268—269. *Ред.*
*** — Заметь себе. *Ред.*
**** — что касается. *Ред.*

нет, но остается шуршание от трения одной ткани о другую, если можно так неправильно выразиться для популярности. Кунеман считает полезным, чтобы я сегодня для успешного завершения дела наложил еще раз мушку, а затем *на пару дней* отправился в Канны, после чего могу перебраться в Париж.

Плеврит, как он думает, я схватил лишь совершенно случайно, вообще же при моем крепком, нормальном сложении я мог бы никогда не иметь его, но с таким же основанием мог заполучить его и 40 лет тому назад — случайно! Избавиться от него труднее ввиду возможностей рецидива.

Так как я предстал перед ним обнаженным спереди и сзади во всей своей красе, он обратил мое внимание на то, что раньше левая сторона была увеличенной по сравнению с правой вследствие плеврита; теперь, наоборот, левая сторона (речь идет о поврежденном месте) стянута в сравнении с правой, и именно благодаря моему лечению. Чтобы совсем избавиться от последних остатков, так сказать памятных меток, плеврита, рекомендуется *позднее* пробыть в течение некоторого времени в горах, где господствует более разреженный воздух. Легкие должны вновь «исправиться» от такой гимнастики — гимнастики, которую их вынуждает делать сама окружающая среда. Мне уже потому было трудно улавливать детали, что он часто пытался сделать более понятным для меня (в отношении деталей) французский язык, прибегая к помощи эльзасско-немецкого, а иногда, пожалуй, и американо-английского. Все же было ясно то, что мне в первый же день сказал д-р Стефан: ваша грудная клетка остается такой, как она есть; поэтому если образовавшаяся лишняя ткань суживает место, занимаемое одной стороной легких, то это легкое вынуждено удовлетвориться меньшим пространством. По мере исчезновения этой ткани легкое снова расширяется. Я только что вернулся от Кунемана, то есть незадолго до 6 часов вечера, когда (в 6 часов) заканчивается работа почты на сегодняшний день. *Завтра* ввиду того, что сегодня ночью мне ставится последняя мушка, не может быть и речи о писании писем; послезавтра я должен отдыхать, а потому до 2 или 3 июня вы «навряд ли»* (ибо я еще должен буду укладываться) получите от меня дальнейшие известия.

С сердечным приветом

Старый Мавр

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* В оригинале диалект: «schworliche». *Ред.*

31
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Канны, 5 июня 1882 г.

Дорогой Фред!

30 мая — последнее (в Монте-Карло) клеймо на спине; 31 мая дальнейшие операции держали меня под домашним арестом; 3 июня я эмансипировался от Кунемана и уехал в тот же день. Он посоветовал мне при всех условиях пробыть несколько дней в Каннах[50], так как этого требовало уже одно только «высушивание» нанесенных мне ран.

Итак, я целый месяц прозябал в этом логове знатных бездельников или авантюристов. Природа великолепная, в остальном — скучная дыра; оно «монументально» потому, что состоит только из отелей; здесь нет никакой плебейской «массы», за исключением принадлежащих к люмпен-пролетариату лакеев гостиниц, кафе и т. д. и слуг. Старое разбойничье гнездо на выступе скалы, окруженное с трех сторон морской бухтой, — иначе говоря *Монако,* — по крайней мере старый-престарый средневековый тип итальянского городка; с другой стороны, быстро растущий *Кондамин,* построенный большей частью внизу у моря между «городом» Монако и «игорным домом» (то есть Монте-Карло). *Монако* в точном смысле слова — это «политика», «государство», «правительство»; *Кондамин* — это обычное «мелкобуржуазное» общество; а Монте-Карло — это «развлечение» и благодаря игорному дому — финансовый базис всей троицы. Примечательно, что Гримальди остались верны себе; раньше они жили морским разбоем, и один из них*, например, писал Лоренцо Медичи, что земля их ограничена, да к тому же неплодородна; поэтому-де сама природа толкает их на морской разбой; учитывая это, Лоренцо, несомненно, мол, окажется столь великодушным, чтобы гарантировать им ежегодный «презент», поскольку они не «отваживались» охотиться за флорентийскими судами. Вот почему Лоренцо выплачивал им небольшое годовое содержание.

После победы Священного союза над Наполеоном Талейран, который для препровождения времени избрал себе среди эмигрантов в качестве одного из своих сотоварищей отъявленного негодяя, бывшего тирана Монако**, — итак, Талейран позво-

---

* — Ламберто Гримальди. *Ред.*

** — Гонория IV Гримальди. *Ред.*

лил себе веселую шутку: «реставрировать» его, отца «Флорестана»*, «во имя принципа легитимизма». Оба эти реставрированные — реставрированный в Гессен-Касселе** и реставрированный в Монако — это парочка, которая заслуживает того, чтобы фигурировать в новом издании Плутарха***. В то же время какой контраст между генуэзцем**** (промышлявшим главным образом финансовым разбоем) и немецким «патриархом»*****.

Наш д-р Кунеман все-таки тихо скорбит о том, что, будучи уже функционирующим лейб-медиком теперешнего наисиятельнейшего (совершенно слепого) Карла III, он (Кунеман) оказался неприемлемым из-за своих либеральных принципов и должен был уступить место англичанину (д-ру Пикерингу). То, что при естественном отборе, то есть при выборе лейб-медика мельчайшего тиранчика, верх взял британец, конечно, гарантировано самой природой этой скотины! И что самое скверное: этот самый д-р Пикеринг, прежде чем он был призван в лейб-медики в силу естественного отбора, опасно заболел в Монако, и его лечил и вылечил д-р Кунеман. Много таких горестных, роковых драм на этом свете!

Странным образом эта жаркая погода скорее ухудшила, чем улучшила мой бронхиальный кашель. Конечно, тем больше «предлогов» для простуды! Впрочем, Кунеман (а человек этот, превосходный врач, знает английскую, немецкую, равно как и французскую медицинскую литературу, специалист по легочным и грудным болезням) не разделяет твоего мнения об обратной поездке в Париж. Он говорит, что мне нельзя совершать ее с перерывами. Погода, мол, теперь не только жаркая днем, но и теплая ночью; главная опасность простуды теперь на железнодорожных станциях; чем чаще я буду прерывать путешествие, тем больше возможностей рецидива. Зато в Каннах я должен взять для поездки 2 бутылки хорошего старого бордо. Он, как и д-р Стефан, основывается на тезисе: желудок следует считать *основой* при лечении как плеврита, так и бронхита и т. д.; надо хорошо и много есть; даже насильно «приучить» себя к этому; «пить» «высокосортное» и развлекаться ездой и т. д., если нельзя много ходить, лазать и т. д.; по возможности меньше думать и т. д.

---

* — Флорестана I. *Ред.*
** — Вильгельм I. *Ред.*
*** *Плутарх.* «Сравнительные жизнеописания». *Ред.*
**** — Гонорием IV Гримальди. *Ред.*
***** — Вильгельмом I. *Ред.*

Итак, следуя этому «наставлению», я нахожусь на верном пути к «идиотизму», хотя при всем том не избавился от бронхиального катара.

Старый Гарибальди мне в утешение «обрел вечный покой» из-за бронхита[51]. Конечно, в определенном возрасте совершенно безразлично, отчего «отправляешься к праотцам».

Я нахожусь здесь с 3 мая и уезжаю сегодня вечером. В Ницце — и на этот раз также в *Каннах* в виде исключения — *сильный ветер (хотя теплый) и столбы пыли.* Некоторым филистерским юмором обладает и природа (например, уже в Ветхом завете кормление змеи нечистотами, как смехотворное предвосхищение нечистотной диеты червей по Дарвину[52]). Вот какая шутка природы облетела всю местную прессу Ривьеры: 24 мая была ужасная гроза, особенно в *Ментоне;* молния ударила у самого вокзала (в Ментоне) и оторвала у бродившего около него филистера подошву башмака, но остальную часть филистера оставила целой и невредимой.

С наилучшими приветами всем

Старый Мавр

Я только через несколько дней сообщу друзьям о своем пребывании в Париже. Мне еще необходимо как можно меньше «общения с людьми»[53]. В лице д-ра Дурлена я обретаю хорошего врача для консультации.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

32
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН*

Аржантёй, 9 июня 1882 г.
11, Boulevard Thiers

Дорогой Фред!

Ты знаешь, что, подобно условно освобожденным узникам, я должен являться к ближайшему врачу в каждом новом месте своего пребывания[54]. Итак, вчера — осмотр у д-ра Дурлена. Состояние здоровья точно *такое же,* как при отъезде из Монте-

* Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*

Карло. Что касается *бронхита,* то в течение нескольких недель я испробую серные источники Энгиена, примерно в 15 минутах езды от Аржантёя; если они не окажут надлежащего действия, то Дурлен хочет послать меня в Пиренеи (Котре). (То же самое мне уже говорил д-р Кунеман, который — в последнее время — начал кормить меня серными лепешками.) Специалист в Энгиене[*] — близкий друг д-ра Дурлена; последний даст мне рекомендательное письмо к нему. В общем, д-р Дурлен нашел, что мой организм значительно окреп и тонус улучшился по сравнению с тем, что было при отъезде; его даже удивило мое столь хорошее состояние после двукратных рецидивов и четырнадцати мушек. Приветы всем.

Старый Мавр

Лонге приносит мне каждый вечер «Standard», который ему совершенно не нужен. Я еще не написал гасконцу[**]; мой кашель заставляет меня остерегаться визитов друзей.

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Фредерику Энгельсу, эсквайру, 122, Regent's Park Road, London, N. W., Angleterre.

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского и немецкого

33

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В ЛОНДОН[***]

[Аржантёй], 15 июня 1882 г.

Дорогой Фред!

Я надеялся, что смогу сообщить об улучшении примерно за минувшую неделю. Но как только я приехал, вернее — *на другой день после моего приезда,* произошло *снижение температуры.*

[*] — д-р Фёжье. *Ред.*
[**] — Лафаргу. *Ред.*
[***] Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*

Итак, погода, как объяснили мне д-р Дурлен и его друг медик* из Энгиена, пока еще не позволяет начать лечение серными источниками. В моем прежнем состоянии — в счастливый период курения — я бы нашел эту погоду восхитительной! Хотя небо довольно часто покрыто облаками, время от времени идет дождь, налетает ветер; скорее похоже на позднюю осень, чем на лето, и все же для здорового человека приятная погода!

Вчера — после моего письма Сен-Полю, гасконцу**, — он посетил меня. Я был рад его видеть. *Впредь до дальнейших указаний* он, по моему совету, будет молчать о моем пребывании здесь.

Ложусь я рано, встаю поздно, большую часть дня провожу с детьми и Женничкой*** и до сих пор старался использовать каждую благоприятную минуту для непродолжительных прогулок. Чувствую себя при этом лучше, чем когда-либо в Алжире, Монте-Карло или Каннах. Да и погода здесь, кажется, собирается измениться к лучшему. Я напишу тебе сразу после своей первой поездки в Энгиен.

Сердечный привет всем.

Твой ***Мавр***

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Фр. Энгельсу, 122, Regent's Park Road, London, N. W., Angleterre.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

34
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В ЛОНДОН

[Аржантей], 22 июня 1882 г.

Дорогой Фред!

Твое письмо прибыло всего за несколько минут до окончания работы почты, которая чертовски рано закрывается. Поэтому — только несколько строк.

* — д-р Фёжье. *Ред.*
** — Лафаргу. *Ред.*
*** — Женни Лонге и ее детьми: Жаном, Анри, Эдгаром и Марселем. *Ред.*

Лишь сегодня могу сообщить о продвижении вперед, так как из-за дождливой погоды с воскресенья до вчерашнего дня включительно мои серные процедуры были приостановлены; возобновились они только сегодня. В Котре в настоящее время дьявольски холодно, да и сезон там начинается обычно лишь в середине июля. Поэтому Энгиен пришелся здесь весьма кстати, хотя погода до сих пор неблагоприятна для непрерывного пользования водолечебницей. Другие, может быть, и могут меньше церемониться, но тому, у кого есть «остатки», приходится быть осторожным. Д-р Дурлен говорит, что вся трудность состоит в том, чтобы избегать всего, что могло бы вызвать повторение плеврита.

Пусть господа в Нью-Йорке делают «перепечатку» на свой страх и риск и пусть только не допускают своевольных вставок[55].

Итак, в воскресенье ждем приезда Елены[*].

Лаврову — поскольку я до поры до времени должен еще избегать всякого продолжительного разговора — пока рано знать о моем пребывании здесь. Это как раз человек, способный заставить меня болтать целыми часами.

Привет Женничке[**].

Твой ***К. М.***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

35
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН[***]

[Аржантёй], 24 июня 1882 г.

Дорогой Фред!

Вчера получил заказное письмо; сегодня получил деньги в Париже. Вследствие всех этих перемен погоды у меня начался мышечный ревматизм близ бедра; в результате, ко всему прочему, бессонная ночь с 22-го на 23-е из-за сильных болей; после

---

[*] — Демут. *Ред.*
[**] В оригинале описка: Маркс, видимо, имел в виду Тусси. *Ред.*
[***] Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*

нее целый день не ел (все же вчера выполнил процедуру серной ингаляции в Энгиене); Дурлен пришел вечером и помог мне втиранием опиума; таким образом этот инцидент исчерпан; остались лишь слабые признаки мышечного ревматизма.

Что касается Энгиена, то первый вопрос, на который нужен ответ, — ибо это зависит от индивида, — достаточно ли сильно действует здешний серный источник? Во всяком случае Рейнхардт вылечил здесь свой бронхит, точно так же еще раньше — Лонге. Последний был и в Котре — давно, задолго до своей женитьбы. Высота Котре над уровнем моря приблизительно 1200—1400 м. Я был бы очень рад, если бы мне не понадобилось ехать туда из-за катара бронхов; во всяком случае в данный момент о Котре не могло быть и речи. Елена* прибудет на вокзал Сен-Лазар, где ее встретит Лонге. Привет.

Мавр

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

[Ф. Энгельсу, эсквайру,122, Regent's Park Road, London, N. W.]

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

36
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН**

[Аржантёй], 4 июля 1882 г.

Дорогой Фред!

Настоящее лето началось только 1 июля (или, вернее, лишь второго). До сих пор я принял две серные ванны *с душем,* завтра третья; никогда еще не испытывал ничего более великолепного, чем обливание водой из шланга (иначе говоря — душ); выходишь из ванны и становишься на нечто вроде деревянных подмостков, притом в «натуральном» виде; затем служитель при ваннах, орудуя, как виртуоз, своим инструментом — шлангом (размером с пожарный шланг), командует движениями тела и бомбардирует попеременно все части тела *(за исключе-*

* — Демут. *Ред.*
** Письмо написано на почтовой открытке без подписи. *Ред.*

нием головы, области мозга) в течение 180 секунд (то есть 3 минут) то слабее, то сильнее, до ног и ступней включительно, все время постепенно усиливая душ.

Видишь, почему у человека пропадает здесь охота писать: к половине девятого утра я должен быть на железнодорожной станции (то есть это как раз время для отъезда в Энгиен); возвращение в Аржантёй около полудня; вскоре после этого завтрак, после чего чувствуется большая потребность в отдыхе, так как сера во всех видах утомляет; потом прогулка на свежем воздухе и пр. В зале для ингаляции темно от серных паров; здесь находишься 30—40 минут; каждые пять минут вдыхаешь у какого-нибудь определенного стола (из одной из трубок, цинковых, с краном) особым образом распыленный, насыщенный серой пар; каждый с ног до головы закутан в резину; после вдыхания все маршируют один за другим вокруг стола; невинная сцена из дантовского «Ада»*.

Привет Шорлеммеру. У меня есть для него экземпляр моей фотографии из Алжира.

Лафарг воображает себя здесь *великим оракулом.* Париж для него единственное место в мире, достойное человечества.

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Фр. Энгельсу, 122, Regent's Park Road, London, N. W., Angleterre.

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

37
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Аржантёй, четверг, 3 августа 1882 г.
11, Boulevard Thiers

Дорогой Фред!

Трудность писать письма объясняется следующим: в половине восьмого утра начинаю умываться, одеваться, пить ранний кофе и пр.; в половине девятого отъезд в Энгиен, возвращаюсь большей частью только в полдень, затем завтрак

* *Данте.* «Божественная комедия». *Ред.*

в Аржантёе в кругу семьи; с 2 до 4 часов дня отдых, затем прогулки и возня с детьми, так что способность слушать и видеть (но в особенности также мыслить) утрачивается еще более основательно, чем у самого Гегеля в «Феноменологии»*; наконец, в 8 часов вечера ужин, и этим заканчивается дневная деятельность. Остается ли тут время для корреспонденции?

Туссинька чрезвычайно много помогает Женничке, и вряд ли можно считать ее пребывание здесь отдыхом; Тусси бесконечно добра к детям и бедной Женничке** и проявила в этих исключительных условиях качества, дремавшие в ней в Лондоне.

Тусси и Лаура еще не виделись, и вряд ли их влечет к этому. Все же приличия ради они должны хоть раз встретиться у меня.

Теперь прежде всего отчет о здоровье. Мое лечение началось с 17 июня. Погода до сих пор так мало походила на обычную летнюю погоду (во Франции), что лечебный сезон, начинающийся в Энгиене в июне, считается неудачным для курорта с водолечебницей и здесь надеются на «лучшее» в августе и сентябре. Постоянные перемены температуры, преимущественно облачное небо, предвещающее *обыкновенно до полудня* дождь и бурю, сильные ветры, воздух, насыщенный водяными парами, а потому часто удушливая жара, — точь-в-точь лондонский статус к «закрытию сезона». С трудом отбились французы от союза с Англией, зато английский климат (я имею в виду именно лондонский климат) все более и более натурализуется, по-видимому, здесь, в Париже, и окрестностях. По крайней мере в этом году это так. Разумеется, в промежутках бывают и прекрасные дни или отдельные части дня. При таких условиях мне в процессе лечения приходится бороться с «приятными препятствиями». Ленхен, наверное, помнит, что в один из дней освидетельствование, проведенное д-ром Фёжье, так же как и освидетельствование, проведенное спустя несколько часов д-ром Дурленом, дали одинаковый результат: хрипы исчезли, а вместе с тем устранен и «бронхиальный» характер катара. О «подобном» я тебе не сообщал: я предчувствовал, что этот катар бронхов отнюдь еще не прохрипел свое последнее слово. В самом деле, при внезапно ухудшившейся погоде снова послышались хрипы. Что кашель не «исчез» (правда, значительно смягчился), я знал, но покашливание могло остаться после того, как изменился характер кашля.

В минувший понедельник (31 июля) д-р Фёжье нашел при выслушивании, что хрипы все еще продолжаются, хотя и слабее;

* *Г. В. Ф. Гегель.* «Феноменология духа». *Ред.*
** — Женни Лонге и ее детям: Жану, Анри, Эдгару и Марселю. *Ред.*

погода, по его словам, как раз особенно неблагоприятна для такого рода болезней. В среднем пациенты пользуются лечением серным источником лишь в течение трех недель; дело в том, что многие не могут выносить его долго, не подвергаясь приступам лихорадки и пр. При моем, в общем, крепком сложении он счел наилучшим — так как и кашель меня еще беспокоит, особенно по утрам, — продлить лечение до *середины августа,* продолжая ингаляцию, ванны, души и питье воды из серного источника; дольше данного срока это было бы нецелесообразно. Разумеется, я полностью подчиняюсь совету врачей. Правда, с другой стороны, будет, очевидно, слишком *поздно* осуществлять план с Энгадином[56]; как Фёжье, так и Дурлен опасаются, что это значило бы подвергнуть себя риску из-за фокусов температуры, а этого не следует делать без особой необходимости, особенно при моем состоянии.

Я надеюсь, что ты *во всяком случае* приедешь сюда на несколько дней (Лафарги легко найдут тебе квартиру в Париже) не только для того, чтобы я мог обсудить с тобой, что делать дальше; как ты понимаешь, я прежде всего жажду снова увидеть тебя после всех этих проклятых мушек! и после того, как я несколько раз уже был близок к концу!

Лаурочка написала мне, что *Девиль* уедет вечером 2 августа в свой родной город Тарб. Но так как я выразил желание повидать его, Меса предложил устроить у себя завтрак 2 августа, во время которого я встретился бы с Лафаргами, а также с Девилем и Гедом. Это был первый случай, что я принял подобное приглашение. (Я все еще чувствую утомление — post festum* — от оживленного разговора, соответственно — болтовни.) Сошло хорошо. Мне кажется, что люди из «Citoyen» имели успех со своими публичными митингами по поводу египетских и т. д. дел[57]; что же касается достижений их газеты, то они, напротив, оставляют желать лучшего. Кстати, *не говоря уже о так называемых социалистических газетах,* значительная и наиболее влиятельная часть *парижской прессы* несравненно независимее лондонской. Несмотря на давление большинства профессиональных политиков, несмотря на заговор «Republique Francaise», «Temps» и «Journal des Debats», сообща работающих под непосредственным руководством Гамбетты; более того, несмотря на попытки подкупа со стороны финансовых тузов (Ротшильдов и др.), которые прямо заинтересованы в крестовом походе вместе с англичанами против Египта, — парижская пресса сорвала всякую попытку (даже замаскированную — Фрейсине) интервенции

* — буквально: после праздника; здесь в смысле: после. *Ред.*

совместно с Англией или с четверным союзом[58]; без этой прессы Клемансо не одержал бы своей победы в парламенте. А где в Лондоне хотя бы один атом «независимой» прессы?

Я, право, не помню, где находится в моей библиотеке великий опус Лориа*; и мне кажется, он не стоит того труда, который ты взял на себя, чтобы разыскать его. Ты знаешь, что чтение этого «опуса» (или, вернее, первой половины книги, ибо у меня не хватило терпения на большее, чем только перелистать вторую половину книги с фантазиями г-на Лориа насчет того, как *надлежащим образом конструировать* его нормальный идеал — мелкую земельную собственность, то есть мелкую крестьянскую собственность), отвратительная лесть Лориа по моему адресу в частном порядке и его тон «превосходства», когда он выступает публично, равно как и некоторое извращение моих взглядов, дабы иметь более удобную возможность опровергать их, — все это отнюдь не привело меня в восторг. Тем не менее, хотя по первому впечатлению я не хотел иметь с ним никакого дела, я все же ближе заинтересовался им, потому что он обнаружил талант, потому что он много зубрил, потому что он, бедняга, много писал мне о своей жажде знания, потому что он еще очень молод, а его, хотя и совсем не юношеские, но скорее устаревшие заумные тенденции, казалось, объяснялись частично итальянскими условиями, частично школой, которую он прошел; наконец, потому, что он, насколько мог в то время, стремился усвоить, и иногда не без успеха, метод исследования, который он нашел в «Капитале». Меня забавляло и мне нравилось то, что он явно льстил себя надеждой показать в своей «Земельной собственности»*, что «Капитал» устарел. При всем том у меня оставались сомнения именно насчет «характера» юноши.

Однако после того как я прочел эти две брошюры**, я через два дня после приезда сюда Тусси высказал ей свой окончательный, определенный и весьма категорический приговор, сформулированный — угадай как? — *буквально в тех же самых выражениях, повторение которых та же самая Туссинька, к своему изумлению, нашла в твоем письме от 31 июля,* которое я ей показал! Итак, мы — ты и я — не только пришли в точности к одному и тому же выводу, но и к *совершенно одинаковой формулировке* последнего! При таких условиях в дальнейшем можно ограничиться по отношению к нему *лишь иронической*

* *А. Лориа.* «Земельная рента и ее естественное исчезновение». *Ред.*
** Имеются в виду, по-видимому, брошюры А. Лориа «Теория стоимости у итальянских экономистов» и «Закон народонаселения и социальная система». *Ред.*

обороной, не реагируя каким-либо иным образом! Он во много раз хуже, чем маленький Каутский, который, по крайней мере, преисполнен благих намерений.

Кстати о Гирше: если он в самом деле действовал вместе с Мерингом[59], то партия этого ему никогда не простит. Если я его увижу, то прямо призову к ответу. Впрочем, по поводу спора о моем *status*[*] лучше было бы молчать. А то, что же могут подумать рабочие, — будто я, так сказать, лишь мнимый больной и убил столько времени и средств без серьезной необходимости!

Лафарги на будущей неделе перебираются на свою настоящую квартиру, которая очень хороша и по здешним квартирным ценам, говорят, очень дешева. До свиданья, старина. Привет также Ленхен.

Твой ***Мавр***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

38
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Аржантёй], четверг, 10 августа 1882 г.

Дорогой Фред!

В следующий вторник я узнаю от д-ра Фёжье, следует ли мне окончательно расстаться с Энгиеном, или еще несколько дней продолжать лечение.

К сожалению, вынужден сообщить тебе, что в случае, если я поеду отсюда (с Лаурой) в Швейцарию (мне рекомендовали Веве или подобное ему место), мне перед этим понадобится еще некоторая денежная субсидия. Прежде всего, я *случайно* сделал открытие, что домовладелец настойчиво требует от Женни (а здесь не шутят) внесения квартирной платы за три месяца, и мне сегодня пришлось затратить достаточно усилий для того, чтобы добыть денег и урегулировать дело.

[*] — состоянии. *Ред.*

Кроме того, я надеюсь *(единственно кто сопротивляется — это Лонге,* которому совершенно нет дела до того, будет ли это облегчением для Женнички и пойдет ли это на пользу Джонни), что Джонни отправится с Тусси в Лондон; я дам тогда еще немного денег Тусси с тем, чтобы она в Англии провела с мальчиком две недели на взморье. Основной предлог г-на Лонге для того, чтобы не отпустить к нам Джонни на полгода, заключается в том, что в интересах здоровья Джонни нуждается в морском воздухе Нормандии, в силу чего Лонге намерен препроводить его в Кан к старой мадам Лонге.

На самом деле Джонни здесь дичает: во время пребывания во Франции он забыл и то немногое, чему научился в чтении, письме и т. д.; от скуки (то есть из-за [недостаточной][*] занятости) он стал непослушным и причиняет Женничке больше хлопот, чем трое маленьких[**]. Г-н Лонге «ничего» не делает для ребенка, но его «любовь» заключается в том, что он не желает расстаться с ним ради тех немногих минут, в течение которых его можно видеть, так как в Аржантёе Лонге до обеда большей частью остается в постели, а в пять часов пополудни снова уезжает в Париж.

Учитывая то, что предстоит Женничке[***], Лонге абсолютно не сможет сладить с юным Джонни. Тусси — прекрасная воспитательница и наставит его на верный путь. У Лонге поэтому отнят по крайней мере «предлог», что ребенок не может ехать в Англию (где Тусси отдаст его также в школу), потому, мол, что его необходимо отправить «к морю». Он и поедет «к морю», только в Англии.

Кроме указанных расходов, после уплаты доктору[****] и разных необходимых покупок, у меня не останется достаточной суммы на поездку отсюда в Швейцарию. Мне очень неприятно так нажимать на тебя, но без этого не обойтись, если не возвращаться прямо в Лондон.

Привет.

Мавр

По поводу сообщения во французских, то есть парижских, газетах, прежде всего в «Temps», о том, что Либкнехт едет в Париж, дабы «наладить связи с немецкими рабочими и наве-

[*] На фото рукописи здесь знак вставки, но сама вставка отсутствует. *Ред.*
[**] — младшие дети Женни Лонге: Анри, Эдгар и Марсель. *Ред.*
[***] — рождение ребенка. *Ред.*
[****] — Фёжье. *Ред.*

стить социалиста Карла Маркса, который по возвращении из Алжира живет в Аржантёе», мое мнение таково: заметка в такой форме имеет «полицейский» привкус и слишком бестактна даже для Либкнехта[60]. Если он меня еще застанет здесь, то я ему выскажу всю правду о его «бестактности» (всему виной его страсть к важничанью).

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

39
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В АРЖАНТЁЙ

Грейт-Ярмут[61], 20 августа 1882 г.
10, Columbia Terrace

Дорогой Мавр!

Деньги поступили, и я немедленно заказал сегодня в банке чек на 1200 франков. Во вторник рассчитываю получить его.

Как обстоит дело с великим врачебным обследованием в прошлый вторник?[*] До сих пор — совершенно никаких известий.

Если с чеком будут затруднения, то просто отошли его обратно, а я равным образом вместо него пошлю тебе перевод на Париж. История с чеком была лишь крайней мерой.

Пумпс и бэби[**] очень веселы, маленькая имеет уже два зуба. Шорлеммер отправляется через неделю в Германию. Накрывают на стол, это вынуждает меня кончать.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] См. настоящий том, стр. 65, 68. *Ред.*
[**] — дочь Пумпс, Лилиан. *Ред.*

40
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ГРЕЙТ-ЯРМУТ

Аржантёй, понедельник, 21 августа 1882 г.
11, Boulevard Thiers

Дорогой Фред!

«Превращение в звонкую монету»* состоялось третьего дня.

Вся неделя, начиная с прошлого понедельника, отличалась отвратительной погодой; дождь (временами холодный), бури, духота; главным образом сырость, тогда как в Париже «официально» извещают о «недостатке воды». Здешняя бюрократия сумела бы даже во время всемирного потопа устроить «официальный недостаток воды» для питья, мытья, домашних и промышленных целей и т. п.

Вчера я в последний раз побывал в Энгиене в ингаляционном зале и принял ванну и душ; на прощание был обследован там же доктором Фёжье; результат:

1) бронхиальные хрипы сильно уменьшились; исчезли бы совсем, если бы не проклятая погода;

2) плевритный шум трения остается в status quo**; заранее предсказанный казус. В лучшем случае — а случаи эти отнюдь не часты — эта память о бывшем плеврите остается на годы. Меня посылают на Женевское озеро — откуда пока поступают благоприятные сводки погоды — ибо оба доктора*** думают, что там, возможно, сами собой «исчезнут» последние следы катара бронхов. Поживем — увидим. Для гимнастики легких с помощью горного воздуха сезон слишком поздний и прежде всего следует избегать холода.

На этот раз предписано ехать в Швейцарию только днем, так что на ночь останусь в Дижоне и только на следующий день двинусь потихоньку к месту назначения. Хотят решительно устранить всякий повод к «рецидиву».

Туссинька уехала с Джонни в прошлую среду; мы получили от нее письмо; все сошло хорошо. Она намерена была 19 августа (в субботу) отправиться вместе с Джонни в Истборн. Так как для ее педагогических целей прежде всего необходимо, чтобы молодой человек в первое время находился исключительно

* — шутливый намек на получение денег от Энгельса. *Ред.*
** — в прежнем состоянии. *Ред.*
*** — Дурлен и Фёжье. *Ред.*

под ее надзором, то Тусси выбрала такой приморский городок, где он не найдет никаких «друзей».

Женничка, к сожалению, прихварывает. При теперешних «обстоятельствах» она лишена к тому же всякого покоя и отдыха.

Лаура здорова; *завтра* она со мной уезжает.

Скандал Лиссагаре с бандой Брусса[62] имеет тот положительный результат, что последняя не располагает больше ни одной ежедневной газетой. Дипломат Малон держит себя в связи с этим делом нейтрально по отношению к Бруссу, так как он (Малон) не может себе позволить высказывать симпатии к Бруссу и К° в *«Intransigeant»* ввиду позиции главного редактора этого органа Рошфора (Малон и не «хочет» этого себе «позволить»). Гед и его партия укрепляют свое положение.

Сердечные приветы Джоллимейеру и Пумпс.

Привет.

Мавр

С обычным своим тактом г-н Лонге приводит ко мне к завтраку *Руа;* в течение трех месяцев он не нашел для этого подходящего дня и выбрал сегодняшний, когда мне надо укладываться и т. д., и т. д., кроме того, я должен нанести прощальный визит д-ру Дурлену и, наконец, желал бы побыть один с Женничкой.

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

41

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В ГРЕЙТ-ЯРМУТ

Лозанна, 24 августа 1882 г.
Hotel du Nord

Дорогой [Фред]!

Вчера по дороге из Дижона в Лозанну[63] был дождь и сравнительно холодно. Прибыл в Лозанну в дождь, в 9 часов

вечера. Мой первый вопрос кельнеру: с каких пор идет здесь дождь? Ответ: дождливая погода стоит всего лишь два дня (значит, со дня моего отъезда из Парижа). Забавно!

Мы сегодня осмотрим Веве, Монтрё и т. д., чтобы выбрать себе место жительства. *Пока* пиши в Лозанну, *до востребования.* Был бы рад получить еще вовремя некоторые добавочные «боеприпасы», с тем чтобы на всякий случай постоянно располагать ими для действий в любом направлении. Адресуй д-ру Шарлю Марксу, а не Карлу Марксу.

Лонге остался верен себе до самого дня моего отъезда. Так, во время моего прежнего двукратного пребывания в Аржантёе[64] Лонге неизменно обещал переводчику «Капитала», бедняге Руа, свидание со мной; каждый раз Лонге не находил подходящего для этого времени. И на этот раз, когда Лонге опять стал приставать ко мне относительно свидания с Руа, я предоставил ему устроить это в течение последнего месяца. И что же! *Только в день моего отъезда,* — когда мне надо было укладываться, сделать прощальный визит д-ру Дурлену, о многом еще переговорить с Женничкой и т. д., — Лонге, не предупредив меня, едет в Париж, забирает Руа, привозит его к завтраку (в час дня) в Аржантёй. Дул холодный северовосточный ветер, и моя обязательная беседа с бедным Руа в саду вызвала у меня простуду благодаря Лонге!

Кстати. Один немецкий корреспондент, который, сидя в Париже, обслуживает массу немецких буржуазных газет, прислал мне письмо с выражением наильстивейшего почтения. По долгу чести он считает нужным поставить меня в известность, что он не социал-демократ и уж, конечно, не корреспондент газет такого направления; но во всех-де кругах немецкого «общества» обеспокоены официальными сообщениями относительно состояния моего здоровья; поэтому он просит разрешения получить у меня интервью в Аржантёе и т. д.

Конечно, я не ответил этому льстивому писаке.

Приветы всем.

Мавр

Старого Беккера и Врублевского я повидаю в Женеве, как только опять уменьшится кашель.

Впервые опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

42
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ЛОЗАННУ

Грейт-Ярмут, 25 августа 1882 г.
10, Columbia Terrace

Дорогой Мавр!

Телеграмму только что получил, пишу наскоро несколько строк о делах. В среду* вечером получил твое письмо**, но уже раньше в этот же день я послал тебе в Аржантёй полученный от А. Кайзера и К° чек на Гирша, старшего сына, в Париже, на 1200 франков, — на предъявителя. На другой же день я написал Женни о том, что содержит письмо, и просил все точно выполнить. Получение денег оттуда не вызовет затруднений.

Мы остаемся здесь еще две недели, все прекрасно поправляются тут, только у Джоллимейера по временам при плохой погоде разыгрывается ревматизм. В понедельник он отправляется в Германию, а я — вместе с ним в Лондон; рассчитываю привезти с собой обратно Тусси и Джонни.

Желаю тебе лучшей погоды, чем мы имели в последние четыре дня, но зато такого же действия, какое оказывает на нас морской воздух. У маленькой*** развивается чудовищный аппетит, и она заметно увеличивается в весе.

Сердечные приветы от всех тебе и Лауре.

Твой ***Ф. Э.***

Что скажешь о револьверных выстрелах Де Папа, стрелявшего в Дюверже?[65] О, чудовище с зелеными глазами!****

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913: полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса. 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* В оригинале описка: «понедельник». *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 68—69. *Ред.*
*** — дочери Пумпс, Лиллиан. *Ред.*
**** *Шекспир.* «Отелло», акт III, сцена третья. *Ред.*

43
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ЛОЗАННУ

Грейт-Ярмут, 26 августа 1882 г.
10, Columbia Terrace

Дорогой Мавр!

Сегодня утром получил письма, твое* и Лауры, из Лозанны и пользуюсь временно водворившейся в комнате тишиной, чтобы написать тебе. На этот раз не ты вызвал скверную погоду, а «New-York Herald» своим предсказанием депрессии. Если Тусси могла приписывать прежнюю здешнюю дождливую погоду твоей слишком большой близости, пока ты был в Париже, то теперь мы должны констатировать, что новейший поворот к сырости как раз совпадает с твоим отдалением от наших мест и что в среду вечером у нас был здесь такой же ужасный ливень, как и у вас в Лозанне. И сегодня утром тоже ливень за ливнем, и предсказанная на более позднее время хорошая погода все еще заставляет себя ждать.

Черт побери Лонге с его бестактностью! Но разве так абсолютно необходимо было принимать Руа при холодном норд-осте именно *в саду?*

Египетская кампания начинается успешно[66]. «Kolnische Zeitung» прямо утверждает: за $2^1/_2$ часа заставили замолчать форты Александрии, остальные 5 часов англичане продолжали бомбардировку исключительно с целью разрушить город. — Быстрое занятие канала было выполнено хорошо, но лишь только я узнал, что Уолзли при посадке на суда демонстративно позволил раструбить о том, что целью является бомбардировка Абукира, все дело для меня стало ясно, и я смог изложить Шорлеммеру весь план кампании в том виде, как он теперь проводится. Из старых номеров «Kolnische Zeitung» я уже потом увидел, что план идти через Исмаилию на Каир был известен всему Лондону уже 10—12 дней тому назад. Так хорошо соблюдалась тайна! Сам по себе этот план наиболее рациональный из тех, что можно было составить при данных обстоятельствах. Тем не менее не так скоро удастся его выполнить. Правда, хитроумные англичане послали туда полевые орудия, но — ни лошадей, ни вьючного скота для запряжки. Вьючный скот закупается теперь в Южной Европе и Африке. В привязных аэростатах, без которых нельзя обойтись для рекогносцировки

* См. настоящий том, стр. 69—70. *Ред.*

в ровной безлесной стране, было *отказано,* но теперь они посылаются *вдогонку.* Были произведены усиленные рекогносцировки перед укрепленной позицией египтян под Александрией, — но это бессмысленно, потому что никто не сделает такой глупости, чтобы развертывать свои силы *перед* укрепленной позицией. Геройство под Шафуиром смехотворно — пятичасовой бой и *двое* раненых у англичан! Уолзли, уже имеющий 30000 человек, требует теперь свою третью дивизию, но последняя еще только мобилизуется. А когда она прибудет, у него после занятия Александрии и Каира едва будет хватать войск на то, чтобы очистить Дельту и занять города по побережью. Если Араби настолько умен, что будет избегать всякого решающего столкновения и отступит в Средний или же Верхний Египет, дело может чрезвычайно затянуться. Не говоря уже о том, что при несколько раннем подъеме воды в Ниле разрушение плотин может свести на нет все расчеты англичан. Между тем становится все более вероятным, что дело будет доведено до конца не посредством военной операции, а посредством дипломатической игры за кулисами.

Недурная историйка: к чему может привести бюрократизм, раскрыл К. В. Сименс в качестве президента Британской ассоциации[67]. Много лет уже в Англии легализованы метрические меры наряду со старыми. Позаботились также выписать из Парижа аутентичные копии нормального эталона метра и килограмма. Но если кто-либо пожелает получить от соответствующей инстанции аутентичную, выверенную копию этих единиц, то данная инстанция отвечает: соответствующий парламентский акт не уполномочивает и не обязывает ее исполнять это. Однако если ты торгуешь, пользуясь *не* разрешенными данной инстанцией метрами и килограммами, то это мошенничество и преступление. Таким образом, это маленькое «благоразумное» упущение сводит на нет весь акт, и баста: все остается по-старому. Между прочим, как утверждает Сименс, сохранение старых мер чрезвычайно вредит английской промышленности со времени повсеместного введения на континенте метрических мер; многие машины и т. д. теперь-де непригодны к вывозу, так как они приспособлены к иным мерам, а не к метру и килограмму.

Надеюсь, твой кашель проходит, и ты наконец все же дождешься лучшей погоды. При поездках будь осторожен на пароходе. Вечерами часто холодно и туманно на воде. До следующей весны тебе, пожалуй, надо будет еще беречься, а затем бронхит будет окончательно устранен; после этого — немного гимнастики для легких на высокогорном курорте, и тогда главные трудности будут преодолены.

В кантоне Во имеется превосходное вино иворн, очень рекомендую его — в особенности *старое.* Затем пьют красное невшательское, кортайо, несколько пенящееся; пена образует в стакане звезду; тоже довольно хорошее. Наконец, вельтлинское вино (вальтеллина), лучшее вино в Швейцарии. Наряду с этим в мое время[68] были вполне хорошими и недорогими пти-бургонь, макон и божоле. Храбро пей все эти сорта и, если скитания в конце концов надоедят тебе, думай о том, что это все же единственный способ вернуть тебе былую энергию; она может пока еще отдыхать, но наступит день, когда она нам очень понадобится. Кланяйся от меня Беккеру и Врублевскому, если увидишь их.

Сердечные приветы от всей «компании» тебе и Лауре, которой предназначается мое *следующее* письмо.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

44

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН*

Веве, 4 сентября 1882 г.
Hotel du Leman

Дорогой Фред!

Лаура подробно напишет тебе о событиях у нас или, вернее, о «не отсутствии» событий, ибо мы живем здесь[69] точно в обетованной земле. Мы совершали поездки по озеру, как и прочие.

31 августа я получил письмо от Женнички с приложением твоего письма и чека; последний я передал здешнему банкирскому дому Жентон и К° для получения по нему в Париже.

31 августа, 1, 2 и 3 сентября прекрасная погода (вчера чересчур жарко). Сегодня буря и дождь; надеюсь, что он не превратится в затяжной. Странно, что я все еще кашляю; кажется, я единственный человек в Веве, который кашляет, во всяком случае, я не встретил второго. Но мое общее состояние весьма

---

* Письмо написано на почтовой открытке без подписи. *Ред.*

удовлетворительно; без всякого затруднения я поднялся с Лаурой как на высоту здешних виноградников, так и на еще более высокий виноградник в Монтрё.

В нашей гостинице мне представился г-н Сонжон, председатель парижского муниципального совета; это один из эмигрантов, которых я знавал в Лондоне в 1849—1850 годах. Он преподнес мне официальный доклад парижскому муниципальному совету от его депутации (в ее составе и этот самый Сонжон), посланной в Рим для участия в апофеозе Гарибальди[70]; речь в нем идет главным образом об апофеозе самого «Сонжона», ибо он неизменно выступал с речами от имени других французских делегатов. Показал мне также экземпляр «Капитала», который якобы должен стать его спутником в том лесном уединении — недалеко отсюда, — куда он направился.

У англичан в Египте[57] пока не столь быстрый успех, как «предвещал» Уолзли.

Г-н Вирхов, как я вчера узнал из приложения к «Journal de Genеve», снова доказал, что он бесконечно выше Дарвина, что фактически он единственный ученый-исследователь и именно потому «презирает» органическую химию[71].

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Фр. Энгельсу, эсквайру, 122, Regent's Park Road, *London,* N. W., *Angleterre.*

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

45
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕВЕ

Лондон, 12 сентября 1882 г.

Дорогой Мавр!

Открытку[*] и письмо Лауры получил. Меня радует, что наконец-то установилась хорошая погода, надо надеяться, она продержится. Мы с субботы снова здесь; Тусси и Джонни провели вместе с нами неделю в Ярмуте.

[*] См. настоящий том, стр. 74—75. *Ред.*

Сонжона я помню еще очень хорошо; я всегда задумывался над тем, каково может быть призвание этой снисходительно-добродушной физиономии, пока, наконец, не прочел в газете: председатель муниципального совета! Это как раз то, что уже в 1850 г. было написано на его лице.

В моих руках находилось несколько лондонских векселей Жентона и К°.

Если ты предполагаешь посмотреть еще кое-что в Швейцарии, то самый лучший и наиболее удобный маршрут, который ты можешь избрать, это — от Женевы через Берн в Интерлакен и Бриенц, оттуда через Брюниг (всего 3 150 футов высоты) к Фирвальдштетскому озеру и, если тебе захочется, далее в Цюрих. Это легкая поездка для выздоравливающего, а между тем ты увидишь самые красивые места Швейцарии. В Интерлакене и Люцерне или где-нибудь около Фирвальдштетского озера стоит подольше задержаться. На Женевском озере — красивое место также Морж, откуда наилучший вид на Монблан.

Египетская афера[57], как все более выясняется, затеяна русской дипломатией. Гладстона, после того как милая Ольга[*] достаточно намылила[**] его, придется теперь для бритья препоручить более ловкому наставнику. Англия в мирное время должна занять Египет, чтобы бедная Россия — тоже в мирное время — оказалась благодаря этому вынужденной в целях собственной самозащиты занять Армению. Кавказская армия уже придвинута к границе, у одного Карса находится 48 батальонов, — армия эта всегда в состоянии полной готовности. II для того чтобы доказать, что Гладстон согласен с этим освобождением еще одной «христианской» страны от ига невыразимо ужасного турка, именно теперь английские уполномоченные, посланные после берлинского конгресса[72] в Малую Азию для наблюдения за проведением реформ, демонстративно отзываются, и публикуются их доклады, из которых видно, что турки их одурачили, что все осталось по-старому, подкупность чиновников не искоренена. Пальмерстон умер, да здравствует Гладстон! Да здравствует Гамбетта, который также охотно скрепил бы в Египте союз с русскими. К сожалению, старые добрые времена прошли, и Россия уже не стоит *за спиной* русской дипломатии, а противостоит ей.

Мне страшно хочется как-нибудь приехать к тебе, но если бы со мной что-нибудь случилось, пусть даже временно, то при-

[*] — Ольга Алексеевна Новикова. *Ред.*

[**] Здесь игра слов, основанная на разных значениях слова «einseifen»—буквально «намылить», в переносном смысле: «провести», «обвести вокруг пальца». *Ред.*

шли бы в расстройство все наши финансовые дела. Здесь нет ни одного человека, кому бы я мог дать доверенность и поручить все же несколько сложное инкассирование и т. п. Единственно подходящим был бы Сэм Мур, но он в отъезде, а эти дела можно вести лишь на месте. Кроме того, я надеялся, что по крайней мере этим летом ты приедешь, хотя бы не надолго. Что ты не сможешь провести здесь следующую зиму, мне было ясно еще до того, как ты покинул Англию и до рецидивов твоей болезни; я это уже тогда сказал Ленхен. Теперь, после рецидивов, абсолютно необходимо, чтобы ты провел зиму по-весеннему, и я порадовался, когда узнал, что Дурлен и Фёжье единодушно и решительно заявили об этом; как бы одиноко я не чувствовал себя здесь без тебя, тут уж ничего не поделаешь[*], и до тех пор, пока ты основательно не поправишься, все остальное должно отступить на задний план. Но при этом существенно, чтобы не нарушался финансовый порядок, а потому я считаю себя строжайшим образом обязанным не подвергать себя никаким случайностям, пока все это длится.

Гартман изобрел электрическую лампу, получил на нее патент и продал ее одному жулику за 3000 ф. ст. по столь же жульнически составленному договору, так что весьма сомнительно, получит ли он и когда получит деньги. Пока же он снова на должности, но надолго ли? Трудно разобраться в его вечных взлетах и падениях.

Большое спасибо за алжирские подарки, которые привезла Тусси. Кинжал настоящий восточный, где он поработает, там больше трава не растет. Для трубочной головки я должен добыть себе чубук, прежде чем смогу ее испробовать. Пумпс весьма горда своими арабскими браслетами. Она занята устройством своего нового дома, что продлится, по-видимому, еще с неделю. Ее маленькая[**] замечательно развилась в Ярмуте. Джонни со вчерашнего дня ходит в школу, в приготовительный класс (на Grafton Terrace, напротив вашего старого дома).

Сердечный привет от всех тебе и Лауре.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] В оригинале здесь диалект: «so ist da nix z wolle». *Ред.*

[**] — дочь Пумпс, Лилиан. *Ред.*

46
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Веве, 16 сентября 1882 г.
Hotel du Leman

Дорогой Фред!

В тот момент, когда я садился писать тебе, кельнер принес мне «Journal de Geneve» с известием о смерти Бебеля*. Это ужасно, величайшее несчастье для нашей партии! Он представлял собой исключительное явление в немецком (можно сказать, в «европейском») рабочем классе.

Твоя самоотверженная забота обо мне невероятна, и я внутренне часто стыжусь этого, — но не хочу останавливаться сейчас на этой теме.

До того как я оставил Париж, в мои планы входило обязательно провести хотя бы октябрь в Лондоне и побыть вместе с тобой. Фёжье и Дурлен тоже не считали это рискованным, если октябрь будет сносным. Это все еще возможно, несмотря на дождливый сентябрь. Барометр здесь 8-го поднялся, 9-го достиг высшей точки, после чего упал постепенно до низшей точки 12-го, опять поднялся 13-го (когда он достиг почти той же высоты, что и 11-го), затем упал и со вчерашнего вечера снова медленно поднимается. Хотя в общем по всей Швейцарии сильные дожди и ветры (много обвалов и связанных с ними «несчастных случаев»), около Веве в виде исключения относительно хорошая погода (также только в виде исключения холодно по утрам и в первые вечерние часы). Поэтому-то мы и продлили наше пребывание здесь. Воздух тут целительный. Несмотря на постоянные колебания температуры и влажности воздуха в течение одного и того же дня, мое здоровье все улучшается. Думаю, что катар из бронхиального превратился в обыкновенный; впрочем, удостоверюсь в этом лишь в Женеве, где я намерен посоветоваться с каким-нибудь хорошим немецким врачом, то есть дам себя выслушать. Как ни заманчиво предлагаемое тобой путешествие**, но при теперешней погоде в Швейцарии оно вряд ли осуществимо. Урожай винограда здесь в этом году, по-видимому, «никчемный». Видно также, что выпал снег — и раньше обычного — на вершинах Дан-дю-Миди; в Юрских горах это «обычное» явление.

---

* См. настоящий том, стр. 80. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 76. *Ред.*

Бернский «Bund» объявляет Уолзли полководцем, почти превосходящим старого Наполеона.

В интригах с русскими[*] есть одна загвоздка; возможно, что Бисмарк с удовольствием дал бы последним затеять игру, но тогда появилась бы необходимость «утешать» Австрию и компенсировать прусскую монархию. Вступление русских в Армению может поэтому повести к всеобщей войне, что, вероятно, соответствует желаниям Бисмарка.

Кстати. Кинжал, как ты должен был заметить по грубости работы, является изделием кабилов[73]. Что касается чубука к трубочной головке, то я привез с собой три чубука (в запасах ботанического сада трубочная головка нашлась только для одного) — чубуки из бамбука; я не хотел затруднять Елену[**] и Тусси перевозкой чубуков, ибо они слишком длинны для их чемоданов, а решил сам привезти их в Лондон.

Из письма Женнички, только что полученного Лаурой, я узнал, что *Лонге с Волком*[***] *и Гарри* в Обене. К сожалению, здоровье Женнички внушает опасения, доктора (Фёжье и Дурлен) сообщили мне об этом еще в Париже. Женничка с тревогой ждет из Лондона новостей о Джонни; она не получала никаких известий со времени поездки Туссиньки с Джонни в Ярмут. Лаурочка тоже пишет сегодня Женничке и тоже сообщает ей, что с Джоном все благополучно, и он уже, как мы узнали из твоего письма[****], поступил в школу в приготовительный класс.

Сердечный привет Туссиньке, Ленхен, Пумпс и — смотри не забудь — моему внуку[*****].

Мы во всяком случае напишем тебе, если покинем Веве.

Твой ***Мавр***

Не содействовали ли прусские собаки — с помощью тюрьмы и пр. — смерти Бебеля?

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] См. настоящий том, стр. 76. *Ред.*
[**] — Демут. *Ред.*
[***] — прозвище внука Маркса Эдгара Лонге. *Ред.*
[****] См. настоящий том, стр. 75—77. *Ред.*
[*****] — Жану Лонге (Джонни). *Ред.*

47
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕВЕ

Лондон, 18 сентября 1882 г.

Дорогой Мавр!

Сегодня в 9 часов вечера прибыли письма от тебя* и Лауры; сейчас же пошел к Тусси и Ленхен сообщить им необходимое.

Ложное сообщение о смерти Бебеля в высшей степени взволновало также и нас здесь. Уже в субботу вечером было много данных за то, что оно ложно, а в только что полученной «Justice» — в телеграмме от Либкнехта — сообщается, что Бебель хотя и был опасно болен, но теперь на пути к выздоровлению.

Я пришел как раз в то время, когда только что прибыло сообщение, что у Женни родилась девочка** и что все идет настолько хорошо, что лучшего нельзя было и ожидать.

Если вы покинете Веве, оставьте адрес (до востребования или как-нибудь иначе) для писем. Завтра или послезавтра — подробнее.

Твой ***Ф. Э.***

Сердечный привет Лауре.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

48
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Париж[74], 28 сентября 1882 г.

Дорогой Фред!

Письмо Лауры, в которое я вложил записку, по недосмотру осталось в квартире Лауры на письменном столе, следовательно, будет отправлено лишь после закрытия почты. Не желая, однако, терять времени, повторяю просьбу о том, чтобы ты по возможности скорее прислал мне из Лондона банковый билет *(адрес* прежний — в Аржантёй), если д-р Дурлен, как я надеюсь, позволит мне пересечь Ла-Манш.

* См. настоящий том, стр. 78—79. *Ред.*
** — дочь Женни Лонге, Женни. *Ред.*

Сегодня льет с так называемого небосвода, несмотря на то, что Альфан не перестает бояться «водяного голода».

Напиши сразу же пару строк о состоянии погоды в Лондоне.

Твой ***Мавр***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

49
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Париж, 30 сентября 1882 г.

Дорогой Фред!

Как раз, когда я собирался ехать сюда (то есть на вокзал Сен-Лазар) из Аржантёя, чтобы встретить Лауру, пообедать с ней в Париже и отвезти ее в Аржантёй, — меня успел поймать почтальон с твоим письмом вместе с вложением. Лаура прибудет приблизительно через четверть часа, возможно, с твоим письмом к ней.

Д-р Дурлен обследовал меня сегодня в присутствии Женнички. *Влажный хрип исчез;* остался еще некоторый *свист,* но почти покончено с этим упорным катаром, характер которого уже существенно изменился. Общее мое habitus*, по словам доктора, значительно улучшилось, я даже, мол, «потолстел».

Он настаивает, чтобы я ни в коем случае не оставался в Лондоне более двух или, при совершенно хорошей погоде, трех недель. Он опасается не столько умеренных холодов, сколько сырого воздуха. Мне ни в коем случае нельзя, по его мнению, ехать через Кале вечерним курьерским поездом: надо отправиться в Кале днем, а оттуда лишь на следующий день — утренним пароходом.

Впрочем, как выразился он, надо пораньше начать зимнюю кампанию на острове Уайт, Джерси, в Морле (Бретань) или По. Вообще же, он не считает полезным для *меня пребывание слишком далеко на юге,* разве только *в случае необходимости.* Вот почему он нашел, что мне больше подходит Веве, чем более теплый Монтрё. Он исходит из того, что нормальная температура

* — состояние. *Ред.*

и пр. не взбунтуется внезапно снова в связи с моим приездом. В конце концов он заявил, что даст мне *окончательно* «разрешение» на отъезд в Лондон *только* после того, как получит успокоительные сведения из метеорологических бюллетеней на ближайшие дни. (Французские врачи сильно предубеждены против лондонского климата.) По его словам, он уверен теперь в полном излечении, если я не совершу никаких ошибок. Поэтому раньше вторника я не выеду.

Если бы французское правительство — в лице занимающегося биржевыми спекуляциями банкира Дюклера — знало о моем присутствии здесь (особенно в отсутствии палаты), оно, может быть, отправило бы меня путешествовать и без разрешения д-ра Дурлена, так как «марксисты» и *«антимарксисты»* на соответственных съездах социалистов в Роанне и Сент-Этьенне[75] — *оба сорта социалистов* — сделали все возможное, чтобы затруднить мне пребывание во Франции. Впрочем, меня вознаграждает до известной степени то, что пресловутая альянсистская банда — Малон, Брусс и т. д. — «весьма»[*] обманулась в своих надеждах, *будто* (любимый оборот нашего Бруно[**]) на кого-нибудь произведет впечатление пущенная «под шумок» инсинуация: Маркс, мол, «немец», стало быть, «пруссак», следовательно, французские «марксисты» — изменники отечества; сия банда даже ни разу не отважилась выдвинуть эту клевету «открыто». Это — прогресс.

Клемансо был опасно болен, еще не совсем поправился. Он тоже взял с собой при отъезде из Парижа на время болезни «Капитал». По-видимому, у французских действительно или мнимо «передовых» лидеров это теперь стало модой — если «черт заболевает...»[76]

Сердечный привет всем, не забудь Джоллимейера.

Мавр

Я напишу или телеграфирую перед отъездом из Франции.

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] В оригинале диалект: «sehre». *Ред.*
[**] — Бауэра. *Ред.*

50
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР*

[Лондон, 1 ноября 1882 г.]

Дорогой Мавр!

Надеюсь, что у тебя все благополучно[77]. Отправлены два номера «Egalite», вчера — два старых номера *«Kolnische Zeitung».* Сегодня вечером здесь здорово разбушевался ветер. Вчерашние непродолжительные дебаты относительно выдачи Масео в Гибралтаре[78] позорны для Гладстона и К°. Джонни дал вырвать сегодня два зуба с совершенно неожиданным героизмом, изумившим самого доктора Шаймена. Вообще же ничего нового.

Твой ***Ф. Э.***

Среда, вечером.

Впервые опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

51
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР

[Лондон], 3 ноября [1882 г.]

Дорогой Мавр!

Открытку получил; мы немного беспокоились, не имея вестей о том, как на следующий день отразилась на тебе поездка. Все в порядке! Прилагаю письмо от Лафарга — итак, Бриссак, Пикар и Буи все же поколебались на момент![79]

Вероятно, ты уже знаешь, что в Равенне избран Андреа Коста, а в Норвегии — республиканское большинство[80].

При сем «Egalite» и новейшие подвиги двух «здешних», которыми ты всегда интересовался.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

---

* Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*

52
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР

Лондон, 6 ноября 1882 г.

Дорогой Мавр!

Лаура прислала мне сегодня несколько строк, согласно которым судьба «Egalite»[81] решается лишь завтра, но перспективы весьма благоприятны.

Видел ли ты сегодняшний «Standard»? Там телеграмма из Франкфурта — со времени пребывания в Париже Игнатьева делаются новые попытки русско-французского компромисса, пока что, по-видимому, в очень мягкой форме: если, мол, Франция проявит несколько большую активность в выдаче динамитчиков[82], русские энергично поддержат ее в Тунисе, Египте и пр. Этим, следовательно, объясняется полицейская кампания во Франции! Посмотрим, будет ли предложено палатам что-нибудь по этому вопросу.

Лафарг прислал мне «Proletaire», где помещен обвинительный акт против него, Геда и т. д., оглашенный в Сент-Этьенне[83]. Чисто бакунистская, но вообще слабая стряпня: сильнейший аргумент — противоречащие друг другу, отражающие минутные настроения *письма Лафарга к Малону,* которые последний спокойно печатает, не опасаясь, как видно, что Лафарг напечатает *его* письма. Он прав, эти господа используют свой материал в подходящее время; если вслед за тем Лафарг сунется с письмами Малона, то это уже будет горчица после еды[*]. Пошлю тебе эту вещь завтра, но ты должен ее вернуть из-за Бернштейна, против которого я ее, пожалуй, использую. Последний хотел вместо требуемого или наряду с этим послать полбиблиотеки *по вопросу о* фабричном законодательстве, чему я — надеюсь еще вовремя — помешал[**]; швейцарский фабричный закон я ожидаю со дня на день, немецкий новейший промысловый устав, в который включены и фабричные законы[84], я для тебя заказал.

Больше здесь ничего нового.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

---

[*] В оригинале употреблена французская поговорка: «moutarde apres diner». *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 326. *Ред.*

53
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Вентнор], 8 ноября 1882 г.

Дорогой Фред!

Что ты скажешь об опыте Депре на Мюнхенской электрической выставке?[85] Уже примерно год, как Лонге обещал мне достать работы Депре (специально для доказательства, что электричество допускает передачу силы на большое расстояние при посредстве простой телеграфной проволоки)[86]. Дело в том, что близкий Депре человек, д-р Д'Арсонваль, состоит сотрудником «Justice» и напечатал разные вещи об исследованиях Депре. Лонге, по своему обыкновению, каждый раз забывал прислать мне это.

С большим удовольствием увидел пересланную тобой «газету», в которой Шербрук и Риверз Уилсон блистают в качестве «лондонских гарантов держателей бон»![87] Вчера в «Standard», в отчете о дебатах *в палате общин,* Гладстона здорово пощипали за этих гарантов, так как названный Риверз Уилсон занимает еще высокий (то есть хорошо оплачиваемый) пост в Управлении английского национального долга. Гладстон, очевидно, весьма смущенный, попробовал сперва отнестись с пренебрежением к этому, но когда было возвещено об угрозе вынесения резолюции против Риверза Уилсона, Гладстон соврал, что он, в сущности, ничего не знает о железнодорожной компании Галвестон и Игл и т. д. Не менее славно ведет свою игру наш великий святой старец* в деле о гибралтарской «выдаче»[88]. Недаром этот Гладстон, как все помнят, прошел свою выучку в среде крючкотворно-чиновничьей олигархии рядом с Грехемом и т. д. при сэре Роберте Пиле.

Для неуклюжего вранья, глупых отговорок, бесстыдных уверток в египетском деле — здесь сэр Чарлз Дилк как раз на своем месте[89]. Он не обладает ни пиетистской казуистикой Гладстона, ни веселой насмешливостью quondam** Пальмерстона. Дилк просто невоспитанный выскочка, который кажется себе великим в своем нахальстве.

Так как я здесь покупаю «Standard», то я нашел в нем также и упомянутую телеграмму из Франкфурта***.

* — Гладстон. *Ред.*
** — блаженной памяти. *Ред.*
*** См. настоящий том, стр. 84. *Ред.*

Кстати. Было бы хорошо, если бы Бернштейн прислал мне *«Jahrbuch»*[*], где помещена *статья Ольденбурга* (такова, как мне кажется, фамилия автора) о моей теории стоимости[90]. Хотя она мне и не нужна, было бы все же лучше, если бы я имел под рукой материал о том, какую точку зрения тогда отстаивали. Когда я писал этому голландскому попику[**], я все это держал в голове; между тем временем и теперешним лежит период всей моей болезни и смерть моей жены — период длительного ослабления памяти.

Яростный ветер бушует здесь постоянно, в особенности вечером и ночью; рано утром большей частью дождливо или, по крайней мере, пасмурно; в течение дня всегда проясняется, и эти моменты надо торопиться использовать; а в общем непостоянная, капризная погода. Например, в прошлое воскресенье в 4 часа я пошел на холмы и гулял там по тропинке вдоль Бончерча, самые высокие дома которого, поднимающиеся террасами (самые низкие расположены у моря), достигают тропинки; дальше тропинка, то чуть поднимаясь, то опускаясь, извивается между гребнем холмов и их склонами, спускающимися к морю. (Когда я был тут последний раз с Тусси, я не решался подняться к тропинке.) Здесь можно бродить целыми часами, наслаждаясь и горным и морским воздухом. Было тепло, как летом; чистая синева неба лишь с прозрачными белыми облачками; и вдруг — *холодный дождь,* небо внезапно заволокло облаками. По-видимому, этому я обязан мышечным ревматизмом (на левой стороне груди, близко к старому corpus delicti[***]), настолько обострившимся в понедельник ночью, что во вторник, вопреки своему желанию, я вынужден был позвать врача. Моя старая дева Мак-Лин на мой вопрос сказала мне, что два врача посещают ее дом. Самым крупным, наиболее модным[****] является «Дж. Дж. Синклер Когхилл, доктор королевской больницы для туберкулезных». Я спросил, не тот ли это старый чудак, чью карету я имел неудовольствие встречать почти ежедневно перед дверью ее дома. Да, это тот самый человек. Он, оказывается, навещает одну постоянно живущую здесь старую даму, «у которой нет ничего серьезного», но «которой угодно видеть доктора, по крайней мере, раза три в течение недели». Я отказался от этого покровителя. Второй же доктор, у которого лечатся другие ее квартиранты, напротив, молодой-де человек, д-р Джемс М. Уильямсон. Этого я пригласил; в самом

[*] — «Jahrbuch fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». *Ред.*
[**] — Ф. Д. Ньювенгейсу (см. настоящий том, стр. 130—133). *Ред.*
[***] — буквально: составу преступления; здесь в смысле: больному месту. *Ред.*
[****] В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

деле, он оказался милым молодым человеком, в котором нет ничего жреческого. В сущности, ему ничего не пришлось прописывать мне, кроме жидкой мази для втирания. (Я себя плохо чувствую, пока продолжается этот мышечный ревматизм, так как он вызывает неприятное ощущение, особенно во время кашля.) Вообще же он высказал сожаление по поводу плохой погоды. Что касается кашля, который в последнее время уже в Лондоне стал принимать все более неприятный, спазматический характер, то в данном случае я сам себе медицинский советник и надеюсь скоро от него избавиться без помощи доктора.

Чтобы не слишком зависеть во время прогулок на свежем воздухе от капризов ветра и колебаний температуры, я снова вынужден иметь при себе на всякий случай респиратор.

Большой скандал вызвало здесь появившееся в *«Standard»* и *«Globe»* письмо, в котором было сказано, что Вентнор является главным рассадником тифа и что несколько жертв его будто бы погибли в последнее время. Теперь в местной прессе печатаются официальные и неофициальные ответы на эту «клевету». Но комичнее всего, что филистеры из вентнорского муниципалитета хотят по этому поводу возбудить против автора письма судебное дело о клевете!

Привет.

Мавр

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается т рукописи

Перевод с немецкого

54
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР

Лондон, 11 ноября 1882 г.

Дорогой Мавр!

Твое письмо* я смог еще в тот же вечер показать Тусси; Ленхен и Джонни ушли утром в контору Перси**, чтобы посмотреть процессию лорд-мэра, а потом вечером мы все встретились за обедом у Пумпс. Джонни был очень мил, а гусь у Пумпс — очень хорош.

* См. настоящий том, стр. 85—87. *Ред.*
** — Рошера. *Ред.*

Очень рад, что ты нашел приятного доктора; для выздоравливающего все же всегда лучше иметь врача под рукой, и какая польза от того, если писать сюда по поводу всякого пустяка? Надо надеяться, что с ревматизмом и кашлем дело обстоит теперь лучше.

Посылаю тебе сегодня два номера «Egalite», а также один ее еженедельный номер. Из манифеста (лионского) Национального совета ты можешь убедиться, что лионцы по-прежнему настоящие неучи[91]. О ходе переговоров с парижским капиталистом никаких дальнейших известий[81]; следовательно, еще ни до чего, по-видимому, не договорились.

Бесцеремонность, с какой Дилк отвечает на неудобные вопросы, в самом деле поразительная, но, кажется, как раз это очень нравится либеральным выскочкам, которые его поддерживают[92]. Ну да и они скоро почувствуют результаты окончания дебатов. История в Гибралтаре становится все хуже; не только полиция, но и магистрат[*], следовательно *судья,* дал приказ о выдаче[78]; губернатор читает об этом в газете и ничего не предпринимает! Между тем русские все ближе продвигаются к Персии и Афганистану, проводят дороги по направлению к Мешхеду в Персии и от Самарканда через Бухару по направлению к Балху (Бактрия древних) в Афганистане, интригуют в Турции, так что даже их протеже Алеко-паше в Восточной Румелии становится не по себе, но всего этого не замечают ни великий Гладстон, ни маленький Дилк. Русские несомненно собираются что-то предпринять следующей весной. А как обстоит дело с их кредитом, ты, наверное, уже знаешь из сообщения о привилегированном займе железной дороге Поти — Баку. Они вынуждены прятаться за спину какого-нибудь общества и притом еще на каких условиях!

Фольмар открыл в «Sozialdemokrat» свою кампанию в защиту Малона: в слащавом тоне апологии в конце статьи[93] определенно чувствуется нашептывание Малона. Но что ты скажешь по поводу панегирика Вильгельма[**] Беннигсену в «Justice»? Это уж чересчур даже для честного Вильгельма.

Швейцарский фабричный закон[84] тоже посылаю сегодня. Статью Ольденбурга я закажу Бернштейну при первой возможности[***]. Бернштейн, видимо, призадумается, прежде чем написать мне; во французской истории я настолько основа-

[*] В Англии магистрат — мировой судья, а также высший полицейский чиновник. *Ред.*
[**] — по-видимому, Либкнехта. *Ред.*
[***] См. настоящий том, стр. 86. *Ред.*

тельно доказал ему[*], исходя из его собственных посылок, неправильность его выводов, что он вряд ли сможет еще что-нибудь сказать.

С окончанием дебатов нижняя палата отныне полностью опустилась до уровня континентальных палат; при ее теперешнем составе это вполне подобающее для нее положение.

Я жажду узнать подробности о произведенном в Мюнхене опыте Депре[**]; мне совершенно неясно, как при этом могут сохраниться до сих пор признаваемые, а также все еще применяемые практически инженерами (в их расчетах) законы вычисления сопротивления проводов. До сих пор считали, что при одинаковом материале проводов сопротивление *увеличивается* пропорционально *уменьшению* поперечного сечения провода. Хотелось бы добиться от Лонге присылки этих работ. Это открытие делает сразу же возможным использование всей колоссальной массы водяной силы, пропадающей до сих пор даром.

А теперь — за упаковку газет. Здесь все здоровы.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

55
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Вентнор], 11 ноября 1882 г.

Дорогой Фред!

Отсылаю обратно «Proletaire»[***]. Трудно сказать, кто более велик — Лафарг ли, который изливает свое пророческое вдохновение на груди Малона и Брусса, или же оба эти героя, двойное созвездие, которые не только сознательно лгут, но даже сами себе внушают, будто внешнему миру нечего больше

[*] См. настоящий том, стр. 322—324, 327—330. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 85. *Ред.*
[***] См. настоящий том, стр. 84. *Ред.*

делать, как «интриговать» противник, будто в самом деле у всех мозги устроены так же, как у этой благородной парочки.

У Лафарга дурная черта негритянского племени: *никакого чувства стыда; я* имею в виду чувство стыда показаться смешным.

Однако пора бы — если не хотеть сознательно погубить газету*, если не *рассчитывать* (чему трудно верить) на то, что ее *похоронит* процесс, возбужденный правительством, — пора бы тогда Лафаргу прекратить свое детское хвастовство по поводу устрашающих подвигов, которые он совершит в грядущей революции. На этот раз он основательно сам себя подвел. Испугавшись, естественно, что какая-нибудь газета-доносчица перепечатает ужасные — запретные с точки зрения полиции анархические выдержки из запрещенной *«Etendard»,* — а ведь последняя «идет еще дальше» Поля Лафарга, патентованного оракула научного социализма, — испугавшись такого революционного соперничества, Лафарг цитирует сам себя (а в последнее время у него появилась дурная привычка не только пускать по свету свои прорицания, но и «фиксировать» их посредством цитирования самого себя) для доказательства того, что *«Etendard»* — следовательно, *анархизм* — просто-напросто повторяла премудрость Лафарга и К°, только вот собирается претворить ее в жизнь несвоевременно и несозревшей. Так нередко бывает с оракулами: то, что они принимают за собственное вдохновение, очень часто оказывается, напротив, лишь застрявшим в их памяти отголоском прошлого. И написанное Лафаргом и им самим «цитируемое» на самом деле есть не что иное, как отголосок рецепта Бакунина. Лафарг, на деле, является последним учеником Бакунина, серьезно в него верящим. Ему следовало бы перечитать написанный им вместе с тобой памфлет об «Альянсе»**, и тогда ему станет ясно, откуда он заимствовал свое новейшее оружие. Да, много времени понадобилось, пока он Бакунина понял и к тому же понял неправильно.

Лонге в качестве последнего прудониста и Лафарг в качестве последнего бакуниста! — черт бы их побрал!

Сегодня прекрасный день, и мне пора на свежий воздух (еще только $10^1/_2$ часов утра).

В последнем письме я писал тебе, что хочу избавиться от кашля без помощи докторов, но д-р Уильямсон авторитетно

* — «Egalite». *Ред.*

** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (эта работа была написана при участии П. Лафарга). *Ред.*

предупредил меня, что я все же должен любезно согласиться глотать лекарство. В самом деле, снадобье помогает мне; главная составная часть его — сернистый хинин, остальное: морфий, хлороформ и пр. — всегда содержалось в навязываемых мне снадобьях.

Как обстоит дело с родовыми муками изобретательства Гартмана?

Привет.

Мавр

Из вчерашнего номера «Standard» с отчетом о парламентских дебатах ты, конечно, знаешь, что «достопочтенный» *Риверз Уилсон* с сокрушенным сердцем покорно принес в жертву на алтарь отечества свой проект, сложив с себя *обязанность гаранта,* взятую им на себя совместно с благородным Лоу, сиречь Шербруком[87]. Горько, должно быть, Риверзу Уилсону!

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

56
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Вентнор], 20 ноября 1882 г.

Дорогой Фред!

В конце этой недели (то есть в ближайший понедельник, *27 ноября)* я окажусь в тупике. Так как я должен предупредить об этом за неделю, то я это и делаю. Перед отъездом из Лондона я уплатил около 5 ф. ст. парламентскому книгопродавцу Ст. Кингу и около 2 ф. ст. — Колькману (книгопродавцу), да, кроме того, истратил 3 ф. ст. на разные мелочи.

Тусси и Джонни покинули меня сегодня около 3 часов при сносной погоде.

С тревогой жду известий из Парижа. Что Лафарг, Гед и т. д. дали втянуть себя в судебное преследование[94] — непростительно. Это можно было предвидеть; все это лишь из «боязни» конкуренции со стороны «анархистов»! Ребячество!

Привет.

Твой ***К. М.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

57
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР

Лондон, 21 ноября 1882 г.

Дорогой Мавр!

Я как раз хотел запросить тебя, когда получил твое письмо[*] сегодня, как обстоит дело с «запасами». Прилагаю чек на 30 ф. ст., который ты предъявишь, как обычно. В таком случае деньги ты получишь в понедельник, может быть, уже в субботу, а если не пожалеешь 1 шиллинга на телеграмму, то уже в пятницу.

При сем 1) математическое исследование Мура[95]. Вывод, что алгебраический метод есть не что иное, как замаскированный дифференциальный метод, относится, разумеется, только к его собственному методу геометрического построения и в этом отношении в общем правилен. Я написал ему, что ты не придаешь никакого значения способу, каким кто-то делает для себя вещи наглядными путем геометрического построения, достаточно для этого применения уравнения кривых. Далее, основное различие твоего и старого метода состоит, мол, в том, что ты даешь x превращаться в x_1, следовательно, *действительно изменяться,,* тогда как другие исходят из $x + h$, что всегда представляет лишь сумму двух величин, но никак не изменение одной величины. Поэтому твой x, даже если он проходит через x_1 и затем снова превращается в первоначальный x, все же представляет собой нечто иное, чем раньше; тогда как, если сперва прибавляют h к x, а затем снова вычитают его, то x все время остается постоянным. Но ведь всякое графическое изображение изменения является по необходимости изобра-

[*] См. настоящий том, стр. 91—92. *Ред.*

жением *протекшего* процесса, *результата,* следовательно, величины, сделавшейся постоянной; линия x [и] ее дополнительный отрезок изображаются как $x + h$, как два отрезка одной линии. Уже отсюда следует, что графическое изображение того, как x становится x_1 и снова превращается в x — невозможно.

Далее: 2) письмо Бернштейна, только что полученное, которое прошу вернуть.

(Меня прерывает Пумпс с маленькой*, поэтому вынужден оборвать письмо, так как убедил себя, что оно должно уйти в 5.30.)

Не знаю, следует ли дать кое-какую нахлобучку Фольмару за его историческое повествование в духе Малона[93]. Замалчивание Марсельского съезда[96] — это уже слишком сильная фальсификация истории. Если Бернштейн не укажет на это в примечаниях к заключительной статье[93], то придется выступить с возражением.

«Egalite» пришлю, как только прочту. Обещанного Лафаргом письма еще нет, как обычно. Его открытое ответное письмо следователю, в котором он держит себя как профессор, ребячество[97]. Эти люди ведут себя так, точно они во что бы то ни стало хотят быть арестованными. К счастью, у министерства шаткое положение, так что они, может быть, еще выпутаются.

Тусси и Джонни вчера благополучно прибыли.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

58

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

Вентнор, 22 ноября 1882 г.
1, St. Boniface Gardens

Дорогой Фред!

Чек получил, благодарю.

Сэм**, как ты тоже сразу заметил, критикует примененный мной аналитический метод[95] тем, что спокойно отбрасывает его

* — дочерью Лилиан. *Ред.*
** — Самюэл Мур. *Ред.*

в сторону и занимается вместо этого геометрическим применением, о котором я еще не сказал ни слова.

Таким же манером я мог бы разделаться со всем развитием так называемого собственно дифференциального метода, начавшегося с мистического метода Ньютона и Лейбница, перешедшего затем к рационалистическому методу Д'Аламбера и Эйлера и завершившегося строго алгебраическим методом Лагранжа (всегда, однако, исходившего из тех же самых первоначальных ньютоно-лейбницских основоположений), — я мог бы разделаться со всем этим историческим развитием анализа, заявив, что оно *практически* существенно не повлияло на применение дифференциального исчисления к геометрии, то есть на геометрическую интерпретацию.

Вот как раз показывается солнце, подходящий момент для прогулки, а потому не стану распространяться в этом письме pro nunc* о математике, но позднее при случае вернусь подробно к различным методам.

Сообщение Бернштейна об «огосударствлении» железных дорог в Пруссии интересно.

Не разделяю его мнения о чрезвычайной величине малоно-бруссовской организации[98]; анализ, который Гед в свое время дал по поводу «многочисленной» (!) делегации на Сент-Этьеннском съезде, не был опровергнут; впрочем, это был бы спор о пустяках. Первая организация действительной рабочей партии во Франции ведет свое начало с Марсельского съезда[96]; Малон находился тогда в Швейцарии, Брусс был неизвестно где, а «Proletaire» — вместе со своими синдикатами — занимал отрицательную позицию.

Этот осел Эймос — рупор английских чиновников в Египте — бесконечно ухудшил положение своих клиентов тем, что дал Кею, автору брошюры «Ограбление египтян», повод к «Ответу» в «Contemporary Review»[99]. В самом деле, Кей еще глубже втоптал в грязь Риверза Уилсона, Рауселла и Гошена, а вместе с ними и английское министерство.

Привет.

Мавр

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — в данный момент, теперь. *Ред.*

59
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР

Лондон, 22 ноября 1882 г.

Дорогой Мавр!

Мое вчерашнее письмо с чеком в 30 ф. ст. ты, вероятно, уже получил.

Гартман был у меня в воскресенье вечером в безумнейшем изобретательском чаду. Его гальванический элемент, сказал он, с пятницы работает, приводит в действие гальванометр с сильным сопротивлением, который сначала показывал свыше 50°, а теперь постоянно показывает 46°. Не только три месяца, а от шести месяцев до года будет он будто бы равномерно работать без исправлений. Но показывать его покупателям он не хотел ввиду того, что на сделанные им усовершенствования у него еще нет патента. Здесь-де опять нужно мое вмешательство. Я решительно отказался, предложил Перси[*] уладить это — совсем простое и легко осуществимое дело (что и сделано) — и посоветовал Гартману в будущем поставлять своим английским покупателям тот товар, который он им продал, а не какой-то другой, лучший или худший. Поможет ли это — сомнительно. Парень работает фанатически; работа и фанатизм истощают его, он спит только от 3 до 5 утра и выглядит очень скверно, но зато тем лучше его одежда, каждый раз он приходит в другом костюме. Среди запатентованных им новых улучшений есть и следующее: для того чтобы предохранить раствор едкого калия КОН в элементе от углекислоты воздуха и помешать превращению его в углекислый калий, он в раствор налил масла и, как рассказывает Перси, не мог никак понять, почему это не приводит к цели, напротив — жир и щелочь образовали нечто, что походило на мыло и действительно оказалось мылом!

Я наконец недавно приобрел из вторых рук переплетенный полный экземпляр «Историков германской древности», и отгадай, из чьей распроданной библиотеки? — *д-ра Штраусберга!* Тут я и нашел в книге Плутарха о Марие одно место, которое, если его сопоставить с Цезарем и Тацитом[**], делает ясными все аграрные отношения.

---

[*] — Рошеру. *Ред.*

[**] *Цезарь.* «Записки о галльской войне»; *Тацит.* «Германия». *Ред.*

Кимвры «переселились, но не сразу и не непрерывным походом, а продвигаясь все дальше и дальше из года в год в хорошее время года, и таким образом в течение продолжительного времени, борясь и воюя, они прошли весь материк»[100].

Это место, сопоставленное с тем, как семьдесят лет спустя Цезарь описывает ежегодный переход свевов к обработке новых полей, рисует характер германского переселения: там, где проводили зиму, сеяли весной, а после жатвы перекочевывали дальше, пока зима не заставляла остановиться. То, что они, *как правило,* летом возделывали землю (если взамен этого не занимались грабежом), безусловно верно в отношении тех людей, которые принесли с собой земледелие из Азии. У кимвров мы видим еще процесс переселения, а во времена Цезаря — его конец, когда Рейн стал для них непреодолимой границей. Оба эти места объясняют также, почему у Цезаря[101] сказано: «privati ac separati agri apud eos nihil est»*; во времена бродячего образа жизни была возможна лишь общественная обработка полей на основе родовой организации, размежевание отдельных участков было бы нелепостью. Прогресс — соответственно регресс — в сторону индивидуальной вспашки при существовании общей собственности на землю встречается далее у Тацита.

Тусси передала мне для тебя разные газеты, к которым добавляю «Egalite». Дерзость «Egalite», по-видимому, действительно импонирует прокуратуре; адреса все еще написаны рукой Лафарга.

Сердечный привет.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

60

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ В ВЕНТНОР

Лондон, 23 ноября 1882 г.

Дорогой Мавр!

При сем письмо Лафарга, которое ты должен мне вернуть, так как я получил его только сегодня утром. Итак, ему, навер-

* — «у них совсем нет частных и отдельных полей». *Ред.*

ное, придется через несколько дней отправиться в тюрьму. Это неисправимые глупцы. Если Гед и Лафарг сядут в Монлюсоне, то дела газеты* будут довольно плохи. Правительство не решается судить их в Париже, но обезвредить их вот так, втихомолку, одного за другим в провинции — это оно может себе позволить. Пока газета не упрочилась, они не должны были давать никакого повода к этому, а вместо того — бакунистские глупости.

Я просил Лафарга дать мне сведения о сравнительной силе обеих партий, а также об истории Маре — Годар[102]. Ты видишь его ответ. Очевидно, что именно в угоду синдикальным камерам Малон и К° пожертвовали программой и всем прошлым движения со времени Марсельского съезда[96]. Кажущаяся сила Малона является, таким образом, в действительности его слабостью. Если снижать уровень своей программы до уровня самых обыкновенных тред-юнионов, то, конечно, легко иметь «большую публику».

Электричество уготовило мне маленький триумф. Ты, может быть, помнишь мои рассуждения о споре Декарта — Лейбница по поводу mv и mv^2, как мере движения[103]; они сводились к тому, что mv представляет собой меру механического движения при передаче механического движения *как такового,* тогда как $mv^2/2$ является его мерой при изменении формы движения, мерой, в соответствии с которой оно превращается в теплоту, электричество и т. п. Так вот, для электричества, до тех пор пока вопрос решался только физиками в лабораториях, мерой электродвижущей силы, которая рассматривалась как представительница электрической энергии, признавался вольт *(E)* — произведение силы тока (ампер, *C)* на сопротивление (ом, *R).*

$$E = C \times R.$$

И это правильно, пока электрическая энергия при передаче не превращается в другую форму движения. Но вот Сименс в своей председательской речи на последнем заседании Британской ассоциации[67] предложил наряду с этим новую единицу — ватт (назовем ее *W),* которая должна выражать действительную энергию электрического тока (то есть в отличие от других форм движения, называемых vulgo** — энергией) и которая измеряется: вольт × ампер, $W = E \times C$.

Но $W = E \times C = C \times R \times C = C^2R$.

* — «Egalite». *Ред.*
** — в просторечии. *Ред.*

Сопротивление представляет в электричестве то же самое, что в механическом движении *масса.* Таким образом оказывается, что как в электрическом, так и в механическом движении количественно измеряемая форма проявлений этого движения — в одном случае скорость, в другом сила тока — действует при простой передаче *без* перемены формы как простой множитель в первой степени; напротив, при передаче *с* переменой формы — как множитель *в квадрате.* Следовательно, это есть всеобщий естественный закон движения, который я впервые сформулировал. Теперь, однако, необходимо поскорее закончить диалектику природы[103].

У тебя дома все благополучно; но всюду плохое пиво, только немецкое в Уэст-Энде хорошее.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

61
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Вентнор], 27 ноября 1882 г.

Дорогой Фред!

При сем письмо Лафарга. Свое раздражение по поводу глупости Лафарга и Геда я уже заранее излил в письме к тебе* и таким образом дисконтировал его. Непостижимо, как можно, стоя во главе движения, так легкомысленно, — говоря напрямик, *так глупо* — рисковать всем неизвестно ради чего! Статья Лафарга об околдованном министерстве финансов была очень удачной[104].

Что касается парижских «синдикатов», то из рассказов беспристрастных людей в Париже (во время моего пребывания в Аржантёе[105]) я убедился, что эти синдикаты, пожалуй, еще гораздо хуже лондонских тред-юнионов.

* См. настоящий том, стр. 89—91. *Ред.*

Подтверждение той роли, которую играет *квадрат* при передаче энергии с переменой формы последней, очень хорошо — поздравляю тебя с этим[*].

Привет.

Мавр

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

62
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР

Лондон, 30 ноября 1882 г.

Дорогой Мавр!

Прилагаю полученное сегодня письмо Бебеля. «Мистическое», чего он сразу не смог понять и что могло бы избавить их от закона против социалистов[106], это, разумеется, вспышка революционного кризиса в России[**]. Удивительно, что все эти люди не могут привыкнуть к мысли, что толчок должен прийти оттуда. А я ведь не один раз растолковывал ему это. Его надежды на какой-то новый *большой* кризис я считаю преждевременными; промежуточный кризис, как в 1842 г., может наступить, и при этом, конечно, более всего пострадает промышленно наиболее отсталая страна — Германия, которая вынуждена довольствоваться крохами спроса на мировом рынке.

Гед в Монлюсоне после первого допроса был сейчас же освобожден, ни Базен, ни Лафарг не арестованы, напротив — Базен поместил в «Egalite» письмо к полицейскому комиссару своего участка, в котором он протестует против того, что вокруг его квартиры шныряют шпики, и сообщает, когда его можно арестовать дома. У этих людей больше удачи, чем ума. Смогу прочесть «Egalite» только после отхода почты в 5.30, а потому ты получишь ее завтра со второй почтой (два номера).

Я получил от букиниста: «О возникновении и гибели польской конституции 3 мая 1791 г.», 1793, без указания места издания[107]. Это — столь часто упоминавшаяся тобой книга, в которой подробно описываются гнусности Фридриха-Вильгельма II по отношению к полякам. Стоит целую марку!

---

[*] См. настоящий том, стр. 97—98. *Ред.*
[**] См. также настоящий том, стр. 347. *Ред.*

Батарея Гартмана для зажигания 6 лампочек накаливания Суона должна быть завтра готова. Если дело удастся, то есть если будет достигнуто постоянство света в течение длительного времени, следовательно, будет фактически доказано постоянство силы тока, то батарея будет немедленно публично выставлена и «учреждено» общество для ее эксплуатации. Гартман выставит различные предметы также в Хрустальном дворце[108], где скоро будет новая электрическая выставка. Он и его банкир, которого ему нашел Перси[*], очень воодушевлены изобретением.

Здесь все в порядке.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4. 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

63

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОНДОН

[Вентнор], 4 декабря 1882 г.

Дорогой Фред!

Прилагаю письмо Бебеля[106], которое меня очень заинтересовало. Наступление промышленного кризиса в ближайшее время я не считаю возможным.

Погода в ноябре была в общем хороша, хотя очень переменчива. В первые дни декабря наступили суровые холода, сменявшиеся оттепелью и слякотью. Сегодня погода прекрасная, но, несмотря на это, я осужден на домашний арест. Так как в последние дни я немного охрип (безусловно не в результате разговоров) и у меня появилось неприятное ощущение в горле, усилился кашель и ухудшился сон вопреки регулярным, постоянным и продолжительным прогулкам, то пришлось снова позвать доктора. От этих господ так легко не отделаешься! Это только катар гортани; однако он считает необходимым, чтобы я сидел дома, пока не пройдет воспаление. Кроме приема

[*] — Рошер. *Ред.*

легкого лекарства, он предписал мне вдыхать пары бензоя (к которому подмешано еще что-то, мне кажется, нечто вроде хлороформа). Сегодня он снова выслушал и выстукал меня, в третий раз со времени моего приезда, и нашел, что в остальном все в порядке. Через несколько дней он снова заглянет, чтобы решить, можно ли снять домашний арест.

Замечательно то, что все три спорщика, выступающие в *«Plebe»* один против другого по поводу моей теории стоимости, — Лавеле, Кафьеро и Канделари — несут чепуху[109]. Однако если судить по цитате, которую при этом приводит Канделари о моей теории стоимости из *«Критической истории политической экономии» Малона,* то все же Малон по своей тривиальности превосходит в действительности всех этих трех верхоглядов.

Надеюсь, *в доме № 41,* Maitland Park Road* *все в порядке.* Жду оттуда нескольких строк, но знаю, что бедная Тусси завалена работой.

Привет.

Мавр

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

64
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН**

Вентнор, 8 декабря 1882 г.

Одновременно посылаю обратно полученный сегодня «Proletaire» с отчетом о Шиптоне и K°[110] (которых, между прочим, Лафарг очень хвалил в самой «Egalite» за сбор в пользу одной французской «стачки». Так получается, когда любой случайный толчок сейчас же устремляет его в «предопределенном» направлении).

Что же касается по ошибке мне посланного и подлежащего возвращению тебе номера «Proletaire», о котором ты упоминаешь в твоей последней, полученной сегодня открытке, то он сюда вообще не дошел. А между тем он должен был бы прийти вчера

* Адрес квартиры Маркса в Лондоне. *Ред.*

** Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*

или сегодня или, по крайней мере, в течение этой недели, но quod non[*]; *может быть, утерян на почте?*

Газете «Sozialdemokrat» следовало бы добыть себе *материал (подробный)* об обращении с рабочими в прусских государственных рудниках и т. д. для характеристики вагенер-бисмарковского государственного социализма.

Привет.

Мавр

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Ф. Энгельсу, эсквайру, 122, Regent's Park Road, London, N. W.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

65
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР

Лондон, 8 декабря 1882 г.

Дорогой Мавр!

История с «Proletaire» такова: когда я недавно отправлял тебе пакет с номерами «Egalite» и «Kolnische Zeitung», я собирался послать тебе также номер «Proletaire» о тред-юнионах и был убежден, что вложил его в пакет. Во время упаковки был кто-то в комнате, и я это делал немного второпях. Так как на следующий день я обнаружил у себя номер «Proletaire» о тред-юнионах, но не нашел другого номера, с сент-этьеннскими свинствами[111], то я решил, что послал тебе вторично этот номер. Проверив все это сегодня при дневном свете, я обнаружил его еще в том же конверте, в котором ты мне его отослал; это, пожалуй, и было причиной того, что я его не мог найти.

Из твоей открытки к Тусси я вижу, что ты еще под домашним арестом — при таком снеге и слякоти от таянья снега это, во всяком случае, самое лучшее; но скоро, вероятно, станет лучше (не в смысле «самого лучшего», а в смысле лучшей погоды, чем теперь). Ты должен быть готов к тому, что у тебя будут незначительные заболевания дыхательных путей в течение

[*] — этого не было. *Ред.*

этой твоей первой зимы на севере после плеврита, только лечение следующим летом может положить им конец.

Чтобы наконец полностью уяснить себе параллель между германцами Тацита* и американскими краснокожими, я сделал небольшие выдержки из первого тома твоего Банкрофта**. Сходство, действительно, тем более поразительно, что способ производства так различен — здесь рыболовство и охота без скотоводства и земледелия, там кочевое скотоводство, переходящее в земледелие. Это как раз доказывает, что на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада старых кровных связей и старой взаимной общности полов (sexus) у племени. Иначе тлинкиты в бывшей русской Америке не могли бы быть чистой копией германцев, и, пожалуй, в еще большей мере, чем твои ирокезы[112]. Другая загадка, которая там разрешается, это то — каким образом сваливание главной массы работы на женщин прекрасно уживается с большим уважением к женщинам. Далее, я нашел подтверждение своему предположению, что обнаруженное в Европе первоначально у кельтов и славян jus primae noctis*** является пережитком старой общности полов: у двух племен, далеких друг от друга и различных по происхождению, оно существует для шаманов, как представителей племени. Я очень многому научился из этой книги и в отношении германцев пока что удовлетворен. Мексику и Перу вынужден отложить на более позднее время. Дело в том, что я вернул Банкрофта, но зато взял остальные сочинения Маурера, которые, таким образом, теперь *все* у меня[113]. Я должен был просмотреть их для моей заключительной заметки о марке****, которая становится довольно длинной, и мне все еще не нравится, хотя я ее дважды и трижды заново переделывал. Отнюдь не шуточное дело дать на 8—10 страницах краткий обзор возникновения, расцвета и распада марки. Если только у меня останется время, пошлю тебе заметку, чтобы узнать твое мнение. А сам я хотел бы уже избавиться от этой ерунды и снова заняться естествознанием[114].

Любопытно, каким образом — как это можно наблюдать у так называемых первобытных народов — возникало представление о *святости.* Священно первоначально то, что мы переняли из животного мира, — *животный элемент;* наоборот, «человеческие установления» считаются, так же как и в Евангелии, мерзостью в сравнении с божественным законом.

---

* *Тацит.* «Германия». *Ред.*
** *Х. Х. Банкрофт.* «Туземные племена тихоокеанских штатов Северной Америки». *Ред.*
*** — право первой ночи. *Ред.*
**** *Ф. Энгельс.* «Марка». *Ред.*

Установка Гартманом его батареи для питания 6 ламп Суона (лампочки накаливания с силой света по 6 свечей каждая) должна была закончиться вчера, но не знаю, удалась ли она.

Я обращу внимание Бернштейна на Саарбрюккен, я уже раньше это делал. Но будет трудно добыть там материал при исключительном законе против социалистов[106]. Уже до него прилагались все усилия к тому, чтобы сохранить этот округ *чистым.*

«Egalite» пришлю со следующей почтой. Лафарг все еще на свободе, поскольку он сам мне ее адресует.

По поводу депутации тред-юнионов[110]: когда на митинге поссибилистов французы запели в ее честь «Марсельезу», почтенный Шиптон с братией решили, что должны достойно ответить им, и запели в унисон *«Боже, храни королеву!».*[*] Так сообщает «Kolnische Zeitung», которую я послал Лауре.

Итак, желаю улучшения как твоей гортани, так и погоды!

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

66

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ[115]

В ВЕНТНОР

[Лондон, 13—14 декабря 1882 г.]

Получил это только что, в 9.20 вечера. Конечно, Поль[**], после того как он предстанет перед судьей в Монлюсоне, тотчас же будет отпущен на свободу. А пока завтра же посылаю Лауре необходимую сумму денег. В доме № 41 на Maitland Park[***] все в порядке.

Впервые опубликовано на языке оригинала в книге: F. Engels, P. et L. Lafargue. «Correspondance». T. I, Paris, 1956

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

[*] — государственный гимн Великобритании. *Ред.*
[**] — Лафарг. *Ред.*
[***] Адрес квартиры Маркса в Лондоне. *Ред.*

67
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР

Лондон, 15 декабря 1882 г.

Дорогой Мавр!

При сем — приложение о марке*. Будь добр, верни мне его в *воскресенье,* чтобы я мог просмотреть его в понедельник, — сегодня я не успел закончить последний просмотр.

Высказанный здесь взгляд на положение крестьян в средние века и на возникновение *второго* крепостного права с середины XV века я считаю в общем бесспорным. Я перечитал во всех работах Маурера[113] все соответствующие места и нахожу у него почти все мои положения, и *притом с доказательствами,* а наряду с этим — прямо противоположные утверждения, но либо без доказательств, либо относящиеся ко времени, о котором здесь как раз *нет* речи. В особенности это касается «Господских дворов», том 4, заключение. Эти противоречия возникают у Маурера: 1) благодаря привычке приводить доказательства и примеры из всех времен одно рядом с другим и вперемежку, 2) благодаря остаткам юридической узости, которая мешает ему всякий раз, когда дело идет о понимании *развития,* 3) благодаря тому, что он совершенно недостаточно уделяет внимания *насилию* и его роли, 4) благодаря «просвещенному» предрассудку, будто со времени темного средневековья *должен* был иметь место постоянный прогресс к лучшему; это мешает ему видеть не только антагонистический характер действительного прогресса, но и отдельные случаи регресса.

Ты увидишь, что вещь отнюдь не монолитна, а слеплена из отдельных кусков. Первый набросок был сделан сразу, но, к сожалению, неправильно. Лишь постепенно я овладел материалом и потому многое исправлял.

Между прочим, повсеместное восстановление крепостного права явилось одной из причин, помешавших развитию промышленности в Германии в XVII и XVIII веках. Во-первых, *обратное* разделение труда у цехов, противоположное тому, какое имеет место в мануфактуре: вместо разделения труда внутри мастерской труд делится *между цехами.* Здесь, в Англии, произошло переселение промышленности в не знающую цехов деревню. В Германии этому препятствовало превращение сельских жителей и обитателей торговых местечек, занимающихся

* *Ф. Энгельс.* «Марка». *Ред.*

земледелием, в крепостных. Но от этого затем погибли в конце концов и сами цехи, как только появилась конкуренция иностранной мануфактуры. Я оставляю здесь в стороне другие причины, влиявшие на задержку развития немецкой мануфактуры.

Сегодня снова весь день туман и газовое освещение. Батарея Гартмана, вероятно, не пригодна для освещения, в лучшем случае она годится для телеграфа и пр. Подробнее об этом — как только дело выяснится окончательно.

Будь здоров; надеюсь, у тебя скоро установится погода, при которой ты сможешь выходить из дому.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

68
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР

Лондон, 16 декабря 1882 г.

Дорогой Мавр!

Вчера меня прервали, продолжаю сегодня. Ты, наверное, заметил, как наспех составлено мое письмо, — Пумпс и бэби[*] все время мешали мне сперва исправлять рукопись[**], затем писать письмо. Больше всего меня интересует твое мнение по поводу пункта о почти полном — правовом или фактическом — исчезновении крепостного права в XIII и XIV веках, поскольку раньше ты высказывал по этому вопросу несколько иной взгляд. Для земель к востоку от Эльбы твердо установлена свобода *немецких* крестьян вследствие колонизации; для Шлезвиг-Гольштейна Маурер[***] признает, что в то время «все» крестьяне вновь добились свободы (быть может, несколько позднее, чем в XIV веке). Также и для Южной Германии он признает, что именно тогда с зависимыми крестьянами обращались лучше всего. То же — в той или иной степени — в Нижней Саксонии (например, новые «мейеры» — фактически наследственные арендаторы). Он возражает лишь против взгляда

[*] — дочь Пумпс, Лилиан. *Ред.*

[**] *Ф. Энгельс.* «Марка». *Ред.*

[***] *Г. Л. Маурер.* «История господских дворов, крестьянских дворов и подворного устройства в Германии». *Ред.*

Киндлингера[*], будто крепостное право *возникло* только в XVI веке. Но что оно с этого времени снова ожило, появилось во втором издании, кажется мне бесспорным. Мейтцен[**] приводит даты, когда впервые снова заходит речь о крепостных в Восточной Пруссии, Бранденбурге, Силезии — это середина XVI века; те же данные для Шлезвиг-Гольштейна у Хансена[***]. Когда Маурер называет это *смягченным* крепостным правом, то он прав, если сравнивать его с крепостничеством IX—XI веков, которое, собственно, являлось продолжением древнегерманского рабства; он также прав, если иметь в виду юрисдикцию, которой обладал помещик над крепостными согласно уже правовым кодексам XIII века и позднее. Но сравнительно с *фактическим* положением крестьян в XIII и XIV веках, а в Северной Германии и в XV веке, новое крепостное право было чем угодно, только не смягчением. И особенно после Тридцатилетней войны![116] Характерно также, что в то время как в средние века было такое множество степеней зависимости и крепостничества, что «Саксонское зерцало»[117] даже отказывается говорить о праве крепостных людей, — после Тридцатилетней войны дело поразительно упрощается. Словом, я с нетерпением жду твоего мнения.

Пумпс помешала мне также приклеить в том месте, где упоминается русская общинная собственность, примечание, устанавливающее, что это сообщение исходит от тебя.

Прилагаемое — от старого Беккера[****]; к счастью, я смог немедленно отозваться на деликатный намек и послать ему пять фунтов, так как я как раз продал акции, и деньги были получены в тот же день.

При сем — два номера «Egalite», надеюсь, они будут доставлены завтра; из них ты увидишь, что Лафарг был сразу же освобожден, и вчера вечером его ждали в Париже.

Батарея Гартмана: пока он ставил только гальванометр, где сопротивление состояло из очень длинной проволоки, следовательно, электромеханическая сила расходовалась лишь постепенно, до тех пор все шло хорошо. Но как только он установил лампу, где сопротивление концентрируется на одной точке, на тонкой короткой проволоке накала, все пошло прахом; водород сейчас же поляризовал серебряные электроды,

[*] *Н. Киндлингер.* «История крепостной зависимости в Германии, в частности так называемого крепостного права». *Ред.*

[**] *А. Мейтцен.* «Земля и аграрные отношения в прусском государстве в границах до 1866 года». *Ред.*

[***] *Г. Хансен.* «Уничтожение крепостничества и преобразование отношений между помещиками и крестьянами вообще в герцогствах Шлезвиг и Гольштейн». *Ред.*

[****] — Иоганна Филиппа Беккера. *Ред.*

и слабый ток дал лишь слабую красноту проволоки накала. Теперь он опять носится с разными другими планами усовершенствований, но все они доказывают, что он ищет трудность не там, где надо. Однако сомнительно, будут ли расположены господа, финансирующие его, к дальнейшим экспериментам.

Как ты думаешь, сможешь ли ты заказать там на первую неделю января две постели — для меня и Шорлеммера? Мы очень хотели бы на несколько дней прокатиться к тебе, если ничто этому не помешает. Но всякие помехи всегда вероятны ввиду ревматизма Шорлеммера и пр. Все же, если мы будем знать, что ты сможешь устроить нас у себя или по соседству, а также, когда мы должны окончательно сообщить тебе о нашем приезде, то мы сможем с этим сообразоваться.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

69
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Вентнор], 18 декабря 1882 г.

Дорогой Фред!

Возвращаю рукопись[*]; *очень хорошо!*

Только что опять приходил доктор[**]; не могу сказать, чтобы я чувствовал улучшение, скорее наоборот. На дворе не холодно, но дождливо, сыро, и доктор утверждает, что не может разрешить мне выходить, пока не настанет хороший день; в противном случае он не берет-де на себя ответственность.

Черт возьми! Надо запасаться терпением!

Привет.

Мавр

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] *Ф. Энгельс.* «Марка». *Ред.*
[**] — Уильямсон. *Ред.*

70
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР

Лондон, 19 декабря 1882 г.

Дорогой Мавр!

Вчера в пять часов вечера получил твое письмо, сегодня утром рукопись*. Твой отзыв очень лестен, но я не могу с ним согласиться, по крайней мере в отношении формы. Сегодня прекрасный теплый полдень, так что ты, вероятно, освобожден наконец на несколько часов от домашнего ареста. Здесь, правда, с часа дня у нас опять усиливается туман, при котором по временам становится темно, как ночью.

Историю Подолинского[118] я представляю себе так. Его действительное открытие состоит в том, что человеческий труд в состоянии удержать на поверхности земли и заставить действовать солнечную энергию более продолжительное время, чем это было бы без него. Все выводимые им отсюда экономические следствия ошибочны. У меня этой вещи нет под рукой, но я недавно еще читал ее по-итальянски в «Plebe». Вопрос: каким образом известное количество энергии, заключающееся в определенном количестве продуктов питания, может посредством труда превратиться в большее количество энергии, чем оно само, — я для себя разрешаю так. Предположим, что ежедневно необходимые человеку жизненные средства представляют собой количество энергии, выражающееся в 10000 е. т. (единиц тепла). Эти 10000 е. т. остаются во веки веков равными 10000 е. т. и, как известно, при превращении в другие формы энергии теряют на практике из-за трения и т. д. некоторую часть, которую нельзя превратить в полезную энергию. В человеческом теле — даже значительную часть. Следовательно, *физический* труд, выполняемый в процессе экономического труда, никогда не может быть равен 10000 е. т., он всегда меньше.

Но физический труд из-за этого еще далеко не является *экономическим* трудом. Выполненный этими 10000 е. т. экономический труд состоит отнюдь не в *воспроизводстве* этих самых 10000 е. т., целиком или частично, в той или иной форме. Напротив, большая часть их пропадает, — уходит на увеличение и излучение теплоты человеческого тела и т. д., — и что от них остается полезного, так это только удобрительная способность

* *Ф. Энгельс.* «Марка». *Ред.*

экскрементов. Экономический труд, который выполняется человеком посредством затраты этих 10000 е. т., состоит скорее в фиксации на более или менее продолжительное время *новых,* полученных им от солнца единиц тепла, связь которых с первоначальными 10000 е. т. только и состоит в этом труде. Составляют ли *новые* единицы тепла, — фиксированные благодаря затрате заключающихся в дневной пище 10000 е. т., — 5000, 10000, 20000 или один миллион единиц тепла, это зависит исключительно от степени развития средств производства.

Да и выразить это в числах можно только в самых примитивных отраслях производства: охоте, рыболовстве, скотоводстве, земледелии. При охоте и рыболовстве новая солнечная энергия даже и не фиксируется, а лишь используется уже фиксированная. Притом ясно, что, исходя из нормального питания данного человека, количество белков и жиров, которое он добывает охотой или рыболовством, стоит вне зависимости от того количества этих веществ, которое он потребляет.

В скотоводстве энергия фиксируется постольку, поскольку при этом части растений, обычно быстро увядающие, отмирающие и разлагающиеся, планомерно превращаются в животный белок, жир, кожу, кости и пр., следовательно, фиксируются на более продолжительное время. Подсчет становится здесь уже сложным.

Еще более сложен он в земледелии, где в него входит также и энергия, заключающаяся в вспомогательных материалах, удобрениях и т. д.

В промышленности такого рода подсчеты совсем невозможны: труд, присоединенный к продукту, большей частью вовсе нельзя выразить в единицах тепла. Это еще, пожалуй, мыслимо, например, в отношении фунта пряжи, поскольку прочность пряжи еще может быть кое-как выражена формулой механики, но уже и здесь это оказывается совершенно бесполезным педантством и становится просто абсурдным в отношении куска неотделанного сукна, тем более — в отношении беленого, крашеного, набивного. Количество энергии, заключающееся в молотке, винте, иголке, есть величина, которая не поддается выражению в виде издержек производства.

По моему мнению, совершенно невозможно выразить экономические отношения в физических мерах.

Что Подолинский совершенно забыл, так это то, что работающий человек представляет собой расточителя не только солнечной теплоты, фиксированной *в настоящее время,* но в гораздо большей мере — фиксированной *в прошлом.* Ты лучше меня знаешь, что делается в области расточительства запасов

энергии — угля, руд, лесов и т. д. С этой точки зрения охота и рыболовство тоже представляют собой не фиксацию новой солнечной теплоты, а использование и уже начинающееся расточительство ранее накопленной солнечной энергии.

Далее: то, что человек делает посредством труда сознательно, то растение делает бессознательно. Растения — это ведь давно уже известно — представляют собой великих поглотителей и хранителей солнечной теплоты в измененной форме. Следовательно, своим трудом, поскольку труд фиксирует солнечную теплоту (что отнюдь не всегда имеет место в промышленности и в других областях), человеку удается соединить естественные функции потребляющего энергию животного и накапливающего энергию растения.

Подолинский отклонился в сторону от своего очень ценного открытия, ибо хотел найти новое естественнонаучное доказательство правильности социализма и потому смешал физическое с экономическим.

Прилагаю чек на 40 ф. ст. с тем, чтобы ты смог получить по нему, когда захочешь, и тем самым обеспечить свой тыл.

О приезде Тусси я поговорю с ней сегодня вечером. Что касается нас, то Джоллимейер, конечно, сразу на это согласился. Более точно можно будет условиться лишь по его приезде. Завтра напишу подробнее.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

71
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР

Лондон, 22 декабря 1882 г.

Дорогой Мавр!

Возвращаясь еще раз к Подолинскому[*], вношу ту поправку, что накопление энергии посредством труда происходит собственно только в *земледелии;* в скотоводстве, в общем, накопленная в растениях энергия лишь перемещается в животное; о накоплении энергии тут речь может идти только постольку,

[*] См. настоящий том, стр. 109—111. *Ред.*

поскольку без скотоводства кормовые растения увядали бы без пользы, а в нем находят себе применение. Напротив, во всех отраслях промышленности энергия только *расходуется.* Во внимание можно принять, самое большее, лишь то обстоятельство, что растительные продукты — дрова, солома, лен и т. д. — и животные продукты, в которых накоплена энергия растений, посредством обработки получают полезное применение, следовательно, *сохраняются более продолжительное время,* чем если бы они были предоставлены естественному разложению. Таким образом, давно известный экономический факт, что все работники промышленности должны жить за счет продуктов земледелия, скотоводства, охоты и рыболовства, можно, следовательно, если угодно, перевести и на язык физики, но от этого вряд ли будет много пользы.

Прилагаю письмо Лауры; положение Женни в действительности не так уж плохо, если только она даст себя лечить как следует и систематически, а это необходимо, не из-за непосредственной опасности, а ввиду в высшей степени неприятных последствий, какие могут иметь место, если пренебречь всем этим.

Гартман отказался от всей своей здешней затеи и завтра снова отправляется за океан. Это самое лучшее. Он взвалил тут на себя своими договорами столько юридических обязательств (и в некоторых случаях их не выполнил), что сам уже не знает, в каком положении его дела. О всех этих историях расскажу тебе устно, я рад, что он уезжает. Постоянно занимая у меня деньги, он в то же время, как теперь выясняется, зарабатывал от пяти до шести фунтов стерлингов в неделю!

Ты прав насчет того недомыслия, которое иногда позволяет себе Бернштейн. Однако он не одинок в этом. Просмотри-ка новые открытия Лафарга в статье «Пастыри и коммерсанты» («Egalite», 20 декабря) и в том же номере новейшую реконструкцию отнюдь неулучшенного вейтлингианства, предпринятую Девилем.

Радуюсь, что в отношении истории крепостного права* мы «единодушны», как говорят деловые люди. Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, мы находим их всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю, — в Фессалии, например, это имело место очень рано. Факт этот даже сбил меня и кое-кого другого с толку в вопросе о средневековом крепостничестве;

* См. настоящий том, стр. 105—106, 106—107. *Ред.*

слишком легко склонялись к объяснению его простым завоеванием, это так ясно и просто решало дело. Смотри, между прочим, Тьерри*.

И положение христиан в Турции в период расцвета старотурецкого полуфеодализма имело некоторые черты сходства с этим.

Но вот пришла к обеду Пумпс — уже 5 часов, и я должен подчиниться силе обстоятельств. Блестящая погода, надеюсь, снова поставила тебя на ноги.

Твой ***Фред***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* *О. Тьерри.* «История завоевания Англии норманнами». *Ред.*

1883 год

72
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ВЕНТНОР

Лондон, 9 января 1883 г.

Дорогой Мавр!

Спешно посылаю тебе при сем: 1) Лафарга, 2) Бебеля, 3) Гепнера, из которых 2) и 3) прошу мне вернуть.

Итак, наконец-то сообщение о состоянии Женни, из которого видно, как собственно обстоит дело. По моему мнению, дело не так плохо, как кажется; бедное дитя слишком истощило себя чрезмерным напряжением сил и боязнью лечения, но, несомненно, скоро поправится под руководством Лауры. Я немедленно послал Лауре 15 ф. ст., последние 5 для того, чтобы Лаура при своих посещениях Женни и покупках для нее могла не стесняться. Пока Женни не будет снова в состоянии вести свое хозяйство, Джонни все же лучше оставаться здесь.

Сообщения Бебеля о немецкой промышленности интересны, но, мне кажется, к ним надо отнестись cum grano salis*. Что расширяется, так это большей частью промышленность по производству предметов роскоши и, пожалуй, механическое ткачество, однако пошлины на пряжу не позволяют экспортировать ткани. Со времени присоединения Эльзаса веретен у них больше, чем им нужно, металлургических заводов с 1870 г. — тоже; в таком случае что же может значительно расширяться в собственно *крупной* промышленности? Да и то обстоятельство, что ему *так* импонирует свекловичный сахар, указывает на ограниченность точки зрения. Что государство выплачивает прибыли юнкерам, производящим сахар, это уже обсуждали в ландтаге.

Гепнер. Что скажешь по поводу того, как этот маленький еврейчик (подталкиваемый, очевидно, к этому своим компаньоном Йонасом) хочет приставить нам револьвер к груди с требованием предисловия к «Манифесту»**? Полагаю, что на такие

---

* — буквально: с крупинкой соли: здесь в смысле: критически. *Ред.*

** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

нахальные письма или вовсе не надо отвечать, или, в лучшем случае, отослать его к предисловию к лейпцигскому изданию*; если же последнее его не удовлетворяет, то пусть он совсем не печатает «Манифеста».

Коль скоро ты будешь писать Зорге относительно Гартмана (если ты этого еще не сделал), ты мог бы вставить несколько строк о маленьком Гепнере.

Почта закрывается — я должен был из-за денег пойти в город и затем отослать их, поэтому запоздал.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

73
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛОНДОН

[Вентнор], 10 января 1883 г.

Дорогой Фред!

Было очень хорошо с твоей стороны сейчас же переслать мне письмо Лафарга; оно очень успокоило меня, тем более, что одновременно я получил сегодня письмо непосредственно от Лафарга, и, судя по этому письму, кажется, наступила перемена к лучшему. Я совершенно согласен с тобой, что *ни при каких условиях* не следует теперь отсылать Джонни. Об этом не может быть и речи, пока Женни полностью не поправится. Было бы непростительно еще отягощать положение девочки. Я еще сегодня напишу непосредственно Лонге. Было бы хорошо, если бы ты сам написал несколько строк Женничке в этом же смысле. От этого, мол, Джонни еще не будет потерян для территориальной армии.

Поразительно, что теперь всякое нервное возбуждение сразу же хватает меня за горло, как хватал Красный Вольф** своего брата, хлебного ростовщика[119]. Я хочу сказать, что страх, испытанный мной в первый момент после получения плохих известий из Парижа несколько дней тому назад, вызвал у меня

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 года». *Ред.*

** — Фердинанд Вольф. *Ред.*

спазматический приступ кашля, от которого я чуть было не задохнулся. Это в высшей степени мучительное ощущение бедная Женничка должна была часто испытывать во время своей астмы.

Что касается «маленького Гепнера», то я полагаю, что с ним надо разговаривать «по-деловому». Ему нужно сообщить, что он волен перепечатать наше предисловие к лейпцигскому изданию[*], а также, что русские издали в прошлом году новый перевод[**]. Если он полагает, что *без нового специального предисловия, с нашей стороны* не стоит перепечатывать «Манифеста», то пусть он поступает так, как ему представляется наиболее целесообразным при данных обстоятельствах. «Приставлять револьвер к груди» — это в характере и в манере «наших людей»[***], следовательно, с этим скрепя сердце приходится мириться, как с чем-то само собой разумеющимся, имея дело с маленьким Гепнером.

От бедняги Мейснера я получил счет *за 1881 год*[120]*;* это был, по его словам, плохой год, но это не имеет большого значения, так как, согласно его собственному сообщению, в 1882 г. распродажа экземпляров подходит «к концу»; чем меньше было продано в 1881 г., тем, следовательно, больше он должен был продать в 1882 году. Мое долгое молчание должно было смутить его. Наконец, Мухаммед идет к нему; к сожалению, еще не могу послать кипу корректурных листов[****], что ему было бы более желательно. Ввиду продолжительного и лишь в виде исключения прерываемого домашнего ареста, в особенности же вследствие постоянного недомогания или, выражаясь *эстетически, по-южногермански,* в стиле мадам Карл Блинд, бывшей Коген, вследствие ежедневного «блевания» (это — результат кашля) я не мог до сих пор достаточно быстро вести корректуру. Все же с помощью терпения и педантичного контроля над собой я думаю скоро снова войти в колею.

Мавр

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913; полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 4, 1931 и в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 года». *Ред.*

[**] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»». *Ред.*

[***] В оригинале: «Leit». *Ред.*

[****] Речь идет о корректурных листах третьего немецкого издания первого тома «Капитала» К. Маркса. *Ред.*

Часть вторая

ПИСЬМА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

ЯНВАРЬ 1881 — МАРТ 1883

1881 год

1
МАРКС — ШАРЛЮ ЛОНГЕ
В ПАРИЖ

[Лондон], 4 января 1881 г.

Дорогой Лонге!

У меня накопилась такая огромная груда старых газет, что потребовалось бы слишком много времени, чтобы разыскать тот номер *«Eastern Post»,* где изложена полемика Генерального Совета (в том числе и его членов-коммунаров) с прославленным Брэдло[121]. Но я думаю, что у Лесснера *«Post»* имеется под рукой. Впрочем, для Вас это совершенно не важно. То обстоятельство, что Брэдло доносил на коммунаров, что он, как Вы заявили ему тогда в *«Post»,* повторял худшую клевету таких газет, как *«Liberte»* и *«Soir»,* что он ожесточенно нападал на воззвание Генерального Совета о «Гражданской войне во Франции»[*] и т. д., — вряд ли может повредить ему в глазах парижской буржуазии. Но все же об этом можно вкратце упомянуть, поскольку это характеризует человека. В ответе генерального секретаря Генерального Совета, адресованном Брэдло и напечатанном в *«Eastern Post»* в *сентябре 1871 г.* (генеральным секретарем был Хейлз, но слишком много чести будет называть его по имени), между прочим, говорилось:

«Бессмысленное разрушение частных жилищ (бомбардировкой Тьера) было делом друзей г-на Брэдло... При Республике Рошфор был приговорен к пожизненной ссылке за злоупотребление печатным словом. Что если бы и г-на Брэдло приговорили к пожизненной ссылке за его речи!»

Важно то, что Генеральный Совет (извлечения из протоколов его заседаний были напечатаны в *«Eastern Post»)* изобличил

---

[*] *К. Маркс.* «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих». *Ред.*

Брэдло в том, что он был прихлебателем Плон-Плона (он находился тогда в Лондоне) и поддерживал подозрительные знакомства в Париже. На заседании Генерального Совета *19 декабря 1871 г.* я заявил, что незадолго до этого Брэдло совершил поездку в Париж, где он общался с Детруайа и Эмилем де Жирарденом (мне сообщил об этом француз, который писал под именем Азамата или под каким-то другим турецким именем и которому рассказала это одна дама, по всей вероятности Бримон, присутствовавшая на том собрании, о котором я говорю ниже). Эмиль Жирарден дал в его честь обед, где присутствовали сомнительные, то есть *бонапартистские,* дамы и где Брэдло поставил себя в смешное положение хвастливыми рассказами о своем мнимом влиянии в Лондоне.

Если Брэдло говорит, что Бримон была ярой патриоткой в те времена, когда он с ней познакомился, то ему можно вполне поверить. До Седанской битвы все бонапартисты были патриотами постольку, поскольку они желали победы своему императору*. После Седанской битвы они все еще оставались патриотами, так как с их точки зрения *Францию могла спасти только* реставрация Луи Бонапарта, даже если бы реставрация эта совершилась с помощью Бисмарка.

Само собой разумеется, Вы *не должны ссылаться* на меня. Что касается подробностей дружбы Брэдло с Бримон, то их может сообщить Блан (старик).

Во время своей полемики с Генеральным Советом Брэдло пользовался поддержкой *«Soir»* (парижской газеты). На заседании Совета *2 января 1872 г.* Серрайе сообщил:

> «Он читал статью в *«Soir»,* написанную в защиту Брэдло. В статье говорилось, что он (Брэдло) *оказал газете («Soir») честь своим сотрудничеством,* что он является надежным сторонником правительства и не имеет ничего общего с демагогическими интригами».

Когда Гладстон распустил парламент (благодаря чему Дизраэли удалось его сбросить), зал, в котором читал лекцию Брэдло, был разукрашен огромными плакатами с надписью: «Прощай, иконоборец, спаситель народа! Добро пожаловать, великий храбрец церкви св. Стефана!»[122] Но он просчитался. Он не был избран в члены парламента, несмотря на то, что публично клянчил о поддержке (об одобрительных отзывах) в письмах, адресованных Брайту и другим лидерам «великой либеральной партии», которые ответили ему очень холодно. Не помогли ему и его хвастливые рассказы о том, что он обедал с настоящим епископом (англиканской церкви).

* — Наполеону III. *Ред.*

На последних выборах Брэдло оказался счастливее по следующей причине. Он был одним из самых крикливых демагогов, поддерживавших русофильскую кампанию Гладстона против Дизраэли, и фактически одним из самых неистовых агентов партии, которая стремилась любой ценой снова подобраться к «казенному пирогу». Кроме того, в предстоявшей решающей избирательной битве нельзя было пренебрегать ни одним избирательным округом. Показную щепетильность вигов и радикальной партии пришлось выбросить за борт.

Избрание Брэдло в Нортгемптоне не было обеспечено, несмотря на то, что большое количество сапожников этого города принадлежит к его «секте»; в прошлый раз эти сапожники голосовали за него все как один, но он, тем не менее, провалился. Но был еще и другой либеральный кандидат, которого трудно было провести, так как он приобрел известность своими «подозрительными финансовыми сделками» и, кроме того, повредил себе скандалами другого рода (его отхлестали по физиономии). Это был Лабушер. Он — один из трех владельцев «Daily News» и, следовательно, компаньон воротилы либеральной партии, капиталиста-*пиетиста Самюэла Морли.* Трудно было провести Брэдло или Лабушера каждого в отдельности, но это можно было сделать, *соединив* их вместе. Публичная рекомендация пиетиста Самюэла Морли (напечатавшего в газетах письмо), данная атеисту Брэдло, обеспечила ему религиозно настроенные элементы Нортгемптона, тогда как Брэдло обеспечил Лабушеру поддержку неверующих сапожников этого города. Таким образом, оба они прошли в члены парламента от Нортгемптона.

Исключительная подлость Брэдло особенно обнаруживается в тех маневрах, при помощи которых ему удавалось вытеснять всех прочих популярных проповедников атеизма (научные проповедники обращаются к другим социальным слоям), которые, подобно г-же Ло, не пожелали быть его личными оруженосцами. Он достиг этого тем, что присвоил себе все партийные фонды. Он добился даже того, что все лекционные залы в Лондоне оказались закрытыми для других, между тем как для себя лично он построил лекционный зал на партийные средства. Поэтому г-жа Ло и прочие были вынуждены ограничиваться лекциями в провинциях. Если это Вас интересует (мне кажется, однако, что в детали входить не стоит), Вы можете получить полную информацию по этому поводу от тех, кого это непосредственно касалось.

Привет.

К. М.

Не можете ли Вы сообщить мне какие-либо сведения относительно некоего *Э. Фортена,* который написал мне несколько писем и в обращении ко мне называет меня «мой дорогой учитель». Его просьба очень «скромна». Он изучает *«Капитал»* и предлагает ежемесячно писать *краткие конспекты,* которые он будет любезно пересылать мне каждый месяц; между тем я должен каждый месяц исправлять их, разъясняя ему пункты, которые он неправильно понял. Когда он, не торопясь разделается с последним месячным конспектом и я пришлю его обратно в исправленном виде, у него получится готовая для печати рукопись, которая, как он выражается, «зальет Францию потоками света».

Уже по одному недостатку времени я не соглашусь на его предложение, но во всяком случае нужно будет ответить на его письмо. Возможно, что у него самые лучшие намерения. Прежде чем ему писать, я хотел бы получить о нем какие-либо сведения. В настоящее время он живет в Бове, 22, rue de la Porte de Paris.

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Воинствующий материалист», кн. IV, 1925 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

2
МАРКС — НЕИЗВЕСТНОМУ[123] В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 31 января 1881 г.
41, Maitland Park Road, N. W.*

Милостивый государь!

Не откажите переслать мне газеты и т. д., перечисленные в прилагаемом списке. Кроме того, Вы очень меня обяжете, если сообщите, не существует ли какой-нибудь краткий справочник фабричных законов.

Несколько законов у меня есть, но один член французской палаты депутатов просил меня достать ему такой справочник, в котором он мог бы найти все сведения, относящиеся к этому вопросу. Помнится, что-то в этом роде опубликовал фабричный инспектор г-н Редпат[124].

Преданный Вам ***Карл Маркс***

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* — Мейтленд-парк-род, 41, Норд-Уэст (по этому адресу Маркс со своей семьей жил в Лондоне с марта 1875 г. до конца своей жизни). *Ред.*

3

ЭНГЕЛЬС — КАРЛУ КАУТСКОМУ В ВЕНУ

Лондон, 1 февраля 1881 г.
122, Regent's Park Road, N. W.*

Дорогой г-н Каутский!

С большим опозданием принимаюсь, наконец, за ответ на Ваше письмо.

Но так как Вы вскоре собираетесь приехать сюда, то подробная *письменная* критика книги**, которую Вы мне любезно прислали, оказалась бы, пожалуй, излишней работой: ведь я буду иметь удовольствие лично беседовать с Вами об этом; ограничусь поэтому немногими замечаниями.

1) Сказанное на стр. 66 и следующих опровергается тем, что между прибавочной стоимостью и прибылью на капитал, кроме различия процентного исчисления на переменный или на весь капитал, есть еще и другие реальные различия. В «Анти-Дюринге», на стр. 182, приведены относящиеся к этому важнейшие места из «Капитала»[125].

2) Если катедер-социалисты[126] настойчиво требуют от нас, пролетарских социалистов, разрешить им загадку, каким образом мы сможем устранить возможную угрозу перенаселения и связанную с этим опасность краха нового социального строя, то из этого вовсе не следует, что я обязан выполнить их желание. Разрешать за этих людей все их сомнения, возникающие у них из-за их собственной путаной сверхмудрости, или, например, хотя бы только опровергать весь тот несусветный вздор, который один Шеффле нагородил во многих толстых томах, было бы, полагаю, просто потерей времени. Одни только исправления *неправильных цитат* из «Капитала», которые эти господа приводят, заключая их в кавычки, составили бы, пожалуй, целый том. Пусть они сначала научатся читать и списывать, прежде чем требовать ответа на своп вопросы.

К тому же я отнюдь не считаю этот вопрос злободневным в такой момент, когда только что возникающее американское массовое производство и *подлинное* крупное земледелие грозят форменным образом удушить нас лавиной произведенных ими жизненных средств; накануне переворота, который в числе других последствий только еще должен привести к *заселению*

---

* — 122, Риджентс-парк-род, Норд-Уэст (по этому адресу Энгельс жил в Лондоне с сентября 1870 по начало октября 1894 года). *Ред.*

** *К. Каутский.* «Влияние прироста народонаселения на прогресс общества». *Ред.*

земного шара, — то, что Вы об этом пишете на стр. 169—170, слишком поверхностно затрагивает этот вопрос, — накануне переворота, который также и в Европе *необходимо потребует* сильного прироста населения.

Расчет Эйлера стоит того же, что и тот расчет, согласно которому 1 крейцер, положенный в первом году нашей эры под сложные проценты, удваивается через каждые тринадцать лет и сейчас, следовательно, должен составить, примерно, $\frac{1\times 2^{144}}{60}$ гульденов, то есть глыбу серебра, превышающую по своим размерам земной шар. Когда Вы на стр. 169 говорите, что американские общественные отношения незначительно отличаются от европейских, то это верно лишь в том случае, если Вы рассматриваете одни только крупные приморские города или же только внешние правовые формы этих отношений. Широкие массы американского населения живут, несомненно, в условиях, чрезвычайно благоприятствующих приросту населения. Доказательством этого служит поток иммиграции. И все-таки для удвоения населения потребовалось бы 30 с лишним лет. Запугивания здесь ни к чему.

Абстрактная возможность такого численного роста человечества, которая вызовет необходимость положить этому росту предел, конечно, существует. Но если когда-нибудь коммунистическое общество вынуждено будет регулировать производство людей, так же как оно к тому времени уже урегулирует производство вещей, то именно оно и только оно сможет выполнить это без затруднений. Планомерно достигнуть в таком обществе результата, какой уже теперь во Франции и Нижней Австрии возник в процессе стихийного, беспланового развития, кажется мне не таким уж трудным делом. Во всяком случае, люди в коммунистическом обществе сами решат, следует ли применять для этого какие-либо меры, когда и как, и какие именно. Я не считаю себя призванным к тому, чтобы предлагать им что-либо или давать им соответствующие советы. Эти люди, во всяком случае, будут не глупее нас с Вами.

Впрочем, уже в 1844 г. я писал об этом («Deutsch-Franzosische Jahrbucher», стр. 109): «Даже если бы Мальтус был безусловно прав, то все же было бы необходимо немедленно предпринять это» (социалистическое) «преобразование, так как лишь оно, лишь просвещение масс, осуществимое благодаря этому преобразованию, сделало бы возможным и то моральное ограничение инстинкта размножения, которое сам Мальтус считает наиболее легким и наиболее действенным средством против перенаселения»[127].

На этом я пока закончу — до устного обсуждения с Вами остальных вопросов. Вы очень хорошо делаете, что едете сюда. Вы — один из немногих представителей младшего поколения, действительно старающийся чему-нибудь научиться, и для Вас будет очень полезно выбраться из той некритической атмосферы, в которой прозябает вся изготовляемая ныне в Германии историческая и экономическая литература.

С искренним приветом

Ваш ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

4
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ В ЦЮРИХ

Лондон, 2 февраля 1881 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Прилагаю письмо Каутскому* с просьбой переслать его по назначению. Не знаю, годится ли еще венский адрес, который был мне дан.

5 номеров «Sozialdemokrat», вышедших после Нового года, свидетельствуют о значительном прогрессе. Тон унылого отчаяния «побитого человека», дополняющая его высокопарная добродетель, мещанская кротость вперемежку с мостовскими революционными фразами, наконец, постоянная возня с Мостом, — все это прекратилось. Тон стал непринужденным и уверенным, и если так пойдет дальше, то газета будет не усыплять массы в Германии, а пробуждать в них бодрость. Так как у Вас есть «Neue Rheinische Zeitung», Вам следовало бы время от времени в нее заглядывать. Именно благодаря тому презрению и насмешке, с которой мы относились к своим противникам, мы приобрели в течение шести месяцев до осадного положения почти 6000 подписчиков, и хотя в ноябре нам пришлось начинать все сначала[128], в мае 1849 г. у нас опять было прежнее число подписчиков и даже больше. «Kolnische Zeitung» признала теперь, что у нее в то время было *только 9000* подписчиков.

* См. предыдущее письмо. *Ред.*

Так как у Вас, кажется, не хватает фельетонов, то Вы могли бы перепечатать как-нибудь стихотворение из № 44 от 1848 г. «Нынче утром в Дюссельдорф я съездил», — под таким, примерно, заглавием: «Пожиратель социалистов 1848 г. (фельетон «Neue Rheinische Zeitung» от 14 июля 1848 г.)» и с подписью автора: Георг Веерт (умер в Гаване в 1856 г.)[129]. Итак, продолжайте в том же духе!

Ваш ***Ф. Э.***

«Не кради» и апология казни Людовика XVI[130] очень хороши.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

5
МАРКС — НИКОЛАЮ ФРАНЦЕВИЧУ ДАНИЕЛЬСОНУ[131] В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 19 февраля 1881 г.

Милостивый государь!

Спешу ответить хоть несколькими строками на Ваше дружеское письмо.

После того как я вернулся из Рамсгета, здоровье мое в общем поправилось, но отвратительная погода, длящаяся целыми месяцами, осчастливила меня хроническим насморком и кашлем, нарушающими сон и т. п. Но хуже всего, что состояние здоровья г-жи Маркс с каждым днем становится все более угрожающим, несмотря на то что я обращался к самым знаменитым лондонским врачам. К тому же у меня масса всяких домашних хлопот, о которых скучно рассказывать. С другой стороны, мне приходилось все это время, да и теперь еще приходится, одолевать целую уйму Синих книг[132], присылаемых мне из разных стран, в особенности же из Соединенных Штатов, так что моего рабочего времени едва хватает для выполнения этой задачи, поскольку уже ряд лет всякая ночная работа мне категорически воспрещена моими врачами. Вследствие всего этого у меня накопилась страшная задолженность по части корреспонденции. А тут еще в моей семье сейчас царит ужасная суматоха по случаю переезда моей старшей дочери, г-жи Лонге,

с детьми* из Лондона в Париж, где ее муж** после амнистии (все это время он занимал место преподавателя в лондонском Королевском колледже) стал одним из редакторов «Justice» (полусоциалистическая речь Клемансо в Марселе была инспирирована именно им[133]). Вы понимаете, как тяжела эта разлука при нынешнем состоянии здоровья г-жи Маркс. Для нее, так же как и для меня самого, наши внуки, три маленьких мальчика, являлись неистощимым источником радости.

Теперь прежде всего поговорим о прилагаемой рукописи[134]. Автор ее — г-н Лафарг, муж моей второй дочери*** и один из моих прямых учеников. Он просил меня справиться у Вас, не может ли он через Ваше посредство сделаться сотрудником петербургских журналов *«Отечественные Записки»* или *«Слово»***** (мне кажется, это единственные журналы, на которые он мог бы рассчитывать). Если это возможно, то он предоставляет Вам право изменить или выкинуть все, что окажется неподходящим для санкт-петербургского меридиана. Что касается его «имени», то можно будет ограничиться одними инициалами. Во всяком случае, Вам интересно будет прочесть эту рукопись.

Я с величайшим интересом прочел Вашу статью[135], она «оригинальна» в лучшем смысле этого слова. Оттого ее и бойкотируют. Стоит вам только вырваться из сетей рутинной мысли, и вы можете быть уверены, что первым делом всегда натолкнетесь на «бойкот», — это единственное орудие защиты, которое *рутинеры* умеют пускать в ход в первый момент замешательства. Меня «бойкотировали» в Германии в течение очень многих лет и все еще продолжают бойкотировать в Англии с той небольшой разницей, что здесь время от времени против меня допускают такие нелепые и дурацкие выходки, что мне было бы стыдно публично отвечать на них. Но продолжайте в том же духе! Первое, чем Вам, по-моему, следовало бы заняться, — это поразительным ростом *задолженности помещиков,* представителей высшего класса в сельском хозяйстве, и показать, как они «кристаллизуются» в общественной реторте под контролем «новых столпов общества».

Мне очень хотелось бы прочесть Вашу полемику со «Словом»****. Как только мой житейский корабль вступит в более спокойные воды, я выскажусь более подробно относительно Ваших *«Очерков».* Пока же не могу удержаться от одного замечания

---

* — Жаном, Анри и Эдгаром. *Ред.*
** — Шарль Лонге. *Ред.*
*** — Лауры. *Ред.*
**** Названия журналов написаны Марксом по-русски. *Ред.*

по этому поводу. Почва, которая непрерывно истощается и не получает — путем искусственного, растительного и животного удобрения и т. п. — необходимых для ее восстановления элементов, будет все же, в зависимости от изменчивых влияний погоды, то есть от не зависящих от человека обстоятельств, продолжать приносить весьма различные по величине урожаи; однако при обзоре целого ряда лет, например с 1870 по 1880 г., застойный характер сельскохозяйственного производства выступает перед нами с поразительной ясностью. При таких обстоятельствах благоприятные климатические условия пролагают путь *голодному году,* вызывая быстрое поглощение и извлечение из почвы еще скрытых в ней минеральных удобрений. *Наоборот, голодный год* и тем более ряд следующих за ним неурожайных лет позволяют минералам, входящим в состав почвы, накопиться вновь и обнаружить свое благотворное действие, когда снова наступят благоприятные климатические условия. Этот процесс совершается, конечно, повсюду, однако в *других местах* он сдерживается и видоизменяется вследствие вмешательства самого земледельца. *Единственным регулирующим фактором* он становится там, где человек перестал быть «силой» — ввиду недостатка средств.

Так, *в 1870 г.* в вашей стране был прекрасный урожай, но этот год был *кульминационным годом,* за которым немедленно последовал очень плохой год; весьма неурожайный 1871 год может рассматриваться как отправной пункт для нового малого цикла, приводящего нас к новому кульминационному 1874 году, за которым непосредственно следует голодный 1875 год; затем снова начинается подъем, завершающийся еще более тяжелым, голодным — 1880 годом. Сводка результатов за весь период показывает, что годовое производство в среднем оставалось без изменений и различия между отдельными годами и малыми циклами вызывались одними только естественными факторами.

Я писал Вам некоторое время тому назад*, что если тяжелый промышленный и торговый кризис, через который прошла Англия, не привел к завершающему финансовому краху в Лондоне, то это *исключительное* явление объясняется только притоком французских денег. В настоящее время это видят и признают даже английские рутинеры. Так, *«Statist»* (29 января 1881 г.) говорит:

«Благополучие денежного рынка в течение прошлого года было *результатом чистой случайности. Французский банк* в самом начале осени допустил сокращение своего золотого запаса с 30 миллионов ф. ст. до

* См. настоящее издание, т. 34, стр. 367—368. *Ред.*

22 миллионов... Нет ни малейшего сомнения, что прошлой осенью нам едва удалось избежать смертельной опасности» (!).

Английская железнодорожная система катится по той же наклонной плоскости, что и вся европейская *система государственных долгов.* Правящие магнаты из числа директоров разных железнодорожных компаний не только заключают — во все возрастающих размерах — новые займы *для расширения своей железнодорожной сети,* то есть той «территории», где они царствуют как самодержавные монархи, но и расширяют эту сеть, *чтобы иметь новые предлоги для заключения новых займов,* дающих им возможность уплачивать проценты держателям облигаций, привилегированных акций и т. п., а также бросать время от времени подачку рядовым акционерам, доверием которых постоянно злоупотребляют, в форме несколько повышенных дивидендов. Этот милый метод рано или поздно должен привести к ужасной катастрофе.

В *Соединенных Штатах* железнодорожные короли стали теперь мишенью нападок не только, как было раньше, со стороны фермеров и других промышленных *«предпринимателей» Запада,* но также и со стороны крупнейшего представительства коммерческого мира — *Нью-Йоркской торговой палаты.* Железнодорожный король и финансовый плут, чудовищный спрут *Гулд,* со своей стороны, заявил нью-йоркским торговым маг-патам:

«Вы нападаете сейчас на железные дороги потому, что считаете их наиболее уязвимыми благодаря их нынешней непопулярности; но берегитесь: вслед за железными дорогами наступит очередь для *всякого рода корпораций»* (на языке янки это обозначает *акционерные компании),* «после этого — для *всех форм ассоциированного капитала,* а в заключение — *для всех форм капитала вообще;* вы расчищаете, таким образом, дорогу для *коммунизма,* симпатия к которому уже и сейчас все более и более распространяется в народе».

У мистера Гулда «хорошее чутье».

В *Индии* для британского правительства назрели серьезные осложнения, если не всеобщее восстание. То, что англичане отбирают ежегодно у индийцев — в виде ренты, дивидендов от совершенно ненужных для самих индийцев железных дорог, пенсий военным и гражданским чиновникам, издержек на афганские и иные войны и пр. и пр., — то, что они берут у них *без всякого эквивалента, — не считая того,* что они ежегодно присваивают себе *в самой* Индии, — то есть говоря только о *стоимости товаров,* которые индийцы вынуждены *даром* ежегодно *отправлять* в Англию, — *превышает общую сумму дохода 60 миллионов земледельческих и промышленных работников Индии!* Это — настоящее кровопускание, это вопиющее дело!

Голодные годы следуют там один за другим, причем голод достигает *размеров,* о которых в Европе до сих пор даже и не подозревают! Среди населения готовится настоящий заговор, в котором участвуют совместно и индусы и мусульмане. Британское правительство знает, что что-то «затевается», но эти тупицы (я имею в виду правительственных чиновников), ослепленные своей собственной парламентской манерой говорить и мыслить, не желают даже уяснить себе положение вещей, не хотят понять всего размера угрожающей опасности! Обманывать других, а тем самым и самих себя, — в этом вся суть *парламентской мудрости!* Тем лучше!

Не можете ли Вы сказать мне, переведено ли на русский язык сочинение профессора Ланкестера *«Глава о вырождении»*[136], которое Вы цитируете в своей статье? Он — один из моих друзей.

В прошлом месяце у нас было несколько русских посетителей, между прочим профессор Зибер (он сейчас поселился в Цюрихе) и г-н Каблуков (из Москвы). Они целыми днями работали в Британском музее.

Нет ли известий о нашем «общем» друге?[*]

Кстати: последняя статистическая работа *Янсона*[**]*,* сопоставляющая Россию с Европой, вызвала большую сенсацию. Я был бы очень рад познакомиться с ней.

С наилучшими пожеланиями искренне преданный Вам

Карл Маркс

Если статья Лафарга не найдет себе «пристанища» в Петербурге, будьте добры, верните мне ее обратно.

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Минувшие годы» № I, 1908 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

6

МАРКС — ФЕРДИНАНДУ ДОМЕЛА НЬЮВЕНГЕЙСУ В ГААГУ

Лондон, 22 февраля 1881 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Многоуважаемый товарищ!

Мое долгое молчание объясняется тем, что к ответу на Ваше письмо от 6 января я хотел приложить список изменений, кото-

[*] — Г. Лопатине. *Ред.*
[**] *Ю. Э. Янсон.* «Сравнительная статистика России и западноевропейских государств». *Ред.*

рые Вам следовало бы внести на случай второго издания «Капитала и труда»[137]. Вследствие домашних неурядиц, непредвиденных работ и других помех я еще не закончил этого списка, поэтому посылаю Вам пока эти строки без приложения, так как дальнейшее мое молчание могло бы быть Вами ложно истолковано. Изменения, которые представляются мне необходимыми, касаются деталей; главное, существо дела, передано.

Благодарю Вас за дружеское посвящение; Вы лично бросили этим вызов нашим буржуазным противникам.

Автор* «Выдающихся людей»[138], школьный инспектор или нечто в этом роде, обратился ко мне письменно с просьбой прислать ему материал для моей биографии; кроме того, он поручил своему издателю обратиться к моему зятю Юта, чтобы тот уговорил меня согласиться на его просьбу, так как обычно я в таких случаях отказываюсь. Этот господин — автор «Людей» — написал мне, что он не разделяет моих взглядов, но признает их значение, выражает мне свое уважение и т. и. После этого тот же субъект имел бесстыдство включить в свою брошюру клеветническое измышление пресловутого прусского шпиона Штибера, то есть уличить меня — вероятно, по наущению какого-нибудь боннского катедер-социалиста[126] — в умышленной подтасовке цитат; причем сей благородный муж не потрудился даже прочесть в *«Volksstaat»* мою полемику с достопочтенным Брентано[139], из которой он увидел бы, что Брентано, сначала обвинявший меня в *«Concordia»* (орган фабрикантов) в «подлоге по форме и по существу», прибег затем к лживой увертке, будто он меня не так понял и т. п. Один голландский журнал хотел предоставить мне свои страницы для отповеди «школьному инспектору», но я *принципиально* не отвечаю на такие клопиные укусы. Даже в Лондоне я никогда не обращал ни малейшего внимания на подобную литературную брехню. При другом отношении мне пришлось бы убивать большую часть своего времени на опровержения — от Калифорнии до Москвы. Когда я был моложе, я иногда горячо брался за оружие, но мудрость, приходящая с годами, заставляет нас избегать бесполезной растраты сил.

Мне кажется, что «вопрос», о котором Вы мне сообщаете и который будет разбираться на предстоящем Цюрихском конгрессе, поставлен неправильно[140]: что следует делать в какой-либо определенный момент в будущем, делать *непосредственно,* конечно, целиком зависит от данных исторических условий, в которых придется действовать. Но в данном случае вопрос

* — А. Кердейк. *Ред.*

поставлен совершенно *отвлеченно,* представляя собой в сущности фантастическую проблему, и единственным ответом на него должна быть *критика* самого *вопроса.* Мы не можем решать уравнения, не заключающего в своих данных элементов своего решения. Впрочем, затруднения правительства, внезапно образовавшегося в результате победы народа, вовсе не представляют собой чего-то специфически «социалистического». Наоборот. Буржуазные политики, одержав победу, сразу чувствуют себя в затруднительном положении из-за своей «победы», социалист же может, по крайней мере, действовать не стесняясь. В одном Вы можете быть уверены: социалистическое правительство не придет к власти в стране, где условия еще не настолько созрели, чтобы можно было немедленно, приняв необходимые меры, так скрутить буржуазию в бараний рог, что будет осуществлено первое desideratum* — время для дальнейших действий.

Вы, пожалуй, укажете мне на Парижскую Коммуну; но, не говоря уже о том, что это было восстание только одного города в исключительных условиях, большинство Коммуны вовсе не было социалистическим и не могло им быть. Тем не менее, обладая некоторой долей здравого смысла, она могла бы добиться выгодного для всей народной массы компромисса с Версалем, — единственно, что тогда было достижимо. Одним только захватом Французского банка был бы сразу же положен конец бахвальству версальцев и т. д. и т. д.

Общие требования французской буржуазии (mutatis mutandis**) были перед 1789 г. почти столь же определенны, как и первые непосредственные требования пролетариата в наши дни, приблизительно одинаковые во всех странах, где господствует капиталистическое производство. Но имел ли какой-нибудь француз XVIII века заранее, a priori, хотя бы малейшее представление о том, каким образом осуществятся требования французской буржуазии? Доктринерское, неизбежно фантастическое предвосхищение программы действий будущей революции только отвлекает от борьбы сегодняшнего дня. Фантазия о близкой гибели мира воодушевляла древних христиан в их борьбе против Римской империи и давала им уверенность в победе. Научное понимание неизбежного и постоянно происходящего на наших глазах разложения господствующего общественного строя, массы, все более и более доводимые до бешенства правительствами, которые воплощают в себе призраки прошлого, в то же время положительное развитие средств производства,

* — требование, условие. *Ред.*
** — с соответствующими изменениями. *Ред.*

движущееся вперед гигантскими шагами, — все это служит нам порукой, что в тот момент, когда вспыхнет настоящая пролетарская революция, будут налицо и условия (конечно, совсем не идиллические) ее непосредственного, ближайшего modus operandi*.

По моему убеждению, еще не наступил критический момент для создания нового Международного Товарищества Рабочих; поэтому я считаю, что все рабочие, а также и социалистические конгрессы, поскольку они не связаны с непосредственными условиями, имеющимися в той или иной определенной стране, не только бесполезны, но даже вредны. Они неизменно будут сводиться к бесконечному пережевыванию банальных общих мест.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс

Впервые опубликовано на русском языке в газете «Правда» № 62, 14 марта 1928 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

7
ЭНГЕЛЬС — ЖЕННИ ЛОНГЕ
В ПАРИЖ

[Лондон], 24 февраля 1881 г.

Дорогая Женни!

Знаменитому Реньяру вольно было обратиться к твоему «милосердию» по поводу его произведения[141]. Этот якобинец, защищающий английский респектабельный протестантизм и английский вульгарный либерализм, пользуясь при этом в качестве исторических доспехов тем же самым вульгарным либерализмом, действительно заслуживает самого глубокого милосердия. Но перейдем к его «фактам».

1) «Избиение 30000 протестантов в 1641 году». — Ирландские католики оказываются здесь в таком же положении, как и Парижская Коммуна. Версальцы истребили 30000 коммунаров и объявили это ужасами Коммуны. Английские протестанты при Кромвеле истребили по меньшей мере 30000 ирландцев и, чтобы замаскировать свои зверства, *сочинили* легенду, будто это было сделано для того, чтобы отомстить за убийство 30000 протестантов ирландскими католиками.

* — способа действия. *Ред.*

Действительные факты таковы:

Поскольку Ольстер был отнят у его ирландских владельцев, у которых в тот период (1600—1610 гг.) *земля* была *в общем владении,* и отдан шотландским протестантам — военным колонистам, эти колонисты не чувствовали себя в безопасности в своих владениях в смутные времена, наступившие после 1640 года. Пуританские официальные представители английского правительства в Дублине распространили слух, будто армия шотландских ковенантеров[142] собирается высадиться в Ольстере и уничтожить всех ирландцев и католиков. Сэр У. Парсонс, один из двух верховных судей Ирландии, заявил, что через год в Ирландии не останется ни одного католика. Именно эти угрозы, повторенные в английском парламенте, побудили ирландцев Ольстера 23 октября 1641 г. поднять восстание. Но никакой резни не было. Все источники того времени приписывают ирландцам только, намерение устроить всеобщую резню, и даже оба верховные судьи, протестанты (прокламация от 8 февраля 1642 г.), заявили, что «главная часть их заговора и, среди прочего, всеобщая резня, *не удалась».* Однако 4 мая 1642 г. англичане и шотландцы бросали ирландских женщин голыми в реку (город Ньюри) и убивали ирландцев (Прендергаст. «Кромвелевское устройство Ирландии», 1865)[143].

2) «Ирландия — английская Вандея». — Ирландия была католической, протестантская Англия республиканской, поэтому-де Ирландия является английской Вандеей. Но все же существует маленькая разница: французская революция хотела *дать* землю народу, а английская республика хотела в Ирландии *отнять* землю у народа.

Большинству изучающих историю, за исключением Реньяра, хорошо известно, что вся протестантская реформация, если отбросить мелочные споры и софистические пререкания по поводу догматов, являлась широко задуманным планом конфискации земли. Сначала земля была отобрана у церкви. Затем в тех странах, где протестантизм находился у власти, католики были объявлены мятежниками и их земли конфискованы.

В Ирландии же особый случай.

«Ибо англичане, — говорит Прендергаст, — видимо, считают, что бог совершил ошибку, отдав такую прекрасную страну, как Ирландия, ирландцам; и вот уже около 700 лет англичане стараются исправить эту ошибку».

Вся аграрная история Ирландии — это ряд конфискаций ирландских земель с целью передачи их английским колонистам. Эти колонисты, поддавшись чарам кельтского общества, в ближайших поколениях становились большими ирландцами,

чем сами аборигены. Затем производилась новая конфискация и новая колонизация; и так in infinitum*.

В XVII в. вся Ирландия, за исключением севера, недавно подвергшегося шотландизации, созрела для новой конфискации, причем в такой мере, что, когда английский (пуританский) парламент предоставил Карлу I армию с целью приведения Ирландии в покорность, было постановлено, что деньги на эти вооружения должны быть добыты *под залог 2500000 акров земли, подлежащей конфискации в Ирландии!* «Авантюристам»[144], ссужавшим эти деньги, предоставили также право назначать офицеров этой армии. Земля подлежала разделу между этими авантюристами таким образом, чтобы они получили по 1000 акров в Ольстере за ссуду в 200 ф. ст., в Конноте — в 300 ф. ст., в Манстере — в 450 ф. ст., в Ленстере — в 600 фунтов стерлингов. И если жители восстали против столь благодетельного плана, то они — вандейцы! Реньяру, может быть, доведется заседать когда-нибудь в национальном конвенте; в таком случае он мог бы последовать примеру Долгого парламента и повести борьбу с возможной Вандеей таким же способом.

«Отмена карательных законов!»[145] — Но ведь большая часть их была отменена не в 1793, а в 1778 г., когда Англии угрожала восставшая американская республика, а вторая отмена последовала в 1793 г., когда возникла угроза в виде Французской республики и для борьбы с ней Англии потребовались все солдаты, каких только можно было достать!

«Субсидия Мейнуту, предоставленная Питтом!»[146] — Эта жалкая подачка была вскоре отменена тори и возобновлена только сэром Р. Пилем в 1845 году. Однако ни одного слова о другом *даре,* который сделал Ирландии этот великий человек (в данном случае он впервые удостаивается милости в глазах якобинцев), о другой *«субсидии»,* не только «значительной», но и поистине щедрой — о трех миллионах фунтов стерлингов, на которые была куплена уния между Ирландией и Англией[147]. Парламентские документы покажут, что одна только статья расходов на приобретение «гнилых местечек» и местечек с фактически назначаемыми депутатами составила сумму не меньше чем в *1245000 ф. ст.* (О'Коннел. «Памятная записка об Ирландии, адресованная королеве»).

«Лорд Дерби учредил систему национальных школ»[148]. — *Совершенно верно,* но почему он это сделал? Посмотри книгу Фицгиббона «Ирландия в 1868 году», произведение правоверного протестанта и тори, или официальный отчет членов

* — до бесконечности. *Ред.*

парламентской комиссии по народному образованию в Ирландии в 1826 году. Ирландцы, поскольку английское правительство пренебрегало этим, взяли образование своих детей в свои собственные руки. В те времена, когда отцы и матери английских детей настаивали на праве посылать их на фабрику ради заработка, вместо того чтобы отправлять их в школу для обучения, крестьяне Ирландии соревновались друг с другом в организации школ на собственные средства. Школьный наставник был странствующим учителем, проводящим по нескольку месяцев в каждой деревне. Для него подыскивали домик, за каждого ребенка ему давали по 2 пенса в неделю и немного торфа зимой. В летнее время в хорошую погоду ученье происходило в поле около изгороди, и такие школы были известны под названием «школ у изгороди» [hedge-schools]. Были также и странствующие ученики, которые с книгами под мышкой бродили из школы в школу, получая без всяких затруднений жилище и еду у крестьян. В 1812 г. таких «школ у изгороди» в Ирландии насчитывалось 4600, и в отчете членов парламентской комиссии за этот год говорится, что такое образование

«ведет скорее к худу, чем к добру», «что такое образование *люди фактически получают для самих себя,* и хотя мы считаем возможным внести в него некоторые исправления, но, *по-видимому, прекратить его распространение невозможно:* его можно улучшить, ко *воспрепятствовать ему* нельзя».

Итак, эти подлинно *национальные* школы не отвечают английским целям. Для уничтожения их были открыты *фиктивные* национальные школы. *Как мало в них светского,* видно из того, что книги для чтения составлены из отрывков, взятых как из католической, так и из протестантской библий и одобренных католическим и протестантским архиепископами Дублина. Сравни с этими ирландскими крестьянами английских, которые по сей день ноют по поводу обязательного посещения школы!..

Впервые опубликовано на русском языке в сборнике «Средние века», вып. XIX, 1961 г.

Печатается т рукописи

Перевод с английского

8

МАРКС — ВЕРЕ ИВАНОВНЕ ЗАСУЛИЧ [149]

В ЖЕНЕВУ

Лондон, 8 марта 1881 г.
41, Maitland Park, N. W.

Дорогая гражданка!

Болезнь нервов, периодически возвращающаяся в течение последних десяти лет, помешала мне раньше ответить на Ваше

письмо от 16 февраля. Сожалею, что не могу дать Вам пригодный для опубликования краткий ответ на вопрос, с которым Вы изволили обратиться ко мне. Несколько месяцев тому назад я уже обещал Петербургскому комитету[150] работу на ту же тему. Надеюсь, однако, что достаточно будет нескольких строк, чтобы у Вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей мнимой теории.

Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю:

«В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является *экспроприация земледельцев.* Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но *все другие страны Западной Европы* идут по тому же пути» («Капитал», франц. изд., стр. 315)[151].

Следовательно, «историческая неизбежность» этого процесса *точно* ограничена *странами Западной Европы.* Причины, обусловившие это ограничение, указаны в следующем месте XXXII главы:

«Частная собственность, основанная на личном труде... вытесняется *капиталистической частной собственностью,* основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном» (там же, стр. 341).

В этом совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о *превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности.* У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, *превратить их общую собственность в частную собственность.*

Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития.

Имею честь, дорогая гражданка,
оставаться преданным Вам

Карл Маркс

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I. 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

9

ЭНГЕЛЬС — С. Ф. КАУФМАНУ В ЛОНДОНЕ

[Черновик]

[Лондон], 11 марта 1881 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый г-н Кауфман!

В ответ на Ваше любезное письмо от 9-го сего месяца я, к сожалению, должен сообщить, что не могу исполнить Вашего желания относительно поручительства. У меня был такой опыт с поручительствами, что я раз навсегда взял себе за правило лучше уже сразу выложить деньги, если я в состоянии это сделать, чем давать поручительство. Но сейчас у меня нет требуемой суммы; если бы даже я располагал ею, то счел бы своим первым долгом передать ее германской партии, которой мы теперь обязаны отдавать каждую лишнюю копейку*.

В надежде, что Вы найдете недостающие средства в другом месте,

остаюсь преданный Вам**.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

10

ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ В ЦЮРИХ

Лондон, 12 марта 1881 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Посылаю Вам кое-какой материал о запрете нарушения супружеской верности[153]. Я, правда, не знаю, сможете ли Вы его использовать. Это щекотливый предмет, и Вы сами должны решить, не будет ли больше вреда, чем пользы, если его затронуть. Во всяком случае мне хотелось показать Вам, каким путем

* В рукописи далее зачеркнуто: «Но у меня есть еще и другое соображение. За последние 10 лет я слишком часто видел, как быстро меняется состав здешних немецких рабочих обществ, и поэтому всегда может случиться, что до истечения срока моего поручительства Общество[152] совершенно изменит свою ориентацию по сравнению с теперешней, так что я, в конечном счете, поручился бы за г-на Моста, чего от меня никак нельзя требовать». *Ред.*

** Письмо без подписи. *Ред.*

Дом в Лондоне (122, Риджентс-парк-род),
в котором жил Енгельс с сентября 1870 по октябрь 1894 г.

можно трактовать эту заповедь, не впадая в филистерское морализирование, и Вам все же может пригодиться собранный по этому вопросу исторический материал, который имелся в моем распоряжении.

Впрочем, линия газеты* в целом вполне удовлетворительна. Отдельные номера очень хороши. Немножко поменьше доктринерских статей вроде таких, как статья о государственном социализме[154], было бы не вредно. Как можно ставить Тюрго, одного из первых экономистов XVIII века, на одну доску с весьма практическим представителем финансовой аристократии Неккером, предшественником Лаффитов и Перейров, и тем более с жалким Калонном, этим типичным аристократом, человеком, не знавшим иных мер, кроме как немедленно тратить все получаемое: «после меня хоть потоп». Как можно этих людей, особенно Тюрго и даже Неккера, ставить рядом с Бисмарком, который, в лучшем случае, подобно Калонну, хочет денег во что бы то ни стало, и можно ли, далее, ничтоже сумняшеся, уподоблять этого Бисмарка Штёккеру, а с другой стороны — Шеффле и К°, у каждого из которых опять-таки совершенно иные тенденции? Если буржуа сваливают все это в одну кучу, то из этого вовсе не следует, что и мы должны поступать так же некритически. Ведь в том-то и заключается корень доктринерства, что человек *полагается* на корыстные и ограниченные утверждения противника и строит на этих утверждениях систему, которая, разумеется, основывается на них и рушится вместе с ними. Для Бисмарка все дело в деньгах, еще раз в деньгах и снова в деньгах, а предлоги для их получения он меняет в зависимости от чисто внешних соображений. Дайте ему другой состав большинства в рейхстаге, и он отбросит все свои нынешние планы и выдвинет противоположные. Поэтому никогда и ни в коем случае нельзя делать заключение о банкротстве современного общества на основании каких бы то ни было шагов столь неразумного в теории и столь изменчивого на практике животного, как Бисмарк, как нельзя этого делать и на основании духовных кривляний такого шута, как Штеккер, или пустословия «мыслящих людей» вроде Шеффле. Эти люди вовсе и не «помышляют» (этим исчерпываются, пожалуй, все их «помыслы») объявить о банкротстве современного общества. Наоборот, ведь они только тем и живут, что стараются хоть как-нибудь заштопать его снова. Вот Вам образец мыслительных способностей Шеффле: в «Квинтэссенции» глупый шваб признается, что он целых десять лет размышлял над одним

* — «Sozialdemokrat». *Ред.*

пунктом (простейшим) в «Капитале», прежде чем он его понял, а то, как он его понял, оказалось полнейшей бессмыслицей![155]

Это чисто корыстная, манчестерски-буржуазная фальсификация называть «социализмом» всякое вмешательство государства в свободную конкуренцию — покровительственные пошлины, гильдии, табачную монополию, огосударствление отдельных отраслей промышленности, Seehandlung[156], королевский фарфоровый завод. Мы должны подвергать это *критике,* а не *принимать на веру.* Если же мы сделаем последнее и построим на этом теоретическую систему, то она рухнет вместе со своими предпосылками, рухнет при простом доказательстве, что этот мнимый социализм является всего лишь феодальной реакцией, с одной стороны, и предлогом для выкачивания денег — с другой, а его косвенная цель — превратить возможно большее число пролетариев в зависимых от государства чиновников и пенсионеров и организовать наряду с дисциплинированной армией солдат и чиновников такую же армию рабочих. Принудительные выборы под наблюдением назначенного государством начальства вместо фабричных надсмотрщиков — хорош социализм! Но к этому придешь, если поверишь буржуазии в том, чему она сама не верит, а только прикидывается, что верит: будто государство — это социализм!

Вообще же Ваш взгляд на то, какова должна быть линия газеты, вполне совпадает с моим; радует меня также, что в последнее время уже не злоупотребляют так *словом* «революция», как прежде. Вначале, после серьезных шатаний в 1880 г.[157], это было очень хорошо, но лучше все же, — между прочим, и в противовес Мосту, — остерегаться громких фраз. Можно высказывать революционные мысли, не твердя беспрестанно *слова* «революция». Впрочем, бедняга Мост совсем растерялся, он уже и так не знает, куда причалить, а тут еще успех Фрицше и Фирека в Америке[158] отнимает у него последние шансы.

Теперь газета может действительно поднимать дух и ободрять наших товарищей в Германии, в чем они, по крайней мере так называемые вожди, порой очень нуждаются. Я опять получил несколько слезных писем и ответил на них надлежащим образом. Фирек был тоже вначале очень уныло настроен, но нескольких дней, проведенных на вольном лондонском воздухе, было достаточно, чтобы вернуть ему жизнерадостность. Этот вольный воздух газета должна нести в Германию, для чего нужно прежде всего писать о противнике с презрением, с насмешкой. Если только публика снова научится смеяться над Бисмарком и К°, это будет уже большим достижением. Не следует забывать, что люди, по крайней мере огромное большинство,

впервые очутились в подобном положении и что многих агитаторов и редакторов пренеприятнейшим образом вытряхнули с очень приятных мест. Поэтому сейчас необходимо поднять настроение, а также постоянно напоминать о том, что Бисмарк и К° все те же ослы, те же канальи и те же жалкие и бессильные перед лицом исторического движения людишки, какими они были до покушений[22]. Стало быть, ценно всякое остроумное словечко об этой сволочи.

Об Ирландии скажу лишь следующее: ирландцы слишком умны, чтобы не знать, что восстание было бы для них гибелью. Оно могло бы иметь шансы на успех только в случае войны между Англией и Америкой. Тем временем ирландцы заставили Гладстона ввести в парламенте регламент континентального типа[159] и этим подорвали весь английский парламентаризм. Далее, они вынудили Гладстона отречься от всех своих фраз и держаться более поторийски, чем даже самые ярые тори. Исключительные законы[160] прошли, земельный билль[161] будет либо отвергнут, либо кастрирован верхней палатой, и тогда начнется потеха — тайное разложение партий сделается явным. Со времени назначения Гладстона виги и умеренные тори, то есть вся группа крупных землевладельцев, втихомолку объединяются в большую землевладельческую партию. Как только это окончательно созреет и семейные и личные интересы будут улажены, или когда, например, земельный билль заставит новую партию выйти на общественную арену, министерство и нынешнее большинство тотчас же распадется. Против новой консервативной партии выступит тогда новая буржуазно-радикальная, но без всякой иной опоры, кроме рабочих и ирландских крестьян. А чтобы здесь опять не было надувательства и плутовства, тотчас же образуется пролетарско-радикальная партия под руководством Джозефа Коуэна (депутат от Ньюкасла). Он — старый чартист, наполовину, если не целиком, коммунист и очень славный малый. Ирландия сделает все; Ирландия — это движущая сила в империи. Сообщаю Вам это частным образом. В следующий раз напишу об этом подробнее.

Привет!

Ваш ***Ф. Э.***

Так как Каутский, которому прошу передать привет, скоро приедет, то нет смысла отвечать ему подробно. Если увидите Бёйста, кланяйтесь ему.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Платается по рукописи

Перевод с немецкого

11

ЭНГЕЛЬС — ИОГАННУ ФИЛИППУ БЕККЕРУ В ЖЕНЕВУ

Лондон, 28 марта 1881 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Старый дружище!

Я вышлю тебе деньги сейчас *же,* как только ты дашь мне возможность это сделать, сообщив мне *свой новый адрес:* я должен ведь указать его на почте, а те адреса, которые я нашел в «Precurseur», показались мне малоподходящими и способными создать затруднения. Как только буду иметь от тебя ответ, ты сейчас же получишь 100 франков и подробный ответ от твоего

Ф. Энгельса

Впервые опубликовано в книге: F. Engels. «Vergessene Briefe (Briefe Friedrich Engels' an Johann Philipp Becker)». Berlin, 1920

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

12

ЭНГЕЛЬС — АВГУСТУ БЕБЕЛЮ В ЛЕЙПЦИГ

Лондон, 30 марта 1881 г.

Дорогой Бебель!

Фирек (открытку которого прилагаю) хочет, чтобы я сообщил Вам о бостонском митинге; но, как это обычно бывает при сложных операциях, и тут не обошлось без целого ряда помех: 1) Гарни написал на неделю позже, 2) он забыл приложить газетный отчет, который я получил только вчера. Я отдал его сегодня Каутскому, который находится здесь, чтобы он переработал его для «Sozialdemokrat»[162].

Митинг в Бостоне прошел блестяще, несмотря на плохо организованное оповещение; было 1500 человек, из них треть — немцы. Первым говорил Суинтон, американский коммунист, посетивший нас прошлым летом (он — владелец крупной нью-йоркской газеты[*]), затем Фрицше и. наконец, Уэнделл Фил-

[*] — «Sun». *Ред.*

липс, выдающийся противник рабства, который сделал больше, чем кто-либо, за исключением Джона Брауна, для уничтожения рабства и успешного ведения гражданской войны; это — лучший оратор Америки, а возможно и всего мира. Он выразил благодарность немцам за то, что в 1861 г. члены немецких гимнастических обществ во всех крупных городах грудью защищали его от американской черни и сохранили для Союза город Сент-Луис[163]. Как он говорил, вот только для примера:

«Находясь так далеко от поля битвы, я не решаюсь критиковать приемы борьбы. Я смотрю на Россию, лежащую за 4000 миль отсюда, и вижу, какой кошмар тяготеет над ее народом. Но я надеюсь, что найдется кто-нибудь, кто освободит от него народ. И если это возможно лишь с помощью кинжала, то я приветствую кинжал! Найдется ли здесь хоть один американец, который это осудит? Если найдется, то пусть он взглянет» (указывает на висящий на стене портрет) «на Джо Уоррена, погибшего при Банкер-Хилле».

Это было сказано 7 марта, а 13-го бомба сделала то, чего не смог сделать кинжал[164].

По сообщению сегодняшней «Standard», английское правительство возбудило судебное преследование против *Моста* за статью о покушении![165] Если русское посольство и Гладстон хотят во что бы то ни стало превратить дурачка Ганса[*] в великого человека, то тут уж им ничем не поможешь. Впрочем, еще далеко не известно, будет ли Мост осужден. Добродетельное негодование крупных газет по поводу бомбы было по большей части лишь актом приличия, от которого здешний буржуа из боязни осрамиться никогда не откажется. Юмористические газеты, которые гораздо вернее отражают настроение, совсем по-иному отнеслись к этой истории, а до конца процесса еще многое может измениться; таким образом, необходимый для осуждения единогласный приговор двенадцати присяжных еще вовсе не обеспечен.

Возвращаясь к нашим американским друзьям, скажу, что выступление Уэнделла Филлипса (этому содействовал молодой американский журналист Уиллард Браун, который в прошлом году часто бывал здесь у Маркса и вообще сделал все возможное для них в американской прессе, создав необходимую рекламу) имеет огромное значение. Успех вообще превзошел мои ожидания; он доказал, что и у американских немцев, даже у буржуа, культ Бисмарка сходит на нет. Но надежды □[**] на *вторичную* поездку с Либкнехтом вряд ли осуществятся: так скоро

[*] — Ганс — уменьшительное от Иоганна (имя Моста); Ганс-простак — популярный персонаж немецких народных сказок. *Ред.*

[**] — Фирека; по-немецки Viereck: — четырехугольник. *Ред.*

отправляться туда вторично нельзя. К тому же важное событие в Петербурге и неизбежные его последствия сделают, пожалуй, излишней поездку, которая могла бы состояться не раньше будущего года. Александру III волей-неволей придется какой-либо решительной мерой привести лавину в движение, но этому может предшествовать краткий период жестоких преследований, и Швейцария, по всей вероятности, скоро предпримет массовые высылки. А старик Вильгельм* тем временем все глупеет и того гляди окочурится; Бисмарк день ото дня все больше буйствует и, по-видимому, желает во что бы то ни стало играть роль прусского неистового Роланда; буржуазные партии с каждым днем все больше и больше разлагаются, а налоговое бешенство правительства довершает дело. Даже если бы мы все сидели сложа руки, события насильно вытолкнули бы нас на авансцену и подготовили бы победу. Поистине наслаждение наблюдать, как, приближая всеобщий кризис, назревает давно предсказанное революционное положение во всем мире, как слепые противники работают на нас, как закономерность развития, ускоряющего наступление всемирного краха, проявляется во всеобщем смятении и прокладывает себе через него дорогу.

Привет от Маркса и твоего

Ф. Э.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

13
ЭНГЕЛЬС — ИОГАННУ ФИЛИППУ БЕККЕРУ В ЖЕНЕВУ

Лондон, 4 апреля 1881 г.

Старый дружище!

Пишу тебе перед самым закрытием почты, потому что только сейчас перевел 4 ф. ст., то есть 100 фр. 80 сантимов, которые, надеюсь, тебе выплатят без задержки. Твой адрес был мне необходим, так как его *требуют* здесь на почте, иначе переводов не принимают. Либкнехту попадет от меня за ложные обещания, они *обязаны* что-нибудь для тебя сделать**.

* — Вильгельм I. *Ред.*
** См. настоящее издание, т. 34, стр. 384. *Ред.*

Впрочем, приятно, что мужество вновь возвращается к нашим товарищам; одно время у большинства из них душа ушла в пятки; газета* тоже становится довольно приличной. Простачку Мосту решительно везет: его «Freiheit» была уже при последнем издыхании, как вдруг английское правительство самым блестящим образом пришло ей на помощь[165]. Непонятно, как можно сделать такую невероятную глупость, но ведь у нас заправляют либералы, а они способны на всякую глупость и подлость. Они действовали так поспешно, что до сих пор еще даже не знают по какой статье закона им судить Моста! Но Бисмарку этот трюк понадобился для его дебатов о социалистах в рейхстаге[166], а так как нашему премьеру Гладстону мысль об укокошенном Александре** не дает покоя, то дело не встретило никаких препятствий. Тем труднее им теперь составить обвинительный акт, а еще труднее подобрать присяжных заседателей, которые осудили бы Моста. Таким образом, Мост дешевой ценой сделается знаменитостью, хотя бы только на короткое время, а Бисмарку, даже если он сейчас и доволен, все же придется в конце концов снова осрамиться.

Сердечный привет от Маркса и твоего

Ф. Энгельса

Впервые опубликовано в книге: F. Engels. «Vergessene Briefe (Briefe Friedrich Engels' an Johann Philipp Becker)». Berlin, 1920

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

14
МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ
В АРЖАНТЁЙ

[Лондон], 11 апреля 1881 г.

Моя милая Женничка!

Со времени вашего отъезда здесь стало тоскливо — без тебя, без Джонни и Гарра и мистера «Чаю!»***. Я порой подбегаю к окну, когда слышу детские голоса, похожие на голоса наших, забывая на мгновение, что ребятишки по ту сторону Ла-Манша.

Утешаюсь тем, что у вас теперь хорошая, подходящая для детей квартира; остальное, по-видимому, немного хуже, чем

* — «Sozialdemokrat». *Ред.*
** — Александре II. *Ред.*
*** — прозвище внука Маркса, Эдгара. *Ред.*

в Лондоне — за исключением, однако, климата, благотворное действие которого также и на астму ты постепенно почувствуешь.

Я пригласил к маме* опять нового врача, которого мне рекомендовал профессор Ланкестер, а именно д-ра Донкина; он, по-видимому, знающий и умный человек, но для маминой болезни мне, право, кажется, все врачи одинаково хороши. Ее, однако, развлекает перемена врачебных консультантов, и первое время — по большей части не надолго — она не нахвалится новым эскулапом. Монокль Лонге нашелся тотчас же после его отъезда, он действительно лежал в вашей спальне. Мы решили послать его с Гиршем, но этот охотник за сплетнями, по-видимому, никак не может расстаться с Лондоном в такой момент, когда есть возможность вдоволь посплетничать. Уже одно только «ужасное» дело Моста[165] представляет собой неиссякаемый источник (хотя и вовсе не «кристальной чистоты») для этого оленя**. Теперь он грозится уехать только 18 апреля. Кроме того, он нашел себе единомышленника в Каутском, против которого он был так свирепо настроен. Энгельс тоже стал судить гораздо снисходительнее об этом субъекте с тех пор, как последний обнаружил большие способности к выпивке. Когда эта очаровательная личность впервые заявилась ко мне — я говорю об этом субъектике***, — первый вопрос, который у меня вырвался, был: похожи ли Вы на свою мать****? — Совершенно не похож, заверил он. И в душе я поздравил его мать. Он — посредственный, недалекий человек, самонадеян (ему всего лишь 26 лет), всезнайка, в известном смысле прилежен, очень много возится со статистикой, но толку от этого мало; принадлежит от природы к племени филистеров, впрочем, в своем роде — порядочный человек; я,. по возможности, сплавляю его другу Энгельсу.

Позавчера здесь был Догбери*****-клуб, а вчера, кроме двух девиц Мейтленд (и на минутку зашли Ланкестер и доктор Донкин), на нас было нашествие Гайндмана с супругой******, они оба любят засиживаться. Она мне нравится своей резкой, свободной от условностей и решительной манерой думать и говорить, но потешно, с каким обожанием она не отрывает глаз от уст своего самодовольного, болтливого супруга! Мама (время

* — Женни Маркс. *Ред.*

** Игра слов: Hirsch — фамилия, «Hirsch» — «олень». *Ред.*

*** Слово «Kautz» (уменьшительное «Kautzchen») — субъект, чудак, созвучно фамилии Kautsky. *Ред.*

**** — Минну Каутскую. *Ред.*

***** Догбери — персонаж комедии Шекспира «Много шуму из ничего». *Ред.*

****** — Матильдой Гайндман. *Ред.*

приближалось к половине одиннадцатого вечера) так устала, что ушла к себе. Но все-таки ее позабавила немая сцена. Дело в том, что Тусси открыла среди Догбери нового вундеркинда — некоего Редфорда; этот юноша уже адвокат, однако презирает юриспруденцию и работает по той же части, что и Вальдхорн. Он хорош собой, помесь Ирвинга с покойным Лассалем (однако не имеет ничего общего со свойственной этому последнему циничной, гнусно-назойливой манерой еврейского маркиза); это умный и кое-что обещающий парень. Долли Мейтленд ужасно ухаживает *за ним,* — вот в чем соль, «вот кто в пуделе сидел*», так что мама и Тусси за ужином все время друг другу подмигивали. Под конец пришел еще и г-н Мейтленд, довольно трезвый, и затеял со своим соседом по столу — любителем поучать — Гайндманом словесный поединок о Гладстоне, в которого спирит Мейтленд верует. Я чувствовал себя довольно скверно, болело горло, — был рад, когда вся эта компания убралась. Странное дело, обходиться без общества вообще невозможно, когда же оно есть, — всячески стараешься от него отделаться.

Гартман усердно трудится в Вулидже в качестве простого рабочего; с ним становится все труднее объясняться на каком бы то ни было языке. Русские эмигранты в Женеве требуют от него, чтобы он дезавуировал Рошфора[167] и притом публично. Он этого не может и не желает сделать, да это и невозможно хотя бы из-за письма, написанного Петербургским комитетом Рошфору, в котором были допущены преувеличения и которое Рошфор опубликовал в *«Intransigeant».* На самом деле женевцы долго старались убедить Европу в том, что это *они* в сущности руководят движением в России; теперь же, когда эта *ложь,* ими же самими распространявшаяся, подхвачена Бисмарком и К° и когда она становится для них опасной, они утверждают обратное и тщетно пытаются убедить весь мир в своей невиновности. На самом деле они лишь доктринеры, путаные анархо-социалисты, и их влияние на русском «театре военных действий» равно нулю.

Следила ли ты за судебным процессом против организаторов покушения в С.-Петербурге[168]? Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические. Фразерство и дело — непримиримые противоположности. Петербургский исполнительный комитет[150], который действует так энергично, выпускает манифесты, написанные в исключительно «сдержанном тоне». Его манера очень далека от мальчишеской манеры Моста и других ребячливых крикунов,

* *Гёте.* «Фауст», часть I, сцена третья («Кабинет Фауста»). *Ред.*

проповедующих цареубийство как «теорию» и «панацею» (это делали столь невинные англичане, как Дизраэли, Севидж Лендор, Маколей, друг Мадзини Стансфилд); они, наоборот, стремятся убедить Европу, что их modus operandi* является специфически русским, исторически неизбежным способом действия, по поводу которого так же мало следует морализировать — за или против, как по поводу землетрясения на Хиосе[169].

В связи с этим произошел изрядный скандал в палате общин. (Ты знаешь, что эти жалкие гладстонисты в угоду Бисмарку и Горчакову предприняли покушение на английскую свободу печати в лице злополучного Моста, — покушение, которое вряд ли им удастся.) Лорд Черчилль (наглый молодой тори из рода Мальборо) сделал запрос сэру Чарлзу Дилку и Брасси — оба они на мелких ролях в кабинете — по поводу денежной субсидии «Freiheit». Они это категорически отрицали, и Черчилль вынужден был назвать лицо, давшее ему эти сведения. Он тогда назвал неизбежного г-на Мальтмана Барри! Прилагаю для тебя вырезку об этом деле из *«Weekly Dispatch»* (газета Дилка, редактируемая «философским радикалом» Аштоном Дилком, братом «великого Дилка») и заявление Мальтмана Барри в *«Daily News».* Ясно, что Дилк врет; что за ничтожество этот хвастун, который сам себя называет будущим «президентом английской республики» и из-за боязни потерять свой пост позволяет, чтобы Бисмарк предписывал ему, какие газеты он может осчастливить каким-нибудь фунтом стерлингов, а какие нет! А что если бы еще стало известно, что Аштон Дилк, как только Гартман прибыл в Лондон, пригласил его на завтрак? Но Гартман отказался, потому что не захотел «выставлять себя напоказ».

Кстати о контисте-ренегате Макси. Этому молодцу в *«Justice»* оказывают слишком много чести и чересчур с ним церемонятся. Этой своеобразной клике — английским либералам и еще худшей их разновидности — так называемым радикалам, на самом деле кажется преступлением, что *«Justice»,* не считаясь с традициями и вопреки соглашению, обращается с этими жуликами и шарлатанами не так, как это обычно принято, не поддерживает о них легенду, распространенную в либеральной континентальной печати! Надо вспомнить, с каким величайшим бесстыдством лондонская печать нападает на социалистические партии всех европейских стран, как трудно бывает возразить ей хотя бы одним словом, когда кто-нибудь считает это нужным, поместить в этой прессе ответ хотя бы в несколько строк; после

* — способ действия. *Ред.*

этого трудно придерживаться правила, по которому парижская пресса, позволяя себе критиковать «великого»* Гладстона, этого архилицемера и казуиста старой школы, обязана предоставлять в его распоряжение целые столбцы прозы г-на Макси, чтобы тот любезно мог вернуть Гладстону полученный от него аванс.

Если бы даже политика Гладстона (политика исключительных законов[160] и законов о ношении оружия[170]) относительно Ирландии была настолько же правильной, насколько она ложна, разве это было бы основанием для того, чтобы говорить о «благородстве» и «великодушии» этого человека? Как будто бы этим определяются отношения между Англией и Ирландией! Надо бы все же дать понять Макси, что фразы в духе Пекснифа** имеют право гражданства в Лондоне, но не в Париже!

Дай Лонге прочитать в *сегодняшнем «Times»* речь *Парнелла* в Корке; там он найдет суть того, *что следует сказать о новом земельном билле Гладстона*[161]*;* при этом не следует упускать из виду, что Гладстон своими предварительными позорными мероприятиями (включая лишение свободы слова членов палаты общин[159]) создал такое положение, при котором *теперь в Ирландии в массовом масштабе происходят выселения,* между тем как *билль* представляет собой чистейшее надувательство, так как лорды, которые получили от Гладстона все, чего они хотели, и которым больше нечего бояться Земельной лиги[171], без сомнения его провалят или так обкарнают, что и сами ирландцы будут в конце концов голосовать *против* этого билля.

Тысячу поцелуев детям; привет Лонге. Пиши мне, дорогое дитя, как твое здоровье. Прощай.

Твой ***Олд Ник*******

Дорогой Джонни, как тебе нравится Франция?****

Впервые опубликовано с сокращениями на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.; полностью опубликовано в журнале «Большевик» № 5, 1931 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* В оригинале: «graussen». *Ред.*
** — персонаж из романа Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита». *Ред.*
*** — Домовой (шутливое семейное прозвище К. Маркса). *Ред.*
**** Написано Марксом в начале письма крупными печатными буквами. *Ред.*

15
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ В ЦЮРИХ

Лондон, 14 апреля 1881 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Большое спасибо за оттиск; однако, по многим соображениям, нам хотелось бы прочесть *полный* текст этих речей. Каутский, вероятно, уже просил Вас прислать сюда стенограмму[172] на несколько дней. В рейхстаге и ландтагах говорилось много такого, чего лучше было бы не говорить[173], так что мы не можем об этом судить, не ознакомившись с вопросом в полной мере.

Нас очень неприятно поразило Ваше заявление, что Вы хотите уйти из газеты[*]. Мы не видим для этого решительно никаких оснований и были бы *очень рады,* если бы Вы взяли это решение обратно. Вы с самого начала редактировали газету очень умело, взяли правильный тон и при этом проявили должное остроумие. При редактировании газеты далеко не так важна ученость, как умение быстро схватывать вещи с надлежащей стороны, а это Вам почти всегда удавалось. Каутский, например, не был бы на это способен, у него всегда слишком много побочных точек зрения. Это, пожалуй, годится для больших журнальных статей, но в газете, где нужно быстро принимать решение, это часто приводит к тому, что из-за деревьев не видишь леса, а в партийном органе этого быть не должно. Рядом с Вами Каутский был бы вполне пригоден, но я опасаюсь, что если он будет один, теоретическая щепетильность слишком часто будет мешать ему непосредственно исходить из решающей боевой позиции, как это необходимо в «Sozialdemokrat». Не представляю себе, кто мог бы сейчас заменить Вас, пока Либкнехт сидит[174] и не может поехать в Цюрих, да это было бы и бессмысленно без крайней необходимости, потому что в рейхстаге он гораздо нужнее. Так что Вам волей-неволей все-таки придется остаться.

Если мы еще не выступали прямо *от своего имени* в «Sozialdemokrat», то можете быть уверены, что причина этого вовсе не в характере Вашего руководства газетой. Напротив! Причиной этого были упомянутые выше заявления, сделанные в *Германии.* Нам, правда, обещали, что это больше не повторится и что в дальнейшем революционный характер партии будет выражен определенно и неуклонно выдержан. Но нам хотелось бы увидеть это сначала на деле, и мы так мало уверены в революционности некоторых господ (скорее, наоборот), что именно

---

[*] — «Sozialdemokrat)». *Ред.*

поэтому ознакомление со стенограммами речей *всех* наших депутатов для нас крайне желательно. *После* того как Вы их используете, Вам, конечно, не трудно будет прислать их сюда на несколько дней; за быстрый возврат я ручаюсь. Это поможет убрать с дороги последние преграды, которые еще существуют — не по нашей вине — между нами и германской партией. *Все это между нами.*

Гладстон, должно быть, подготовляет Мосту триумф. Вряд ли найдется 12 присяжных, которые *единогласно* осудят Моста, а если хоть один выскажется за его оправдание, весь процесс провалится; правда, его можно будет провести еще раз при другом составе присяжных, но это почти никогда не практикуется. И к тому же закон 1861 г.[175], по которому обвиняется Мост, еще ни разу не был применен, и мнение юристов в общем таково, что текст этого закона к данному случаю неприменим.

Выход Аргайля из правительства на том основании, что ирландский земельный билль[161] предоставляет арендаторам некоторое участие в собственности на землю, служит дурным предзнаменованием для судьбы этого билля в палате лордов. Тем временем Парнелл успешно начал в Манчестере свою агитационную поездку по *Англии.* Положение большой либеральной коалиции становится все более критическим. Впрочем, хотя здесь все двигается медленно, но зато тем основательней.

Итак, не сдавайтесь перед первыми трудностями, не падайте духом и продолжайте спокойно редактировать газету, как и до сих пор. В крайнем случае напишите в Лейпциг, чтобы Вам прислали кого-нибудь в помощь; это будет, пожалуй, лучшим способом для устранения трудностей, с которыми Вам приходится бороться.

А как только Вы заполучите нового человека, Вы еще успеете поговорить об уходе.

Сердечный привет от Вашего

Ф. Энгельса

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

16

ЭНГЕЛЬС — АВГУСТУ БЕБЕЛЮ В ЛЕЙПЦИГ

Лондон, 28 апреля 1881 г.

Дорогой Бебель!

В связи с твоим запросом я обратился к своему консультанту (одному биржевому маклеру) за советом, как лучше

поступить заинтересованному лицу — продолжать ли платить в «Б. В. и К°» (контора 101 Cheapside), ведь это та же компания (Британское общество взаимного страхования?), или же приостановить платежи? На это я получил следующий ответ:

«Мы опасаемся, что нет другого выхода, как продолжать платежи по мере их затребования» (we fear there is no alternative but to keep on paying the calls as they are made).

Эде[*] прислал нам стенограммы дебатов в рейхстаге по поводу осадного положения и закона о страховании от несчастных случаев[176]. Поздравляем тебя с обеими твоими речами. В особенности понравилась нам речь по поводу закона о страховании. В речи взят правильный тон иронического превосходства, благородного и основанного на действительном знании дела. Критика законопроекта не оставляет желать лучшего и не нуждается ни в каких дополнениях. Должен сказать тебе все прямо также и от имени Маркса: это лучшая из твоих речей, которые нам приходилось читать, и дебаты производят впечатление, что токарь Бебель — единственный образованный человек во всем рейхстаге.

Вот что ты можешь, пожалуй, заявить при втором чтении: вы, господа, быть может, спросите нас, как позволяет нам совесть вотировать *деньги* этому правительству, хотя бы и для помощи пострадавшим рабочим? Господа, власть рейхстага в вопросах финансовых, возможность добиться, затянув потуже мошну, уступок от правительства, — сведена к нулю после всего того что прусский ландтаг и вы сами сделали для вотирования кредитов. Рейхстаг и ландтаг пожертвовали полностью своим бюджетным правом, они отказались от него, не получив ничего взамен, и несколько жалких миллионов тут ничего не значат. — К тому же все эти кредиты были в интересах эксплуататоров (покровительственные пошлины, покупка железных дорог на 30% выше их стоимости — рейнские акции котировались ниже 120, благодаря предложению правительства купить дорогу они поднялись до 150, а теперь до 160!); *на этот раз,* по крайней мере, деньги *пойдут* рабочим.

Вообще же выставленные тобой условия принятия законопроекта вполне обеспечивают тебе тыл.

Но какой надутый и злобный глупец этот заскорузлый юнкер и бюрократ брат фон Путкамер![177]

Твой ***Ф. Э.***

---

[*] — Эдуард Бернштейн. *Ред.*

Маркс шлет сердечный привет.

Эде пишет, что он пока остается*.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

17

МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ В АРЖАНТЁЙ

[Лондон], 29 апреля 1881 г.
41, Maitland Park, N. W.

Дорогая Женни!

Поздравляю тебя с благополучными родами; по крайней мере, поскольку ты сама потрудилась написать нам, предполагаю, что все в порядке. «Женская половина» нашей семьи надеялась, что «новый пришелец» увеличит собой «лучшую половину» человеческого рода; я же, со своей стороны, предпочитаю «мужской» пол для детей, рождающихся в этот поворотный момент истории. Перед нами — самый революционный период, какой когда-либо приходилось переживать человечеству. Плохо теперь быть «стариком» и иметь возможность лишь предвидеть, вместо того чтобы видеть самому.

«Новый пришелец»** появился почти точно к твоему, Джонни и моему дням рождения. Он, подобно нам, благоволит к веселому месяцу маю. Мне, разумеется, поручено мамой*** (и Тусси, хотя, быть может, она найдет все же время написать сама) передать тебе все самые лучшие пожелания, но не знаю, на что могут пригодиться «пожелания», разве только чтобы прикрыть наше собственное бессилие.

Надеюсь, что со временем ты подберешь подходящую прислугу и ваше «хозяйство» войдет в привычную колею. Меня несколько беспокоит, что у тебя как раз теперь, в такой критический момент, так много хлопот.

Судя по твоему последнему письму, здоровье Джонни улучшается. Он действительно самый слабый из трех мальчиков****, с которыми я имею честь быть лично знакомым. Расскажи ему, что когда я вчера гулял в парке, — нашем собственном Мейтленд-парке, — ко мне внезапно приблизилась величественная личность — сторож парка, он спросил меня, есть ли вести

* См. настоящий том, стр. 150. *Ред.*
** — Марсель Лонге. *Ред.*
*** — Женни Маркс. *Ред.*
**** — сыновей Женни Лонге: Жана (Джонни), Анри и Эдгара. *Ред.*

о Джонни и под конец сообщил важную новость, что «покидает» свой пост и уступает место более молодым «силам». Вместе с ним исчезает один из столпов «Лорда Саутгемптона»[178].

В «нашем кружке», как его окрестил Бизли, мало нового. Пумпс все еще ждет «известий» от Бёйста, а пока заглядывается на «Каутского», который, однако, до сих пор не «объяснился». Она будет вечно благодарна Гиршу за то, что он не только сделал формальное «предложение», но после отказа возобновил свое «предложение», как раз перед самой поездкой в Париж. Этот Гирш становится все более и более несносным. Мое «мнение» о нем все ухудшается.

В Лондоне в последнее время помешались на превозношении Дизраэли, что доставило Джону Булю удовольствие восхищаться собственным великодушием. Разве не «возвышенно» воскуривать фимиам покойнику, которого как раз перед тем, как он сыграл в ящик, те же люди приветствовали гнилыми яблоками и тухлыми яйцами? В то же время это учит «низшие классы», что хотя их «естественные повелители» и набрасываются друг на друга в борьбе за «теплые местечки», смерть раскрывает ту истину, что вожди «правящих классов» всегда «великие и прекрасные люди».

Гладстон проделал очень тонкий трюк — и только партия «твердолобых» этого не понимает — в момент, когда должно произойти обесценение земли в Ирландии (как и в Англии) вследствие ввоза хлеба и скота из Соединенных Штатов, он предоставил в этот самый момент в распоряжение земельных собственников государственное казначейство, чтобы они могли продать ему эти земли по цене, которой они уже не стоят![179]

Действительные трудности земельной проблемы в Ирландии, которые вовсе не являются трудностями исключительно ирландскими, так велики, что единственный правильный путь — было бы дать ирландцам гомруль и таким образом заставить их самих разрешить ее. Но Джон Буль слишком туп, чтобы понять это.

Как раз пришел. Энгельс. Он шлет тебе сердечные поздравления, и так как уже время сдавать почту и я не смогу отложить окончание письма, придется его оборвать.

Привет Джонни, Гарри и милому «Волку»* (он действительно чудесный мальчик), а также папаше Лонге.

Твой ***Олд Ник***

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* — Эдгару Лонге. *Ред.*

18
ЭНГЕЛЬС — ЖЕННИ ЛОНГЕ
В АРЖАНТЁЙ

Лондон, 31 мая 1881 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогая Женни!

Большое спасибо за твое сердечное письмо. Право же, очень любезно с твоей стороны сесть и написать нам среди всех твоих хлопот. Перехожу сразу же к самому главному. Я имею все основания надеяться, что если не произойдет ничего неожиданного, мама* все же скоро будет с тобой. Мавр сказал мне в воскресенье, что доктор** считает ее достаточно сильной для путешествия. Время от времени в ее состоянии происходят большие изменения, иногда она целый день на ногах и даже идет вечером в театр, а иногда страдает от очень сильной боли и едва может встать с постели в течение нескольких дней. Однако такие приступы, видимо, проходят бесследно, не вызывая заметного ухудшения. Но она продолжает худеть, и это, кажется, единственный постоянный симптом, который, если его не устранить, может оказаться серьезным. Какова природа болезни, я совершенно не знаю и склонен думать, что доктора тоже находятся в неведении, во всяком случае, они совершенно не согласны друг с другом в отношении диагноза. Когда Тусси писала тебе, мама как раз страдала от одного из этих приступов, и, мне кажется, произошло небольшое недоразумение в отношении того, что сказал доктор, а именно, что она *тогда* временно не была в состоянии путешествовать. Сам доктор очень хочет, чтобы она поехала, так как он ожидает хорошего результата от перемены обстановки.

Теперь о турецких банях Мавра. Пусть они тебя не пугают, он принимает их только из-за ревматической неподвижности ноги, которая мешает ему при ходьбе. Что касается его простуды, то наступившая теплая погода скоро сведет ее к бесконечно малой величине, а поездка на берег моря совсем излечит — таково мое мнение. Я только что прошелся с ним на Хэмпстед-Хис, надеюсь, прогулка принесет ему пользу. Мамы не было дома, значит, сейчас ей не очень плохо.

Я рад, что несмотря на все мелкие невзгоды деревенской жизни тебе все же доставляют удовольствие дом, сад и окружающая тебя природа, что в конце концов самое главное; для

* — Женни Маркс. *Ред.*
** — Донкин. *Ред.*

остального или постепенно найдутся лекарства или привыкнешь к нему. Особенно я завидую, конечно, винному погребу и погребам вообще, о которых мы можем только понапрасну вздыхать здесь, в Лондоне.

Вы действительно страшно выросли в глазах старого Кол-лета, с тех пор как ты и Лонге заставили Клемансо встать на единственно «правильную» точку зрения в тунисском вопросе[180]. Я очень хорошо могу представить себе энтузиазм старика при виде того, как поистине ортодоксальная политика проповедуется в большой парижской ежедневной газете*. Воображаю, как старикашка, всю свою жизнь защищавший *королевскую* власть, теперь говорит о спасительной *республике.*

Мы здесь живем по-старому, за исключением того, что у нас сейчас г-жа Паули; она везет свою старшую падчерицу в Манчестер, где она некоторое время поживет у старого друга Паули. Она не такая полная, как была, но все такая же живая. В прошлое воскресенье нам неожиданно повезло: мы получили немного ясменника и с помощью дюжины мозельского приготовили три чаши майского напитка, которые должным образом были осушены довольно многочисленной компанией. Нас было четырнадцать человек, и мы были очень веселы. Ленхен тоже была с нами и сегодня утром сказала мне, что ей было не совсем хорошо: «у нее никогда в жизни не было такого тяжелого похмелья» (пожалуйста, не разболтайте об этом!). Г-жа Паули очень жалеет, что она не может повидать тебя здесь в этот раз и просит передать сердечный привет.

Гартман заходил вчера и сообщил, что он едет в Америку, это очень хорошо для него, он никак не мог как следует устроиться здесь, пока не получил на короткое время работу на электрической фабрике Сименса в Вулидже, но теперь с этим тоже кончено. Он говорит, что вернется через несколько месяцев обратно.

Пумпс чувствует себя как обычно, время от времени страдает от головной боли. Моя единственная болезнь — это усиливающаяся глухота левого уха. Надеюсь, лето, может быть, излечит ее.

Сердечный привет тебе и Лонге. Пумпс кланяется, а я присоединяюсь к ней.

Всегда любящий тебя

Ф. Энгельс

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* — «Justice». *Ред.*

19

МАРКС — ДЖОНУ СУИНТОНУ В НЬЮ-ЙОРК

Лондон, 2 июня 1881 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой г-н Суинтон!

Вряд ли мне нужно рекомендовать Вам подателя этих строк, моего близкого друга г-на Гартмана. Посылаю с ним для Вас свою фотографическую карточку. Она довольно скверная, но это единственная, которая у меня осталась.

Что касается книги г-на Генри Джорджа[*], я считаю ее последней попыткой спасти капиталистический строй. Конечно, это не входило в намерения автора, но более ранние последователи Рикардо — радикалы — уже и раньше воображали, что все можно было бы исправить посредством присвоения земельной ренты государством. Об этой доктрине я упоминал в «Нищете философии» (опубликованной в 1847 г. и направленной против Прудона)[181].

Г-жа Маркс шлет Вам наилучшие пожелания. К несчастью, ее болезнь принимает все более и более роковой характер.

Примите, сударь, мои уверения.

Искренне Ваш ***Карл Маркс***

«Фирек» так одурел, когда приехал в Соединенные Штаты, что перепутал моего друга Энгельса со мной и мои приветствия передал Вам от имени Энгельса; он поступил так же и по отношению к другому моему американскому другу, из письма которого я узнал об этом недоразумении.

Впервые опубликовано в книге: «A Souvenir from Jimmie Higgins Book Shop». New York, 1923

Печатается по рукописи

Перевод с английского

[*] *Г. Джордж.* «Прогресс и бедность». *Ред.*

20

МАРКС — ФРИДРИХУ АДОЛЬФУ ЗОРГЕ[182]

В ХОБОКЕН

Лондон, 2 июня 1881 г.

Дорогой Зорге!

Горячо рекомендую тебе подателя этой карточки, моего друга Гартмана.

Впервые опубликовано в газете «The New-York Herald» № 16455, 10 сентября 1881 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

21

ЭНГЕЛЬС — ФРИДРИХУ АДОЛЬФУ ЗОРГЕ

В ХОБОКЕН

Лондон, 2 июня 1881 г.

Дорогой Зорге!

Направляю тебе подателя сего, нашего друга, Льва Гартмана, московскую знаменитость. Полагаю, что нет нужды специально рекомендовать его твоему вниманию. Если во время его пребывания в Америке ты сможешь быть ему чем-нибудь полезным, ты этим окажешь услугу общему делу и личную любезность Марксу и мне.

Преданный тебе ***Фр. Энгельс***

Впервые опубликовано в газете «The New-York Herald» № 16455, 10 сентября 1881 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

22

МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ

В АРЖАНТЁЙ

[Лондон], 6 июня 1881 г.

Мой дорогой Дон-Кихот!

Я действительно виноват в том, что до сих пор не писал тебе, но ты знаешь, что в этом отношении у меня всегда добрые

намерения и никудышные дела. Не проходит, однако, дня, когда бы мои мысли не были с тобой и дорогими детишками*.

О моем здоровье тебе нечего беспокоиться: простуду я схватил жестокую, почти такую же бесконечную, как хронический насморк покойного Сегуина; но теперь это быстро проходит.

Что касается Мемхен**, то ты знаешь — нет средства против болезни, которой она страдает, и она действительно слабеет. К счастью, боли не такие, какие большей частью бывают в подобных случаях, лучшим доказательством чему может служить то, что она до сих пор бывает несколько раз в неделю в лондонских театрах. Она на самом деле удивительно хорошо держится, но о поездке в Париж не может быть и речи. По-моему, очень хорошо, что вчера совершенно неожиданно приехала Лина Шёлер, которая пробудет здесь около месяца.

Получил ли Джонни «Рейнеке-лиса»***, которого я ему послал, и имеет ли бедняжка хоть кого-нибудь, кто бы мог ему прочесть эту книжку?

Сегодня (банковский праздник[183]) и вчера — адский дождь и холод, одна из тех мерзостей, которые отец небесный постоянно держит про запас для своей лондонской плебейской паствы. Вчера он испортил дождем демонстрацию сторонников Парнелла в Гайд-парке[184].

Гартман уехал в прошлую пятницу в Нью-Йорк, и я рад, что он теперь вне опасности. Но какую он совершил глупость! — за несколько дней до своего отъезда он *просил у Энгельса руки Пумпс* — причем письменно; заявив ему при этом, что, по его мнению, он не поступает необдуманно, действуя таким образом, *иначе говоря,* что он (Гартман) уверен в согласии Пумпс на его (Гартмана) предложение. Пумпс действительно сильно флиртовала с ним, но лишь для того чтобы расшевелить Каутского. А от Тусси я сейчас узнал, что тот же Гартман делал ей предложение перед ее отъездом на Джерси. Но хуже всего последний случай, так как знаменитая Перовская, отдавшая жизнь за русское движение, жила с Гартманом «свободным» браком. Она совсем недавно погибла на виселице[185]. От Перовской до Пумпс — это уж слишком, и мама чувствует теперь полное отвращение к этому поступку и ко всему мужскому полу!

Статья Лонге об Ирландии хороша. Мы все думали, что с ним что-то случилось, так как с некоторых пор его имя все реже и реже встречалось на страницах «Justice». Видела или

* — Жаном, Анри, Эдгаром и Марселем. *Ред.*
** — жены Маркса, Женни. *Ред.*
*** *Гёте.* «Рейнеке-лис». *Ред.*

слышала ли ты что-нибудь о прославленном Гирше? Сегодня я получил от него две нью-йоркские газеты.

Есть одна только новость, достойная быть отмеченной. Говорят, что один янки* изобрел врубовую машину для добычи угля, делающую излишней большую часть теперешней работы углекопов (а именно — не надо будет «рубить» уголь в забоях и шахтах), оставляя на их долю лишь *дробление* и погрузку угля в вагонетки. Если это изобретение окажется удачным, как есть все основания думать, оно даст могучий толчок развитию страны янки и сильно поколеблет промышленное превосходство Джона Буля.

Мемхен просит тебе еще сказать, что Лина** приехала сюда по случаю свадьбы Лизы Грин, дочери удачливого поклонника Мартина Таппера.

Лаура делает все, чтобы развлекать и веселить Мемхен.

Елена*** сердечно кланяется тебе.

Ну, а теперь поцелуй за меня много-много раз Джонни, Гарра и благородного Волка****. Что касается «великого незнакомца»*****, то я не осмеливаюсь на такую фамильярность по отношению к нему.

Что с твоей астмой? Она все еще тебя беспокоит? Я с трудом представляю себе, когда ты успеваешь передохнуть при четырех детях и имея прислугу лишь номинально.

До свидания, дорогое дитя.

Олд Ник

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

23

ЭНГЕЛЬС — ЖЕННИ ЛОНГЕ В АРЖАНТЁЙ

Лондон, 17 июня 1881 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогая Женни!

Спешу ответить на твое письмо от 15-го, полученное только сегодня утром. Когда я писал тебе в последний раз, доктор******

* — Джефри. *Ред.*
** — Шёлер. *Ред.*
*** — Демут. *Ред.*
**** — Эдгара Лонге. *Ред.*
***** — внука Маркса, Марселя Лонге, родившегося в апреле 1881 г., которого Маркс еще не видел. *Ред.*
****** — Донкин. *Ред.*

настаивал, чтобы твоя мама* поехала в Париж, а сама она противилась этому, говоря, что не чувствует себя достаточно сильной для путешествия. Несколько дней спустя доктор нашел, что она действительно сильно ослабела и что он не может уже советовать ей ехать в Париж. Она в самом деле выглядит очень худой и изнуренной и сегодня жаловалась мне на все возрастающую слабость, особенно трудно ей стало одеваться. Она проводит большую часть дня в постели, и доктор, когда я был у них, заставил ее встать и выйти погулять. Теперь он говорит Мавру, что самое лучшее *для них обоих* — это поехать в Истборн — и немедленно. Мы пытались убедить ее, но, конечно, она всячески сопротивлялась; она должна ехать в Париж, если вообще куда-нибудь ехать, и т. д. Тогда мы ей сказали, что двухнедельное пребывание в Истборне, может быть, восстановит ее силы настолько, что она сможет потом поехать в Париж и т. д. и т. д. На этом я ушел от них, и ты узнаешь, вероятно, результат через день-два от Тусси, которая сказала, что скоро напишет тебе.

Какова бы ни была природа болезни, это постоянное и усиливающееся похудание и потеря сил, очевидно, очень серьезный признак особенно потому, что это, по-видимому, не прекращается. Большинство докторов говорит, что само по себе это не является опасным симптомом, если только не переходит определенной границы, что они знают случаи, когда слабость внезапно прекращалась и силы возвращались. Надеюсь, что пребывание у моря окажет это действие. Если бы только она уже была там!

Для Мавра перемена также будет благотворна. Ему тоже надо немного окрепнуть. Кашель его по ночам уже не такой сильный, спит он лучше, это уже кое-что.

Очень удачно, что приехала Лина Шёлер, которая живет теперь у вас в доме, живая и добродушная, как всегда, но значительно более глухая. Ее присутствие очень подбадривает твою маму. Надеюсь, что она останется здесь на некоторое время.

Сэм Мур на прошлой неделе успешно выдержал последний экзамен на адвоката.

Я слышал от Тусси, что у тебя новая прислуга и она оказалась подходящей для тебя, так что твои заботы по хозяйству тоже должны уменьшиться.

Кончаю письмо, чтобы послать его пораньше, утренней почтой, в надежде, что оно придет к тебе завтра вечером. Письмо

* — Женни Маркс. *Ред.*

мисс Парнелл я верну через несколько дней. Сердечный привет Лонге и Джонни от любящего

Ф. Энгельса

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

24
МАРКС — ФРИДРИХУ АДОЛЬФУ ЗОРГЕ В ХОБОКЕН

[Лондон], 20 июня 1881 г.

Дорогой Зорге!

Я прервал сегодня другие работы ради того, чтобы написать тебе, наконец, подробное письмо, и вот черт посылает мне одного гостя за другим, так что у меня едва осталось время, чтобы успеть до закрытия почты послать тебе хотя бы несколько строк. Итак, изложу все *вкратце.*

Твой сын* всем здесь понравился. Так как продолжающиеся уже более полгода кашель, простуда, боль в горле и ревматизм вынуждают меня почти безвыходно сидеть дома и сторониться общества, мы с ним, примерно, раз в неделю, непринужденно беседуем часок-другой, и я нахожу, что он, в сущности, гораздо лучше усвоил наши взгляды, чем это может показаться. Он вообще способный, дельный малый, к тому же хорошо образован, с приятным характером и, что самое главное, полон энергии.

Последними посетителями, только что ушедшими от меня, были Фирек и недавно обвенчавшаяся с ним тоже урожденная Фирек**. Я не видел этого господина со времени его возвращения из Америки[158]. Несколько дней тому назад он послал ко мне Каутского с различными бумажонками для *подписи* (среди них одна написана Либкнехтом и им же подписана за себя и Бебеля). Все они касаются известных соглашений, достигнутых через посредство Фирека с «New Yorker Volkszeitung» и К°, относительно наследства Лингенау[186]. Я *отказался дать свою подпись,* заявив, что по этому делу могу вести переговоры только через нашего главного уполномоченного Зорге. В то же время я за-

* — Адольф Зорге. *Ред.*
** — Лаура Фирек. *Ред.*

явил Фиреку, что, по-моему, нужно прежде всего уплатить тебе 120 долларов для адвоката в Сент-Луисе из сохранившегося еще в Нью-Йорке остатка от сумм, собранных в Америке. Сегодня Фирек сообщил мне, что он сейчас же отдал соответствующее распоряжение в Нью-Йорк под мою ответственность за это перед лейпцигцами. Он явился как раз вовремя, так как иначе я завтра же послал бы в Лейпциг *формальный протест* против modus operandi* лейпцигских партийных вождей, которые до сих пор вели себя в этом деле так, как будто *они одни* вправе все решать.

Затем уже, post festum**, Фирек рассказал мне о том, что ты претендуешь на возмещение 80 долларов, которые тебе пришлось затратить. Я ответил ему, что мы, душеприказчики, считаем своей священной обязанностью возместить тебе их по окончании процесса в случае неудачного его исхода.

Еще до получения твоего экземпляра книги Генри Джорджа*** я получил два других: один от Суинтона и один от Уилларда Брауна; я отдал поэтому один Энгельсу, а другой — Лафаргу. Сегодня я ограничусь тем, что лишь очень кратко выскажу свое суждение об этой книге.

Человек этот в теоретическом отношении совершенно отстал. Он совсем не понял природы *прибавочной стоимости* и потому пускается, по примеру англичан, в спекулятивные рассуждения об обособившихся частях прибавочной стоимости, то есть о соотношении прибыли, ренты, процента и т. д., причем уровень его спекуляций даже ниже, чем у англичан. Его основной догмат заключается в том, что *все* было бы *в порядке,* если бы земельная рента выплачивалась государству (ты найдешь такое требование также в *«Коммунистическом манифесте»,* там, где говорится о *переходных мероприятиях*[187]*).* Этот взгляд первоначально принадлежал буржуазным экономистам; он был впервые (если не считать аналогичного требования в конце XVIII столетия) выдвинут сразу после смерти Рикардо его первыми *радикальными* последователями. В 1847 г. я в своем сочинении, направленном против Прудона, писал об этом следующее: «Мы понимаем, почему такие экономисты, как Милль» (отец, а не сын Джон Стюарт, повторивший это только в несколько измененной форме), «Шербюлье, Хильдич и другие, требовали присвоения ренты государством и употребления ее для замены налогов. Это было лишь открытым выражением ненависти

* — способа действия. *Ред.*
** — буквально: после праздника; здесь в смысле: после, задним числом. *Ред.*
*** *Г. Джордж.* «Прогресс и бедность». *Ред.*

промышленного капиталиста к *земельному собственнику*[*], являющемуся в его глазах бесполезным и излишним в общем ходе буржуазного производства»[188].

Мы сами, как уже упоминалось, включили это присвоение земельной ренты государством в число многих других *переходных мероприятий.* Эти меры — как в свою очередь отмечается в «Манифесте» — полны внутренних противоречий, что вообще свойственно переходным мероприятиям.

Но *Колен* первым превратил это требование *радикальных* английских буржуазных экономистов в *социалистическую панацею* и объявил, что это мероприятие разрешает антагонизмы, которые заключает в себе современный способ производства. *Колен,* по рождению бельгиец, был некогда наполеоновским гусарским офицером, а в последние годы Гизо и в первые годы Наполеона Малого[189] он, живя в Париже, осчастливил мир многотомным трактатом об этом своем «открытии»[**]. Ему принадлежит также и другое открытие, что хотя бога и нет, но зато существует *«бессмертная»* человеческая душа и что животные «лишены ощущений». Если бы они имели ощущения, то есть душу, то мы были бы каннибалами и царство справедливости никогда не могло бы быть установлено на земле. Его «антиземельно-собственническая теория» вместе с теорией о существовании души и пр. проповедуется его немногочисленными уцелевшими последователями — большей частью бельгийцами — в течение многих лет ежемесячно на столбцах парижского журнала «Philosophie de l'Avenir». Они называют себя *«разумными коллективистами»* и превозносят этого Генри Джорджа.

Вслед за ними и независимо от них прусский банкир, бывший лотерейный сборщик Замтер из Восточной Пруссии — большой тупица, — между прочим также разрешился толстым томом подобного «социализма»[***].

Общим у всех этих «социалистов», начиная с Колена, является то, что, оставляя неприкосновенным *наемный труд,* а следовательно, и *капиталистическое производство,* они тем самым хотят обмануть себя или других, когда утверждают, что с превращением земельной ренты в государственный налог *все беды* капиталистического производства должны сами собой исчезнуть. Итак, все это не что иное, как скрытая под маской социализма попытка *спасти господство капиталистов* и фактически *заново укрепить* его на *еще более широком,* чем теперь, *базисе.*

---

[*] Подчеркнуто Марксом в письме. *Ред.*

[**] *Ж. Г. С. Колен.* «Политическая экономия. Источник революций и так называемых социалистических утопий». *Ред.*

[***] *А. Замтер.* «Социальное учение». *Ред.*

Этот злостный умысел, а вместе с тем и ослиная глупость явственно проглядывают также в декламациях Генри Джорджа. Ему это тем более непростительно, что от него можно было бы ждать как раз обратной постановки вопроса, а именно: чем объяснить, что в Соединенных Штатах, где относительно, то есть в сравнении с цивилизованной Европой, приобретение земли было доступным для широких народных масс и до известной степени (опять-таки относительно) еще и теперь осталось таковым, капиталистическое хозяйство и связанное с ним порабощение рабочего класса развились *быстрее* и *в более циничной форме,* чем в какой-либо иной стране?

С другой стороны, книга Джорджа и сенсация, которую она у вас вызвала, имеет то значение, что это есть первая, хотя и неудачная, попытка освободиться от ортодоксальной политической экономии.

Г. Джордж, по-видимому, совершенно незнаком с историей прежних *американских противников ренты*[190], которые были больше практиками, чем теоретиками. Впрочем, он талантливый писатель (и талантливый рекламист в американском духе), что подтверждается, например, его статьей о Калифорнии, напечатанной в «Atlantic»[191]. Ему также присущи отталкивающее высокомерие и самомнение, которые резко отличают всех подобных изобретателей панацей.

Болезнь моей жены[*], между нами говоря, к сожалению, неизлечима. Через несколько дней я поеду с ней к морю, в Истборн.

Братский привет.

Твой ***К. Маркс***

Впервые опубликовано с сокращениями в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 2, № 33, 1891—1892 и полностью в книге: «Briefe und Auszuge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere». Stuttgart, 1906

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

25

МАРКС — ГЕНРИ МАЙЕРСУ ГАЙНДМАНУ[192] В ЛОНДОН

[Черновик]

Истборн[1], 2 июля 1881 г.
43, Terminus Road, Sussex

Милостивый государь!

Все более угрожающее состояние здоровья г-жи Маркс, требующее моего постоянного ухода за ней, объясняет мой запоздалый ответ на Ваше письмо от 5 июня.

[*] — Женни Маркс. *Ред.*

Признаюсь, я был несколько удивлен, узнав, что во время Вашего пребывания в Лондоне Вы столь строго хранили в секрете созревший у Вас тогда и осуществленный Вами план публикации с некоторыми изменениями статьи, отвергнутой «Nineteenth Century», в виде II и III глав «Англии для всех», то есть Ваших *комментариев к программе федерации*[193].

В своем письме, в котором и не упоминалось об этом припасенном для меня сюрпризе, Вы пишете: «Если Вы полагаете, что я должен сослаться на Вашу книгу, упомянув Ваше имя и т. д.».

Этот вопрос Вы должны были бы, мне кажется, поставить до публикации, а не после нее.

Вы соблаговолили сообщить мне две причины свободного использования «Капитала», работы, не переведенной еще на английский язык, не упоминая о самой книге или об ее авторе.

Одна из этих причин заключается в том, что «многие» (англичане) «испытывают страх перед социализмом и самим этим словом». По-видимому, с целью уменьшить этот «страх» Вы говорите на стр. 86 о *«демоне социализма»*? Другая и последняя причина состоит, по-Вашему, в том, что *«истинные* англичане страшатся того, чтобы их поучал иностранец»!

Я не замечал этого ни во времена «Интернационала», ни во времена чартизма. Но оставим это. Если этот страх «истинных» англичан пугает Вас, то зачем же на стр. VI предисловия Вы сообщаете им, что «идеи» и т. д. глав II и III, каковы бы они ни были, несут на себе, во всяком случае, печать неотечественного происхождения? Англичане, с которыми Вам приходится иметь дело, вряд ли так непроходимо глупы, чтобы воображать, будто вышеприведенная выдержка принадлежит перу английского автора.

И все же, хотя я нахожу Ваши доводы несколько смешными, я решительно утверждаю, что упоминание «Капитала» либо его автора было бы большой ошибкой. В партийных программах следует избегать явной зависимости от отдельных авторов или трудов. Но позволю себе добавить, что они также являются неподходящим местом для новых научных открытий, подобных тем, которые Вы позаимствовали из «Капитала», и что последние уже вовсе неуместны в комментариях к программе, с ясно провозглашенными целями которой они не имеют ничего общего. Их наличие, пожалуй, имело бы какой-то смысл в *изложении* программы самостоятельной и независимой партии рабочего класса.

Вы любезно сообщили мне, что Ваша брошюра, «хотя на ней и указана цена в полкроны, предназначена не для широкой

продажи», а «лишь» для «распространения среди членов Демократической федерации и т. д.» Я совершенно убежден, что Ваши намерения были именно таковыми, но мне известно, что Ваш издатель придерживается другой точки зрения. Один мой друг, увидев Вашу брошюру в моем кабинете, захотел ее приобрести, записал ее название и место печатания, заказал через своих книготорговцев Уильямса и Норгейта 13-го июня и получил ее от них вместе со счетом, помеченным 14-го июня.

Все это принуждает меня к единственному практическому выводу. В случае если пресса обрушится на Вашу брошюру, я, возможно, буду вынужден выступить, поскольку главы II и III частично состоят просто из выдержек, попросту переведенных из «Капитала», но не отделенных кавычками от остального текста, значительная часть которого является неточной и даже подразумевает неверное толкование.

Я пишу Вам со всей откровенностью, которую считаю первым условием дружеского общения.

Наилучшие пожелания от г-жи Маркс и от меня г-же Гайндман.

Преданный Вам ***К. М.***

Впервые опубликовано на языке оригинала в сборнике «Annali», an. III, Milano, 1960

Печатается по рукописи

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

26
ЭНГЕЛЬС — НОРРИСУ А. КЛУЗУ В НЬЮ-ЙОРК

[Черновик]

Лондон, 22 июля 1881 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Норрису А. Клузу, эсквайру

Милостивый государь!

К сожалению, время не позволяет мне написать интересующий Вас обзор*. Однако, если Вы сами пожелаете познакомиться с современным состоянием рабочего движения в Великобритании, Вы найдете все необходимые данные в еженедельной

* Далее в рукописи зачеркнуто: «Для этого пришлось бы обратиться к истории английского рабочего класса и его деятельности начиная по крайней мере с 1824 г., если не с промышленной революции, вызванной применением пара, для чего у меня нет свободного времени». *Ред.*

газете «Labour Standard», издательство которой помещается по адресу: 2, Whitefriars st. До сих пор вышло 12 номеров этой газеты. Большая часть передовых статей без подписи написана мной[194].

Если Вы хотите завязать сношения с г-ном Мостом, Вам следовало бы написать редактору «Freiheit»* по адресу: 252, Tottenham Court Road, W., London, который сумеет сказать Вам, возможно ли это при данных обстоятельствах.

Буду рад повидать Вас в случае Вашего приезда в Лондон.

Остаюсь преданный Вам

Ф. Э.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

27

ЭНГЕЛЬС — РЕДАКЦИИ «FREIHEIT» В ЛОНДОНЕ

[Черновик]

[Лондон], 22 июля 1881 г.

Редакции «Freiheit»

Некий г-н Норрис А. Клуз, ирландский корреспондент газеты «New-York Star», рекомендованный мне из Америки**, пишет следующее:

«Если бы г-н Мост пожелал сделать какое-либо заявление нью-йоркской публике, я с радостью предоставил бы ему эту возможность».

Я ответил ему на это:

Если Вы хотите завязать сношения с г-ном Мостом, Вам следовало бы написать редактору «Freiheit», 252, Tottenham Court Road, W., London, который сумеет сказать Вам, возможно ли это при данных обстоятельствах.

Довожу об этом до Вашего сведения.

Преданный Вам

Ф. Э.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского и немецкого

---

* — К. Шнейдту. *Ред.*

** — Фридрихом Теодором Куно. *Ред.*

28
МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ
В АРЖАНТЁЙ

[Лондон], 22 июля 1881 г.

Моя дорогая Женни!

У мамы* только что был доктор**, и мы отправимся во вторник или в среду на той неделе. О точном дне выезда мы известим тебя телеграммой.

Пожалуйста, *напиши сейчас же,* потому что мама не уедет из Лондона, пока ты ей не сообщишь, что тебе привезти отсюда. Ты знаешь, что она любит возиться с подобными поручениями.

Прилагаю 5 фунтов на мелкие расходы в связи с необходимостью взять напрокат постельные принадлежности и пр.; остальное уплачу тебе по приезде. Только при этом условии я согласен принять твое предложение.

Что касается истории, которую Гирш рассказал тебе о Лафарге, то это просто *ложь.* Лафарг, в чем я был уверен с самого начала, никогда ничего подобного не писал своим парижским корреспондентам.

Прощай, дорогое дитя. Тысяча поцелуев детям.

Олд Ник

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского и немецкого

29
МАРКС — ЛАУРЕ ЛАФАРГ
В ЛОНДОН

[Аржантёй][2], 9 августа 1881 г.

Дорогая Лаурочка!

Я могу написать тебе лишь несколько строк, потому что почта уже отправляется.

Состояние мамы* внушает опасения из-за усиливающейся слабости. Поэтому я хотел (так как мы сейчас можем совершать

* — Женни Маркс. *Ред.*
** — Донкин. *Ред.*

лишь небольшие переезды) при любых обстоятельствах выехать в конце этой недели и сообщил об этом нашей больной. Но она расстроила мои планы, отдав вчера наше белье в стирку. Так что до начала следующей недели нечего и думать об отъезде.

Может быть — в зависимости от ее состояния, — мы остановимся в Булони *на несколько дней.* Доктор* считает, что (при благоприятном стечении обстоятельств) морской воздух может в данный момент подействовать укрепляюще.

В следующий раз (но для этого ты должна *сразу же* сообщить мне ваш новый адрес) напишу подробно. Сердечный привет Полю**.

Твой ***Олд Ник***

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

30
ЭНГЕЛЬС — ДЖОРДЖУ ШИПТОНУ В ЛОНДОН

Бридлингтон Ки[4], 10 августа 1881 г.

Уважаемый г-н Шиптон!

Возвращаю корректурный лист[10], измененный в соответствии с Вашим желанием. Первый отрывок Вы, как мне кажется, неправильно поняли, а вторая поправка носит лишь формальный характер. Во всяком случае, я не понимаю, какую пользу могут принести подобные исправления, если они запрошены ко вторнику, получены здесь в среду, а вернутся обратно в Лондон в четверг, после того как газета*** будет напечатана.

Но дело здесь не в этом. Если такие *очень* мягкие и невинные вещи начинают казаться Вам слишком резкими, то это наводит меня на мысль, что то же самое будет — и в гораздо большей степени — и с моими собственными статьями, которые обычно бывают значительно более резкими. Я вынужден поэтому рассматривать Ваши замечания как симптом и сделать вывод, что лучше будет для нас обоих, если я перестану Вам посылать передовые статьи. Это будет гораздо лучше, чем продолжать до того неизбежного момента, пока мы не придем к открытому

* — Донкин. *Ред.*
** — Лафаргу. *Ред.*
*** — «Labour Standard». *Ред.*

разрыву. Кроме того, недостаток времени мне безусловно не позволит в дальнейшем писать передовые регулярно, и в силу одного этого обстоятельства я еще раньше пришел к выводу о необходимости такого решения и думал привести его в исполнение после конгресса тред-юнионов[11]. Но чем скорее я перестану для Вас писать, тем, пожалуй, будет лучше Ваше положение перед этим конгрессом.

Затем еще один вопрос: я считаю, что, прежде чем опубликовать статью Макса Гирша о профессиональных союзах в Германии[9], Вы должны были прислать мне оттиск статьи или корректуру как единственному человеку среди Ваших сотрудников, который что-то знает по этому вопросу и мог бы сделать необходимые замечания. Как бы то ни было, для меня невозможно оставаться сотрудником газеты, если она, не посоветовавшись со мной, восхваляет эти профессиональные союзы, которые можно сравнить только с теми худшими английскими тред-юнионами, которые позволяют руководить собой людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею.

Излишне добавлять, что независимо от этого я желаю всяческих успехов «Labour Standard» и, если угодно, буду от случая к случаю присылать Вам различную информацию с континента.

Преданный Вам

Ф. Э.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

31
ЭНГЕЛЬС — ДЖОРДЖУ ШИПТОНУ
В ЛОНДОН

[Черновик]

Бридлингтон Ки, 15 августа 1881 г.

Уважаемый г-н Шиптон!

Не могу понять, как Вы могли так странно истолковать статью г-на Каутского[10]. Вы объясняете Ваше возражение в первом случае тем, что государственное вмешательство пришлось против шерсти «многим видным деятелям профессиональных союзов». Конечно, это так, потому что они в глубине души приверженцы манчестерской школы[195], и до тех пор, пока с их мнениями будут считаться, невозможна никакая газета рабочего класса. Но мое добавление к этому месту статьи

должно было убедить Вас, что речь здесь идет о государственном вмешательстве такого и только такого рода, какое в Англии давным-давно узаконено в виде фабричного законодательства, и ни о чем больше, — вещи, против которой не возражают даже Ваши «видные деятели».

Что касается второго возражения, то у г-на Каутского говорится: международное регулирование *конкурентной войны* так же необходимо, как и регулирование *открытой войны,* — мы требуем *Женевской конвенции*[196] для рабочих всего мира. «Женевская конвенция» является *договором,* заключенным различными *правительствами* для защиты раненых и полевых госпиталей во время войны. Поэтому то, чего требует г-н Каутский, является подобным же соглашением между различными *правительствами* для защиты рабочих не только одного, но всех государств от чрезмерного труда, особенно женщин и детей. Я совершенно не в состоянии понять, как Вы могли это истолковать как призыв к *рабочим* всего мира *организовать съезд делегатов в Женеве*[*].

Согласитесь, что случай такого неправильного понимания с Вашей стороны никак не может содействовать тому, чтобы я пересмотрел свое решение[**].

Что касается статьи о Гирше[9], то я слишком хорошо знаю г-на Эккариуса, как предателя нашего дела и для меня будет совершенно невозможно писать для газеты, которая предоставляет ему свои страницы.

К тому же я не замечаю никакого прогресса. «Labour Standard» остается тем же средством распространения самых различных и противоречивых взглядов по всем политическим и социальным вопросам, каким она была и раньше, что, может быть, и было неизбежно в первые дни ее существования, но что больше не должно было бы иметь места в настоящее время, если бы в британском рабочем классе существовало течение, стремящееся к освобождению от влияния либеральных капиталистов. Поскольку такое течение не проявило себя до настоящего времени, я должен заключить, что оно не существует.

[*] Далее в рукописи зачеркнуто: «Если бы Вы поняли смысл статьи, Вы должны были бы сразу увидеть, что в ней предлагалось мероприятие, имеющее непосредственно практический характер и настолько легко осуществимое, что одно из нынешних европейских правительств (швейцарское правительство) решило приняться за его проведение; что предложение уравнять рабочее время во всех промышленных странах путем превращения фабричного и рабочего законодательства в объект международного соглашения государств представляет огромную непосредственную выгоду для рабочих. Особенно для рабочих Англии, где, если не считать Швейцарии, рабочие лучше всего охраняются законом от чрезмерного труда и поэтому подвергаются несправедливой конкуренции со стороны бельгийских, французских и германских рабочих, рабочий день которых гораздо продолжительнее». *Ред.*

[**] См. предыдущее письмо. *Ред.*

Если бы были несомненные признаки его существования, то я приложил бы все усилия, чтобы ему помочь. Но я не думаю, чтоб один столбец в неделю, утопающий, так сказать, среди других самых разнообразных мнений, представленных в «Labour Standard», мог бы сколько-нибудь способствовать его созданию.

Как я уже говорил, я решил прекратить писать после конгресса тред-юнионов[11] из-за недостатка времени; так что не имеет никакого значения, напишу я до этого еще несколько статей или нет.

Итак, в ожидании лучших времен и в надежде на них остаюсь преданный Вам

Ф. Э.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

32

МАРКС — ПЕТРУ ЛАВРОВИЧУ ЛАВРОВУ В ПАРИЖ

[Аржантёй], 16 августа 1881 г.

Дорогой Лавров!

Я должен завтра уехать и поэтому не буду иметь возможности снова повидаться с Вами на этот раз. Но теперь, после того как я уже добрался до Парижа, я буду наведываться сюда время от времени.

Пока до свиданья.

Весь Ваш

К. Маркс

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Летописи марксизма», кн. V. 1928 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

33

ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ В ЦЮРИХ

Бридлингтон Ки, Йоркшир,
17 августа 1881 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Вот уже три недели как я на взморье[4]; пользуюсь наступлением дурной погоды, чтобы написать Вам несколько строк до

моего отъезда в понедельник, 22-го. Если будет время, напишу и Каутскому*; во всяком случае, он очень скоро получит ответ и оттиск его статьи в «Labour Standard»[10].

Антисемитские статьи Вы, вероятно, уже получили обратно; я послал их Каутскому, так как Вы не указали мне более точного адреса. Никогда я не читал ничего столь глупого и ребяческого. Это движение имеет только *то* значение, какое в Германии при трусости буржуазии имеет *всякое* движение, инспирированное сверху: это избирательный маневр с целью добиться победы консерваторов на выборах. Как только пройдут выборы или если движение еще раньше выйдет за пределы, поставленные верхами (как сейчас в Померании), оно тотчас же по приказу сверху лопнет, как мыльный пузырь, — «и след навек пропал»**. К подобным движениям надо относиться с полнейшим презрением, и я рад, что «Sozialdemokrat» так и сделал. Впрочем, Карл Гирш, которому вдруг приспичило прокатиться в Берлин, что он и привел в исполнение, пишет мне оттуда:

> «Антисемитское движение целиком организовано сверху, почти что по команде. Я побывал в самых бедных пивных, и никто не был шокирован моим носом; ни в омнибусе, ни на железной дороге — нигде я не слышал ни слова против евреев. Официозные газеты, занимающиеся в своих статьях травлей евреев, имеют очень мало читателей. Немцы питают органическую неприязнь к евреям, но ненависть к правительству, которую мне пришлось наблюдать среди рабочих и прогрессивных мелких буржуа и мещан, куда сильнее».

О тысяче и одном тайных агентах берлинской полиции он говорит, что все они известны и

> «поэтому ничего не знают. Они настолько простоваты, что всегда сидят в одних и тех же пивных и за теми же самыми столиками»[197].

Ваши статьи об «интеллигентах» *очень хороши*[198]. Превосходно и то, что Вы пишете о бисмарковской мании огосударствления как о вещи, за которую нам не к чему ломать копья, но которая, однако, подобно всему происходящему, nolens volens*** идет на пользу нам, — а также и Ваши соображения об «интеллигентах» как о людях, которые, если они чего-нибудь стоят, сами приходят к нам, если же мы еще должны их вербовать, то они смогут принести нам только вред, как люди, в которых еще есть остатки старой закваски. Хорошо и многое

* См. настоящий том, стр. 181—183. *Ред.*
** *Гёте.* «Рыбак». *Ред.*
*** — волей-неволей. *Ред.*

другое, хотя против отдельных выражений всегда, конечно, можно что-либо возразить. Вообще последний номер* был опять очень хорош: правильный, бодрый и полный уверенности в победе тон, утраченный вождями после покушений[22] и издания исключительного закона[106], появился снова, заменив собой то, что Фридрих-Вильгельм IV называл «трубить себе в штаны». Вы отлично отделали Брэдло[199].

Несколько замечаний по отдельным пунктам:

1) Вам вовсе незачем так расхваливать Валлеса[200]. Это жалкий литературный или, вернее, литераторствующий фразер, абсолютно ничего собой не представляющий, который перешел к крайним левым из-за отсутствия таланта, чтобы выехать на так называемом направлении и хоть таким путем протащить в публику свою скверную стряпню. Во время Коммуны он занимался только фразерством, а если и действовал как-нибудь, то лишь во вред делу. Не поддавайтесь выдумкам парижской литературной братии (к которым и Малон питает большую слабость) насчет этого вздорного фанфарона. Что он за политик, показывает его письмо к Греви[201], после того как тот стал президентом: он его просит ввести социалистическую республику и т. д. по приказу свыше; это письмо на несколько месяцев задержало амнистию.

2) Испанцы вовсе не все сплошь анархисты. В Мадриде есть превосходное ядро (бывшая «Новая мадридская федерация»[202]), кроме того, есть очень хорошие элементы, особенно в Валенсии и некоторых небольших фабричных городах Каталонии, а также отдельные лица в разных местах. Энергичнее и проницательнее всех наш друг Хозе Меса (сейчас он в Париже), отличный парень, сотрудничающий и поддерживающий контакт с Гедом и другими парижанами. Если Вам нужны сведения об Испании, напишите ему по-французски (Малон сможет передать ему письмо непосредственно или через Геда, у меня здесь нет его адреса). Сошлитесь на меня.

В общем, я того мнения, что молодой человек, который так хорошо растет на своей работе и так к ней подходит, как Вы, должен, конечно, на ней и оставаться. Я сильно сомневаюсь, сумеет ли Кегель, который к тому же пока еще сидит, так же хорошо справиться. С его теоретической позицией я не знаком; хватит ли у него способностей больше чем на местную сатирическую газетку, во всяком случае не доказано. Англичане говорят: let well alone — от добра добра не ищут. Признаюсь, ко всякой перемене я отношусь с недоверием и неудовольствием.

* — «Sozialdemokrat». *Ред.*

Теперь о революционном конгрессе[203]. Лафарг подцепил какого-то итальянца, который был там делегатом и которого, не знаю почему, прогнали. Кроме того, Лафарг встретил кое-кого из этой шайки у одного французского торговца вином и гастрономическими товарами, тоже анархиста. Выясняется:

1) Конгресс состоял из *двадцати с чем-то* человек, среди которых были главным образом *жители Лондона с* мандатами из других мест. Затем несколько французов, итальянцев, один испанец. Заседания происходили *открыто.* Но на конгресс не явился ни один человек, ни один репортер, ни одна собака, ни одна кошка. Напрасно прождав публику три-четыре дня и так ничего и не дождавшись, они приняли героическое решение: объявить заседания *закрытыми!*

2) Прежде всего пришлось констатировать всеобщее разочарование в анархическом движении, оказавшемся насквозь пустышкой, и убедиться в том, что эти несколько крикунов нигде не имеют решительно никаких сторонников. Каждый знал это о себе и своей местности, но, хотя каждый из них потчевал остальных чудовищным враньем о колоссальном успехе движения в *своей* местности, все же каждый верил вранью *других.* Крушение иллюзий было так велико, что делегаты не могли скрыть своего удивления по поводу своего собственного ничтожества даже в присутствии посторонних.

3) Только митинг, на который они, конечно, вызвали репортеров, и затем вздорные парламентские запросы глупых тори и еще более глупых радикалов спасли до известной степени конгресс. То, что при нынешнем нигилистическом поветрии пресса постарается нажить капитал на митинге, на котором было самое большее 700 человек, этого следовало ожидать.

Так что если «Freiheit» говорит о делегате № 63[204] и т. д., то это относится к номерам *мандатов,* которые выдавались одним, двумя или тремя лицами на предъявителя или на имя какого-нибудь им совершенно неизвестного, живущего в Лондоне человека, или же десятью-двадцатью лицами — на имя ехавшего в Лондон делегата. Всех действительно присутствовавших делегатов было ближе к двадцати, чем к тридцати, а приехавших сюда из других мест, наверное, не набралось и десятка.

Nota bene[*]. Всем этим надо пользоваться осторожно, так как эти сведения у меня из *третьих рук.* Можно бы, например, высказаться в вопросительной форме: так ли, мол, это? Эти господа всегда ведь цепляются за *одно* какое-нибудь неточное слово. Это же старая история *всех* анархистских конгрессов.

---

[*] — Заметь себе. *Ред.*

Прочтите в «Мнимых расколах в Интернационале» отчет этих людей об их собственном конгрессе Юрской федерации или в «Альянсе социалистической демократии» отчет об их первом конгрессе после раскола[205]. Анархия же выражается у них прежде всего в том, что каждый хочет быть офицером и никто — солдатом. Кстати, неистовый анархист Адемар Швицгебель (ну, и фамилия!) поносит занятие любой государственной должности как измену анархизму, что, однако, не мешает ему быть лейтенантом швейцарской федеральной армии!

Сердечный привет также Каутскому, которому напишу в первый же дождливый день.

Ваш ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

34
МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ В АРЖАНТЁЙ

[Лондон], 18 августа 1881 г.

Мое дорогое, любимое дитя!

Я прибыл в Лондон, то есть на Maitland Park, около 7 часов.

Туссинька выглядит бледной и худой. Вот уже несколько недель, как она почти ничего не ест (буквально); ее нервная система в крайне подавленном состоянии; отсюда — постоянная бессонница, дрожание рук, невралгические подергивания лица и т. д.

Я тотчас же телеграфировал д-ру Донкину. Он приехал вчера утром, в 11 часов, и долго расспрашивал и осматривал Тусси. Он говорит, что у нее нет никакой органической болезни, сердце здоровое, легкие здоровые и т. д., но только из-за ее безрассудного образа жизни совершенно нарушена деятельность желудка и ужасно истощена нервная система.

Ему удалось так напугать ее, что она обещала следовать его предписаниям, а ты знаешь, что, раз она уступила и дала обещание, она его сдержит. При всем том ее выздоровление может идти лишь очень медленно, и я приехал как раз вовремя. При малейшем промедлении дело могло принять очень опасный оборот.

Донкин собирался уже, как он мне сказал до нашего отъезда, уехать на днях из Лондона на Гебридские острова. Ради Тусси

и, кроме того, желая дождаться известий о маме*, он пробудет здесь еще до конца недели.

Напиши мне о состоянии мамы: уехала ли она от вас и т. д. Что с Лонге и Гарра? Как ты сама и остальные милые детки**?

Как обстоит дело у тебя с новой прислугой?

Кстати, Сара*** (энгельсовская Сара) теперь каждый день несколько часов помогает Тусси по хозяйству; это девушка с прекраснейшим характером и *справляется с любой работой.* Тусси говорит, что Сара с большим удовольствием поехала бы к тебе, но Пумпс ничего не сказала ей о том, что Лиззи ушла от тебя и что ты ищешь ей *замену.* Она сказала Тусси, а также мне, что *и теперь готова* поехать к тебе, только боится одна ехать во Францию. Но это пустяки. Через некоторое время я сам мог бы ее привезти.

А теперь прощай, дорогое дитя! Ничто не могло мне доставить большего наслаждения, чем время, которое я провел с тобой и дорогими детишками.

Привет милейшему д-ру Дурлену.

Тысяча поцелуев детям.

Твой ***Олд Ник***

Тусси шлет свои наилучшие пожелания Волку**** и всему семейству.

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

35

ЭНГЕЛЬС — АВГУСТУ БЕБЕЛЮ В ЛЕЙПЦИГ

Лондон, 25 августа 1881 г.

Дорогой Бебель!

Я бы раньше ответил тебе на твое письмо от 13 мая, но после лейпцигского «малого»[206] выжидал, не пришлешь ли ты мне другой конспиративный адрес; поскольку я его не дождался, пользуюсь старым и прилагаю еще письмо Тусси Маркс г-же Либкнехт, адреса которой у нас тоже нет.

* — Женни Маркс. *Ред.*
** — Жан, Эдгар и Марсель. *Ред.*
*** — Паркер. *Ред.*
**** — Эдгару Лонге. *Ред.*

Бернштейн все еще пишет о том, что он хочет уйти из «Sozialdemokrat», и рекомендует теперь включить в состав редакции Кегеля, а затем сделать его своим преемником. По моему мнению, всякое изменение было бы вредно. Бернштейн сверх ожидания оказался до такой степени на месте (например, его статьи об «интеллигенции»[198], если не считать кое-каких мелочей, были превосходны и абсолютно правильны), что трудно было бы найти более подходящего человека. Кегель в *этой* области по меньшей мере еще не испытан, а положение дела таково, что следовало бы избегать всяких экспериментов. Я настоятельно просил Бернштейна остаться и думаю, что и с вашей стороны было бы самым правильным уговорить его. При нем газета все улучшается, да и он сам становится лучше. Он обладает подлинным тактом и быстро схватывает суть дела, — полная противоположность Каутскому; этот последний — очень порядочный парень, но прирожденный педант и схоласт, который, вместо того чтобы распутывать сложные вопросы, запутывает простые. Мне и всем нам лично он очень нравится, и в обстоятельных журнальных статьях он сможет иногда давать кое-что ценное, но свою натуру он при всем желании не в состоянии побороть. Это сильнее его. В газете такой доктринер — сущее несчастье; даже Эде[*] пришлось в последнем номере «Sozialdemokrat» к одной из его статей прицепить критическую концовку. Зато он написал крестьянскую листовку[**] для Австрии, в которой обнаружил кое-что, напоминающее писательский талант его матери[***]; если не считать нескольких ученых выражений, то листовка эта удачна и принесет пользу.

Либкнехту я писал по поводу речей в ландтаге и в ответ получил заявление, что это была «тактика» (но в этой «тактике» я как раз и вижу помеху нашему открытому сотрудничеству!), — в рейхстаге, дескать, скоро раздадутся другие речи. Это, правда, ты и сделал, но что можно сказать относительно неудачного и крайне неуместного выражения Либкнехта о «честности имперского канцлера»?[207] Возможно, что он *намеревался* вложить в эти слова иронию, хотя из отчета это не явствует, — но зато как это использовала буржуазная пресса! Я ему больше не отвечал: делу все равно не поможешь. Но и Каутский сообщает нам, что Либкнехт пишет всем и каждому — например, в Австрию, — что Маркс и я вполне согласны с ним и одобряем его «тактику», и люди *верят* этому. Не может же так

[*] — Эдуарду Бернштейну. *Ред.*
[**] *К. Каутский.* «Двоюродный брат из Америки, назидательный рассказ для крестьян». *Ред.*
[***] — Минны Каутской. *Ред.*

продолжаться до бесконечности! «Freiheit» также всячески издевается по поводу речи Гартмана* во время обсуждения закона о страховании от несчастных случаев[208], и если приведенная в ней выдержка подлинная, то речь эта и впрямь была жалкой.

Во Франции рабочие кандидаты получили 20000 голосов в Париже и 40000 в провинции[209], и если бы вожди со времени основания коллективистской Рабочей партии[30] не совершали одной глупости за другой, то было бы еще лучше. Но и во Франции массы лучше большинства своих вождей. В провинции, например, отдельные парижские кандидаты потому потеряли тысячи голосов, что они и там пускали в ход пустую революционную фразеологию (которая так же присуща Парижу, как шум и треск присущи мастерской), но там люди принимали ее всерьез и говорили: как можно делать революцию, не имея оружия и организации? Впрочем, процесс развития во Франции идет своим регулярным, нормальным и строго необходимым ходом в мирной форме, и это в данный момент очень полезно, потому что иначе провинцию вряд ли удалось бы серьезно вовлечь в движение.

Я отлично понимаю, что у вас чешутся руки, когда в Германии все развивается так для нас благоприятно, а вы связаны по рукам и ногам и не в состоянии использовать все успехи, которые как будто сыплются на вас сами собой. Но это не беда. В Германии многие (разительный пример — Фирек, который совсем было приуныл из-за того, что легальная пропаганда невозможна) придают слишком большое значение открытой пропаганде и недооценивают действительную движущую силу исторических событий. Только опыт может тут поправить дело. Успехи, которые мы *теперь* не можем использовать, из-за этого далеко еще не потеряны для нас. Только сами события могут расшевелить равнодушные и пассивные народные массы, и если эти разбуженные массы при нынешних обстоятельствах все еще сбиты с толку, то тем более мощно подействует в свое время освободительное слово, тем разительнее будет влияние на государство и буржуазию, когда 600000 голосов внезапно утроятся, когда не только Саксония, но и *все* крупные города и промышленные районы станут нашими и сельские рабочие окажутся в таком положении, что станут доступны нашему идейному влиянию. Такое завоевание масс штурмом гораздо более ценно, чем постепенное вовлечение их с помощью открытой пропаганды, возможность которой при теперешних условиях у нас скоро отняли бы снова. Юнкеры, попы и буржуа *не могут*

* — Георга Вильгельма Гартмана. *Ред.*

при теперешних отношениях позволить нам выбить у них из-под ног почву, и потому лучше всего, если они об этом позаботятся сами. Придет время, когда снова повеет другим ветром. Пока что вам приходится своими силами тянуть лямку, на своей спине выносить гнусности правительства и буржуазии, а это не шутка. Но не забудьте ни об одной подлости, совершенной по отношению к Вам и всем нашим товарищам. Пробьет час мести, и нам придется его как следует использовать.

Твой ***Ф. Э.***

Фирек в Копенгагене; адрес: К[опенгаген], *до востребования*[*].

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

36
ЭНГЕЛЬС — КАРЛУ КАУТСКОМУ
В ПАРИЖ

Лондон, 27 августа 1881 г.

Дорогой г-н Каутский!

Через один-два дня Вы получите по почте: 1) «Labour Standard» с Вашей статьей, с которой приключился целый ряд забавных инцидентов; 2) номер *«Nature»* от 18 августа; 3) рукопись Вашей статьи, которую возвращаю Вам обратно.

Немного исправив совершенно ученический перевод, я отправил его Шиптону в качестве передовой статьи. Но милейший Шиптон не понял статью[10] и потребовал у меня объяснений[**], однако, по обыкновению, было уже слишком поздно. По поводу слов «вмешательство государства» в пользу рабочих этот господин вообразил невесть что, только не то, что там было написано, и забыл, что это государственное вмешательство давно уже *существует* в Англии в виде фабричных законов. Хуже того: в словах «мы требуем Женевской конвенции[196] в интересах рабочего класса» он вычитал, что Вы требуете *созыва конференции делегатов в Женеве* для упорядочения этого дела!! Ну, что поделаешь с таким остолопом? Я воспользовался этим поводом, чтобы привести в исполнение принятое мной решение порвать с «Labour Standard», так как эта газета не становится лучше, а скорее хуже.

В *«Nature»* Вы найдете речь, произнесенную здесь Джоном Саймоном на международном медицинском конгрессе

---

[*] Приписка Энгельса на полях письма. *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 171—173. *Ред.*

и представляющую настоящий *обвинительный акт медицинской науки против буржуазии.* Дж. Саймон — медицинский инспектор при Тайном совете[210], фактически — глава всей британской врачебной полиции; он — тот самый, кого Маркс в «Капитале» так часто цитирует и так хвалит, быть может, последний из старых, верных своему профессиональному долгу и добросовестных чиновников эпохи 1840—1860 гг., для которого интересы буржуазии были постоянно главным препятствием при исполнении им своего долга и который вынужден был всегда бороться против них. Поэтому его инстинктивная ненависть к буржуазии так же сильна, как и понятна. Теперь к нему, врачу, в его специальную область вторгается под поповским руководством буржуазия со своим антививисекционным движением, но он отвечает не вялой и бесцветной проповедью, как Вирхов, а обращает острие против противника и атакует его: *нескольким научным* экспериментам врачей над *животными* он противопоставляет *гигантские коммерческие* эксперименты буржуазии над *народными массами* и этим впервые ставит вопрос на настоящую почву. Выдержка из этой речи представляла бы великолепный фельетон для «Sozialdemokrat»[211].

Впрочем, конгресс единогласно объявил вивисекцию необходимой для науки.

Ваша листовка* доказывает, что Вы кое-что унаследовали от литературного таланта Вашей матери**. Листовка эта поправилась мне больше всех Ваших прежних вещей. При более тщательной отделке можно было бы изменить некоторые выражения и обороты речи. Для второго издания я посоветовал бы Вам это сделать. Литературный немецкий язык для рассказа слишком тяжеловесен, а ученых слов, вроде «реакция», которые крестьянину ничего не говорят, следовало бы избегать. Вещица стоит того, чтобы Вы ее основательно переделали с этой точки зрения. Это — лучшая листовка, которую мне приходилось читать.

Ваши люди в Австрии, приверженцы Моста, должны на горьком опыте учиться уму-разуму, если уж не могут иначе. Это — процесс, при котором погибает много, вообще говоря, хороших элементов; но если хорошие элементы во что бы то ни стало хотят играть в конспирацию, сами не зная зачем, то им ничем не поможешь. К счастью, пролетарское движение обладает огромной способностью к воспроизводству.

* *К. Каутский.* «Двоюродный брат из Америки, назидательный рассказ для крестьян». *Ред.*
** — Минны Каутской. *Ред.*

Фиреку и его жене* ужасно не повезло в Шотландии с погодой; они отплыли в Копенгаген и уже прибыли туда. Там они пока останутся; адрес: Копенгаген, до востребования.

Нашим французским друзьям кажется все еще мало тех многочисленных глупостей, которые они натворили за последние два года от излишнего усердия, кружковщины, страсти к декламации и т. д. «Citoyen» как будто продали бонапартистам, которые хотя еще и не выставили наших за дверь, но больше им не платят и вообще держат их в черном теле, точно хотят принудить к забастовке, чтобы таким путем от них избавиться. К тому же все наши перессорились между собой, как это часто случается при неудачах. Один из самых неудачливых — Брусе, в высшей степени порядочный парень, но первоклассный путаник, считающий первой задачей всего движения просто-напросто обращение своих бывших друзей-анархистов. По его инициативе в свое время было принято сумасбродное решение об отказе от выставления кандидатур[212]. Впрочем, правильный мирный ход развития во Франции для нас в конце концов лишь благоприятен. Только в том случае, если провинция будет втянута в движение, как это происходит с 1871 г., и будет выступать, как это все чаще и чаще бывает, в качестве самостоятельной силы в государстве, то есть в нормальной законной форме, — только тогда может быть положен конец в наших общих интересах тому совершающемуся толчками развитию Франции, которое начинается с переворотов в Париже и затем на многие годы оттесняется назад провинциальной реакцией. *И если тогда* настанет для Парижа время действовать, то провинция будет не против него, а за него.

Сердечный привет от всех.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

37

МАРКС — КАРЛУ КАУТСКОМУ [213]

В ПАРИЖ

[Лондон] 1 октября 1881 г.

Пишу второпях.

Дорогой г-н Каутский!

Прилагаю несколько строк для Вашей матушки**, а также несколько строк для моей дочери***. Если бы Вы сообщили

* — Лауре Фирек. *Ред.*
** — Минны Каутской (см. следующее письмо). *Ред.*
*** — Женни Лонге. *Ред.*

мне парижский адрес Вашей матери, можно было бы избежать излишней траты времени.

Я собирался пригласить Вашу мать погостить несколько дней у нас и с моей помощью осмотреть также Лондон. *Роковая болезнь моей жены*[*], которая с каждым днем *приближает катастрофу,* препятствует этому. Сейчас как раз и я нездоров.

«Arbeiterstimme» я получаю регулярно. Она забавляет, но не удивляет меня, так как я уже десятки лет знаю своих швейцарцев.

Что касается мистера Мак-Гайра, то он, судя по Вашему письму, должен находиться в Лондоне. Как же случилось, что никто из наших нью-йоркских друзей не снабдил его рекомендательными письмами? Я всегда отношусь prima facie[**] несколько подозрительно к янки-социалистам и знаю, в частности, что именно те из них, с которыми Шиптон был связан, отличаются большим своенравием и склонны к сектантству. Но мистер Мак-Гайр может оказаться при всем том превосходным партийным деятелем.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс

Жена и дочь[***] Вам кланяются.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

38
МАРКС — МИННЕ КАУТСКОЙ
В ПАРИЖ

Лондон, 1 октября 1881 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Милостивая государыня!

Посылаю Вам несколько строк для моей дочери[****]. Аржантёй — под самым Парижем, примерно в 20 минутах езды от вокзала Сен-Лазар.

Я позволил бы себе пригласить Вас погостить у нас в Лондоне — Ваш сын[*****] передал Вам, вероятно, как восхищается

[*] — Женни Маркс. *Ред.*
[**] — заранее, сначала. *Ред.*
[***] — Элеонора Маркс. *Ред.*
[****] — Женни Лонге. *Ред.*
[*****] — Карл Каутский. *Ред.*

вся моя семья Вашими произведениями, — если бы ужасная и, боюсь, *роковая* болезнь моей жены не прервала, так сказать, нашего общения с внешним миром.

Искренне желаю Вам доброго здоровья.

Глубоко преданный Вам

Карл Маркс

Впервые опубликовано в ежегоднике «Das Jahr», 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

39
ЭНГЕЛЬС—ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ[214]
В ЦЮРИХ

Лондон, 25 октября 1881 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Очень Вам благодарен за то, что Вы написали мне относительно «Egalite». Помимо того вопроса, о котором идет речь, это дает мне повод изложить Вам, какую позицию занимает Маркс, а вслед за ним также и я по отношению к французскому движению[215]. По одному этому примеру Вы сможете судить о нашем отношении к другим внегерманским движениям, сочувствующим нам и вызывающим нашу симпатию.

Я очень доволен, что Вы сейчас не в состоянии оказывать «Egalite» денежную поддержку. Письмо Лафарга явилось опять одним из тех безрассудств, без повторения которых время от времени французы, особенно уроженцы местностей к югу от линии Бордо — Лион, не могут обойтись. Он был настолько убежден в гениальности этого шага и вместе с тем в неизбежности провала, что даже своей жене* (которая порой удерживает его от подобных выходок) сообщил об этом только post festum**. За исключением Лафарга, который всегда за то, чтобы «хоть что-нибудь да делалось», безразлично, что, мы все здесь были единогласно против «Egalite» № 3***. Я им заранее говорил, что их 5000 франков *(если* у них есть столько) хватит не дольше, чем на 32 номера. Если Гед и Лафарг хотят во что бы то ни стало приобрести в Париже репутацию неудачливых издателей, то мы им в этом помешать не можем,

* — Лауре Лафарг. *Ред.*
** — буквально: после праздника; здесь в смысле: после, задним числом. *Ред.*
*** Имеется в виду третья серия «Egalite». *Ред.*

но и помогать им мы тоже больше не станем. Если, паче чаяния, дело с газетой пойдет лучше и она будет действительно хороша, то мы успеем в трудную минуту что-нибудь предпринять. Но абсолютно необходимо, чтобы эти господа научились наконец обходиться собственными средствами.

Дело в том, что наши французские друзья, которые собираются основать рабочую партию, все без исключения делали за последние двенадцать-пятнадцать месяцев одну ошибку за другой. Первую сделал Гед, когда он из бессмысленного пуризма помешал Малону принять предложенное ему место редактора рабочего отдела в «Intransigeant» с окладом в 12000 франков. *С этого началась вся склока.* Затем последовала непростительная глупость с «Emancipation», когда Малон поддался на лживые обещания лионцев (самых плохих рабочих во Франции), а Гед с жаром настаивал на том, чтобы ежедневная газета издавалась во что бы то ни стало. Затем не стоившая выеденного яйца ссора из-за кандидатуры[212], причем очень возможно, что Гед допустил формальную ошибку, за которую Вы его порицаете, но в то же время для меня ясно, что Малон *искал* предлога для ссоры. Наконец, участие и уход из «Citoyen Francais» г-на Бобо, alias* Секондинье, авантюриста худшей марки, — уход *без всяких политических оснований,* поскольку он был вызван только неуплатой гонорара. Далее, вступление Геда — в чрезвычайно разношерстной компании — в новейший «Citoyen», а Малона и Брусса в жалкий «Proletaire», который они же — по крайней мере Малон — всегда за глаза клеймили как посредственную, мещанскую газету.

«Proletaire» был органом самой ограниченной клики всех одержимых зудом писательства парижских рабочих. Там действовало правило: допускать к участию в редакционных совещаниях и к сотрудничеству в газете только настоящих рабочих. Тупая вейтлинговская ненависть к «образованным» была здесь в порядке вещей. В результате газета была абсолютно бессодержательной, но с претензией на то, чтобы быть самой подлинной выразительницей взглядов парижского пролетариата. Отсюда при всей показной дружбе постоянно скрытая смертельная вражда и интриги против всех параллельных газет, включая обе «Egalite».

Если Малон теперь утверждает, что французская Рабочая партия старается превратить «Proletaire» в свой орган и на что, мол, в таком случае нужна конкурирующая «Egalite», то никто лучше самого Малона не знает: 1) что обе первые «Egalite»

* — иначе. *Ред.*

тоже существовали наряду с «Proletaire», 2) что причиной этому была просто полная никчемность «Proletaire» — Малон знает сотрудников «Proletaire» ничуть не хуже, чем Гед, — и 3) несколько тупиц из «Proletaire» вместе с Малоном и Бруссом далеко еще не составляют французскую Рабочую партию. Следовательно, Малон знает, что все это вздор и что это *он* хочет превратить «Proletaire» в *свой* орган, потому что во всех прочих местах у него ничего не вышло.

Но что связывает Малона и Брусса с этим бульварным листком, — это их общая зависть к Марксу. Масса французских социалистов приходит в ужас при мысли, что нация, осчастливившая мир французскими идеями, обладавшая монополией на идеи, что Париж, этот светоч всего мира, должны теперь вдруг получать социалистические идеи совсем готовыми от немца Маркса. Однако это все-таки так и есть, и к тому же Маркс настолько превосходит всех нас своей гениальностью, своей чуть ли не чрезмерной научной добросовестностью и своей баснословной ученостью, что если бы кто-либо попытался критиковать его открытия, то он только обжегся бы на этом. Это возможно будет только для людей более развитой эпохи. Если, таким образом, французские социалисты (то есть большинство их) волей-неволей вынуждены покориться неизбежному, то дело все-таки не обходится без некоторого брюзжания. Люди из «Proletaire» утверждают, что Гед и Лафарг являются рупорами Маркса, что при более откровенных беседах истолковывается ими как намерение продать французских рабочих пруссакам и Бисмарку. Во всех сочинениях г-на Малона это брюзжание также проявляется очень явственно, и притом в весьма недостойной форме: Малон пытается приписывать открытия Маркса другим авторам (Лассалю, Шеффле и даже Де Папу!). Вполне естественно, конечно, что можно придерживаться особого мнения насчет образа действий членов партии в том или ином случае, кто бы они ни были; можно также иметь расхождения и спорить по какому-нибудь теоретическому вопросу. Но оспаривать подобным образом у такого человека, как Маркс, его собственные открытия, значит проявлять ограниченность, на какую способны, пожалуй, только наборщики, самомнение которых Вам, вероятно, уже достаточно известно по опыту. Я вообще не понимаю, как можно завидовать гению. Это настолько своеобразное явление, что мы, не обладающие этим даром, заранее знаем, что для нас это недостижимо; но чтобы завидовать этому, надо уж быть полным ничтожеством. То, что Малон делает это в скрытой форме, нисколько не исправляет дела. При этом в конечном счете *он*

остается в дураках, обнаруживая повсюду недостаток знаний и критических способностей. Это можно было бы при случае дать ему почувствовать очень неприятным для него образом, если бы представилась необходимость заняться рассмотрением содержания его очаровательной «Истории социализма» «с самых отдаленных времен»(!!) и прочих его творений.

Брусс, пожалуй, самый беспомощный путаник, какого я когда-либо знал. В анархизме он отбросил анархию, то есть борьбу против политической деятельности и выборов, но сохранил все прочие фразы и особенно тактику. Теперь он мудрит в «Prolеtaire» в длиннейших, направленных против Геда (которого он не называет) статьях над неразрешимым вопросом, как создать такую организацию, которая исключала бы возможность диктатуры (Геда!!). Если эта абсолютная литературная и теоретическая бездарность, превосходно умеющая, однако, плести интриги, опять в состоянии играть какую-то роль, то в этом общая вина Лафарга — Геда и Малона.

Наконец, Гед. Он далеко превосходит в теоретическом отношении остальных парижан, обладая ясностью мысли, и принадлежит к числу тех немногих, кого абсолютно не шокирует немецкое происхождение современного социализма. Hinc illae lacrimae*. Поэтому-то господа из «Prolеtaire» и твердят, что он просто рупор Маркса, а Малон и Брусс с печальной миной разносят это дальше. Никому, кроме этой клики, это и в голову не приходит. Что из этого следует, об этом ниже. Что он властолюбив, вполне возможно. Каждый из нас властолюбив в том смысле, что добивается, чтобы его взгляды стали господствующими. Если Гед пытается достигнуть этого прямыми путями, а Малон окольными, то это говорит лишь в пользу характера Геда и большей житейской мудрости Малона, особенно когда имеешь дело с такими людьми, как парижане, которые решительно ни в чем не желают повиноваться, но зато с восторгом позволяют водить себя за нос. Впрочем, о всяком человеке, который чего-нибудь да стоит, мне когда-нибудь да приходилось слышать, что он властолюбив, и я делал отсюда только тот вывод, что в действительности его не в чем обвинить. У Геда совершенно другие недостатки. Во-первых, парижское суеверие, будто необходимо постоянно твердить слово «революция». И, во-вторых, его безграничное нетерпение. Он нервно болен, думает, что долго не проживет, и хочет поэтому во что бы то ни стало дожить еще до каких-либо значительных

* — Вот отчего эти слезы (*Публий Теренций.* «Девушка с Андроса», акт I, сцена первая). *Ред.*

событий. Отсюда, а также из-за его болезненного возбуждения вытекает его чрезмерная, часто губительная жажда деятельности.

Прибавьте еще к этому неспособность французов, особенно парижан, понимать разногласия иначе как перенося их на *личную* почву — и для Вас станет ясно, каким образом эти господа при первых же небольших успехах решили, что они уже у цели, стали делить шкуру неубитого медведя и при этом рассорились.

Впрочем, брошюры и статьи Геда — лучшие из появившихся на французском языке, к тому же он один из лучших ораторов в Париже. И мы всегда считали его прямым и надежным человеком.

Теперь о нас. Мы, то есть Маркс и я, вовсе не состоим в переписке с Гедом. Мы писали ему только, когда имелся определенный деловой повод. Содержание писем Лафарга к Геду нам известно лишь в общих чертах, а из того, что писал Гед Лафаргу, мы читали тоже далеко не все. Они могли поверять друг другу какие угодно планы, о которых мы абсолютно ничего не знаем. Маркс, так же как и я, время от времени давал тот или иной совет Геду через Лафарга, но едва ли он когда-нибудь следовал этим советам.

Правда, Гед приезжал сюда, когда надо было составить *проект* программы французской Рабочей партии. И Маркс тут же в моей комнате в присутствии моем и Лафарга продиктовал ему вводную часть[*]: рабочий свободен лишь тогда, когда он является владельцем своих средств производства; это возможно в индивидуальной или в коллективной форме; индивидуальную форму владения экономическое развитие преодолевает и с каждым днем будет преодолевать все более; остается, стало быть, лишь форма коллективного владения и т. д. Это был мастерский образец убедительной аргументации, немногословной и ясной для масс, равную которой мне редко приходилось встречать и которая в этой сжатой формулировке поразила меня самого. Затем мы обсуждали дальнейшее содержание программы; кое-что мы добавили, кое-что выбросили, но как мало Гед был рупором Маркса, видно из того, что он настаивал на внесении своего нелепого требования о минимуме заработной платы, и так как отвечаем за это не мы, а французы, то мы в конце концов предоставили ему делать, как он хочет, хотя он и признал теоретическую нелепость этого пункта.

[*] *К. Маркс.* «Введение к программе французской Рабочей партии». *Ред.*

Брусс был в то время в Лондоне и охотно участвовал бы в нашем совещании. Но у Геда не было времени, и он не без основания ожидал от Брусса пространных разглагольствований на не понятые им самим анархистские темы; поэтому он настоял на том, чтобы Брусса на этом совещании не было. Это было его дело. Но Брусс ему этого не забыл, и с тех пор начались его козни против Геда.

Эту программу французы потом обсуждали и приняли ее с некоторыми изменениями, среди которых внесенные Малоном отнюдь нельзя считать поправками.

Затем я написал еще две статьи в «Egalite» № II* о «Социализме г-на Бисмарка», и этим исчерпывается, насколько мне известно, все наше активное участие во французском движении.

Но мелких завистников, которые сами ничего собой не представляют, а хотели бы быть всем, больше всего бесит то, что Маркс благодаря своим теоретическим и практическим заслугам завоевал себе такое положение, что лучшие люди в рабочем движении различных стран относятся к нему с полным доверием. В *решительные моменты* они обращаются к нему за советом и обычно убеждаются в том, что его совет самый лучший. Таково его положение в Германии, во Франции, в России, не говоря уже о малых странах. Стало быть, не Маркс навязывает людям свое мнение и уж тем более свою волю, а эти люди сами приходят к нему. И именно на этом основано своеобразное и крайне важное для всего движения влияние Маркса.

Малон тоже собирался приехать, но хотел сперва добиться через Лафарга специального приглашения от Маркса, которого он, конечно, не получил. Мы охотно поговорили бы с ним, как со всяким другим, но приглашать его! К чему? Кому мы посылали когда-нибудь такие приглашения?

Такое же отношение, как к французам, у Маркса, а следом за ним и у меня существует к движению в остальных странах. Мы все время поддерживаем с ним контакт, поскольку дело стоит того и представляется к тому возможность, но всякая попытка влиять на людей против их воли принесла бы нам только вред, уничтожила бы прежнее доверие времен Интернационала. А для этого мы слишком искушены in revolutionaribus rebus**.

* Имеется в виду вторая серия «Egalite». *Ред.*

** — в революционных делах. *Ред.*

Отмечу еще два факта:

1) Не кто иной, как Гед вместе с Лафаргом, создали Малону в «Egalite» совершенно незаслуженную славу, сотворили, так сказать, легенду, и только потому, что Гед как литератор чисто по-французски был убежден, что ему непременно нужно иметь около себя *рабочего.*

2) Я уполномочен адресатом письма сообщить Вам следующее: Лиссагаре, бывший председателем собрания, на котором Малон выступил против прохвоста Люлье, пишет: перед самым началом собрания Люлье просит Малона уделить ему несколько минут для переговоров. Малон уходит и не возвращается, пока наконец *его комитет* не отправляется в поиски за ним (Лиссагаре был председателем комитета и собрания) и находит его в самой дружеской беседе за стаканом вина и уже почти готовым мирно договориться с тем самым Люлье, которого он клеймил (и вполне справедливо) как последнего из негодяев! Если бы Малону не нужно было в 9 часов ехать в Цюрих на конгресс[140], можно было опасаться, что состоится примирение. И этот человек хочет быть политическим деятелем!

Адрес Меса следующий: X. Меса, 36, rue du Bac, Париж.

Маркс ничего не знает об этом письме. Он уже двенадцать дней лежит в постели больной бронхитом с разными осложнениями; однако с воскресенья всякая опасность — при соблюдении осторожности — миновала. Я не мало натерпелся страха. Теперь дело идет на лад, и завтра, 27 октября, мы, надеюсь, покажем миру, что мы еще живем на свете. Сердечный привет также и Каутскому.

Ваш ***Ф. Э.***

По поводу «Egalite» я считал бы самым правильным не основывать на первых порах *никакой* новой газеты, пока положение в партии несколько не прояснится. Если же они все-таки возьмутся за это, то ни мы, ни кто-либо другой не можем им помешать, только я не представляю себе, как на этот раз дело обойдется без склоки между «Egalite» и «Proletaire». Мировым бедствием это не стало бы, но все-таки, пожалуй, это излишняя детская болезнь.

Что это за история с Каутским: надеюсь, он не собирается превратиться в законченного мальтузианца?

Впервые полностью опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

40

ЭНГЕЛЬС — ИОГАННУ ФИЛИППУ БЕККЕРУ В ЖЕНЕВУ

[Лондон], 4 ноября 1881 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Старый дружище!

Твою открытку относительно конгресса[216] получил слишком поздно, чтобы успеть тебе заблаговременно написать. С тех пор у нас здесь были всякого рода несчастья. Г-жа Маркс уже в течение нескольких месяцев лежит опасно больная, а теперь и Маркс заболел бронхитом, сопровождающимся всякого рода осложнениями и совсем не шуточным в его возрасте и при общем состоянии его здоровья. К счастью, самое плохое позади, и Марксу теперь не грозит никакой опасности; все же большую часть дня ему приходится проводить в постели, и он очень ослабел.

Прилагаю почтовый перевод на 4 ф. ст., то есть 100 фр. 80 сант., которые я могу тебе послать на этот раз. Надеюсь, что они придутся кстати. Хотя я и очень рад был узнать, что ты сумел по крайней мере начать зарабатывать, но ведь это только начало, и я очень жалею, что в последнее время сам был в довольно стесненных обстоятельствах и не мог поэтому раньше прийти тебе на помощь.

Меня всегда радует, если какой-либо так называемый мировой конгресс проходит без публичного скандала, как на этот раз. На такие конгрессы собирается всегда самый разношерстный народ, и часть его — с единственной целью поважничать перед публикой, и именно поэтому способен на всякую глупость. Ну, на этот раз еще сошло сносно.

На выборах наши товарищи в Германии блестяще выдержали испытание[217]. Они прошли при перебаллотировке в 23 или 27 округах (точно мне не удалось узнать), несмотря на то, что в данном случае все остальные партии были представлены полностью до единого человека. И все это под гнетом исключительного закона[106] и осадного положения, без прессы, без собраний, без каких-либо средств открытой агитации и с уверенностью, что за это снова жестоко поплатятся тысячи людей в партии. Это великолепно и произвело во всей Европе, в особенности же здесь, в Англии, огромное впечатление. Сколько мы получим мест — это неважно. Во всяком случае достаточно, чтобы сказать в рейхстаге то, что следует. Но тот факт, что мы

в больших городах завоевали себе почву, вместо того чтобы ее потерять, — вот что замечательно, итак, ура нашим ребятам в Германии!

Твой старый ***Фр. Э.***

Впервые опубликовано в книге: F. Engels. «Vergessene Briefe (Briefe Friedrich Engels' an Johann Philipp Becker)». Berlin, 1920

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

41
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ[218]
В ЦЮРИХ

Лондон, 30 ноября 1881 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Если какое-либо внешнее событие способствовало тому, чтобы Маркс снова несколько оправился, так это были выборы. Нигде еще пролетариат не вел себя так великолепно. В Англии после крупного поражения 1848 г.[219] рабочие впали в апатию и под конец покорились буржуазной эксплуатации, сохранив одну лишь борьбу тред-юнионов за повышение заработной платы. Во Франции пролетариат после 2 декабря исчезает со сцены[220]. В Германии же после трех лет неслыханных преследований, неослабного гнета, полной невозможности открытой организации или хотя бы свободного обмена мнениями наши ребята не только сохранили всю свою прежнюю силу, но еще больше окрепли. И окрепли как раз в том весьма важном отношении, что центр тяжести движения переместился из полудеревенских саксонских округов в *большие промышленные города.*

Основная масса наших сторонников в Саксонии состоит из ручных ткачей, которые обречены на гибель паровым ткацким станком и продолжают существовать еще кое-как только благодаря голодной заработной плате и подсобным занятиям (огородничество, вырезывание игрушек из дерева и т. д.). Положение этих людей экономически реакционно, они представляют гибнущую ступень производства. Поэтому они, во всяком случае, не в такой степени природные представители революционного социализма, как рабочие крупной промышленности. Это не значит, что они по своей природе; реакционны (какими сделались *здесь* в конце концов, например, остатки ручных ткачей, составляющие ядро «консервативных рабочих»), но они все же не очень надежны, и в особенности потому, что из-за ужасного

нищенского положения они обладают гораздо меньшей способностью к сопротивлению, чем городские рабочие, а их разбросанность позволяет политически поработить их с большей легкостью, чем жителей больших городов. После тех фактов, о которых сообщал «Sozialdemokrat»[221], можно, действительно, только удивляться тому героизму, с каким эти несчастные еще сумели удержаться в таком большом количестве.

Но подлинного ядра крупного движения в масштабе нации они составить не могут. Нужда делает их при известных обстоятельствах — например, в 1865—1870 гг. — более восприимчивыми к социалистическим взглядам, чем население больших городов, но та же самая нужда делает их и менее надежными. Утопающий хватается за соломинку, он не может ждать, пока от берега отчалит несущая ему спасение лодка. Лодка — это социалистическая революция, соломинка — покровительственные пошлины и государственный социализм. Характерно, что там, в наших старых округах, шансы победить нас имели почти одни только консерваторы. И если Кайзер мог натворить тогда такую чепуху в вопросе о покровительственных пошлинах[222], а другие не посмели как следует выступить против него, то кто же тому причина (как мне писал сам Бебель), если не сами избиратели того же Кайзера!

Теперь все это изменилось. Берлин, Гамбург, Бреславль*, Лейпциг, Дрезден, Майнц, Оффенбах, Бармен, Эльберфельд, Золинген, Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне, Ханау *наряду* с Хемницем** и округами Рудных гор — это создает совершенно иную опору. Ядром движения стал революционный по своему экономическому положению класс. К тому же оно распространилось равномерно по всей промышленной части Германии. Из движения, ограниченного немногими местными центрами, оно *только теперь превратилось в движение в масштабе всей нации.* И это больше всего пугает буржуа.

Что касается избранных, то будем надеяться на лучшее, хотя от некоторых из них, мне кажется, трудно этого ожидать. Но было бы настоящим несчастьем, если бы Бебель еще раз не прошел[217]. Только он с его настоящим тактом сумеет обуздать многочисленные новые элементы, наверное уже вооружившиеся различными новыми прожектами, и предотвратить всяческие конфузы,

Что касается французов, то лучше всего было бы оставить теперь в покое господ Малона и Брусса и посмотреть, на что

* Польское название: Вроцлав. *Ред.*
** Современное название: Карл-Маркс-Штадт. *Ред.*

они способны. Но это вряд ли удастся. «Egalite» выйдет на днях; Брусе будет по-прежнему клеветать втихомолку, нападать на других в «Proletaire», не называя имен, а те будут достаточно нетерпеливы и попадутся на удочку, станут первыми нападать на него открыто, а затем будут объявлены смутьянами, сектантами, раскольниками и претендентами в диктаторы. Тут ничего не поделаешь. Люди никак не могут обождать, пока их противники сами сядут в лужу, — им обязательно нужно полемикой продлить их существование. Предоставленные самим себе, Малон и особенно Брусс в каких-нибудь полгода сами бы себя погубили (вероятно, взаимно друг друга). А так это может затянуться.

Реймский съезд[223], который, как почти все такие съезды, годился на то, чтобы импонировать внешнему миру, при внимательном рассмотрении оказывается надувательством. Из представленных на нем «федераций» только Центральная, Северная и Восточная действительно существуют, остальные — только на бумаге. Алжирская федерация выбрала своим делегатом *буржуа* Анри Маре *(радикального депутата)*!! Это показывает, что за союзники у Малона. Гед потребовал, чтобы в Национальном комитете были представлены только *действительно организованные* федерации, но это было отвергнуто. Официальный отчет в «Proletaire» *солгал, умолчав* об этом. Половина делегатов съезда и членов Национального комитета *никого*, следовательно, не представляет. В лучшем случае это — «музыка будущего»[224]. Поспешность, с какой «Proletaire», уже совершенно захваченный Малоном и Бруссом, был объявлен официальным органом, объясняется только тем, что таким способом думали заранее подставить ножку «Egalite», выход которой вскоре предстоял. Все решения по организационным вопросам вызваны, по обыкновению, не мотивами подлинной целесообразности, а соображениями фракционного политиканства.

Характерно для марксофобии Малона, что прошлой весной, когда Лафарг был в Париже, он попросил его добиться для нового издания его «Истории социализма» *предисловия Маркса.* Лафарг, конечно, высмеял его и заявил, что он, видимо, плохо знает Маркса, если считает его способным заниматься такой ерундой.

Дж. Хауэлл, благополучно провалившийся в Стафforде «рабочий кандидат», безусловно, самый отъявленный прохвост из здешних политиканствующих экс-рабочих. Он до недавнего времени был секретарем парламентского комитета тред-юнионов (разумеется, платная должность) и произвел при этом

опустошения в кассе, которые с трудом удалось замять, но ему все-таки дали по шапке.

По поводу истории с поляками[225] я на этих днях напишу К. К. фон Кёзбургу*. А пока передайте ему сердечный привет.

Маркс еще очень слаб, ему не разрешено выходить из комнаты и серьезно заниматься, но все же он на глазах поправляется. Жена его слабеет с каждым днем.

Сердечный привет.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

42

МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ

В АРЖАНТЁЙ

[Лондон], 7 декабря 1881 г.

Моя дорогая, хорошая Женничка!

Ты, конечно, понимаешь, что мне сейчас не до писем. Поэтому посылаю тебе только эти несколько строк. Так как я вообще еще не выхожу из своей комнаты, то доктора категорически запретили мне присутствовать на похоронах. Я покорился этому запрету еще потому, что дорогая покойница** как раз накануне своей смерти сказала сиделке по поводу несоблюдения какой-то церемонии: «Мы не придаем значения *внешним* формальностям!».

Шорлеммер приехал из Манчестера по собственному побуждению.

Мне все еще приходится подвергаться татуированию йодом на груди, спине и пр., это при регулярном повторении вызывает довольно неприятное, мучительное жжение кожи. Эта процедура, которую проделывают только для того, чтобы предотвратить рецидив болезни в период выздоровления (фактически у меня остался только небольшой кашель), оказывает мне теперь большую услугу. Против душевных страданий существует лишь одно эффективное противоядие — физическая боль. Представь себе, с одной стороны, светопреставление, а с другой — человека с острой зубной болью!

---

* Kasburg (Kase — сыр).— шутливое прозвище Каутского. *Ред.*

** — Женни Маркс. *Ред.*

Я теперь чрезвычайно рад, вспоминая о том, что, несмотря на все колебания, я все-таки решился поехать в Париж! Дорого не только самое время, которое незабвенная провела с тобой и детишками*, — «слегка» омраченное образом некой сварливой прислуги — кухонного Мирабо, — но и переживание ею этого времени снова в воспоминаниях в последний период ее болезни! Несомненно, что в этот период присутствие твое и детей не могло бы ее так развлекать, как мысли о вас!

Ее могила находится недалеко от могилы милого «Шарля»**.

Для меня является утешением то, что силы оставили ее вовремя. Благодаря необыкновенно редкому положению опухоли (вследствие чего она была подвижна, могла изменять свое положение) настоящие характерные, невыносимые боли наступили лишь в самые последние дни (и то их удавалось умерять впрыскиванием морфия, что доктор намеренно приберегал к моменту приближения катастрофы, так как при продолжительном употреблении и морфий перестает оказывать какое-либо действие). Как мне предсказывал доктор Донкин, болезнь приняла характер постепенного умирания, словно от старческой слабости. Даже в *последние часы* — никакой борьбы со смертью: медленное угасание; ее глаза были выразительнее, красивее, лучезарнее, чем всегда!

Кстати, Энгельс, как всегда верный и неразлучный, послал тебе, по моей просьбе, номер *«Irish World»,* в котором находится *заявление* одного ирландского епископа, высказывающегося *против земельной собственности* (частной). Это была *одна из последних новостей,* которую я сообщил *твоей маме,* и она полагала, что ты, может быть, поместишь это в какой-нибудь французской газете для устрашения *французских клерикалов.* Во всяком случае, это показывает, что эти господа умеют петь на все лады.

(В «Justice» от 2 декабря 1881 г. некий субъект, по имени Б. Жандр***, поместил статью под названием «Католический социализм в Германии», в которой он пытается оправдать свой шовинизм тем, что вслед за Лавеле принимает всерьез *фантастическую статистику* нашего друга Р. Мейера (в его книге «Освободительная борьба четвертого сословия»). На самом же деле так называемые *католические социалисты* за все время существования Германской империи послали лишь *один раз* депутата в рейхстаг, и то этот единственный депутат тотчас же

---

* — Жаном, Анри, Эдгаром и Марселем. *Ред.*
** — Шарля Лонге — сына Женни Лонге. *Ред.*
*** — псевдоним Варвары Николаевны Никитиной. *Ред.*

после избрания «фигурировал» только в качестве «члена партии центра»[36]. С другой стороны, что касается *численности католических рабочих организаций,* то наш Р. Мейер осчастливил *Францию* еще несравненно большим числом их, чем Германию.)

Только что получил номер *«Justice» от 7 декабря* и в нем нахожу под рубрикой *«Хроника»* некролог, в котором, между прочим, сказано:

«Понятно, что ее» (речь идет о вашей матери) *«брак* с Карлом Марксом, сыном трирского адвоката[*], *совершился не без затруднений.* Нужно было преодолеть *не мало предрассудков, из которых самым сильным был, конечно, предрассудок расовый.* Известно, что знаменитый социалист — еврейского происхождения».

Вся эта история — *чистая выдумка; не приходилось преодолевать никаких предрассудков.* Думаю, что не ошибаюсь, приписывая изобретательному гению г-на Ш. Лонге эти литературные «прикрасы». Тот же автор, говоря об ограничении рабочего дня и о фабричных законах, называет в другом номере «Justice» «Лассаля и Карла Маркса», в то время как первый из них никогда не печатал и не говорил ни слова по данному вопросу. Лонге сделает мне большое одолжение, если не станет никогда упоминать моего имени в *своих* писаниях.

Намек на случайную анонимную корреспонденцию твоей мамы (это было сделано, чтобы помочь Ирвингу)[226] я считаю бестактным. В то время, когда она писала во *«Frankfurter Zeitung»* (она никогда не писала в совершенно реакционной и филистерской *«Journal de Francfort»,* как ее называет «Justice»), последняя («Zeitung») еще была в более или менее дружественных отношениях с социалистической партией.

Что касается *«фон Вестфаленов»,* то они были не рейнского, а брауншвейгского происхождения. Дед твоей матери по отцовской линии[**] был правой рукой известного *герцога Брауншвейгского* (во время Семилетней войны). Благодаря этому британское правительство осыпало его милостями, и он женился на близкой родственнице Аргайлей[***]. Его сочинения, посвященные войне и политике, были опубликованы министром фон Вестфаленом[227]. С другой стороны, «по материнской линии», твоя мать происходит от мелкого *прусского* чиновника[****] и в действительности родилась в Зальцведеле, в Бранденбурге. Все это не обязательно знать, но, не имея об этом понятия, нечего претендовать на то, чтобы исправлять чужие *«биографии».*

[*] — Генриха Маркса. *Ред.*
[**] — Христиан Генрих Филипп фон Вестфален — отец Людвига фон Вестфалена. *Ред.*
[***] — Джини Уайзхарт оф Питтеро. *Ред.*
[****] — Хёйбеля — отца Каролины фон Вестфален. *Ред.*

А теперь, дорогое мое дитя, пришли мне подробное описание деяний Джонни и К°. Я все жалею, что к нам не отпустили Анри в то время, когда ему так хотелось приехать. Это ребенок, требующий ухода целой семьи, которая исключительно им бы занималась. А среди стольких других малышей, нуждающихся в твоих заботах, это скорее обуза.

Целую много раз тебя и твоих «маленьких человечков».

Твой преданный отец

К. М.

Я был скорее недоволен сообщением Мейснера о том, что необходимо новое, третье издание I тома «Капитала». Мне хотелось бы, как только я буду себя вновь чувствовать в силах, работать все свое время исключительно над окончанием II тома[228].

Напиши, пожалуйста, несколько слов от моего имени *Рейнхардту.* Я не могу найти его адрес. Он был знакомым мамы[*].

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

43
МАРКС — ИОГАННУ ФИЛИППУ БЕККЕРУ[229] В ЖЕНЕВУ[**]

Лондон, 10 декабря 1881 г.

Дорогой друг!

Из газет ты, вероятно, уже знаешь о смерти моей жены[***] (она скончалась 2 декабря). Ты, конечно, понимаешь, что в первые дни после этой невозвратимой утраты я совершенно не в состоянии был вести переписку. Действительно, кроме ее брата, Эдгара фон Вестфалена в Берлине, ты *единственный,* кому я до сих пор лично сообщаю об этом; остальных друзей или знакомых известила моя младшая дочь[****].

Моя жена до последней минуты оставалась твоим верным другом и справедливо негодовала по поводу того, что партия не облегчает тебе, такому старому, непреклонному и героическому борцу, и твоей верной подруге[*****] жизни борьбу за существование.

[*] Последние два абзаца приписаны Марксом в начале письма. *Ред.*
[**] Написано на почтовой открытке. *Ред.*
[***] — Женни Маркс. *Ред.*
[****] — Элеонора Маркс. *Ред.*
[*****] — Элизабет Беккер. *Ред.*

Я сам еще болен, но уже на пути к выздоровлению; плеврит в сочетании с бронхитом принял настолько серьезную форму, что некоторое время, то есть несколько дней, врачи сомневались в моем выздоровлении. Всего хорошего, дорогой друг.

Привет твоей жене.

К. М.

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Г-ну И. Ф. Беккеру, Chemin des Vollandes. Eaux Vives. *Женева (Швейцария).*

Впервые полностью опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

44
МАРКС — НИКОЛАЮ ФРАНЦЕВИЧУ ДАНИЕЛЬСОНУ В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 13 декабря 1881 г.

Дорогой друг!

Второго числа этого месяца после долгой и мучительной болезни умерла моя жена*. Осенние месяцы я провел вместе с больной, ухаживая за ней, сначала в одном из английских приморских местечек (в Истборне), затем в Аржантёе (приблизительно в 20 минутах от Парижа), где мы наслаждались возможностью жить вместе с нашей старшей дочерью (г-жой Лонге) и четырьмя ее маленькими мальчиками** (старшему*** около пяти лет), чрезвычайно привязанными к своим дедушке и бабушке.

С моей стороны было очень рискованно предпринимать эту поездку в Париж при слабости моей дорогой жены. Но, положившись на мнение моего доброго друга, д-ра Донкина. я решился на это, чтобы доставить ей эту последнюю радость!

К несчастью, мое собственное здоровье было более или менее шатким все это время, и после нашего возвращения в Лондон я внезапно схватил бронхит, осложненный плевритом, так что в продолжение трех из последних шести недель жизни

* — Женни Маркс. *Ред.*
** — Жаном, Анри, Эдгаром и Марселем. *Ред.*
*** — Жану. *Ред.*

моей жены я не мог видеться с ней, хотя мы находились в двух смежных комнатах.

И сейчас я все еще не в состоянии выходить из дому. Я был очень близок к тому, чтобы «покинуть этот несовершенный мир». Доктора хотят отправить меня на юг Франции или даже в Алжир.

Письма с выражением соболезнования, которые я получал отовсюду, служили для меня большим источником утешения, поскольку во всех этих письмах (за исключением одного-единственного *русского)* звучала непритворная симпатия и настоящее понимание и признание редких качеств моей дорогой жены.

Мой немецкий издатель* сообщает мне, что требуется третье издание «Капитала». Это известие пришло в крайне неподходящий момент. Во-первых, я должен прежде всего восстановить свое здоровье, а во-вторых, я хочу окончить как можно скорее II том[228] (даже в том случае, если бы мне пришлось издать его за границей). Мне теперь особенно хочется довести его до конца, с тем чтобы посвятить моей жене.

Впрочем, как бы то ни было, я условлюсь с моим издателем, что я ограничусь для третьего издания возможно меньшим количеством изменений и добавлений; но, с другой стороны, я потребую, чтобы он отпечатал на этот раз только 1000 экземпляров вместо 3000, как он хотел. Когда эти 1000 экземпляров, составляющих третье издание, будут распроданы, я, может быть, внесу в книгу те изменения, которые сделал бы в настоящее время при других обстоятельствах.

Остаюсь всегда Вашим верным другом

А. Уильямс**

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Минувшие годы» № I, 1908 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

45

МАРКС — ФРИДРИХУ АДОЛЬФУ ЗОРГЕ В ХОБОКЕН

[Лондон], 15 декабря 1881 г.

Дорогой Зорге!

Сведения, которые лично привез тебе отсюда твой сын***, подготовили тебя, без сомнения, к известию о смерти (2 декабря)

* — Отто Мейснер. *Ред.*
** — конспиративный псевдоним Маркса. *Ред.*
*** — Адольф Зорге. *Ред.*

моей дорогой, незабвенной подруги жизни[*]. Сам я еще недостаточно поправился, чтобы быть в состоянии оказать ей последнюю почесть. Я действительно до сих пор нахожусь под домашним арестом, но на будущей неделе отправлюсь в Вентнор (на острове Уайт).

Из последней болезни я вышел вдвойне инвалидом: морально — из-за смерти моей жены и физически — вследствие того, что после болезни осталось уплотнение плевры и повышенная раздражимость бронхов.

Некоторое время мне, к сожалению, придется целиком затратить на восстановление своего здоровья.

Понадобилось новое немецкое издание «Капитала»[228]. Мне это очень некстати.

Ваш Генри Джордж все больше и больше обнаруживает себя как шарлатан.

Надеюсь, что Зорге-младший прибыл благополучно; кланяйся ему от меня.

Твой ***К. Маркс***

Англичане в последнее время начали усиленно заниматься «Капиталом» и т. п. Так, в последнем *октябрьском* (или ноябрьском, не помню наверно) номере *«Contemporary»* помещена статья *Джона Рея* о немецком социализме[230] (совершенно неудовлетворительная, полная ошибок, но «беспристрастная», как выразился позавчера один из моих друзей англичан). А почему «беспристрастная»? Потому что Джон Рей *не утверждает, что* в моей сорокалетней пропаганде пагубных теорий мной руководили *«дурные»* мотивы. «Хвалю его великодушие!» «Беспристрастие», заключающееся в том, чтобы, по крайней мере, самому достаточно познакомиться с тем, что критикуешь, по-видимому, совершенно непостижимо для щелкоперов британского филистерства.

Еще до этого, в начале июня, некий *Гайндман* (который перед тем сам навязал мне свое знакомство) выпустил брошюру *«Англия для всех».* Брошюра претендует на *изложение* программы *«Демократической федерации»*[193], — недавно образовавшейся ассоциации различных английских и шотландских радикальных обществ, полубуржуазных, полупролетарских[**]. Главы о труде и капитале представляют собой лишь дословные выдержки или пересказ «Капитала», но этот молодчик не приводит ни названия книги, ни автора; однако в конце своего пре-

[*] — Женни Маркс. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 166—167. *Ред.*

Женни Маркс
(в последние годы ее жизни)

дисловия, чтобы застраховать себя от разоблачений, он заявляет:

«Идеями, как и большей частью фактического материала глав II и III, я обязан сочинению одного великого мыслителя и оригинального писателя и т. д., и т. д.».

Мне самому он писал глупые письма с извинениями, говоря, например, что «англичане не любят, чтобы их поучали иностранцы», что «мое имя так ненавистно и т. д.». При всем том его брошюра, — в той мере, в какой она обкрадывает «Капитал», — хорошо служит делу пропаганды, хотя человек этот — сосуд «скудельный» и не обладает даже достаточным терпением (а это первое условие, если хочешь чему-нибудь научиться), чтобы основательно изучить вопрос. Все эти прекраснодушные буржуазные писатели, если они не специалисты, воодушевлены одним непреодолимым желанием: *немедленно* нажить себе деньги или имя или политический капитал на любых новых идеях, которые донесло к ним благоприятным ветром. Несколько вечеров этот парень обкрадывал меня, выспрашивая и желая научиться самым легким способом.

Наконец, 1 декабря в последнем ежемесячнике *«Modern Thought»* (я пришлю тебе один экземпляр) появилась статья *Эрнеста Белфорта Бакса «Вожди современной мысли,* № XXIII *— Карл Маркс».*

В настоящее время это первая английская статья, которая проникнута действительным энтузиазмом к новым идеям и смело восстает против британского филистерства. Это не мешает тому, что биографические сведения обо мне, данные автором, большей частью неверны и т. д. В изложении моих экономических принципов и в их переводах (то есть цитатах из «Капитала») много неверного и путаницы, но при всем том появление этой статьи, возвещенное афишами, напечатанными крупным шрифтом и расклеенными на стенах в лондонском Уэст-Энде*, вызвало большую сенсацию. Самое же важное для меня было то, что я получил упомянутый номер «Modern Thought» еще 30 ноября, доставив радость моей дорогой жене в последние дни ее жизни. Ты знаешь, с каким живым интересом она относилась ко всем таким вещам.

Впервые опубликовано в книге: «Briefe und Auszuge aus Briefen ron Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere». Stuttgart, 1906

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

* — Западная часть Лондона, где живут главным образом представители господствующих классов. *Ред.*

46
МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ
В АРЖАНТЁЙ

Лондон, 17 декабря 1881 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Мое любимое дитя!

Только что Тусси с помощью Энгельса отвезла на извозчике в транспортную контору ящик с рождественскими подарками для наших малышей. *Елена*[*] просит, чтобы я специально указал, что *от нее* одна курточка для Гарри, одна — для Эдди[**] и шерстяная шапочка для Па[***]; затем для того же Па «голубое платьице» от *Лауры;* от меня — матросский костюм для моего дорогого Джонни. Мемхен[****] так весело смеялась в один из последних дней своей жизни, рассказывая Лауре, как мы с тобой и Джонни поехали в Париж и там ему выбрали костюм, в котором он выглядел, как маленький «мещанин во дворянстве»[*****].

Письма с выражением соболезнования, которые я получаю со всех концов и от людей самых различных национальностей, профессий и т. д. и т. п., все восхваляют Мемхен и проникнуты такой искренностью, такой глубокой симпатией, как это редко бывает в подобных случаях, обычно являющихся лишь соблюдением условностей. Я объясняю это тем, что в ней все было естественно и правдиво, просто, без всякой фальши; отсюда и впечатление, которое она производила на людей, — бодрое и жизнерадостное. Г-жа Гесс пишет даже:

> «В ее лице природа разрушила свой собственный шедевр, ибо во всю свою жизнь я не встречала такой умной и любящей женщины».

Либкнехт пишет, что без нее он погиб бы среди лишений изгнания и т. д. и т. п.

Как необыкновенно крепка была она от природы, несмотря на свой хрупкий вид, видно из того, что, к величайшему удивлению врачей, на ее теле не было никаких пролежней, несмотря на столь продолжительное лежание в постели. У меня во время последней болезни они появились в разных местах уже после двухнедельного лежания.

---

[*] — Демут. *Ред.*
[**] — Эдгара Лонге. *Ред.*
[***] — прозвище Марселя Лонге. *Ред.*
[****] — жена Маркса, Женни. *Ред.*
[*****] — Журден — персонаж комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». *Ред.*

Так как, с тех пор как я поправился, все время стоит очень скверная погода, то я до сих пор нахожусь под домашним арестом. Но по предписанию врачей я на будущей неделе должен уехать в Вентнор (остров Уайт), а потом оттуда дальше на юг. Тусси едет со мной.

Ты получишь (посылаю одновременно, с той же почтой) статью обо мне в ежемесячном журнале «Modern Thought»*. Впервые английская критика так горячо заступается за наше дело. Мемхен еще успела порадоваться этой статье. Там, где цитаты из немецкого «текста» чересчур плохи (я хочу сказать — чересчур плохо переведены на английский язык), я просил Тусси исправить их в тех нескольких экземплярах, которые мы оставили для друзей. Ошибки, содержащиеся в разделе «Жизнь», не имеют значения.

А теперь, любимое дитя мое, лучшее, что ты можешь для меня сделать, это — хорошенько следить за своим здоровьем! Надеюсь прожить с тобой еще много хороших дней и достойно выполнить свои обязанности дедушки.

Тысячу поцелуев тебе и малышам.

Твой верный ***Олд Ник***

Я мог бы еще многое написать относительно Виванти и пр., но Тусси, кажется, приберегла это для своего письма.

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

47
ЭНГЕЛЬС — КАРЛУ КАУТСКОМУ В ЦЮРИХ

Лондон, 18 декабря 1881 г.

Дорогой г-н Каутский!

Я получил Вашу и Бернштейна телеграмму сегодня в 3 часа 50 минут дня и рад сообщить Вам, что Маркс теперь уже настолько поправился, что его можно будет отправить — для начала — на южный берег Англии. Он поедет туда на этой неделе; как только он опять немного привыкнет к пребыванию

* См предыдущее письмо. *Ред.*

на свежем воздухе и можно будет не опасаться рецидива, он направится, вероятно, дальше на юг Европы и там пробудет некоторое время.

Я не мог Вам ответить телеграммой, так как мне пришлось бы пойти на центральный телеграф, а у меня к обеду были, по обыкновению, Пумпс с мужем* и Сэм Мур (все они шлют Вам сердечный привет), а позже, как Вы знаете, обычно приходит еще всякий народ. Телеграфировать завтра вряд ли имело бы смысл, так как, вероятно, это письмо придет приблизительно так же скоро.

Относительно поляков напишу на днях[225]; дела шли здесь в последнее время через пень-колоду.

Итак, «Egalite» снова выходит. В № 1 почти все статьи начинаются очень хорошо, а к концу никуда не годятся[231]. № 2 я еще не видел.

Сердечный привет Бернштейну.

Ваш ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

48

ЭНГЕЛЬС — ФЕРДИНАНДУ ДОМЕЛА НЬЮВЕНГЕЙСУ В ГААГУ

Лондон, 29 декабря 1881 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый товарищ!

Рад сообщить Вам, что известие о смертельном недуге Карла Маркса — сплошная ложь и вымысел. Его болезнь (бронхит и плеврит) теперь прошла, и он, по совету врачей, сегодня уехал в Вентнор (на острове Уайт); врачи полагают, что тамошний теплый климат и сухой воздух приведут быстро к его полному выздоровлению. Ваше письмо я ему перешлю.

Ваш покорный слуга

Ф. Энгельс

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Историк-марксист», т. 6 (40), 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с голландского

* — Перси Рошером. *Ред.*

49

ЭНГЕЛЬС — ЛЬВУ НИКОЛАЕВИЧУ ГАРТМАНУ В ЛОНДОНЕ*

[Черновик]

[Лондон, конец декабря 1881 г.]

У меня есть письмо из Америки для тебя, но мне приказано выдать это письмо только тебе лично.

Можешь приехать принимать оно?

Твой

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

* Письмо написано по-русски, без подписи; воспроизводится дословно. *Ред.*

1882 год

50
МАРКС — ЛАУРЕ ЛАФАРГ
В ЛОНДОН

Вентнор, 4 января 1882 г.
1, St. Boniface Gardens

Дорогая Лаурочка!

Сегодня в Вентноре первый сносный, солнечный день. Говорят, что до самого нашего приезда[17] погода была превосходная. С тех пор каждый день шторм, буря и рев ветра все ночи напролет, по утрам небо покрыто свинцовыми тучами, как в Лондоне; температура значительно ниже, чем в Лондоне, и к тому же, что досадней всего, частые дожди. (Воздух, разумеется, «чище», чем в Лондоне.)

При таких условиях, естественно, мой кашель, в действительности катар бронхов, скорее усилился, нежели уменьшился. Несмотря на это прогресс все же имеется, поскольку часть ночи я спал без искусственных средств — опиума и т. п. Но общее состояние еще не таково, чтобы я мог работать. Сегодня, когда уже почти заканчивается первая неделя нашего пребывания здесь, наступает, кажется, перемена к лучшему. При более теплой погоде — это безусловно превосходное место отдыха для таких выздоравливающих, как я.

Мой компаньон* (это *строго между нами)* почти ничего не ест; сильно страдает от нервного тика; целыми днями читает и пишет, если не занят закупкой необходимых продуктов или небольшими прогулками; очень скуп на слова и, право же, кажется, остается здесь со мной только из чувства долга, словно мученик, принесший себя в жертву.

Нет ли новых известий от Женни** относительно рождественского подарка? Меня это дело беспокоит.

---

* — Элеонора Маркс. *Ред.*
** — Женни Лонге. *Ред.*

Ты сама понимаешь, дорогое дитя, что отсюда, где мне до сих пор выпадает на долю только отрицательное, ничего положительного я сообщить тебе не могу, разве только о великом открытии, что местная литература представлена здесь целыми тремя газетами, что тут имеется даже художественное училище и научный институт, где в следующий понедельник вечером состоится большая лекция о кастах и «ремеслах» в Индии.

Получил сегодня письмо из Парижа от Рейнхардта, в котором он самым искренним образом и с глубочайшим сочувствием говорит о нашей великой утрате*. Поспешность, с какой буржуазные газеты в Германии возвестили — одни о моей смерти, другие о неизбежности ее в ближайшем будущем, весьма развеселила меня; придется ради них «человеку, утратившему связь с миром», непременно снова стать дееспособным.

Уиллард Браун написал Тусси из Нью-Йорка; он поручил в Новом Орлеане одному весьма близкому и компетентному другу ведение дела о вашем доме. Друг этот пишет, что на первый взгляд здесь имели место крупные мошенничества, но что сначала он должен произвести подробное расследование, чтобы получить в руки фактические доказательства.

В качестве курьеза прилагаю для Поля** вырезку из *финансовой статьи в газете «Times»* (от 29 декабря 1881 г.), явно пущенную в оборот господами Сэем и Ротшильдом.

(Привет Полю и Елене***.)

Прощай, мое дорогое дитя. Пиши скорее.

Твой ***Олд Ник***

Впервые опубликовано на языке оригинала в сборнике «Annali», an. I, Milano, 1958

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

51
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ В ЦЮРИХ

Лондон, 6 января 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Пишу Вам сегодня наспех, чтобы объяснить странные выражения, которые имеются в последнем номере «Egalite» по

* Имеется в виду смерть жены Маркса, Женни Маркс. *Ред.*
** — Лафарга. *Ред.*
*** — Демут. *Ред.*

поводу «Sozialdemokrat». Дело в том, что Гед, со свойственным ему добродушием, пригласил для заведования немецким отделом газеты известного смертельного врага всего «цюрихского»*, и тот не преминул, конечно, выразить таким способом свое неудовольствие по поводу того, что «Sozialdemokrat» существует, а «Laterne» — нет. Для пользы дела, будьте добры, не обращайте на это никакого внимания. Если что-либо подобное повторится, мы немедленно положим этому конец. Зато мы порадовались, что «Sozialdemokrat» без обиняков сразу упрекнул господ депутатов в трусости и тем самым добился такого решения по этому вопросу, от которого некоторые, поскольку Бебель отсутствует, наверное охотно бы уклонились[232].

Впрочем, людям из «Egalite» повезло больше, чем они в сущности заслужили. Малон и Брусс ужасно оскандалились, выдвинув в связи с кандидатурой Жофрена смягченную программу — вопреки решению Реймского съезда[233], — причем они просто-напросто утаили один неприятный для них пункт из тех, что обсуждались в Реймсе («Egalite» № 4, стр. 7, Париж). Этим они дали «Egalite» законное основание заявить,— что было необходимо при данных обстоятельствах по тактическим соображениям, — что не Гед и К°, а Малон и К° — настоящие «авторитаристы», домогающиеся диктатуры; и поскольку сейчас борьба ведется уже открыто, все наши симпатии, конечно, на стороне Геда и его друзей. Кроме того, «Egalite», как всегда, несравненно превосходит «Proletaire» по своему содержанию. Малон и Брусс снова действуют, как настоящие бакунисты: других они упрекают в диктаторских вожделениях, а сами хотят под видом защиты «автономии» господствовать, не считаясь с партийными решениями.

Маркс в Вентноре, на острове Уайт, пишет, однако**, что там очень скверная погода, — хуже, чем у нас здесь. Но можно надеяться, что погода скоро изменится, во всяком случае опасность рецидива болезни теперь уже почти исключена. Поспешность, с какой буржуазная пресса распространила известие о его неизбежной близкой кончине, пошла ему на пользу: «Теперь, — сказал он, — я тем более должен прожить долго назло этим проклятым собакам».

Каутскому придется вооружиться терпением еще на несколько дней; здесь сейчас Шорлеммер, и самое большее, что можно будет сделать, — это немного подзаняться естествозна-

* — Карла Гирша. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 22. *Ред.*

нием; к тому же много беготни, которая закончится только на будущей неделе. Тогда я напишу ему о поляках*, коли будет время**, как говорит дармштадтец Шорлеммер.

Сердечный привет Каутскому и Вам от Вашего

Ф. Энгельса

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

52

ЭНГЕЛЬС — ЭМИЛЮ ЭНГЕЛЬСУ В ЭНГЕЛЬСКИРХЕН

Лондон, 12 января 1882 г.

Дорогой Эмиль!

После всевозможных помех и препятствий, к числу которых относятся также праздничные пиршества и выпивки, я обрел, наконец, в достаточной мере покой, чтобы послать мои самые сердечные пожелания тебе, Лотхен***, Елизавете**** и ее жениху***** по случаю их помолвки. Когда в конце осени 1842 г. я ехал в Манчестер[234] вместе с Августом Эрбслё (с тех пор я виделся с ним только один или два раза в Бармене), мне, разумеется, и в голову не приходило, что его сын женится на моей племяннице. В то время, правда, об этих обоих молодых людях никто еще и не думал. По этому поводу можно было бы сделать целый ряд подходящих и не подходящих к случаю замечаний, но я их лучше опущу, так как каждому они и без того легко могут прийти в голову, и к тому же молодая пара слишком занята настоящим и будущим, чтобы уделять время совершенно излишним рассуждениям о том времени, когда их еще и на свете не было.

Впрочем, дело идет к тому, что мне скоро придется желать, чтобы помолвки и их ближайшие и отдаленные последствия совершались в пашей семье несколько замедленными темпами, по, конечно, в столь многочисленной и плодовитой семье, как наша, за те 60 лет, которые остались у нас за плечами, случаи

* См. настоящий том, стр. 219—224. *Ред.*
** В оригинале диалект: «wo ja auch Zeit haben». *Ред.*
*** — Шарлотте Энгельс. *Ред.*
**** — Елизавете Энгельс. *Ред.*
***** — К. А. Эрбслё. *Ред.*

эти увеличиваются пропорционально квадрату расстояния от исходного пункта, и против такого закона природы ничего не поделаешь.

Я чувствую себя в общем довольно хорошо, только почти перестал слышать левым ухом и каждую зиму страдаю насморком; но я к этому уже давно привык. Мягкая зима во всяком случае поможет тебе отделаться от последствий воспаления легких или хотя бы смягчить их; здесь сегодня опять так тепло, что я не мог ходить в пальто, несмотря на небольшой моросящий дождь.

Наилучшие приветы всем вам, Лотхен и особенно помолвленным.

Твой ***Фридрих***

Буду рад видеть здесь Эмиля*

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

53

МАРКС — АМАЛИИ ДАНИЕЛЬС В КЁЛЬН

[Вентнор], остров Уайт, 12 января 1882 г.
1, St. Boniface Gardens

Моя дорогая г-жа Даниельс!

В тот самый день, когда я Вам писал, моя дочь** нашла среди бумаг, привезенных ею из Лондона, также мою сравнительно старую фотографическую карточку. Я тотчас же отправил ее в Кёльн в прилагаемом при сем конверте, в котором она была мне возвращена обратно «имперской почтой».

Будьте так добры, сообщите мне *Ваш точный адрес.* Тогда я вновь пошлю Вам этот corpus delicti***.

С сердечным приветом преданный Вам

К. Маркс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Эмиля Энгельса, племянника Фридриха Энгельса. *Ред.*
** — Элеонора Маркс. *Ред.*
*** — вещественную улику. *Ред.*

54
МАРКС — ПЕТРУ ЛАВРОВИЧУ ЛАВРОВУ
В ПАРИЖ

Лондон, 23 января 1882 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой друг!

Прилагаю несколько строк для русского издания «Коммунистического манифеста»*; поскольку эти строки предназначены для *перевода* на русский язык, то стилистически они не так отделаны, как это необходимо было бы для опубликования их на немецком языке, на котором они написаны.

Я только несколько дней тому назад вернулся в Лондон. Дело в том, что в результате перенесенного мною плеврита и бронхита у меня остался хронический катар бронхов, который мой врач** надеялся излечить, отправив меня в Вентнор (на острове Уайт), место, где обычно бывает тепло даже зимой. На этот раз, однако, во время моего трехнедельного пребывания в Вентноре, там стояла сырая, холодная погода, было пасмурно и туманно, между тем как в то же самое время в Лондоне установилась почти летняя погода, которая, однако, при моем возвращении в Лондон кончилась.

Теперь меня намереваются послать куда-нибудь на юг, может быть, в Алжир. Выбирать не приходится, ибо Италия для меня недоступна (в Милане один человек был арестован, потому что его фамилия похожа на мою); я не могу даже поехать отсюда на пароходе через Гибралтар, потому что у меня нет паспорта, а там даже англичане требуют паспорт.

Несмотря на все настояния врачей и моих близких, я бы ни за что не согласился на такую затею, связанную с большой потерей времени, если бы эта проклятая «английская» болезнь не действовала так на мозг. Кроме того, рецидив болезни, если бы я даже оправился после него, отнял бы еще больше времени. Несмотря на все это, я сперва еще попытаюсь предпринять что-нибудь здесь.

Посылаю Вам номер «Modern Thought» со статьей обо мне[235]. Излишне Вам говорить, что биографические данные, приводимые автором, совершенно неверны. Ваш корреспондент, моя дочь Элеонора, которая шлет Вам привет, взялась исправить

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»». *Ред.*

** — Донкин. *Ред.*

в посылаемом Вам экземпляре цитаты из «Капитала», неправильно переведенные на английский язык. Но как бы плохо г-н Бакс ни переводил, — я слышал, что он еще совсем молодой человек, — он, несомненно, первый английский критик, который проявляет действительный интерес к современному социализму. Искренность и глубокая убежденность его высказываний произведут на Вас большое впечатление. Некий Джон Рей, — мне кажется, что он лектор по политической экономии в каком-то английском университете, — несколько месяцев тому назад поместил в «Contemporary Review» статью на ту же самую тему[230], очень поверхностную (хотя они пытается произвести впечатление, ссылаясь на целый ряд моих работ, которых он, безусловно, никогда не видал), но преисполненную той претенциозности, которой проникнуты истинные британцы благодаря особенному, свойственному им тупоумию. Однако он снисходительно допускает, что я — в течение почти сорока лет — вводил в заблуждение рабочий класс ложными доктринами не из корыстных мотивов, а по убеждению! Вообще говоря, публика здесь начинает стремиться к тому, чтобы что-то узнать о социализме, нигилизме и т. д. С одной стороны, Ирландия и Соединенные Штаты, с другой — неминуемая борьба между фермерами и лендлордами, между сельскохозяйственными рабочими и фермерами, между капитализмом и лендлордизмом; некоторые признаки оживления среди класса промышленных рабочих, — так, например, при недавних частичных выборах в палату общин рабочие кое-где с презрением отвергли официальных кандидатов от рабочих (особенно ренегата Интернационала, презренного Хауэлла[236]), предложенных признанными лидерами тред-юнионов и публично рекомендованных «народным Уильямом», г-ном Гладстоном; демонстративное создание в Лондоне радикальных клубов, которые состоят преимущественно из рабочих, англичан и ирландцев вперемежку и решительно выступают против «великой либеральной партии», *официального* тред-юнионизма, «народного Уильяма» и т. д. и т. д., — все это вызывает у британского филистера стремление приобрести как раз теперь некоторые сведения о социализме. К сожалению, обозрения, журналы, газеты и т. д. используют этот «спрос» только для того, чтобы «предлагать» публике отбросы продажных, невежественных, подхалимствующих писак, цена которым пенни за строчку (хотя бы даже они получали по шиллингу за строчку).

Здесь выходит «еженедельник» под названием «Radical», преисполненный добрых намерений, смелый по языку (смелость основана на бесцеремонности, а не на силе), пытающийся вы-

рваться из пут, которыми связана британская пресса, но при всем этом очень слабое издание. Чего газете не хватает, так это толковых редакторов. Несколько месяцев тому назад они письменно обратились ко мне. Я находился тогда в Истборне[1] вместе с моей дорогой женой[*], затем был в Париже[2] и т. д., так что до сих пор им еще не удалось переговорить со мной. В сущности я считаю это бесполезным. Чем больше я читаю их газету, тем больше прихожу к убеждению, что она неисправима.

Моя дочь[**] напоминает мне, что уже давно пора кончить письмо, так как осталось несколько минут до отправки почты.

Привет.

Карл Маркс

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Летописи марксизма», кн. V, 1928 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

55
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ
В ЦЮРИХ

Лондон, 25, 31 января 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Только сегодня собрался ответить на Ваше письмо от 12-го. Маркс вернулся с острова Уайт со своей младшей дочерью[***], оба чувствуют себя значительно лучше. Маркс окреп настолько, что гулял вчера со мной целых два часа без передышки. Так как он еще не работает и, кроме того, к обеду (то есть к 5 часам) часто приходят Лафарги и подается доброе пильзенское пиво, то дневные часы у меня большей частью пропадают, а при свете лампы я писать избегаю с тех пор, как три года тому назад из-за этого пострадал мой левый глаз (хронический конъюнктивит).

Поскольку я как раз нахожусь сейчас у Маркса, то прошу Вас от его имени сердечно поблагодарить Хёхберга за его любезное предложение; однако Маркс едва ли сумеет им воспользоваться; единственно, что твердо решено относительно его

[*] — Женни Маркс. *Ред.*
[**] — Элеонора Маркс. *Ред.*
[***] — Элеонорой Маркс. *Ред.*

поездки на юг, это то, что на Ривьеру и вообще в Италию он *не* поедет, и именно в силу чисто полицейских причин. Первое условие для выздоравливающих — предотвратить возможность полицейских придирок, а Италия, наряду, конечно, с бисмарковской империей, дает нам в этом отношении меньше всего гарантий.

Сообщения о том, что делается в Германии среди «вождей», нас очень заинтересовали. Я никогда не скрывал, что, на мой взгляд, массы в Германии гораздо лучше, чем господа вожди, особенно с тех пор, как партия благодаря прессе и агитации сделалась для этих вождей дойной коровой, снабжавшей их маслом, и тем более, когда Бисмарк и буржуазия эту корову вдруг прирезали[237]. Для тысячи людей, у которых это сразу отняло средства к существованию, оказалось несчастьем, что они не очутились непосредственно в положении революционеров, то есть в изгнании. Иначе очень многие из тех, кто теперь предается унынию, перешли бы в лагерь Моста или, во всяком случае, находили бы «Sozialdemokrat» слишком смиренным. Эти люди в большинстве своем остались в Германии и не могли поступить иначе; большинство из них попало в такие места, где была довольно-таки сильна реакция; будучи в опале, материально зависимые от филистеров, они большей частью сами погрязли в болоте филистерства. Все их надежды вскоре сосредоточились на отмене закона против социалистов. Не удивительно, что под давлением филистерства среди них возникла в действительности нелепая иллюзия, будто этой отмены можно добиться покорностью. Германия — прескверная страна для людей со слабой волей. Узость и мелочность гражданских и политических отношений, провинциализм даже крупных городов, мелкие, но назойливые притеснения, которые приходится претерпевать в борьбе с полицией и бюрократией, — все это обессиливает, вместо того чтобы побуждать к отпору, и, таким образом, в этой «большой детской»* многие сами в конце концов впадают в детство. Узость жизненных условий порождает узость кругозора, так что человеку, живущему в Германии, требуется много ума и энергии уже для того только, чтобы быть в состоянии видеть несколько дальше своего непосредственного окружения, не упускать из виду общей связи мировых событий и не впасть в ту самодовольную «объективность», которая не видит дальше собственного носа и именно поэтому является самой узколобой субъективностью, хотя бы она и разделялась тысячами таких субъектов.

* *Г. Гейне.* «Успокоение», стихотворение из цикла «Возвращение на родину» (перефразировано). *Ред.*

Но как ни естественно возникновение этого направления, прикрывающего «объективным» умничаньем свою ограниченность и неустойчивость, тем не менее против него должна вестись решительная борьба. И тут сами рабочие массы являются самой надежной точкой опоры. Они одни живут в Германии в более или менее современных условиях: все их малые и большие несчастья коренятся в гнете *капитала,* и в то время как всякая иная борьба в Германии — и социальная и политическая — мелочна и ничтожна и ставит себе жалкие задачи, которые в других странах давным-давно уже разрешены, борьба рабочих — единственная великая борьба, единственная, стоящая на уровне эпохи, единственная, которая не обессиливает борцов, а наполняет их все новой энергией. Стало быть, чем больше Вы сможете найти для себя корреспондентов среди подлинных, не превратившихся в «вождей» рабочих, тем больше будет у Вас шансов создать противовес нытью вождей.

То, что в рейхстаг на этот раз прошли всякого рода странные люди, было неизбежно. Тем более досадно, что не избран Бебель[217]. Он один обладает ясным умом, политической дальновидностью и достаточной энергией, чтобы не допустить глупостей.

Не можете ли Вы присылать нам на одну-две недели, *после того как их используете,* стенографические отчеты прений[238], в которых принимают серьезное участие наши депутаты? За возвращение отчетов я отвечаю. Газетным сообщениям абсолютно нельзя доверять, в этом мы уже не раз убеждались, а ни одного депутата, в том числе и Либкнехта, не удалось бы заставить присылать нам достойные порицания речи.

31 января

Пришлось снова прервать письмо. Между прочим, был здесь маленький Гепнер, удирающий в Америку, с пустым кошельком и опустошенной душой. Это во всех смыслах ничтожный человечек, автор благонамеренной брошюры о принудительном исполнении судебных приговоров, вексельном праве, еврейском вопросе и почтовой реформе — все это вяло, вяло, вяло; все старое еврейское остроумие, которое было у него десять лет тому назад[239], пошло к черту; я чуть было не посоветовал ему — креститься! Впрочем, благодаря ему я имел случай ознакомиться с новыми имперскими судебными законами. Это — верх безобразия. Все без исключения мерзости прусского права в сочетании со всеми подлостями Кодекса Наполеона[240], без положительных сторон последнего. Судье предоставлено во всем право свободного решения, он не связан

ничем, кроме дисциплинарного устава, так что в политических делах его решение уж конечно будет определяться и определяется его «свободным усмотрением». Тем самым судья неизбежно становится при той обстановке, которая существует повсюду в Германии, чиновником исполнительной власти и проводником воли полиции. Впрочем, рассказывают (эта острота принадлежит, вероятно, Виндхорсту), что Леонхард на своем смертном одре сказал: «Теперь я отомстил пруссакам, я создал им судопроизводство, от которого они должны погиб-путь».

Ипотечные бумаги Бюркли, приносящие проценты и долженствующие играть роль денег, еще гораздо древнее, чем архипутаные проекты старогегельянца, поляка Цешковского[241]. Подобные планы с целью осчастливить мир сочинялись уже во времена основания Английского банка. Так как в первом томе «Капитала» о кредите еще вообще не говорится (не считая простого долгового отношения), то кредитные деньги *могут* там рассматриваться самое большее лишь в их простейшей форме (знак стоимости и т. д.) и с точки зрения их наиболее подчиненных денежных функций, но там никоим образом не могут еще рассматриваться *приносящие процент* кредитные деньги. Поэтому Бюркли прав, когда говорит Шрамму: все эти места из «Капитала» не подходят к *моим* особым бумажным деньгам, а Шрамм прав, когда доказывает, ссылаясь на «Капитал», что Бюркли вообще не имеет ни малейшего понятия о природе и функциях денег[25]. Но этим еще прямо не разоблачается вся нелепость особого проекта Бюркли в отношении денег; для этого, помимо общего доказательства, что эти «деньги» не способны выполнять существенные денежные функции, требуется еще и специальное рассмотрение тех функций, которые действительно могли бы выполнять подобные бумаги. Ведь стоит Бюркли сказать: «Какое мне дело до Маркса? Я придерживаюсь Цешковского», — как вся направленная против него аргументация Шрамма сразу отпадает. — Счастье, что «Sozialdemokrat» не вмешался во всю эту историю. Вся эта агитация наверное заглохнет сама собой.

Что кризисы являются одним из самых могучих рычагов политического переворота, об этом говорится уже в «Коммунистическом манифесте» и показано в «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung» на данных вплоть до 1848 г. включительно, но наряду с этим было показано также, что возврат процветания надламывает революции и создает почву для победы реакции[242]. При подробном разборе необходимо принять во внимание промежуточные кризисы, носящие отчасти более

местный, а отчасти более специфический характер; такой промежуточный кризис, сводящийся к чисто биржевым спекулятивным делам, мы переживаем в настоящий момент; до 1847 г. эти кризисы были регулярными промежуточными звеньями, так что в моем «Положении рабочего класса»* цикл еще определен в пять лет.

Во Франции обе стороны совершили грубые ошибки, но под конец Малон и Брусс в своем нетерпении довести дело до кризиса и изгнать «Egalite» (на что Федеративный союз[243] не имеет никакого права) действовали до такой степени неправильно, что им это даром не пройдет. Со стороны таких прожженных интриганов, как Малон и Брусс, такое неумное поведение было бы непонятно, если бы не то, что они не могли больше ждать. Очевидно, «Proletaire» находится при последнем издыхании; если же газета перестанет выходить, они останутся без газеты, а у противников — их две**. Поэтому вопрос необходимо было решить, пока у них еще имелась газета, распространявшая их решения. Гнусности и сплошной вымысел, которые они распространяют теперь против Геда, Лафарга и пр., в особенности же полемическая статья Жофрена[31], которую сочинил, однако, не он, а Брусе и Малон, — все это совершенно в стиле старого бакунистского Альянса[28] и будит в нас старые воспоминания. «Sozialdemokrat» совершенно прав, абсолютно не вмешиваясь, пока дело несколько не выяснится; не думаю, что на это потребуется много времени.

Я хотел еще написать Каутскому относительно поляков, но сегодня от этого придется отказаться. Сердечный привет.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

56

ЭНГЕЛЬС — КАРЛУ КАУТСКОМУ
В ЦЮРИХ

Лондон, 7 февраля 1882 г.

Дорогой г-н Каутский!

Я, наконец, собрался ответить на Ваше письмо от 8 ноября. Одной из действительных задач революции 1848 г. (а *действительные,* не иллюзорные задачи революции всегда разрешаются в результате этой революции) было восстановление

* *Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии». *Ред.*

** — «Egalite» и «Citoyen». *Ред.*

угнетенных и раздробленных национальностей Средней Европы, поскольку они вообще были жизнеспособны и, в частности, созрели для независимости. Эта задача была разрешена для Италии, Венгрии и Германии душеприказчиками революции — Бонапартом, Кавуром, Бисмарком — соответственно тогдашним отношениям. Остались Ирландия и Польша. Ирландию можно здесь оставить в стороне, она только самым косвенным образом влияет на дела континента. Но Польша расположена посреди континента, и сохранение раздела Польши есть именно та связь, которая вновь и вновь сплачивает Священный союз, и поэтому Польша очень интересует нас.

До тех пор пока отсутствует национальная независимость, большой народ исторически не в состоянии даже обсуждать сколько-нибудь серьезно какие-либо внутренние вопросы. До 1859 г. о социализме в Италии не было и речи, даже республиканцев было не много, хотя они и являлись самым энергичным элементом. Республиканцы стали распространяться лишь с 1861 г., и позднее они отдали свои лучшие силы социалистам. То же произошло в Германии. Лассаль уже готов был признать дело проигранным и отказаться от него, когда, на свое счастье, был застрелен. Только после того как 1866 год действительно разрешил вопрос о великопрусском объединении Малой Германии[244], приобрели значение и лассальянская, и так называемая эйзенахская партии[245]; и лишь с 1870 г., когда с бонапартистскими вожделениями к вмешательству было решительно покончено, дело приобрело большой размах. Что было бы с нашей партией, если бы у нас сохранился еще старый Союзный сейм![246] То же и в Венгрии. Только начиная с 1860 г. она втянулась в современное движение: в верхах спекуляция, в низах социализм.

Интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций. Скудный республиканский интернационализм 1830—1848 гг. тяготел к Франции, призванием которой считалось освобождение Европы, а *следствием этого было усиление французского шовинизма* до такой степени, что всемирно-освободительная миссия Франции и вместе с тем ее первородное право возглавлять движение мешают нам еще до сих пор на каждом шагу (в карикатурном виде у бланкистов, но, например, у Малона и К° тоже в очень сильной степени). И в Интернационале[*] французы придерживались этого взгляда, считая его как бы само собой разумеющимся. Лишь события должны были их — а также и многих других —

[*] Имеется в виду I Интернационал. *Ред.*

убедить (и по сей день еще продолжают убеждать), что интернациональное сотрудничество возможно только между *равными* и что даже primus inter pares* нужен разве только при непосредственном действии. До тех пор пока Польша разделена и угнетена, не может, следовательно, развиться ни сильная социалистическая партия в самой стране, ни действительно интернациональное общение пролетарских партий Германии и прочих стран *с кем бы то ни было из поляков, кроме находящихся в эмиграции.* Каждый польский крестьянин и рабочий, пробуждающийся от своей закоснелости к участию в борьбе во имя общих интересов, прежде всего сталкивается с фактом существования национального гнета, который повсюду встает перед ним, как первое препятствие на его пути. Устранение национального гнета является основным условием всякого здорового и свободного развития**. Польских социалистов, не ставящих освобождение страны во главе своей программы, я сравнил бы с германскими социалистами, которые не пожелали бы требовать в первую очередь отмены закона против социалистов[106], введения свободы печати, союзов и собраний. Для того чтобы иметь возможность бороться, нужна сперва почва под ногами, воздух, свет и простор. Иначе все — болтовня.

Вопрос о том, возможно ли восстановление Польши *до* ближайшей революции, не имеет значения. *Мы* ни в коем случае не призваны удерживать поляков от усилий отвоевать себе жизненно необходимые условия для их дальнейшего развития или внушать им, будто национальная независимость с интернациональной точки зрения — дело весьма второстепенное, в то время как она, напротив, является основой для всякого интернационального сотрудничества. Впрочем, в 1873 г. между Германией и Россией едва не разразилась война[247], и, следовательно, было вполне возможно восстановление *в той или иной форме* Польши, зародыша позднейшей доподлинной Польши. И если господа русские не приостановят в ближайшее время своих панславистских интриг и подстрекательств в Герцеговине[248], они могут навлечь на себя такую войну, над которой они сами, Австрия и Бисмарк будут не властны. В том, чтобы дело в Герцеговине приняло серьезный оборот, заинтересованы только русская панславистская партия и царь; боснийская шайка разбойников представляет ведь так же мало интереса,

* — первый среди равных. *Ред.*
** В рукописи после этого слова все фразы до конца абзаца отчеркнуты Энгельсом. *Ред.*

как и орудующие там теперь глупые австрийские министры и бюрократы. Так что не исключена возможность восстановления независимой Малой Польши даже *без* восстания, в результате одних лишь европейских коллизий, точно так же как и изобретенная буржуазией прусская Малая Германия создалась не тем, революционным или парламентским, путем, о котором мечтала эта буржуазия, а благодаря войне.

Итак, я придерживаюсь того мнения, что *две* нации в Европе не только имеют право, но и обязаны быть национальными, прежде чем они станут интернациональными: это — ирландцы и поляки. Они более всего интернациональны именно тогда, когда они подлинно национальны. Поляки понимали это во все критические моменты и доказали это на всех полях революционных битв. Стоит только лишить их перспективы восстановления Польши или убедить их в том, что в ближайшее время новая Польша сама собой свалится к ним с неба, как у них пропадет всякий интерес к европейской революции.

Мы-то в особенности не имеем ни малейших оснований становиться полякам поперек пути в их неизбежном стремлении к независимости. Во-первых, они в 1863 г. изобрели и применили тот метод борьбы, которому с таким успехом подражают теперь русские («Берлин и Петербург», приложение 2)[249]; и, во-вторых, в Парижской Коммуне они были единственными надежными и способными полководцами[250].

Впрочем, кто же те люди, которые борются против национальных устремлений поляков? Во-первых, европейские буржуа, у которых поляки со времени восстания 1846 г.[251] и из-за своих социалистических тенденций потеряли всякий кредит; во-вторых, русские панслависты и находящиеся под их влиянием люди, как Прудон, смотревший на вещи глазами Герцена. Ведь среди русских, даже среди лучших из них, лишь немногие успели к настоящему времени освободиться от панславистских тенденций и воспоминаний; панславистское призвание России для них так же несомненно, как для французов — прирожденная революционная инициатива Франции. В действительности же панславизм — мошеннический план борьбы за мировое господство под маской несуществующей *славянской* национальности — злейший враг и наш, и самих русских. Это надувательство в свое время рассыплется в прах, но пока что оно может причинить нам немало неприятностей. В настоящий момент подготовляется панславистская война, как последний якорь спасения русского царизма и русской реакции; будет ли она — большой вопрос, но если будет, то несомненно только одно: развитие в революционном направлении, так великолепно

протекающее в Германии, Австрии и самой России, будет совершенно дезорганизовано и оттеснено на другие пути, которые теперь трудно предугадать. В лучшем случае мы потеряем при этом от трех до десяти лет, и тогда вероятнее всего мы будем иметь: короткую отсрочку наступления конституционной «повой эры»[252] в Германии и, может быть, также и в России; Малую Польшу под гегемонией Германии, войну-реванш с Францией, новое натравливание народов друг на друга и, наконец, новый Священный союз. Панславизм, следовательно, теперь больше, чем когда-либо, наш смертельный враг, несмотря на то, что он стоит на краю могилы или именно поэтому. Ведь Катковы, Аксаковы, Игнатьевы и К° знают, что как только царизм будет свергнут и русский народ выйдет на сцену, владычеству их навсегда конец. Отсюда эта жажда войны в момент, когда в казне пусто и когда ни один банкир не дает русскому правительству ни гроша взаймы.

Вот почему все панслависты так смертельно ненавидят поляков: они единственные *анти*-панславистские славяне, следовательно, — предатели святого славянского дела, и должны быть насильно включены в великославянскую царскую империю, будущей столицей которой явится Царьград, то есть Константинополь.

Вы могли бы спросить меня, неужели я не питаю никакой симпатии к малым славянским народам и обломкам народов, разделенных тремя клиньями, вбитыми в славянство: немецким, мадьярским и турецким? В самом деле — чертовски мало. На чехословацкий крик о помощи: «О боже, никого уж нет на земле, кто бы со славянами (sic) поступил справедливо!»[*] откликнулся Петербург, и все чешское национальное движение стремится к тому, чтобы царь с ними «поступил справедливо». Так обстоит дело и с другими: сербами, болгарами, словенцами, галицийцами, русинами (по крайней мере отчасти). В защиту этих целей, однако, мы выступить не можем. Только тогда, когда после крушения царизма национальные устремления этих карликовых народов освободятся от связи с панславистскими тенденциями к мировому господству, только тогда мы сможем предоставить им свободу действий, и я убежден, что для большинства австро-венгерских славян достаточно будет шести месяцев независимости, чтобы они стали умолять принять их обратно. Но за этими маленькими народами ни в коем случае не будет признано право, которое они теперь сами себе приписывают в Сербии, Болгарии и Восточной Румелии: право

[*] *Ян Коллар.* «Дочь Славы», раздел III «Дунай» (сокращено). *Ред.*

препятствовать прокладке европейской железнодорожной сети до Константинополя.

Что же касается разногласий между поляками в Швейцарии, то это — эмигрантские раздоры[225], редко имеющие какое-либо значение и менее всего для эмиграции, которая через три года отпразднует свой столетний юбилей и у которой при стремлении всех эмигрантов совершать что-то новое или, на худой конец, заниматься прожектерством один проект следовал за другим, одна новая мнимая теория сменяла другую. Что мы не разделяем воззрений господ из «Rownosc», вытекает из всего вышесказанного; мы им и сообщили об этом в письме по поводу празднования пятидесятилетия 29 ноября 1830 г., оглашенном на митинге в Женеве[*]. Вы найдете это письмо в отчете («Sprawozdanie» и т. д., Библиотека «Rownosc» № 1, Женева, 1881 г., стр. 30 и сл., напечатано по-польски). На господ из «Rownosc», очевидно, произвели впечатление радикально звучащие фразы женевских русских, и теперь они хотят показать, что упрек в национальном шовинизме к ним не относится. Это заблуждение, в основе которого лежат лишь местные и преходящие причины, пройдет, не оказав особого влияния на самое Польшу, и подробно опровергать его не стоит труда.

Вопрос о том, каким образом полякам удастся столковаться с литовцами, белорусами и украинцами старой Польши, а также и с немцами относительно границы, нас пока не интересует.

Как мало, однако, рабочие даже в так называемых «угнетенных» странах заражены панславистскими вожделениями профессоров и буржуа, доказывает замечательная солидарность немецких и чешских рабочих в Богемии[**].

Однако довольно. Сердечный привет от Вашего

Ф. Э.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Митингу в Женеве, созванному в память 50-й годовщины польской революции 1830 года». *Ред.*

[**] — Чехии. *Ред.*

57
ЭНГЕЛЬС — ИОГАННУ ФИЛИППУ БЕККЕРУ В ЖЕНЕВУ

Лондон, 10 февраля 1882 г.

Старый дружище!

Мы совершенно не знали, что ты был так опасно болен, нам было только известно, что у тебя рожистое воспаление лица, а оно в большинстве случаев протекает довольно легко. Если бы я имел представление о том, как обстояло дело, я тотчас послал бы тебе немного наличных денег, хотя в то время я сам был очень стеснен, а требования сыпались со всех сторон. Впрочем, это и сейчас еще не поздно, и потому я послал тебе почтовым переводом 4 ф. ст. = 100 фр. 80 сант., о чем ты, вероятно, получил уже извещение; из-за допущенной здесь ошибки в формальностях я до сегодняшнего дня не мог тебе сообщить об этом.

Между нами говоря, можно считать почти счастьем, что Маркса в последние дни жизни его жены[*] настолько одолевала его собственная болезнь, что он не мог быть всецело поглощен мыслью о предстоящей и действительно постигшей его утрате. Хотя мы уже более полугода совершенно определенно знали, каково положение, событие это само по себе не могло не быть жестоким ударом. Вчера Маркс уехал на юг Франции[40]; куда он направится оттуда — будет решено окончательно, вероятно, только в Париже. Во всяком случае сейчас — не в Италию, в начале выздоровления следует избегать даже *возможности* полицейских придирок.

Мы обдумали твое предложение[253] и пришли к выводу, что время для его осуществления еще не настало, но приближается. Во-первых, новый, формально реорганизованный, Интернационал только вызвал бы новые преследования в Германии, Австрии, Венгрии, Италии и Испании и в конце концов лишь поставил бы нас перед выбором — либо отказаться от этого дела, либо же сделать Интернационал *тайным*. Последнее было бы несчастьем из-за неизбежной страсти к конспирации и путчам и из-за столь же неизбежного проникновения шпиков. Даже во Франции нисколько не исключено было бы новое применение вовсе еще не отмененного закона против Интернационала[254].

Во-вторых, при происходящих сейчас раздорах между «Egalite» и «Proletaire» на французов рассчитывать не приходится,

[*] — Женни Маркс. *Ред.*

ведь понадобилось бы высказаться в пользу одного из направлений, а в этом тоже есть свои дурные стороны. Что касается нас лично, то мы стоим на стороне «Egalite», но все-таки поостережемся выступать за этих людей публично *сейчас,* потому что они, несмотря на наши ясно выраженные предупреждения, делали один тактический промах за другим.

В-третьих, с англичанами что-либо предпринимать сейчас труднее, чем когда-либо. В течение пяти месяцев я пытался через «Labour Standard», где я помещал передовые статьи[194], распространять, — беря за исходную точку старое чартистское движение — наши идеи, дабы посмотреть, не найдет ли это отклика. Никакого результата, и так как редактор[*], доброжелательный, но совершенно безвольный человек, испугался в конце концов континентальной ереси, которую я помещал в газете, то я отказался от этого[**].

Оставался бы, следовательно, только такой Интернационал, который, кроме Бельгии, ограничивался бы *одной лишь эмиграцией,* так как даже на швейцарцев нельзя было бы рассчитывать, за исключением Женевы и ее окрестностей, — vide[***] «Arbeiterstimme» и Бюркли. Но основывать просто эмигрантское общество едва ли имело бы смысл. Ведь с голландцами, португальцами, датчанами тоже далеко не уедешь, а с сербами и румынами — чем меньше иметь дело, тем лучше.

С другой стороны, однако, Интернационал фактически продолжает *существовать.* Связь между революционными рабочими всех стран в той мере, в какой она может быть действенной, имеется налицо. Каждая социалистическая газета является международным центром; из Женевы, Цюриха, Лондона, Парижа, Брюсселя, Милана тянутся нити во всех направлениях, скрещиваясь между собой, и я, право, не знаю, могла ли бы группировка этих маленьких центров вокруг большого, основного центра придать в настоящий момент новую силу движению, — это, вероятно, лишь умножило бы трения. Но именно поэтому в нужный момент, когда понадобится соединить силы, это можно будет осуществить тотчас же, без долгой подготовки. Имена передовых борцов каждой страны известны во всех других странах, и любое публичное выступление, всеми ими поддержанное и подписанное, произвело бы колоссальное впечатление, — совершенно иное, чем большей частью неизвестные имена членов старого Генерального Совета[****]. Но именно по-

[*] — Шиптон. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 170—171. *Ред.*
[***] — смотри. *Ред.*
[****] Имеется в виду Генеральный Совет I Интернационала. *Ред.*

этому нужно приберечь такое выступление до того момента, когда оно сможет оказать решающее воздействие, то есть, когда оно будет вызвано событиями в Европе. Иначе это не даст должного эффекта в будущем и окажется только холостым выстрелом. Однако такого рода события назревают в России, где авангард революции вступит в бой. По нашему мнению, необходимо подождать этого и неизбежного отклика в Германии, — вот тогда и придет момент крупного выступления и создания *официального,* настоящего Интернационала, который, однако, больше не сможет быть пропагандистским обществом, а будет только обществом активных действий. Поэтому мы решительно придерживаемся того мнения, что не следует ослаблять такого великолепного средства борьбы, использовав и истрепав его в сравнительно еще спокойное время, уже накануне революции.

Полагаю, что еще раз подумав над этим, ты согласишься с нами. А пока мы оба желаем тебе полного и быстрого выздоровления и надеемся вскоре услышать от тебя, что ты опять совершенно здоров.

Всегда твой старый

Ф. Э.

Впервые опубликовано в книге: F. Engels. «Vergessene Briefe (Briefe Friedrich Engels' an Johann Philipp Becker)». Berlin, 1920

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

58

ЭНГЕЛЬС — ПЕТРУ ЛАВРОВИЧУ ЛАВРОВУ В ЛОНДОНЕ*

[Лондон], 18 февраля 1882 г.
122, Regent's Park Road

Дорогой г-н Лавров!

Бесконечно сожалею, что не застал Вас сегодня после обеда; но если Вы, как я надеюсь, получите настоящую открытку еще сегодня вечером, то не будете ли Вы так добры прийти ко мне завтра, в воскресенье, между 7 и 8 часами вечера. Вы встретите у меня друзей. Мы все будем очень рады Вас видеть.

Ваш ***Ф. Энгельс***

* Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*

[Надпись Энгельса на оборотной стороне открытки]

П. Лаврову, эсквайру, 13, Alfred Place, Tottenham Court Road, W. C.

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Летописи марксизма», кн. V, 1928 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

59
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ[255]
В ЦЮРИХ

Лондон, 22, 25 февраля 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Отвечаю на Ваше письмо немедленно: 1) потому, что вопрос о панславизме становится все более жгучим, и 2) потому, что теперь, после отъезда Маркса[40], я опять должен серьезно засесть за работу и у меня уже не будет времени для столь пространных объяснений.

Стенограммы[238] сегодня отсылаю. Большое спасибо. Большей частью все это несколько бледно, но я бываю уже доволен, когда нет действительно позорных выступлений и отречения от принципов. Буду неизменно признателен Вам за дальнейшую присылку их время от времени. Исправление прежних грубых промахов, сделанных в саксонском ландтаге[173], очень обрадовало меня. Думаю, что «Sozialdemokrat» может быть вполне удовлетворен результатами своего выступления[232]. Подписание заявления было, вероятно, для Блоса горькой пилюлей[256]. Очень радует меня рост числа подписчиков более чем до 4000 и регулярное распространение газеты в Германии, несмотря на полицию и пр. Это *неслыханный* успех для *запрещенной* немецкой газеты. Газетам, выходившим до 1848 г., было гораздо легче проникать в страну, потому что их поддерживали буржуазия и книготорговцы, но подписная плата никогда не поступала. На этот же раз рабочие *платят,* и это доказывает, насколько они дисциплинированны и насколько живут и дышат движением. Я нисколько не боюсь за наших немецких парней, когда дело дойдет до развязки. Они великолепно выдержат любое испытание. И филистерство проявляют не *они,* а лишь господа вожди, которые с самого начала, вместо того чтобы вести массы, сами шли вперед только под нажимом масс.

Вполне понятно, что мое письмо* не убедило Вас, коль скоро Вы уже сочувствовали «угнетенным» южным славянам. Ведь первоначально, — поскольку все мы сперва прошли через либерализм или радикализм, — мы оттуда переняли это сочувствие ко всем «угнетенным» национальностям, и я помню, как много времени и изучения мне понадобилось, пока я отделался от этого, — но зато уж основательно.

Я должен, однако, просить не приписывать мне мнений, которых я никогда не высказывал. Австрийские казенные аргументы, которыми уже в течение ряда лет оперировала аугсбургская «Allgemeine Zeitung», меня не касаются. Что в них было верного, то устарело, а что не устарело, то неверно. У меня нет решительно никаких оснований досадовать на центробежное движение в Австрии. «Плотина против России» станет излишней с того момента, когда в России разразится революция, то есть когда там будет созвано какое-нибудь представительное собрание. С этого дня Россия будет занята внутренними делами, панславизм потеряет всякое значение, начнется распад империи. Панславизм — лишь искусственный продукт «образованных сословий», городов и университетов, армии и чиновников; деревня ничего о нем не знает, и даже поместное дворянство до такой степени стеснено в средствах, что проклинает всякую войну. С 1815 г. до 1859 г. Австрия, несмотря на ее трусливую и глупую политику, действительно *была* плотиной против России. Но теперь, накануне революции в России, снова предоставить ей возможность играть роль «плотины» значило бы ведь продлить существование Австрии, снова исторически оправдать его, оттянуть неминуемый ее распад. И вот уже подлинно ирония истории: допуская славян к господству, Австрия тем самым сама признает, что исчезло то единственное, что давало до сих пор оправдание ее существованию. Впрочем, война с Россией в течение 24 часов положила бы конец господству славян в Австрии.

Вы говорите, что как только у славянских народов (опять-таки за исключением поляков!) не будет больше основания видеть в лице России свою единственную освободительницу, панславизму крышка. Это легко сказать, и звучит правдоподобно. Но, во-первых, опасность панславизма, поскольку она существует, находится не на периферии, а в центре, не на Балканах, а в тех 80 миллионах рабов, которые поставляют царизму солдат и деньги. Стало быть, вот куда надо подвести рычаг, а он ведь *уже* подведен. Неужели нужно, чтобы война опять отвела его?

* Имеется в виду письмо Энгельса Каутскому (см. настоящий том, стр. 219— 224). *Ред.*

Во-вторых, не стану вдаваться в исследование того, как могло случиться, что малые славянские народы видят в царе своего единственного освободителя. Достаточно того, что, по их мнению, это так; мы изменить этого не можем, и так оно и останется до того момента, пока не будет свергнут царизм; в случае войны все эти интересные маленькие национальности встанут на сторону царизма, врага всего капиталистически развитого Запада. Пока дело обстоит таким образом, я не могу интересоваться их *непосредственным,* немедленным освобождением, они остаются нашими прямыми врагами в такой же мере, как и царь — их союзник и покровитель.

Мы должны сообща бороться за освобождение западноевропейского пролетариата и этой цели подчинить все остальное. И какой бы интерес ни возбуждали балканские славяне и т. п., но если их освободительные стремления вступают в коллизию с интересами пролетариата, то мне до них совершенно нет дела. Эльзасцы тоже угнетены, и я буду рад, когда мы снова сбудем их с рук. Но если накануне явно надвигающейся революции они захотели бы спровоцировать войну между Францией и Германией, снова натравить друг на друга эти два народа и таким образом оттянуть революцию, то я сказал бы: «Остановитесь! Вы можете терпеть столько же, сколько и европейский пролетариат. Когда он освободится, и вы, само собой, станете свободными, а до тех пор мы не позволим вам становиться поперек дороги борющемуся пролетариату». То же и со славянами. Победа пролетариата с необходимостью принесет им действительное освобождение, а не мнимое и временное, какое может дать им царь. Поэтому славяне, которые до сих пор не только ничего не сделали для Европы и ее развития, а являются для него тормозом, должны обладать хотя бы таким же терпением, как наши пролетарии. Из-за нескольких герцеговинцев зажечь мировую войну, которая унесет в тысячу раз больше людей, чем все население Герцеговины, — не такой должна быть, по-моему, политика пролетариата.

А как «освобождает» царь? Спросите украинских крестьян, которых Екатерина тоже сперва освободила от «польского гнета» (предлогом была религия) только для того, чтобы потом их аннексировать. К чему в сущности сводится все русско-панславистское надувательство? К захвату Константинополя — больше ни к чему. Только этот захват мог бы с силой воздействовать на религиозные традиции русского крестьянина, воодушевить его на защиту священного Царьграда, продлить существование царизма. А стоит только русским занять Константинополь, — тогда прощай болгарская и сербская незави-

симость и свобода: эти братушки (bratanki) очень скоро почувствовали бы, насколько лучше им жилось даже при турках. Только колоссальной наивностью этих bratanki объясняется их вера в то, что царь заботится об их выгоде, а не о своей собственной.

Вы говорите, что Великая Сербия была бы такой же хорошей плотиной против России, как и Австрия. Я уже сказал, что не ставлю ни во что всю эту теорию «плотины», с тех пор как в России окрепло революционное движение. Я говорил также, что с удовольствием ожидаю распада Австрии. Но перейдем теперь к *качеству* этих маленьких национальностей, которое ведь тоже следует учитывать, когда речь идет о наших симпатиях.

Через 2—4 поколения и после общих европейских переворотов Великая Сербия, безусловно, будет возможна; ныне же — при существующем культурном уровне элементов, из которых она состоит — она так же безусловно невозможна.

1) По вероисповеданию сербы разделяются на три части (цифры взяты из «Переписи славян» Шафарика и относятся к 1849 году): православных — 2880000; католиков, включая так называемых хорватов, говорящих, однако, по-сербски, — 2664000, без хорватов — 1884000; магометан — 550000. Но для этих людей религия пока еще важнее национальности, и каждое вероисповедание *хочет* господствовать. Пока здесь не будет культурного прогресса, который сделает возможной хотя бы веротерпимость, создание Великой Сербии приведет лишь к междоусобной войне. — См. прилагаемый «Standard».

2) В стране три политических центра: Белград, Черногория, Аграм*. Ни хорваты, ни черногорцы не желают подчиняться верховенству Белграда. Напротив — черногорцы и их друзья, маленькие, отсталые народности Кривоша** и Герцеговины, будут защищать свою «независимость» против Белграда и всякого другого центрального правительства, будет ли оно сербским или нет, точно так же, как против турок и австрийцев. Эта независимость заключается в том, что они в доказательство своей ненависти к угнетателям крадут скот и другое движимое имущество у своих же «угнетенных» сербских соотечественников, как они делали это 1000 лет тому назад, и кто покушается на это их право разбоя, тот покушается на их независимость. Я достаточно авторитарен, чтобы считать существование таких маленьких отсталых народностей в центре Европы анахронизмом. Если бы даже эти люди обладали такими же достоинствами,

* Хорватское название: Загреб. *Ред.*
** Сербское название: Кривошие. *Ред.*

как воспетые Вальтером Скоттом шотландские горцы, тоже, впрочем, злейшие грабители скота, мы все-таки могли бы осудить только лишь те *методы,* которые применяет для расправы с ними современное общество. Будь мы у кормила власти, *мы тоже* должны были бы положить конец укоренившимся у этих молодцов стародавним традициям разбоя в духе Ринальдо Ринальдини и Шиндерганнеса. Так же пришлось бы поступить и великосербскому правительству. Стало быть, и с этой точки зрения создание Великой Сербии означает возобновление борьбы, которую ведут сейчас герцеговинцы, то есть междоусобную войну со всеми горцами Черногории, Каттаро*, Герцеговины.

Таким образом, при более близком рассмотрении создание Великой Сербии выглядит вовсе не так просто и самоочевидно, как это хотят представить нам панслависты и либералы вроде Раша.

Впрочем, Вы можете сочувствовать этим маленьким отсталым народностям, сколько Вам угодно; и без того овеянные некоторой поэтической дымкой, они к тому же еще сочиняют народные песни совершенно в стиле старосербских (а старосербские песни очень красивы); в подтверждение этого я даже пошлю Вам статью из «Standard». Но они были и остаются орудием царизма, а в политике не место поэтическим симпатиям. И если восстание этих молодцов грозит разгореться в мировую войну, которая испортит нам всю революционную ситуацию, то в интересах европейского пролетариата надо без сожаления пожертвовать ими и их правом на кражу скота.

Вообще же Великая Сербия, если бы она возникла, оказалась бы только расширенным Сербским княжеством. А что оно сделало? Создало просвещенную бюрократию по австрийскому образцу, состоящую из получивших образование на Западе — большей частью в Вене — белградцев и уроженцев других городов, которые понятия не имеют об отношениях крестьянской общинной собственности и издают законы по австрийскому образцу, больно ударяющие по этим отношениям, так что крестьяне массами нищают и экспроприируются, тогда как во времена турецкого владычества они пользовались *полным самоуправлением,* богатели и платили гораздо меньше налогов.

Болгары сами охарактеризовали себя в своих народных песнях, собранных недавно одним французом и опубликованных в Париже**. Большое место в этих песнях занимают пожары.

---

* Сербское название: Котор. *Ред.*

** *Огюст Дозон.* «Болгарские народные песни». *Ред.*

Горит дом, сгорает молодая женщина, потому что ее муж предпочитает спасти вместо нее свою черную кобылу. В другой песне молодая женщина спасает свои украшения и из-за этого оставляет в огне своего ребенка. Если в виде исключения совершается какой-нибудь благородный, смелый поступок, то он всякий раз совершается *турком.* У какого народа в мире встретите Вы еще такое свинство?

Впрочем, если Вы взглянете на порядочную лингвистическую карту этой местности (например, в вышеупомянутой книге Шафарика или составленную Кипертом в 1867 г. карту Австрии и нижнедунайских стран), то Вы убедитесь, что дело с освобождением этих балканских славян обстоит вовсе не так просто и что, за исключением сербской области, вся территория усеяна турецкими колониями и окаймлена греческим побережьем, не говоря уже о том, что Салоники — город испанских евреев. Правда, добродетельные болгары быстро очищают теперь Болгарию и Восточную Румелию от турок, убивая их, изгоняя и поджигая их жилища. Если бы турки действовали таким же образом, вместо того чтобы расширять самоуправление болгар и уменьшать им налоги по сравнению с тем, что они платят сейчас, — то болгарского вопроса уже не существовало бы.

Что касается войны, то Вы, мне кажется, чересчур легко к этому относитесь. Если дело дойдет до войны, то Бисмарк без труда добьется того, что нападающей стороной окажется Россия: он может ждать, а русские панслависты *не* могут. Если же Германия и Австрия ввяжутся в войну на Востоке, то надо плохо знать французов, и особенно парижан, чтобы не предвидеть, что тотчас же поднимется шовинистический вой о реванше, перед которым должно будет замолкнуть бесспорно мирно настроенное большинство французского народа: а это приведет к тому, что и Франция окажется в этом случае нападающей стороной, и шовинизм, который будет тогда господствовать, очень скоро потребует присоединения левого берега Рейна. Мне кажется очевидным, что при таких условиях Германии придется вести борьбу за существование, вследствие чего и в ней также вновь всецело возьмет верх патриотический шовинизм. Таким образом, все перспективы пока против нас. Но если уж война начнется, то исход такой европейской войны, первой после 1813—1815 гг., совершенно нельзя предвидеть, и я ни в коем случае не желал бы, чтобы это случилось. Если она начнется, тогда уж ничего не поделаешь.

А теперь о другой стороне вопроса. В Германии у нас сейчас такая ситуация, которая с возрастающей быстротой приближает

революцию и вскоре должна выдвинуть нашу партию на первый план. Нам самим ничего даже не нужно делать для этого — достаточно предоставить нашим противникам работать на нас. К тому же предстоит новая эра[252], с новым, либеральничающим, крайне нерешительным и колеблющимся императором*, прямо созданным для роли Людовика XVI. Единственное, чего нам не хватает, это своевременного толчка извне. Таким толчком послужит положение в России, в которой начало революции — теперь уже только вопрос месяцев. В России наши товарищи превратили царя прямо-таки в пленника[257], дезорганизовали правительство, расшатали народные традиции. Крушение должно наступить в ближайшее время даже и без нового сильного удара, а продолжаться оно будет ряд лет, как в 1789—1794 годах; поэтому времени будет вполне достаточно, чтобы оно, в свою очередь, могло воздействовать на Запад, и особенно на Германию, так что движение будет постепенно нарастать — в отличие от 1848 г., когда уже 20 марта во всей Европе реакция была снова в полном разгаре. Словом, это такая чудесная революционная ситуация, какой еще не бывало. Одно только может ее испортить: Скобелев сам сказал в Париже, что только внешняя война может вытащить Россию из трясины, в которой она увязла[258]. Эта война должна залечить все раны, которые наши товарищи, жертвуя своей жизнью, нанесли царизму. Этого, во всяком случае, было бы достаточно, чтобы положить конец плену царя, направить ярость всего народа на социал-революционеров, отнять у них поддержку либералов, которую они сейчас имеют, — и тогда все принесенные жертвы оказались бы напрасными, пришлось бы начинать все сначала при менее благоприятных обстоятельствах; но подобную игру едва ли можно сыграть дважды, и можете быть уверены, что и в Германии наши также либо присоединятся к патриотическому вою, либо вызовут против себя такой взрыв ярости, по сравнению с которым взрыв ярости, последовавший за покушениями[22], показался бы детской игрушкой; тогда Бисмарк ответил бы на последние выборы не законом против социалистов[106], как в свое время, а совсем поиному.

В случае же сохранения мира русские панслависты останутся в дураках и должны будут скоро отступить. Тогда императору** ничего другого не останется, как сделать еще одну последнюю попытку — опереться на старых обанкротившихся бюрократов и генералов, уже потерпевших кораблекрушение.

* — Вильгельмом II. *Ред.*
** — Александру III. *Ред.*

Это может продолжаться не дольше нескольких месяцев, после чего не останется другого выхода, как созвать либералов, то есть Национальное собрание, в той или иной форме, а это, насколько я знаю Россию, означает революцию на манер 1789 года. И при таких условиях чтобы я желал войны? Ни в коем случае, даже если из-за этого должны были бы погибнуть 200 благородных разбойничьих племен.

Но довольно об этом, перейдем к Бюркли. Его брошюру* я не прочел и куда-то засунул, но постараюсь разыскать ее у себя или у Маркса. Я не могу поэтому точно сказать, чего он хочет.

25 февраля

Я только что обыскал всю квартиру Маркса, но брошюры так и не нашел. Специальными вопросами этого рода, при нашем разделении труда, занимается Маркс, а из-за его болезни мы не могли обсудить эту историю.

Допустим, что Бюркли разрешает каждому цюрихскому земельному собственнику получить под свое имение подобную ипотеку и что квитанция на эту ипотеку обращается в качестве денег. Тогда, следовательно, масса обращающихся денег определяется общей стоимостью упомянутой земельной собственности, а не гораздо меньшей суммой, достаточной для обращения. Итак, уже теперь ясно, что:

1) либо ипотечные квитанции нельзя превратить в наличные деньги, и тогда они обесцениваются согласно сформулированному Марксом закону[259];

2) либо их можно превратить в наличные деньги, и тогда часть их, излишняя для обращения, возвращается в банк для такого обмена и перестает быть деньгами, причем банк должен, разумеется, вложить в это капитал.

Однако приносящий проценты и, следовательно, ежедневно меняющий свою стоимость суррогат денег уже по одному этому не годится быть средством обращения; нужно сперва прийти к соглашению не только относительно цены товара в переводе на настоящие деньги, но и относительно цены самих этих бумаг. Цюрихцы оказались бы более плохими коммерсантами, чем я их считаю, если бы они, имея возможность превратить ипотечные квитанции в наличные деньги, не поторопились бы сдать их в банк для такого обмена и не стали бы по-прежнему пользоваться одними только старыми удобными беспроцентными деньгами. Но тогда у кантонального банка его собственный капитал и все, что он может собрать в виде вкладов, было

* *К. Бюркли.* «Демократическая реформа банка». *Ред.*

бы вложено в ипотеки, и неизвестно, откуда он достал бы новый оборотный капитал.

Если же ипотечные квитанции нельзя превратить в наличные деньги, то они сразу перестают быть деньгами. Люди будут тогда доставать металлические или надежные бумажные деньги извне, — а мир ведь, к счастью, чуть побольше Цюрихского кантона, — и будут пользоваться ими, потому что решительно никто не станет принимать в качестве денег эти жалкие квитанции, которые, как Вы справедливо говорите, будут тогда всего лишь закладными листами местного значения. А если правительство непременно захочет навязать их публике в качестве денег, то ему не поздоровится.

Это между нами, прошу Вас не использовать вышесказанного от *моего* имени, потому что, повторяю, брошюрки я не читал и не имел также времени просмотреть классическую экономическую литературу по этому вопросу; а подобные вещи нельзя критиковать просто так, наобум, и быть уверенным, что не встретишь отпора. Но чепухой эта затея является во всяком случае.

Маркс в понедельник утром прибыл в Алжир[40], куда я и врачи все время уговаривали его ехать, но ему этого не особенно хотелось. У него есть там знакомый судья[*] из гражданского суда, который, будучи сосланным в свое время Бонапартом, очень хорошо изучил отношения общинной собственности у арабов и предложил дать Марксу разъяснения по этому вопросу.

Сердечный привет; также и Каутскому.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые полностью опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

60

ЭНГЕЛЬС — ПЕТРУ ЛАВРОВИЧУ ЛАВРОВУ В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 23 февраля 1882 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой друг!

«Financial Reform Almanach 1882» указывает следующие адреса:

Дилк, У. Аштон, 1, Hyde Park Gate, S. W., затем — сэр [Чарлз], 76, Sloane st., S. W.

[*] — Ферме. *Ред.*

Вернувшись от Вас, я нашел дома письмо от д-ра Донкина (того самого, который некоторое время тому назад лечил Гартмана, а также семью Маркса), где он пишет:

«Несколько дней тому назад я получил письмо от Гартмана (помеленное: 14, Huntley st., Bedford sq.), в котором он спрашивает, можно ли ему прийти повидать меня. Я немедленно ответил на его письмо, предложив ему на выбор два дня, но после этого не имел от него никаких известий.

В случае если мои письма затерялись, сообщите мне, пожалуйста, не знаете ли Вы, что с ним. Если Вы увидите его, будьте добры, передайте ему, что он может прийти ко мне в любой день (60, Upper Berkeley St., W.) между 11 и 12 часами утра».

Не будете ли Вы так добры сообщить Гартману вышеприведенное письмо? Поскольку письмо Донкина не дошло, я думаю, что на нем был указан неправильный *номер* дома, в котором и я также не уверен, потому что знаю его только от Донкина. Таким образом, не зная точного адреса, я лишен возможности непосредственно снестись с Гартманом и поэтому прибегаю к Вашему посредничеству, тем более что он живет, как Вы говорили, очень близко от Вас.

Я пишу Донкину, что надеюсь уже через несколько дней дать ему более точные сведения; если возможно, постарайтесь сообщить мне что-либо по этому делу в воскресенье вечером.

Ваш ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Летописи марксизма», кн. V, 1928 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского и английского

61

МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ В АРЖАНТЁЙ*

[Алжир], 23 февраля 1882 г.

Дорогое дитя!

Установилась хорошая погода; живу в очень комфортабельной вилле за фортификациями Алжира, на холмах.

* Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*

Единственное, что мне теперь нужно, — это спокойствие; надеюсь скоро поправиться.

Целую всех детишек; привет Лонге.

Глубоко любящий тебя

Олд Ник

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Мадам Шарль Лонге, 11, Boullevard Thiers, Argenteuil prēs Paris (France)

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

62
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ В ЦЮРИХ

Лондон, 10 марта 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Пользуюсь нарушенным послеобеденным отдыхом, чтобы написать Вам. Что касается девы Марии-Изиды, то это деталь, которой я не мог заняться уже за недостатком места[260]. Культ Марии, как и культ всех святых, относится к гораздо более позднему периоду, чем рассматриваемый мной (к тому времени, когда расчетливые попы вернули в лице святых политеистическому крестьянству его любимых богов-покровителей), и, наконец, это объяснение нужно было бы еще *доказать* исторически, для чего требуется специальное изучение вопроса. То же самое с нимбом и лунным сиянием. Впрочем, культ Изиды был в Риме во времена империи частью государственной религии.

Биметаллизм. Главное состоит в том, что нам следует — особенно после невероятного бахвальства многих «вождей» по поводу превосходства нашей партии над буржуазией в экономических вопросах, превосходства, в котором сами эти господа совершенно неповинны, — остерегаться так сильно компрометировать себя в экономической области, как это делают, нисколько не стесняясь, эти самые господа, когда они рассчитывают польстить тем самым определенной группе рабочих, добиться победы на выборах или другого какого-либо успеха. Итак, на том основании, что в Саксонии добывается серебро,

считают возможным пойти на надувательство с двойной валютой! Чтобы заполучить несколько лишних избирателей, нашей партии рекомендуют покрыть себя несмываемым позором в такой области, которая бесспорно *должна* быть твердыней партии!

Но таковы наши господа литераторы. Точно так же как буржуазные литераторы, они считают своей привилегией ничему не учиться и обо всем рассуждать. Они состряпали нам такую литературу, с которой едва ли что-нибудь может сравниться по экономическому невежеству, новоиспеченному утопизму и самомнению, и Бисмарк, запретив ее, оказал нам весьма большую услугу.

В вопросе о двойной валюте речь идет теперь не столько о двойной валюте вообще, сколько о специфической двойной валюте, при которой стоимость золота относится к стоимости серебра, как $15^1/_2$: 1. И это следует различать.

Двойная валюта становится с каждым днем все более невозможной вследствие того, что соотношение стоимости золота и серебра, прежде бывшее хоть приблизительно постоянным и изменявшееся лишь медленно, подвержено теперь сильным повседневным колебаниям, а именно, прежде всего в том направлении, что стоимость серебра падает вследствие колоссального роста его добычи, особенно в Северной Америке. Истощение золотых запасов — выдумка серебряных магнатов. Но какова бы ни была причина изменения стоимости серебра, факт остается фактом, и его мы должны иметь в виду прежде всего. Серебро с каждым днем все больше теряет способность служить мерой стоимости, золото же эту способность сохраняет.

Соотношение стоимости обоих металлов составляет теперь приблизительно $17^1/_2$:1. Но владельцы серебра хотят вновь навязать всему свету прежнее соотношение $15^1/_2$:1, а это так же невозможно, как невозможно надолго и повсеместно удержать цену машинной пряжи и ткани на уровне цены ручной пряжи и ткани. Чеканка монеты не определяет стоимости монеты, а гарантирует получателю только ее вес и содержание в ней серебра: она ни в коем случае не может перенести на $15^1/_2$ фунтов серебра стоимость $17^1/_2$ фунтов.

Все это изложено в *«Капитале»,* в главе о деньгах (III гл., стр. 72—120)[261], так ясно и с такой исчерпывающей полнотой, что больше тут ничего и не скажешь. В качестве материала по вопросу о колебаниях в последнее время сравни Зётбер «Драгоценные металлы. Добыча и соотношение стоимости» и т. д. (Гота, Пертес, 1879). Зётбер — первый авторитет в этой области и отец германской монетной реформы; он еще до 1840 г. проповедовал «марку» в $^1/_3$ талера.

Итак: если серебро будет чеканиться из расчета $15^1/_2$ фунтов серебра = 1 фунту золота, то оно потечет обратно в государственные кассы — всякий постарается избавиться от него. Это испытали Соединенные Штаты на своем серебряном долларе, который чеканится со старым содержанием серебра, а стоит только 90 центов, и то же самое испытал Бисмарк, когда он захотел насильно вновь ввести в обращение изъятые оттуда и замененные золотом серебряные талеры.

Управляющий банком г-н Дехенд воображает, что при помощи двойной валюты можно будет уплатить иностранные долги Германии плохим серебром вместо полноценного золота и таким образом избежать всякого кризиса золота; для государственного банка это было бы, конечно, чрезвычайно удобно, если бы только это удалось. Но единственным результатом всего этого будет то, что г-н Дехенд сам докажет свою абсолютную непригодность для роли управляющего банком и что ему место скорее на школьной скамье, чем в государственном банке*.

Прусский юнкер был бы, конечно, тоже счастлив, если бы он мог погасить свою задолженность по ипотекам или выплатить по ним проценты серебром по теперешнему курсу $17^1/_2$:1, тогда как сделка по этим ипотекам была совершена в серебре по курсу $15^1/_2$:1. А так как это происходило бы внутри страны, то такое надувательство кредиторов должниками бесспорно было бы осуществимо, если бы только дворянство нашло людей, которые одолжили бы ему серебро по курсу $17^1/_2$:1, — с тем чтобы оно могло расплачиваться по курсу $15^1/_2$:1; ведь собственных средств для платежей у дворянства не хватает. Однако ему пришлось бы брать серебро тоже по $15^1/_2$, и, таким образом, для него ничего бы не изменилось.

Что касается производства серебра в Германии, то выплавка из *германской* руды занимает с каждым годом все меньшее место сравнительно с выплавкой (рейнской) из *южноамериканской* руды. В 1876 г. все производство серебра в Германии составило около 280000 фунтов, в том числе из южноамериканской руды — 58000, а с тех пор доля последней значительно выросла. Совершенно ясно, что низведение серебра к роли разменной монеты должно еще больше понизить его стоимость; употребление серебра для других целей незначительно по сравнению с его употреблением в качестве денег, и оно не будет возрастать сколько-нибудь быстрее от того, что демонетизация выбрасывает на рынок больше серебра.

* Игра слов: «Schulbank» — «школьная скамья», «Reichsbank» — «государственный банк». *Ред.*

О том, чтобы Англия ввела у себя когда-нибудь двойную валюту, нечего и думать. Ни одна страна с золотой валютой не может *в настоящее время* надолго снова ввести двойную валюту. *Всеобщая* двойная валюта и без того уже вообще невозможна. Если бы даже все люди сошлись сейчас на том, чтобы серебро опять оценивалось по курсу $15^1/_2$:1, они все-таки не могли бы изменить того факта, что стоимость его составляет лишь $17^1/_2$:1, и против этого абсолютно ничего не поделаешь. С таким же успехом можно было бы постановить, чтобы дважды два равнялось пяти.

Бамбергер оказывал нам в первые годы нашего изгнания очень большие услуги; это был очень порядочный и услужливый человек, секретарь Карла Брауншвейгского. Впоследствии мы потеряли его из виду. Сердечный привет.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

63
МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ В АРЖАНТЁЙ

[Алжир], 16 марта 1882 г.
Гостиница «Виктория»
(Пиши сюда, как и прежде, через Ферме.)

Мое дорогое дитя!

Получив *твое письмо через Ферме,* я отправил посыльного в гостиницу «Ориент», чтобы справиться также и там; ему вручили для меня твое письмо от 24 февраля.

Теперь дам тебе краткий отчет о состоянии моего здоровья.

Ввиду того что мой кашель усилился, было обильное выделение мокроты, бессонница и т. д., я пригласил д-ра Стефана (он лечит также моих соседей по гостинице), и вот с *26 февраля,* когда он впервые меня осмотрел, я нахожусь под его наблюдением. Это очень решительный, строгий человек. Он нашел, что моя левая сторона, — ослабленная плевритом, — из-за стечения неблагоприятных обстоятельств со времени моего отъезда из Парижа и до сих пор функционирует неправильно. Основное средство против этого — мушки (жидкость оттягивается путем «татуировки» левой стороны спины и левой стороны груди

кантаридальным коллодием), которые действуют на меня хорошо, и другое, «успокаивающее», средство — от кашля; наконец, мышьяковистый натр (безвкусный, как вода) — после каждой еды. *Поскольку это допускает погода,* мне разрешено продолжать мои небольшие утренние прогулки.

К сожалению (при благоприятной погоде сильный кашель прошел бы сам собой), 6 марта началось кровохарканье, но после сильного выделения крови 8 и 9 марта оно продолжалось в более легкой форме до 12-го, а 13-го *кровохарканье прошло совершенно бесследно.* Таким образом, эта неприятная история тянулась неделю; д-р Стефан энергично принялся за лечение: запретил всякое движение (само собой разумеется, и прогулки), почти совершенно запретил также разговаривать, прописал горячие ножные ванны и т. д. и наряду с этим сильно действующие лекарства. В то же время меня продолжали лечить мушками, успокаивающими средствами от кашля и т. д.; и кашель, действительно, сильно уменьшился. Постепенно стала также меняться и погода, хотя она не совсем еще безупречна. У нас тут, на вилле, расположенной на холме (гостиница «Виктория») — прямо перед глазами морская бухта, а по бокам амфитеатром поднимающиеся виллы, — чудесный воздух, даже и без прогулок по маленькой галерее перед моей и другими соседними комнатами либо по веранде, которая служит входом в нижний этаж. Доктор[*] разрешит мне прогулки только после того, как еще раз освидетельствует мой corpus delicti[**]. Надо заметить, что за последнее время у меня не только вновь появился аппетит, но наконец ко мне *вернулся и сон.* (В сущности, с 16 февраля, с ночи, проведенной в парижской гостинице, бессонница непрерывно продолжалась вплоть до указанного момента.)

В общем результат таков: как я уже писал об этом в Лондон[***], из-за этой дурацкой, необдуманной поездки мое здоровье сейчас находится опять в таком же состоянии, в каком оно было тогда, когда я выехал с Maitland Park[****]. Я должен, однако, сказать, что многие из приехавших сюда претерпели и все еще претерпевают те же самые злоключения. За последние 10 лет в Алжире еще не было такого неудачного зимнего сезона. После опыта с островом Уайт[17] и другими местами сам я находился в нерешительности, но Энгельс и Донкин взаимно

[*] — Стефан. *Ред.*

[**] — буквально: состав преступления, вещественное доказательство; здесь в смысле: больную часть тела. *Ред.*

[***] См. настоящий том, стр. 33—36. *Ред.*

[****] — улица в Лондоне, на которой жил Маркс. *Ред.*

разожгли друг у друга африканские страсти, причем ни тот, ни другой не потрудился навести точных справок, забыв о том, что в этом году погода из ряда вон выходящая. Несколько раз я старался намеками дать понять, что лучше бы уж начать с Ментоны (или Ниццы), так как Лавров получил от своих русских друзей весьма благоприятные сведения, но мой старый добрый сангвиник Фред* — который, повторяю, говоря между нами, легко может, любя, убить человека, — ни о чем подобном и слышать не хотел.

Должен сказать, что обе дамы, хозяйки этой виллы-гостиницы, окружили меня исключительной заботой и вниманием. А что касается операций с мушками, то молодой фармацевт г-н Кастелаз (он находится здесь со своей матерью с самого декабря в качестве пациента) так любезен, что «татуирует» меня, потом вскрывает наполненные жидкостью волдыри, затем накладывает повязки на несколько раздраженную кожу и т. д. Все это он проделывает очень осторожно и оказывает свои добровольные услуги самым деликатным образом.

Для меня не было бы ничего более волшебного, чем город Алжир летом и весной, особенно же его окрестности, и я чувствовал бы себя, как в «Тысяче и одной ночи», если бы был здоров и если бы все, кто мне дорог (в особенности внуки**), были со мной. Я каждый раз был в восторге, когда получал от тебя известия о милых малышах. Тусси также писала мне, что детишки не выходят у нее из головы и что ей хотелось бы опять быть с ними. Но едва ли мне удастся уехать отсюда раньше чем через месяц, так как сперва мне придется основательно пройти курс лечения под руководством д-ра Стефана и только тогда, в сущности, начать настоящее лечение воздухом (конечно, если погода к тому времени установится).

«Justice» (полемику с «Citoyen») я не читал и вообще не видел ни одной из парижских газет, за исключением «Egalite». Я очень обрадовался, узнав из твоего письма, что Тусси тактично предотвратила катастрофу[262]. Когда Лиссагаре выпустит свою «Bataille», ты пришлешь мне, конечно, ее первые номера. Много толку я от этого не жду; но поживем — увидим.

Добряк Ферме в первые дни моего пребывания здесь (еще в гостинице «Ориент») замучил меня, то есть *заставил меня* бегать *по городу и с горы на гору,* и совершенно *заговорил* меня. Всему этому я сразу положил конец, дав ему понять, что я инвалид. Но он желал мне добра; теперь он знает, что

* — Фридрих Энгельс. *Ред.*
** — Жан, Анри, Эдгар и Марсель Лонге. *Ред.*

покой, одиночество и молчание являются моим гражданским долгом.

Поцелуй всех малышей. Привет Лонге. Целую тебя много раз, дорогое дитя.

Твой ***Олд Ник***

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

64

МАРКС — ПОЛЮ ЛАФАРГУ

В ПАРИЖ

[Алжир], понедельник, 20 марта [1882 г.]

Мой дорогой Поль!

Ваше милое письмо от 16 марта мне было вручено сегодня (20-го), так что оно, по-видимому, было в пути гораздо меньше времени, чем вообще письма из Лондона.

Прежде всего, мой бравый гасконец, «что обозначает Верхний Мустафа?» Мустафа — собственное имя, как Джон. Когда выходишь из Алжира по rue d'Isly, видишь перед собой длинную улицу. С одной стороны ее, у подножья холмов, поднимаются мавританские виллы, окруженные садами (одна из этих вилл и есть гостиница «Виктория»); с другой стороны — вдоль дороги — раскинулись дома, спускающиеся террасами. Все это вместе и называется Верхний Мустафа; Нижний Мустафа начинается у склона Верхнего Мустафы и тянется до самого моря. Оба Мустафы образуют одну коммуну (Мустафа), мэр которой (этот человек носит имя не арабское и не французское, а немецкое) делает время от времени разные сообщения своим обывателям путем официальных афиш, — режим, как видите, очень мягкий. По улице Верхнего Мустафы постоянно строят новые дома, сносят старые и пр., но хотя занятые этим делом рабочие — люди здоровые и местные жители, однако после первых же трех дней работы они схватывают лихорадку. Поэтому часть их заработной платы состоит из ежедневной дозы хинина, доставляемого предпринимателями. Тот же обычай можно наблюдать в разных местах Южной Америки.

Мой милый авгур. Вы так хорошо осведомлены, что пишете: «Вы должны пожирать все французские газеты, продающиеся в Алжире»; в действительности же я не читаю даже и тех

нескольких газет, которые получают из Парижа другие жильцы гостиницы «Виктория»; все мое политическое чтение ограничивается телеграфными сообщениями «Petit Colon» (маленькая алжирская газетка вроде парижского «Petit-Journal», «Petite Republique Francaise» и пр.). Вот и все.

Женни писала мне, что посылает статьи Лонге, о которых Вы также упоминаете, но я так и не получил их. Единственная газета, которую я получаю из Лондона, — это «Egalite», но ее нельзя назвать газетой.

Чудак Вы, Сен-Поль! Откуда Вы взяли или кто это Вам сказал, что я должен «смазывать кожу йодом»? Вы меня прервете и скажете, что это простая мелочь, но в этом обнаруживается Ваш метод «материального факта». Ex ungue leonem![*] В действительности вместо Ваших «смазываний кожи йодом» я должен давать разрисовывать себе спину кантаридальным коллодием, чтобы вытягивать жидкость. В первый раз, когда я увидел таким образом обработанный свой левый бок (грудь и спину), он мне напомнил в миниатюре огород, засеянный дынями. С 16 марта, когда я писал Энгельсу, ни на спине, ни на груди (эта последняя, в свою очередь, разрисовывается) нет ни одного сухого местечка, на котором можно было бы возобновить эту операцию; сию последнюю нельзя будет произвести раньше 22-го.

Вы говорите: «При сем прилагается пригласительное письмо, которое заставит Вас смеяться». Es regular[**]. Но как Вы хотите, чтобы я смеялся, когда это «при сем прилагаемое» письмо все еще находится в Ваших собственных руках? Когда будет возможность, я напомню г-ну Ферме об его бывшем товарище — прудонисте Лафарге. Сейчас же, пока доктор[***] мне не позволяет выходить, я пользуюсь этим временем, чтобы не разрешать никому ни частых визитов, ни продолжительных диалогов.

Дожди по-прежнему продолжаются. Столько климатических капризов; погода меняется с часу на час, проходя все фазисы или вдруг делая скачок от одной крайности к другой. При всем том замечается тенденция к постепенному улучшению, но приходится ждать. И сказать только, что с самого моего отъезда в Марсель и до сегодняшнего дня стояла беспрерывно прекраснейшая погода и в Ницце и в Ментоне! Но было навязчивой идеей — не я ответствен за нее — это африканское солнце и здешний чудодейственный воздух!

[*] — По когтям узнают льва! *Ред.*
[**] — Вероятно (исп.). *Ред.*
[***] — Стефан. *Ред.*

В прошлую субботу мы похоронили в Верхнем Мустафе одного из наших сожителей по «Виктории» по имени Арман Маньядер; это был еще совсем молодой человек, которого парижские доктора послали сюда. Он служил в одном парижском банке; патроны продолжали уплачивать ему жалованье в Алжире. Чтобы, однако, доставить удовольствие его матери, они распорядились по телеграфу, дабы труп его выкопали и отправили в Париж, — и все это за их счет. Такая щедрость редко встречается даже у людей, ворочающих «чужими деньгами».

Мой сон возвращается постепенно; кто не страдал бессонницей, не может чувствовать то блаженное состояние, когда наконец рассеивается ужас бессонных ночей!

Привет моему милому Какаду* и всем остальным.

Ваш ***К. Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по тексту, опубликованному в журнале

65

МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ
В АРЖАНТЁЙ

[Алжир], понедельник, 27 марта 1882 г.

Мое дорогое дитя!

Сегодня (27 марта) получил твое письмо. Ты знаешь, как я бываю счастлив каждый раз, когда получаю от тебя известия. Мои сообщения не скрывали от тебя самого худшего, поэтому ты можешь быть также совершенно уверена, что я *говорю только чистую правду,* сообщая, что с тех пор, как я писал тебе последнее письмо**, здоровье мое непрерывно улучшается. Прошла бессонница (а она была хуже всего), вернулся аппетит, нет больше сильных приступов кашля, последний, наоборот, значительно ослабел. Разумеется, *мушки* из-за их интенсивного действия можно применять только раз в неделю, так что процесс залечивания плевры на левом боку (сама легочная ткань вообще не была задета) требует некоторого времени. Ко-

* — шутливое прозвище Лауры Лафарг по имени модного портного, — персонажа старинного романа. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 241—244. *Ред.*

нечно, погода страшно непостоянная, с внезапными переменами, бурями, жарой, холодом, дождем, фактически лишь с редкими благоприятными интервалами; о постоянной, *соответствующей сезону* погоде, теплой и «сухой», приходится только мечтать. Вчера мы уже думали, например, что наступил решительный поворот, — был великолепный день, и я совершил прогулку, — но сегодня небо серое (с черным отливом), идет проливной дождь, воет ветер. Публика здесь вконец истомилась, потому что, само собой понятно, такая погода с самого декабря (включительно) совсем ненормальна для Алжира. Но в том-то и дело, что об этом нужно было разузнать заранее, а не пускаться в такое путешествие на авось.

Между нами говоря, хотя погода на острове Уайт[17] была неблагоприятна, тем не менее, однако, мое здоровье улучшилось настолько, что, когда я вернулся в Лондон, все поражались. К тому же в Вентноре у меня был *покой;* в Лондоне же, наоборот, беспокойство Энгельса (да и Лафарг, болтун, считал, что мне нужны только «прогулки», свежий воздух и т. д.) фактически вывело меня из душевного равновесия. Я чувствовал, что не могу больше этого выдержать; оттого я с таким нетерпением стремился во что бы то ни стало уехать из Лондона! Так самой искренней, подлинной любовью можно убить человека; что в подобных случаях может быть опаснее для выздоравливающего!

Как я уже говорил тебе[*], дорогое дитя, мне повезло, и я нахожусь здесь в обществе благожелательных, любезных и непритязательных людей (швейцарских французов и настоящих французов; ни немцев, ни англичан в моей вилле-гостинице нет). Г-н Морис Кастелаз вызвался помогать мне под руководством д-ра Стефана; даже Ним[**] не могла бы быть более заботливой и внимательной. Так что, дитя мое, не терзай себя из-за моего якобы беспомощного положения. За мной вполне достаточный и мужской и женский уход, а с другой стороны, я пользуюсь привилегией «пациента» — быть молчаливым, держаться в стороне и пр., когда мне хочется побыть в одиночестве или же не обращать внимания на других.

В сущности, я совсем не следил за французскими, английскими и другими ежедневными газетами; читал лишь телеграфные сообщения. Что мне хотелось получить, например, так это статьи Лонге о стачках (Лафарг мне очень расхваливал эти статьи в своем письме). Что касается глупости Массара, то

[*] См. настоящий том, стр. 243. *Ред.*
[**] — Елена Демут. *Ред.*

я об этом до сих пор ничего не знаю, кроме того, что ты мне писала.

Напиши, пожалуйста, Гиршу, чтобы он прислал мне свою статью, напечатанную в журнале г-жи Адан[263]. Как бы я хотел, чтобы в один прекрасный день ковер-самолет принес бы мне сюда Джонни. Как бы мой дорогой мальчик восхищался маврами, арабами, берберами, турками, неграми, — словом, всем этим Вавилоном, и костюмами (большей частью поэтическими) этого восточного мира, перемешанного с «цивилизованными» французами и т. д. и тупыми британцами. Поцелуй также моего милого Гарри, благородного Волка и великого Па*!

А теперь прощай, мое любимое дитя; передай также мой привет Лонге.

Твой ***Олд Ник***

Ни о какой работе пока и речи быть не может, даже о просмотре «Капитала» для нового издания**.

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

66

ЭНГЕЛЬС — ГЕНРИ МАЙЕРСУ ГАЙНДМАНУ В ЛОНДОНЕ

[Лондон, около 31 марта 1882 г.]

Милостивый государь!

Благодарю Вас за присланную мне брошюру[264]. Я очень рад, что знаменитый старый Том Спенс снова извлечен на свет.

Мне будет очень приятно познакомиться с Вами лично, коль скоро Вы уладите свои взаимоотношения с моим другом Марксом, которого Вы, как я вижу, считаете для себя возможным в данный момент цитировать.

С уважением

Ф. Э.

Впервые опубликовано на русском языке к Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

---

* — внуки Маркса, сыновья Женни Лонге: Анри, Эдгар и Марсель. *Ред.*

** Речь идет о третьем немецком издании первого тома «Капитала» К. Маркса. *Ред.*

67
МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ
В АРЖАНТЁЙ

[Алжир], 6, 7 апреля 1882 г.

Мое милое дитя!

Только что судья Ферме принес мне твое письмо от 31 марта; я всегда страшно рад твоим письмам, но когда только, мое дорогое дитя, ты находишь время писать их? Я часто с тревогой думаю о твоем маленьком хозяйстве, с которым ты должна справляться при помощи такой бестолковой чудачки, как Эмилия, между тем как твои четверо мальчуганов* сами по себе могут поглотить все рабочее время даже у гораздо лучшей служанки.

Ферме вручил мне также несколько дней тому назад обещанные номера «Justice» (в которых имеются также и творения Гирша, перепечатанные из «Revue»** г-жи Адан[263]). Статьи Лонге о стачках очень хороши. *Кстати,* в одном месте он говорит, что Лассаль придумал *только слова* (а не открыл самый закон, установленный Рикардо, Тюрго и др.)[265]. В действительности, однако, он — Лассаль — заимствовал хорошо известное «культурным» немцам *выражение Гёте,* который, в свою очередь, переделал «вечные незыблемые законы» *Софокла**** в «вечные железные законы»****.

Ферме пришлось сидеть молча напротив меня в моей «комнате» и читать, ожидая, пока я кончу письмо к Тусси (в тот же день я получил письмо от нее, а также и от Энгельса), чтобы отправить его с посыльным в город.

Сегодня жду д-ра Стефана. Если он придет, я смогу сообщить тебе о результатах его осмотра еще в этом письме, которое будет отправлено завтра утром. Между тем мое выздоровление идет удовлетворительно, хотя и медленно для человека, который жаждет вновь стать активным и покончить с этим *дурацким ремеслом инвалида.* Но вся эта затяжка происходит благодаря неистовой, совершенно необычной алжирской непогоде. Ферме не запомнит такой за все 12 лет его пребывания здесь. Погода по-прежнему неустойчивая, изменчивая, капризная — *настоящая апрельская погода,* с внезапными переходами от яркого солнца к дождю, от жары к жестокому холоду, от ясного неба к хмурому, почти черному, от сухой атмосферы к атмосфере,

---

* — сыновья Женни Лонге: Жан, Анри, Эдгар и Марсель. *Ред.*

** — «Nouvelle Revue». *Ред.*

*** *Софокл.* «Антигона», эписодий второй, сцена I (перефразировано). *Ред.*

**** *Гёте.* «Божественное». *Ред.*

перенасыщенной водяными парами, — словом, погода отнюдь не «надежная» или далеко не такая, какую здесь принято считать обычной, «нормальной» алжирской «весенней» погодой. Все же, когда не особенно ветрено и если нет дождя, апрельские утренние часы приятны, так что сегодня, вчера и третьего дня я мог наслаждаться утренними прогулками; таким образом, я три дня подряд с удовольствием гулял по утрам в продолжение одного-двух часов.

Только что меня прервал *шум,* раздавшийся в небольшом, поднимающемся террасами садике (сад весь красный от цветения), который обрамляет аллею, ведущую к нашей *веранде* (она примыкает к первому этажу нашей виллы), между тем как моя комната (и пять других) помещается во втором этаже, выходя на небольшую галерею над верандой; перед обеими из них — вид на море и со всех сторон чудесная панорама. Итак, шум привлек меня на галерею. Как весело, от всей души расхохотался бы маленький Джонни, если бы он стоял рядом со мной, увидев внизу в саду настоящего негра, черного, как смоль, который танцевал, наигрывая на маленькой скрипке, ударял длинными металлическими кастаньетами и выделывал своим телом пластические движения, весело и широко улыбаясь. Алжирские негры раньше были в большинстве своем рабами турок, арабов и пр., но получили свободу при господстве французов.

И вот *позади него,* негра, видна фигура другого человека, который с важным видом и снисходительно улыбаясь смотрит на это негритянское представление. Это *мавр (по-английски* — Moor, *по-немецки* — Mohr); *кстати сказать,* в Алжире *маврами* называют *арабов* — небольшую часть их, которая, покинув пустыню и свои общины, живет в городах вместе с европейцами. Они ростом выше среднего француза, у них продолговатые лица, орлиные носы, большие и сверкающие глаза, черные волосы и борода, а цвет их кожи бывает всех оттенков от почти белого до темно-бронзового. Их одежда — даже нищенская — красива и изящна: короткие штаны (или мантия, скорее — тога из тонкой белой шерстяной материи) или плащ с капюшоном; для прикрытия головы (в неблагоприятную погоду, при сильной жаре и т. п. для этого служит также и капюшон) употребляют тюрбан или кусок белого муслина, которым они подпоясывают свои штаны; обыкновенно они оставляют ноги босыми и не обуваются, а лишь изредка надевают туфли из желтого или красного сафьяна.

Даже самый бедный мавр превзойдет величайшего европейского актера в «искусстве драпироваться» в свой плащ и в уме-

нии выглядеть естественным, изящным и полным благородства, ходит ли он или стоит неподвижно *(когда они едут* на своих мулах или ослах, а изредка и на лошадях, они, как правило, сидят на них не *верхом,* как европейцы, а спустив обе ноги на одну сторону и являют собой воплощенную ленивую мечтательность).

Итак, вышеназванный мавр, стоявший позади негра в нашем саду, начал выкрикивать, что продает «апельсины» и «петухов» (а также кур), — странная смесь товаров для продажи. А между этим мавром, даже и теперь не потерявшим своей величественности, и танцующим, ухмыляющимся негром важно выступает птица — чрезвычайно спесивый *павлин* (принадлежащий одному из наших пансионеров) с великолепной синей шеей и красивейшим длинным хвостом. Как же мне хотелось услышать звонкий смех моего Джонни при виде этого трио!

Теперь четыре часа пополудни (часть послеобеденного времени я провел, конечно, в беседе с Ферме, который принес мне твое письмо, а позднее вернулся в Алжир). Льет дождь; внезапное понижение температуры чрезвычайно неприятно. Наилучшие пожелания д-ру Дурлену!

7 апреля 1882 г.

Лило всю ночь; утро сегодня облачное, но дождя нет; воздух приятный, хотя слишком насыщен водяными парами. Я гулял в продолжение часа (с 9 до 10 утра), боясь, что меня застигнет дождь, но дождя пока нет. Поскольку д-р Стефан не приходил ни вчера, ни третьего дня, я написал ему сегодня утром; как бы то ни было, чтобы отправить письмо еще сегодня, нельзя ждать результата врачебного осмотра. Доктор Стефан придет не раньше 5 часов вечера. Вот видишь, это хороший признак, что доктор стал относиться ко мне несколько небрежнее, — значит, он больше не беспокоится настолько, чтобы строго соблюдать интервалы между своими визитами.

Как я буду счастлив, когда смогу вернуться к своим внукам и к их чудесной мамаше! Я совершенно не намерен продлевать свое пребывание здесь дольше, чем доктор найдет это абсолютно необходимым. Множество поцелуев от твоего

Олд Ника

Прилагаемая вырезка — из одной немецко-американской газеты, которую мне прислал Энгельс. Это — забавная критика новейшей «немецкой лакейской поэзии». Надеюсь, Лонге постарается разобраться в этом.

Милое дитя, я уже запечатал это письмо, но пришлось его вскрыть. Д-р Стефан пришел несколько раньше, чем я его ожидал. Новый осмотр привел его к выводу — и я очень рад, что могу тебе это сообщить, — что за это время мой левый бок поправился почти так же хорошо, как и правый[266].

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

68

ЭНГЕЛЬС — ПЕТРУ ЛАВРОВИЧУ ЛАВРОВУ В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 10 апреля 1882 г.
122, Regent's Park Road

Дорогой Лавров!

С благодарностью возвращаю Вам корректурный оттиск[267]. Я сделал бы это раньше, если бы не надеялся увидеть Вас вчера вечером и сказать Вам: Христос, воскрес ли он?*

Не будете ли Вы так добры и не дадите ли мне на несколько дней немецкий текст предисловия? «Sozialdemokrat» просил нас послать ему это предисловие, а так как оно было напечатано в «Народной Воле» (мы гордимся тем, что состоим ее сотрудниками), то это не представит никаких неудобств.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс

Наша мысль, по-моему, передана очень хорошо.

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Летописи марксизма», кн. V, 1928 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

69

ЭНГЕЛЬС — БЕРТОЛЬДУ ШПАРРУ В ЛОНДОНЕ

[Черновик]

[Лондон], 12 апреля 1882 г.

Милостивый государь!

Я не знаю ни Вас, ни г-на К. Шнейдта, на которого Вы ссылаетесь. Если Вы имеете в виду анархиста г-на К. Шнейдта,

* Слова «Христос, воскрес ли он?» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*

то он ведь сможет ввести Вас в клуб на Rose st.[268] и добиться оказания Вам помощи. Принимая во внимание то, как сотрудники «Freiheit» обрушились на социал-демократическую партию Германии[269], я едва ли могу испытывать особенное желание поддерживать сторонников этого направления. Между тем я даже не знаю, к какому направлению Вы принадлежите; а как известно, на Tottenham st., 49 помещается Немецкий клуб[270], связанный с большой партией в Германии, и мне кажется невероятным, чтобы оба эти клуба дали умереть с голоду бежавшему с родины партийному товарищу.

При той значительной нужде, которую испытывают члены большой социал-демократической партии из-за полицейских преследований в Германии, я при моих средствах едва ли смогу поддерживать также и сторонников враждебных ей направлений. Но если Общество на Tottenham st. согласится Вам чем-нибудь помочь, я охотно внесу свою долю.

С совершенным почтением

[Ф. Энгельс]

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

70
ЭНГЕЛЬС — ФРИДРИХУ АДОЛЬФУ ЗОРГЕ В ХОБОКЕН*

[Лондон, 13 апреля 1882 г.]

Дорогой Зорге!

Сегодняшней почтой отправил тебе вышедшие номера «Egalite». Дальнейшие тоже буду посылать. Маркс в Алжире, у него был рецидив плеврита, от которого он теперь почти совсем оправился. Но предстоящей зимой ему надо будет очень остерегаться. Надеюсь скоро получить от тебя письмо. Что поделывает твой сын**?

Сердечный привет от твоего

Ф. Э.

* Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*

** — Адольф Зорге. *Ред.*

[Надпись Энгельса на оборотной стороне открытки]

Ф. А. Зорге, эсквайру, *Hoboken: N. Y.*, U. S. America

Впервые опубликовано с сокращением в книге: «Briefe und Auszuge aus Briefen von Joh. Phil. Becher, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere». Stuttgart, 1906 и полностью на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод в немецкого

71

МАРКС — ЛАУРЕ ЛАФАРГ В ЛОНДОН

[Алжир], четверг, 13—14 апреля 1882 г.

Мой любимый Какаду!

Я упрекаю себя за то, что все еще не написал тебе, но не потому, что должен сообщить тебе отсюда что-либо особенное. Как часто вспоминаю я тебя в Истборне[271], у постели моей больной Женни[*], во время твоих ежедневных посещений, столь заботливых, доставлявших такую радость брюзге Олд Нику. Но, да будет тебе известно, дорогое дитя: в течение всей прошлой и этой недели у Ферме пасхальные каникулы. Квартира его находится на улице Мишле (так называется часть дороги в Верхний Мустафу), у подножия холма, на котором высится гостиница «Виктория». До Ферме туда рукой подать, хотя он вынужден «карабкаться», ибо вверх проложенной тропы нет. В самом деле, он так усердно посещал меня в течение этого времени, что мои наилучшие намерения писать письма в послеобеденное время пошли насмарку. Вообще же г-н Ферме отнюдь не неприятный гость, не без юмора. После того как я дал ему прочесть номера «Citoyen» и «Egalite», он, придя ко мне, немало смеялся над гедовским «терроризмом будущего», который продлится, пока с помощью печатной краски не будет anticipando[**] гильотинирован последний угнетатель-буржуа. Ферме не любит Алжира; ему, как и его семье, не подходит климат (часто навещает лихорадка и т. д.), — хотя все члены этой семьи — «туземцы», начиная с г-жи супруги. Но самое главное также то, что жалованья судьи едва хватает для очень скром-

[*] — Женни Маркс. *Ред.*
[**] — заранее, предварительно. *Ред.*

ного образа жизни. В главном городе колонии жизнь всегда дорога. С одним он согласен — нигде, ни в одном другом городе, являющемся одновременно местопребыванием центральных властей, нет такой laisser faire, laisser passer*: сведенная до *самого необходимого минимума* полиция, неслыханная бесцеремонность в обществе, — все это объясняется влиянием мавританского элемента. В самом деле, мусульманское население не признает никакой субординации: они не считают себя ни «подданными», ни «управляемыми», никаких авторитетов, кроме как в политических вопросах, — именно этого не понимают европейцы. Полиция в Алжире немногочисленна да к тому же и состоит большей частью из туземцев. Между тем при существующем смешении представителей разных национальностей — к тому же бесцеремонных по своей натуре — часто неизбежны столкновения, причем *каталонцы* оправдывают свою старую репутацию: в их белых или красных поясах, которые они носят не как французы — под одеждой, а как мавры и т. п. — вокруг плаща, часто заткнуты, как «булавки», *длинные кинжалы,* которыми эти дети Каталонии без дальнейших околичностей и без разбора «орудуют» против итальянцев, французов и т. д. и местных уроженцев. Между прочим, несколько дней тому назад в провинции Оран захватили банду фальшивомонетчиков и среди них их главаря — бывшего испанского офицера; их европейская агентура находится, оказывается, в столице Каталонии — Барселоне! Часть из них не была арестована — улизнула в Испанию. Эту новость я, как и другие, ей подобные, узнал от Ферме. Последний получил два выгодных предложения со стороны французского правительства: *во-первых,* в Новую Каледонию — где ему одновременно поручается введение нового судопроизводства — с окладом в 10000 франков (и бесплатный проезд туда с семьей, а по прибытии — казенная бесплатная квартира) или же, *во-вторых,* в Тунис, где ему также был бы предоставлен более высокий, чем здесь, судебный пост и на более выгодных условиях. Ему предоставили время для решения; одно из этих двух предложений он примет.

От г-на Ферме — естественный переход к *погоде,* ибо он весьма щедр на проклятия в адрес последней. С пасхального понедельника (включительно) я не пропускал ни одной утренней прогулки, хотя только вчера (12-го) и сегодня не было апрельских капризов погоды. *Вчера* — хотя мы испытывали на себе легкий сирокко и, стало быть, несколько порывов ветра — погода преимущественно была хорошей; в 9 часов утра (12-го)

* — свободы действий. *Ред.*

температура в тени 19,5° и на солнце 35°. Несмотря на утреннюю прогулку (12 апреля), я посетил после обеда Алжир, чтобы посмотреть на прибывший в его гавань несколько дней назад русский броненосец «Петр Великий».

Официальное метеорологическое бюро предсказывает интенсивные атмосферические движения на 15—16 апреля (когда ожидается гроза) и на 19, 21, 25, 27, 29 и 30 апреля; тем не менее погода во второй половине апреля в общем будет хорошей; но при этом опасаются, что *вместе с маем* — в порядке компенсации за то, что отсутствовала *подлинно алжирская весна* (ибо она началась только вчера) — тотчас наступит невыносимая летняя жара. Как бы то ни было, я не склонен служить для опытной станции погоды в качестве corpus vile*. При совершенно ненормальном характере погоды за последние $4^1/_2$ месяца ни один черт не знает, что может уготовить нам Алжир. Большое число предусмотрительных людей (в том числе знаменитый «Ранк») покинули третьего дня африканский берег. Я остаюсь лишь до тех пор, пока д-р Стефан не заявит, что левая сторона починена, если не считать рубца, остающегося от перенесенного плеврита, о котором известно, конечно, doctissimis** д-ру Донкину и д-ру Юму. Неприятность доставляет здесь постоянное возобновление кашля, хотя и в умеренных границах, но при всем том часто надоедливого.

Перерыв — самый приятный: стук в дверь; войдите! Г-жа Розали (одна из обслуживающих духов) приносит мне письмо от тебя, дорогой Какаду, и от бравого гасконца*** — длинное письмо, на бумаге которого, как и на конверте, уже официальный штемпель «Национальный союз»[272]. На этот раз дело, кажется, удалось. Это не из тех предприятий, которым покровительствует г-н К. Гирш! С другой стороны, меня больше затрагивает, конечно, отъезд моего Какаду. Надеюсь, еще не столь близкий. Известной компенсацией для меня является также то, что тетушка Какаду будет столь крупным приобретением для Женнички и ее детей****; к тому же нет нужды весь год сидеть в Лондоне; Париж так близко. — Кстати. *Послал ли Лафарг* в Петербург *также* и продолжение статьи?[273] (Я не знаю, что стало с первым посланием.) Очень важно не потерять такой пункт, как Петербург; важность его будет ежедневно возрастать! Также — и для посылающего туда корреспонденции!

---

* — буквально: объекта, не представляющего ценности; здесь в смысле; подопытного объекта. *Ред.*

** — ученейшим. *Ред.*

*** — Поля Лафарга. *Ред.*

**** —Женни Лонге и внуков Маркса: Жана, Анри, Эдгара и Марселя. *Ред.*

Второй перерыв: время — час пополудни, и я обещал посетить вместе с г-жой Кастелаз, ее сыном* и еще одной жительницей нашей гостиницы, г-жой Клод (из Невшателя), *«Сад Гамма»* или *«Экспериментальный сад».* Возвращаться надо к обеду (в 6 часов вечера), позже которого я пока еще ни разу не отваживался писать. Итак, окончание утром. Позволю себе заметить только в качестве вклада в фонд полезных знаний Какаду, что в этой самой «Гамме» 23 октября 1541 г. произошла высадка 24000 солдат под командованием императора Карла V[274] (или Карла I, согласно испанской истории); неделю спустя он вынужден был погрузить блестящие остатки своей разбитой армии на корабли, уцелевшие от бури 26-го и собранные Дориа с большим трудом у Матифу. Этот пункт, то есть мыс Матифу, расположенный там, где кончается бухта Алжира — на противоположной Алжиру восточной стороне ее, — я могу видеть с помощью хорошей подзорной трубы с галереи гостиницы «Виктория».

Пятница, 14 апреля

Начинаю это письмо *в момент,* когда придется добавить к предыдущему всего несколько строк, то есть около *часа пополудни.* Вчера день закончился так же превосходно, как и 12-го. Оба *вечера,* 12 и 13-го (около 8 часов вечера), были теплыми — что довольно необычно здесь, — но в то же время и прохладными (относительно), поэтому действительно чудесными. Сегодня утром тепло несколько более «тяжеловатое», а в течение последних двух часов дует сильный ветер: возможно, будет гроза, предсказанная вчера с 14 на 15-е.

Вчера в час пополудни мы спустились к Нижнему Мустафе, откуда трамвай доставил нас до *«Сада Гаммы»* или *«Экспериментального сада»,* который используется для *публичных гуляний* (иногда с военной музыкой), в качестве *питомника* для выращивания и распространения местных растений, наконец, с целью *научно-ботанических экспериментов* и как *ботанический сад.* Все в целом занимает очень большую площадь, часть которой гористая, другая же представляет собой равнину. Для того чтобы осмотреть все подробно, понадобился бы по крайней мере целый день и, кроме того, нужно, чтобы вас сопровождал какой-нибудь *знаток,* вроде, например, друга г-на Ферме, старого фурьериста, г-на Дурандо, профессора ботаники, руководителя секции «Клуба французских альпинистов» во время

* — д-ром Кастелазом. *Ред.*

регулярных воскресных экскурсий, устраиваемых клубом. (Я очень сожалею, что состояние моего здоровья и строгое запрещение со стороны д-ра Стефана еще не позволили мне до сих пор принять участие в этих экскурсиях, хотя меня уже трижды приглашали на них.)

Итак, прежде чем войти в «Экспериментальный сад», мы выпили кофе — конечно, на свежем воздухе, — мавританский кофе. Мавр превосходно его приготовил, мы пили его, сидя на скамейке. Полдюжины мавританских посетителей..,* сидя на грубосколоченном помосте в склоненных позах, со скрещенными ногами, наслаждались своими маленькими «кофейниками» (каждый получает свой собственный кофейник), играя друг с другом в карты (одно из завоеваний «цивилизации» среди них). Весьма поразительное это было зрелище: некоторые из этих мавров были одеты претенциозно, даже богато, другие — в то, что я в виде исключения отваживаюсь назвать блузами, когда-то имевшими вид блуз из белой шерсти, но теперь превратившимися в тряпье и лохмотья; но в глазах истинного мусульманина подобные вещи, жизненная удача или неудача, не создают различия между детьми Мухаммеда. *У них абсолютное равенство в социальном общении* — совершенно естественное; напротив, только будучи деморализованными, они начинают осознавать, что оно существует; что касается ненависти к христианам и надежды на конечную победу над этими неверными, то их политики справедливо рассматривают это самое чувство абсолютного равенства и существование его на практике (не по богатству или положению, а в смысле личного равенства) как гарантию того, чтобы поддерживать эту ненависть и не отказываться от этой надежды. (Однако без революционного движения у них ни черта не выйдет.)

В отношении равнинной части *«Экспериментального сада»* я замечу только, что она разрезана *тремя большими продольными аллеями* удивительной красоты; напротив главного входа расположена *аллея платанов,* затем *«аллея пальм»,* заканчивающаяся оазисом из 72 огромных пальм, доходящим до железной дороги и моря; наконец, аллея магнолий и одного из сортов фигового дерева (ficus roxburghi). Эти три больших аллеи в свою очередь перерезаны многими другими, пересекающими их, такими, как длинная изумительная *«бамбуковая аллея»,* аллея «волокнистых пальм», «драцен», «эвкалиптов» (синее камедистое дерево из Тасмании) и т. д. (последние исключительно быстро растут).

---

* В рукописи слово неясно. *Ред.*

Конечно, такого рода аллеи невозможны в европейских ботанических садах.

На одной большой круглой площадке, окруженной платанами, после обеда исполнялась военная музыка; унтер-офицер, дирижер оркестра, был в обычном французском мундире; напротив, музыканты (обычные солдаты) — в красных широких шароварах (восточного покроя), в белой суконной обуви, застегивающейся вплоть до шаровар, на голове красная феска.

Из деревьев сада я не упоминаю апельсиновые деревья, лимоны, а также миндалевые деревья, оливковые деревья и т. д. (хотя частично именно они доставляли большое удовольствие моему носу); тем более не упоминаю о кактусах и алоэ, которые (равно как и дикие оливы и миндаль) растут дико и в зарослях около нашей резиденции.

Хотя я и восхищен этим садом, я должен заметить, что отвратительная сторона этой экскурсии, как и подобных ей, это неизбежная *известковая пыль;* несмотря на то, что в послеобеденное время, после возвращения домой, и ночью я чувствовал себя хорошо, однако в известной мере мне досаждал кашель, вызванный раздражением от пыли.

Д-ра Стефана я жду еще сегодня, но не могу задерживать отправку этих строк; итак, о его визите будет позднее доложено Фреду[*].

В заключение, как обычно говаривал швабский Майер: поставим себя малость на более высокую историческую точку зрения[**]. Современные нам арабы-кочевники (которые, надо сказать, во многих отношениях очень опустились, но сохранили и многие отличные качества благодаря своей борьбе за существование) помнят, что прежде они производили на свет великих философов, ученых и т. д. и что европейцы поэтому издеваются над ними, ставя им в вину их теперешнее невежество. Отсюда следующая характерная короткая мудрая арабская басня. Некий перевозчик держал наготове в бурной реке маленький челн. Желая перебраться на противоположный берег, в него садится философ. Происходит следующий диалог:

Философ: Перевозчик, ты знаешь *историю?*

Перевозчик: Нет!

Философ: В таком случае ты потерял половину своей жизни!

И вновь спрашивает философ: Изучал ли ты математику?

Перевозчик: Нет!

[*] — Фридриху Энгельсу. *Ред.*

[**] В оригинале часть фразы после двоеточия дана на диалекте: «setze wir uns a bissel auf a hehere historische Standpunkt». *Ред.*

Философ: В таком случае ты потерял больше, чем половину своей жизни.

Едва философ успел произнести это, как ветер опрокинул челн, и оба, и философ и перевозчик, оказались в воде; и тут кричит

Перевозчик: Ты умеешь плавать?

Философ: Нет!

Перевозчик: Тогда твоя жизнь потеряна *вся целиком!*

Эта басня вызовет у тебя некоторые симпатии к арабам.

Множество поцелуев и приветов.

(Наилучшие пожелания всем.) ***Олд Ник***

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого, английского и французского

72

ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ В ЦЮРИХ

Лондон, 17 апреля 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Как только я узнал от Лаврова, что предисловие* появилось в «Народной Воле», я попросил** дать мне копию с оригинала, но оригинал находился в Париже, в письменном столе Лаврова. Тем не менее он намеревался туда написать. Затем я тщетно искал черновик у Маркса. В конце концов я затребовал у Лаврова оттиск русского перевода, чтобы на худой конец самому перевести его обратно на немецкий язык: я опасался, как оно и случилось, что это сделает первый встречный русский[267]. Только сейчас Лавров прислал мне прилагаемую копию оригинала. Впрочем, виноват в случившемся я сам. Я собирался послать Вам открытку, но у меня гостят Шорлеммер и Адольф Бёйст, и поскольку мы много времени проводили в обществе г-жи Лафарг (ее муж*** в Париже) и Тусси Маркс, я и позабыл про открытку. Но чтобы убедить Вас, что у меня

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»». *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 252. *Ред.*

*** — Поль Лафарг. *Ред.*

не было недостатка в добрых намерениях, посылаю Вам рукопись задним числом.

Поздравляю Вас с Вашим выступлением против этого жалкого труса Гейзера[275].

Частным образом сообщаю: Маркс с 21 февраля в Алжире, он простудился в дороге и приехал туда с рецидивом плеврита, застал прескверную погоду, но сейчас уже почти совсем поправился. Сколько он там еще пробудет, пока неизвестно. С погодой ему решительно не повезло.

Сердечный привет от Вашего

Ф. Энгельса

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

73
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ
В ЦЮРИХ

Лондон, 21 апреля 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Посылаю Вам вырезку из «Kolnische Zeitung» о «бароне Гирше»[276]. Знаменательно, что *буржуазные* газеты считают нужным заклеймить такого шарлатана. Всю статью стоило бы перепечатать, если бы нашлось место, — получился бы блестящий фельетон, особенно потому, что он из «Kolnische Zeitung». Если Вы не перепечатаете ее полностью, то прошу по использовании мне ее вернуть. Рукопись «предисловия»* прошу тоже при случае возвратить.

Необходимое пояснение: Махмуд-*Недим*-паша, так же как и Махмуд-Дамат-паша (шурин султана**), — главный платный агент русских в Константинополе. После того как русский Поляков, тоже добивавшийся турецких железнодорожных концессий, не смог их получить (ибо русские не могли *одновременно* подготовлять войну против Турции и умасливать турок), русские были, конечно, больше всего заинтересованы в том, чтобы создать для австрийца Гирша, их единственного конкурента,

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»» (см. настоящий том, стр. 260—261). *Ред.*

** — Абдула-Хамида II. *Ред.*

протежируемого к тому же Австрией, такие условия, чтобы Гирш и вместе с ним Австрия сделались ненавистными Турции, а турки все-таки остались бы без единой железнодорожной сети. Всякое относительное финансовое ослабление Турции было, впрочем, выгодным для России. И вот Недим делает свое дело, Гирш платит ему за то, что Недим продает Турцию *ему,* а Россия в свою очередь платит Недиму за то, что он вообще продает Турцию. Русская дипломатия ведет дела на широкую ногу, без мелочной завистливости мелкого лавочника к своим конкурентам, а поэтому, если нет другого выхода, может предоставить мнимое или временное преимущество такому противнику, как Австрия, с тем, чтобы использовать это преимущество для себя же.

Сердечный привет Вам и Каутскому.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

74
МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ В АРЖАНТЁЙ

[Алжир], 28 апреля 1882 г.

Дорогое дитя!

Только две строчки: думаю, что только пребывание на берегу моря может помочь бедному Гарри. Тебе следует, *если возможно,* не теряя времени, увезти его самого и его братишек[*] в Нормандию. Ты рассуждаешь совсем по-детски, думая, что я могу вернуться в Англию, не повидавшись предварительно с тобой и моими внуками, где бы нам ни пришлось встретиться — в Нормандии, Париже или еще где-нибудь.

Что до моего здоровья, то оно продолжает улучшаться, иначе д-р Стефан не позволил бы мне покинуть «Африку». Думаю, что двух недель или около того будет вполне достаточно для «переходного» этапа на Ривьере.

Шлю тебе, дорогое дитя, наилучшие пожелания.

Олд Ник

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

[*] — Жана, Эдгара и Марселя. *Ред.*

75
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ В ЦЮРИХ

Лондон, 3 мая 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Не можете ли Вы прислать мне дополнительно несколько оттисков или экземпляров соответствующего номера газеты со статьей о первоначальном христианстве*? Это было бы очень желательно для меня и полезно в целях пропаганды; я послал бы их людям, которые обычно не видят «Sozialdemokrat». Достаточно 3—4 экземпляров.

Прилагаю заметку**, которая интересна как доказательство той колоссальной быстроты, с какой в Америке происходит концентрация капиталов. United States Bonds — это облигации государственных займов Соединенных Штатов. N. Y. C. и H. B. Stock — акции Нью-Йоркского Центрального и Гудзонского железнодорожного акционерного общества; real estate — земельная собственность.

Доллар стоит немного больше 4 марок, для ровного счета — 4 марки, или 5 франков.

Мне очень приятно наблюдать, как люди повсюду становятся на сторону газеты «Sozialdemokrat» против хныканья жалких трусов.

Письмо Дарвина — в высшей степени любезное — было, разумеется, адресовано Марксу[277]. Но будьте осторожны со статьей Лафарга в «Citoyen» от 28 апреля о «Дарвиновском отборе и господствующих классах»: он там в конце открыл некоего нового Amphioxus***, от которого можно помереть со смеху. Лафарг в Париже, я ему только что написал и жестоко высмеял его Amphioxus Lafargii.

Сердечный привет.

Ваш ***Ф. Э.***

Пусть здешнее Общество[152] не вводит Вас в заблуждение насчет Демократической федерации[193]. Она не имеет пока никакого значения. Во главе ее стоит некий честолюбивый кандидат в парламент по имени Гайндман, бывший консерватор; большой митинг он в состоянии созвать только при помощи ирландцев и со специфически ирландскими целями, причем сам

* *Ф. Энгельс.* «Бруно Бауэр и первоначальное христианство». *Ред.*
** *Ф. Энгельс.* «О концентрации капитала в Соединенных Штатах». *Ред.*
*** — ланцетника. *Ред.*

он вынужден играть на митинге третьестепенную роль, в противном случае ирландцы просто наплевали бы на него.

Гладстон жестоко оскандалился; вся его ирландская политика провалилась, он вынужден оставить без поддержки Форстера и лорда-наместника Ирландии Купера-Темпла (которому Пальмерстон приходится отчимом) и произнести «pater, peccavi»[*]: ирландские члены парламента[**] выпущены на свободу, исключительный закон не продлен, арендные недоимки крестьян решено частью аннулировать, частью принять на государственный счет на приемлемых условиях погашения[278]. С другой стороны, тори теперь уже настолько прозрели, что намерены спасать то, что еще можно спасти: пока еще дело не дошло до *захвата* земли крестьянами, пусть уж лучше крестьяне выплачивают арендные деньги по прусскому образцу с помощью государства, чтобы земельным собственникам хоть *что-нибудь* досталось! Поистине ирландцы заставляют медлительного Джона Буля пошевеливаться. Все это — результат стрельбы![279]

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод о немецкого

76
МАРКС — ЛАУРЕ ЛАФАРГ
В ЛОНДОН

Монте-Карло, 6 мая 1882 г.
Гостиница «Россия»

Мой дорогой Какаду!

Прошло всего лишь несколько часов, как я прибыл сюда, в Монте-Карло[45]. Сомневаюсь даже, найду ли я достаточно времени, чтобы сочинить уже обещанное письмо Энгельсу (во всяком случае он получит его только днем позже).

В настоящий момент мне необходимо побегать туда-сюда по разным мелким делам. Прилагаю одно фото для тебя, другое для Фреда[***]; никакое искусство не в состоянии изобразить человека, который выглядел бы хуже.

Олд Ник

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

[*] — «грешен, отец мой». *Ред.*
[**] — Парнелл, Девитт, Диллон, О'Келли. *Ред.*
[***] — Фридриха Энгельса. *Ред.*

77
МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ
В АРЖАНТЁЙ

Монте-Карло, 8 мая 1882 г.
Гостиница «Россия»

Милая Женничка!

Монте-Карло, откуда направляются тебе эти строки, — один из трех населенных пунктов (расположенных рядом), триединство которых составляет государство «Монако» (Монако, Кондамин и Монте-Карло). Местоположение удивительно красивое, и климат лучше, чем в Ницце и даже в Ментоне.

Конечно, я был комически последовательным — привез с собой сюда *первые два дождливых дня* (с января), словно дождь только и дожидался, пока я приеду из Алжира. Однако если не считать этого, я застал превосходную погоду.

Как ты уже знаешь из моего последнего письма*, со своим плевритом я разделался; катар бронхов может пройти только постепенно. Впрочем, воздух скоро *всюду* станет сухим и теплым (людям, наоборот, приходится опасаться недостатка воды); действие солнца будет особенно сильно, потому что оно сплошь покрыто большими пятнами. Словом, скоро повсюду установится полезная для меня погода.

Так как не ясно, сколько времени я здесь останусь, то хотелось бы, чтобы мне сразу же дали знать из Парижа, *где* я вас смогу найти. Лучше всего было бы *телеграфировать* мне сюда, ибо телеграммой в 3—4 слова можно сообщить мне все необходимое.

Много раз целую детей.

Твой ***Старый Мавр***

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

78
ЭНГЕЛЬС — АВГУСТУ БЕБЕЛЮ[280]
В ЛЕЙПЦИГ

Лондон, 16 мая 1882 г.

Дорогой Бебель!

Я уже давно собираюсь написать тебе. Тем более, что не знаю точно, ответил ли тебе Маркс на твое последнее письмо. Он

* См. настоящий том, стр. 262. *Ред.*

неоднократно обещал мне это, но ты ведь знаешь, как все складывается, когда человек болен. Итак, сегодня я тебе наконец пишу.

Маркс отправился сперва на остров Уайт[17], но там стояла холодная, сырая погода. Потом через Париж — в Алжир. В дороге он снова простудился, а в Алжире его опять встретили холод, сырость и позднее резкие смены температуры. Простуда снова перешла в плеврит (воспаление грудореберной плевы), не такой острый, как случившийся здесь первый, но очень затяжной. Теперь Маркса основательно вылечили, и от наступившей в конце концов африканской жары он бежал в Монте-Карло, игорное заведение монакского князя*. Как только по-настоящему наступит лето, он с г-жой Лонге и ее детьми отправится оттуда на берег моря в Нормандию и вернется вряд ли раньше начала июля. Теперь речь идет только еще о том, чтобы окончательно отделаться от застарелого кашля, и это, вероятно, ему удастся. В Алжире он сфотографировался и снова выглядит довольно хорошо.

Большое несчастье, что на выборах, которые вообще прошли так блестяще, именно ты потерпел поражение[217]. Среди большого количества новых и отчасти ненадежных элементов, которые вошли в число избранных, ты был бы вдвойне необходим. Вначале было, по-видимому, сделано несколько досадных промахов, но сейчас дело пошло как будто несколько лучше. Вдвойне порадовало меня поэтому (да и Маркса не меньше) мужественное поведение «Sozialdemokrat», который не постеснялся решительно выступить против малодушного хныканья Брёйеля и К°, хотя на их стороне такие депутаты, как Блос и Гейзер[281]. Закинули удочку и к нам; Фирек прислал мне полное жалоб письмо по поводу газеты, в ответ на которое я очень дружелюбно, но и очень решительно сообщил ему свою точку зрения; с тех пор я ничего о нем не слышал. Был здесь проездом и Гепнер — «сердцем болен, тощ сумою»** — и проливал горючие слезы; он написал крайне унылую брошюрку***, из которой я убедился, до какой степени он духовно пал. Больше всего оба плакались по поводу того, что «Sozialdemokrat» не считается с существующими в Германии законами и что германские суды, ссылаясь на содержание распространяемой газеты, сажают в тюрьму ее распространителей за оскорбление величества, государствен-

* — Карла III. *Ред.*

** *Гёте.* «Кладоискатель», стихотворение из цикла «Лирика» (перефразировано). *Ред.*

*** См. настоящий том, стр. 217. *Ред.*

ную измену и т. д. Но ведь и сама газета и отчеты о процессах против наших товарищей не оставляют сомнения в том, что эти мерзавцы-судьи всегда находят предлог для обвинительного приговора, как бы газета ни писала. Издавать газету так, чтобы судьям не за что было уцепиться, это — искусство, которое еще не изобретено. Вдобавок эти господа забывают, что с помощью такой никчемной газеты, какой они добиваются, они заставят наших сторонников толпами переходить в лагерь Моста. Впрочем, я посоветую все же Бернштейну*, которому мы по возможности оказывали до сих пор моральную поддержку, немного смягчить иронией и насмешкой свой тон добродетельного негодования, ибо этот тон становится скучным, если не достигает крайней степени напряжения, а тогда он становится смешным.

Третьего дня у меня был Зингер; от него я узнал, что конспиративный адрес еще годится, в чем я не был вполне уверен, так как мы им давно не пользовались. У Зингера сомнения иного рода. Он принадлежит к числу тех, которые считают огосударствление чего-нибудь полумерой или, во всяком случае, подготовительным социалистическим мероприятием и поэтому втайне мечтают о покровительственных пошлинах, табачной монополии, об огосударствлении железных дорог и т. д. Все это — вздор, наследие односторонне преувеличенной борьбы против манчестерства[195]; этот вздор имеет больше всего последователей именно среди перешедших к нам буржуазных и академических элементов, потому что он дает им преимущество в спорах с их буржуазной и «образованной»** средой. Зингер рассказывал, что у вас в Берлине недавно дебатировался этот вопрос и что Зингер, к счастью, оказался в меньшинстве. Мы не имеем права ни политически, ни экономически компрометировать себя ради таких мелочных соображений. Я пытался объяснить ему: 1) что, по нашему мнению, в Германии покровительственные пошлины совершенно не к месту (в Америке — наоборот), так как наша промышленность развилась и стала способной экспортировать при свободе торговли, а для этой способности экспортировать ей совершенно необходима конкуренция заграничных полуфабрикатов на внутреннем рынке; что железоделательная промышленность, производящая в четыре раза больше, чем нужно внутри страны, использует покровительственные пошлины лишь против *внутреннего рынка* и, наоборот, *за границей,* как показывает опыт, прибегает к бросовым ценам; 2) что табачная монополия представляет собой такое

* См. настоящий том, стр. 283—284. *Ред.*

** В оригинале диалект: «jebildeten». *Ред.*

ничтожное огосударствление, которое в дискуссии мы не можем использовать даже в качестве примера, и что, вообще говоря, мне наплевать, добьется ли ее Бисмарк или нет, так как и в том и в другом случае это в конечном результате пойдет нам только на пользу; 3) что огосударствление железных дорог выгодно лишь для акционеров, продающих свои акции выше стоимости, для нас же нисколько, ибо с несколькими крупными компаниями мы справимся так же быстро, как и с государством, если оно будет уже в наших руках; что акционерные общества уже доказали, до какой степени лишним является буржуа как таковой, потому что все управление ведется наемными служащими, и огосударствление не прибавит к этому никаких новых доказательств. Но Зингер слишком крепко вбил себе в голову это огосударствление и согласился со мной только в том, что с политической точки зрения ваша отрицательная позиция — единственно правильная.

Закрывается почта. Сердечный привет тебе и Либкнехту.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые полностью опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

79

МАРКС — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС В ЛОНДОН*

Монте-Карло (Монако), 21 мая 1882 г.
Гостиница «Россия»

Дорогое дитя!

Я твой давнишний должник и, в сущности, собирался написать тебе сегодня (в воскресенье) длинное письмо, но человек предполагает, а термометр располагает. Сегодня *в виде исключения* стоит прекрасная погода, поэтому хочется провести день на свежем воздухе, вместо того чтобы «засесть за письмо». А вечером я писать не стану: я обещал это моим медицинским советникам.

Расставаясь с дружищем Ферме, я сказал ему: как только я высажусь на южном берегу Франции, погода сразу же изменится. И действительно — такой уж я «роковой» человек

* Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*

и горжусь этим своим качеством — пророчество отчасти исполнилось. *С начала января* на Ривьере была на редкость хорошая летняя погода, лишь некоторые ворчуны жаловались на почти полное отсутствие дождя. С момента моего прибытия в Марсель 4 мая начались дожди, которые льют иногда по целым дням, чаще полдня и почти всегда по ночам; общее понижение температуры; по временам холодные ветры; в общем непостоянная, переменчивая погода; воздух — даже если и не часто — чрезмерно насыщен водяными парами. При всем том здесь *сравнительно хорошая, теплая погода,* хотя и не такая сухая и постоянная, как это требуется как раз сейчас для моих легких. Но ни в Италии, ни в других местах нет в настоящий момент лучшей погоды: Канны, Монте-Карло и Ментона — три самые здоровые местности, с наиболее *ровной* и *в среднем* более теплой температурой, чем в Ницце, Риме и Неаполе.

Твой ***Олд Ник***

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Мисс Маркс, 41, Maitland Park Road, Maitland *Park,* London (N. W.) *(Angleterre)*

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Воинствующий материалист», кн. IV, 1925 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского и французского

80
МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ В АРЖАНТЁЙ*

Монте-Карло, 26 мая 1882 г.
Гостиница «Россия»

Дорогое дитя!

Я всегда счастлив, когда получаю письмо от тебя, хотя и сожалею, что твой Олд Ник лишает тебя части твоего ночного отдыха.

Мое здоровье улучшается вместе с погодой. Возможно, я перееду в начале июня в Канны и пробуду там с неделю. Все зависит от врачебного совета и от того, каково будет в июне начало лета.

---

* Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*

Газета Л. (имею в виду того, что *с острова Кубы)*[*] совершила несколько крупных промахов, больше по неведению и из ребяческого стремления «пойти как можно дальше».

Что касается «Bataille», то до сих пор я не видел в ней ничего блестящего. Правда, я ознакомился только с первыми четырьмя номерами, но я еще найду время просмотреть ее!

Сердцем я с тобой и с детишками; я тоскую по ним. Однако после целого ряда пренеприятных «медицинских» экспериментов торопиться я не стану. Во всяком случае, надеюсь скоро быть с ними.

Твой ***Олд Ник***

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Мадам Шарль Лонге, 11, Boulevard Thiers, Argenteuil, pres Paris

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

81
МАРКС — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС
В ЛОНДОН

Монте-Карло, 28 мая 1882 г.
Гостиница «Россия»

Дорогая Туссинька!

Письмо Бебеля я не обнаружил ни в письме Энгельса, ни в твоем письме, которое получил вчера вечером. Должно быть, оно по недосмотру осталось в Лондоне. Во всяком случае, я умываю руки в отношении этого письма.

Сегодня 24 градуса в тени, да и вообще с того числа, как я отправил тебе открытку[**], наступила летняя жара (хотя небо все еще не такое абсолютно безоблачное, как того требуют знатоки здешних мест). При таких обстоятельствах «благое намерение» прислать предусмотренный подробный отчет снова остается неосуществленным; но это небольшая потеря.

Что касается морского путешествия из Алжира, то замечу только, что погода ему не благоприятствовала; особенно в ночь

[*] — Поля Лафарга; речь идет о газете «Egallte». *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 268—269. *Ред.*

с 4 на 5 мая был сильный шторм; в моей каюте (которую я к тому же вынужден был разделить с лионским обывателем, купцом) вовсю гулял ветер. Лил сильный холодный дождь, когда мы рано утром (5 мая) прибыли в Марсель. Пароход не смог причалить, и пассажиров с багажом пришлось перевозить на лодках, после чего, к нашему вящему удовольствию, мы были вынуждены — прежде чем получили разрешение на проезд в Ниццу — пробыть несколько часов на холоде и сквозняке в чистилище-таможне. Сии простудные «моменты» снова в известной мере нарушили работу моего механизма и снова бросили меня в Монте-Карло в объятия эскулапа; ведь что касается чисто «бронхиального» лечения, то мне не нужен эскулап, достаточно выполнять предписания д-ра Стефана. Полагаю, что д-р Кунеман через несколько дней отпустит меня (может быть, в следующий вторник, 30 мая). Итак, я во всяком случае не выберусь до начала июня из этого разбойничьего гнезда. Пробуду ли я здесь еще дольше или нет, должен решить д-р Кунеман. Восприимчивость лиц, страдающих заболеваниями дыхательных путей, в обычно благоприятном климате возрастает (следовательно, они тем больше подвержены и рецидивам). Например, на севере моментальное возникновение плеврита, бронхита и т. п. от какого-нибудь неожиданного сквозняка может кому-нибудь только во сне присниться, между тем как в Алжире французские обыватели постоянно должны быть начеку. Некая мадам Флёри, находящаяся теперь здесь, в гостинице «Россия», была послана из Парижа в Канны из-за бронхита; в течение марта и апреля она там полностью поправилась, лазила с удовольствием по горам и т. д. Чтобы закрепить результаты лечения и рассеяться, она выехала из Канн в Монте-Карло, во время этого очень короткого двухчасового переезда простудилась на железнодорожном вокзале в Антибе и теперь чувствует себя хуже, чем раньше в Париже. Посетители, которые приезжают сюда не ради развлечений или игры в рулетку, говорят, что из десяти наверняка девять стали жертвами рецидивов.

Гёте, восхваляя человека, который «сбрасывает» старую змеиную кожу*, наверное, не причисляет к процессу омоложения сбрасывание искусственно созданных «фальшивых кож».

В другой раз, когда не так будет «печь», как сегодня, я все же обязательно расскажу кое-что об этом княжестве Герольштейнском (здесь не обходится ни без музыки Оффенбаха, ни без мадемуазель Шнейдер[282], ни без нарядных вылощенных карабинеров — их не наберется и сотни). Природа здесь

* *Гёте.* «Кроткие ксении», раздел 5, стих 86 (перефразировано). *Ред.*

великолепна, к тому же она еще усовершенствована искусством — я говорю о садах, как по волшебству возникших на бесплодных скалах, которые спускаются порой по крутым склонам до изумительно синего моря Подобно террасам висячих садов Вавилона. Но экономический базис Монако-Герольштейна — игорный дом. Стоит завтра прикрыть его — и весь Монако-Герольштейн провалится в тартарары! Я не люблю посещать игорный зал; представь себе, что за табльдотом, в кафе и т. п. говорят и шепчутся почти исключительно о рулетке и «trente et quarante»*. То, например, некая молодая русская дама (жена какого-нибудь русского дипломата, одна из жительниц гостиницы «Россия») выигрывает 100 франков и тут же проигрывает 6000 франков; то у кого-нибудь уже не осталось денег на обратный путь; другие проигрывают огромные состояния целых семей; лишь очень немногие уходят отсюда с небольшой добычей; я хочу сказать, немногие из игроков, и из них почти исключительно богачи. О сообразительности, расчете и т. п. в данном случае не может быть и речи; лишь с самой отдаленной вероятностью можно рассчитывать на удачный «случай», да и то, если у тебя есть порядочный куш, которым ты можешь рискнуть. Но я понимаю, что это и привлекает прекрасный пол: светские дамы, так же как и дамы полусвета, школьницы и бюргерши — все бегут сюда, чему здесь свидетели все окружающие. Думаю, что наряду с Монако-Герольштейном, которое пошло бы ко дну вместе с игорным домом, Ницце также без этого игорного дома в Монте-Карло не удержаться в качестве фешенебельного центра, где собирается в зимние месяцы как высшее общество, так и общество авантюристов. И при всем этом, какая детская игрушка подобный игорный дом по сравнению с биржей!

(Следовало бы сменить эту ручку и чернила: поистине целое искусство писать ими! — этот возглас невольно вырывается у меня.)

Направо от казино (в нем-то и происходит игра), совсем рядом, расположено «Парижское кафе», а рядом с ним киоск; на нем ежедневно красуется плакат — не напечатанный, а написанный, с инициалами автора: за 600 франков у него можно узнать написанные черным по белому все тайны науки о том, как, имея 1000 франков, выиграть миллион в рулетку или «trente et quarante». И в эту ловушку для дураков также попадает немало народу! В действительности большое число игроков обоего пола верит в науку этой чисто азартной игры;

* — «тридцать и сорок» (название азартной игры). *Ред.*

господа и дамы сидят перед «Парижским кафе» или на скамейках в прекрасном саду, принадлежащем казино, держат в руках таблички (напечатанные) и, склонив голову, что-то царапают и высчитывают, или один другому глубокомысленно рассказывает, «какую систему» он предпочитает — следует ли играть «сериями» и т. д. и т. п. Можно подумать, что ты попал в сумасшедший дом. А тем временем монакский Гримальди* и его Герольштейнское княжество, так же как и арендатор игорного дома, процветают и, в конце концов, в оффенбаховском смысле представляют «больший интерес», чем те, кого они надувают.

Если я переменю местожительство, то *сообщу об этом по телеграфу.* Во всяком случае обратный путь — прежде всего я поеду в Париж — будет мною проделан «осторожно» и с остановками.

Наилучшие пожелания всем.

Олд Ник

Впервые опубликовано на языке оригинала в сборнике «Annali», an. I, Milano, 1958

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

82
МАРКС — ЖЕННИ ЛОНГЕ В АРЖАНТЁЙ**

Канны, 4 июня 1882 г.

Дорогое дитя!

Я приеду *в один из первых дней недели, начинающейся 6 июня.* Не могу указать точно; это будет зависеть от обстоятельств, которые нельзя предвидеть заранее. Поэтому ты меня очень *обяжешь,* если не станешь беспокоиться относительно точного дня и часа моего приезда. До сих пор я всегда замечал, что *ничто меня так не выводит из равновесия, как встречающие меня на вокзале люди.* Не говори также никому (в том числе гасконцу***, русскому**** и Гиршу), что ты меня ждешь на той неделе. Мне хочется полного покоя *среди твоей семьи в доме № 11 на Boulevard Thiers.*

Твой ***Олд Ник***

* — Карл III. *Ред.*
** Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*
*** — Полю Лафаргу. *Ред.*
**** — Лаврову. *Ред.*

Под «покоем» я разумею «семейную жизнь», «детскую возню», весь этот «микроскопический мирок», гораздо более интересный, чем мир «макроскопический».

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Мадам Шарль Лонге, 11, Boulevard Thiers, Argenteuil, près Paris

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Начало» № 5, 1899 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

83

МАРКС — ЛАУРЕ ЛАФАРГ В ЛОНДОН*

Аржантёй, 17 июня 1882 г.
11, Boulevard Thiers

Лично и конфиденциально.

Дорогое дитя!

В свое время я условился с Энгельсом — и я уже сообщил об этом устно Полю**, — что, как только я смогу поехать в Швейцарию (вероятно, во второй половине июля), *ты будешь меня сопровождать*. Я и на самом деле вряд ли еще раз рискнул бы один отправиться в такое путешествие. Как видишь, это, стало быть, более или менее твой долг — быть компаньоном старого горного духа.

С другой стороны, поскольку я должен по меньшей мере еще недели три оставаться здесь из-за курса лечения серными источниками в Энгиене, то я надеюсь, что за это время Елена*** и Тусси ненадолго заедут сюда. Я уже написал в этом смысле Елене и Тусси.

Женничка пригласила на завтра Лафарга.

До свидания.

Олд Ник

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Мадам Поль Лафарг, 37, Tremlett Grove, Junction Road, London, N., Angleterre

Впервые опубликовано на языке оригинала в сборнике «Annali», an. I, Milano, 1958

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*
** — Лафаргу. *Ред.*
*** — Демут. *Ред.*

84

ЭНГЕЛЬС — ФРИДРИХУ АДОЛЬФУ ЗОРГЕ В ХОБОКЕН

Лондон, 20 июня 1882 г.

Дорогой Зорге!

Твои деловые поручения выполню в ближайшие дни. Плату за «Egalite» я перешлю Лафаргу, который находится в Париже, и потребую от него расписку, хотя бы и неофициальную. Что касается «Labour Standard», то ты ничего не потеряешь, если я подпишусь на нее только с 1 июля; газета становится все более жалкой.

Маркс пробыл около двух месяцев в Алжире, где у него, как я, кажется, тебе уже писал[*], опять обнаружился плеврит. Вылечившись, он поехал в Монте-Карло в Монако, и снова получил плеврит, но в более легкой форме. Оттуда он недели три тому назад уехал в Париж и теперь находится у своей дочери, г-жи Лонге, в Аржантёе под Парижем. Из Аржантёя он ежедневно ездит в Энгиен для лечения своего хронического катара бронхов и кашля местными серными источниками. Общее состояние его здоровья очень хорошее; что касается его дальнейшего маршрута, то это целиком зависит от врачей.

Присланный нам английский перевод «Манифеста»[**] совершенно неприемлем без коренной переработки. Но ты понимаешь, что при данных условиях о ней и думать не приходится.

О Льве[***] вот уже несколько месяцев ни слуху ни духу. Он большой чудак, и его нужно предоставить самому себе. У меня нет даже его адреса. Кстати, с некоторых пор я получаю сообщения для Льва от д-ра Лилиенталя из Нью-Йорка, которые я могу передавать ему только через Париж. Кто этот Лилиенталь?

По прибытии лассальянцев в Америку претензии их на ведущую роль были неизбежны. Люди, мнящие себя единственными апостолами истинного евангелия, не могли выступить с меньшими притязаниями перед американцами, коснеющими

[*] См. настоящий том, стр. 253. *Ред.*
[**] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*
[***] — Гартмане. *Ред.*

еще в духовном мраке. К тому же, после того как в Германии почва все более и более стала уходить у них из-под ног, им необходимо было обрести новую в Америке. Зато мы счастливо избавились от них в Германии; в Америке, где все развивается в десять раз быстрее, они скоро сойдут со сцены.

Надеюсь, твои глаза поправятся, если ты будешь их беречь. Мне тоже однажды пришлось с этим возиться, и я знаю, что это за противная история.

Дела в Германии идут в общем превосходно. Правда, господа партийные литераторы пытались вызвать в партии реакционно-буржуазно покорный интеллигентский поворот, но с треском провалились: издевательства, которым всюду подвергаются рабочие-социалисты, сделали их повсеместно намного более революционными, чем они были еще три года тому назад. Подробности об этом ты, вероятно, читал в «Sozialdemokrat». Из вождей Бебель и на этот раз держал себя лучше всех. Либкнехт слегка колебнулся не только потому, что сам принимал с распростертыми объятиями и без особого разбора всякого «образованного», слегка нахватавшегося социал-демократических идей, но и потому, что его зять, жирный увалень Бруно Гейзер, один из самых отчаянных нытиков[283]. Этим господам хотелось бы во что бы то ни стало выклянчить с помощью кротости и смирения, подлизывания и покорности отмену закона против социалистов[106], ибо он лишает их литературного заработка. Как только закон этот будет отменен (сами буржуа не рассчитывают на его продление теперешним или каким-нибудь другим рейхстагом, поскольку закон этот оказался совершенно безрезультатным), произойдет, по всей вероятности, открытый раскол, и Фиреки, Хёхберги, Гейзеры, Блосы и К° образуют обособленное правое крыло, с которым можно будет время от времени вступать в переговоры, пока они, наконец, совершенно не потеряют значения. Это мнение уже было нами высказано* сейчас же после введения закона против социалистов, когда Хёхберг и Шрамм напечатали в «Jahrbuch»** в высшей степени гнусную при тех обстоятельствах оценку прошлой деятельности партии и требовали со стороны партии более благопристойного, воспитанного и элегантного образа действий[284].

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Циркулярное письмо А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др.». *Ред.*
** — «Jahrbuch fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». *Ред.*

Кланяйся Адольфу[*], от него нет известий.

Сердечный привет.

Твой ***Ф. Энгельс***

Скажи Адольфу, что у Пумпс родилась девочка[**].

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Briefe und Auszuge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere». Stuttgart, 1906 и полностью на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

85

ЭНГЕЛЬС — АВГУСТУ БЕБЕЛЮ В ЛЕЙПЦИГ

Лондон, 21 июня 1882 г.

Дорогой Бебель!

На твое письмо мне придется отвечать по памяти, так как я отдал его Тусси для пересылки Марксу[***] и с тех пор его не видал.

Маркс уже около трех недель находится в Аржантёе, под Парижем, у своей дочери[****]; он, говорят, прекрасно выглядит, стал смуглым, как настоящий «мавр» (ты знаешь, что это его прозвище), прекрасно настроен, и докучает ему еще только бронхиальный кашель. Чтобы покончить с ним, ему пришлось, наконец, в угоду Фогту, стать членом серной банды[285]. А именно: он принимает курс лечения серными источниками в расположенном по соседству Энгиене. Вопрос о дальнейших его скитаниях решат врачи.

Относительно того, что рано или поздно дело дойдет до столкновения с буржуазно настроенными элементами партии и до раскола между правым и левым крылом, у меня уже давно не было больше никаких иллюзий, и еще в рукописном послании[*****] по поводу статьи в «Jahrbuch» я прямо заявил,

---

[*] — Зорге. *Ред.*
[**] — Лилиан. *Ред.*
[***] См. настоящий том, стр. 270. *Ред.*
[****] — Женни Лонге. *Ред.*
[*****] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*.. «Циркулярное письмо А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др.». *Ред.*

что считаю это желательным[284]. Нас может только очень радовать, что и ты пришел к такому же заключению. В своем последнем письме* я почти не коснулся этого пункта, потому что, на мой взгляд, с данным расколом спешить нечего. Если бы эти господа добровольно решились образовать обособленное правое крыло, то вскоре все было бы в порядке. Но они вряд ли на это пойдут; они знают, что будут представлять собой армию, состоящую из одних только офицеров без солдат, — вроде «колонны Роберта Блюма», которая во время кампании 1849 г. присоединилась к нам[286] и выразила непременное желание «воевать под предводительством храброго Виллиха». Когда же мы спросили, из скольких бойцов состоит эта героическая колонна, то получили ответ — можешь себе представить, как мы хохотали: один полковник, одиннадцать офицеров, один горнист и двое рядовых. При этом полковник из кожи лез, чтобы походить на непоколебимого Шиндерганнеса, и у него был конь, на котором он и ездить-то не умел. — Все эти господа хотят быть вождями, но даже *выдавать* себя за вождей они могут, лишь оставаясь в нашей партии, и поэтому *они* поостерегутся вызвать разрыв. С другой стороны, они знают, что и *мы,* пока остается в силе закон против социалистов[106], тоже имеем основания избегать расколов внутри партии, причину которых мы не можем сделать предметом открытой дискуссии. Поэтому нам придется выносить их письменные и устные жалобы и стоны до тех пор, пока мы снова не получим возможность в самой стране и перед лицом рабочих размежеваться с ними по спорным вопросам, как принципиальным, так и тактическим, — если только они не зайдут слишком далеко и не принудят нас к расколу раньше. А пока что — закон против социалистов так или иначе близится к своей праведной кончине, и как только он будет устранен, надо будет, по-моему, напрямик заявить о положении дел; тогда поведение этих господ само по себе покажет, как нам дальше поступить.

Как только они образуют отдельное правое крыло, можно будет от случая к. случаю, поскольку это будет приемлемо, сговариваться с ними о том или ином совместном действии, даже блокироваться с ними и т. д. Хотя это вряд ли понадобится: самый разрыв обнаружит их полное бессилие. У них нет ни связи с массами, ни талантов, ни знаний, у них одни только претензии, но зато неимоверные. Впрочем, там видно будет. Во всяком случае путем разрыва мы добьемся ясности и освободимся от совершенно чуждых нам элементов.

---

* См. настоящий том, стр. 265—268. *Ред.*

Нам нечего бояться, что у нас не будет тогда представительных кандидатов в рейхстаг. Это — чистейший предрассудок. Если какой-нибудь рабочий скажет в рейхстаге «мне» вместо «меня», то достаточно будет спросить, давно ли научились различать «мне» и «меня» Гогенцоллерны, не говоря уже о фельдмаршалах? Фридрих-Вильгельм III и обожаемая Луиза делали больше ошибок в употреблении «мне» и «меня», чем даже А. Капель. И если Бисмарк не стесняется назначать рабочих — которые, хотя и говорят с грамматическими ошибками, зато грамотно голосуют, — членами своего народнохозяйственного совета, то можем ли *мы* в таких делах стесняться? Я знаю, конечно, что кое-кому это кажется ужасным. Нам — нисколько. К тому же это положило бы конец совершенно нелепой практике наших депутатов — выступать всем по очереди, что якобы «демократично», а на самом деле нет. Откуда партия возьмет столько хороших парламентских ораторов и что будет, когда в рейхстаге окажется 200 наших?

Но на одно ты можешь вполне рассчитывать: если дело дойдет до столкновения с этими господами и левое крыло партии открыто выступит против них, то мы при всех обстоятельствах пойдем с вами, при этом действуя активно и с поднятым забралом. Если я лишь теперь выступил под своим именем как сотрудник «Sozialdemokrat»[287], то это ведь объясняется только тем влиянием, которое упомянутые господа так долго оказывали на газету, и отсутствием в течение долгого времени гарантий того, что они не приобретут это влияние вновь.

В Париже, как ты знаешь, в рядах Рабочей партии царит полный разлад. На последнем съезде Центра Франции группа «Proletaire» (Малон, Брусс и т. д.) без всяких околичностей добилась исключения группы «Egalite» (это — лучшие из наших; Гед, Девиль, Лафарг и т. д.). «Sozialdemokrat» совершенно правильно осудил подобный образ действий, а «Egalite» перевела это место[288]. В ответ «Proletaire» заявил: их направление разъяснило-де свою позицию руководству германской партии и после этого между ними установилось, мол, полное согласие. Известно ли тебе что-нибудь об этом? Господа из «Proletaire» — совершенно бесстыдные лгуны, но, с другой стороны, я помню очень много примеров того, как лейпцигский «Volksstaat» и «Vorwarts» совершали величайшие глупости в отношении французов и французских дел. Не можешь ли ты сообщить мне что-нибудь по поводу того, что произошло в действительности? Я постараюсь прислать тебе вырезку из «Proletaire». Малон, Брусс и К° находят роль рабочих кандидатов слишком скучной; они связались поэтому с несколькими радикальными буржуа

и литераторами и приглашают остальных из той же породы примкнуть к этому союзу: они думают, что этак их скорее выберут. Их приемы борьбы против «Egalite» — точь-в-точь старые гнусные приемы бакунистов.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

86
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ[289]
В ЦЮРИХ

[Лондон, около 11 июля 1882 г.]

... В ирландском движении существуют два течения. Первое, самое раннее — *аграрное течение.* Из встретившего у крестьян поддержку разбоя, который был организован как предводителями кланов, экспроприированными англичанами, так и крупными католическими земельными собственниками (в XVII столетии эти разбойники назывались *тори,* от них-то прямо и заимствуют свое название современные тори), это течение постепенно развилось в организованное по местностям и провинциям естественно возникшее сопротивление крестьян захватчикам земель — английским лендлордам. Названия — Ribbonmen (члены союза ленты), Whiteboys (Белые ребята), Captain Rock*, Captain Moonlight (Капитан лунный свет)[290] и т. д. — менялись, но форма сопротивления — расстрелы не только ненавистных лендлордов и их агентов (сборщиков на службе у лендлордов)**, но также и крестьян, занимающих ферму, с которой насильственно согнан другой, бойкотирование, угрожающие письма, ночные нападения с угрозами и т. д. — все это так же старо, как современное английское землевладение в Ирландии, то есть существует, самое позднее, с конца XVII века. Эту форму сопротивления нельзя подавить, силой с ней ничего не поделаешь, и исчезнет она только вместе с ее причинами. Но по природе своей она отличается *местным, разрозненным* характером; она никогда не сможет стать общей формой *политической* борьбы.

Вскоре после установления унии (1800 г.)[147] началась *либерально-национальная* оппозиция *городской буржуазии,* кото-

* — Капитан скала. *Ред.*

** Приведенные в скобках в этом абзаце переводы и разъяснения даны, по-видимому, редакцией «Sozialdemokrat». *Ред.*

рая, как и во всякой крестьянской стране с захудалыми городишками (например, в Дании), нашла своих прирожденных вождей в лице *адвокатов.* Эти вожди в свою очередь нуждаются в крестьянах; поэтому им пришлось отыскивать такие лозунги, которые имели успех у крестьян. Так, *О'Коннел* нашел такой лозунг сперва в *эмансипации католиков*[291], а потом в *отмене унии.* В последнее время это направление, вынужденное к тому подлым поведением землевладельцев, избрало другой путь. В то время как в *социальной* области *Земельная лига*[171] преследует более революционные (и достижимые в Ирландии) цели — полное устранение захвативших земли лендлордов, — *политически* она выступает довольно мирно и требует только home rule, то есть местного ирландского парламента, который существовал бы рядом с общебританским парламентом и был подчинен ему. И это тоже вполне достижимо конституционным путем. Напуганные собственники земли уже кричат о необходимости (даже тори стоят за это предложение) возможно скорейшей ликвидации задолженности с крестьянской земли, чтобы спасти то, что еще можно спасти. С другой стороны, *Гладстон* заявляет, что расширение самоуправления Ирландии вполне допустимо.

Наряду с обоими этими течениями выдвинулся после американской гражданской войны *фенианизм*[292]. Сотни тысяч ирландских солдат и офицеров, принявших участие в этой войне, делали это с задней мыслью подготовить армию для освобождения Ирландии. Раздоры между Америкой и Англией после войны стали для фениев главным движущим рычагом. Если бы дело дошло до войны, Ирландия стала бы через несколько месяцев частью Соединенных Штатов или, по крайней мере, республикой под их протекторатом. Та сумма, которую по Алабамскому делу в связи с приговором Женевского третейского суда[293] Англия с такой готовностью взяла на себя и выплатила, была *ценой,* с помощью которой она *откупилась от американской интервенции в Ирландию.*

С этого момента главная опасность была устранена. Для расправы с фениями достаточно было полиции. Помогло еще и неизбежное в каждом заговоре предательство; и все же изменяли только *вожди,* ставшие затем прямыми шпионами и лжесвидетелями. Бежавшие в Америку вожди занимались там эмигрантской революцией и большей частью опускались, подобно О'Доновану-Росса. Тому, кто здесь наблюдал европейскую эмиграцию 1849—1852 гг., все это покажется знакомым — только, разумеется, в свойственном американцам утрированном виде.

Теперь, без сомнения, много фениев вернулось обратно и восстановило старую вооруженную организацию. Они образуют важный элемент в движении и вынуждают либералов к более решительным выступлениям. Но помимо этого они ничего не могут добиться, разве только наводят страх на Джона Буля. На периферии своей империи последний, правда, становится заметно слабее, но здесь, так близко от собственного дома, он все еще в состоянии легко подавить всякое ирландское восстание. Во-первых, в Ирландии расположены 14000 человек «constabulary» — жандармерии, вооруженной винтовками и штыками и обученной военному делу. Затем около 30000 линейных войск, которые легко могут быть усилены еще таким же числом линейных войск и английской милиции. К тому же еще флот. А в подавлении восстаний Джон Буль отличается жестокостью, не имеющей себе равной. *Без войны или опасности войны извне ирландское восстание не имеет ни малейших шансов на успех,* и опасность в этом отношении могут представить *только две* державы: *Франция,* и — в еще большей мере — *Соединенные Штаты.* Но о Франции не может быть и речи. В Америке же партии кокетничают, чтобы привлечь ирландские голоса, многое обещают, но ничего не выполняют. Они и не думают впутываться в войну ради Ирландии. Они даже заинтересованы в том, чтобы в Ирландии господствовали условия, вызывающие усиленную ирландскую эмиграцию в Америку. И понятно, что страна, которая через 20 лет станет самой населенной, самой богатой и самой могущественной страной в мире, не имеет особого желания пускаться в авантюры, которые могут и должны помешать ее гигантскому внутреннему развитию. Через 20 лет она заговорит совсем другим языком.

Но если бы возникла опасность войны с Америкой, Англия охотно дала бы ирландцам все, что они требуют, но только не полную независимость, которая в силу географического положения совсем не желательна.

Поэтому ирландцам остается только конституционный путь постепенного завоевания одной позиции за другой, причем, однако, исполненный таинственности фон вооруженного заговора фениев может оставаться весьма действенным элементом. Но сами эти фении все более втягиваются в своеобразный бакунизм; убийство Бёрка и Кавендиша[47] могло иметь только одну цель: сорвать компромисс между Земельной лигой и Гладстоном. А такой компромисс был для Ирландии лучшим исходом при данных обстоятельствах. За недоимки по аренде лендлорды изгоняют арендаторов с участков десятками тысяч, причем действуют под защитой военной силы. Остановить это система-

тическое обезлюдение Ирландии (изгнанные либо умирают голодной смертью, либо вынуждены переселяться в Америку) является первым требованием момента. Гладстон готов внести билль, согласно которому недоимки будут уплачиваться на манер того, как в 1848 г. производился в Австрии выкуп феодальных повинностей: треть уплачивает крестьянин, треть — государство, треть лендлорд теряет. Таково предложение самой Земельной лиги. Таким образом, «геройский подвиг» в Феникс-парке выглядит если не просто глупостью, то все же чисто бакунистской, хвастливой, бесцельной «пропагандой действием». Если она не имела таких же последствий, как аналогичные глупости Хёделя и Нобилинга[22], то только потому что Ирландия находится все-таки не совсем в Пруссии. Предоставим поэтому бакунистам и мостовцам ставить подобные ребяческие выходки на одну доску с убийством Александра II и грозить «ирландской революцией», которая все не приходит.

И вот что еще следует запомнить, когда речь идет об Ирландии: никогда не хвалить безоговорочно ни одного ирландца, политического деятеля, и не солидаризироваться с ним, пока он не умер. Кельтская кровь и привычная эксплуатация крестьян (а в Ирландии все «образованные» сословия, в особенности же адвокаты, только этим ведь и живут) делают ирландских политических деятелей весьма податливыми на коррупцию. О'Коннел позволял себе брать с крестьян за свою агитацию целых 30000 ф. ст. ежегодно. В связи с унией, за которую Англия раздала взяток на 1000000 ф. ст., кому-то из подкупленных бросили упрек: «Вы продали свое отечество». Он ответил: «Конечно, и я был чертовски рад, что у меня оказалось отечество для продажи»*.

Подлости, применяемые германскими правительствами, полицией и судьями по отношению к нашим людям, приобретают постепенно такой характер, что самые крепкие выражения при их оценке кажутся еще слишком бледными. Но поскольку одни лишь крепкие выражения не всегда придают достаточную силу языку и при постоянном повторении одних и тех же выражений, вроде негодяи и т. п., их эффект слабеет, так что приходится пускать в ход все более «крепкие» выражения, рискуя при этом впасть в стиль Моста — Шнейдта[294], — то желательно было бы прибегнуть к другому средству, которое обеспечило бы силу и выразительность и без крепких слов. И такое средство существует: оно заключается в преимущественном использовании иронии, насмешки, сарказма, которые уязвляют противника

* На этом кончается текст, опубликованный в «Sozialdemokrat». *Ред.*

больнее, чем самые грубые слова возмущения. Мне кажется, хорошо было бы в «Sozialdemokrat» применять давно испытанный *иронический* тон всюду, где только возможно, как это уже и делается в последних номерах. Тем эффектнее будут наносимые время от времени оглушительные удары. Бебель тоже в этом отношении вполне согласен со мной. К тому же Ваши корреспонденты теперь уже и сами в достаточной степени заботятся об острой характеристике происходящего.

По поводу напечатанного в «Egalite» перевода того места из «Sozialdemokrat», где говорится об исключении ее сторонников съездом Центра, «Proletaire» помещает лицемерную статью об обмене любезными письмами между *Комитетом внешних сношений* германской социалистической рабочей партии и французским Национальным комитетом[295]. Не можете ли Вы сообщить мне что-нибудь по этому поводу? О существовании такого Комитета внешних сношений я ничего не знал; уж не знаменитое ли это *бюро связи?*

«Bataille» находится при последнем издыхании — это поражение, и заслуженное. Лиссагаре оказался никуда не годным журналистом; он и его коллеги Малон и Брусс апеллируют к шовинистическому германофобству парижан в борьбе против Геда и др.: марксисты, nebulosites allemandes[*] и т. д. Все это, однако, не помешало Лиссагаре предложить владельцу[**] «Citoyen» свое участие в редакции газеты! Редакция, разумеется, немедленно же это отклонила (это *между нами).*

Маркс в Аржантёе у своей дочери[***], скрывается от парижан и лечится от хронического бронхита и кашля энгиенскими серными источниками; вообще же он поправился и чувствует себя хорошо, но ему приходится еще очень беречь себя.

Передал ли Вам Адольф Бёйст *«Тайную историю берлинского двора» Мирабо,* которую я дал ему для Вас? Эту книгу «Sozialdemokrat» мог бы очень хорошо использовать.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано с сокращением в газете «Der Sozialdemokrat» № 29, 13 июля 1882 г. и полностью на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по тексту, опубликованному в газете, и по части сохранившейся рукописи

Перевод с немецкого

[*] — немецкие туманности. *Ред.*
[**] — Бломмештейну. *Ред.*
[***] — Женни Лонге. *Ред.*

87
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ
В ЦЮРИХ

Лондон, 15 июля 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Сразу же отвечаю на Ваше последнее письмо, иначе из-за воскресенья письмо пойдет только через три дня.

О мерингиаде[59] мне сообщил здесь один знакомый; я тотчас узнал автора и суфлера. С тех пор как планы Гирша насчет «Sozialdemokrat» потерпели тогда в присутствии Вас и Бебеля такое полное крушение, он проникся смехотворной яростью против «цюрихцев». Мы достаточно часто недвусмысленно давали ему понять, что не будем его в этом поддерживать, что он действует всецело на собственный риск и страх, — но это имеет только тот результат, что он не беспокоит *нас* своими жалобами. Впрочем, он давно уже снова в Париже (где его терпят) и в прошлое воскресенье, 8 июля, женился на некой фрейлейн Лине Хашерт.

Что касается самого этого дела по существу, то у нас нет никаких оснований вмешиваться. Меринг распускал про нас столько вранья, что мы косвенно признали бы правдой все остальное, если бы стали опровергать что-либо одно. Мы годами оставляли без внимания всякую лживую болтовню, если только крайняя необходимость не вынуждала нас к ответу. Так как наши люди располагают «Volks-Zeitung», было бы достаточно простого сообщения о том, что такого-то июня в «Sozialdemokrat» была напечатана моя статья за моей подписью[296]. Это лучший ответ. Да Вы и сами можете, как и предполагали, сослаться на это в «Sozialdemokrat» и прибавить, что Маркс и я всегда предварительно согласовываем друг с другом наши публичные выступления. Я очень рад, что статья в «Sozialdemokrat» появилась именно теперь, это сокрушительный удар по всем этим глупостям.

Но в то же время я думаю, что Вы хорошо сделаете, оставив Хёхберга в стороне. Ведь он как раз хочет казаться только частным лицом и может поэтому сам выступить в свою защиту, если сочтет это нужным. Не знаю, будет ли услугой для него, если снова вытащить на свет старую историю со статьей в «Jahrbuch»[284]; если в связи с этим *внутри партии* возникли бы сомнения насчет нашей позиции, мы могли бы оказаться вынужденными вернуться к этому вопросу, что я, по крайней мере, считаю совершенно излишним.

Так как Маркс живет в Аржантёе совершенно уединенно и по возможности скрывает свое пребывание там, то он, насколько мне известно, не встречался с Гиршем и едва ли жаждет его видеть. Марксу нужен покой, и посему я не стану беспокоить его всей этой историей, пока это не будет абсолютно необходимым, то есть пока Гирш не выкинет еще чего-нибудь.

Я получил от Каутского даже не одно, а два длинных письма на разные темы, но, как я уже Вам писал*, у меня сейчас нет больше времени для такой обширной переписки, и к тому же, чтобы иметь возможность вникнуть в кое-какие отдельные вопросы и ответить на них, мне пришлось бы заняться их специальным изучением. Вот — единственная причина моего молчания.

О чартизме я не знаю решительно ни одной хорошей работы. Если бы мне удалось заставить нашего старого друга Гарни из Бостона (бывшего редактора «Northern Star») написать историю чартизма, то это был бы действительно подходящий человек.

Сердечный привет.

Ваш ***Ф. Энгельс***

Сам я не поддерживаю абсолютно никакой переписки с Гиршем, так что у меня совершенно нет повода сообщить ему мой взгляд на эту историю. Если представится случай, я, конечно, им воспользуюсь.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

88
ЭНГЕЛЬС — АДОЛЬФУ ГЕПНЕРУ В НЬЮ-ЙОРК

[Черновик]

Лондон, 25 июля 1882 г.

Дорогой г-н Гепнер!

Ответ мой задержался из-за болезни и многократных переездов Маркса. Лишь в самое последнее время я смог вести с ним деловую переписку. Наше мнение** о проектируемом Вами предприятии состоит в следующем.

---

* См. настоящий том, стр. 228. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 59. *Ред.*

Так как Вы там обладаете полным юридическим правом перепечатывать все появляющиеся в Европе издания, то, по нашему мнению, лучше всего было бы, если бы Вы, никого не спрашивая, прямо воспользовались этим правом. Если Вы захотите переиздать «Коммунистический манифест», то мы ровно ничего не будем иметь против; нам и в голову не придет протестовать против этого, если только изменения и пропуски — совершенно недопустимые в историческом документе — или неуместные примечания не принудят нас к этому. Предисловия мы не можем Вам дать хотя бы из-за того, что мы не находимся вместе, а главным образом потому, что мы тем самым связали бы себя известной солидарностью с предприятием, следить за которым и контролировать которое мы не в состоянии, да и не хотели бы. Таким же образом Вы можете всецело по своему усмотрению решать вопрос и о переиздании других работ, не давая нам оснований когда-либо жаловаться по поводу того, какие книги Вы издаете наряду с нашими.

То же относится и к моему «Положению рабочего класса»*. Если Вы издадите эту работу без изменений, то я ничего не буду иметь против этого. Но если бы я дал Вам специальное разрешение, то моей обязанностью было бы снабдить книгу дополнениями и примечаниями, которые связывали бы ее с современностью, а на это потребовалось бы полгода работы. Кроме того, я должен был бы в этом случае заранее иметь гарантию, что начатое дело будет доведено до конца.

Надеюсь, мне удалось убедить Вас, что в Ваших же интересах лучше всего действовать за собственный страх и риск. Мы, во всяком случае, препятствовать Вашему предприятию без особой нужды не станем, а скорее — наоборот.

Что касается нового краткого изложения «Капитала», то у Маркса было с подобными изданиями столько неприятностей, что к нему с этим и не подступиться, в особенности теперь. Но из *второго* издания такого изложения, *сделанного Мостом*[297], Маркс устранил (это *между нами!)* наиболее грубые ошибки и сделал некоторые дополнения, так что у этого изложения есть все-таки свои преимущества и его можно было бы переиздать.

Больше, пожалуй, нечего Вам порекомендовать для переиздания. Лейпцигская литература сводится преимущественно к рассуждениям о социализме будущего и докторским диссертациям кандидатов в парламент. Французские работы Жюля Геда большей частью хороши, но чересчур рассчитаны на

* *Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии». *Ред.*

французские условия. «Долой социализм!» Бракке, пожалуй, для Вас не подойдет. Парламентские речи Бебеля — лучшее, что появилось в Германии по нашей линии, но, разумеется, это вещи, написанные на злобу дня; работы Лассаля кишат экономическими ошибками, и вся его точка зрения давным-давно устарела. Брошюра Бракке «Предложение Лассаля» дает правильную, но не исчерпывающую критику.

Впрочем, выбирайте сами. Наилучшие пожелания Вашему предприятию.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

89

ЭНГЕЛЬС — ПЕТРУ ЛАВРОВИЧУ ЛАВРОВУ В ПАРИЖ*

Лондон, 31 июля 1882 г.

Дорогой Лавров!

Я бы уже давно поблагодарил Вас за присылку русского издания «Манифеста»[298], но не мог Вам писать, ничего не сообщая о Марксе, а мне было строжайше запрещено сообщать кому бы то ни было в Париже, что он находится в Аржантёе. К сожалению, запрет врачей, которые предписали ему как можно меньше говорить, заставляет его еще *скрываться.*

К[овалевский] заходил ко мне, когда меня не было дома. Его видела только мадемуазель Маркс**, а адреса он не оставил. Он, должно быть, уехал через несколько дней после своего приезда, но мне совершенно неизвестно, куда он направился. Как будто бы у него было намерение вернуться на родину. Мадемуазель Маркс** в Аржантёе. Если Вы обратитесь к Лонге, то, может быть, узнаете больше.

Ваш ***Ф. Э.***

[Надпись Энгельса на оборотной стороне открытки]

Г-ну П. Лаврову, 328, rue St. Jacques, *Paris,* France.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

* Письмо написано на почтовой открытке. *Ред.*
** — Элеонора Маркс. *Ред.*

90
ЭНГЕЛЬС — ИОГАННУ ФИЛИППУ БЕККЕРУ
В ЖЕНЕВУ

Лондон, 9 августа 1882 г.

Старый дружище!

Вчера я не мог отправить тебе перевод по почте. Но сегодня я это уже сделал, и тебе там выплатят 5 ф. ст., которые по курсу равны 126 франкам. Я был очень рад получить твое письмо и узнать, как тебе живется. Я тоже много бы дал, чтобы ты, Маркс и я опять могли собраться вместе, но в нынешнем году это вряд ли будет возможно; Маркса тебе, может быть, удастся повидать еще этим летом, но это будет зависеть от того, куда его пошлют врачи. Продолжение письма придется отложить на несколько дней, скоро отправляется почта, а мне нужно еще подробно написать Бернштейну относительно всякого рода дел.

А пока будь, как всегда, бодр и здоров и прими сердечный привет от твоего старого

Ф. Энгельса

Впервые опубликовано в книге: F. Engels. «Vergessene Briefe (Briefe Friedrich Engels' an Johann Philipp Becker)». Berlin, 1920

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

91
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ[299]
В ЦЮРИХ

Лондон, 9 августа 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Сегодня — лишь несколько наспех сделанных замечаний, так как на днях я уезжаю к морю и занят по горло.

1) *О немецком* издании «Утопического социализма и научного социализма» я тоже давно уже подумываю, особенно с тех пор, как я увидал, что эта книжка произвела настоящую революцию в головах многих из лучших французов[300]. Я рад, что наши мнения тут совпадают. Однако немецкий текст, как более сжатый, отличается и значительно большей трудностью, чем допускающий некоторые вольности французский. Сделать эту вещь популярной без ущерба для содержания, да так, чтобы она могла служить целям общедоступной, пропагандистской брошюры, — задача трудная, но я, когда буду на взморье,

попытаюсь сделать все, что в моих силах. Когда Вы сможете начать печатать и сколько времени потребует печатание? Разумеется, надо будет присылать мне корректурные оттиски (двойные, как это делают французы, что представляет большие удобства).

2) Вы, само собой разумеется, полагали, что, учитывая нашу старую дружбу, Либкнехт имеет законное право попросить у Вас мое письмо* и что Вы обязаны предоставить это письмо в его распоряжение. Я не нахожу в этом ничего такого, чем я мог бы быть недовольным. Вы не могли знать, что из многочисленных размолвок, происходивших между мной и Либкнехтом, четыре пятых были вызваны подобным же самоуправством с его стороны — опубликованием частных писем без разрешения, вздорными или прямо противоречащими смыслу текста примечаниями к моим статьям и т. д. На этот раз он тоже использовал мое письмо совершенно недопустимым образом. Письмо было написано в прямой связи с Вашей статьей[289]. Либкнехт же подходит к нему так, будто в нем дано *«мое»* изложение ирландского вопроса *в целом.* Это ужасно легкомысленно, особенно когда против моего письма выдвигаются речи Девитта, которые ко времени написания письма *вовсе еще и не были произнесены* и которые не имеют никакого отношения к письму, потому что Девитт с его государственной земельной собственностью является пока еще только *симптомом.* Но так легкомысленно поступает Либкнехт всегда, когда ему хочется показать свое «превосходство». Что ж, пусть забавляется, но он не должен при этом злоупотреблять моими письмами. Этим *он* вынуждает меня просить Вас в будущем (я стараюсь выразиться как можно корректнее и дипломатичнее) давать ему мои письма, самое большее, для прочтения, не оставляя у него, однако, оригинала и не давая ему копии.

3) Я сообщил Марксу о гирше-мерингиаде[59] то, что было необходимо, представив это в возможно более юмористическом виде, и боюсь, что если Карлуше** случится увидеть Маркса, то ему придется провести не особенно приятную четверть часика.

4) Мне кажется, что в египетском вопросе Вы слишком уж взяли под защиту так называемую Национальную партию[301]. Об Араби мы знаем немного, но можно поставить десять очков против одного, что это обыкновенный паша, который не хочет уступить финансовым воротилам сбор налогов, потому что он по доброму восточному обычаю предпочитает сам их прикарманить. Тут повторяется обычная в крестьянских странах исто-

* См. настоящий том, стр. 280—284. *Ред.*
** — Карлу Гиршу. *Ред.*

рия. От Ирландии до России, от Малой Азии до Египта — в крестьянской стране крестьянин существует для того, чтобы его эксплуатировали. Так ведется со времен ассирийского и персидского царств. Сатрап — иначе, паша — это главная фигура восточного эксплуататора, так же как купец и юрист — современная западная фигура. Непризнание долгов хедива[302] — это, конечно, недурно, но спрашивается: что же дальше? Нам, западноевропейским социалистам, не следовало бы так легко попадаться на эту удочку, как попадаются на нее египетские феллахи[303] или же — все романцы. Странно! Все революционеры романских стран жалуются на то, что они постоянно совершали революции в пользу других, — это объясняется очень просто: их всегда ослепляло слово «революция». И все-таки, чуть где-нибудь вспыхнет мятеж, как весь революционный романский мир совершенно не критически приходит в восторг. Я считаю, что мы вполне можем выступать в поддержку угнетенных феллахов, не разделяя при этом их теперешних иллюзий (ведь крестьянскому народу нужно веками подвергаться обману, пока он не прозреет на собственном опыте), и можем выступать против насилий англичан, отнюдь не солидаризируясь из-за этого с. их теперешними военными противниками. Во всех вопросах международной политики к сентиментально-политическим партийным газетам французов и итальянцев следует относиться с величайшей осторожностью, и мы, немцы, и в этой области обязаны с помощью критики доказывать свое теоретическое превосходство, раз мы им обладаем.

Довольно, однако, заниматься критикой! К сожалению, мне сегодня уже некогда послать Вам материал для фельетона[304]. Мне очень хочется на деле доказать бравому Карлуше, что за невероятные пустяки он наплел Мерингу о моем отношении к «Sozialdemokrat». Но скоро Вы получите материал и можете тогда, если захотите, прямо сослаться на меня в примечании, — разумеется, не называя Карлуши, которому теперь и так уж приходится плохо.

Ну, сердечный привет. С побережья я пришлю Вам, если будет хоть какая-нибудь возможность, письмо также и для милейшего Каутского; имеющиеся у меня его адреса, вероятно, устарели. Последний был на имя какой-то дамочки с французской фамилией, — надеюсь, что это действительно только *конспиративный* адрес?

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые полностью опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

92
ЭНГЕЛЬС — ФРИДРИХУ АДОЛЬФУ ЗОРГЕ[305]
В ХОБОКЕН

Лондон, 10 августа 1882 г.

Дорогой Зорге!

Прилагаю квитанцию на подписку «Egalite»; лучшей у этих замечательных дельцов я не мог для тебя добиться. С тех пор как Лаура Лафарг в Париже, мы здесь этой газеты больше не видим и ничего о ней не знаем. Уплачено было 14 шиллингов.

«Labour Standard» за 1 июля — 5 августа посылаю сегодня в двух пакетах. Было бы нелепо, если бы ты стал на него специально подписываться. Я просто буду отсылать тебе свой экземпляр, вместо того чтобы бросать его в корзину.

Маркс еще в Аржантёе, проходит курс лечения хронического бронхита серными источниками в Энгиене. Ему приходится еще очень остерегаться рецидива плеврита. Остальное знают врачи, а может быть и они не знают.

Очень спешу.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые полностью опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

93
ЭНГЕЛЬС — ЭМИЛЮ ЭНГЕЛЬСУ
В ЭНГЕЛЬСКИРХЕН

Грейт-Ярмут, 20 августа 1882 г.
10, Columbia Terrace

Дорогой Эмиль!

Уже в течение 10 дней мы находимся здесь[61] — Шорлеммер, Пумпс, малышка* и я. Сладостная лень морского курорта повинна в том, что только сегодня я собрался тебе ответить.

Прежде всего, я рекомендовал тебя непосредственно Сэму Муру и просил его послать тебе адрес его городского бюро

* — дочь Пумпс, Лилиан. *Ред.*

(у адвокатов эти бюро называют chambers), так как у меня здесь этого адреса нет, а днем Мура можно застать только там. В его лице ты найдешь образцового англичанина, обладающего всеми достоинствами своей нации и не имеющего ни одного из ее недостатков. Он, конечно, тоже социал-демократ и тоже говорит по-немецки, хотя и не очень свободно. Он охотно поможет тебе всем, чем сумеет, и сможет принести тебе больше пользы, чем я. Когда прошло почти 13 лет с тех пор, как оставил дела, и 12 лет с тех пор, как выехал из Манчестера[306], то имеешь уже мало влияния среди людей, первый принцип которых — рука руку моет. А Мур оставил дело только три-четыре года тому назад, живет еще среди них и потому скорее может чего-нибудь добиться. Я, например, даже не знаю, живы ли еще те люди, с которыми я имел дела, сохранилась ли их прежняя фирма и не продали ли они всего предприятия. Если бы я вздумал рекомендовать тебя Эрменам и Роби, это принесло бы не пользу, а вред; эти люди не покажут тебе своей фабрики и, в конце концов, будут предостерегать от тебя на бирже других своих знакомых хозяев прядилен и фабрикантов.

На фабрики по производству вязальной пряжи и ниток тебе попасть не удастся, потому что, насколько я знаю, кроме фабрики Эрменов и Роби, в Манчестере таковых не имеется. Есть всевозможные прядильные предприятия, но ты увидишь там только старые тростильные машины, потому что эти фабриканты продают пряжу в необработанном виде. Как легче попасть на фабрики — это зависит от условий в каждом отдельном случае, но, в общем, я всегда находил, что лучше всего действовать начистоту с людьми, которым тебя рекомендовали, и откровенно сказать, кто ты такой. Попытки пробраться туда хитростью, предпринимавшиеся многими немецкими прядильщиками, почти всегда приводили к тому, что их разоблачали и сообщали о них на бирже другим, после чего им уже ничего не показывали. Конкуренция здесь поставлена на гораздо более широкую ногу, чем в Германии, и мелкие уловки, которые там часто практикуются, здесь совершенно не удаются.

В начале октября туда возвращается также и Шорлеммер, который тоже может оказать тебе помощь. *Очень* полезна тебе будет прежде всего рекомендация от фирмы Эрмен и Энгельс к крупной немецкой комиссионной фирме, которая окажет тебе дальнейшую помощь и даже сумеет указать тебе, в каких случаях уместно будет умалчивать о том, кто ты такой.

Ну, на сегодня хватит. Уже должны накрывать на стол. В общем, живем мы здесь очень хорошо. Прекрасная погода, пильзенское пиво, морской воздух и морские купанья совершенно

излечили меня от расстройства желудка, которое было у меня в понедельник, в день твоего отъезда. Пумпс и Шорлеммер шлют сердечный привет.

Твой ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано в журнале «Deutsche Revue», Jg. 46, Bd. 3, 1921

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

94
ЭНГЕЛЬС — ЖЕННИ ЛОНГЕ В АРЖАНТЁЙ

Грейт-Ярмут, 27 августа 1882 г.
10, Columbia Terrace

Моя дорогая Женни!

Большое спасибо за твое письмо. Я удовольствовался бы и открыткой. Рад, что ты вскрыла мое письмо Мавру и позаботилась о содержимом письма[*].

Я получил письмо из Лозанны[**] и телеграмму из Веве[69] с их[***] новым адресом, Hotel du Leman, где они, видимо, склонны поселиться. Что касается здоровья Мавра, то я был очень рад получить от тебя спокойный и беспристрастный отчет. У Лауры, которая видела его только несколько часов, создалось, пожалуй, слишком благоприятное впечатление, а с другой стороны, Тусси, увидев его снова в Аржантёе, была скорее разочарована, считая улучшение недостаточным. Я совершенно согласен с тобой, что мы имеем все основания быть довольными теми успехами, которых он *достиг* при очень неблагоприятной, так упорно преследовавшей его, погоде, и после трех плевритов, два из которых были столь серьезны. Я никогда не рассчитывал на то, что он сможет провести будущую зиму в Англии и до его отъезда в Алжир говорил об этом Елене[****] и другим неболтливым людям. Так что это не является для меня неожиданностью. Я разочарован только тем, что он вряд ли сможет до зимы приехать сюда на несколько недель. Во всяком случае, я доволен, что доктора так единодушны в этом вопросе, это тем легче заставит его подчиниться. Еще немного пребывания в Энгиене или Котре из-за остатков его бронхита, а затем клима-

[*] См. настоящий том, стр. 71. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 69—70. *Ред.*
[***] — Маркса и Лауры Лафарг. *Ред.*
[****] — Демут. *Ред.*

тическое лечение в горной местности — в Альпах или Пиренеях — вновь совершенно восстановят его силы для работы. Но, как ты говоришь, всему этому может помешать рецидив, который, однако, теперь маловероятен, особенно ввиду приобретенного им опыта.

Моя дорогая Женни, я знаю, сколько ужасных тревог и волнений ты перенесла и переносишь еще и теперь. Мыслями я часто был с тобой и огорчался, что не мог найти способа быть тебе полезным. Ты и Мавр были почти постоянной темой нашего почти ежедневного разговора с Ним*, когда я заходил к ней по утрам выпить пильзенского пива. Но я знаю, что моя мужественная Женни не упадет духом, а когда ты перенесешь свое следующее испытание**, я надеюсь и рассчитываю, что ты сумеешь устроить свое хозяйство таким образом, чтобы обеспечить себе немного отдыха и покоя.

Ты и не представляешь себе, какая перемена произошла с Пумпс с тех пор, как она здесь. Она занята исключительно своим младенцем***; туалеты, развлечения, увеселительные прогулки — все, по-видимому, испарилось из ее головы. И она хорошо ухаживает за малышкой, сохраняя хорошее настроение и проявляя много терпения. Правда, это и в самом деле очень хороший ребенок, и даже сейчас, когда у нее прорезываются два зуба, она почти все время смеется. Будем надеяться, что мать и дитя будут продолжать в том же духе.

Шорлеммер, который шлет свой сердечный привет, уезжает завтра в Германию, и я поеду с ним в Лондон на день или на два по делам. Мы останемся здесь еще на две недели, если только нас не прогонит погода; с прошлого вторника она в высшей степени неустойчива. Бедному Перси****, приехавшему в прошлую среду, по-видимому, суждено провести отпуск в сырости — плохая перспектива для ревматика. Что касается меня, то морской воздух и купанье прекрасно укрепляют меня, и я надеюсь, что этой зимой я как следует поработаю.

Сердечный привет от всех нас Лонге, тебе и детям***** и наилучшие пожелания от любящего тебя

Ф. Энгельса

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* — Еленой Демут. *Ред.*
** — рождение ребенка. *Ред.*
*** — дочерью Лилиан. *Ред.*
**** — Рошеру. *Ред.*
***** — сыновьям Женни Лонге:Жану, Анри, Эдгару и Марселю. *Ред.*

95
ЭНГЕЛЬС — КАРЛУ КАУТСКОМУ[307]
В ВЕНУ

Лондон, 12 сентября 1882 г.

Дорогой г-н Каутский!

Вы, право, должны извинить меня за то, что я так долго заставил Вас ждать ответа. У меня было столько всякого рода помех, что мне пришлось, для того чтобы взяться, наконец, за работу, отбросить все второстепенные дела и отложить всю переписку, за исключением безусловно необходимой. И поскольку Вы своим колониальным вопросом[308] поставили мне задачу, которую вовсе не так легко решить, то судьба эта постигла и Ваши письма, причем был забыт и добрый Вальтер.

Если Вальтер и д-р Браун приедут сюда, то мне будет приятно повидать их, и я охотно сделаю для них все, что от меня зависит. Остальное уж приложится. Но *что* же Вальтеру здесь, собственно говоря, изучать? Ведь именно это надо решить прежде всего. Социализм как таковой? Для этого ему незачем приезжать сюда, это он может сделать повсюду за пределами Австрии и Германии; к тому же источник для таких занятий, то есть литература, которую стоит читать, будет исчерпана очень скоро. Политическую экономию? Историю? Материалов по этим вопросам в Британском музее чрезмерно много, так что неопытный человек рискует в них тотчас же заблудиться. Естественные науки? Для этого нужны лекции, которые здесь баснословно дороги. Я полагаю, что прежде чем посылать этого человека сюда, следовало бы установить определенный план его занятий, — по крайней мере, в главных чертах, — и если мне сообщат этот план, то мне легче будет судить о том, где этот план наилучшим образом выполним, — здесь или где-нибудь в другом месте. К тому же, не обладая хотя бы *некоторыми* познаниями в английском языке, он оказался бы здесь совсем на мели. Ему было бы, я думаю, полезно прежде с полгода подзаняться французским и английским, чтобы еще до поездки за границу научиться хоть кое-как читать на обоих языках. Кроме того, если он хочет успешно заниматься, он должен все же иметь и кое-какие предварительные знания по истории, географии и по возможности также по математике и естественным наукам. Как у него обстоят дела на этот счет, я не знаю, но если эти знания у него хромают, то лучше всего было бы отправить его сперва в Вену, чтобы он предварительно приобрел их под руководством своих друзей и вообще сперва узнал, *каким образом* можно что-нибудь серьезно изучать, если ты предоста-

влен сам себе. Иначе деньги здесь, в Лондоне, будут затрачены в значительной мере впустую. Вот как мне представляется это дело; может быть, все это и неуместно, но я ведь ровно ничего не знаю о степени образованности этого молодого человека и полагаю поэтому, что так или иначе я должен был высказать эти соображения. Если Вы дадите мне более подробные сведения на этот счет, то Вам *не* придется долго ждать ответа. Вообще же, как Вы знаете, я всегда стою за посылку молодых и подающих надежды людей за границу для того, чтобы они расширили свой кругозор и отделались от неизбежных на родине местных предрассудков.

На Маркса, впрочем, в отношении Вальтера Вы особенно не рассчитывайте. Он вряд ли вернется раньше мая и тогда еще, вероятно, должен будет очень беречь себя, чтобы иметь возможность закончить свои работы. Дело в том, что и сейчас ему еще строго воспрещено много разговаривать, да к тому же и по вечерам он должен иметь покой, иначе ночью он плохо спит. Днем же он, разумеется, предпочитает работать. Когда надо разделаться с застарелым хроническим бронхитом и притом после трижды повторявшегося сильного плеврита, приходится следить за тем, чтобы не только окончательно залечить болезнь, но и не допустить ее рецидива, и все это на 65 году жизни, — это уже само по себе причиняет достаточно забот.

Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще: то же самое, что думают о ней буржуа. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке. По моему мнению, собственно колонии, то есть земли, занятые европейским населением, Канада, Кап*, Австралия, все станут самостоятельными; напротив, только подчиненные земли, занятые туземцами, Индия, Алжир, голландские, португальские, испанские владения, пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может быть, сделает революцию, даже весьма вероятно, и так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим придется помириться, причем, разумеется, дело не обойдется без всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций. То же самое может разыграться еще и в других местах, например, в Алжире

* — Капская провинция. *Ред.*

и в Египте, и *для нас* это было бы, несомненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы у себя дома. Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы. Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы. Разумеется, этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода.

История в Египте[57] затеяна русской дипломатией. Гладстону предоставляется взять Египет (который еще далеко не в его руках, а если он его и захватит, то это еще вовсе не значит, что он сохранит его) для того, чтобы Россия могла завладеть Арменией, что, по Гладстону, также ведь было бы освобождением христианской страны от магометанского ига. Все остальное в этом деле — видимость, фарс, предлог. Удастся ли эта затея, скоро увидим.

С наилучшим приветом

Ваш ***Ф. Э.***

Д-р Закс только что прислал мне свою книгу о Тюрингии[*], будьте добры, поблагодарите его от моего имени за это; как только прочту ее, я ему отвечу.

Мой конспиративный адрес: Г-же П. В. Рошер, 122, Regent's Park Road, *без* внутреннего конверта. Это — Пумпс; кстати, у нее уже дочка[**]. Пумпс, правда, больше у меня не живет, но это ничего не значит.

Впервые полностью опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

96

ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ В ЦЮРИХ

Лондон, 13 сентября 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Из работы на курорте в Ярмуте ничего не вышло — пять человек в одной комнате, в том числе четырехмесячный ребенок[**]

[*] *Э. Закс.* «Домашняя промышленность в Тюрингии». *Ред.*
[**] — Лилиан. *Ред.*

моей племянницы*, так что ничего нельзя было делать, и вместо всякой работы я благодушествовал и поглощал превосходное пильзенское пиво. Но завтра я возьмусь за дело и не стану отрываться, пока не закончу брошюру**.

Ваше предложение относительно предисловия о бисмарковском социализме вполне разумно и в известной мере совпадает с моими собственными желаниями. Но в предисловии с этой дрянью не разделаешься, оно вышло бы слишком растянутым. Кроме того, у меня не хватает материалов по вопросу о страховании от несчастных случаев и т. д., а именно — нет соответствующих законопроектов, без которых обойтись невозможно.

Эта тема давно уже вертится у меня в голове, и я прекрасно понимаю, что нужно об этом что-нибудь написать. Поэтому я собираюсь написать (для «Sozialdemokrat») серию статей (из которых каждая будет вполне законченным целым) о распространившемся сейчас в Германии подобно эпидемии лжесоциализме; их потом можно будет издать отдельной брошюрой[309]. Первая часть: бисмарковский социализм — 1) покровительственные пошлины, 2) огосударствление железных дорог, 3) табачная монополия, 4) страхование рабочих. Но для этого мне нужно было бы иметь:

к пункту 2 — курсовой бюллетень с указанием курсов огосударствленных за последнее время железных дорог (горно-бранденбургская, берлино-гёрлицкая, берлино-штеттинская, бранденбурго-познанская) незадолго *до* их огосударствления, а также по возможности цены, которые государство заплатило за эти дороги;

к пункту 4 — законопроект Бисмарка в том виде, как он был представлен рейхстагу.

Если Вы можете мне это достать, то у меня будет достаточно материала.

Но к этому я присоединил бы еще вторую часть и в ней подверг бы критике ряд туманных представлений, введенных в обиход Лассалем, о которых и наши люди иногда все еще болтают, — например, «железный закон заработной платы»[265], «полный продукт труда *рабочему»*[310] (а не *рабочим)* и т. д. Эта часть еще более нужна, чем первая, ибо здесь особенно необходимо, наконец, внести ясность, и если это разозлит кое-кого из лассальянских «вождей», которых мы, к несчастью, приняли в свои ряды[311], тем лучше. Так что вторая часть для меня, собственно говоря, самая важная.

* — Пумпс. *Ред.*

** *Ф. Энгельс.* «Развитие социализма от утопии к науке» (немецкое издание). *Ред.*

Но я не знаю, не придется ли кое-кому не по вкусу такая деловая критика святого Фердинанда*. Сочтут, пожалуй, что появление такой вещи в партийном органе было бы провокацией раскола внутри партии и нарушением соглашения, заключенного в свое время с лассальянцами. В таком случае все целиком, как только все это будет написано, могло бы выйти отдельной брошюрой без предварительного опубликования в «Sozialdemokrat».

Итак: либо *все целиком* появится сначала в «Sozialdemokrat», а затем отдельной брошюрой, либо будет сразу издано отдельной брошюрой, либо останется пока вообще ненаписанным. Вот как обстоит дело. А теперь выбирайте, что хотите, и посоветуйтесь, если нужно, с другими. Но то, на чем мы остановимся, должно быть выполнено. Я не могу второй раз подвергаться неприятностям, которые мне пришлось переносить с «Дюрингом», когда Мост заявил свой протест[312].

Впрочем, по поводу бисмарковщины и всего, связанного с ней, очень хорошо уже сказано в обеих статьях в «Sozialdemokrat», посвященных вопросу о возможной отмене закона против социалистов[313]. Я предполагаю, что они написаны Бебелем; если же нет, то партия может поздравить себя с тем, что у нее есть второй человек, который так великолепно умеет проникнуть в суть дела, отбросив в сторону все второстепенные соображения, и при этом пишет так просто и ясно. Статьи превосходны.

То, что Вы говорите в оправдание дряблости некоторых лиц в Германии, я тоже уже не раз себе говорил. При всем том, однако, это все та же искони немецкая слабохарактерность и недостаток выдержки, а также стремление показать себя не перед рабочими, а перед филистерами почтенным добряком, а совсем не таким ужасным людоедом, каким тебя считают. Все это люди, воображающие, что их крошечное образование абсолютно необходимо для освобождения рабочих, которые сами-де себя освободить не могут, а будут освобождены только ими. Освобождение рабочего класса возможно, по их мнению, только при помощи «образованного» мещанина; как могут бедные, беспомощные, «необразованные»** рабочие сами этого добиться!

Каутскому я написал вчера***. Он утверждает, что нашел там нескольких превосходных докторов философии. Если они *действительно* хороши, они были бы весьма кстати.

---

* — Лассаля. *Ред.*

** В оригинале здесь диалект: «jebildeten», «unjebildeten». *Ред.*

*** См. настоящий том, стр. 296—298. *Ред.*

Адольф Бейст может спеть Вам мелодию к «Брейскому викарию»[314].

Сердечный привет.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

97
ЭНГЕЛЬС — ЛАУРЕ ЛАФАРГ
В ВЕВЕ

Лондон, 20 сентября 1882 г.

Моя дорогая Лаура!

Надеюсь, Маркс получил мою коротенькую записку от 18-го*. Сегодня, хотя и с затруднениями, я должен сдержать данное тебе слово. Работал весь день до шести, затем обедал, сейчас как раз 9 часов, и поэтому я нахожусь еще немного под влиянием пищеварения, а, кроме того, Перси** сидит в комнате, но, к счастью, он завладел *«Джозефом Эндрусом»****.

Знаю ли я Веве? Ведь я жил там в сентябре 1849 г.[68] около двух недель и знаю весь швейцарский берег озера от Вильнёва до Женевы, Дан-дю-Миди и Монблана и все остальное. Если я не очень ошибаюсь, мы, офицеры, были расквартированы в вашем отеле на набережной. В сквере, под деревьями, напротив озера, Виллих обычно тренировал своих двух лошадей.

Жаль только, что вы, хотя бы частично, не можете следовать по тому маршруту, который я составил для вас****. Бернский Оберланд во многих отношениях превосходит Женевское озеро. Но если Мавр хочет попытаться сделать в октябре визит в Англию, то вам вскоре придется покинуть Альпы. Надеюсь, что для него не будет рискованно сюда приехать. В противном случае это было бы безумием. Но пусть решают доктора, так же как и в отношении его зимнего местопребывания. Однако — если он думает приехать — пусть не откладывает приезд слишком надолго. У нас была хорошая, но довольно колодная погода, особенно ночью и по утрам. Вчера целый день

---

* См. настоящий том, стр. 80. *Ред.*

** — Рошер. *Ред.*

*** Название романа Филдинга. *Ред.*

**** См. настоящий том, стр. 76. *Ред.*

шел дождь, сегодня сухо, но почти все время пасмурно. Кстати, статистика Мавра относительно барометра* точно совпадает с тем, что мы испытали на себе во время пребывания в Ярмуте. Только у нас была очень сырая погода при самом высоком показании барометра, и Тусси все время молилась, чтобы этот глупый барометр снова упал!

Что касается пенистого вина, то это качество является исключительной особенностью *кортайо* — другие невшательские вина не обладают им, насколько я знаю, и они не такие хорошие.

Интересно знать, кто выдумал эту глупую историю о Бебеле**. Кёльнская газета*** до пятницы прошлой недели (день, когда парижские газеты сообщили об этом) ничего не знала или, по крайней мере, ничего не писала об этом. Похоже на то, что это утка, выдуманная Мерингом и пущенная в ход в Париже Гиршем. Может быть, я напал на ложный след, но я нисколько не удивился бы, если бы это было так. Кто другой мог бы так быстро поместить в «Bataille» и в «Citoyen» некролог, в котором (по крайней мере в *«Bataille»)* цитируется одна ***старая*** речь Бебеля о том, что он стоит исключительно за законные средства? Испугались мы ужасно. В пятницу вечером два члена рабочего Общества с Tottenham street[270] пришли и спросили меня, правда ли это? Тут я впервые услышал об этом. В тот же вечер Тусси получила *«Bataille»* с вышеуказанной статьей. Молчание «Justice» можно было объяснить отсутствием Лонге. Охотиться за немецкими газетами в кафе было бесполезно. Те номера, в которых могло что-нибудь быть, уже не лежали бы на столах в субботу. Наконец, в субботу вечером Тусси получила свой экземпляр газеты «Sozialdemokrat» (я свой не получил), и в нем не только ничего не говорилось об этом, но сообщалось, что Бебель достаточно здоров, чтобы выходить на улицу. Потеря Бебеля была бы непоправимым несчастьем. Где найти еще такую голову не только в Германии, но и где бы то ни было вообще? Кто из молодого поколения обладает такой теоретической ясностью, таким практическим тактом, такой спокойной решимостью? Итак, это ложный слух, — не могу выразить, какое облегчение я испытал, когда все сомнения исчезли.

Я в высшей степени рад также, что Женни благополучно перенесла кризис и что результат является исполнением дав-

* См. настоящий том, стр. 78. *Ред.*
** Речь идет о ложном сообщении в печати о смерти Бебеля. *Ред.*
*** — «Kolnische Zeitung». *Ред.*

нишнего желания всех*. Мне кажется, что ей было очень тяжело. Без сомнения, Дурлен позаботился о том, чтобы кто-нибудь ухаживал за ней; обитатели дома 41, Maitland Park**, не сомневаются в этом, и если это так, то отсутствие «творца»***, пожалуй, было к лучшему.

У маленькой Пумпсии**** ветряная оспа, она очень беспокойна и теперь стала часто плакать. Все это кончится через несколько дней и не вывело бы ее из душевного равновесия, если бы у нее не выскочили на языке два прыщика, что вместе с двумя прорезывающимися зубами причиняет ей довольно сильную боль во рту. В остальном все в порядке.

Привет тебе и Мавру от всех и от вашего любящего

Ф. Энгельса

Бернштейн пишет, что «Брейский викарий»***** произвел огромную сенсацию.

Тусси *трижды* писала Женни после своего возвращения сюда, последний раз в *прошлое воскресенье!*

Впервые опубликовано на языке оригинала в книге: F. Engels, P. et L. Lafargue. «Correspondance». T. I, Paris, 1956

Печатается по рукописи

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

98
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ[315]
В ЦЮРИХ

Лондон, 22 сентября 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Посылаю предисловие****** и разделы I и II*******. Раздел III тоже готов, так же как и заключительная заметка, приблизительно страниц на семь, о древнегерманской общинной

* Речь идет о рождении у Женни Лонге дочери Женни. *Ред.*
** — Элеонора Маркс и Елена Демут. *Ред.*
*** — Шарля Лонге. *Ред.*
**** — дочери Пумпс, Лилиан. *Ред.*
***** *Ф. Энгельс.* «Брейский викарий». *Ред.*
****** *Ф. Энгельс.* «Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке»». *Ред.*
******* Имеются в виду разделы первого немецкого издания работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». *Ред.*

собственности на землю (марка)*. Но я хочу это еще раз основательно просмотреть и поэтому несколько задержу у себя.

На рекламу в начале книги я не могу согласиться. Когда Лафарг выпускал французское издание и Малон прислал ему нечто крайне неудовлетворительное в этом роде, то Маркс Вместе с Лафаргом написали это введение[316], которое там, быть может, и было уместным. Но для немецкого издания, выпускаемого мной самим, это совершенно неприемлемо. Между прочим, когда Маркс вернется, я, может быть, как-нибудь составлю для Вас брошюрку о немецком социализме от 1840 до 1852 года[317]. Надо же это когда-нибудь сделать. Но больше половины материалов у Маркса, а куда он их засунул — одному богу известно.

Мне, конечно, нужно бы иметь *оба* законопроекта о страховании от несчастных случаев, а также все новые проекты социального характера, внесенные в рейхстаг осенью.

Требование решительного осуждения косвенных налогов было выставлено нами еще в 1849 и 1850 гг.[318], отсюда Лассаль и заимствовал его. Остальные же Ваши замечания о Лассале я принимаю к сведению. По поводу некоторых из них можно было бы кое-что возразить, но не в этом дело. *Личность* Лассаля совсем не будет затрагиваться, но мне придется все же положить конец иллюзии, будто Лассаль в экономической области (да и во всех других) был оригинальным мыслителем**.

Очень рад, что автором статей оказался Фольмар***; это доказывает, что он очень продвинулся вперед. С тем, что Вы говорите о законе против социалистов[106], я вполне согласен. Отмена закона будет выгодна нам только в том случае, если он будет отменен целиком и полностью. А это произойдет только тогда, когда в германскую политическую лавочку проникнет так или иначе свежий ветер, когда наступят события, непосредственно подготовляющие революцию, — новая эра[252], конституция в России или что-нибудь в этом роде. Тогда мы, без всякого сомнения, приобретем большинство повсюду, где сейчас имеем сильное меньшинство, и завоюем все крупные города вне Саксонии.

Ваши жалобы на французов — это обычные жалобы, выдвигаемые всеми. Они постоянно поддаются минутным настроениям и влиянию отдельных личностей. «Citoyen» я не читаю, «Egalite» получаю очень неаккуратно, не знаю даже, жива ли она еще, и поэтому никак не могу судить, что за последнее

* *Ф. Энгельс.* «Марка». *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 299—300. *Ред.*
*** См. настоящий том, стр. 300. *Ред.*

время эти люди делали. Но одно несомненно: с Бруссом мира быть не может. Он был и остается отъявленным анархистом, признавшим лишь допустимость участия в выборах; при этом *он* и Малон, вышибив других из Центральной федерации[319], обострили борьбу до крайности, и Брусс применяет в ней чисто бакунистскую тактику: клевету, ложь и всевозможные подлости. Пусть тактика другой стороны временами бывает нелепой и ребяческой, пусть она не достигает своей цели и лишает нас, иностранцев, возможности выступить в их защиту (от чего мы здесь неуклонно отказывались), — но главное заключается в том, что никакое сотрудничество с Бруссом во всяком случае невозможно. Он не успокоится до тех пор, пока его маленькая клика, действуя методами «Альянса»[28], не приберет к рукам все движение.

Впрочем, обе фракции «Рабочей партии», вместе взятые, составляют лишь ничтожно малую часть парижских рабочих масс, которые все еще следуют за такими людьми, как Клемансо; полемика Геда против него также носила чересчур личный характер, да и вообще велась совершенно неправильно. Между тем Клемансо — человек вполне способный к развитию, и при известных условиях может пойти значительно дальше, чем сейчас, в особенности если он поймет, что дело в *классовой борьбе;* правда, поймет он это лишь тогда, когда будет к тому *вынужден.* Гед вбил себе в голову, что «афинская республика» Гамбетты гораздо менее опасна для социалистов, чем «спартанская республика» Клемансо, и поэтому хочет предотвратить ее, как будто мы — или вообще какая-нибудь партия в мире — можем воспрепятствовать какой-либо стране пройти через исторически необходимые ступени ее развития. Он не учитывает также, что мы едва ли придем во Франции от республики в духе Гамбетты к социализму, не пройдя через республику в духе Клемансо. А без такого понимания необходимой исторической связи и, тем самым, вероятного хода развития событий невозможна никакая успешная партийная политика. Однако я уже махнул рукой на этих людей и предоставил им делать что им угодно. Бельгийцы тоже ничего не добьются своими увещаниями.

Племянницу и приемную дочь Дж.-Ст. Милля, приславшую деньги в избирательный фонд, зовут *Елена* Тейлор и, следовательно, ее нужно отличать от Эллен М. Тейлор; хотя оба имени означают «Елена», все же они строго различаются между собой.

О Гарсиа я решительно ничего не знаю. Время от времени ко мне заходит кто-нибудь из Клуба[320], и при случае я наведу там справки.

Кстати. Кто пустил в «Citoyen» и «Bataille» утку о смерти Бебеля? Мы здесь и Маркс в Веве[69], где он провел три недели, страшно испугались и не имели никакой возможности проверить это известие, пока в понедельник вечером в «Justice» не появилась телеграмма Либкнехта с опровержением; ведь на сообщения и на отсутствие сообщений в «Sozialdemokrat» мы абсолютно не могли полагаться, потому что он вышел еще в четверг.

Маркс теперь, вероятно, уже на пути обратно в Аржантёй, может быть, он остановится на несколько дней в Женеве. Ему лучше, но из-за плохого лета успех его лечения сильно пострадал.

Прошу в двух словах подтвердить получение рукописи; а также прислать рукопись *вместе* с листами, конечно, бандеролью. На сколько времени можно мне еще задержать у себя остальное[*] без ущерба для дела?

Сердечный привет.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые полностью опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

99
ЭНГЕЛЬС — АВГУСТУ БЕБЕЛЮ
В ЛЕЙПЦИГ

Лондон, 23 сентября 1882 г.

Дорогой Бебель!

Мы испытали немало страха из-за тебя. Неделю тому назад, в пятницу 15-го[**] с. м., в 10 часов вечера, ко мне явились двое из Общества[152] с вопросом: верно ли то, что сообщалось уже в двух номерах «Citoyen» (с некрологом), будто ты умер? Я ответил, что это весьма мало вероятно, но ничего определенного сказать не мог. Так как у меня сидел очень скучный человек, который все не уходил, хоть я больше с ним и не разговаривал,

[*] См. настоящий том, стр. 303—304. *Ред.*
[**] В оригинале ошибочно — «16-го». *Ред.*

то я лишь после 11 часов смог побежать к Тусси Маркс; она еще не ложилась. У нее оказалась «Bataille» — тоже с некрологом, без всякого указания на источник известия, которое, однако, сообщалось как вполне достоверное. Итак — всеобщее смятение. Известие о величайшем несчастье, которое могло бы постигнуть германскую партию, становилось, по меньшей мере, весьма правдоподобным. То, что английские газеты, увлеченные ликованием по поводу Египта[321], ничего об этом не сообщили, казалось вполне понятным. К тому же в субботу вечером я не получил «Sozialdemokrat», что, правда, случается нередко; к счастью, в воскресенье утром я узнал, что Тусси получила свой экземпляр, судя по содержанию которого известие было весьма неправдоподобным. Просматривать немецкие газеты в кафе с самого начала не имело смысла, потому что их ежедневно меняют. Так мы оставались в мучительнейшем неведении, пока, наконец, в понедельник вечером не прибыла «Justice» с официальным опровержением.

То же самое произошло и с Марксом. Он был в Веве на Женевском озере и прочел это известие в реакционной «Journal de Genève», которая, разумеется, сообщила это как неоспоримый факт. Крайне расстроенный, он в тот же день написал мне[*]. Его письмо пришло как раз в упомянутый понедельник вечером, и я еще с утренней почтой смог послать ему радостное сообщение[**] о том, что все это — сплошная ложь.

Нет, дружище, таким молодым ты нас покинуть не имеешь права. Ты на двадцать лет моложе меня, и после того как мы рука об руку выдержим еще не одну жаркую битву, ты обязан оставаться под огнем и тогда, когда мое лицо застынет в последней гримасе. А поскольку те, кого по ошибке зачисляют в покойники, живут дольше всех, то ты, как и Маркс[322], осужден теперь, вероятно, на очень долгую жизнь.

Но кто, черт возьми, распустил этот идиотский слух? Не стоит ли за этим снова враль Меринг[59]?

Получил ли ты мое последнее письмо два-три месяца тому назад — то, в котором я отвечал тебе по поводу смиренных элементов в партии[***]?

За это время ты, вероятно, не раз убеждался в том, что твое пожелание о моем открытом сотрудничестве в «Sozialdemokrat» исполняется. Не далее, как вчера, я также отправил Бернштейну после основательной переделки и популяризации две первые главы из тех трех глав «Анти-Дюринга», которые должны

[*] См. настоящий том, стр. 78. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 80. *Ред.*
[***] См. настоящий том, стр. 277—280. *Ред.*

появиться на немецком языке* по типу французского издания[300]. Остальное уже готово, но пока это не мешает печатанию, останется у меня, чтобы я мог еще раз как следует просмотреть эту самую трудную часть. В качестве приложения последует большая заметка о древнегерманской общинной собственности на землю**. Когда ты сядешь за решетку, я бы тебе посоветовал достать из какой-нибудь библиотеки: Г. Л. фон *Маурер.* «Введение в историю маркового, подворного, сельского и городского устройства...» в Германии и его же «Историю маркового устройства в Германии». Весьма необходимо, чтобы кто-нибудь в Германии, кто в состоянии без предубеждения и без «ученых» предрассудков разбираться в таких вещах, до некоторой степени ознакомился с этим вопросом. Указанные труды — основные, и знакомство с ними дало бы тебе исключительно солидную опору во всех прениях по вопросам земельной собственности и аграрным вопросам.

Фольмар порядком вырос, если судить по некоторым статьям, написанным им в «Sozial-demokrat» (о возможности отмены закона против социалистов[313]). Меня очень порадовало бы, если бы это подтвердилось и в других отношениях: нам до зарезу нужны дельные люди.

Маркс медленно поправляется от последствий своих трех плевритов. Против застарелого, вызванного бронхитом, очень мучительного и мешающего ему спать кашля, он в Аржантёе пользовался расположенными поблизости энгиенскими серными источниками, но из-за скверной погоды и общего состояния его здоровья действие их оказалось менее благотворным, чем можно было почти наверняка ожидать. После этого он вместе с г-жой Лафарг отправился на три недели в Веве; третьего дня он должен был выехать оттуда — сперва в Женеву, затем в Париж и, если позволит погода, то в октябре — на несколько недель сюда. Зиму он ни в коем случае не должен проводить в Лондоне, но будет ли он жить на юге Англии или где-нибудь в другом месте, должны будут решить врачи. По письмам Маркса я вижу, однако, что. выздоровление, хотя и замедленное из-за плохого лета, все же неизменно подвигается вперед.

Где вы, собственно, друзья, теперь обретаетесь? «Малое»[206], кажется, всех вас — как Маркса его болезнь — превратило в настоящих летучих голландцев.

Передай сердечный привет Либкнехту, если его увидишь.

---

* *Ф. Энгельс.* «Развитие социализма от утопии к науке». *Ред.*
** *Ф. Энгельс.* «Марка». *Ред.*

Вся египетская история была местью евреев (Ротшильда, Эрлангера и т. д.) за изгнание из Египта в древние времена при фараоне[323].

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано с сокращением в газете «Vorwarts» № 44, 22 февраля 1910 г. и полностью в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

100

МАРКС — ЛАУРЕ ЛАФАРГ
В ПАРИЖ

[Лондон], 9 октября 1882 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогая Какаду!

Погода здесь неплохая, то есть бывает несколько довольно хороших часов, когда ярко светит солнце; все же остальное время небо затянуто облаками и порою начинает моросить дождь. Но в общем не холодно и только утром и вечером обычный туман.

В субботу в Лондон приехал Шорлеммер, но только с коротким дружеским визитом — сегодня же вечером он снова должен ехать в Манчестер, так как завтра ему надо «содеять» там лекцию. Он передает тебе наилучшие пожелания.

Энгельс очень сердится, что ему уже несколько месяцев больше не высылают «Egalite», да и мой экземпляр тоже больше не поступает в Лондон. Сколько стоит подписка на «Citoyen», включая расходы на доставку в Лондон? При отъезде из Парижа я совсем упустил это из виду и, как только ты мне ответишь, отправлю почтовый перевод.

Вчера мы обедали у Энгельса. Пумпс с малышкой* и Перси**, конечно, тоже были там. Малышка очень живая; во всяком случае она болтает куда занятней, чем ее мамаша.

Вчера вечером меня навестил Донкин, но врачебному осмотру он подвергнет меня лишь на этой неделе. Нашел, что вид у меня лучше. Он считает остров Уайт наилучшим местопребыванием для меня на время наступающего в Англии сезона густых туманов.

* — дочерью Лилиан. *Ред.*
** — Рошер. *Ред.*

Джонни весел и в общем «счастлив», хотя трогательно часто говорит о своей маме* и Гарри. Под руководством Тусси он теперь снова привык каждое утро с головы до ног обливаться «холодной водой». Состояние его здоровья не оставляет желать лучшего; то, что он регулярно рано ложится спать (в 8 часов вечера), ему тоже на пользу. Ученость его достигла таких высот, что он уже разбирает «прописные буквы», а также большие римские цифры на часах.

С большой тревогой ожидаю от тебя известий о Женни, как о состоянии ее здоровья, так и о домашних делах. Вернулось ли семейство Лонге**?

Великий агитатор Сент-Паулюс***, конечно, снова восседает как на троне в башенке на Boulevard de Port Royal. Напиши мне о его приключениях, но прежде всего о себе самой — как живется-можется.

Кашель все еще тяготит меня; более чем необходимо *помнить,* что мне надо во что бы то ни стало покончить с ним, дабы вновь обрести полную работоспособность.

Ленхен и Джонни шлют привет.

Будь здорова, мой дорогой и верный спутник Какаду.

Олд Ник

Впервые опубликовано на языке оригинала в сборнике «Annali», an. I, Milano, 1958

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

101
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ[324]
В ЦЮРИХ

Лондон, 20 октября 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Давно уже хотел написать Вам о французских делах, но только сейчас собрался это сделать. Тем лучше, я смогу, таким образом, убить сразу двух зайцев.

1) *Сент-Этьенн.* Несмотря на благонамеренные советы бельгийцев, неизбежное совершилось, непримиримые элементы

* — Женни Лонге. *Ред.*
** — Шарль Лонге с сыновьями: Анри, Эдгаром и Марселем. *Ред.*
*** — Поль Лафарг. *Ред.*

разъединились[75]. И это хорошо. Вначале, при основании Рабочей партии, необходимо было допускать всех, кто принимал программу; если иные принимали ее со скрытыми оговорками, это должно было обнаружиться в дальнейшем. Мы здесь никогда не заблуждались насчет Малона и Брусса. Оба они выращены в бакунистской школе интриг; Малон даже — один из виновников создания бакунистского тайного «Альянса»[28] (один из 17 учредителей). Но в конце концов надо же было дать им возможность показать, отказались ли они вместе с бакунистской теорией и от бакунистской практики. Ход событий показал, что они приняли программу (и исказили ее, Малон внес в нее ряд ухудшений) лишь с тайным намерением ее провалить. То, что было начато в Реймсе и Париже[325], завершено в Сент-Этьенне. Программа лишена своего пролетарского классового характера. Коммунистическое обоснование 1880 г.[326] заменено обоснованием устава Интернационала 1866 г., которому потому как раз и пришлось придать такую общую формулировку, что французские прудонисты были очень отсталы, а исключить их все-таки нельзя было. Положительные требования программы аннулированы, так как каждой местной организации предоставлено право вырабатывать для любой специальной цели свою особую программу, когда только ей вздумается. Мнимая сент-этьеннская партия не только не является рабочей партией, но это вообще не партия, потому что у нее в действительности нет никакой программы: это, самое большее, партия Малона — Брусса. Самый тяжкий упрек, который оба они смогли предъявить старой программе, заключался в том, что она-де больше людей оттолкнула от партии, чем привела к ней. Теперь это исправлено: у прудонистов и радикалов[327] нет больше оснований оставаться вне партии, и если бы дело пошло так, как хочется Малону и К°, «революционная каша», на которую жалуется Фольмар[328], была бы официальным выражением [позиции] французского пролетариата.

Во всех романских странах (а может быть, и еще кое-где) всегда царила большая снисходительность в вопросе о съездовских мандатах. Многие, из этих мандатов не могли вынести дневного света. Пока этим не слишком злоупотребляли и пока дело шло о второстепенных вещах, беда была не так велика. Но бакунисты превратили это (сначала в Юре) в систему, стали заниматься систематической подтасовкой мандатов и пытались таким путем захватить руководство. То же самое мы видим теперь в Сент-Этьенне. В подготовке съезда во всем целиком господствует старая бакунистская тактика, для которой все средства хороши — ложь, клевета, тайные происки.

Это единственная область, в которой Брусс — мастер. Но эти люди забывают, что то, что может иметь успех в маленьких секциях и на небольшой территории вроде Юры, неминуемо должно привести к гибели тех, кто прибегает к подобным приемам и подвохам в настоящей рабочей партии большой страны. Мнимая сент-этьеннская победа продержится недолго, и с Малоном и Бруссом скоро будет покончено навсегда.

По-видимому, *всякая* рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе в полном соответствии с законами диалектического развития вообще. Германская партия стала тем, что она есть, в борьбе эйзенахцев и лассальянцев[245], где ведь сама драка играла важную роль. Объединение стало возможным лишь тогда, когда шайка прохвостов, преднамеренно выращенная Лассалем, чтобы служить его орудием, уже изжила себя, да и тогда наши чересчур поспешно пошли на это объединение[311]. Во Франции те люди, которые хотя и пожертвовали бакунистской теорией, но продолжают пользоваться бакунистскими средствами борьбы и в то же время хотят принести классовый характер движения в жертву своим особым целям, тоже должны сначала изжить себя, прежде чем опять станет возможным единство. Проповедовать при таких обстоятельствах единство было бы чистейшей глупостью. Моральные проповеди не помогут против детских болезней, которые при нынешних обстоятельствах неизбежны.

Впрочем, и роаннцы очень нуждаются в постоянной и строгой критике. Они слишком часто одержимы революционной фразой и беспочвенной жаждой деятельности.

2) *«Citoyen» — «Bataille».* Уже летом, когда дела «Bataille» обстояли плохо, деньги были растрачены на рекламу и т. п., капиталисты отвернулись, а Лиссагаре порвал с Малоном — Бруссом, уже тогда Лиссагаре предложил Геду слить обе газеты, с тем чтобы они вдвоем были главными редакторами и каждый получил бы право выбросить из редакции *другой* газеты трех человек. Таким путем Лиссагаре рассчитывал устранить ненавистного ему Лафарга. Редакторы «Citoyen» единогласно отклонили это. Дела «Bataille» продолжали ухудшаться. Тогда Лиссагаре договорился о слиянии обеих газет с владельцем «Citoyen» (одним голландским банкиром[*]) *за спиной ее редакторов,* надеясь путем такого «государственного переворота» заставить их подчиниться ему. Но случилось обратное: редакторы «Citoyen» не прекратили выпуска газеты ни на один день и подали на владельца в суд за нарушение до-

[*] — Бломмештейном. *Ред.*

говора. Этим они провалили весь замысел Лиссагаре, который чудовищно оскандалился и сам же это признал, прибегнув к своему последнему средству и провоцируя «подлеца Лафарга», как он его называет в «Bataille», на дуэль, на что тот, надо надеяться, ни под каким видом не пойдет. Можно с уверенностью сказать, что этой бонапартистской выходкой Лиссагаре погубил себя навсегда. В момент, когда партии для борьбы против сент-этьеннцев больше чем когда-либо нужна своя газета, — поставить ее существование на карту ради спасения своей собственной погибающей газеты, во что бы то ни стало изменить (если бы маневр удался) характер газеты, вступив при этом в союз с ее владельцем-буржуа против представителей партии, редакторов — этого стерпеть нельзя.

Если прилагаемое составлено в слишком сильных выражениях, смягчите их[329]. Как обстоит дело с печатанием брошюры[*]? Маркс здесь (это по секрету!), и надо надеяться, что он сможет провести зиму на английском побережье.

Ваш ***Ф. Э.***

Это письмо уйдет в 5 часов вечера, 20 октября, значит Вы его получите завтра вечером или в воскресенье[**] утром.

Впервые полностью опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

102
ЭНГЕЛЬС — ЛАУРЕ ЛАФАРГ
В ПАРИЖ

Лондон, 21 октября 1882 г.

Моя дорогая Лаура!

Позавчера мы получили от Поля[***] первые два номера перекочевавшего *«Citoyen»*[330]. Из *«Justice»* нам уже было известно, какой жарнакский удар[331] благородный *Проспер*[****] попытался нанести Рабочей партии; из вышеупомянутых двух номеров «Citoyen» мы увидели, что удар не удался, а по глупому

[*] *Ф. Энгельс.* «Развитие социализма от утопии к науке» (немецкое издание). *Ред.*
[**] В оригинале ошибочно: «субботу». *Ред.*
[***] — Лафарга. *Ред.*
[****] — Лиссагаре. *Ред.*

выстрелу, направленному «Citoyen et Bataille» против «подлого П. Л.»[*], мы узнали, что Проспер был прекрасно осведомлен и был вынужден сорвать с себя маску и показать, кем он является в действительности — забиякой типа Кассаньяка[332]. Разумеется, Поль не окажется таким глупцом, чтобы попасть в эту западню.

Вот уже два дня, как мы не получали ни «Citoyen», ни «Citoyen et Bataille», а сегодня не пришла даже и «Justice». Поэтому мы в полном недоумении. Приостановлен ли «Citoyen» из-за нехватки средств после выхода двух номеров или мы обязаны просто выдающемуся организаторскому гению французов тем, что не получили его? Ты знаешь, что при кризисе, подобном этому, нужно, чтобы нас регулярно снабжали информацией, которую мы здесь получить не можем. Я написал вчера Бернштейну[**] длинное письмо как о Малоне — Бруссе, так и об этом последнем деле; но в Париже каждый день может случиться что-нибудь такое, о чем важно было бы сразу же правильно информировать Бернштейна. Как я могу осуществить это, не имея материала? Неужели у парижских друзей действительно нет возможности делать то, что является самым важным для защиты их собственных интересов?

От Мавра я слышал сегодня, что ты написала ему и что Женни стало будто бы лучше. Мавр чувствует себя в общем очень хорошо; Донкин, который обследовал его, был даже удивлен тем значительным улучшением, которое он обнаружил (за исключением неизбежных следов двух последних плевритов); Донкин считает, что зиму Мавр сможет провести на южном побережье Англии. Он должен будет скоро уехать; у нас изо дня в день ужасающе сырая погода, но тепло, и когда у других людей прекрасная погода, у нас начинаются густые туманы.

Хотел бы я, чтобы ты смогла как-нибудь внезапно нагрянуть сюда в один из воскресных вечеров и увидеть происшедшие изменения. Мавр, конечно, не может выходить по вечерам, так что у меня никого не бывает, кроме семьи Пумпс и время от времени Елены[***]. «Кримм» окончательно исчез. На днях снова зашел великий Лориа. Случилось так, что в этот вечер здесь находился Джоллимейер[****], и поскольку все мы были немного навеселе, бедному Лориа пришлось вытерпеть кое-какие под-

[*] — Поля Лафарга. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 310—313. *Ред.*
[***] — Демут. *Ред.*
[****] Джоллимейер (Jollymeier) —шутливое прозвище Шорлеммера от английского слова «jolly» — «веселый», «подвыпивший» и немецкого слова Meier («фермер»). *Ред.*

дразнивания; он спросил Елену, *изучала ли также* и она *политическую экономию;* а нам сказал, что он попробовал мозельского вина в Берлине, но у вина был-де такой вкус, как у *воды с сахаром.* Ну ты можешь представить себе, какие последовали взрывы смеха. Я понимаю — бедный педант был сыт по горло нашей «саркастической» компанией. Представь себе, он не хотел верить, что ты и Тусси — сестры, и вытаращил глаза, когда услышал, кто ваш отец.

Сегодня к Мавру заходил — когда и я был там же — сеньор Алессандро Олдрини, но со стойкостью, которая меня очень порадовала, его не приняли. Если бы Мавр увидел его, бог знает, сколько таких Цанарделлей заявилось бы к нему после этого.

Пумпсы отлично преуспевают, они уже недели две или около того живут в своем новом доме, но он еще не совсем меблирован — из-за нехватки *звонкой монеты.* У малышки[*] был абсцесс на груди, но дело идет на поправку. Чарли[**] и мисс Беван уже три недели как поженились; я еще не видел их со времени счастливой развязки.

Сейчас уже близится время закрытия почты, и поскольку я хочу, чтобы ты получила это письмо завтра утром, я должен заканчивать. Сердечный привет Полю, и если ты увидишь их — Геду и Месе.

Твой любящий

Ф. Э.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с английского

103
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ В ЦЮРИХ

Лондон, 27 октября 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Спешу сообщить окончание парижских историй[***], так как не думаю, что парижане присылают Вам материалы — нам самим здесь приходится насильно их выжимать у этой публики.

Итак, «Citoyen» продолжал выходить под старой редакцией, в то время как Лиссагаре с помощью двух анархистов, Мальса

[*] — дочери Пумпс, Лилиан. *Ред.*
[**] — по-видимому, Рёзген. *Ред.*
[***] См. настоящий том, стр. 312—315. *Ред.*

и Крие, редактировал «Le Citoyen et la Bataille». В пятницу вечером «Citoyen et Bataille» пытается добиться конфискации (через полицию) «Citoyen» за фельетон Ванды Крыловой, на который предъявил право собственности владелец прежнего «Citoyen» Бломмештейн, голландский финансист, теперешний компаньон Лиссагаре. Благодаря своевременному предупреждению фельетон был снят, и явившийся для конфискации полицейский комиссар должен был ретироваться ни с чем. В воскресенье редакция *«Citoyen et Bataille»* заявляет, что в случае повторения попыток конфисковать «Citoyen» она в полном составе (3 человека) выйдет в отставку. В то же воскресенье вечером «Citoyen des deux mondes», как она была переименована по совету юристов, была конфискована опять-таки по требованию Бломмештейна за незаконное присвоение этого названия. В понедельник, вернее, во вторник утром, газета выходит снова под названием «Citoyen International» и требует, чтобы редакция «Citoyen et Bataille» сдержала свое слово и вышла в отставку. Последняя и не думает этого делать. Мальс и Крие заявляют в частных разговорах, что *они-то* во всяком случае уйдут, но не уходят; Крие арестовывают за мнимое соучастие в событиях в Монсо-ле-Мин[333] и сажают в тюрьму.

Между тем редакция «Citoyen», которая ежедневно должна была опасаться конфискации газеты, если она не изменит ее заголовка, переименовала газету четыре дня тому назад в «L'Egalite», наряду с которой будет продолжать выходить и еженедельная «Egalite». Не знаю, откуда у них деньги, — вот уж три недели мы не имеем от них никаких известий. Сегодня мы к тому же не получили «Egalite». Но выдающийся организаторский гений французов как раз и проявляется у наших друзей в организации чудовищного беспорядка, так что из этого еще ничего не следует.

Попытка прикончить «Citoyen» с помощью судов и полиции срывает с Лиссагаре последний фиговый листок. Он представляет собой редкое сочетание величайшей глупости и подлости.

Маркс просит Вас прислать ему экземпляр швейцарского фабричного закона[84]. Вы нас очень обяжете, если сообщите, в каком, приблизительно, году был принят действующий сейчас в Германии фабричный закон и есть ли это особый закон или часть имперского промыслового устава[84]. Тогда уж мы сумеем его раздобыть. Марксу он нужен для третьего издания первого тома[*], и он обещает прислать Вам за это при случае что-ни-

[*] — «Капитала». *Ред.*

будь для «Sozialdemokrat». Через несколько дней он уезжает на остров Уайт, где проведет зиму, если все будет благополучно (это в 5—6 часах езды отсюда).

Ваш мистер Гарсиа — один из множества маленьких демократиков, которые шатаются здесь по Лондону и участвуют во всех союзах[334]. Их новейшим вождем или, как выражается Штибер, главным вожаком[335] является адвокат Гайндман, карьерист яро-демократического толка, провалившийся на последних выборах кандидат в парламент. Никто не идет за этими людишками, они поддерживают лишь друг друга. Они разделяются на разнообразные секты, к которым примыкает несектантское общедемократическое болото. Их главная забота — придать себе вес и значение перед публикой. Отсюда все это перечисление неизвестных знаменитостей в корреспонденциях Гарсиа. Добрых намерений у большинства из них сколько угодно, но достаточно сильно и стремление играть видную роль. Я посоветовал бы Вам поэтому быть *очень осторожным с* письмами этого человека: представить в виде влиятельной партии маленькую клику, которая в течение двадцати лет, под разными именами и в различной форме, оставалась все такой же ничтожной, — вот к чему сводится, в конечном счете, его главная цель. — Но, мне кажется, «Sozialdemokrat» не для того существует, чтобы создавать европейскую известность этим усердствующим импотентам. Прилагаю билет одного из маленьких союзов, в котором Гарсиа состоит секретарем и куда он недавно приглашал меня прочесть доклад; разумеется, я отказался.

Жду с величайшим нетерпением материалов о Бисмарке. Если Маркс теперь уедет, я начну серьезно работать, и если я засяду за большую работу, которая уж давно должна была быть сделана*, то я *освобожусь не так-то скоро* и предупреждаю Вас заранее, что Вам тогда придется подождать. Если бы материалы уже были у меня, я мог бы взяться за них сейчас же и управиться еще *до этого.* Бебель обещал, но ничего не прислал, а теперь ему к тому же предстоит сесть за решетку, куда уже угодил Либкнехт[336]; а от остальных я тем более ничего не получу.

Прилагаемое — для Каутского. Сердечный привет.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* Энгельс имеет в виду, очевидно, «Диалектику природы». *Ред.*

104
ЭНГЕЛЬС — АВГУСТУ БЕБЕЛЮ[337]
В ЛЕЙПЦИГ

Лондон, 28 октября 1882 г.

Дорогой Бебель!

Наконец-то я собрался тебе написать — Маркс уже около трех недель снова здесь, послезавтра он едет на остров Уайт, а потому у меня не было возможности спокойно заняться чем-либо.

Из статей Фольмара мне очень понравилась именно первая[313]: в ней он воздал должное господам нытикам из «правого крыла», которые добиваются отмены закона против социалистов[106], даже и на таких условиях, которые для партии были бы хуже, чем самый закон против социалистов, — только бы вновь обзавестись благодаря этому газетами вроде *«Gerichts-Zeitung»* и таким образом снова получить доступ к старым литературным «египетским котлам с мясом»[338]. В противовес этим господам — а статья только против них и была направлена — было, по моему мнению, вполне правильным указать, что *добровольная* отмена закона против социалистов может очень легко произойти на условиях, которые ухудшат положение *партии;* следовало подчеркнуть, что путем унизительного попрошайничества нам менее всего удастся избавиться от закона против социалистов.

Впрочем, этот вопрос и для меня — вопрос академический. Думаю, что закон будет сметен событиями, которые послужат вступлением к революции и которых долго ждать не придется.

Вторую статью я лишь бегло просмотрел, так как в это время два или три человека мне непрерывно мешали, иначе я по тому, как автор представляет себе революцию, заметил бы французское влияние и, наверное, узнал бы нашего Фольмара. Ты вполне правильно уловил эту сторону дела[339]. В его представлении о революции фраза о «единой реакционной массе»[340] находит, наконец, долгожданное осуществление: все официальные партии, сбитые в один клубок, — *здесь;* мы, социалисты, в стройном отряде, — *там;* великая решающая битва — и после первого же удара победа по всей линии. В действительности все это происходит не так просто. В действительности революция, напротив, начинается, как ты и отмечаешь, с того, что огромное большинство народа, а также и официальных партий объединяются *против* изолированного благодаря этому

правительства и свергают его; и лишь после того, как те из официальных партий, которые смогли еще удержаться, в борьбе между собой потерпят крах одна при помощи другой и одна вслед за другой — только тогда произойдет то решительное деление, о котором говорит Фольмар, и вместе с тем наступит возможность нашего господства. Если бы мы вздумали вместе с Фольмаром начать революцию немедленно с ее *последнего акта,* — нам пришлось бы очень плохо.

На заключительные слова о новой тактике я тогда обратил мало внимания, — во всяком случае, имея под рукой уголовный кодекс, в этих словах можно найти много такого, за что могут *посадить.* Не беда, однако, если время от времени кто-либо перегнет палку в эту сторону, ведь и в другую сторону ее перегибают не мало. Но если я на это место обратил слишком мало внимания, то ты, по-моему, отнесся к нему слишком уж серьезно, и по ликованию Фирека в «Suddeutsche Post» ты видишь, как правое крыло пытается использовать твой ответ[341]. Не думаю, чтобы под влиянием статьи Фольмара наши товарищи в Германии так-таки сразу усвоили его манеру выражаться. Только требование Фольмара, чтобы мы объявили: «мы организуемся *тайно»,* безусловно следует отклонить.

Материалов о Бисмарке жду с нетерпением, но теперь, когда вы оба[*] сидите[336], мне придется, вероятно, еще подождать. Если я, однако, тем временем увязну в другой большой работе, которая у меня тоже уже давно на очереди[**], то я не смогу прервать ее, и Бисмарка придется отложить[***].

Во Франции произошел давно ожидаемый раскол[75]. Первоначальное сотрудничество Геда и Лафарга с Малоном и Бруссом было, впрочем, при организации партии неизбежно, но Маркс и я никогда не питали иллюзий насчет долговечности этого союза. Расхождение чисто принципиальное: должна ли борьба вестись *как классовая борьба* пролетариата против буржуазии или же допустимо вполне оппортунистически (или как это называется в переводе на социалистический язык: поссибилистски) отказываться от классового характера движения и от программы во всех тех случаях, когда благодаря этому отказу можно заполучить больше голосов, больше «приверженцев»? Малон и Брусс высказались за последнее; тем самым они пожертвовали пролетарским, классовым характером движения и сделали разрыв неизбежным. Тем лучше. Развитие пролетариата повсюду сопровождается внутренней борьбой, и Франция, где

[*] — Бебель и Либкнехт. *Ред.*
[**] Энгельс имеет в виду, по-видимому, «Диалектику природы». *Ред.*
[***] См. настоящий том, стр. 299—300. *Ред.*

теперь впервые создается рабочая партия, не является исключением. Мы в Германии уже прошли первый этап этой внутренней борьбы (с лассальянцами), другие нам еще предстоят. Единство — прекрасная вещь, пока оно возможно, но есть вещи поважнее единства. Кто, подобно Марксу и мне, в течение всей своей жизни боролся против мнимых социалистов больше, чем против кого бы то ни было (ибо буржуазию мы воспринимали только как *класс* и почти никогда не затевали единичных схваток с буржуа), тот не станет особенно сокрушаться из-за того, что неизбежная борьба разразилась.

Надеюсь, что письмо это дойдет до тебя, прежде чем ты окажешься за решеткой. Маркс и Тусси шлют сердечный привет. Выздоровление Маркса идет полным ходом, и если плеврит не повторится, то будущей осенью Маркс будет крепче, чем в течение всех последних лет. Если ты встретишь Либкнехта в «Kafigturm»* (как говорят в Берне), кланяйся ему от всех нас.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые полностью опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

105
ЭНГЕЛЬС — ПОЛЮ ЛАФАРГУ
В ПАРИЖ

Лондон, 30 октября 1882 г.

Дорогой Лафарг!

Посылайте, пожалуйста, ***регулярно*** ежедневный выпуск *«L'Egalite»* редакции «Sozialdemokrat» — Цюрих, Швейцария.

Взамен вам будут высылать «Sozialdemokrat». Это неравный обмен — ежедневная газета взамен еженедельной, — но выгода все же будет на вашей стороне. Дело идет о том, чтобы держать редакцию «Sozialdemokrat» в курсе событий, происходящих в Париже, а Вы сами понимаете, что более или менее пролетарская редакция не может подписываться на все газеты, возникающие и исчезающие в Париже.

До сих пор основным источником информации «Sozialdemokrat» о парижских делах был Фольмар, депутат германского рейхстага, бывший офицер, парализованный после ранения. Он — друг Малона, и Вы можете себе представить, как тот его настроил против вашей партии. Он не только использовал многочисленные ошибки, в чем вы не преминули оказать ему содействие (например, нелепая статья Леона Пикара о парижских

* — «башенной клетке» (тюрьме). *Ред.*

немцах в сентябрьском номере[342]), но, по своему обыкновению, наболтал ему массу лживых вещей.

Впрочем, Фольмар — славный парень и выпустил в Германии до такой степени непоссибилистскую брошюру[313], что не сможет отныне оставаться поссибилистом во Франции. Не лишним было бы поискать случая договориться с ним и показать ему оборотную сторону медали. У меня нет его парижского адреса, но достать адрес будет нетрудно.

Я выпускаю в Цюрихе немецкое издание «Утопического социализма и научного социализма» с многочисленными дополнениями[343]. Пришлю Вам экземпляры книги немедленно по их получении. Вещь будет приблизительно вдвое длиннее Вашего перевода[300]. Не представится ли возможность публикации нового французского издания на основе немецкого?

Повторяю, для Вас исключительно важно снабжать информацией «Sozialdemokrat». У Бернштейна наилучшие намерения, но мы не можем отсюда держать его в курсе дел, о которых часто оставляют в неизвестности нас самих. Хорошо было бы придраться к случаю, чтобы написать ему, попросить каких-нибудь сведений и т. д. Вот те *невинные* способы, с помощью которых Малон умеет располагать к себе людей и которыми вы всегда пренебрегаете. Советую Вам вспоминать время от времени, что Париж больше не столица мира (таковой вообще больше нет) и еще того меньше — весь мир.

Сердечный привет Лауре.

Вчера Маркс у меня обедал, вечером мы все у него ужинали и распивали ром до часу ночи, а сегодня он уехал в Вентнор.

Весь Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на языке оригинала в книге: F. Engels, P. et L. Lafargue. «Correspondance», t. I, Paris, 1956

Печатается по рукописи

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

106

ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ[344] В ЦЮРИХ

Лондон, 2—3 ноября 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Я все еще не получил корректуру[*] *(только что прибыла,* 3 ноября). Зато я получил от Бебеля законопроект *1882 г.*

[*] *Ф. Энгельс.* «Развитие социализма от утопии к науке» (немецкое издание). *Ред.*

о страховании от несчастных случаев и болезней, но не первоначальный проект[176], представляющий бисмарковский социализм *в чистом виде,* не подвергшийся влиянию парламентских голосований. Было бы очень желательно получить именно этот проект вместе, пожалуй, с другим, относящимся к *банку* по страхованию от несчастных случаев; без этого ничего нельзя сделать[345].

Большое спасибо за «маркиза Познанского»[*]. По остальным железным дорогам мне все подробности не нужны. Достаточно *курса акций с начала или с середины 1879 г.* (до того, как стало что-либо известно об огосударствлении железных дорог); разницы между тогдашним и нынешним курсом достаточно, чтобы показать, как государство купило буржуазию.

Лассаль во многих отношениях был хорошим юристом и достаточно изучил римское наследственное право, чтобы своими познаниями импонировать юристам (это было его любимым выражением; осматривая в Британском музее камень из Розетты[346], он сказал Марксу: «Как ты думаешь, не стоит ли мне потратить полгода на то, чтобы импонировать египтологам?»). В Германии достаточно, если кто-нибудь развивает тот или иной пункт с точки зрения определенной теории, и юристы забыли ныне, что теория, которую развивал Лассаль, *буквально заимствована из гегелевской философии права и философии истории* и что в применении к римскому наследственному праву она к тому же еще и неверна; это право надо выводить не из «воли», как учит Гегель, а из истории римского *gens,* родовой семейной общины, о которой юристы большей частью тоже не очень-то много знают. Впрочем, я сказал ведь только, что мне придется разрушить легенду о Лассале как *оригинальном мыслителе*[**], а это совершенно необходимо.

Письмо Лафарга, помещенное в «Proletaire», мне неизвестно[***], попробую запросить газету из Парижа, но оттуда ее едва ли удастся получить. Если газета еще у Вас, прошу мне ее прислать. Я Вам ее верну. Вообще говоря, Малону следует быть осторожнее: у Лафарга куча компрометирующих писем от него.

Нелепая статья Пикара, *разумеется, была дезавуирована в «Citoyen»*[342], Маркс сам это читал. Впрочем, человек, пославший Вам статью с подчеркнутыми синим карандашом местами, не знает французского языка; он *подчеркивает, как шовини-*

[*] «Marquis-Posener» — биржевое прозвище Markisch-Posener Eisenbahngesellschaft (Общества Бранденбургско-Познанской железной дороги). *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 304. *Ред.*

[***] См. настоящий том, стр. 84. *Ред.*

стическое заявление «Citoyen», такое место, которое Пикар *вкладывает в уста буржуазных эксплуататоров...* патриотической лиги... во главе которой стоит Гамбетта! Я подчеркиваю это место красным карандашом. Пикару нравится быть в оппозиции к Геду, и он протащил свою статью, чтобы напакостить ему; если бы там могла быть порядочная редакция, этой ерунды не поместили бы.

Перейду теперь к «отнюдь не порядочному поведению редакторов «Citoyen» в деле Годара»[102]. Случайно это дело нам в точности известно; Марксу об этом не раз рассказывали в Париже, как лица, имевшие к нему прямое отношение, так и совершенно посторонние. После инцидента, происшедшего на каком-то собрании, Годар отправляется в редакцию «Citoyen», где Гед, все еще питающий *лично* некоторую нежность к своим бывшим анархистским собратьям, встречает его очень дружелюбно. Вдруг среди мирной беседы, без малейшего повода, Годар наносит Геду сильный удар в лицо. Подбегают остальные. Годар с анархистской трусостью ретируется в угол: не станут же его, пленника, бить! И наивные сотрудники «Citoyen», вместо того чтобы как следует намять ему бока, держат совет и решают, что действительно его надо отпустить, потому что он пленник!! Годар, к сожалению, так и не отведавший палки, воспользовался случаем и тут же сбежал. Но на следующий вечер, когда большинства редакторов заведомо не было на месте, дюжина вооруженных (дубинками и т. п.) анархистов ворвалась в редакцию и со всяческими угрозами потребовала удовлетворения. Однако Массар держался твердо, и им пришлось убраться ни с чем. Но тут уж о случившемся известили Федерацию Центра[243], которая несколько вечеров посылала рабочих для охраны редакции, и господа анархисты больше не появлялись.

Ну а теперь я попросил бы Вас сообщить мне, в чем же, собственно, заключалось «отнюдь не порядочное» и т. д.

Из всего содержания Вашего письма я прихожу к выводу, что Вы не получали регулярно «Citoyen» и поэтому должны были ограничиваться, кроме «Egalite» и «Proletaire», сообщениями парижских товарищей, которые в свою очередь пользовались исключительно лишь информацией Малона и К° и, по-видимому, проявили по отношению к ним порядочное легковерие. Но партийный орган, по-моему, ни в коем случае не должен допускать, чтобы его суждение о рабочем движении другой страны определялось преимущественно под влиянием товарищей — состав которых ведь часто меняется, — находящихся в столице чужой для них страны. Немецкие общества за границей — безусловно наихудшие источники информации

о заграничном движении. Они редко в состоянии получить представление о движении в целом; будучи большей частью ограничены лишь узким кругом определенных связей, они не могут поэтому идти в ногу с окружающим их движением, и к тому же, хотя влияние их сходит на нет, они воображают, что до сих пор еще представляют собой нечто значительное по сравнению с массами в самой Германии. Могли ли бы мы свободно судить о движении или отсутствии движения в Англии, если бы стали хоть сколько-нибудь считаться с неустойчивым большинством здешнего Общества?[152] И не относятся ли немецкие общества в Нью-Йорке столь же некритически к американскому рабочему движению? Каждое общество требует прежде всего, чтобы признавали его значение, и поэтому, если у него нет очень энергичного и разумного руководства, легко попадается в сети иностранных ловкачей.

Ваши неоднократные уверения, что «марксизм» сильно дискредитирован во Франции, основываются ведь тоже на этом единственном источнике, то есть на *перепевах Малона.* Правда, так называемый «марксизм» во Франции совсем особого рода, такой, что Маркс сказал однажды Лафаргу: «Ясно одно, что сам я не марксист». Но если «Gitoyen» расходился прошлым летом в количестве 25000 экземпляров и занял такое положение, что Лиссагаре поставил на карту свою репутацию, чтобы захватить его[*], то это все же как будто в известной мере противоречит пресловутой дискредитации. Но еще больше противоречит этому тот факт, что дискредитация не помешала этим людям пользоваться таким кредитом, что после их изгнания из «Gitoyen» они *в тот же день* основали новую большую ежедневную газету[330], охраняли ее целых две недели *почти исключительно* благодаря поддержке *рабочих и мелкой буржуазии* (ouvriers et petits industriels, — пишет Лафарг) от происков владельца[**] старого «Citoyen» и нашли капиталиста, с которым они завтра должны окончательно договориться — да или нет — относительно газеты[***]. Перед лицом столь красноречивых фактов Малону придется, вероятно, оставить при себе свою «дискредитацию». А «кредит» самого г-на Малона так велик, что, когда он попросил Рошфора увеличить ему гонорар за его статьи в «Intransigeant», тот ему ответил: «Я буду вам больше платить, *если вы будете меньше писать».* Пусть Малон попробует без гроша в кармане основать в Париже ежедневную газету и покажет, каким кредитом он пользуется!

[*] См. настоящий том, стр. 312—313 и 315—316. *Ред.*
[**] — Бломмештейна. *Ред.*
[***] — «L'Egalite» (ежедневной). *Ред.*

Однако довольно об этом. Я просил Лафарга[*] посылать «Egalite» в порядке обмена в редакцию «Sozialdemokrat», и он пишет мне сегодня, что сделает это, так что Вы будьте любезны в свою очередь посылать «Sozialdemokrat» в редакцию «Egalite». Если Вы не будете регулярно получать «Egalite», то Вам надо будет только черкнуть несколько слов — открытку по адресу: П. Лафарг, 66, Boulevard du Port Royal, Париж.

Что касается статей Фольмара[313], то именно первая из них, направленная своим острием против людей, которые кричат об отмене закона против социалистов[106] *любой* ценой, была очень хороша и убедительна. Вторую я лишь бегло просмотрел, собираясь уезжать и находясь в обществе трех-четырех громко разговаривавших людей. Иначе я не отнесся бы так легко, как я это в самом деле сделал, к тому, что в конце ее он требует, чтобы партия взяла чрезмерно угрожающий тон. В этом вопросе Бебель прав[339], но я думаю, что он отнесся к нему чересчур серьезно. Действительный недостаток второй статьи (который я, правда, заметил, но которому не придал значения) заключается в ребяческом представлении, что ближайшая революция должна будет *начаться* с разделения всего мира на две армии: «Здесь Вельфы! Здесь Вайблинги!»[347]; с одной стороны— мы, с другой — вся «единая реакционная масса»[340]. Это значит, что революция должна начаться с *пятого акта,* а не с первого, в котором все оппозиционные партии совместно выступают против правительства и его промахов и таким образом одерживают победу, после чего среди победителей отдельные партии одна за другой изживают себя, сходят со сцены, что в конце концов заставит народную массу целиком перейти на нашу сторону, и тогда уже сможет развернуться знаменитый решительный бой Фольмара. Но этот пункт был в данном случае второстепенным, суть статьи — в доказательстве, что если бы дела пошли согласно желанию господ из «правого крыла», то мы, конечно, могли бы избавиться от закона против социалистов на условиях, которые были бы для партии хуже, чем самый закон, но зато эти господа получили бы возможность опять издавать газеты вроде гамбургской «Gerichtszeitung» и т. п. и выдавать их за партийные органы. В этом я вполне согласен с Фольмаром, о чем написал и Бебелю[**].

Вчера я послал на Ваше имя (137, Alte Landstrasse, Riesbach) почтовый перевод на 12 шилл. = 15 фр. 10 сант. в оплату

[*] См. настоящий том, стр. 320—321. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 318—320. *Ред.*

моей и Маркса подписки. Прошу известить меня о сроке следующего платежа.

Поздравляю с вступлением тиража[*] в седьмую тысячу!

Ваш ***Ф. Э.***

После Вашей поправки в предисловии[**] всякое упоминание о виденской конференции[348] становится излишним, поэтому я его вычеркиваю. Прошу присылать мне по *два* экземпляра корректурных листов[***]. Корректуру отошлю сегодня или завтра.

Впервые полностью опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

107
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ
В ЦЮРИХ

Лондон, 4 ноября 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

«Почтительнейше подтверждая отправку моего вчерашнего письма, имею счастье уведомить Вас о получении Вашего почтенного письма от 1-го с. м. и спешу ответить на него». Как видите, старый конторский стиль еще не совсем позабыт.

Пишу Вам тотчас же, чтобы избавить Вас от множества лишних хлопот. Очень любезно с Вашей стороны, что Вы выкапываете и присылаете нам все эти книги, но «в настоящий момент мы, право, не можем воспользоваться ими». Дело в том, что в третьем издании[****] Маркс хочет только исправить и дополнить данные о нынешнем состоянии фабричного законодательства, а для этого ему нужен *точный текст самих законов и больше ничего*. Побочные вещи, вроде правил об охране труда, об ответственности и т. д., для *этой* цели не имеют никакого значения. А что мне еще нужно для работы о Бисмарке[345], я

[*] — «Sozialdemokrat». *Ред.*
[**] *Ф. Энгельс.* «Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке»». *Ред.*
[***] *Ф. Энгельс.* «Развитие социализма от утопии к науке» (немецкое издание). *Ред.*
[****] Речь идет о третьем немецком издании первого тома «Капитала» К. Маркса. *Ред.*

писал Вам вчера: курсы акций шести недавно огосударствленных железных дорог от начала или середины 1879 г. и законопроекты Бисмарка по страхованию от несчастных случаев и т. д. в *первой* редакции. Если мне понадобится новейшее издание Залинга, которое должно вскоре выйти* (я очень Вам благодарен за то, что Вы обратили мое внимание на это), то я в течение четырех-пяти дней сумею достать его здесь.

Очень признателен за Ваши сообщения о Гарсиа; ведь неизвестно, где еще придется с ним встретиться. То, что он говорит об агитации некоторых тред-юнионистских лидеров за проведение туннеля под Ла-Маншем, совершенно правильно. Это все те же лица, которые всегда охотно продавались радикальной буржуазии (при Морли); — на этот раз к ним присоединился Дж. Шиптон, редактор «Labour Standard». То, что компания по сооружению туннеля оплачивает этих людей, не подлежит никакому сомнению; из одного энтузиазма они не стали бы тратить деньги на путевые расходы и т. д. Все это, правда, довольно невинно, но все же Шиптон уже отведал теперь буржуазных денег, и при его безграничной слабохарактерности и погоне за популярностью это может его далеко завести. Девственность утрачена, и поседевшие в интригах прочие «рабочие представители» скоро, вероятно, окончательно приберут его к рукам.

Охотно верю, что из Парижа Вас бомбардируют письмами в пользу Малона и против Геда. Но корреспондент, которого Вы цитируете, ведь сам выдает свою некомпетентность в этом деле, заявляя, что он пишет под влиянием разгоревшейся в данный момент травли немцев, и упрекая Вас в том, что Вы выполняете свой долг редактора партийного органа, то есть все дело «рассматриваете с высоты птичьего полета» — критически и в целом, и не поддаетесь, как он сам, впечатлению мимолетных и имеющих лишь местное значение эпизодов. И если этот человек два месяца спустя все еще носится с той же злополучной статьей**, если на основании одного только этого случая он делает заключение о значительной фракции рабочих, то неужели и партийный орган должен быть столь же ограниченным? Если в Париже есть множество несоциалистических и полусоциалистических рабочих, изливающих свой шовинизм на ненавистных немцев, то отвечает ли за это «Citoyen»? Во всяком случае не больше, чем немецкие социалисты в Париже за то, что есть много несоциалистических немецких рабочих в Париже, Лондоне, Нью-Йорке и во всех других крупных американских

* «Биржевой ежегодник Залинга на 1883/84 год». *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 322—323. *Ред.*

городах, — рабочих, которые соглашаются, когда вопрос ставится ребром, на уменьшение заработной платы, снижают этим заработную плату местных рабочих (а в Америке даже ирландцев!) и создают таким образом массе немецких рабочих не совсем незаслуженную дурную репутацию. И наконец, если статья эта так уж стала ему поперек горла, почему он не *выступил против нее?* Статья *была* дезавуирована — правда, в довольно мягкой форме, — но Маркс говорит мне, что, по понятиям парижских журналистов, это была вполне удовлетворительная форма, в какой любая тамошняя газета обычно дезавуирует своего попавшего впросак редактора, пока на газету не оказывают *давления.* А такое давление можно было оказать, и очень просто. Если бы написали письмо с протестом и кто-либо или какая-либо депутация отнесли его в контору газеты*, то редакция вынуждена была бы подойти к делу серьезно. Если бы дежурный редактор (им ведь мог бы оказаться и сам Пикар) стал чинить препятствия, то достаточно было пригрозить, что если письмо не появится завтра в «Citoyen», то оно в тот же день будет послано в Цюрих в «Sozialdemokrat». Возможно, Ваш корреспондент недостаточно владеет французским языком, тогда можно было обратиться к Фольмару; в случае отсутствия Фольмара это охотно сделал бы Гирш. Поступи эти люди таким образом, они внушили бы уважение к себе и дали бы полезный урок «Citoyen», и я бы очень порадовался этому. Но сначала переносить все с овечьей кротостью, а потом хныкать — это чисто по-немецки и навлекло на немцев заслуженное презрение. Если бы *мы* стали терпеть подобные вещи со стороны французов и англичан, если бы наши люди в Германии были так же бесхребетны, к чему бы это нас привело? Прежде чем требовать, чтобы партийный орган считался с их мнением о французском движении, немецкие социалисты в Париже должны сначала доказать, что они, во-первых, вообще способны к непредвзятой и беспристрастной критике, а во-вторых, — что они умеют *постоять за себя* перед французами. Здесь не было ни того, ни другого.

Относительно вредности ежедневной газеты в Париже я не могу с Вами согласиться. Еженедельный орган оказывает в *Париже* влияние только на узкие круги; для того чтобы влиять на массы, надо иметь ежедневную газету. Мы тоже были против ежедневной газеты, когда не было никаких шансов ее получить и когда произошло ребяческое переселение «Emancipation» в Лион[212]. Теперь дело обстоит иначе. «Citoyen» создал в Париже имя себе и своим редакторам, буржуазные газеты всех оттен-

* — «Citoyen». *Ред.*

ков вынуждены были вступить с ним в полемику и были разбиты наголову, и если бы мы теперь потеряли эту ежедневную газету, это было бы большим поражением. Этому нисколько не противоречит то, что газета не может быть идеальной, совершенной, что ее мнимодемократическое редактирование целым комитетом часто сводится на деле к отсутствию всякой редакции, как в случае со статьей Пикара. Но Лафарг прислал мне недавно около 20 номеров, в которых говорится о расколе[75], и я вовсе не нахожу, чтобы газета была так уж плоха, за исключением некоторых пунктов, за которые их давно уже бранили и которые встречались бы и в еженедельной газете. Газета, выходящая два раза в неделю, немыслима — это заранее скажет всякий, кто знаком с условиями парижской печати, — она была бы *мертворожденной.* Или еженедельная — или ежедневная газета. А на издание ежедневной газеты у бывшей редакции «Citoyen» сейчас, во всяком случае, имеются очень большие шансы, как показывает быстрое превращение «Citoyen» в ежедневную «Egalite», более 5000 экземпляров которой уже сейчас распространяется в Париже.

Теперь о митинге Клемансо. Прилагать к этому, как и к прочим парижским событиям, немецкую мерку абсолютно невозможно. Когда Гамбетте не дали говорить в его избирательном округе[12], вся радикальная и социалистическая печать торжествовала. Теперь то же самое произошло с Клемансо[349]. Клемансо — спокойный, расчетливый человек, вполне готовый идти дальше, если он видит в этом необходимость, и готовый даже сделаться коммунистом, если его в этом удастся *убедить:* «Убедите же меня!» И рабочие его избирательного округа применяют весьма действенное средство убеждения, показывая ему, что его депутатское место в опасности. Это, может быть, подстегнет его несколько вялое изучение социализма.

Но кто же те люди, которые это сделали? Только ли Гед и К°? Нет, ведь председателем собрания был Жофрен, друг Малона и будущий противник Клемансо на выборах на Монмартре! Значит, наши люди вели себя, как и всегда, когда идет борьба с буржуазией, настолько прилично, что голосовали за малоновского председателя и были заодно со сторонниками Малона. Если поведение рабочих заслуживает упрека, то упрек этот относится к сторонникам Малона в гораздо большей мере, чем к сторонникам Геда.

Фраза в «Citoyen» говорит только о том, что такой тактики против Клемансо следует держаться и впредь. Раз она оказалась успешной, то почему же не продолжать ее и в дальнейшем? Хотелось бы мне посмотреть, в состоянии ли «Proletaire»

отплатить «Egalite» той же монетой на собраниях. До сих пор я не видал ничего, что дало бы мне основание это предполагать. Но если так оно сейчас и произойдет, это ровно ничего не значит и едва ли будет долго продолжаться.

А теперь наскоро, до отправления почты — иначе это письмо уйдет только в понедельник утром — несколько слов о проектируемой Вами кампании за изменение программы. Я считаю ее крайне несвоевременной. Программа плоха, но ни один человек не говорит больше об этом. Изменение программы надо производить таким образом, чтобы не к чему было придраться. Стало быть, пока нельзя выбирать открыто делегатов и, значит, пока можно оспаривать *любой* мандат, лучше будет без крайней нужды программу не трогать. Изменение программы дало бы повод правому крылу разыгрывать из себя истинных блюстителей партийных принципов, верных старой, испытанной программе и т. д. Подумайте же хорошенько, прежде чем бросить это яблоко раздора в партию, связанную по рукам и ногам.

Величайшая опасность всякой политической эмиграции заключается в ее жажде деятельности: должно же что-то происходить, надо же что-то делать! И вот делают вещи, в значении которых не отдают себе отчета и которых, как потом убеждаются сами, лучше было бы не делать. Может быть, Вы и Фольмар тоже немножко страдаете жаждой деятельности? В таком случае берегитесь самих себя!

Сердечный привет!

Ваш ***Ф. Э.***

Маркс в Вентноре, на острове Уайт[77], чувствует себя хорошо.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

108
ЭНГЕЛЬС — ФРИДРИХУ АДОЛЬФУ ЗОРГЕ В ХОБОКЕН

Лондон, 9, 16 ноября 1882 г.

Дорогой Зорге!

«Labour Standard» я оплатил до 3 декабря, 4 шиллинга 5 пенсов, и уведомил Шиптона, чтобы все дальнейшие счета он посылал мне. Так что если ты хочешь прекратить подписку, то поскорее сообщи мне об этом.

Маркс пробыл здесь три недели, очень поправился, теперь ему нужно только бывать на свежем воздухе и беречь себя. Он настолько преодолел свои побочные болезни, что будущим летом наверняка излечится от них. Главное — чтобы этой зимой не допустить повторения плеврита, поэтому он и уехал в Вентнор на острове Уайт[77], откуда я только что получил от него несколько строк[*]. Там он, если позволят обстоятельства, как следует возьмется за третье издание[**], и можно надеяться, что ему потребуется на это не слишком много времени. В общем он был очень бодр и хорошо настроен, и если все пойдет как следует до будущей осени, его здоровье будет лучше, чем все эти годы.

Благодарю за сведения о Лилиентале. Я теперь знаю этого человека так же хорошо, как если бы был с ним знаком со школьной скамьи.

Очень рад, что твой Адольф[***] хорошо устроился; он, наверно, скоро сумеет найти тот путь, который даст ему возможность быстро выдвинуться. Его письма я получил, но, к сожалению, еще не ответил на них, как и на множество других.

Гепнер — подлинный неудачник и в своих выпадах, например против Шевича, чересчур много внимания уделяет всякой ерунде. Кто станет так восхищаться «немецкой культурой»! Ему следовало бы сначала познакомиться с американской культурой. Но ведь это типично немецкая манера. Приезжает такой субъект из провинциального немецкого городка и сразу хочет поучать Америку. Однако в Америке его пообломают, а так как он малый со способностями и не лишен остроумия, то может еще оказаться весьма полезным.

16 ноября

Видишь, что у меня творится? Неделю тому назад я прервал письмо и только сегодня в состоянии продолжить его и, надеюсь, также и докончить.

Лафарг еще с весны в Париже, его жена[****] последовала за ним летом. Она пробыла месяц с Марксом в Веве[69]. Дело в том, что Маркс был сначала в Алжире[40], потом в Монте-Карло (Монако)[45], и в обоих местах у него были рецидивы плеврита. Потом он побыл в Аржантёе[54] у Лонге, откуда ездил в соседний

[*] См. настоящий том, стр. 85—87. *Ред.*

[**] Речь идет о третьем немецком издании первого тома «Капитала» К. Маркса. *Ред.*

[***] — Адольф Зорге. *Ред.*

[****] — Лаура Лафарг. *Ред.*

Энгиен, чтобы принимать серные ванны для излечения своего хронического бронхита. Потом он жил в Веве и наконец вернулся сюда.

Ты знаешь, Лафарг (при очень большой помощи с моей стороны, так как он ни за что не хотел учиться немецкому языку у своей жены) издал на французском языке три главы моего «Анти-Дюринга» (введение и первые две главы раздела III «Социализм»), озаглавив их «Утопический социализм и научный социализм». Книжка имела во Франции огромный успех. Большинство ленится читать такие толстые книги, как «Капитал», и потому тоненькая брошюрка действует гораздо быстрее. Я издам теперь эту книжку с пояснительными вставками по-немецки[300]; рукопись ее уже в Цюрихе, и первый лист напечатан. Как только книжка выйдет, я пошлю ее тебе. А пока ведь у Вас есть д-р Штибелинг в качестве просветителя масс для Америки in utraque lingua[*]. Человек этот полон лучших намерений, но ему не дается теория, и потому он порядком путает.

«Egalite» выходит теперь ежедневным *и* еженедельным изданием. Сумеет ли удержаться ежедневное издание (которое выходит вместо «Citoyen», откуда наших выкинули при помощи финансового трюка[**]), зависит от успеха переговоров с одним денежным господином. «Sozialdemokrat» слишком слабо реагирует на раскол между нашими и Малоном. Но пройдоха Малон (один из 17 основателей бакунинского тайного «Альянса»[28]), который так мягко стелет, сумел настолько втереться в доверие к парижским немцам, наши же вдобавок сделали несколько ужасных глупостей, что теперь парижане изо всех сил нажимают на Цюрих. Кроме того, и Либкнехт, возвращаясь отсюда домой через Париж, тоже якшался с Малоном. Все же, если Лафарг и Гед не натворят чересчур больших глупостей, я с «Sozialdemokrat» справлюсь.

Твой ***Ф. Э.***

Привет Адольфу.

Впервые опубликовано с сокращением в книге: «Briefe und Auszuge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere». Stuttgart, 1906; полностью на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод о немецкого

[*] — буквально: на обоих языках (то есть на греческом и латинском); здесь в смысле: на английском и немецком. *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 312—313 и 315— 316. *Ред.*

109

МАРКС — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС
В ЛОНДОН

Вентнор, 10 ноября* 1882 г.
1, St. Boniface Gardens

Моя дорогая Туссинька!

В общем я вовсе не могу пожаловаться на Вентнор. Погода неустойчивая, бурная, то дождливая, то сухая, то солнечная, то холодная и т. п., но при всем том очень редки туманы, обилие чистого воздуха и, за исключением немногих дней, как правило, всегда есть несколько часов в день, пригодных для длительных прогулок. Вчера и сегодня воздух довольно прохладный, но с 11 до 2 часов на берегу моря (где играют детишки, напоминающие мне о бедняжке Гарри) и на нашем месте прогулок, под утесом, до самой железнодорожной станции и даже до холмов нет недостатка в солнце!

Ты не должна забывать, дорогое дитя, что я приехал сюда отнюдь не в хорошем состоянии. Наоборот: почти беспрестанный спазматический кашель, обильная мокрота, а также все более неудовлетворительное состояние по ночам за последние две недели — признаки отнюдь не хорошего самочувствия. Все это не могло измениться в один день, но изменение, которое должно наступить, будет к лучшему.

В сущности, для меня оказалось все же удобным, что вследствие мышечного ревматизма я обратился к помощи д-ра Уильямсона, прежде чем смог получить (сегодня) из Лондона рецепт от д-ра Донкина. Ревматизм возник, однако, так близко от прежнего очага повторного плеврита, что д-р Уильямсон, только после того как он выслушал и выстукал меня, сумел убедить меня, что со времени последнего осмотра д-ром Донкином все оказалось в порядке. Кашель уменьшился, но Уильям-сон при своем сегодняшнем (втором) посещении уговорил меня попринимать еще одно лекарство; он сказал, что оно сократит переходный период к той стадии, когда я могу ждать полного выздоровления уже только от пребывания на свежем воздухе и длительных прогулок вне дома.

При всем этом к настоящей работе я пока еще не приступил, а занимаюсь разными вещами, которые являются подготовкой к ней.

* В оригинале описка: «февраля». *Ред.*

Нет ли у тебя «Жалобы Пирса Плаумана» Уильяма Лангланда? Если нет, то не можешь ли ты раздобыть ее для меня у Фёрнивелла или же узнать, не смогу ли я купить ее, поскольку она недорогая, среди публикаций «Древних»* и т. д.

Затем посмотри, пожалуйста, не найдешь ли ты в комплекте (старом) «Egalite» (я имею в виду прежнюю еженедельную «Egalite») — на моем столе возле моей кровати — статью, вернее доклад, в котором *официальные парижские экономисты,* прославляют дешевый китайский труд для Европы?[350] Не знаю, тот ли самый вопрос о китайском труде обсуждается в одном из номеров прежнего малоновского «Revue»** (этот номер лежит за софой, на одной из полок моей библиотеки). Если да, то не сможешь ли ты прислать мне этот номер, в случае если не разыщешь «Egalite».

Что поделывает мой Джонни? Не кашляет больше? Привет ему и Ленхен. А как обстоит дело с твоим здоровьем?

Я должен наконец написать бедной Женничке***. Мне так тяжело; боюсь, что она не вынесет этого бремени****.

Привет.

Олд Ник

Впервые опубликовано на языке оригинала в сборнике «Annali», an. I, Milano, 1958

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

На русском языке публикуется впервые

110
ЭНГЕЛЬС — КАРЛУ КАУТСКОМУ В ВЕНУ

Лондон, 15 ноября 1882 г.

Дорогой г-н Каутский!

Сегодня в 3 часа дня получил Вашу телеграмму и сейчас же телеграфно ответил: «Невозможно». Так как у меня не было под рукой Вашего адреса и я предполагал, что при «оплаченном ответе» экспедиция будет знать, *куда* послать ответ, то я телеграфировал просто: «Каутскому, Вена». А только что, в 9.30 вечера, я получаю прилагаемую записку. Отыскать письмо с адресом квартиры невозможно; все, что я могу сде-

---

* Имеются в виду публикации «Общества по изданию древних английских теистов». *Ред.*
** — «Revue socialiste». *Ред.*
*** — Женни Лонге. *Ред.*
**** — то есть предстоящих родов. *Ред.*

лать, это сейчас же написать Вам, с тем чтобы не пропустить утренней почты.

Чтобы снова не распылять свои силы, как я это делал многие годы, я должен поставить свою журналистскую деятельность в самые узкие рамки — ограничиться сотрудничеством в «Sozialdemokrat», да и то писать туда лишь в тех случаях, когда это будет практически необходимо или же когда надо — как это случилось недавно в ответ на глупости Меринга[59] — показать, что между «Sozialdemokrat» и нами не существует никакой вражды. Вся партийная переписка с различными странами, доставшаяся исключительно на мою долю из-за болезни и отъезда Маркса, и без того лежит на мне тяжелым бременем. Поэтому, если я хочу на старости лет закончить свои более крупные работы[351], я попросту лишен всякой возможности участвовать в Вашем журнале[*], которому я, конечно, желаю всяческого успеха.

В частности, написать статью о Дарвине я в данный момент не могу. Я писал Бернштейну, что он ее получит, когда я по ходу своих работ подойду к этой теме; но до этого может еще пройти не один месяц, отчасти по его вине, так как он сам поощрял мои работы в совершенно другой области, которые и я считаю более нужными[**]. Следовательно, пока я не управлюсь с этим и не вернусь опять к естественным наукам и не доберусь до зоологии, об этом не может быть и речи. Если бы я вздумал отделаться общими местами о Дарвине, то это не пошло бы на пользу ни Вам, ни мне. Так как уже поздно, то я могу лишь поблагодарить Вас за Ваши интересные сообщения о тамошнем положении и в заключение сердечно поздравить Вас по случаю Вашей помолвки.

Искренне Ваш

Ф. Э.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

111

ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ В ЦЮРИХ

Лондон, 28 ноября 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Прежде всего большое спасибо за сведения об огосударствленных железных дорогах. Этого вполне достаточно[352]. От

[*] — «Neue Zeit». *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 299—300. *Ред.*

Бебеля я получил законопроекты *1882 г.* о страховании и г несчастных случаев и болезней, но мне необходимы и соответствующие законопроекты 1881 г.[176] в первоначальной формулировке, в которой Бисмарк дает как раз полный простор порыву своей души, страдающей за бедняков; во второй формулировке голосование буржуазных депутатов уже значительно подрезало ему крылья, и это уже не весь Бисмарк целиком.

«Arbeiterstimme» Маркс прежде получал, но, вероятно, не возобновил подписки, и газеты больше не присылают.

Статья Фольмара[93], за исключением нескольких второстепенных пунктов, — чистейшие перепевы Малона[353]. История французского рабочего движения с 1871 г. у него *совершенно искажена,* и этого нельзя было так пропустить. Например — во второй статье, — Геда упрекают в том, что он не примкнул к нескольким мелким кликам (из которых впоследствии вышел «Proletaire» или же чистые кооператоры, против которых он как раз и вел борьбу)! Как будто группа позднейшего «Proletaire» вообще приняла бы «нерабочего»! Но главное искажение — это то, которое правильно отмечено Девилем в «Egalite» от 19 ноября («Прошло пять лет» — история «Egalite»): борьба на съездах за «коллективистскую» программу и *победа этой программы на марсельском съезде в 1879 году*[96]. Об этом Фольмар не говорит ни слова. Я не могу допустить, чтобы Фольмар сознательно пошел на подобную фальсификацию, но не менее трудно понять, как он мог этого не знать и как могли все его сведения по истории французского рабочего движения ограничиваться лишь тем, что Малон нашел нужным ему рассказать.

Ничего не сказав о марсельском съезде, он тем самым замалчивает тот важный факт, что французская Рабочая партия три года тому назад признала коллективистскую программу[30] и что, следовательно, отход Малона от этой программы является определенным шагом назад. Поскольку необходимо, чтобы наши люди в Германии были знакомы с историей французского движения не в таком виде, в каком она должна была бы происходить в угоду нынешним потребностям Малона, а в том, в каком она происходила в действительности, то ошибку эту обязательно нужно исправить. По-моему, проще всего это сделать, воспользовавшись упомянутой статьей Девиля именно потому, что она совершенно не носит полемического характера. Если у Вас этой статьи уже нет, сообщите мне открыткой, и я тотчас же ее Вам пришлю.

Пусть, однако, Малон поостережется. Если бы мы вздумали описать его дела и подвиги так же подробно (но только более правильно), как он через Фольмара описывает деятельность

Геда, то ему бы плохо пришлось. У нас сохранились еще все документы, в которых он *высказывался против восстания* 18 марта 1871 года. Он примкнул к движению только post festum[*], когда оказалось, что дело идет лучше, чем он ожидал.

Что касается сил обеих фракций, то я просил Лафарга написать мне об этом[354]. Роаннцы имеют в Париже 15 групп, при помощи которых «Egalite» держалась целый месяц, что во всяком случае их очень положительно характеризует. В провинции они, по словам Лафарга, очень сильны. Северная федерация[355] по существу за них, она не хочет вмешиваться в парижские раздоры, но верна старой коллективистской программе и напечатала ее на первой странице своей «Forcat». Роаннцы созывают свой ближайший съезд в Рубе, куда съедутся *все* делегаты севера, и находятся в постоянной тесной связи с Северной федерацией. Другая провинциальная рабочая газета, «L'Exploite de Nantes», тоже напечатала на первой странице старую программу вместе со вступительной частью, перепечатывает статьи из «Egalite», и в ней сотрудничает Девиль. Таким образом, *единственные* имеющиеся в провинции два рабочих органа — *оба* на стороне роаннцев. В провинции, не считая севера, повсюду, где есть рабочие организации — в Реймсе, Эпине, Лионе, во всем каменноугольном бассейне Алье, в Бордо, Ангулеме, Рошфоре, — мы бьем поссибилистов, которые сильны еще только в Бретани и в Марселе, да и то едва ли.

Нет ничего удивительного, что Малон привлекает много народа жиденькой нищенской похлебкой своих мотивировочных положений без программы. Но когда создают партию без программы, партию, в которой могут подвизаться все, кому угодно, то это уже не партия. Старые сектанты, с которыми так нежничают Малон — Фольмар, в течение многих лет доказали свое бессилие, и лучше всего дать им спокойно умереть. Синдикальные камеры? — да, но если всякое стачечное общество, которое, подобно английским тред-юнионам, борется только за высокую заработную плату и сокращенный рабочий день, вообще же плюет на движение, — если всех их причислять к рабочей партии, то в действительности получится партия, стоящая за *сохранение* наемного труда, а не за его уничтожение. А, как мне сообщает Маркс[**], большинство этих парижских синдикальных камер еще бесцветнее, чем даже английские тред-юнионы. Тем, что в угоду таким людям отказываются от всякой партийной программы, их нельзя повести вперед. И слыхано ли что-нибудь подобное: партия без программы, партия, за

[*] — буквально: после праздника; здесь в смысле: после, задним числом. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 98. *Ред.*

расплывчатыми мотивировочными положениями которой (составленными совершенно в духе «коммуниста» Микеля, который тоже верит, что коммунизм возможен через 500 лет[356]) следует заключение о том, что каждая группа фабрикует свою собственную частную программу!

Однако что за польза Малону от синдикальных камер? Они не платят взносов, они не посылают делегатов в федеральный совет, они номинально примыкали к Федеративному союзу[243] до раскола и номинально примыкают к нему и сейчас; их роль, как выражается Лафарг, чисто платоническая. Они здесь только в качестве статистов. Как обстоит дело с другими группами Малона, видно из следующих слов Лафарга:

«В XVII округе наши друзья после съезда организовали группу, в которую тотчас же вошло 29 человек. Чтобы насолить нам, поссибилисты *подразделили* свою группу, состоявшую, как мне передавали, всего из 20 человек, *на пять подгрупп,* объединенных местным федеральным комитетом. Придумано не плохо, но обманет это только посторонних и тех, кто находится далеко отсюда»[357].

Точно так же поступали и бакунисты. Судя по словам Лафарга, поссибилисты действительно сильны только на Монмартре, и там они хорошо организованы.

Быть временно в меньшинстве — организационно — с правильной программой все же лучше, чем иметь без программы большой, но при этом почти номинальный круг мнимых сторонников. Мы всю свою жизнь были в меньшинстве и чувствовали себя при этом отлично. А меньшая численность организации в Париже (если это действительно так, в чем я еще далеко не убежден: поссибилисты не посмели явиться на дискуссионное собрание роаннцев по поводу обоих съездов[358]) может быть вдвое и втрое возмещена влиянием прессы.

Как при таких условиях Ваши парижские корреспонденты могут видеть в сент-этьеннцах «действительную рабочую партию», для меня непостижимо. Эти люди, во-первых, вовсе не составляют партию и уж меньше всего *рабочую* партию, точно так же как и здешние рабочие. Но они являются в зародыше тем, во что здешние превратились полностью: *хвостом радикальной буржуазной партии.* Единственное, что их связывает, это буржуазный радикализм, — ведь рабочей программы у них никакой нет. И рабочие вожди, которые берутся поставлять для радикалов это стадо рабочих избирателей, совершают, на мой взгляд, *прямое предательство.*

Шутки ради я запросил также и по поводу Ваших замечаний о Годаре[359]. Этот Годар, который называет себя анархистом, как и его учитель Маре, *сотрудничает в тулузской оппор-*

тунистической газете. Отказать такому человеку в напечатании так называемого опровержения вполне естественно при всяких, а не только при парижских газетных нравах.

Зато наши друзья снова выкинули величайшую глупость, навлекши на себя своим ррреволюционным бахвальством преследования, в то время, когда еще не было обеспечено существование газеты*. Гед, как Вы знаете, арестован, а Лафарг. вероятно, последует за ним. Если эти двое будут сидеть, будут устранены наиболее активные — не только писатели, но и организаторы. Девиль ленив, Массар на своем месте в качестве секретаря редакции не плох, но для того, чтобы сохранить газету в тяжелых условиях, эти люди едва ли годятся. О трех остальных я уж и не говорю. Бриссак и Буи, старые коммунары, являются скорей балластом, а Пикар — заурядный журналист.

Вообще же не давайте себя убедить, будто Гед и Лафарг хотят «обязательно подчинить своему руководству» все организации. Это излюбленный козырь всей бакунистской тактики, который обычно постоянно пускается в ход и во Франции, когда нет других аргументов.

Отношение «Egalite» к загранице! Да, но если бы Вы только имели представление о том, какой беспорядок в *этой* редакции и каков в ней уровень знания немецкого языка! Если Лафарг останется на свободе, Вы лучше всего пишите прямо ему — он, по крайней мере, сделает все, что нужно. Ничего другого я не могу посоветовать.

Если Вы хотите использовать резюме брошюры**, я это вполне одобряю. Заключительную заметку*** Вы теперь скоро получите. История со Шмидтом великолепна[360]. *Поллаки* давно уже содержит в Лондоне частное полицейское бюро; в адресной книге оно значится среди бюро по расследованию (всего их имеется 18) — Поллаки, Игнациус Пауль, 13, Paddington Green, W. (совсем недалеко от меня), корреспондент *«Foreign Police* Gazette».

Надеюсь, что мое поздравление по поводу 7-й тысячи тиража**** опять запоздает. Зато меня сегодня можно поздравить с тем, что мне исполнилось 62 года.

Сердечный привет.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и французского

* — «Egalite». *Ред.*
** *Ф. Энгельс.* «Развитие социализма от утопии к науке»(немецкое издание). *Ред.*
*** *Ф. Энгельс.* «Марка». *Ред.*
**** — газеты «Sozialdemokrat». *Ред.*

112

ЭНГЕЛЬС — ЛАУРЕ ЛАФАРГ В ПАРИЖ

Лондон, 14 декабря 1882 г.

Моя дорогая Лаура!

Я получил твое письмо вчера вечером, в половине десятого, слишком поздно даже для того, чтобы послать хотя бы строчку сегодня с утренней почтой, так как письма за границу, сданные здесь после девяти, не отправляются до следующего вечера.

У меня дома почти не было денег, и я дал Перси* чек, чтобы он получил для меня по нему сегодня в городе. Но он будет здесь в лучшем случае не ранее шести, значит, слишком поздно, чтобы послать тебе банковый билет с почтой, отходящей в 5.30. Однако как только я получу эти деньги, я их отправлю, чтобы помочь тебе перебиться первые несколько дней. Несомненно, Поля** ждет та же судьба, что Геда и Базена, и он будет на свободе если не сегодня, то в крайнем случае завтра, как только закончится комедия допроса перед суровым Пиканом[94]. Я отправил оба письма, как твое, так и Поля, Мавру и сегодня утром рассказал Ним*** об этом деле.

Напишу подробнее, как только смогу оказать существенную помощь.

Любящий тебя

Ф. Энгельс

Впервые опубликовано на языке оригинала в книге: F. Engels, P. et L. Lafargue. «Correspondance», t. I. Paris, 1956

Печатается по рукописи

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

113

МАРКС — ЛАУРЕ ЛАФАРГ В ПАРИЖ

Вентнор, остров Уайт, 14 декабря 1882 г.
1, St. Boniface Gardens

Милейший Какаду!

Все твои письма я получил своевременно, и все же я — великий грешник! — пишу тебе лишь теперь, узнав из только что

* — Рошеру. *Ред.*
** — Лафарга. *Ред.*
*** — Елене Демут. *Ред.*

полученного письма Генерала*, что Поль** арестован. Генерал переслал мне письмо Поля и твое вместе со своим, так что я *в курсе дела.* Вероятно, Поль через несколько дней снова будет на свободе.

Почему я тебе не написал раньше? Да потому, что у меня не было ничего утешительного, о чем стоило бы сообщать, а из писем Генерала тебе было известно, что лично я чувствую себя *неплохо* и лишь около двух недель сижу под домашним арестом из-за *трахеального катара,* но рецидивов плеврита или бронхита у меня нет. Это весьма утешительно, если учесть, что большинство моих *современников — я* имею в виду людей моего возраста — как раз теперь в отрадном количестве протянули ноги. На свете достаточно молодых ослов, к чему еще беречь жизнь старых?

За *последнее время* Поль написал *свои лучшие вещи****, в них есть и юмор, и задор, и глубина и живость, между тем как встречавшаяся *до этого* то тут, то там ультрареволюционная фразеология раздражала меня, так как я всегда рассматривал ее как «пустозвонство». И лучше бы наши люди предоставили подобное занятие так называемым анархистам, которые по сути дела являются опорой нынешнего порядка, а вовсе не вносят беспорядка — они просто от роду с придурью, — хаос это не их вина. В настоящее время они оказали услугу «кабинету черных дел»[361] в качестве «социального бедствия». Самое плохое в них то, что даже самый объективный «судебный следователь», если бы таковой существовал на свете, был бы Вынужден публично заявить, что они абсолютно «безопасны»! Все можно было бы извинить этим анархистам, если бы они не были такими уж чересчур «невинными». Но это ни в коем случае не значит, что они «святые». Удачно сострил один из пап****, к которому Генрих VII (восторжествовавший над Ричардом III) обратился с просьбой причислить к лику святых Генриха VI. Папа ответил, что быть «невинным» (сиречь «идиотом») еще недостаточно для возведения в «святые»[362].

Здесь, дитя мое, ты, во всяком случае, застанешь лучшую погоду, чем в большинстве других мест, включая также Францию и Италию. Живу я тут отшельником, ни с кем не встречаюсь, за исключением д-ра Уильямсона, каждая минута визитов которого расценивается столь высоко.

Итак, дитя, лишь только тебе позволят твои обязанности (ибо, выражаясь слогом французских наемных писак, доблестная

* — Энгельса (см. настоящий том, стр. 104). *Ред.*
** — Лафарг. *Ред.*
*** См. настоящий том, стр. 98 и 343. *Ред.*
**** — Юлий II. *Ред.*

борьба Поля с властями вызывает у человека сочувствие), *приезжай ко мне и живи здесь у меня!*

Некоторые *из недавно опубликованных русских изданий*[363], отпечатанных на Святой Руси, а не за границей, свидетельствуют о быстром распространении моих теорий в этой стране. Нигде мой успех не мог бы быть для меня более приятен; он дает мне удовлетворение в том, что я наношу удар державе, которая наряду с Англией является подлинным оплотом старого общества.

Твой ***Ник***

Впервые опубликовано на языке оригинала в сборнике «Annali», an. I, Milano, 1958

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

На русском языке публикуется впервые

114
ЭНГЕЛЬС — ЛАУРЕ ЛАФАРГ
В ПАРИЖ

Лондон, 15 декабря 1882 г.

Моя дорогая Лаура!

Перси[*] принес деньги вчера только после семи часов вечера, так что ничего нельзя было предпринять до сегодняшнего дня; поэтому я прилагаю сейчас пятифунтовый банковый билет Английского банка, номер которого я отметил у себя и отваживаюсь на риск послать его сразу *целиком*.

Несомненно, к этому времени у тебя будет полная уверенность в отношении судьбы Поля[**], по крайней мере в настоящий момент[94]. Не сомневаюсь, что в настоящее время он снова на свободе, если уже не в Париже. Но боюсь, что бонапартисты и другие консервативные судьи Монлюсона дадут им[***] по паре месяцев «уединенной жизни» каждому. Правительство хочет, очевидно, создать ряд прецедентов в провинции, прежде чем отважиться на попытку репрессии в Париже. Поэтому прокуратура в Монлюсоне затеяла дело — а раз уж оно затеяно, то должно быть доведено судьями до желаемого конца, — целью которого было лишь спасти репутацию магистратуры. А поскольку случай этот безусловно будет разбираться перед судом

[*] — Рошер. *Ред.*
[**] — Лафарга. *Ред.*
[***] — Лафаргу и Геду. *Ред.*

исправительной полиции, то не может быть даже той тени сомнения, какая могла бы еще быть в случае, если бы дело разбиралось в суде присяжных.

Короткое тюремное заключение само по себе не представляло бы чего-то уж очень страшного; в сущности, как мне кажется, оно принесло бы Полю больше пользы, чем вреда. Но их срок совпадет, вероятно, с тем моментом, когда оба они, Поль и Гед, будут больше всего нужны для *«Egalite»*. А газета так хорошо исправилась за последнее время. Является ли это результатом сочетания жизни в Париже с активной журналистской деятельностью, но статьи Поля за последнее время были гораздо лучше с тех пор, как он покончил с догматизмом ученого оракула и стал писать остроумно. Очаровательна была статья по поводу кандидатуры Бонту[364]; однако мне кажется, что то тут, то там я обнаруживаю в ней следы маленькой женской ручки. То же впечатление было от статьи об *околдованном министерстве*[104] (я забыл французское название), которая особенно понравилась также Мавру*. Теперь, если Поля и Геда засадят, газета лишится души. Девиль остроумен и занимателен только время от времени; в общем он не глуп, но скучен и доктринер; Массар — это добрый христианин наизнанку, ибо что касается его, то плоть его преисполнена благих намерений, но дух (esprit) слаб. И я вынужден прийти к заключению на основании той информации, которой я располагаю, что Поль и Гед — это как раз те два человека, которые будут больше всего нужны при критическом положении с финансами газеты. Таким образом, было бы чрезвычайно жаль, если бы как раз сейчас, в момент безудержного хвастовства со стороны анархистов и состязания с их ррреволюционностью, Поль и Гед были бы поставлены в такое затруднительное положение.

Как бы там ни было, надеюсь, что ты смотришь на эти мелкие невзгоды с высоты своих трех десятилетий с таким же хладнокровием, с каким пирамиды с высоты своих сорока столетий смотрели при вторжении генерала Бонапарта на французскую армию и на самого Бонапарта.

Как идут дела у Женни**? Лучше ли ей? Я мало слышал о ней на Maitland Park***, да они и сами не многое знают.

Нежно любящий тебя

Ф. Э.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* См. настоящий том, стр. 98. *Ред.*
** — Женни Лонге. *Ред.*
*** — улица в Лондоне, на которой жила семья Маркса. *Ред.*

115

ЭНГЕЛЬС — ИОГАННУ ФИЛИППУ БЕККЕРУ В ЖЕНЕВУ

Лондон, 16 декабря 1882 г.

Старый дружище!

Я давно уже ждал получения денег, чтобы снова послать тебе 5 фунтов, когда наконец я получил их вчера, и в тот же вечер пришла твоя открытка. Поэтому я тотчас же перевел тебе по почте упомянутые 5 фунтов =126 франкам и надеюсь, что ты получишь эти деньги без задержки.

Очень рад был узнать, что ты избавился от всей этой кантональной и коммунальной мерзости, — это просто трата времени, и из этого ничего, кроме сплетен и лишних огорчений, не получается. Между прочим, осел Солари все еще посылает мне по два экземпляра «Precurseur». Хорошенькие порядки там в экспедиции!

Анархисты ежегодно совершают самоубийство и каждый год вновь возрождаются из пепла. И так будет продолжаться до тех пор, пока наконец анархизм не начнут серьезно преследовать. Это единственная социалистическая секта, которую действительно можно уничтожить преследованиями. Ведь постоянное возрождение анархизма основано на том, что всегда находятся выскочки, которые гонятся за дешевой популярностью. Анархизм словно специально создан для этого. Но подвергать себя опасности — не тут-то было! Поэтому теперешние преследования анархистов во Франции повредят этой банде лишь в том случае, если преследования эти не будут просто видимостью и полицейским надувательством. Но кто во всяком случае окажется жертвой, так это бедняги горняки из Монсо[333]. Впрочем, я настолько привык к анархистским паяцам, что мне кажется вполне естественным, когда за действительным движением увивается и эта шутовская карикатура. Опасны они только в таких странах, как Австрия и Испания, и то лишь временно. Еще Юра со своим часовым ремеслом в разбросанных домишках представляется благодатной почвой для этой чепухи, и здесь твои удары будут полезны.

Марксу врачи разрешили провести зиму на южном побережье Англии, и он уже около полутора месяцев живет на острове Уайт. До сих пор с двумя основными его болезнями дело обстояло благополучно: никаких следов ни плеврита, ни бронхита больше не появлялось. Само собой разумеется, что при той мерзкой погоде, какая у нас здесь стоит (едва избавились от

тумана, который держался целую неделю), для выздоравливающего неизбежны разные легкие простуды, а при состоянии здоровья Маркса они становятся затяжными и неприятными. Но если дело ограничится только этим, еще не беда. Очень возможно, что будущим летом его снова пошлют в Швейцарию, и в таком случае вы с ним, конечно, увидитесь.

Адрес г-жи Лафарг: 66, Boulevard de Port Royal, Париж. Ее муж был недавно арестован, но теперь снова на свободе. Дело шло о нескольких его выступлениях в провинции, а когда судебный следователь* из Монлюсона вызвал к себе его и Геда, они, вместо того чтобы повиноваться, жестоко высмеяли его в «Egalite». За этим, конечно, последовал приказ об аресте, но, хотя Лафарг ежедневно бывал в редакции и был настолько далек от намерения скрываться, что даже объявлял о своих выступлениях на собраниях и произносил на них речи, замечательной парижской полиции понадобилось три недели на то, чтобы его разыскать. Лафарга, так же как до него и Геда, тотчас же отпустили после первого допроса в Монлюсоне. Возможно еще все-таки, что они получат по несколько месяцев.

Ты знаешь, что во Франции Рабочая партия раскололась[75]. Малону и Бруссу не терпится стать депутатами, поэтому им необходимо как можно скорее обзавестись стадом избирателей. Итак, создана партия *без программы* (буквально, потому что после целого ряда общих мотивировочных положений следует заключение, что каждое местное отделение создает свою собственную программу), куда охотно принимают всякий сброд, а для того чтобы провести это, перед съездом в партию набрали людей, которые принимали старую программу только с условием отменить ее на съезде. Гед, Лафарг и другие были побиты большинством голосов, и те, кто остался верен программе, переехали в Роанн. Наши люди не владеют тактикой и наделали непоправимых ошибок, но они все же добьются своего, и «поссибилисты» недолго будут задавать тон. У наших имеется очень мощный рычаг в виде ежедневной «Egalite», причем им важны только *интересы дела,* чего нельзя сказать о склочниках Малоне и Бруссе.

Будь здоров, старина, держись крепче, все мы идем под гору, но до конца ведь еще далеко!

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: F. Engels. «Vergessene Briefe (Briefe Friedrich Engels' an Johann Philipp Becker)». Berlin, 1920

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Э. Пикан. *Ред.*

116
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ
В ЦЮРИХ

Лондон, 16 декабря 1882 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Шорлеммер жалуется, что он давно уже не получает «Sozialdemokrat»; срок его подписки кончился, и он еще месяц тому назад прислал мне прилагаемый чек (о котором я забыл) с просьбой возобновить его подписку *на год,* а «остальное употребить на партийные нужды».

Рукопись о марке* мне пришлось три раза целиком переписывать заново; мне из-за нее нужно было снова перечитать пять-шесть из десяти толстых томов Маурера[113] и, кроме того, сравнить их с другими источниками. Теперь я послал рукопись Марксу, который гораздо дольше и основательней, чем я, корпел над этими вопросами[365]; в понедельник жду ее обратно.

Малон издевается над Фольмаром. Иначе он, наверно, исправил бы ошибочное утверждение последнего, что «Egalite», нападая на «альянсистов», имеет в виду бакунинский «Альянс»[28]. Ничего подобного! Так называются поссибилисты, поскольку их теперь уже не отличишь от членов Социалистического альянса[366], основанного года четыре тому назад Журдом, бывшим делегатом финансов Коммуны, при сотрудничестве других, настоящих и бывших, прудонистов (как, например, Лонге) и образующего социалистический резерв *«Justice».* Вы, наверно, встречали там упоминание об этом Альянсе во время выборов. На последних общих выборах в палату этот Альянс выставил своих кандидатов и собрал приблизительно столько же голосов — по крайней мере, в некоторых округах, — как и Рабочая партия. Если Фольмар, несмотря на свое полуторагодовое пребывание в Париже, этого не знал, то Малон намеренно скрыл от него это, как и многое другое. Так всегда бывает, когда неосмотрительно свяжешься с какой-нибудь шайкой.

Фольмар становится забавным, когда восхваляет Малона как дисциплинированного члена партии, а других обвиняет в нарушении дисциплины[93]. Кто же нарушает дисциплину? Тот, кто высоко держит старое знамя, или тот, кто вербует сторонников с прямой целью изменить этому старому знамени и променять его на новое? Откуда же взялось большинство у Малона в Сент-Этьенне[75], если бы он предварительно не навербо-

* *Ф. Энгельс.* «Марка». *Ред.*

вал себе людей, заранее имевших намерение уничтожить старую программу и именно с этой целью завербованных?

Грызня между Малоном и его Кловисом Гюгом из-за Луи Блана замечательна. И это называется партия!

Как видите, Северная федерация[355] высказалась прямо за Роанн.

Лафарг напечатал в последних номерах «Egalitе» прелестные статьи, например о кандидатуре Бонту[364]. Остроумие им гораздо больше к лицу, чем доктринерское вещание.

Будьте так любезны, позаботьтесь о досылке Шорлеммеру не полученных им номеров.

Искренне Ваш

Ф. Э.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса, и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

117
ЭНГЕЛЬС — АВГУСТУ БЕБЕЛЮ В ЛЕЙПЦИГ

Лондон, 22 декабря 1882 г.

Дорогой Бебель!

Надеюсь, что послезавтра тебя на сутки выпустят[367] и, таким образом, эти строки дойдут до тебя без затруднений.

То место в моем последнем письме*, которое показалось тебе мистическим, имеет только тот смысл, что исключительному закону[106] будет, по моему мнению, положен конец либо непосредственно событиями революционного характера (например, новым ударом по правительству или созывом национального собрания в России, что немедленно отразилось бы на Германии), либо такими событиями, которые все же толкают движение вперед и подготовляют революцию (смена монарха в Берлине, смерть или отставка Бисмарка) — то и другое с почти неизбежным водворением «новой эры»[252].

Кризис в Америке — как и здешний кризис, а также и не всюду еще устраненные затруднения для германской промышленности — представляется мне отнюдь не настоящим

* См. настоящий том, стр. 318. *Ред.*

кризисом, а лишь отголоском перепроизводства, имевшего место во время предыдущего кризиса. Крах в Германии наступил в прошлый раз раньше срока вследствие спекулятивной горячки с миллиардами; здесь и в Америке он наступил в нормальный срок — в 1877 году. Но производительные силы еще никогда, ни в один из периодов процветания, не вырастали в такой степени, как в 1871—1877 гг.; отсюда — подобно тому, как в 1837—1842 гг. — хронические затруднения в основных отраслях промышленности и здесь* и в Германии, в особенности по хлопку и железу; рынки до сих пор еще не в состоянии переварить всего произведенного. Так как американская промышленность пока все еще работает главным образом на охраняемый пошлинами внутренний рынок, то там при быстром увеличении производства очень легко может возникнуть местный промежуточный кризис, но в конечном счете он поведет лишь к сокращению того периода, в течение которого Америка станет способной экспортировать и появится на мировом рынке в качестве опаснейшего конкурента Англии. Поэтому я не думаю — такого же мнения и Маркс**, — чтобы настоящий кризис наступил задолго до обычного, регулярного срока.

Европейскую войну я считал бы несчастьем; на этот раз дело приняло бы чрезвычайно серьезный характер, война на долгие годы разожгла бы повсюду шовинизм, так как каждый народ боролся бы за свое существование. Вся работа русских революционеров, которые уже находятся накануне победы, оказалась бы бесполезной, пошла бы насмарку; нашу партию в Германии сразу же захлестнул и расколол бы поток шовинизма, и то же самое произошло бы во Франции. Единственно хорошее, что могло бы при этом произойти, это — восстановление Малой Польши, но это ведь произойдет и в результате революции, и притом само собой; русская конституция, как следствие неудачной войны, имела бы совсем иное, скорее консервативное значение в отличие от конституции, завоеванной революционным путем. Такая война, по моему мнению, отсрочила бы революцию на десять лет, правда, потом революция оказалась бы тем более основательной. А вообще говоря, снова пахло войной; Бисмарк произвел с союзом с Австрией совершенно такую же демонстрацию, как в 1867 г. с южногерманскими союзами во время люксембургской истории[368]. Посмотрим, не произойдет ли чего-либо весной.

Твои сообщения о состоянии германской промышленности нас очень заинтересовали, в особенности же категорическое

* — в Англии. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 100. *Ред.*

подтверждение того, что картельный договор производителей железа расторгнут. Эта история не могла долго продолжаться, особенно у германских промышленников, которые не могут жить без самого мелкого жульничества.

Мейеровских работ[369] мы здесь до сих пор не видали, и поэтому то, что ты нам о них сообщил, было для нас новостью. Что Маркс будет фигурировать в соседстве с его кардиналами, следовало ожидать; Мейер всегда испытывал особенное удовольствие, когда ему случалось прямо от кардинала Маннинга являться к Марксу, он не упускал случая сказать об этом.

В своих «Социальных письмах»[*] Родбертус почти напал на след прибавочной стоимости, но дальше он не пошел, не то ему пришлось бы распрощаться со всеми своими мечтаниями о том, как бы помочь запутавшемуся в долгах юнкеру, а у нашего милейшего Родбертуса не могло быть желания распрощаться с этим. Но, как ты говоришь, он во много раз лучше всех немецких вульгарных экономистов, включая и катедер-социалистов[126], которые ведь живут только нашими отбросами.

История с Карлушиным сватовством[**] тоже оказалась для нас новостью. Свадьба, как рассказывали мне очевидцы, была будто бы очень унылой — настолько, что кто-то из присутствовавших на гражданском бракосочетании воскликнул: «Это первоклассные похороны!».

Вчера я отослал в Цюрих последнюю часть рукописи брошюры, а именно, приложение о марке и краткую историю немецкого крестьянства вообще[343]. Так как Маурер очень плохо пишет и часто перескакивает с одного предмета на другой, то при первом чтении трудно уловить суть. Как только я получу корректурные листы, я тебе пошлю всю работу, потому что в ней не просто извлечения из Маурера, но и косвенная критика его взглядов, а также много нового. Это первый плод моих работ по немецкой истории, которой я занимаюсь несколько лет, и я очень рад, что могу поднести его в первую очередь не педантам и прочим «образованным»[***], а рабочим.

Пора кончать, иначе я не успею отправить письмо заказным вечерней почтой. Пруссаки, по-видимому, еще не дошли до того, чтобы вскрывать[****] заказные письма; до сих пор вся корреспонденция приходила в нормальном виде, — долголетний

[*] *И. К. Родбертус.* «Социальные письма к фон Кирхману». *Ред.*
[**] — Карла Каутского с Луизой Каутской. *Ред.*
[***] В оригинале: «Jebildeten». *Ред.*
[****] Игра слов: «bestiebern» образовано от фамилии начальника прусской политической полиции Stieber и созвучно «durchstobern» — «обшаривать», «перерывать», «рыться». *Ред.*

опыт научил меня разбираться в этих вещах более или менее точно.

Передай, пожалуйста, своей жене[*] прилагаемую рождественскую открытку и мой сердечный привет.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано с сокращением в книге: A. Bebel. «Aus meinem Leben». Teil III, Stuttgart, 1914; полностью опубликовано на русском языке в«Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

118
МАРКС — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС В ЛОНДОН[**]

Вентнор, 23 декабря 1882 г.

Дорогое дитя!

Из письма Лауры (которое прислал мне для сведения сегодня Энгельс[***]) я вижу, что у Женнички[****] вновь вспыхнуло это тяжелое воспаление. Если на него не обратят внимания, я опасаюсь самого худшего. Нам надо все же обдумать (и поговорить об этом с Ленхен перед ее отъездом ко мне), не следует ли нам увезти от Женнички по крайней мере Гарри, даже если бы в крайнем случае он приехал сюда. Разве Женничка найдет время для лечения болезни со всеми этими малышами! А, с другой стороны, насколько будет запущен наш Джонни (в санитарном отношении), если его место займет кто-нибудь другой!

Гарри чрезвычайно отягощает столь тяжелое положение бедной Женнички.

Привези мне только «Физиологию» *Ранка* (или *Ранке,* не помню); кроме того, плохонькую *книжицу Фримана* («История Европы»), ибо она заменяет мне хронологическую таблицу; она лежит в моей спальне на полках с газетами и прочим.

[Надпись Маркса на оборотной стороне открытки]

Мисс Маркс, 41, Maitland Park Road. Maitland Park. *London,* N. W.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

---

[*] — Юлии Бебель. *Ред.*
[**] Письмо написано на почтовой открытке без подписи. *Ред.*
[***] См. настоящий том, стр. 111—113. *Ред.*
[****] — Женни Лонге. *Ред.*

1883 год

119
МАРКС — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС
В ЛОНДОН

Вентнор, 8 января 1883 г.
1, St. Boniface Gardens

Дорогая Туссинька!

В субботу я получил записку от д-ра Уильямсона вместе с письмом на имя Уильямсона от д-ра Ф. Бейшоу, помеченным: 4 января 1883 г., 5, Warrior Square, St. Leonards on Sea. В письме между прочим говорится:

«У нас целую неделю почти непрерывно шел дождь либо же было просто сыро, но со второго числа установилась, напротив, *сухая погода.* С тех пор, обычно днем, светит солнце, хотя и не продолжительное время. Постараюсь послать Вам завтра дальнейшие сведения. Считаю, что климат Гастингса в общем суше, чем на большей части южного берега, хотя, быть может, и за счет тепла» и т. д.

В субботу (6 января) здесь была хорошая погода, но только днем; вчера тоже было сухо, но холодней; самое солнечное место, как всегда, на эспланаде*. Вчера и позавчера гулял; и сегодня день обещает быть хорошим. В общем же прохладно, если находишься не на самом солнцепеке. Но во всяком случае есть надежда на постепенное повышение температуры.

А в Гастингс можно будет перебраться в случае, если погода здесь подведет, не говоря уже о том, что настанет момент, когда перемена места сама по себе будет полезна. Теперь-то уж нам известно, что переезд из Вентнора в Гастингс имеет некоторый смысл, чего нельзя сказать о ближайших к Вентнору точках южного побережья, находящихся почти в тех же условиях, как и остров Уайт.

---

* — площадке для прогулок. *Ред.*

Я все еще веду тяжелую борьбу со скоплением мокроты; в субботу утром, когда я вставал с постели, у меня был спазматический приступ кашля, так что несколько секунд я тщетно пытался вздохнуть. Думаю, что это было следствием нервного раздражения — тревоги за Женничку[*]! Больше об этом говорить не стоит. Я бы *немедленно* отправился в Аржантёй, но присутствие больного гостя, пожалуй, только еще больше обременит дитя! Ведь никто мне не может гарантировать, что такая поездка не вызовет у меня рецидива, которого я до сих пор счастливо избегал. Но все же это тяжело — не иметь возможности навестить дитя.

С наилучшими пожеланиями

Олд Ник

Впервые опубликовано на языке оригинала в сборнике «Annali», an. I, Milano, 1958

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

На русском языке публикуется впервые

120
МАРКС — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС
В ЛОНДОН

Вентнор, 9 января 1883 г.

Мое дорогое, любимое дитя!

Как это мило с твоей стороны писать мне так часто и с такими подробностями, но мне бы не хотелось посягать на то весьма ограниченное «свободное» время, которым ты можешь располагать. Письмо твое я получил уже после того, как отправил свое[**], — по возвращении с прогулки на взморье. Из Парижа пока никаких новостей.

Сегодня, несмотря на завывание ветра, я только собрался было «в экскурсию», как явился мой доктор[***]; он заявил, что я должен остаться дома, так как на улице очень холодно. Он снова меня выслушал. Все по-старому, то есть *хронический* катар (поэтому и все еще не прекращающаяся хрипота), но если смотреть с «более высокой» точки зрения, то состояние мое улучшилось, поскольку места, вызывающие опасение, совершенно

[*] — Женни Лонге. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 351—352. *Ред.*
[***] — Уильямсон. *Ред.*

не затронуты. Однако почти непрекращающийся кашель, уже сам по себе крайне тягостный, становится просто невыносимым из-за ежедневной рвоты. Это делает работу зачастую невозможной, и доктор надеется — он еще надеется, а это уже кое-что! — что сумеет избавить меня от этого мучения (с помощью только что прописанного мне снадобья). Поживем — увидим.

Кстати! Где-то в моей спальне или в моем рабочем столе, в бумажнике или в какой-нибудь маленькой коробочке должно быть еще несколько экземпляров моей алжирской фотографии. Если тебе удастся обнаружить их, может быть, ты вышлешь мне две карточки. Одну из них я обещал преподнести мадам Уильямсон.

Г-н Мейснер вчера прислал мне свой счет за 1881 г.[120]; доход совсем невелик, но в 1882 г. непременно будет больше, так как он одновременно пишет мне, что распродажа экземпляров «Капитала» быстро подходит к концу. Разумеется, Мейснер с нетерпением ждет корректурных листов[*]. К тому же он давным-давно ничего обо мне не слышал. Теперь наконец он получит от меня подробный ответ.

Речь Коуэна *quad*[**] *Египта* в сущности все та же старая гайндмановская английская политическая «музыка будущего»[370]. Ох, уж эти вздыхающие буржуа (а Коуэн тоже буржуа в этом отношении), эти бедные английские буржуа, стонущие под все возрастающим бременем возлагаемой на них «ответственности»[***] за их историческую миссию, столь тщетно сопротивляющиеся ей! Но ведь даже Коуэн облизывается при одной мысли о чарующем зрелище укрепленных агрессивных баз от Атлантического до Индийского океана и в придачу «Британско-Африканской империи» от Дельты до Капской провинции. Недурна картинка! В самом деле, может ли быть более бесстыдное и лицемерно-ханжеское «завоевание», чем завоевание Египта, — завоевание, когда царит глубокий мир! Даже тот же Коуэн — а он, несомненно, лучший из английских парламентариев, — восхищается в душе подобным «геройством»; «блестящая демонстрация нашего военного могущества». Бедный Коуэн! Он настоящий британский «буржуа» (в этом смысле); он думает, что заключил великолепную и к тому же очень выгодную сделку; он и не видит, что английский «старый благородный господин» является только орудием в руках других, не британских ловкачей, поскольку в этом событии замешана «политика»,

---

[*] Речь идет о третьем немецком издании первого тома «Капитала» К. Маркса. *Ред.*
[**] — что касается, относительно. *Ред.*
[***] В оригинале: «responsabilities». *Ред.*

а «ответственность» за «внутренние» интересы преспокойно взяли на себя Гошен и К°.

Временами Коуэн оказывается настолько во власти предрассудков, что считает лорда Дафферина действительно непревзойденным дипломатическим гением. Однако к черту этих британцев!

Поцелуй моего внука* за меня.

До свидания.

Олд Ник

Впервые опубликовано на языке оригинала в сборнике «Annali», an, I, Milano, 1958

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

121
МАРКС — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС
В ЛОНДОН

Вентнор, 10 января 1883 г.

Дорогое дитя!

Прилагаемое письмо Лафарга (будь добра позднее возвратить его мне) очень успокоило меня относительно Женнички**, хотя Лафарг — возможно мне в утешение — все дело изображает слишком оптимистически; но, кажется, непосредственная опасность миновала.

Очаровательны его сообщения о Волке, Па*** (который теперь преклоняется перед Волком) и т. д.

При теперешнем положении дел (а в этом согласен со мной и Энгельс) данный момент абсолютно неблагоприятен для отправки Джонни в Аржантёй. Ему *нельзя возвращаться,* пока Женни снова не будет в состоянии сама вести хозяйство. Надо иметь в виду только главное, а не второстепенные соображения, а ведь это-то чуть было и не убило Женни. На несколько месяцев больше или меньше — это не важно, не говоря уже о том, что бедный мальчик с самого начала погрузился бы в пучину беспорядка.

* — Жана Лонге. *Ред.*
** — Женни Лонге. *Ред.*
*** — семейные прозвища сыновей Женни Лонге — Эдгара и Марселя. *Ред.*

Надеюсь, Туссинька, что ты тотчас же напишешь Женничке в этом смысле. Лонге я еще сегодня черкну несколько строк об этом в адрес «Justice».

Ты должна передать маленькому Джонни известия о его братишках; разумеется, ты сообщишь также и Ленхен о главном из письма Лафарга.

Погода вчера была отвратительная, да и сегодня она далеко не «блестящая» — сыро. И все же я думаю сегодня мою прогулку...[*]

Впервые опубликовано на языке оригинала в сборнике «Annali», an. I, Milano, 1958

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

122
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ В ЦЮРИХ

Лондон, 18 января 1883 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Сперва праздничные дни, потом дни траура[**] — все время помехи. Вы сами понимаете, что у меня почти нет ни одной свободной минуты с тех пор, как Маркс, возвратившись из Вентнора, оказался здесь под домашним арестом из-за бронхита, к счастью, пока несерьезного; ему нельзя много говорить, и мне приходится устраивать все семейные дела. (Только ни слова об этом в газете, Маркс пришел бы в ярость, если бы увидел, как бесцеремонно, да к тому же отчасти и не верно, толкует об этом бравый Фирек в сегодняшней «Suddeutsche Post».)

Все же я, наконец, урвал часок для Вас. Что касается возвращаемого при сем Гумбеля, то он имеет с гейневским Гумпелино[***] ту общую черту, что тоже интересуется бумажками. Вообще же это превосходный экземпляр немецкого социалиста за границей, так как он, очевидно, побывал в Париже. Вследствие того, что для этих людей создали теорию, в которой они сами совершенно неповинны и которую они часто понимают лишь весьма элементарно или вообще не дают себе труда ее понять, — каждый захолустный простофиля среди них считает

[*] Конец письма отсутствует. *Ред.*
[**] — по поводу смерти Женни Лонге. *Ред.*
[***] *Гейне.* «Путевые картины». *Ред.*

себя выше всех других иностранцев. Он приезжает из Хейльбронна или какой-нибудь другой захолустной дыры в Лондон или Париж и приходит в негодование от того, что там не признают его захолустной точки зрения. Вместо того чтобы расширить свой кругозор и кое-чему научиться, он намеренно становится еще более ограниченным, чем прежде, потому что тогда его отличие от недостойных иностранцев и, стало быть, его воображаемое превосходство выступают еще ярче. Люди этого типа господствуют, однако, в немецких обществах за границей, и если они теперь заставляют Вас страдать, то вспомните-ка, кто пытался после издания закона против социалистов[106] придать этим обществам путем централизации и т. д. незаслуженное значение? Если бы Вы тогда так же хорошо знали этих людей, как сейчас, Вы вряд ли проявили бы столько усердия.

«Партия чистых рук» — что это означает? Не то ли, что чистые руки у Гассельмана или Фрицше и у стольких других, про которых мог бы порассказать всякий, кто был выслан за границу или сам приезжал сюда?

Особенно хорош Гумпелино, когда заводит речь о своих бумажках. Когда этакий захолустный рыцарь добродетели так фарисейски выступает против порядков, которые достаточно неприятны, но реальная польза которых для партии все же бесконечно перевешивает возможный вред, — это уж наверно не спроста. У рабочих нет бумажек. Им на биржевой отдел ровным счетом наплевать. Значит, мелкий буржуа, который тоже желает заработать на бумажках, — вот кто требует благонамеренного, добропорядочного, благопристойного биржевого отдела в своей партийной газете. Во-первых, не дело социалистической газеты давать указания, как лучше всего эксплуатировать рабочих — доходы от бумажек получаются тоже ведь за счет неоплаченного труда. А во-вторых, если Гумпелино все-таки требует этого от социалистической газеты, то это отнюдь не говорит в пользу его социализма и еще меньше в пользу его коммерческого гения. У меня тоже есть бумажки, которые я время от времени покупаю и продаю. Но я все-таки не настолько наивен, чтобы при моих операциях искать совета в *социалистической* печати. Кто станет это делать и прогорит — так ему и надо. Абрахам Гумпелино, крестись!

Нас очень порадовали ответы Грилленбергера и «Sozialdemokrat» на лицемерие Путкамера[371]. Так и следует: не извиваться и не изворачиваться под ударами противника, как это делают еще очень многие, не выть, не хныкать и не лепетать извинения, что у нас, мол, не было дурных намерений. Надо

отвечать ударом на удар, на каждый удар врага — двумя, тремя ударами. Такова издавна наша тактика, и до сих пор мы, кажется, недурно справлялись с любым противником. «Впрочем, духу наших войск свойственна атака, и это как раз очень хорошо», говорит старый Фриц[*] в инструкции своим генералам[372], и то же можно сказать о наших рабочих в Германии. Но когда, например, Кайзер[**] во время дебатов об исключительных законах — если только краткий отчет □[***] верен — отступает и хнычет, что мы, мол, революционеры лишь в пиквикском смысле[373] — как быть тогда? А надо было сказать вот как: что весь рейхстаг и Союзный совет[374] сидят на своих местах только благодаря революции; что старый Вильгельм, когда он проглотил три короны и один вольный город[375], тоже был революционером; что вся законность, вся так называемая правовая почва есть не что иное, как продукт бесчисленных, но совершенных против воли народа, направленных против народа революций. О, эта проклятая немецкая дряблость мысли и воли, которую с такими усилиями протащили в партию вместе с «образованными»[****], — когда же мы, наконец, избавимся от нее!

Закрывается почта. На отдельные пункты Вашего письма, которые я, быть может, пропустил, отвечу при первой возможности. Спасибо за фотографию. Когда пришлете корректуру[*****]?

Привет.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I. 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

123

ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ В ЦЮРИХ

Лондон, 8 февраля 1883 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

1. Надеюсь, Вы получили посланную отсюда 20 декабря заказным письмом последнюю часть рукописи *(Марку)*[343].

[*] — Фридрих-Вильгельм II. *Ред.*

[**] — Макс Кайзер. *Ред.*

[***] — Фирека; Viereck — фамилия, «viereck» — «четырехугольник». *Ред.*

[****] В оригинале: «Jebildeten». *Ред.*

[*****] Речь идет о корректурных листах немецкого издания брошюры Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». *Ред.*

Однако типографские проволочки доходят до безобразия. Если так будет продолжаться, Вы можете отпечатать заново титульный лист и поставить на нем 1884 год. Когда же будет наконец следующий лист[*]?

2. Я не получил *ни* первого законопроекта о страховании от несчастных случаев, *ни* речи Бебеля по этому поводу. Но мне кажется, что специальное выступление против бисмарковского социализма было бы теперь уже запоздалым. Газетка Фирека[**] потеряла всякий вкус к нему; Зингер, до этого сильно страдавший манией огосударствления, в последнее время совершенно освободился от нее и был прямо-таки революционен, а слабосильная команда в рейхстаге, Блос, Гейзер и К°, утратила, по-видимому, если не желание, то во всяком случае мужество. К чему же, в таком случае, палить из пушек по воробьям? Мне кажется, надо предоставить бисмарковскому социализму самому похоронить себя. Значит, остается только критика дурных лассалевских пережитков. Но если печатание брошюры[*] будет идти так медленно, то, пожалуй, и это выступление устареет прежде, чем появится на свет.

3. Насчет Малона Вы ошибаетесь. Этот человек не так глуп, или, вернее, не так бесхитростен, каким прикидывается. Это мнимый простак, который выучился у бакунистов, как исподтишка нажимать и при этом делать вид, что жмут его. Вы когда-нибудь убедитесь, что я прав.

4. Биржевой налог. Здесь, в Англии, он существует давным-давно в виде простого, самого обыкновенного гербового сбора при передаточном акте — $^{1}/_{2}$% с уплаченной суммы и 5 шиллингов за запись (акций на предъявителя здесь мало, они обложению не подлежат). Результат только тот, что *настоящая* биржевая игра идет со сделками на разницу, при которых не бывает фактической передачи. Так что налог затрагивает только так называемое «солидное капиталовложение». Да и никак нельзя этого сделать таким образом, чтобы биржевые игроки не могли его обойти.

Я против этого 1) потому, что мы ведь вообще требуем только *прямых* налогов и отвергаем *все* косвенные, чтобы народ знал и чувствовал, сколько он платит и каким образом следует нападать на капитал; 2) потому, что *этому* правительству мы ни в коем случае не можем вотировать ни гроша.

Вопли против биржи Вы справедливо называете мелкобуржуазными. Биржа изменяет только *распределение* прибавочной

---

[*] Речь идет о немецком издании брошюры Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». *Ред.*
[**] — «Suddeutsche Post». *Ред.*

стоимости, *уже украденной* у рабочих, а как это происходит, это для рабочих, как таковых, вначале может быть совершенно безразличным. Но биржа изменяет распределение в сторону централизации, в огромной мере ускоряет концентрацию капиталов и потому является столь же революционным фактором, как и паровая машина.

Чисто мелкобуржуазными являются также налоги с моральной целью — разве только налог на пиво и на водку еще можно бы оправдать. Но то, что предлагается здесь, — просто смешно и насквозь реакционно. Если бы биржа не создала в Америке огромных состояний, как могли бы возникнуть там, в этой крестьянской стране, крупная промышленность и социальное движение?

Было бы очень хорошо, если бы Вы как-нибудь выступили по этому вопросу, но осмотрительно. Нельзя подставлять себя под удары Штёккеров.

5. Третье издание «Капитала»[228]. Оно, по-видимому, несколько затянется, потому что Маркс все еще болен. Пребывание в Вентноре при постоянно дождливой погоде не пошло ему на пользу. А тут еще смерть дочери[*]. Он вернулся три недели тому назад и так охрип, что еле может говорить; при таких условиях многого нельзя требовать (только ни слова об этом в газете[**]).

6. За книгу Родбертуса — Мейера[***] мы будем Вам очень благодарны. Этот человек когда-то близко подошел к открытию прибавочной стоимости, но его поместье в Померании помешало ему сделать это.

Большое спасибо за фотографию.

Каутский прислал мне свою брошюру об американском зерне[****]. Какая великолепная ирония: три года тому назад утверждалось, что надо ограничивать рост населения, потому что иначе ему нечего будет есть, а теперь оказывается, что население недостаточно велико, чтобы съесть одни только американские продукты![376] Такие казусы происходят потому, что так называемые «вопросы» изучают один за другим, вне всякой связи. При этом становятся, конечно, жертвой той диалектики, которая вопреки Дюрингу «объективно присуща самим вещам»[377].

Я рад узнать, что в гогенцоллернской семье опять есть педераст по профессии. Этого не хватало для полноты картины.

[*] — Женни Лонге. *Ред.*
[**] — «Sozialdemokrat». *Ред.*
[***] *И. К. Родбертус-Ягецов.* «Письма и социально-политические сочинения». Книга вышла под редакцией и с предисловием Р. Мейера. *Ред.*
[****] *К. Каутский.* «Заокеанская конкуренция съестными припасами». *Ред.*

Принц Карл и Фридрих-Вильгельм II тоже, правда, «занимались» этим делом, но также и женщинами. Да, кстати: передал ли Вам Адольф Бёйст «Тайную историю берлинского двора» Мирабо, которую я послал с ним для Вас? Если нет, возьмите ее у него. В книге неоценимые материалы о Фридрихе-Вильгельме II, в важнейших местах загнуты страницы.

С сердечным приветом

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

124
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ В ЦЮРИХ

Лондон, 10 февраля 1883 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Почтительнейше подтверждая отправление моего вчерашнего письма*, прилагаю при сем письмо для Каутского**, прежний адрес которого, может быть, уже не годится.

Возвращаясь к биржевому налогу, замечу, что нам вовсе не следует отрицать «аморальность» и жульничество биржи. Мы можем даже в самых резких чертах изображать ее как крайнее проявление капиталистической наживы, где собственность совершенно непосредственно переходит в воровство; но тогда следует сделать и дальнейший вывод, что отнюдь не в интересах пролетариата обламывать эту представленную во всей своей чистоте вершину нынешнего хозяйства, а, наоборот, надо дать ей совершенно свободно развиваться, чтобы и последнему дураку стало ясно, к чему приводит современное хозяйство. Нравственное негодование мы предоставим тем, кто достаточно алчен, чтобы играть на бирже, не будучи даже биржевиком, и кто поэтому, как и полагается, становится жертвой грабежа. А когда биржа и «солидный деловой мир» вцепятся друг другу в волосы и когда помещик, который тоже пытается спекулировать на бумажках и неизбежно выходит из этих спекуляций дочиста обобранным, станет третьим во взаимной

* См. предыдущее письмо. *Ред.*
** См. следующее письмо. *Ред.*

борьбе этих трех главных частей эксплуатирующего класса, — тогда мы будем четвертой стороной: той, которая смеется.

Прошу и Вас также прислать мне точный адрес с указанием улицы и номера дома. Иначе я не смогу послать деньги, а мне их нужно будет послать, между прочим, за шесть экземпляров брошюры о Шмидте*, которую мы с Шорлеммером хотим отправить в Германию и которую прошу мне прислать.

На этом я должен, однако, закончить.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

125
ЭНГЕЛЬС — КАРЛУ КАУТСКОМУ В ВЕНУ

Лондон, 10 февраля 1883 г.

Дорогой г-н Каутский!

Наконец-то я могу Вам ответить и поблагодарить Вас за все присланное. Вы себе и представить не можете, сколько самых различных помех не давали мне не только работать, но даже вести самую срочную переписку. С тех пор, как заболел Маркс, все бремя падает на меня одного, а вдобавок число запросов и т. д. удваивается. К тому же по вечерам я не могу писать, потому что это утомляет глаза и приводит к бессоннице. Таким образом, для всей письменной работы остается несколько дневных часов, которые зимой здесь так коротки; вдобавок при здешних расстояниях, если понадобится хоть один раз сходить в город, то почти всегда пропадает целый рабочий день. А какая у меня была в последнее время беготня!

Но довольно об этом. «Neue Zeit» я еще не видел, но сегодня напишу Дицу. Чтобы послать подписную плату почтовым переводом, мне необходимо знать *улицу и номер дома* — такое здесь правило.

Ваша работа о производстве съестных припасов в Америке** очень своевременна. Г-н Мейер, вероятно, очень гордится тем, что Вы в такой степени использовали его сообщения[378]. В Вене ли он еще и встречаете ли Вы его?

* «Немецкая тайная полиция в борьбе с социал-демократией». *Ред.*
** *К. Каутский.* «Заокеанская конкуренция съестными припасами». *Ред.*

Но какова ирония всемирной истории! Три-четыре года тому назад Вы, как новоиспеченный мальтузианец, проповедовали необходимость ограничить прирост населения искусственным путем, так как иначе, мол, всем нам скоро нечего будет есть. Теперь же Вы доказываете, что не хватает населения даже для того, чтобы поглотить, помимо продукции самой Европы, еще и избыток произведенных в Америке съестных припасов. Граф Эриндур, разгадай мне эту загадку природы![*] Стало быть, теперь приходится убирать подальше не хлебную корзинку, а пресловутую маленькую губку. Это, впрочем, отнюдь не помешает тому, чтобы тот же или какой-либо другой прием с успехом применялся в буржуазных семействах для того, чтобы поддерживать соответствие между количеством детей и доходами, не подрывать здоровья женщины слишком частыми родами и т. д. Но я все же остаюсь при том мнении, что это — частное дело мужа и жены и, пожалуй, их семейного врача (я сам рекомендовал в подобном случае то, что Вы называете «способом Рачиборского»), и думаю, что наши пролетарии будут и впредь, как до сих пор, верны своему имени, производя на свет многочисленное proles[**].

Вас, наверно, не удивит, что в отношении Вашей статьи о гетеризме[379] я все еще стою на старой точке зрения: что общность женщин (и мужчин для женщин) была исходным пунктом половых отношений внутри племени. Напротив, психологическое объяснение ревностью протаскивает позднейшие воззрения и опровергается сотнями фактов (о чем ниже). Дарвин в этой области так же мало авторитетен, как и в политической экономии, откуда он заимствует свое мальтузианство. Об обезьяне мы не знаем в этом отношении почти ничего, так как наблюдения в зверинце ничего не доказывают, делать же наблюдения над стадом диких обезьян трудно, и произведенные якобы наблюдения не могут быть ни точными, ни окончательными, ни тем более пригодными для обобщений. Горилла и орангутанг и без того не в счет, так как не живут стадами. Первобытные племена со свободной моногамией, на которые Вы ссылаетесь, я считаю выродившимися — относительно жителей полуострова Калифорнии Банкрофт[***] это доказал. Не грубость является показателем первобытного состояния, а степень сохранения старых кровных связей племени. Эти связи, следовательно, и необходимо устанавливать в каждом

[*] *А. Мюльнер.* «Вина», акт II, сцена пятая. *Ред.*
[**] — потомство. *Ред.*
[***] *Х. Х. Банкрофт.* «Туземные племена тихоокеанский штатов Северной Америки». *Ред.*

Женни Маркс-Лонге

отдельном случае, прежде чем делать какие-либо выводы из отдельных явлений у того или иного племени. Так, например, у обитателей полуострова Калифорнии эти старые связи в значительной мере ослабели, причем их не заменила какая-либо иная организация; это верный признак вырождения. Но и они свидетельствуют *против Вас.* И у них женщины периодически возвращаются в состояние общности. Это и есть главный пункт, о котором Вы, однако, вовсе не упоминаете. С такой же достоверностью, как там, где земля при принудительном переделе периодически вновь возвращается в общее владение, можно сделать заключение о прежней полной общности земли, — с такой же достоверностью можно, по моему мнению, заключать о первобытной общности женщин повсюду, где женщины периодически возвращаются — реально или символически — в состояние общности. А это происходит не только у Ваших обитателей полуострова Калифорнии, но — либо реально, либо символически — также и у очень многих других индейских племен, кроме того, у финикийцев, вавилонян, индийцев, славян, кельтов, — следовательно, было давным-давно и притом широко распространено, — и целиком опровергает психологический аргумент ревности. Мне очень хотелось бы посмотреть, как Вы в дальнейшем сумеете преодолеть это затруднение, потому что обойти его Вам ведь не удастся.

Только что пришла Пумпс с мужем и ребенком*, и тут всякому писанию конец. Всегда так.

С сердечным приветом

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. 1 (VI), 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

126

ЭНГЕЛЬС — ЛАУРЕ ЛАФАРГ

В ПАРИЖ

Лондон, 16—17 февраля 1883 г.

Моя дорогая Лаура!

Начинаю это письмо — в 4 часа пополудни — будучи неуверенным в том, когда мне удастся его закончить; постоянные помехи, во власти которых я находился последнее время,

* — Перси Рошером и дочерью Лилиан. *Ред.*

совсем не оставляли мне времени, за исключением вечеров, а по вечерам я не решаюсь много писать, так как это утомляет глаза.

Твой «Салас-и-Гомес»* в целом — шедевр. Та же терпкость языка, что и в оригинале, — терпкость, которая так нравится нам в молодом хорошем красном вине, здоровая терпкость, приближающая терцины Шамиссо к терцинам Данте больше, чем у какого-либо другого поэта. Я сравнил все с оригиналом строку за строкой и удивлен точностью воспроизведения оригинала. Однако мне хотелось бы, чтобы ты попробовала изменить некоторые места с тем, чтобы сделать перевод безупречным. Конец, как ты сама утверждаешь, сделан наспех, и на самом деле так оно и есть, если не считать деталей.

Введение. Терцина 3. «Так высилась она» — она не могла «выситься», потому что ее можно было видеть только с топ-мачты. — *«С* «Рюрика»»: так нельзя, ибо Шамиссо сам находился на борту «Рюрика».

Терцина 5. Думаю, что она нуждается в переделке. «Den Versuch zu *wagen»*** относится просто к риску провести лодки в сохранности через буруны, образованные коралловыми рифами, окружающими все острова в тех широтах.

Терцина 7, з. Недостает одного слова; «our»*** нельзя использовать как двухсложное.

Терцина 15. Перевод: *«хотя...* это *могло* быть стерто» может ввести в заблуждение. В оригинале ясно сказано, что написанное было стерто не чем иным, как ногами самих людей.

Терцина 31, 1. «Эту скалу» никак нельзя делать *«холодной»,* ибо «она обжигает ему ноги сквозь подошвы».

Первая надпись. Терцина 1. «Ich sah bereits im Geiste»**** — этого нельзя опускать в начале. Читатель на основании перевода может подумать, что человек уже *полностью владел* всеми этими воображаемыми сокровищами и только в конце, — терцина 8, — имеется указание, да и то недостаточно четкое из-за опущенного вначале, что все это было только фантастической грезой. Образ отважного моряка, отправившегося на поиски богатства, составляет основу всей этой части, и поэтому он должен выделяться с самого начала рассказа.

Терцина 4, 1: «and for myself were too content and gain»***** непонятно без обращения к оригиналу.

---

* *А. Шамиссо.* «Салас-и-Гомес». *Ред.*

** — *«Отважиться* на попытку» *Ред.*

*** — «наш». *Ред.*

**** — «Я сидел мысленно уже». *Ред.*

***** — «и сам я также был доволен и выгоду извлек». У Шамиссо: «Und selber hat ich Ruhe mir gewonnen» — «А для себя достиг покоя я». *Ред.*

Терцина 9, 3: «cabins»* прибавляет лишний слог к строке и неточно. «Der untre Raum»** на языке моряков — *«hold»,* к тому же это односложное слово.

Вторая надпись. Не содержит дефектов за исключением одного, да и тот является опиской. Терцина 16, 1: «For they (have) sighted me»*** пропущено *«have».*

Третья надпись. Терцина 7. Я предпочитаю оборот «worser far»****, но понравится ли он филистерской публике? А сможешь ли ты стать филистером настолько, чтобы сказать «worse by far»****?

Терцина 15—20: твои собственные варианты показывают, что ты не совсем удовлетворена своей работой. Я совершенно уверен, что здесь можно предпринять новую попытку, которая увенчается успехом. А заключение очень хорошее.

Как обычно, начало, когда ты еще не вработался, и конец, когда ты уже немножко устал, — являются слабыми моментами, но я думаю, что после того как все это полежит у тебя некоторое время, ты будешь в состоянии вновь приняться за дело со свежими силами и сделать его так, как ты, несомненно, *можешь* сделать.

Мавр также хочет прочесть перевод, но еще не сейчас. Недавно у него были очень плохие бессонные ночи, которые перебили ему его интеллектуальный аппетит, так что он начал читать вместо романов издательские каталоги. Однако позапрошлая ночь прошла хорошо, и вчера он выглядел совершенно другим человеком. Еще один хороший симптом: его ноги, прежде по вечерам холодные, как лед, и согревавшиеся только благодаря горячим горчичным ваннам, за последние две ночи были совершенно теплыми, и никаких ванн не потребовалось. Хроническое воспаление гортани и бронхов медленно проходит, но глотание все еще болезненно и голос очень хриплый. Я продолжу эту сводку сегодня вечером, после того как увижу его. Аппетит у него вчера был очень хороший; Ним***** превосходит себя в изобретении новых блюд применительно к его заболеванию.

17 февраля. Был уже час ночи, когда я вернулся вчера с Maitland Park******, поэтому я не смог закончить это письмо. Мавр чувствовал себя почти так же, как обычно, но отказался

* — «каюты». *Ред.*
** — «трюм». *Ред.*
*** — «Так как они увидали меня». *Ред.*
**** — «хуже гораздо». *Ред.*
***** — Елена Демут. *Ред.*
****** — улица в Лондоне, на которой жила семья Маркса. *Ред.*

от каталогов и снова взялся за Фредерика Сулье — так или иначе хороший признак. Что ты скажешь по поводу того, что он выпивает *пинту молока* ежедневно, он, который терпеть не мог молока, даже когда оно просто стояло на столе! Так или иначе это идет ему на пользу. Кроме рома время от времени (особенно с молоком) он выпивает примерно за каждые четыре дня бутылку коньяку.

Хуже всего то, что заболевание его настолько сложно, что в то время, когда надо уделять внимание вещам самым неотложным — органам дыхания — и временами давать снотворное, приходится пренебрегать другими вещами, например, состоянием желудка; как тебе известно, его желудок отнюдь не самый совершенный орган пищеварения. Однако аппетит у него сохраняется довольно хороший, и мы делаем все возможное, чтобы снабжать его главным образом такой провизией, которая содержит большое количество питательных веществ в небольшом объеме.

Полагаю, наши друзья слишком поспешили с новой «Egalite». Что станет с газетой, если Полю[*] и Геду придется «отбывать срок» по решению муленского суда, что, в конце концов, вполне возможно?[94] Вступительная статья Геда[380] это вообще не то, что требовалось бы. То, что он говорит о судьях, избранных всеобщим избирательным правом, вполне применимо как к самому всеобщему избирательному праву, так и к республике и к любому другому политическому институту. Если господа французы не знают, как использовать это всеобщее избирательное право, тем хуже для них. Дайте нашим людям в Германии право избирать судей — они проведут выборы во всех больших городах и сделают Берлин слишком жарким местом для старого Вильгельма и Бисмарка, если они не прибегнут к coup d'etat[**]. Но говорить: *белое,* потому что мой противник говорит: *черное* — значит просто подчиниться закону своего противника, а это ребяческая политика. Я боюсь, что вновь неожиданно и довольно основательно обнаруживается старое анархистское бахвальство Геда, а в таком случае он зайдет в тупик.

«Двое скучающих» Поля очаровательны. Это как раз по его части[***].

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

[*] — Лафаргу. *Ред.*
[**] — государственному перевороту. *Ред.*
[***] Конец письма отсутствует. *Ред.*

127
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ
В ЦЮРИХ

Лондон, 27 февраля 1883 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

У меня в последнее время произошла небольшая размолвка с Фиреком, заставившая меня порвать с ним. Так как возможно, что он приедет в Цюрих на конгресс[381] и будет там упоминать об этой истории в *частных* беседах, то я хочу, чтобы в этом случае была известна не только *его* версия. Поэтому я уполномочиваю Вас прочесть настоящее письмо каждому, с кем Фирек будет говорить об этом деле, а Бебелю и Либкнехту — при всех обстоятельствах.

Еще до рождества Фирек или, вернее, его жена* прислали мне визитную карточку инженера Дейнхардта из Мюнхена с тремя вопросами химико-физико-промышленного характера и просили меня, если возможно, навести справки. Я послал карточку в Манчестер Шорлеммеру, который по поставленным вопросам сразу распознал пронырливого и назойливого изобретателя и к крайне лаконическим ответам присовокупил еще и «эпиграф». Вот в каком виде вернулась карточка к Фиреку:

«1. Применяется ли уже озон на английских бумажных фабриках наряду с хлором и хлористой известью для беления тряпья? — *Нет!*

2. Имеет ли озон по сравнению с другими белильными средствами, применяемыми в промышленности, серьезные преимущества в техническом или финансовом отношении? — *Нет!*

3. Наталкивается ли добывание озона и его применение в промышленных предприятиях на значительные трудности? — *Да!* К. Дейнхардт, инженер» (напечатано на карточке), Эпиграф: «Apage inventor!»**.

В таком виде карточка вернулась обратно. Если Фирек не хотел показывать эпиграф своему Дейнхардту, то ему стоило лишь переписать вопросы и ответы на лист бумаги или на открытку — и вопрос был бы исчерпан.

Но вот я получаю «Suddeutsche Post» № 7 (от 17 января) (которую Фирек посылал мне в обмен на «Labour Standard») и читаю в отделе «Почтовый ящик» следующее:

* — Лаура Фирек. *Ред.*
** — «Изобретатель, отвяжись!». *Ред.*

«Г-ну инженеру Дейнхардту, здесь. Автор «Электротехнической революции» пишет нам, что, *несмотря на противоположные заявления г-на проф. Шорлеммера* из Манчестера, он продолжает утверждать, *что озон добывается с помощью динамо-машины»* и т. д.

Что это значит? Каким образом это совершенно частное сообщение попало в газету вместо настоящего почтового ящика? И как Фирек посмел публично использовать в своей газете частное сообщение, которое Шорлеммер, исключительно из любезности к Фиреку, сделал Дейнхардту — субъекту, по свидетельству самого Фирека, крайне назойливому? Либо Фирек не понимал, что он делает, либо он сделал это из мести за «эпиграф».

Между тем в трех поставленных вопросах и ответах на них вовсе не говорится о том, добывается ли озон с помощью динамо-машины; динамо-машина в них вообще не упоминается. Стало быть, Фирек, косвенно приписывая Шорлеммеру отрицание того, что озон вообще добывается с помощью динамо, прямо *искажает истину* и приписывает Шорлеммеру утверждение, которого тот никогда не делал. Но химику с более чем европейским именем несомненно не может быть безразлично, если ему приписывают в химико-физических вопросах утверждения, которых он никогда не высказывал, и притом делают это публично в университетском городе Мюнхене, где тоже ведь есть химики и физики, которые могут это прочесть. Я отправил поэтому, считая это своим прямым долгом, газету Шорлеммеру, который прислал мне следующее письмо для Фирека:

«Когда кто-нибудь» (цитирую по памяти) «без разрешения публикует частное сообщение, это неприлично. Но если к тому же это сообщение еще искажают, это уже больше чем непристойно».

Шорлеммер требует поэтому для выяснения дела опубликования всего содержания карточки — с вопросами, ответами и эпиграфом.

На это последовало длинное письмо Фирека ко мне о том, что Дейнхардт бомбардировал его тремя письмами по поводу озона (так что выражение: «Apage inventor!» было *вполне уместно!);* мое же письмо, полученное им вместе с письмом Шорлеммера, для него все равно, что *нож к горлу (это неправда,* он может показать письмо; я требовал только, чтобы он в вежливой форме дал полное удовлетворение Шорлеммеру). Но еще, мол, тяжелее для него письмо Шорлеммера с предъявленным в нем требованием. Эпиграфа он не может-де опубликовать (этого, конечно, Шорлеммер и не требовал всерьез), а остальное — лишь в том случае, если Шорлеммер *возьмет обратно*

оскорбительные выражения своего письма. Пока, дескать, он еще не видит, в чем его ошибка, на наши же требования, поставленные в «такой совершенно неприемлемой форме», on должен ответить отказом.

«Я *же не знал,* что г-н профессор Шорлеммер читает «Suddeutsche Post», и мог ли я предположить, что Вы ad hoc* послали ему этот номер?! Ведь возможность, что Вы *могли стать доносчиком на меня,* я считаю... исключенной, и я был бы только рад, если бы Вы помогли мне сделать шаги, требуемые для успокоения крайне раздраженного профессора». Его читатели, мол, на $^{11}/_{12}$ партийные товарищи... И пусть от него не требуют того, чего «не в состоянии выполнить уважающий себя человек» и т. д.

Итак: человек злоупотребляет, *по его собственному признанию,* именем Шорлеммера и искажает его слова в надежде, что *тот об этом не узнает.* А когда я сообщаю об этом Шорлеммеру, — я, который один только и впутал его в эту историю, — то я оказываюсь *«доносчиком»* на Фирека. Пострадавшим лицом оказывается не Шорлеммер, а Фирек, хотя Шорлеммер отозвался о поведении Фирека еще в чересчур мягких выражениях. Об *искажении* слов Шорлеммера вовсе умалчивается.

Наши ответы Фирек может прочесть каждому. Мы послали ему адресованное не на его имя, а на имя редакции заявление, которое мы, стало быть, предназначали для печати с предложением опубликовать тут же вопросы и ответы. Что же делает Фирек? Сперва он вежливо извиняется в «Почтовом ящике»:

«Мы чрезвычайно сожалеем об этом досадном недоразумении и постараемся его уладить».

А затем? — В № 17, от 9 февраля, читаем:

«К вопросу об электротехнической революции. Г-н профессор Шорлеммер из Манчестера дает следующие ответы на поставленные ему вопросы, которые мы помещаем здесь для выяснения одного (!) недоразумения (!)» (следуют вопросы и ответы).

Выяснение «недоразумения» сводится к полному затемнению дела; удовлетворение, которое должен был получить Шорлеммер, сведено к попытке поднять его на смех и снова злоупотребить его именем. После этого я стал отсылать «Suddeutsche Post» обратно нераспечатанной. Тогда от Фирека снова приходит открытка с вопросом, чем он заслужил такое *оскорбительное* (для него все оскорбительно!) обращение и т. д. Что я ему на

* — в данном случае. *Ред.*

это ответил, тоже открыткой, пусть он прочтет Вам сам, если желает. «С этакой свиньей надо порвать всякие отношения», — пишет мне Шорлеммер. Так я и сделал.

Ваш ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано в книге: «Die Briefe von Friedrich Engels an Eduard Bernstein». Berlin, 1925

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

128
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ
В ЦЮРИХ

Лондон, 27, 28 февраля,
1 марта 1883 г.

Дорогой г-н Бернштейн!

Ваше письмо получил вчера вечером. «Egalite» опять лопнула; я попросил бы Вас опубликовать по этому поводу в «Sozialdemokrat» следующие факты (см. прилагаемый листок*). Надеюсь, что эти люди станут наконец умнее и не будут браться за издание ежедневной газеты на основании подобных договоров. Обжалование ни к чему не приведет, будет только стоить денег, и каждый французский суд рад будет случаю отказать социалистам и решить процесс не в их пользу, а газета все равно не оживет.

Между прочим, Гед и Лафарг привлекаются по статье 91 Code penal[382]: заговор и подстрекательство к гражданской войне — смертная казнь. Каков фарс!

Хорошо еще, что они теперь, по крайней мере, не могут больше заявлять публично о своей солидарности с анархистами в связи с тем, что те *сидят за решеткой,* — с этими детьми, которые играют с огнем, а когда их порют, прикидываются самыми невинными мальчиками на свете. У одного болвана в Брюсселе бомба разорвалась в кармане собственных брюк! Динамит начинает становиться просто смешным.

А теперь о другом. В результате одной гнусности, которую позволил себе Фирек по отношению к Шорлеммеру в «Suddeutsche Post», я порвал с ним. Подробности изложены в письме, которое я послал Шорлеммеру** и которое он, если будет согласен с его содержанием, отошлет Вам завтра прямо из Ман-

* Приложение к письму не сохранилось. *Ред.*
** См. предыдущее письмо. *Ред.*

честера (прилагаю это письмо — оно мне было возвращено, потому что я забыл его подписать)*. Мне не приходится Вам говорить, что если бы Фирек и Фрицше приехали не в качестве официальных представителей партии[158], мы здесь приняли бы их в то время очень холодно. Но ради этого, да еще потому, что Маркс был нездоров, мне пришлось в некотором роде выполнить долг гостеприимства. К тому же его, Фирека, теперешняя жена** близко сошлась с моей племянницей*** (та и другая были в то время тайно помолвлены) и т. д. и т. д. Тогда я совершенно определенно высказал ему свое мнение о его склонности к вульгарной демократии. Словом, я с ним возился, а теперь этому должен быть положен конец.

Такого поведения, какое позволил себе Фирек по отношению к Шорлеммеру, не стерпел бы и чистильщик сапог. А ведь Шорлеммер, после Маркса, бесспорно, самый известный человек во всей европейской социалистической партии. Когда я с ним познакомился 20 лет тому назад, он был уже коммунистом. В то время он был бедным частным ассистентом у английских профессоров. Теперь он — член Королевского общества (здешней Академии наук) и самый крупный авторитет в мире по своей специальности — химии простых углеводородов (парафины и их производные). Его большой курс химии, изданный им вместо с Роско****, но написанный почти исключительно им одним (это известно всем химикам), считается сейчас лучшим в Англии и Германии. И такое положение он завоевал себе за границей в борьбе с людьми, которые эксплуатировали его до последней возможности, — завоевал исключительно благодаря действительно научным трудам. Не было ни одного случая, чтобы он покривил душой. При этом он нигде не стесняется выступать как социалист, читает вслух за столом, где обедают доценты, остроты из «Sozialdemokrat» и т. д., но справедливо требует, однако, чтобы его не вытаскивали под тем или иным предлогом напоказ публике помимо его воли, как это сделал Фирек. Однако — до завтра; скоро полночь, а я нарушил свое правило — не писать по вечерам.

28 февраля

Сделайте одолжение, не называйте меня беспрестанно в газете «товарищем». Во-первых, я ненавижу всякие титулы, а так как во всей немецкой печати, той, с которой стоит считаться,

* Строка в скобках приписана Энгельсом в конце страницы письма. *Ред.*
** — Лаура Фирек. *Ред.*
*** — Мери Эллен Рошер. *Ред.*
**** *Г. Э. Роско* и *К. Шорлеммер.* «Подробный учебник химии». *Ред.*

людей называют без титула, просто по имени, если их не ругают, то и нам следовало бы этого придерживаться, кроме тех случаев, когда обозначение «товарищ» должно *действительно сообщить* читателю, что данное лицо принадлежит к партии. То, что уместно и принято на трибуне и в устных спорах, иной раз совершенно неприемлемо в печати. Кроме того, мы здесь вовсе и не «товарищи» в узком смысле этого слова. Мы принадлежим к германской партии едва ли в большей мере, чем к французской, американской или русской, и так же мало можем считать себя связанными немецкой программой, как и программой-минимум[30]. Мы придаем известное значение этому нашему особому положению представителей *международного* социализма. Оно, однако, не позволяет нам принадлежать к какой-либо отдельной национальной партии, по крайней мере до тех пор, пока мы не возвратимся в Германию и не примем непосредственного участия в тамошней борьбе. Теперь это не имело бы смысла.

Но поводу того, что Вы говорите о вине Либкнехта в привлечении филистерских элементов, мы уже давно придерживаемся того же мнения. При многих своих превосходных качествах Либкнехт обладает тем недостатком, что всеми силами старается привлечь в партию «образованные» элементы, и для него, как для бывшего учителя, ничего не может быть хуже, чем если в рейхстаге рабочий иной раз скажет *мне* вместо *меня.* Кандидатуру такого человека, как Фирек, ни в коем случае не следовало бы выставлять: он гораздо больше опозорил бы нас в рейхстаге, чем сотни неправильно употребленных *«мне»,* что, кстати сказать, случается иной раз даже с Гогенцоллернами и фельдмаршалами. Если «образованные» и вообще пришельцы, происходящие из буржуазных кругов, не стоят *полностью* на пролетарской позиции, они только вредны. Но если они действительно стоят на этой позиции, они могут быть очень полезны, и их следует приветствовать. Далее, одна из особенностей Либкнехта заключается в том, что он ради временного успеха не задумываясь жертвует более серьезными успехами в будущем. Примером может служить весьма рискованная посылка Фирека и Фрицше в Америку. Пока все сошло гладко, но разве мы можем знать, не опозорит ли нас Фрицше в Америке в дальнейшем? А потом будут говорить: это был официально посланный представитель германской социал-демократии в Америке! Какую осторожность приходится соблюдать с такого сорта людьми при выдвижении кандидатур, доказывает случай с Оппенхеймером[383].

Снова прерываю!

1 марта

С мелкобуржуазным мещанско-филистерским духом мы постоянно вели в партии самую жестокую борьбу, потому что он, развиваясь со времени Тридцатилетней войны[116], охватил *все* классы в Германии, сделался наследственной болезнью немцев, родным братом лакейства, верноподданнического смирения и всех прочих наследственных немецких пороков. Это он сделал нас за границей смешными и достойными презрения. Это филистерство — главная причина господствующей у нас дряблости и бесхарактерности. Оно царит на троне так же часто, как и в хижине сапожника. Лишь с тех пор, как в Германии образовался *современный* пролетариат, лишь с тех пор в его лице развился класс, почти совершенно не зараженный этой немецкой наследственной болезнью, проявивший широту взглядов, энергию, юмор и упорство в борьбе. Как же нам не бороться против всякой попытки снова искусственно привить этому здоровому — и в Германии единственному здоровому — классу старый наследственный яд филистерской ограниченности и филистерской дряблости? Однако вожди, поддавшись испугу в первый момент после покушений[22] и закона против социалистов[106], выказали страх, который только подтвердил, что сами они слишком долго жили среди филистеров и находились под давлением филистерского мнения. В то время партия, если и не *стала* филистерской, то все же должна была *казаться* таковой. Теперь все это, к счастью, преодолено, но вовлеченные в партию незадолго до закона против социалистов филистерские элементы, состоящие преимущественно из учившихся и в большинстве случаев недоучившихся людей, — все еще в партии, и за ними надо зорко следить. Мы очень рады, что Вы ей в этом помогаете. Вы там в «Sozialdemokrat» — на важнейшем посту.

Оставьте, однако, в покое эту несчастную статью из «Jahrbuch»[284]. Она оправдывает биржевиков. Но можно прекрасно самому быть биржевиком и в то же время социалистом и поэтому ненавидеть и презирать *класс* биржевиков. Разве придет мне когда-либо в голову извиняться за то, что я когда-то был совладельцем фабрики? Здорово досталось бы тому, кто вздумал бы меня в этом упрекнуть. И если бы я был уверен, что завтра выиграю на бирже миллион и таким образом смогу предоставить большие средства в распоряжение партии в Европе и в Америке, я тотчас же отправился бы на биржу.

Вы совершенно правы относительно стремления заслужить похвалу врагов. Мы частенько из себя выходили, когда

«Volksstaat» и «Vorwarts» с радостью отмечали, если кто-нибудь из катедер-социалистов[126] одобрительно п....т. Предательство Микеля началось с его тезиса: «Мы должны во всех областях добиваться признания со стороны буржуазии»[356]. И Рудольф Мейер может льстить нам сколько угодно[369] — его признают снова разве только за действительно заслуживающих внимания «Политических грюндеров»[*]. Мы, конечно, никогда не беседовали с ним на серьезные темы, а почти исключительно о Бисмарке и тому подобном. Но Мейер, по крайней мере, порядочный человек, который умеет показывать зубы и господам дворянам, а не карьерист, как все катедер-социалисты, которые процветают теперь также и в Италии. Образчик их, Акилле Лориа, был здесь недавно, но после двух визитов ко мне больше уж не приходил.

Шум, который поднял Фирек по поводу электротехнической революции, ничего не смысля в этом деле, только реклама для изданной им брошюры. Но в действительности это колоссальная революция. Паровая машина научила нас превращать тепло в механическое движение, но использование электричества откроет нам путь к тому, чтобы превращать *все* виды энергии — теплоту, механическое движение, электричество, магнетизм, свет — одну в другую и обратно и применять их в промышленности. Круг завершен. Новейшее открытие Депре, состоящее в том, что электрический ток очень высокого напряжения при сравнительно малой потере энергии можно передавать по простому телеграфному проводу на такие расстояния, о каких до сих пор и мечтать не смели, и использовать в конечном пункте, — дело это еще только в зародыше, — это открытие окончательно освобождает промышленность почти от всяких границ, полагаемых местными условиями, делает возможным использование также и самой отдаленной водяной энергии, и если вначале оно будет полезно только для *городов,* то в конце концов оно станет самым мощным рычагом для устранения противоположности между городом и деревней. Совершенно ясно, однако, что благодаря этому производительные силы настолько вырастут, что управление ими будет все более и более не под силу буржуазии. Тупица Фирек видит в этом лишь новый аргумент для своего излюбленного огосударствления: то, чего не может сделать буржуазия, должен сделать Бисмарк.

Я очень огорчен историей с Шумахером. Надеюсь, что это только временно; он ведь вообще был живым, решительным

[*] Р. *Мейер.* «Политические грюндеры и коррупция в Германии». *Ред.*

парнем. Но это, как Вы выражаетесь, проклятая атмосфера Германской империи!

На конгресс[381] я ехать не собираюсь по многим причинам. Положение вещей на континенте в настоящее время таково, что я предпочитаю оставаться здесь.

Каутский прислал мне вторую часть своей работы о браке[379], в которой он опять хочет протащить контрабандой общность жен как вторичное явление. Но это не пройдет. Я напишу ему еще об этом* и пришлю Вам письмо. Несчастье Каутского в том, что вместо того чтобы сложные вопросы превращать в простые, он, наоборот, усложняет простые. И потом, если так много пишешь, нельзя дать ничего путного. Для гонорара ему следовало бы писать популярные вещи и оставить себе время для того, чтобы разрабатывать научные темы вдумчиво и исчерпывающе, потому что только так и может что-нибудь выйти.

«Федраста», над которым мы очень смеялись, я уже переправил дальше, в Манчестер, где он будет иметь большой успех.

Маркс все еще нетрудоспособен, не выходит из своей комнаты (он приехал тотчас же после смерти своей дочери**) и читает французские романы. У него, по-видимому, очень сложная болезнь. Я возлагаю большие надежды на близящееся более благоприятное время года.

Ваш ***Ф. Энгельс***

Не помещайте только ничего в газете*** о состоянии здоровья Маркса. Фирек в «Suddeutsche Post» невероятно исказил те сведения, которые я время от времени сообщал его жене**** (сам он мне почти никогда не писал!), но мне это, конечно, удалось скрыть от Маркса, иначе бы он вцепился мне в волосы. На это Фирек тоже не имел от меня никакого разрешения.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

---

* См. настоящий том, стр. 376—378. *Ред.*

** — Женни Лонге. *Ред.*

*** — «Sozialdemokrat». *Ред.*

**** — Лауре Фирек. *Ред.*

129
ЭНГЕЛЬС — КАРЛУ КАУТСКОМУ
В ВЕНУ

Лондон, 2 марта 1883 г.

Дорогой г-н Каутский!

Я получил Вашу вторую статью о браке[379], и так как она содержит ответ на мою критику первой статьи[*], то я тут же продолжаю; у меня сейчас как раз выдался свободный часок, а завтра я не сумею его выкроить.

Прежде всего я считаю абсолютно недопустимым, что Вы, оспаривая общность жен как первобытное явление, хотите ее снова привнести как явление вторичное. Где существует общность, — будь то общность земли, или жен, или чего бы то ни было, — там она непременно является первобытной, перенесенной из животного мира. Все дальнейшее развитие заключается в постепенном *отмирании* этой первобытной общности; никогда и нигде мы не находим такого случая, чтобы из первоначального частного владения развивалась в качестве вторичного явления общность. Это положение я считаю настолько неопровержимым и общезначимым, что если бы Вы даже указали мне на исключения, то, как бы они на первый взгляд ни были разительны, я бы видел в них не аргумент против этого положения, а лишь еще один требующий разрешения вопрос.

Вы, далее, неправы, приписывая в первой статье ревности решающую роль, а во второй статье совершенно отбрасывая ее в сторону. В первой статье свободная моногамия выводится главным образом из ревности — другие мотивы, повторяю, для меня значения почти не имеют. Но если ревность может преодолеть естественную половую общность, — а косвенно Вы эту последнюю *все-таки* допускаете: «внутри племени господствовала *полная половая свобода»,* — если ревность может, следовательно, поставить эту естественную свободу в границы временной моногамии, то тем более она в состоянии преодолеть менее значительные препятствия. Общая собственность племени на военнопленных является гораздо меньшим препятствием. Жена остается женой, будь она свободной или рабыней; но ревность мужа, если речь идет о рабыне, обеспечила бы, право же, гораздо легче единоличное владение, чем в том случае, когда дело касается свободных женщин, имеющих *право* на нарушение брака! Но едва только возникает брак с военнопленными, как

[*] См. настоящий том, стр. 362—363. *Ред.*

у мужчины сразу же исчезает ревность; общность, казавшаяся ему в первобытном состоянии такой отвратительной, становится приемлемой и приятной и даже после введения моногамии или полигамии, даже у семитических гаремных народов мужья не имеют ничего против того, чтобы их жены в храмах или где бы то ни было в определенные периоды времени отдавались первому встречному. Нет, дорогой мой, это не так-то просто. Вы должны быть последовательны до конца, если даже это для Вас и не совсем удобно. Раз ревность сделала невозможной *первичную* половую общность жен, то тем самым с половой общностью раз навсегда, вплоть до капиталистического общества включительно, покончено. Либо вторая Ваша статья опровергает первую, либо наоборот.

Кстати: я не согласен с тем, что свобода женщины в первой ее стадии способствовала моногамии, так как об угнетении не могло, мол, быть и речи. Тот аргумент, что половая общность основана на угнетении, сам по себе неверен; это — современное извращение, предполагающее, что речь может идти только об общности женщин для *мужчин* и по *их произволу*. Эта предпосылка совершенно чужда первобытному состоянию. Половая общность существовала для *обоих* полов. Если Вы опровергаете неправильное воззрение, то этим еще не опровергнуты правильные факты, которые подверглись искажению.

Далее: сводя всякую половую общность и ее следы к умыканию чужих жен, Вы приписываете этой форме брака, как преобладающей, невероятное распространение, не приводя, однако, ни малейшего доказательства этому.

Дальнейшее расплывается в море гипотез [среди которых кое-что для известных периодов и определенных]* местностей безусловно верно. Но с обобщениями Вы спешите, как курьерский поезд. Так быстро разделаться с этими вопросами нам не удастся. И хотя кельтский clan**, римский gens**, немецкий Geschlecht** — все являются подразделениями племени, тем не менее между ними есть существенные различия и происхождения они, наверное, различного. Точно так же различны и виды кланов у некельтских народов.

Я убежден, что если Вы будете продолжать заниматься этим вопросом или через некоторое время вернетесь к нему, то придете к совершенно иным результатам и, быть может, пожалеете, что Вы в этой чрезвычайно трудной области проявили такую поспешность. Вы очень много читали на эту тему, но чересчур

* В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*
** — род. *Ред.*

поторопились с выводами и притом слишком большое значение придали мнениям так называемых антропологов, которые все страдают, я бы сказал, своего рода катедер-социалистическим косоглазием. Если Вы опровергнете бахофенское прославление половой общности и превращение ее в таинство*, то половая общность все же останется фактом.

Ну, звонят к обеду; итак, не обижайтесь, я все же —

Ваш старый

Ф. Энгельс

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), I932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

130
ЭНГЕЛЬС — АВГУСТУ БЕБЕЛЮ В ЛЕЙПЦИГ

Лондон, 7 марта 1883 г.

Дорогой Бебель!

Я сегодня вынужден отвечать тебе по памяти, потому что твое письмо все еще у Маркса, а мне все-таки хочется сейчас поздравить тебя с освобождением, которое должно произойти послезавтра.

Быстрые успехи промышленности в Германии, о которых ты пишешь, меня чрезвычайно радуют. Мы во всех отношениях переживаем теперь вторую бонапартистскую империю: биржа мобилизует все полностью или наполовину бездействующие капиталы, притягивая их и быстро концентрируя в немногих руках; эти капиталы, оказавшиеся таким образом в распоряжении промышленности, порождают промышленный подъем (который отнюдь не следует отождествлять с деловым оживлением), а раз уж дело двинулось, оно пойдет все быстрей и быстрей. Только в двух отношениях эра Бисмарка отличается от эры Наполеона III: там процветание было связано с относительной свободой торговли, у нас же дело идет вперед, несмотря на покровительственные пошлины, которые как раз в Германии совершенно неуместны. Во-вторых, эра Бисмарка оставляет гораздо большее число людей без работы. Это объясняется отчасти тем, что прирост населения у нас гораздо больше, чем в двухдетной Франции, отчасти же тем, что Бонапарт своими

* *И. Я. Бахофен.* «Материнское право». *Ред.*

парижскими постройками вызвал искусственный спрос на рабочую силу, тогда как у нас после эпохи миллиардов[7] этому быстро пришел конец; но отчасти здесь, по-видимому, играют роль еще и другие причины, которые мне не ясны. Во всяком случае, мещанская Германия начинает, наконец, превращаться в современную страну, а это для наших дальнейших быстрых успехов совершенно необходимо.

Когда читаешь немецкие буржуазные газеты и парламентские речи, кажется, что живешь в Англии времен Генриха VII и Генриха VIII: те же причитания о бродягах, те же вопли о принудительном уничтожении бродяжничества, о тюрьмах и розгах. Это служит лучшим доказательством того, как быстро совершается отделение производителя от его средств производства, вытеснение мелкого производства машиной и усовершенствование машины. Но как смешны и презренны эти буржуа, которые стремятся посредством моральных проповедей и уголовных кар устранить необходимые последствия своей собственной деятельности! Как жаль, что ты не в рейхстаге[217], это было бы темой как раз в твоем духе.

Ваш пример — то, что вы спокойно принесли присягу в саксонском ландтаге[384], — нашел подражателей. Итальянцы единогласно постановили, что присяга не должна быть помехой, и Коста безропотно присягнул[80]. А ведь эти люди именуют себя «анархистами», несмотря на то что участвуют в выборах и позволяют себя избирать!

С моей брошюрой[*] в Цюрихе вышла безобразная проволочка, но теперь она уже как будто напечатана; не знаю, быть может, в захолустном Цюрихе так долго продолжается брошюровка — во всяком случае, я все еще жду своих экземпляров; пока что я их еще не получил. Заметка о марке[**] тебе многое разъяснит у Маурера; он отчаянно нескладно пишет, и все же его работы превосходны. Я прочел его книгу пять или шесть раз и на будущей неделе прочту ее снова, после того как проштудирую еще раз все его остальные труды в их общей связи[113].

Очень порадовало нас то, как отделали нравственно-религиозного Путкамера — сперва Грилленбергер в самом рейхстаге, а затем несколько раз в «Sozialdemokrat»[371]. Теперь уж он будет поосторожней!

Маленький Гепнер перепечатал в Нью-Йорке «Наши цели»[385] якобы с исправлениями и с приложением картинки, которая

[*] *Ф. Энгельс.* «Развитие социализма от утопии к науке» (немецкое издание). *Ред.*
[**] *Ф. Энгельс.* «Марка». *Ред.*

должна была изображать тебя, но на которой в действительности изображен настоящий янки. Так как у меня есть только первое издание, то я не могу судить, что он там напортил своими исправлениями. Если у тебя нет его издания, я могу тебе прислать его; надо же тебе посмотреть, как ты выглядишь в представлении американцев.

Пора кончать письмо, я должен пойти к Марксу; его здоровье все еще не в порядке. Если бы было на два месяца позже, то погода и воздух сделали бы свое, но теперь у нас дует нордост, на улице почти ураганный ветер и вьюга — вот и попробуй излечиться от застарелого бронхита!

Привет Либкнехту.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано с сокращением в книге: A. Bebel. «Aus meinem Leben», Teil III, Stuttgart, 1914; полностью опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I (VI), 1932 г.

Печатается это рукописи

Перевод с немецкого

131
ЭНГЕЛЬС — ЛАУРЕ ЛАФАРГ
В ПАРИЖ

Лондон, 10 марта 1883 г.

Моя дорогая Лаура!

Не получив сегодня утром письма от Поля*, я рассудил, что в такую морозную и снежную погоду с восточным ветром ты не слишком будешь торопиться с приездом в Лондон. Во всяком случае, если ты решишь приехать, то для тебя все готово.

Донкин смотрел Мавра вчера вечером, и я рад сообщить, что он дал гораздо более благоприятное заключение о его здоровье, чем две недели тому назад. Он сказал, что Мавру, несомненно, не хуже, а лучше, чем было тогда, и если нам удастся поддержать его в течение ближайших двух месяцев, то имеется много шансов снова поставить его на ноги. Конечно, он все еще слабеет, поскольку ему трудно глотать, но мы *должны* заставить его есть и пить. Вот все, что Тусси написала мне на открытке вчера вечером и что Ним** говорила мне сегодня. Вечером я увижу Тусси, и если будут еще какие-нибудь подроб-

* — Лафарга. *Ред.*
** — Елена Демут. *Ред.*

ности, сразу же напишу опять. Донкин считает, что абсцесс в легких протекает весьма благоприятно. Ночные поты прекратились за последние четыре или пять ночей, но вместо этого появилось некоторое лихорадочное состояние днем, которое тоже ослабляет.

Маркс отдал мне «Prolétaire» и ответ гедовского комитета, а также «гнусные» номера «Citoyen et Bataille», которые я должен сохранить для него. Поэтому экземпляр, посланный Полем, может вместе с остальными быть использован для Цюриха*. Итак, на этот раз, к счастью, имеется возможность проследить за практической стороной дела, но при теперешнем состоянии здоровья Мавра нельзя всегда на это рассчитывать, если исключительное пользование материалами будет в его руках.

Эти бывшие бакунисты Малон и Брусс — ужасно грязная компания. Такой бесстыдной подделки в любом другом месте, за исключением Парижа, было бы достаточно, чтобы навсегда погубить их. Но при той огромной власти, которую имеет *фраза* над парижанами, кто знает, сколько тысяч голосов соберет «рабочий физического труда»? Словом, будем надеяться на лучшее.

Сердечный привет Полю.

Любящий тебя ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано на языке оригинала в книге: F. Engels, P. et L. Lafargue. «Correspondance», t. I. Paris, 1956

Печатается по рукописи

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

132
ЭНГЕЛЬС — ШАРЛЮ ЛОНГЕ В АРЖАНТЁЙ

[Телеграмма]

Лондон, 14 марта 1883 г.

Маркс скоропостижно скончался сегодня в три часа дня; ждите письма.

Энгельс, Лондон

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* — для газеты «Sozialdemokrat». *Ред.*

133
ЭНГЕЛЬС — ФРИДРИХУ АДОЛЬФУ ЗОРГЕ [386]
В ХОБОКЕН

[Телеграмма]

Лондон, 14 марта 1883 г.

Маркс скончался сегодня.

Энгельс, Лондон

Впервые опубликовано в газете «New Yorker Volkszeitung» № 64, 15 марта 1883 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

134
ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ БЕРНШТЕЙНУ
В ЦЮРИХ

Лондон, 14 марта 1883 г.

Дорогой Бернштейн!

Мою телеграмму Вы, вероятно, получили. Это произошло с ужасающей быстротой. Виды на будущее были самые лучшие, но сегодня утром — внезапный упадок сил, после чего он просто уснул. В две минуты этот гениальный мозг перестал мыслить и именно тогда, когда врачи подавали нам самые блестящие надежды. Что означал для нас этот человек в области теории, а во все решающие моменты также и в области практики, об этом может иметь представление лишь тот, кто все время был с ним. Вместе с ним на долгие годы исчезнет и его широкий кругозор. Мы, остальные, еще не доросли до этого. Движение пойдет своей дорогой, но уже не будет того спокойного, своевременного, обдуманного руководства, которое до сих пор не раз предохраняло его от долгих блужданий по ложным путям.

Остальное в другой раз. Сейчас полночь, а я весь день и вечер должен был писать письма и бегать по разным делам.

Ваш ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в журнале «Der Wahre Jacob» № 565 (6), 17 марта 1908 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

135

ЭНГЕЛЬС — ВИЛЬГЕЛЬМУ ЛИБКНЕХТУ В ЛЕЙПЦИГ

Лондон, 14 марта 1883 г.

Дорогой Либкнехт!

Из телеграммы, которую я отправил г-же Бебель — это единственный известный мне адрес — вы, вероятно, знаете, какую страшную потерю понесла европейская социалистическая революционная партия. Еще в прошлую пятницу врач[*] — один из лучших в Лондоне — сказал нам, что есть все основания предполагать, что он выздоровеет и будет крепче, чем когда-либо, как только питание восстановит его силы. И именно с тех пор он снова начал есть с большим аппетитом. Но сегодня, в третьем часу дня, я застал весь дом в слезах: он очень плох; Ленхен предложила мне подняться к нему, сказав, что он в полусне, и когда я поднялся — она оставила комнату каких-нибудь две минуты назад — он спал, но спал вечным сном. Величайший ум второй половины нашего века перестал мыслить. О непосредственной причине смерти я без врачей судить не берусь; весь случай был настолько сложным, что даже медикам потребовались бы кипы бумаги, чтобы его подробно описать. Но, в конце концов, теперь это уже и не важно. За последние шесть недель я натерпелся достаточно страха и могу только сказать, что, по моему мнению, сначала смерть его жены[**], а затем смерть Женни[***], последовавшая в чрезвычайно критический момент, сделали свое и приблизили конец.

Несмотря на то что сегодня вечером я его видел неподвижно лежащим на кровати, с лицом, застывшим навеки, я все же не могу себе представить, что этот гениальный ум перестал обогащать своей мощной мыслью пролетарское движение обоих полушарий. Ему мы обязаны всем тем, чем мы стали; и всем, чего теперь достигло современное движение, оно обязано его теоретической и практической деятельности; без него мы до сих пор блуждали бы еще в потемках.

Твой ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано в книге: Liebknecht, W. «Karl Marx zum Gedachtnis». Nurnberg, 1896

Печатается по факсимиле рукописи, опубликованному в книге

Перевод с немецкого

[*] — Донкин. *Ред.*
[**] — Женни Маркс. *Ред.*
[***] — Женни Лонге. *Ред.*

136

ЭНГЕЛЬС — ИОГАННУ ФИЛИППУ БЕККЕРУ В ЖЕНЕВУ

Лондон, 15 марта 1883 г.

Старый дружище!

Радуйся тому, что ты еще прошлой осенью видел Маркса[387], больше уж ты его никогда не увидишь. Вчера днем, в 2 часа 45 минут, едва оставив его на две минуты, мы нашли его тихо уснувшим в кресле. Самый могучий ум нашей партии перестал мыслить, самое сильное сердце, которое я когда-либо знал, перестало биться. Произошло, вероятно, внутреннее кровоизлияние.

Теперь мы с тобой, пожалуй, последние из старой гвардии времен до 1848 года. Ну, что ж, мы останемся на посту. Пули свистят, падают друзья, но нам обоим это не в диковинку. И если кого-нибудь из нас и сразит пуля — пусть так, лишь бы она как следует засела, чтобы не корчиться слишком долго.

Твой старый боевой товарищ

Ф. Энгельс

Впервые опубликовано в книге: F. Engels. «Vergessene Briefe (Briefe Friedrich Engels' an Johann Philipp Becker)». Berlin, 1920

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

137

ЭНГЕЛЬС — ФРИДРИХУ АДОЛЬФУ ЗОРГЕ[388] В ХОБОКЕН

15 марта 1883 г., 11 ч. 45 м. вечера

Дорогой Зорге!

Твоя телеграмма получена сегодня вечером. Сердечное спасибо!

Сообщать тебе регулярно о состоянии здоровья Маркса не было возможности, так как оно постоянно менялось. Вкратце сообщу тебе главное.

Незадолго до смерти своей жены*, в октябре 1881 г. он заболел плевритом. После выздоровления его направили в фев-

* — Женни Маркс. *Ред.*

рале 1882 г. в Алжир, но по дороге из-за холодной и сырой погоды он заболел и приехал туда с новым плевритом. Отвратительная погода продолжала держаться; едва он вылечился, его ввиду приближавшейся летней жары послали в Монте-Карло (Монако). Туда он прибыл опять с плевритом, но в более легкой форме. Снова отвратительная погода. Оправившись, наконец, он уехал в Аржантёй, близ Парижа, к своей дочери, г-же Лонге. Здесь он пользовался против застарелого бронхита серными источниками в расположенном по соседству Энгиене. Погода и там оставалась прескверной, но все же лечение помогло. Затем он отправился на шесть недель в Веве, откуда он, как казалось, почти здоровый вернулся в сентябре. Ему разрешено было провести зиму на южном побережье Англии. Да и самому ему так надоела бездеятельная кочевая жизнь, что новое изгнание на юг Европы, вероятно, повредило бы ему морально в той же мере, в какой помогло бы физически. Когда начались лондонские туманы, его отправили на остров Уайт. Там дождь шел не переставая; он опять простудился. На Новый год мы с Шорлеммером хотели его навестить, но тут получены были известия, потребовавшие немедленного отъезда туда Тусси. И сразу после этого — смерть Женни*; он вернулся сюда с новым бронхитом. После всего предшествовавшего и в его возрасте это внушало опасения. Сверх того произошло множество осложнений, в особенности нарыв в легком и невероятно быстрый упадок сил. Несмотря на это, общее течение болезни шло благоприятно, и еще в прошлую пятницу лечивший его врач**, один из лучших молодых врачей Лондона, которого особенно рекомендовал ему Рей Ланкестер, подавал нам самые блестящие надежды. Но кто хоть раз рассматривал под микроскопом легочную ткань, тот знает, как велика опасность прободения стенки кровеносного сосуда при нагноении в легком. И поэтому я в течение шести недель каждое утро, поворачивая за угол, в смертельном страхе смотрел, не опущены ли шторы на окнах. Вчера днем, в 2.30 — это был самый подходящий час для дневных посещений — я пошел туда и застал весь дом в слезах: наступает, очевидно, конец. Я стал расспрашивать, пытался найти причину, утешить. Оказывается, произошло небольшое кровотечение, но вслед за тем сразу наступил упадок сил. Наша славная старая Ленхен, ухаживавшая за ним так, как ни одна мать не ухаживает за своим ребенком, поднялась наверх и тотчас же вернулась: он в полусне, мне можно к нему

* — Женни Лонге. *Ред.*
** — Донкин. *Ред.*

подняться. Когда мы вошли, он спал, но спал вечным сном. Пульс и дыхание исчезли. В течение этих двух минут он тихо и без страданий уснул.

Все события, наступающие в силу естественной необходимости, как бы они ни были ужасны, содержат в самих себе утешение. Так и на этот раз. Искусство врачей обеспечило бы ему, быть может, несколько лет прозябания, жизни беспомощного существа, умирающего не сразу, а постепенно, к вящему триумфу врачебного искусства. Но этого наш Маркс никогда не перенес бы. Жить, имея перед собой множество незаконченных трудов и испытывая танталовы муки от желания закончить их и от невозможности это сделать, — это было бы в тысячу раз горше для него, чем настигшая его тихая смерть. «Смерть — несчастье не для умершего, а для оставшегося в живых»*, — любил он повторять слова Эпикура. И видеть, как этот мощный, гениальный человек прозябает, превращаясь в развалину, к вящей славе медицины и на потеху филистеров, которых он в пору расцвета своих сил так часто повергал в прах, — нет, в тысячу раз лучше то, что случилось, в тысячу раз лучше снести его послезавтра в могилу, туда, где покоится его жена.

После всего того что предшествовало этому и чего даже врачи не знают так, как знаю я, оставался, на мой взгляд, только этот выход.

Пусть так. Человечество стало ниже на одну голову и притом на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало. Движение пролетариата идет дальше своим путем, но нет того центрального пункта, куда, естественно, обращались в решающие моменты французы, русские, американцы, немцы и каждый раз получали ясный, неопровержимый совет, который мог быть дан только гением во всеоружии знания. У доморощенных знаменитостей и мелких талантов, а то и просто у шарлатанов теперь развязаны руки. Конечная победа обеспечена, но окольных путей, временных и частичных блужданий — и без того неизбежных — теперь будет гораздо больше. Ну, что ж, с этим мы должны справиться — для того мы и существуем. Вот почему мы отнюдь не теряем мужества.

Твой ***Ф. Энгельс***

Впервые полностью опубликовано в книге: «Briefe und Auszuge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere». Stuttgart, 1906

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* Письмо Эпикура к Менекею «О нравственности». Гл. II (перефразировано). *Ред.*

Могила Карла Маркса на Хайгетском кладбище в Лондоне
(до сооружения памятника в 1956 г.)

138
ЭНГЕЛЬС — ФРИДРИХУ ЛЕССНЕРУ
В ЛОНДОНЕ

Лондон, 15 марта 1883 г.

Дорогой Лесснер!

Наш старый Маркс вчера, в 3 часа, спокойно и тихо уснул навеки. Непосредственная причина смерти — прежде всего, вероятно, внутреннее кровоизлияние.

Похороны состоятся в субботу, в 12 часов, и Тусси просит тебя присутствовать на них.

Очень спешу.

Твой ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано в журнале «Deutsche Worte», Jg. XVIII, № 5, Wien, 1898

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

139
ЭНГЕЛЬС — РЕДАКЦИИ «NEW YORKER VOLKSZEITUNG»[386]
В НЬЮ-ЙОРК

[Телеграмма]

Лондон, 16 марта 1883 г.

Карл Маркс умер в 3 часа пополудни, в среду 14-го с. м. в Аржантёе, во Франции[*]. В течение нескольких недель Маркс страдал от бронхита, к которому добавился абсцесс в легких; конец наступил в результате внутреннего кровоизлияния. Смерть была легкой, без страданий.

Фридрих Энгельс

Впервые опубликовано в газете «Туц Yorker Volkszeitung» № 66, 17 марта 1883 г.

Печатается по тексту, опубликованному в газете

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

[*] Ошибочные сведения о смерти Маркса во Франции были включены в текст телеграммы редакцией «New Yorker Volkszeitung». *Ред.*

140
ЭНГЕЛЬС — ПЕТРУ ЛАВРОВИЧУ ЛАВРОВУ
В ПАРИЖ

Лондон, 24 марта 1883 г.

Дорогой Лавров!

Я получил длинную телеграмму из Москвы, в которой меня просят возложить венок на могилу Маркса от имени студентов Петровской земледельческой академии[389]. Не имея моего адреса, они телеграфировали в редакцию «Daily News». Теперь они просят меня сообщить стоимость венка и мой адрес. Но телеграмма без подписи; подписано: студенты Петровской академии в Москве.

Кому отвечать? Не посоветуете ли Вы мне? Так как телеграмма пришла после похорон, а могила была снова открыта сегодня, чтобы похоронить в ней маленького сына Лонге[*], умершего в прошлый вторник, я смогу возложить венок только на будущей неделе. Но я бы хотел сообщить этим славным ребятам, что получил их телеграмму и выполнил возложенное на меня порученце.

Очень спешу.

Преданный Вам

Ф. Энгельс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVII, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

141
ЭНГЕЛЬС — ЛАУРЕ ЛАФАРГ
В ПАРИЖ

Лондон, 25 марта 1883 г.

Дорогая Лаура!

Прилагаю письмо от Мейера, которое было адресовано на Maitland Park[**]. Тусси вскрыла его, не посмотрев на адрес, но как только она увидела, от кого оно, она сразу же отдала его Ним[***], которая и вручила его мне.

[*] — Анри Лонге. *Ред.*
[**] — то есть по лондонскому адресу семьи Маркса. *Ред.*
[***] — Елене Демут. *Ред.*

Сегодня Ним нашла среди рукописей Мавра большой сверток, в котором оказалась большая часть, если не весь второй том «Капитала»[228] — свыше 500 стр. ин-фолио. Так как мы еще не знаем ни того, в какой степени он подготовлен к печати, ни того, что мы можем еще найти, то лучше пока держать эти приятные новости втайне от прессы.

Пумпс ожидает № 2 ежедневно и еженощно, если он уже не появился на свет сегодня — с пятницы от нее нет никаких известий. № 1[*] сегодня исполнился год. Джоллимейер шлет тебе привет. Сердечный привет от нас обоих Полю[**]. Скажи ему, что в последнем номере «Sozialdemokrat» помещен только отчет о похоронах[***] — в основном такой же, какой был в *«Justice»*[****].

Английская и немецкая печать были неточно и плохо осведомлены, но в общем приличны. Даже Малон был не так плох.

Последние известия. Входят Пумпс и Перси[*****]! Итак, вот уже 12 месяцев благополучно прошли.

Любящий тебя

Ф. Энгельс

Впервые опубликовано на языке оригинала в книге: F. Engels, P. et L. Lafargue. «Correspondance», t. I. Paris, 1956

Печатается по рукописи

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

142

ЭНГЕЛЬС — ФРИДРИХУ ТЕОДОРУ КУНО В НЬЮ-ЙОРК

Лондон, 29 марта 1883 г.

Дорогой Куно!

Твое письмо вызвало здесь громкий смех. Каждому, кто знал Мавра в его домашнем быту и интимной обстановке, известно, что его там называли не Маркс и даже не Карл, а только

[*] — дочери Пумпс, Лилиан. *Ред.*
[**] — Лафаргу. *Ред.*
[***] *Ф. Энгельс.* «Похороны Карла Маркса». *Ред.*
[****] *Ф. Энгельс.* «Набросок надгробной речи на могиле Маркса». *Ред.*
[*****] — Рошер. *Ред.*

Мавр, так же как каждый ведь среди нас имел свое прозвище, и когда переставали называть по прозвищу, то прекращалась и самая интимная близость. Мавр было его прозвище с самого университета; и в «Neue Rheinische Zeitung» его всегда звали Мавр. Если бы я обратился к нему по-другому, он подумал бы, что случилось что-то такое, что необходимо было урегулировать.

Твой ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано в журнале: «Die Gesellschaft», Jg. 11, № 11, Berlin, 1925

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С конца июня и приблизительно до 20 июля 1881 г. Маркс вместе с больной женой находился на отдыхе в Истборне. — *3, 7, 165, 215.*

[2] С 26 июля до 16 августа 1881 г. Маркс вместе с женой жил у своей дочери Женни Лонге в Аржантёе (около Парижа). — *4, 169, 215.*

[3] 26 июля 1881 г. французское правительство издало декрет, назначавший досрочно на 21 августа выборы в палату депутатов. — *5, 12.*

[4] С 28 июля до 22 августа 1881 г. Энгельс отдыхал в Бридлингтон Ки (графство Йоркшир). — *5, 170, 173.*

[5] Речь идет о книгах:

Скалдин. «В захолустьи и в столице». С.-Петербург, 1870.

G. L. Maurer. «Geschichte der Fronhofe, der Bauernhofe und der Hofverfassung in Deutschland». Bd. I—IV, Erlangen, 1862—1863 (Г. Л. Маурер. «История господских дворов, крестьянских дворов и подворного устройства в Германии». Тт. I—IV, Эрланген, 1862—1863). Первые два тома вышли в 1862 году. О трудах Маурера см. также примечание 113. — *6.*

[6] Имеется в виду двухтомная книга М. Нордау «Aus dem wahren Milliardenlande. Pariser Studien und Bilder» («Из подлинной страны миллиардов. Парижские очерки и картины»); первое издание вышло в Лейпциге в 1878 г., второе — под измененным названием «Paris. Studien und Bilder aus dem wahren Milliardenlande» («Париж. Очерки и картины подлинной страны миллиардов») — вышло там же в 1881 году. К этой книге Нордау примыкает другая: «Paris unter der dritten Republik. Neue Bilder aus dem wahren Milliardenlande» («Париж при третьей республике. Новые картины подлинной страны миллиардов»); первое и второе издания вышли в Лейпциге в 1880 и 1881 годах.

Книга Нордау была направлена против серии многократно переиздававшихся книг В. Тиссо: «Voyage au pays des milliards» («Путешествие в страну миллиардов»), первое издание вышло в Париже

в 1875 году; «Les Prussiens en Allemagne. Suite du Voyage au pays des milliards» («Пруссаки в Германии. Продолжение «Путешествия в страну миллиардов»»), первое издание вышло там же в 1876 году; «Voyage aux pays annexes. Suite et fin du Voyage au pays des milliards» («Путешествие в аннексированные страны. Продолжение и конец «Путешествия в страну миллиардов»»), первое издание вышло там же в 1876 году. — *9.*

[7] Речь идет о пяти миллиардах франков, которые Франция после поражения во франко-прусской войне 1870—1871 гг. по условиям мирного договора выплатила Германии в качестве контрибуции. — *9, 379.*

[8] Энгельс имеет в виду, очевидно, заметку о втором издании книги Нордау «Из подлинной страны миллиардов» в «Kolnische Zeitung» («Кёльнской газете») № 189, 10 июля 1881 года. — *10.*

[9] Речь идет о статье И. Эккариуса «Мнение немца об английском тред-юнионизме», напечатанной без подписи в газете «The Labour Standard» («Знамя труда») № 14, 6 августа 1881 года. В статье Эккариуса восхвалялись реформистские немецкие профессиональные союзы, основанные и 1868 г. М. Гиршем и Ф. Дункером (так называемые гирш-дункеровские профсоюзы). — *13, 14, 172.*

[10] Речь идет о статье К. Каутского «Международное рабочее законодательство». Статья была напечатана без подписи в газете «Labour Standard» № 15, 13 августа 1881 года. — *13, 170, 171, 174, 181.*

[11] Четырнадцатый ежегодный конгресс британских тред-юнионов состоялся в Лондоне 12—17 сентября 1881 года. — *14, 171, 173.*

[12] 16 августа 1881 г. Гамбетта должен был выступить в Шаронне (район Парижа) на собрании избирателей своего округа, однако собравшиеся не дали ему говорить. — *16, 329.*

[13] См. Гегель. «Наука логики», кн. I, отд. II, гл. 2, Примечание: Цель дифференциального исчисления, выведенная из его приложения. — *17.*

[14] В 1880 г. в Нью-Йорке американский врач Г. С. Таннер установил своеобразный рекорд: в виде опыта он голодал более месяца (с 28 июня по 7 августа). — *19.*

[15] 12 августа 1881 г. на большом собрании избирателей в Бельвиле (район Парижа) Гамбетта выступил со своей программой, которую он сам охарактеризовал как «оппортунистическую». Это выступление свидетельствовало об окончательном отказе умеренных буржуазных республиканцев от их прежней программы демократических реформ, которую провозгласил Гамбетта в Бельвиле в 1869 году.

О собрании 16 августа см. примечание 12.

Говоря ниже об «итальянском бесстыдстве» Гамбетты, Маркс намокает на его итальянское происхождение (отец Гамбетты был родом из Генуи). — *20.*

[16] *Коллективистами* во французском социалистическом движении 70— 80-х годов XIX в. называли сторонников марксизма, выступавших за

обобществление средств производства и активное участие рабочего класса в политической борьбе. Во главе их стояли Ж. Гед и П. Лафарг (отсюда гедисты — другое и более распространенное название французских марксистов). С момента образования в 1879 г. Рабочей партии в ее рядах происходила острая идейная борьба, приведшая в 1882 г. к расколу партии (см. об этом примечание 75). — *20.*

[17] Маркс находился на излечении в Вентноре на острове Уайт (на юге Англии) с 29 декабря 1881 г. по 16 января 1882 г. вместе со своей младшей дочерью Элеонорой Маркс. — *22, 33, 35, 208, 242, 247, 266.*

[18] Речь идет о созванном Бирмингемской либеральной ассоциацией 3 января 1882 г. традиционном годовом собрании избирателей г. Бирмингема. Выступившие на собрании лидер английских буржуазных радикалов (депутат парламента от Бирмингема) Джон Брайт и муниципальный деятель, член парламента Чемберлен полностью одобрили политику либерального правительства Гладстона в отношении Ирландии. В частности, они оправдывали его мероприятия, связанные с проведением в жизнь так называемого Земельного акта (Land Act) для Ирландии 1881 года.

Стремясь отвлечь ирландских крестьян от революционной борьбы, либеральное правительство Гладстона провело через парламент 22 августа 1881 г. *Земельный акт для Ирландии,* в какой-то мере ограничивавший произвол английских лендлордов в отношении крестьян-арендаторов. Согласно Земельному акту 1881 г. лендлорд не имел права безоговорочно сгонять арендатора с участка, если последний своевременно вносил арендную плату; размер этой платы закреплялся на 15 лет. Несмотря на то, что Земельный акт предоставлял лендлордам возможность выгодной продажи земель государству, а фиксированный размер арендной платы оставался чрезвычайно высоким, английские землевладельцы противились проведению закона, добиваясь сохранения своего неограниченного господства в Ирландии. — *22.*

[19] Митинг английских лендлордов в Дублине, на который ссылается здесь Маркс, состоялся 3 января 1882 г. под председательством герцога Аберкорна. Официальным предлогом для его созыва было обсуждение деятельности помощников комиссаров — чиновников, назначенных для осуществления мероприятий, связанных с Земельным актом 1881 г. для Ирландии. Ссылаясь на недостаточную компетенцию и опыт этих чиновников, а также на отсутствие парламентских постановлений о границах их полномочий, лендлорды утверждали, что помощники комиссаров были не объективны в своих решениях относительно снижения ренты, получаемой лендлордами. Лендлорды требовали от правительства немедленного разбора их апелляций и издания закона о компенсации за убытки, которые они могли понести, в случае если правительство санкционирует снижение ренты. Истинной подоплекой этих акций английских лендлордов была политика саботажа Земельного акта. — *23.*

[20] В связи с широко развернувшимся в 1880 г. в Ирландии массовым движением в пользу земельных реформ английский парламент принял в марте 1881 г. закон о введении в стране чрезвычайного положения: было приостановлено действие конституционных гарантий, введено

осадное положение и выделены войска для выселения арендаторов, отказывавшихся от внесения арендной платы. — *23.*

[21] Речь идет о рескрипте Вильгельма I от 4 января 1882 г., подписанном им самим и Бисмарком. Вильгельм требовал в рескрипте, чтобы впредь все акты правительства считались конституционным волеизъявлением самого короля. Ссылаясь на статью 49 прусской конституции, предоставлявшую право прусскому королю лично руководить политикой правительства, Вильгельм предписывал своим министрам и чиновникам пресекать какие бы то ни было «сомнения» относительно этого «конституционного права» прусского короля. — *24.*

[22] Имеется в виду покушение на Вильгельма I, которое совершил немецкий анархист Карл Эдуард Нобилинг 2 июня 1878 года. Нобилинг стрелял в Вильгельма из охотничьего ружья, заряженного дробью. Покушение Нобилинга и предшествовавшее ему покушение подмастерья М. Хёделя 11 мая 1878 г. явились удобным поводом для Бисмарка усилить преследования социал-демократов и требовать в рейхстаге принятия исключительного закона против социалистов. — *24, 141, 175, 234, 283, 373.*

[23] *«Демагогами»* реакционные круги в Германии называли с 1819 г. участников оппозиционного движения из числа немецкой интеллигенции и студенческих гимнастических обществ, которые выступали в период, последовавший за войнами с наполеоновской Францией, против реакционного строя в немецких государствах и организовывали политические манифестации с требованиями объединения Германии. Реакционные власти преследовали «демагогов». — *24.*

[24] Министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев дважды в 1881 г. (в июне и сентябре) созывал по своему выбору «сведущих людей» от земств для участия в обсуждении некоторых практических вопросов внутренней политики — переселенческого, питейного и т. п. В связи с этим 12 земских собраний ходатайствовали, чтобы представители от земств приглашались к участию в законодательной деятельности не в отдельных случаях и не по назначению правительства, а постоянно и по выбору самих земств. — *24.*

[25] Статья К. Шрамма «Karl Burkli und Karl Marx» («Карл Бюркли и Карл Маркс») была опубликована в №№ 52 и 53 «Arbeiterstimme» («Голос рабочего») от 24 и 31 декабря 1881 года. Номером «Arbeiterstimme» со статьей Бюркли против К. Шрамма Институт марксизма-ленинизма не располагает.

Об упоминаемых ниже изобретателях систем кредитных денег во времена основания Английского банка см. К. Маркс. «Капитал», т. III (настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 151). — *26, 218.*

[26] Иронический намек на бегство Вильгельма I в Англию в дни мартовской революции 1848 г. в Германии (до 1861 г. Вильгельм, будучи наследником прусского престола, носил титул «принца Прусского») и на его заигрывание с конституционным вопросом. В Англии Вильгельм поддерживал близкие отношения с лидерами либеральной партии — Расселом, Пальмерстоном и др. и следил за ходом дел во Франкфурте-на-Майне в связи с выработкой там проекта германской имперской конституции. — *27.*

[27] Маркс имеет в виду выступления на заседаниях германского рейхстага в ноябре — декабре 1881 г. немецкого историка и филолога Теодора Моммзена, австрийского историка и публициста Генриха Рихтера и немецкого профессора, прогрессистского депутата Альберта Хенеля. Речи этих ораторов изобиловали верноподданническими заверениями в преданности прусскому королю; были опубликованы в «Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstages. V. Legislaturperiode. I. Session 1881/82. [Bd. I]. Von der Eroffnungssitzung am 17. November 1881 bis zur Schlussitzung am 30. Januar 1882». Berlin, 1882, S. 21—32, 84—87, 405—406 («Стенографический отчет о заседаниях рейхстага. V-й созыв. 1-я сессия 1881/82 гг. [Т. I]. С открытия сессии 17 ноября 1881 г. до заключительного заседания 30 января 1882 года». Берлин, 1882, стр. 21—32, 84—87, 405—406). — *27.*

[28] Имеется в виду *Альянс социалистической демократии* — организация, основанная М. Бакуниным в 1868 году. Члены Альянса провозгласили своей программой атеизм, уравнение классов и упразднение государства. Они отрицали необходимость политической борьбы для рабочего класса. Мелкобуржуазная анархистская программа Альянса нашла поддержку в слаборазвитых в промышленном отношении областях Италии, Швейцарии и некоторых других стран. В 1869 г. Альянс обратился в Генеральный Совет с просьбой о приеме его в Интернационал. Генеральный Совет согласился принять секции Альянса при условии роспуска его как самостоятельной организации. В действительности же, вступив в Интернационал, члены Альянса сохранили свою тайную организацию внутри Международного Товарищества Рабочих и во главе с Бакуниным повели борьбу против Генерального Совета. Борьба Альянса против Интернационала усилилась после подавления Парижской Коммуны, когда Бакунин и его сторонники особенно резко выступили против идеи диктатуры пролетариата и укрепления самостоятельной политической партии рабочего класса, основанной на принципах демократического централизма. Гаагский конгресс I Интернационала в сентябре 1872 г. подавляющим большинством голосов принял решение об исключении вожаков Альянса — Бакунина и Гильома из Интернационала. — *28, 219, 305, 311, 332, 346.*

[29] *Национальный комитет* французской Рабочей партии, о котором здесь идет речь, был сформирован по инициативе лидеров правого крыла партии Малона и Брусса в середине октября 1881 г., накануне Реймского съезда партии (см. примечание 223) и утвержден этим съездом. Создавая Национальный комитет, лидеры правого крыла стремились отстранить вождей марксистской части партии —Г еда и Лафарга от руководства партией. С этой целью Национальный комитет был построен на основе равного представительства (по 5 человек) от всех 6 федераций, на которые организационно делилась в этот период французская Рабочая партия: Федеративный союз Центра, Восточный федеративный союз, Северная федерация, Федеративный союз Юга, Федеративный союз Запада и Алжирская федерация. Поскольку фактически в это время существовали только 3 первые федерации — из которых две находились под влиянием оппортунистической группы Малона и Брусса, — а остальные 3 лишь числились на бумаге, постольку «представители» их (вошедшие в Национальный комитет при помощи разного рода неблаговидных махинаций со стороны правого руководства) не имели законных полномочий. Таким

образом, за исключением 5 коллективистов-гедистов, представителей Северной федерации, остальные 25 членов Национального комитета являлись сторонниками Малона и Брусса, благодаря чему руководство партией оказалось в руках правых элементов. В январе 1882 г. 5 гедистских представителей вышли из состава Национального комитета в ответ на постановление об исключении гедистов из Федеративного союза Центра (см. примечание 243). — *28.*

[30] Имеется в виду марксистская (известная во Франции как коллективистская) программа французской Рабочей партии. После того как в 1879 г. на социалистическом съезде в Марселе была создана французская Рабочая партия, группа французских социалистов во главе с Жюлем Гедом решила обратиться (через П. Лафарга) к Марксу и Энгельсу с просьбой помочь выработать проект избирательной программы Рабочей партии. В мае 1880 г. Гед приехал в Лондон, где совместно с ними и Лафаргом была выработана программа французской Рабочей партии. Программа состояла из теоретической и практической части. Теоретическое введение к программе было сформулировано Марксом; Маркс и Энгельс приняли участие в выработке и практической части программы (см. настоящий том, стр. 189). Программа была опубликована 30 июня 1880 г. в «L'Egalite» («Равенство»), 10 июля 1880 г. в «Le Proletaire» («Пролетарий») и 20 июля 1880 г. в «La Revue socialiste» («Социалистическом обозрении»). В 1880 г. она была принята как «программа-минимум» на Гаврском съезде французской Рабочей партии. Русский перевод программы см. в настоящем издании, т. 19, стр. 246 и 574—575. После раскола в сентябре 1882 г. на Сент-Этьеннском съезде программа была отвергнута оппортунистами (поссибилистами), принявшими новую, реформистскую программу, но оставлена в силе состоявшимся в это же время марксистским Роаннским конгрессом.

Полемика Геда с последователями Малона и Брусса, на которую намекает здесь Энгельс, происходила в связи с борьбой французских оппортунистов против марксистской программы. В частности, Гед резко выступил против члена Национального комитета Жюля Жофрена, сделавшего попытку ревизовать программу. Выдвинутый в конце 1881 г. партийной группой 18 избирательного округа Парижа в качестве кандидата от партии на выборах в парижский муниципалитет, Жофрен в своем проекте избирательной программы, изложенном им в речи в Монмартрском районе Парижа, совершенно игнорировал составленную Марксом теоретическую часть программы и заменил расплывчатыми формулировками ряд принципиально важных конкретных пунктов в ее практической части (пункты о восьмичасовом рабочем дне, о коллективной собственности и т. д.). 8 января 1882 г. группа Малона и Брусса, использовав свое преобладание в Национальном комитете, настояла на решении, в котором Комитет одобрял как якобы рекомендованную партией оппортунистическую избирательную программу, предложенную Жофреном. — *28, 180, 336, 372.*

[31] Имеется в виду письмо Жофрена Геду, как редактору «Egalite», опубликованное в № 171 «Proletaire» от 7 января 1882 года. Защищая в этом письме выдвинутую им на выборах в Монмартрском районе Парижа избирательную программу, Жофрен утверждал, что дисциплину партии нарушил не он, а Гед, поскольку он якобы действовал с согласия Национального комитета, а Гед выступал против решений последнего. — *28, 219.*

[32] Речь идет, по-видимому, о заметке «Rusland» («Россия»), опубликованной в «Kolnische Zeitung» («Кёльнской газете») от 25 июля 1881 года. В заметке опровергалось мнение некоторых европейских газет, будто генерал М. Д. Скобелев, посетивший Париж летом 1881 г., имел поручение от русского правительства подготовить почву для франко-русского союза, начать переговоры по поводу договора о лишении политических эмигрантов права убежища и т. п. «Kolnische Zeitung» утверждала, что визит Скобелева в Париж носил частный характер. — *28.*

[33] О статье Жофрена см. примечание 31.

Сонвильерский циркуляр был принят бакунистской Юрской федерацией на съезде в Сонвилье 12 ноября 1871 года. Этот циркуляр был направлен против решений Лондонской конференции I Интернационала (1871 г.) и содержал клеветнические нападки на деятельность его Генерального Совета. В нем выдвигалось требование немедленного созыва общего конгресса для пересмотра Устава Интернационала на основе анархистских догм. Генеральный Совет ответил на Сонвильерский циркуляр выпуском написанного Марксом и Энгельсом негласного циркуляра «Мнимые расколы в Интернационале», в котором была полностью разоблачена раскольническая деятельность бакунистов (см. настоящее издание, т. 18, стр. 1—46). — *28.*

[34] В связи с ростом в 60—70-х годах крестьянского движения, вызванного крайне тяжелым положением крестьян, царское правительство было вынуждено пойти на небольшое уменьшение выкупных платежей. 28 декабря 1881 г. был издан закон, по которому выкупные платежи понижались для великорусских крестьян на 1 рубль с душевого надела и для украинских — в размере 16% с существовавшего оклада выкупных платежей. — *28.*

[35] Речь идет о дебатах на сессии германского рейхстага 1881/1882 гг. по поводу отмены закона от 4 мая 1874 г. об ограничении действий консистории (церковного суда). На заседании 12 января 1882 г. из 355 депутатов за отмену закона голосовали 233 против 115, при 7 воздержавшихся.

Упомянутый закон был принят германским рейхстагом в период так называемого «культуркампфа» — мероприятий правительства Бисмарка, проведенных в 70-х годах XIX в. под флагом борьбы за светскую культуру. Мероприятия эти были направлены против католической церкви, поддерживавшей сепаратистские и антипрусские тенденции в Германии.

Говоря о «паломничестве в Каноссу», Энгельс иронически намекает на далеко шедшие уступки, которые были сделаны Бисмарком клерикальным кругам и папе Льву XIII в конце 70-х — начале 80-х годов. Бисмарк, который в начале конфликта с католической церковью заявил и рейхстаге в мае 1872 г.: «в Каноссу мы не пойдем» и поссорился с папой Пием IX, в конце 70-х годов, нуждаясь в поддержке католической партии центра для борьбы прежде всего с рабочим движением и растущим влиянием германской социал-демократической партии, отменил почти все изданные во время конфликта антикатолические законы; он вынудил также уйти в отставку главных сторонников антикатолической политики и помирился с новым папой Львом XIII. Уступки, сделанные Бисмарком клерикальным кругам и папе Льву XIII, были равносильны признанию бесплодности «культуркампфа».

Выражение «идти в Каноссу» ведет свое происхождение от унизительного паломничества в замок Каносса (Северная Италия) германского императора Генриха IV в 1077 г. с целью вымолить у папы Григория VII отмену отлучения его от церкви. — *29.*

36 *Ультрамонтаны* — представители крайне реакционного направления в католицизме, выступающего против самостоятельности национальных церквей и защищающего право римского папы вмешиваться во внутренние дела любого государства. Усиление влияния ультрамонтанства во второй половине XIX в. выразилось в создании католических партий в некоторых европейских государствах, в принятии в 1870 г. Ватиканским собором догмата о «непогрешимости» папы и т. д.

Здесь под ультрамонтанами Энгельс имеет в виду так называемую *партию центра* — политическую партию немецких католиков, образовавшуюся в 1870—1871 гг. в результате объединения католических фракций прусского ландтага и германского рейхстага (места депутатов этих фракций находились в центре залов заседаний). Партия центра занимала, как правило, промежуточную позицию, лавируя между партиями, поддерживающими правительство, и левыми оппозиционными фракциями рейхстага. Она объединяла под знаменем католицизма различные по социальному положению слои католического духовенства, помещиков, буржуазии, части крестьянства преимущественно мелких и средних государств Западной и Юго-Западной Германии, поддерживала их сепаратистские и антипрусские тенденции. Партия центра находилась в оппозиции к правительству Бисмарка, в то же время голосовала за его мероприятия против рабочего и социалистического движения. Подробную характеристику партии центра Энгельс дал в работе «Роль насилия в истории» (см. настоящее издание, т. 21, стр. 478—479), а также в статье «Что же дальше?» (см. т. 22, стр. 8—9).

Партикуляристы — представители возникшего после основания Германской империи оппозиционного прусскому правительству течения среди господствующих классов мелких и средних государств Юго-Западной Германии. Считая себя ущемленными в результате объединения Германии под главенством Пруссии, высшее католическое духовенство, помещики и буржуазия этих германских государств выступали как носители сепаратистских настроений, выражали недовольство бисмарковской политикой опруссачивания Германии, требовали независимости от центральной власти, неприкосновенности местных частных прав и привилегий и т. д. В германском рейхстаге партикуляристы южногерманских государств, население которых исповедовало преимущественно римско-католическую религию, поддерживали партию центра.

Поляки, датчане и *эльзасцы* составляли в германском рейхстаге особые фракции, также поддерживавшие партию католического центра. Наличие их в рейхстаге объяснялось существованием внутри Германской империи национальных меньшинств, недовольных насильственным присоединением ряда территорий к Германии и политикой их принудительной германизации. Эта политика особенно беспощадно проводилась Бисмарком в присоединенных к Германии в 1814—1815 гг. польских провинциях и отошедших к ней в результате франко-прусской войны 1870—1871 гг. Эльзасе и Лотарингии. Депутаты рейхстага — датчане являлись представителями присоединенных в 1867 г. к Пруссии и в 1871 г. вошедших в состав Германской империи бывших датских провинций Шлезвига и Гольштейна. Наиболее сильными из этих национальных фракций были поляки и эльзасцы. По-

ляков и эльзасцев, кроме общих для всех фракций сепаратистских тенденций, сплачивала (как представителей католического вероисповедания) еще и борьба против антиклерикальной политики Бисмарка в период его «культуркампфа» (см. примечание 35).

Прогрессисты — представители прусской буржуазной партии прогрессистов, возникшей в июне 1861 года. Прогрессистская партия требовала объединения Германии под главенством Пруссии, созыва общегерманского парламента, создания сильного либерального министерства, ответственного перед палатой депутатов. В 1866 г. от прогрессистской партии отделилось правое крыло, капитулировавшее перед Бисмарком и образовавшее партию национал-либералов. В отличие от них прогрессисты и после завершения объединения Германии в 1871 г. продолжали провозглашать себя партией оппозиции, однако эта оппозиционность оставалась чисто декларативной. Из страха перед рабочим классом и из ненависти к социалистическому движению прогрессистская партия мирилась с господством прусского юнкерства в условиях полуабсолютистской Германии. Колебания в политике прогрессистской партии отражали неустойчивость торговой буржуазии, мелких промышленников, отчасти ремесленников, на которых она опиралась. В 1884 г. прогрессисты объединились с отколовшимся от национал-либералов левым крылом в Немецкую свободомыслящую партию. — *29.*

[37] Маркс имеет в виду выступление Бисмарка на заседании рейхстага 9 января 1882 г., где он вынужден был признать, что рабочие массы весьма недоверчиво относились к попыткам правительства улучшить их положение. Речь Бисмарка была опубликована в «Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstages. V. Legislaturperiode. I. Session 1881/82. [Bd. I]. Von der Eroffnungssitzung am 17. November 1881 bis zur Schlussitzung am 30. Januar 1882». Berlin, 1882, S. 486 («Стенографический отчет о заседаниях рейхстага. V-й созыв. 1-я сессия 1881/82 г. [Т. I]. С открытия сессии 17 ноября 1881 г. до заключительного заседания 30 января 1882 года». Берлин, 1882, стр. 486). — *30.*

[38] Имеются в виду письма Лео Франкеля от 18 декабря 1881 г. и Валерия Врублевского от 7 декабря 1881 г. Марксу, написанные по поводу смерти его жены, Женни Маркс.

В это время Франкель находился в так называемой «государственной тюрьме» в Ваце (Австро-Венгрия), куда он был заключен в июне 1881 г. по обвинению в нарушении закона о печати.

Говоря о «польской партии» Врублевского в Женеве, Маркс имеет в виду группу польских эмигрантов-марксистов, с которыми Врублевский сблизился с конца 70-х годов во время своего пребывания в Женеве. — *30.*

[39] Речь идет о письме Жофрена в редакцию «Proletaire» (см. примечание 31). — *30.*

[40] В начале февраля 1882 г. Маркс по совету врачей предпринял поездку для лечения в Алжир, где находился с 20 февраля по 2 мая 1882 года. По пути в Алжир он заехал к своей старшей дочери Женни Лонге в Аржантёй (предместье Парижа) и пробыл там с 9 по 16 февраля. — *30, 32, 225, 228, 236, 331.*

[41] По поводу взаимоотношений Маркса с Гайндманом см. письмо Маркса Гайндману от 2 июля 1881 г. (настоящий том, стр. 165—167). — *43.*

[42] Иронический намек на верноподданнические выступления реакционных немецких поэтов Фридриха Боденштедта и Фридриха Теодора Фишера, гегельянца, автора четырехтомного труда по эстетике. Сравнивая их с Горацием и Вергилием, Маркс имеет в виду тот факт, что эти древнеримские поэты писали хвалебные оды и поэмы в честь императора Августа (Гая Юлия Цезаря Октавиана). — *43.*

[43] Имеется в виду, по-видимому, один из визитов Маркса к его дяде Лиону Филипсу в Залтбоммел (Голландия). Маркс посетил этот город в конце августа — начале сентября 1862 **г.**, с 21 декабря 1863 по 19 февраля 1864 г. и с 19 марта по 8 апреля 1865 года. — *46.*

[44] Намек на поэтические упражнения баварского короля Людвига I, стихотворения которого, впоследствии совершенно забытые, являлись образцом бессодержательной и вычурной поэзии. — *48.*

[45] Покинув 2 мая 1882 г. по совету врача Алжир, Маркс через Марсель и Ниццу проехал в Монте-Карло, где жил около месяца — до 3 июня. — *48, 264, 331.*

[46] Маркс намекает на пребывание Энгельса на побережье Средиземного моря, в Генуе. Проездом из Швейцарии в Англию Энгельс находился в Генуе 5—6 октября 1849 г., будучи вынужденным совершить это путешествие через Италию, поскольку французское правительство отказало ему в праве проезда через территорию Франции. — *49.*

[47] Вновь назначенный главный секретарь по делам Ирландии лорд Кавендиш и заместитель прежнего секретаря Томас Генри Бёрк были убиты 6 мая 1882 г. в Феникс-парке в Дублине членами террористической мелкобуржуазной организации «Непобедимые», в которую входили бывшие фении. Маркс и Энгельс не одобряли террористическую анархистскую тактику эпигонов фенианства (см. об этом письмо Энгельса в настоящем томе, стр. 283). По их мнению, эти анархистские акты, не оказывая ни малейшего влияния на изменение колониальной политики Англии в отношении Ирландии, влекли за собой лишь ненужные жертвы со стороны ирландских революционеров и дезорганизовывали силы национально-освободительного движения.

С конца 50-х годов XIX в. среди ирландских эмигрантов в Америке, а затем и в самой Ирландии возникла тайная организация *фениев* — Ирландское революционное (или республиканское) братство, развернувшее борьбу за независимость Ирландии и создание Ирландской республики. Отражая объективно интересы ирландского крестьянства, фении по своему социальному составу принадлежали преимущественно к городской мелкой буржуазии и разночинной интеллигенции. В силу своей заговорщической тактики и ошибок сектантского и буржуазно-националистического характера, фении были оторваны от широких слоев ирландского народа и не связывали свою деятельность с протекавшим в Англии общедемократическим движением. Во второй половине 60-х годов деятельность организации постепенно сошла на нет, после того как длительно подготавливавшееся фениями в феврале — марте 1867 г. вооруженное восстание потерпело поражение. Маркс и Энгельс, неоднократно подчеркивавшие слабые стороны фенианского движения, тем не менее высоко ценили его революционный характер и стремились направить его на путь массовых выступлений и совместных действий с английским рабочим классом. — *49, 282.*

[48] *Эхтернахская процессия* (точное название: танцующая процессия) — ежегодное шествие, устраиваемое со времен средних веков в троицын день в люксембургском городе Эхтернахе в знак благодарности за прекращение болезни — пляски святого Витта, свирепствовавшей в 1374 году. Участники процессии двигаются не обычным шагом, а совершают более сложные движения вперед и назад. — *50.*

[49] В пьесах немецкого драматурга и критика А. Мюльнера решающее место отводилось року, судьбе, якобы неизбежно предначертанным человеку. Непременными романтическими атрибутами этих так называемых «трагедий судьбы» были несчастные дни, зловещие предсказания, роковое оружие и т. п.; фабула их вела обычно к трагическому концу. — *51.*

[50] Проездом из Монте-Карло в Аржантёй Маркс остановился в Каннах на три дня — с 3 по 5 июня 1882 года. — *54.*

[51] Гарибальди умер 2 июня 1882 г. от катара бронхов. — *56.*

[52] Шутливый намек на ряд изречений из Ветхого завета о прахе земном, как пище для змея (Библия, Ветхий завет, Первая книга Моисеева, глава 3, стих 14 и Книга пророка Исаии, глава 65, стих 25), а также на книгу Дарвина «The formation of vegetable mould, through the action of worms...». Ld., 1881 («Об образовании перегноя при содействии червей...». Лондон, 1881). Согласно выводам Дарвина земляные черви, перекапывая землю и пропуская ее через свой кишечник, существенно содействуют образованию перегноя. — *56.*

[53] Иронический намек на сочинение А. Книгге «Ueber den Umgang mit Menschen». Hannover, 1804 («Об общении с людьми». Ганновер, 1804), в котором автор устанавливает правила поведения человека в его взаимоотношениях с другими людьми. Сочинение Книгге изобилует поверхностными рассуждениями и прописными истинами. — *56.*

[54] С 6 июня по 22 августа Маркс жил у своей дочери Женни Лонге в Аржантёе. — *56, 331.*

[55] Речь идет об обращении к Энгельсу со стороны эмигрировавшего в США немецкого социал-демократа А. Гепнера. В своем письме к Энгельсу от 3 мая 1882 г. Гепнер просил разрешение на перепечатку в США произведений Маркса и Энгельса (ответ Энгельса Гепнеру от своего имени и от имени Маркса см. в настоящем томе, стр. 286—288). — *59.*

[56] *Энгадин* — горный курорт с целебным источником в Швейцарии (кантон Граубюнден); славится своим исключительно благоприятным для здоровья климатом. — *63.*

[57] Речь идет о заключительных событиях национально-освободительной борьбы египетского народа, длившейся с 1879 по 1882 г., против колониального грабежа страны английскими и французскими капиталистами, установившими финансовый контроль над Египтом. Поводом к движению явилось введение в 1878 г. в состав египетского правительства (в качестве министров) представителей Англии и Франции, как держав-кредиторов. У руководства национально-

освободительной борьбой встали представители буржуазной интеллигенции и передового офицерства во главе с полковником Араби-пашой, выдвинувшим лозунг «Египет для египтян». В результате восстания каирского гарнизона хедив (правитель) Египта был вынужден в сентябре 1881 г. ввести конституцию; в декабре в Египте открылся парламент, ведущую роль в котором играла основанная в этом же году «Национальная партия», представлявшая блок недовольных засильем иностранного капитала либеральных помещиков и купцов с патриотически настроенными офицерами и интеллигентами, опиравшимися на поддержку крестьянства и мелкой буржуазии. «Национальная партия» ставила своей целью независимость Египта и установление в стране конституционного строя. В феврале 1882 г. в Египте было образовано национальное правительство (Араби занял в нем пост военного министра), которое стало увольнять с египетской службы чиновников-иностранцев и проектировать демократические реформы. Однако летом 1882 г., спровоцировав конфликт с Египтом, Англия начала против него военные действия, которые, несмотря на мужественное сопротивление египетских войск (во главе с Араби) и народных масс, окончились победой английских агрессоров. Захватив в сентябре 1882 г. Каир, английские оккупанты учинили над участниками национального движения зверскую расправу. Египет стал английской колонией.

Публичные митинги протеста против нападения Англии на Египет и бомбардировки Александрии, о которых упоминает здесь Маркс, были организованы гедистской Федерацией центра в Париже (см. примечание 243) в конце июля 1882 г. при участии членов редакции газеты «Le Citoyen» («Гражданин») Анри Бриссака, Жюля Геда и Поля Лафарга. Резолюция гедистов по поводу Египта приветствовала Араби-пашу и «Национальную партию», как достойных взятой ими на себя великой задачи. — *63, 75, 76, 298.*

[58] Маркс имеет в виду конвенцию (соглашение) четырех держав — Англии, России, Австрии и Пруссии, заключенную 15 июля 1840 г. в Лондоне. Целью конвенции было принятие мер военной помощи держав турецкому султану для разрешения египетского кризиса 1839—1841 гг., возникшего в результате соперничества держав, особенно Англии и Франции, за гегемонию в Египте и на Ближнем Востоке. Рост египетского национального движения в начале 80-х годов привел к временному соглашению между Англией и Францией, которые, задумав в эти годы интервенцию против Египта, сперва намеревались придать ей общеевропейский характер. Но накануне спровоцированного Англией в июле 1882 г. конфликта с Египтом мнения политических деятелей Франции разделились: за интервенцию высказались бывший премьер-министр Гамбетта и сменивший его на этом посту в январе 1882 г. Фрейсине (предложение последнего о совместных с Англией действиях хотя бы только в зоне Суэцкого канала было отвергнуто 29 июля палатой депутатов и вызвало отставку его кабинета). Сторонник политики реванша против Германии, лидер радикалов Клемансо выступил против интервенции, доказывая, что она только усилила бы англо-французские противоречия к выгоде Германии. — *64.*

[59] Речь идет об инспирированной Карлом Гиршем статье Меринга, опубликованной в буржуазной газете «Weser-Zeitung» («Везерской газете») от 2 июля 1882 года. Будучи в то время противником социал-демократии, Меринг выступил здесь с резкой критикой газеты «Der Sozialdemok-

rat» («Социал-демократ»). Он ссылался на расхождения Маркса и Энгельса с редакцией, подчеркивал «бестактность» газеты, за которую, по его словам, германские рабочие расплачивались непрерывными притеснениями, и объявил социал-реформиста Хёхберга фактическим вдохновителем газеты. Меринг заканчивал свою статью обещанием выступить с дальнейшими разоблачениями газеты. Он писал, кроме того, о плохом здоровье Маркса и высказывал предположение, что работа Маркса над «Капиталом» вряд ли будет завершена (об отношении Маркса и Энгельса к этим выпадам Меринга см. настоящий том, стр. 285). Энгельс рекомендовал редакции «Sozialdemokrat» ответить на статью Меринга сообщением о своем сотрудничестве в газете (см. там же). Редакция «Sozialdemokrat» использовала эти указания Энгельса в резкой заметке против Меринга, опубликованной под заглавием «In eigener Sache» («По личному вопросу») в № 31 газеты от 27 июля 1882 года. — *65, 285, 290, 307, 335.*

[60] Заметка, которую цитирует здесь Маркс, появилась в газете «Le Temps» («Время») от 6 августа 1882 года. — *67.*

[61] Энгельс отдыхал на восточном побережье Англии в Грейт-Ярмуте с 11 августа по 8 сентября 1882 года. — *67, 292.*

[62] Имеется в виду уход из газеты «La Bataille» («Битва») 2 августа 1882 г. четырех членов ее редакции — П. Брусса, Дейно, Марука и Мутте вместе с секретарем редакции Лябюскьером. Формальным предлогом для разрыва их с редактором газеты Лиссагаре было заявление Лябюскьера об уходе его с поста ответственного секретаря редакции в связи с тем якобы, что Лиссагаре ограничивал его инициативу, установил контроль за его действиями, а также контролировал выступления на страницах газеты перечисленных выше членов редакции, друзей Лябюскьера. — *69.*

[63] Направляясь в Веве (Швейцария), Маркс со своей дочерью Лаурой Лафарг проездом остановился в Лозанне, где пробыл с 23 по 27 августа 1882 года. — *69.*

[64] Маркс имеет в виду свое пребывание в Аржантёе с 26 июля по 16 августа 1881 г. и с 9 по 16 февраля 1882 года. — *70.*

[65] 2 августа 1882 г. бельгийский социалист Сезар Де Пап, сотрудничавший в это время в журнале «L'Europe» («Европа»), пытался на почве ревности к своей жене застрелить, но только тяжело ранил секретаря редакции этого журнала Артура Дюверже, с которым в течение двух лет находился в близкой дружбе. Состоявшийся 3 ноября суд оправдал Де Папа. — *71.*

[66] Об египетской кампании см. примечание 57. — *72.*

[67] Речь идет о выступлении президента Британской ассоциации содействия развитию науки Карла Вильгельма Сименса 23 августа 1882 г. на состоявшемся в Саутгемптоне 52-м съезде ассоциации. Речь Сименса была опубликована в № 669 журнала «Nature» («Природа») от 24 августа 1882 года.

Британская ассоциация содействия развитию науки была основана в 1831 г. и существует в Англии до настоящего времени; материалы ее ежегодных собраний публикуются в виде отчетов. — *73, 97.*

[68] Энгельс жил в Швейцарии (в Женеве, Лозанне, Невшателе и Берне) со второй половины октября 1848 до середины января 1849 г. и с 12 июля до начала октября 1849 г.; в этом году он посетил Веве (кантон Во), где находился с 24 июля приблизительно до 20 августа. — *74, 301.*

[69] Маркс вместе с дочерью Лаурой Лафарг находился в Веве в Швейцарии (кантон Во) с 27 августа по 25 сентября 1882 года. — *74, 294, 306, 331.*

[70] Имеются в виду проведенные 11 июня 1882 г. в Риме и по всей Италии торжественные мероприятия с целью увековечения памяти Джузеппе Гарибальди, умершего 2 июня 1882 года. — *75.*

[71] Известный немецкий естествоиспытатель и политический деятель Рудольф Вирхов, будучи ранее приверженцем дарвинизма, стал после Парижской Коммуны 1871 г. реакционером и ярым противником социализма и выступал с резкими нападками на дарвинизм. Так, например, в 1877 г. он требовал запрещения преподавания дарвинизма, утверждая, что дарвинизм тесно связан с социалистическим движением и потому опасен для существующего общественного строя. Приложением к номеру «Journal de Genève» («Женевской газете»), на который ссылается здесь Маркс, Институт марксизма-ленинизма не располагает. — *75.*

[72] Имеется в виду состоявшийся в Берлине с 13 июня по 13 июля 1878 г. под председательством Бисмарка международный конгресс, целью которого был официальный пересмотр Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, заключенного между Россией и Турцией 3 марта (18 февраля) 1878 г. в Сан-Стефано (близ Константинополя) в результате окончания русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Этот договор означал усиление влияния России на Балканах и вызвал резкий протест со стороны Англии и Австро-Венгрии при негласной поддержке Германии. На конгрессе присутствовали представители России, Германии, Австро-Венгрии, Франции, Великобритании, Италии и Турции. В результате работы конгресса был заключен Берлинский трактат, согласно которому условия Сан-Стефанского договора были резко изменены в ущерб России и славянским народам Балканского полуострова. Территория самоуправляющейся Болгарии, предусмотренная Сан-Стефанским договором, была урезана более чем вдвое; из болгарских областей к югу от Балкан была образована автономная провинция «Восточная Румелия», оставшаяся под властью султана; значительно урезана была территория Черногории. Берлинский трактат подтвердил предусмотренное Сан-Стефанским договором возвращение России части Бессарабии, отторгнутой у нее в 1856 г., и в то же время санкционировал оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Накануне конгресса Англия захватила Кипр и сыграла немаловажную роль в дипломатических и военных угрозах, под давлением которых русское правительство было вынуждено передать Сан-Стефанский договор для пересмотра международному конгрессу. — *76.*

[73] *Кабилы* — группа берберских племен Алжира, населяющих горы Джурджур, горные районы провинции Константина и плато Орес. — *79.*

[74] На обратном пути из Швейцарии в Лондон Маркс с 28 сентября и первые дни октября провел у своей дочери Женни Лонге в Аржантёе, в течение этого времени он несколько раз бывал в Париже. — *80.*

[75] Речь идет о заседавших одновременно осенью 1882 г. двух съездах французских социалистов — съезде поссибилистов в Сент-Этьенне и съезде гедистов (марксистов) в Роанне.

На созванном в Сент-Этьенне 25 сентября 1882 г. очередном съезде французской Рабочей партии, на котором сторонники правого крыла партии (поссибилисты) посредством всевозможных махинаций с мандатами обеспечили себе большинство, произошел раскол. Депутаты от марксистских групп (гедисты) покинули съезд и 26 сентября собрались в Роанне, где сконструировались как шестой съезд французской Рабочей партии. Оставшиеся на съезде в Сент-Этьенне поссибилисты формально и по существу ликвидировали выработанную при участии Маркса и принятую в ноябре 1880 г. на съезде в Гавре единую программу партии и предоставили отдельным округам право создавать свои собственные избирательные программы. Одобренная Сент-Этьеннским съездом, коренным образом измененная общая мотивировочная часть программы, была, по словам Энгельса, «лишена своего пролетарского классового характера» (см. настоящий том, стр. 311). Съезд исключил из партии вождей и активных деятелей марксистской части партии — Геда, Лафарга, Массара, Девиля, Фроша и Базена и утвердил новое название партии — Рабочая партия социалистов-революционеров, как стала называться партия поссибилистов.

Марксистский съезд в Роанне, проходивший с 26 сентября по 1 октября 1882 г., подтвердил свою верность марксистской программе, утвержденной в 1880 г., объявив ее единой и обязательной для всех федераций и групп партии, констатировал измену Национального комитета принципам партии, лишил его полномочий и исключил его членов из рядов партии. В результате раскола французская Рабочая партия (Роаннский съезд сохранил за ней это название) победила в своей борьбе за революционную марксистскую программу. Хотя численно партия ослабла, зато организационно она окрепла. Ее опорной базой стали рабочие крупных промышленных центров страны и отдельные группы парижского пролетариата, главным образом на крупных заводах. За поссибилистами пошли находившиеся еще под влиянием мелкобуржуазных идей рабочие ремесленного Парижа, а также южные (марсельские) и западные (Бретань) группы (кооператоры, синдикалисты, прудонисты и т. п.). — *82, 311, 319, 329, 345, 346.*

[76] Маркс приводит здесь на английском языке перефразированное начало популярной в период раннего средневековья в европейских странах поговорки: «The devil was sick, the devil a saint would be: the devil grew well, the devil a saint was he» («Когда черт болел, черт хотел стать святым: когда черт стал здоров, то какой он, к черту, святой»); в некоторых вариантах этой пословицы слово «a saint» («святой») заменяется словом «a monk» («монах»). — *82.*

[77] Маркс находился на юге Англии в Вентноре (остров Уайт) с 30 октября 1882 г. по 12 января 1883 года. — *83, 330, 331.*

[78] Участники восстания 1881 г. на Кубе (бывшей в то время испанской колонией) генерал И. Масео и двое его товарищей-офицеров, арестованные испанским правительством, бежали в августе 1882 г. из тюрьмы

в Кадисе и искали политическое убежище на английской территории в крепости Гибралтар. 20 августа они прибыли в крепость, но были немедленно арестованы и переданы в руки испанской полиции. Совершая это явное предательство, английские власти действовали вопреки существовавшему в то время англо-испанскому договору, согласно которому английские власти имели право не выдавать испанскому правительству политических эмигрантов. Незаконные действия английской полиции и судьи в Гибралтаре, давшего приказ о выдаче Масео и его друзей, были раскрыты на заседаниях палаты общин 31 октября и 7 ноября. На этих заседаниях члены либеральною правительства Гладстона (Эшли, Ч. Дилк и другие), оправдывая поведение гибралтарских властей, всячески стремились выгородить правительство в Лондоне, отрицая его участие в этом позорном деле. — *83, 88.*

[79] Письмом Лафарга, на которое ссылается здесь Энгельс, Институт марксизма-ленинизма не располагает. Речь идет, по-видимому, о выходе редакторов Бриссака и Буи из редакции «Egalile» и о политических колебаниях Пикара, одного из редакторов «Egalite» и «Citoyen». — *83.*

[80] На всеобщих выборах в Италии в октябре 1882 г. итальянский социалист Андреа Коста был избран в парламент от городов Имола и Равенна (в области Эмилия Романья), став первым в Италии социалистическим депутатом.

Выборы в норвежский парламент (стортинг), на котором внушительную победу одержали республиканцы, проходили с 19 по 23 октября 1882 года. — *83, 379.*

[81] Речь идет о переговорах редакции «Egalite» с Народным банком в Париже относительно финансирования издания ежедневной «Egalite» 4-й серии (выходила с 24 октября по 28 декабря 1882 г.). — *84, 88.*

[82] Термин «динамитчики» получил широкое хождение в европейских консервативных кругах 70—80-х годов применительно к революционерам-террористам и лицам, изготавливавшим и хранившим взрывчатые вещества. Ежедневная «Egalite» 4-й серии, перепечатавшая в № 19 от 11 ноября 1882 г. телеграмму из «The Standard» («Знамя») от 6 ноября, объясняла переговорами о выдаче «динамитчиков» (русских политических эмигрантов) политические репрессии, которые имели место незадолго до этого во Франции. — *84.*

[83] Здесь имеется в виду, по-видимому, опубликованное в «Proletaire» изложение доклада Национального комитета на Сент-Этьеннском съезде (см. примечание 75). Доклад почти целиком был направлен против Геда, Лафарга и других ведущих деятелей революционной части Рабочей партии Франции и содержал тенденциозно подобранные выдержки из нескольких писем Лафарга Малону. Упоминаемым здесь номером «Proletaire» Институт марксизма-ленинизма не располагает. — *84.*

[84] Имеются в виду принятый правительством Швейцарии 23 марта 1877 г. первый швейцарский фабричный закон, вошедший в силу с 1 марта 1878 г. под названием «Союзный закон об условиях труда на фабриках» («Bundesgesetz betreffend die Arbeit in den Fabriken») и изданный в 1882 г. «Немецкий промысловый устав в его новейшей, выработанной на основе закона о корпорациях форме, вместе с законами о его введении в действие для Вюртемберга, Бадена, Баварии и Эльзас-Лотарин-

гии, с изменениями, дополнениями и добавлениями, с законом о зарегистрированных кассах взаимопомощи от 7 апреля 1876 г., а также вместе с постановлениями о выполнении, принятыми Союзным советом» («Gewerbeordnung, die deutsche, in ihrer durch das Innungsgesetz erlangten neuesten Gestalt, mit den Einfuhrungsgesetzen fur Wurttemberg, Baden, Bayern und Elsas-Lothringen, den Abanderungen und Erganzungen der Novellen und dem Gesetz uber die eingeschriebenen Hulfskassen vom 7. April 1876, nebst den Ausfuhrungs-Verordnungen des Bundesrathes»). Эти источники были нужны Марксу для его работы над третьим немецким изданием первого тома «Капитала». — *84, 88, 316.*

[85] На Мюнхенской электротехнической выставке 1882 г. французский физик Марсель Депре продемонстрировал первую опытную линию электропередачи, проведенную им между Мисбахом и Мюнхеном. — *85.*

[86] Статьи о своих исследованиях в области электричества Марсель Депре публиковал главным образом в журнале «La Lumiеre Electrique» («Электрический свет») за 1881 и 1882 годы. Его специальные работы о передаче электроэнергии на расстояние — «Электрическая передача работы на большом расстоянии» и «О распределении электрических токов» были опубликованы в №№ 15 и 16 журнала «Electricite» («Электричество») за 1881 год. — *85.*

[87] Маркс имеет в виду облетевшее английскую печать сенсационное сообщение об участии главного директора Управления английского национального долга Риверза Уилсона и лорда Шербрука в качестве доверенных лиц и гарантов техасской железнодорожной акционерной компании «Галвестон и Игл». В результате запросов со стороны членов парламента на заседании палаты общин 6 ноября 1882 г. о несовместимости пребывания английских чиновников на ответственных государственных постах в области финансовой системы с участием их в качестве гарантов в спекулятивных предприятиях Риверз Уилсон и Шербрук сложили с себя полномочия гарантов компании. — *85, 91.*

[88] Речь идет о выдаче английскими властями в Гибралтаре участников кубинского восстания (см. примечание 78). — *85.*

[89] Маркс намекает здесь на обсуждение вопроса о событиях в Египте (см. примечание 57) на заседаниях палаты общин 6 и 7 ноября 1882 года. — *85.*

[90] Статья Г. Ольденбурга «Die Grundlage des wissenschaftlichen Sozialismus» («Основы научного социализма») была опубликована в «Jahrbuch fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» («Ежегоднике социальной науки и социальной политики»). Hrsg. von Dr. L. Richter. Jahrg. I. Zweite Halfte. Zurich, 1880, S. 1—13. — *86.*

[91] Манифест Национального совета (созданного в противовес поссибилистскому Национальному комитету по решению Роаннского съезда пар-тип на базе лионских партийных групп с местопребыванием в г. Лионе) был опубликован в № 47 3-й серии еженедельной «Egalite» от 5 ноября 1882 г. под заголовком «Рабочая партия. Национальный совет». — *88.*

[92] Энгельс имеет в виду дебаты в палате общин о событиях в Египте (см. примечание 57) 6, 7 и 9 ноября 1882 года. — *88.*

[93] Речь идет о первой из трех статей немецкого социал-демократа, эмигранта Георга Фольмара, опубликованных в №№ 46, 47 и 49 газеты «Sozialdemokrat» от 9, 16 и 30 ноября 1882 г. под заглавием «Zur Spaltung der franzosischen Arbeiterpartei» («К расколу французской Рабочей партии»), за подписью V. — *88, 93, 336, 346.*

[94] Речь идет о привлечении Геда, Лафарга и других активных деятелей французской Рабочей партии к судебной ответственности за речи, произнесенные ими в Лионе, Роанне, Монлюсоне, Безене, Сент-Шамоне и других городах после Роаннского съезда (см. примечание 75). Гед и Базен были вызваны судебным следователем Эдуардом Пиканом на суд первой инстанции г. Монлюсона на 14 ноября, а Лафарг — на 21 ноября по обвинению в подстрекательствах к гражданской войне, убийствам, грабежам и поджогам; но обвиняемые публично отказались предстать перед судом. Лафарг, находившийся с 7 октября в Париже, 12 декабря был арестован парижской полицией. В конце апреля 1883 г. по решению суда присяжных г. Мулена Лафарг, Гед и Дормуа были приговорены к шестимесячному тюремному заключению и денежному штрафу. Гед и Лафарг отбывали наказание в тюрьме Сент-Пелажи в Париже с 21 мая 1883 года. — *92, 340, 342, 366.*

[95] Упоминаемое здесь математическое исследование Самюэля Мура представляло собой несколько страничек его замечаний на самостоятельно выработанный Марксом метод обоснования дифференциального исчисления (см. об этом методе также письмо Энгельса Марксу от 18 августа 1881 г. в настоящем томе, стр. 16—18). На замечания Мура Маркс дал ответ в своем письме Энгельсу от 22 ноября 1882 г. (см. настоящий том, стр. 93—94). Маркс начал свои исследования в области математики еще в 60-х годах. С этого времени он в течение ряда лет интенсивной систематически работал над алгеброй, производил исследования по математическому анализу, изучал и конспектировал трактаты виднейших математиков, делая многочисленные записи в специальных тетрадях и за время с 1878 по 1882 г. написал очерк по истории дифференциального исчисления. — *92, 93.*

[96] *Марсельский съезд* — третий социалистический съезд французских рабочих и первый съезд французской Рабочей партии; проходил в Марселе с 20 по 31 октября 1879 года. В результате разгоревшейся на съезде острой борьбы между марксистами (коллективистами) и мелкобуржуазными анархистскими и прудонистскими элементами во французском рабочем движении верх одержали марксисты, возглавлявшиеся Жюлем Гедом. Съезд принял ряд принципиальных решений: о национализации промышленности и земельной собственности, о захвате рабочими политической власти, о создании французской Рабочей партии (она приняла официальное название «Федерация партии рабочих социалистов во Франции», но фактически стала называться просто Рабочей партией). Съезд принял также устав партии и поставил задачу выработки программы партии. Маркс писал, что «первая организация действительной рабочей партии во Франции ведет свое начало с Марсельского съезда» (см. настоящий том, стр. 94). — *93, 94, 97, 336.*

[97] Имеется в виду опубликованное в № 26 4-й серии «Egalite» от 18 ноября 1882 г. открытое письмо Лафарга судебному следователю г. Монлюсона Эдуарду Пикану в ответ на его приказ от 15 ноября о явке Лафарга в суд 21 ноября. В упомянутом письме Лафарг жестоко высмеял Пикана и отказался предстать перед судом (см. также примечание 94). — *93.*

[98] Маркс имеет в виду оформившуюся на Сент-Этьеннском съезде в 1882 г. и возглавленную Малоном и Бруссом партию поссибилистов (см. примечание 75). — *94.*

[99] Имеется в виду рецензия Ш. Эймоса на переизданную в 1882 г. в Лондоне брошюру Дж. С. Кея «Spoiling the Egyptians» («Ограбление египтян»), опубликованная в журнале «The Contemporary Review» («Современное обозрение»), т. XLII, октябрь 1882 под названием ««Spoiling the Egyptians»: revised version» (««Ограбление египтян»: исправленный вариант»). Кей ответил Эймосу статьей ««Spoiling the Egyptians». A rejoinder» (««Ограбление египтян». Ответ»), опубликованной в «Contemporary Review», т. XLII, ноябрь 1882. — *94.*

[100] Энгельс цитирует отрывок из глав 11—28 сочинения Плутарха «Жизнь Мария», опубликованного в сборнике «Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit in deutscher Bearbeitung». Bd. I, Halfte I. Berlin, 1847, S. 61 («Историки германской древности в немецкой обработке». Т. I, часть I. Берлин, 1847, стр. 61). — *96.*

[101] Ниже Энгельс цитирует сочинение Цезаря «Записки о галльской войне», кн. IV, гл. 1. — *96.*

[102] О сравнительной силе партий, образовавшихся после раскола французской Рабочей партии на съезде в Сент-Этьенне, см. письмо Энгельса Бернштейну от 28 ноября 1882 г. (настоящий том, стр. 335— 339), в котором Энгельс использовал сведения, взятые из письма Лафарга от 24 ноября 1882 года.

Упоминая об «истории Маре — Годар», Энгельс имеет в виду два инцидента между журналистом-анархистом Годаром и группой сторонников Геда. На одном из собраний в Батиньоле (район Парижа) Годар выступил в защиту радикального депутата анархиста Анри Маре, которого гедисты обвиняли в том, что он продался французской Газовой компании. Будучи не в состоянии опровергнуть этот факт, засвидетельствованный гедистам членом редакции газеты «Bataille» анархистом Крие, Годар вызвал последнего на дуэль. В то же время Годар пытался спровоцировать драку с гедистами — членами редакции газеты «Citoyen». В не дошедшем до нас письме к Энгельсу Бернштейн, видимо, отрицательно отнесся к позиции гедистов в истории с Годаром. — *97, 323.*

[103] Энгельс имеет здесь в виду, очевидно, свою рукопись «Диалектика природы», в частности раздел этой рукописи «Мера движения. Работа». «Диалектика природы», одно из главных произведений Энгельса (см. настоящее издание, т. 20, стр. 339—626), явилась итогом многолетних фундаментальных занятий Энгельса естественными науками. Относящиеся к ней материалы были написаны в период с 1873 по 1886 год. За это время Энгельс проштудировал обширную литературу по важнейшим вопросам естествознания и написал 10 более или менее

готовых статей и глав и больше 170 заметок и фрагментов. После смерти Маркса Энгельс, всецело поглощенный работой по завершению публикации «Капитала» и по руководству международным рабочим движением, вынужден был фактически прекратить работу над своим произведением. «Диалектика природы» осталась незаконченной, и при жизни Энгельса относящиеся к ней материалы не публиковались (подробные сведения об истории написания и публикации этой работы см. в настоящем издании, т. 20, стр. 708—712). — *97, 98.*

104 Статья Лафарга «Le Ministere enchante» («Околдованное министерство») была опубликована в № 32 4-й серии «Egalite» от 24 ноября 1882 года; в статье подвергалась едкой критике деятельность бывшего министра финансов Леона Сэя.— *98, 343.*

105 В 1882 г. Маркс жил у своей дочери Женни Лонге в Аржантёе с 6 июня по 20 августа и с 28 сентября по первые дни октября. — *98.*

106 Энгельс имеет здесь в виду письмо Бебеля от 14 ноября 1882 г., написанное им из лейпцигской тюрьмы в ответ на письмо Энгельса Бебелю от 28 октября 1882 г. (см. настоящий том, стр. 318—320).

Исключительный закон против социалистов был введен правительством Бисмарка при поддержке большинства рейхстага 21 октября 1878 г. в целях борьбы против социалистического и рабочего движения. Этот закон поставил социал-демократическую партию Германии в нелегальное положение; были запрещены все организации партии, массовые рабочие организации, социалистическая и рабочая печать, конфисковывалась социалистическая литература, социал-демократы подвергались репрессиям. Однако социал-демократической партии, которая при активной помощи Маркса и Энгельса сумела преодолеть и оппортунистические и «ультралевые» элементы в своих рядах, удалось за время действия исключительного закона, правильно сочетая нелегальную работу с использованием легальных возможностей, значительно укрепить и расширить свое влияние в массах. Под давлением массового рабочего движения исключительный закон был отменен 1 октября 1890 года. Оценку этого закона см. в статье Энгельса «Бисмарк и германская рабочая партия» (настоящее издание, т. 19, стр. 289— 291). — *99, 100, 104, 175, 192, 221, 234, 276, 278, 304, 318, 325, 347, 356, 373.*

107 Книга «О возникновении и гибели польской конституции 3 мая 1791 года». Ч. I—II, 1793 («Vom Entstehen und Untergange der Polnischen Konstitution vom 3-ten May 1791». Th. I—II, 1793) была издана анонимно в Лейпциге; авторами ее являлись И. Потоцкий, Г. Коллонтай и Ф. К. Дмоховский. — *99.*

108 *Хрустальный дворец* — здание, сооруженное из металла и стекла для первой всемирной торгово-промышленной выставки в Лондоне в 1851 году. — *100.*

109 Полемика по поводу теории стоимости Маркса была начата в № 13 «La Plebe» («Народ») от 8 октября 1882 г. статьей Р. Канделари «La critica dell' economia radicale moderna» («Критика современной радикальной политической экономии»). Канделари опубликовал в этой га-

зете еще ряд полемических статей; в том числе в № 14 «Plebe» от 15 октября 1882 г. была опубликована его статья «De Laveleye e Rodbertus» («Лавеле и Родбертус»), которая содержала высказывания Лавелс о теории стоимости Маркса.

Статьи Канделари были опубликованы, кроме того, в №№ 15, 16, 17 и 18 «Plebe» от 22, 29 октября и 5, 12 ноября 1882 года. В № 17 было напечатано также письмо Карло Кафьеро в редакцию газеты под заглавием «Polemica» («Полемика»). — *101.*

[110] Речь идет о посетившей Францию в конце 1882 г. депутации английских тред-юнионов, возглавлявшейся редактором тред-юнионистской газеты «Labour Standard» Джорджем Шиптоном. Целью депутации, поездка которой оплачивалась акционерной компанией по сооружению туннеля под Ла-Маншем, была агитация за постройку этого туннеля.

Визитом делегации в Париж было положено начало характерного для «внешней» политики французской поссибилистской партии тесного союза поссибилистов с английским либеральным тред-юнионизмом. — *101, 104.*

[111] Речь идет, видимо, о номере «Proletaire», где был опубликован доклад Национального комитета на съезде в Сент-Этьенне (см. примечание 83). — *102.*

[112] *Тлинкиты* (или колоши) — группа индейских племен юго-восточной Аляски, составляющих колошскую языковую семью.

Бывшей русской Америкой Энгельс называет владения России в Северной Америке (Аляску), которые по договору 30 марта 1867 г. были проданы США царским правительством за 7200000 долларов (11 миллионов рублей по курсу того времени).

Энгельс шутливо намекает здесь на составленный К. Марксом в 1880—1881 гг. подробный «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»»; прогрессивный американский историк Морган построил свое исследование отношений первобытного общества на изучении родовых объединений североамериканских индейцев, в том числе ирокезов. Конспект, в котором содержится много критических замечаний Маркса и его собственных положений, опубликован в книге «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, 1941, стр. 1—192. — *103.*

[113] Объединенные общей темой труды Г. Л. Маурера представляют собой исследование аграрного, городского и государственного строя средневековой Германии. Это работы: «Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadt-Verfassnng und der offentlichen Gewalt». Munchen, 1854 («Введение в историю маркового, подворного, сельского и городского устройства и публичной власти». Мюнхен, 1854); «Geschichte der Markenverfassung in Deutschland». Erlangen, 1856 («История маркового устройства в Германии». Эрланген, 1856); «Geschichte der Fronhofe, der Bauernhofe und der Hofverfassung in Deutschland». Bd. I—IV, Erlangen, 1862—1863 («История господских дворов, крестьянских дворов и подворного устройства в Германии». Тт. I—IV, Эрланген, 1862—1863); «Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland». Bd. I—II, Eriangen, 1865—1866 («История сельского устройства в Германии». Тт. 1—11, Эрланген, 1865—1866); «Geschichte der Stadteverfassung in Deutschland». Bd. I—IV, Erlangen, 1869—1871 («История городского устройства в Германии». Тт. I—IV, Эрланген, 1869—1871). — *103, 105, 346, 379.*

[114] Энгельс имеет в виду свою работу над «Диалектикой природы» (см. примечание 103). — *103.*

[115] Эти адресованные Марксу строки являются припиской Энгельса на письме, посланном ему Лаурой Лафарг 12 декабря 1882 года. Лаура сообщала, что Поль Лафарг был только что арестован парижской полицией. Согласно предписанию полицейских властей Лафарг должен был быть препровожден в г. Монлюсон для вынесения ему судебного приговора. — *104.*

[116] *Тридцатилетняя война* 1618—1648 гг. — первая общеевропейская война, явившаяся результатом обострения противоречий между разными группировками европейских государств и принявшая форму борьбы между протестантами и католиками. Война началась восстанием в Чехии против гнета Габсбургской монархии и наступления католической реакции. Вступившие затем в войну европейские государства образовали два лагеря. Папа, испанские и австрийские Габсбурги и католические князья Германии, объединившись под знаменем католицизма, выступили против протестантских стран: Чехии, Дании, Швеции, Голландской республики и ряда принявших Реформацию немецких государств. Протестантские страны поддерживались французскими королями, противниками Габсбургов. Германия стала главной ареной этой борьбы, объектом военного грабежа и захватнических притязаний участников войны. Война закончилась в 1648 г. заключением Вестфальского мира, закрепившего политическую раздробленность Германии. — *107, 373.*

[117] *«Саксонское зерцало»* («Sachsenspiegel») — средневековый германский судебник, представлявший собой изложение местного (саксонского) обычного права. — *107.*

[118] Речь идет о статье С. А. Подолинского «Il socialismo e l'unita delle forze fisiche» («Социализм и единица измерения физических сил»), которая впервые была опубликована в 1881 г. в журнале «La Plebe», Anno XIV, Nuova serie, №№ 3—4, pp. 13—16 и 5—15 и затем перепечатана в немецком журнале «Die Neue Zeit» («Новое время»). Jg. 1, 1883, SS. 413—424 и 449—457 под заглавием «Menschliche Arbeit und Einbeit der Kraft» («Человеческий труд и единица измерения силы»). — *109.*

[119] Маркс имеет в виду, видимо, события 1847 года. В № 25 «Deutsche-Brusseler Zeitung» («Немецкой брюссельской газеты»), связанной с немецкой демократической эмиграцией, 28 марта 1847 г. была напечатана статья о спекуляции хлебом, написанная, очевидно, членом Союза коммунистов Фердинандом Вольфом, брат которого был хлебным спекулянтом. Возмущавшийся деятельностью своего брата Фердинанд Вольф писал позднее Энгельсу о своей ссоре с братом. — *115.*

[120] Речь идет о распродаже экземпляров второго немецкого издания первого тома «Капитала» Маркса, вышедшего в свет в 1872 г. в Гамбурге в издательстве О. Мейснера. — *116, 353.*

[121] Полемика Генерального Совета с буржуазным радикалом Ч. Брэдло возникла в связи с клеветническими заявлениями последнего в адрес Маркса во время публичной лекции в Лондоне 11 декабря 1871 г.,

а также в письме в газету «The Eastern Post» («Почта Ист-Энда»), напечатанном 16 декабря, и в письмах, опубликованных в январе 1872 г. в издаваемом им самим еженедельнике «The National Reformer» («Национальный реформатор»). На заседании Генерального Совета 49 декабря 1871 г. Маркс отметил тесную связь этих выступлений Брэдло с кампанией травли Интернационала со стороны правящих кругов и буржуазной печати, особенно усилившейся после выпуска в июне 1871 г. воззвания «Гражданская война во Франции». Маркс разоблачил Брэдло в ряде заявлений, опубликованных в «Eastern Post» (см. настоящее издание, т. 17, стр. 479, 487 и 488—489). — *119.*

[122] Брэдло, примыкавший к оппозиции и выступавший в печати под псевдонимом «иконоборец», в 1874 г. надеялся быть избранным в палату общин (в помещении церкви св. Стефана в Вестминстерском дворце с 1547 г. происходили заседания палаты общин). — *120.*

[123] Возможно, что настоящее письмо было послано Марксом лондонскому книготорговцу Джорджу Риверсу. — *122.*

[124] По-видимому, имеется в виду книга: A. Redgrave. «The Factory and workshop act, 1878, with introduction, copious notes, and an elaborate index». Second edition. London, 1879 (А. Редгрейв. «Фабричный закон 1878 г. с предисловием, многочисленными примечаниями и переработанным указателем». Второе издание. Лондон, 1879). Фабричные отчеты Редгрейва Маркс использовал при работе над первым томом «Капитала». — *122.*

[125] Энгельс ссылается на первое отдельное немецкое издание «Анти-Дюринга», вышедшее в Лейпциге в 1878 г. (см. настоящее издание, т. 20, стр. 218—219). — *123.*

[126] *Катедер-социалисты* — представители одного из направлений в буржуазной идеологии в 70—90-х годах XIX в., прежде всего профессора немецких университетов; катедер-социалисты проповедовали с университетских кафедр (по-немецки Katheder) под видом социализма буржуазный реформизм. Представители катедер-социализма (А. Вагнер, Г. Шмоллер, Л. Брентано, В. Зомбарт и др.) утверждали, что государство является надклассовым институтом, способным примирить враждебные классы и постепенно ввести «социализм», не затрагивая интересов капиталистов. Программа катедер-социализма сводилась к организации страхования рабочих от болезней и несчастных случаев, проведению некоторых мероприятий в области фабричного законодательства и т. д. и имела своей целью отвлечение рабочих от классовой борьбы. Катедер-социализм был одним из идейных источников ревизионизма. — *123, 131, 349, 374.*

[127] Энгельс цитирует свою работу «Наброски к критике политической экономии» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 567). — *124.*

[128] Речь идет об осадном положении, введенном 26 сентября 1848 г. в Кёльне прусскими властями, в связи с чем выход «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты») приостанавливался до 12 октября 1848 года. — *125.*

[129] Данное стихотворение Г. Веерта было опубликовано в газете «Sozialdemokrat» 11 августа 1881 года. Заглавие «Ein Sozialistenfresser aus

dem Jahre 1848» было дано по аналогии с известным памфлетом Л. Бёрне «Menzel der Franzosenfresser». Paris, 1837 («Менцель-французоед». Париж, 1837). — *126.*

[130] Энгельс имеет в виду первую из двух статей, озаглавленных «Die zehn Gebote» («Десять заповедей»), помещенную в «Sozialdemokrat» № 5, 30 января 1881 г., разоблачавшую прусских королей, обкрадывавших народ, и статью Э. Бернштейна «Ein Gedenktag» («Годовщина»), помещенную под псевдонимом Leo в газете «Sozialdemokrat» № 4, 23 января 1881 года; статья была посвящена 88-й годовщине со дня казни Людовика XVI. — *126.*

[131] На конверте данного письма рукой Элеоноры Маркс по-французски написан адрес: «Н. Даниельсону, эсквайру, Общество Взаимного Кредита, у Казанского моста, дом Лесникова, *Санкт-Петербург,* Россия». — *126.*

[132] Имеются в виду публикации официальных материалов правительств различных стран, называемые Марксом по аналогии с публикациями английского парламента Синими книгами (Blue Books).

Синие книги — общее название публикаций материалов английского парламента и дипломатических документов министерства иностранных дел. Синие книги, получившие свое название из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII в. и являются основным официальным источником экономической и дипломатической истории этой страны. — *126.*

[133] Имеется в виду речь Клемансо, произнесенная им 29 октября 1880 г. в Марселе, в которой он выдвигал программу отдельных демократических и социальных реформ, как-то: замена косвенных налогов прогрессивным налогом на доходы и налогом с наследства; упразднение расчетных книжек; участие рабочих в регулировании внутреннего фабричного распорядка; передача рабочих касс в управление самих рабочих; запрещение труда детей моложе известного возраста; сокращение рабочего дня и т. д. Некоторые пункты этой программы были взяты Клемансо из программы французской Рабочей партии (см. настоящее издание, т. 19, стр. 574—575).

Речь Клемансо отражала стремление буржуазных радикалов путем заигрывания с рабочими нажить себе политический капитал. — *127.*

[134] Маркс имеет в виду рукопись статьи П. Лафарга «Движение поземельной собственности во Франции». Статья была напечатана в русском переводе в ежемесячном журнале «Устои» №№ 3-4 и 6 за 1882 год. — *127.*

[135] Речь идет о работе Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», опубликованной им под псевдонимом Николай —он в журнале «Слово» (октябрь 1880 г.).

Говоря ниже о своем желании прочесть полемику Даниельсона со «Словом», Маркс имел в виду обещание журнала «Слово» «возвратиться к предмету этой статьи в одной из последующих книжек... журнала» («Слово», октябрь 1880, стр. 142, примечание редакции

к статье Даниельсона). Однако в последующих номерах журнала о статье Даниельсона больше не упоминалось. — *127.*

[136] Книга Э. Р. Ланкестера «Degeneration. A chapter in darwinism». London, 1880 появилась в русском переводе в 1883 г. в Петербурге под названием «Вырождение. Глава из теории развития (дарвинизма)». — *130.*

[137] Имеется в виду работа Ф. Д. Ньювенгейса «Karl Marx. Kapitaal en Arbeid» («Карл Маркс. Капитал и труд»). Гаага, 1881, представляющая собой краткое популярное изложение на голландском языке первого тома «Капитала» Маркса. Второе издание работы Ньювенгейса вышло в 1889 году. — *131.*

[138] *«Mannen van beteekenis in onze dagen»* («Выдающиеся люди наших дней») — серия книг, выходившая в Гарлеме в 1870—1882 годах. В десятом томе этой серии, вышедшем под редакцией Н. Бальсема, была помещена биография Маркса, написанная А. Кердейком. — *131.*

[139] Полемика Маркса с Брентано была вызвана появлением в журнале «Concordia» («Согласие») № 10 от 7 марта 1872 г. клеветнической статьи, написанной немецким буржуазным экономистом Л. Брентано. Брентано, выступавший анонимно, пытался дискредитировать Маркса как ученого, обвиняя его в научной недобросовестности и в фальсификации используемых материалов. После появления в «Der Volksstaat» («Народном государстве») 1 июня 1872 г. ответа Маркса (см. настоящее издание, т. 18, стр. 83—86) в «Concordia» № 27 от 4 июля была напечатана вторая анонимная статья Брентано, на которую также последовал ответ Маркса, напечатанный в «Volksstaat» № 63, 7 августа 1872 г. (см. настоящее издание, т. 18, стр. 102—109). После смерти Маркса клеветническую кампанию, поднятую Брентано, продолжил английский буржуазный экономист Тейлор, которого полностью разоблачил Энгельс в июне 1890 г. в предисловии к 4-му немецкому изданию первого тома «Капитала» и в 1891 г. в брошюре «Брентано contra Маркс» (см. настоящее издание, т. 22, стр. 97—186). В этой брошюре к разделе «Документы» Энгельс воспроизвел оба письма Маркса в редакцию «Volksstaat». — *131.*

[140] В своем письме от 6 января 1881 г. Ф. Д. Ньювенгейс сообщил Марксу, что голландские социал-демократы намереваются поставить на обсуждение предстоящего международного социалистического конгресса в Цюрихе вопрос о том, каковы должны быть первоочередные законодательные мероприятия социалистов в политической и экономической областях в случае их прихода к власти, для того чтобы обеспечить торжество социализма. Поскольку кантональный совет в Цюрихе не дал разрешения на проведение конгресса, он состоялся в Хуре.

Международный социалистический конгресс, созванный по инициативе бельгийских социалистов, происходил в Хуре (Швейцария) со 2 по 12 октября 1881 года. На конгрессе были представлены делегаты от социалистических партий 12 стран. На повестке дня конгресса стоял вопрос о создании нового Интернационала. Однако этот вопрос был решен отрицательно, поскольку период формирования национальных социалистических партий еще не был закончен. Конгресс принял решение провести следующий международный конгресс в Париже. — *131, 191.*

141 Обращение французского мелкобуржуазного публициста и историка А. Реньяра по поводу своих статей по истории Ирландии (статьи Реньяра не разысканы) к дочери Маркса Женнн Лонге объясняется известностью, которую она снискала своими выступлениями во французской газете «La Marseillaise» («Марсельеза»), обличавшими политику английских колонизаторов в Ирландии (см. настоящее издание, т. 16, стр. 609-635).

Конец данного письма Энгельса не сохранился. — *133.*

142 *Шотландские ковенантеры* — приверженцы Национального ковенанта, союза, провозглашенного в 1638 г. в Шотландии после успешного восстания в 1637 г. против абсолютистского правительства Карла I. Выступая под флагом защиты пресвитерианской (кальвинистской) религии, участники этого соглашения вели борьбу за национальную автономию Шотландии, против попыток ввести в стране абсолютистские порядки. Война шотландских ковенантеров с Карлом I ускорила начало буржуазной революции в Англии. — *134.*

143 J. P. Prendergast. «The Cromwellian settlement of Ireland». London, 1865, p. 7. — *134.*

144 *«Авантюристы»* («Adventurers») — распространенное в XVI—XVII вв. прозвище представителей английской торговой и финансовой буржуазии, участников колониальных и торговых компаний, спекулянтов, банкиров, субсидировавших рискованные, но сулившие крупные барыши колониальные и прочие предприятия. Получили свое название от английской торговой «Компании купцов-авантюристов» («Merchant Adventures»). — *135.*

145 *Карательные законы* (Penal Code или Penal Laws) — серия законов, изданных английскими колонизаторами в конце XVII и первой половине XVIII в. для Ирландии под предлогом борьбы против католических заговоров и врагов англиканской религии. Эти законы фактически лишали коренных ирландцев, большинство которых было католиками, всяких гражданских и политических прав. Ограничив для ирландских католиков право наследования, приобретения и отчуждения собственности и широко введя в практику конфискацию имущества за малейшие проступки, эти законы явились орудием экспроприации ирландских владельцев, еще сохранивших в своих руках земли. Карательные законы устанавливали тяжелые условия аренды для крестьян-католиков, способствуя закабалению их английскими лендлордами и земельными посредниками. Эти законы были направлены также на искоренение ирландских национальных традиций: запрещали ирландские национальные школы, предписывали суровые кары против учителей, ирландских католических священников и т. д. Лишь в конце XVIII в. в результате подъема национально-освободительного движения в Ирландии была отменена значительная часть карательных законов. — *135.*

146 Речь идет о субсидиях основанному в 1795 г. ирландскому католическому колледжу в городе Мейнуте. Основанием колледжа правительство Питта стремилось привлечь на свою сторону католическое духовенство и верхушку ирландской буржуазии, используя это как одно из средств внесения раскола в ирландское национальное движение. — *135.*

[147] Имеется в виду англо-ирландская уния, вступившая в силу с 1 января 1801 г. и лишившая Ирландию остатков парламентской автономии (ирландский парламент был ликвидирован; ирландским депутатам предоставлялось известное количество мест в английском парламенте, где они постоянно были в меньшинстве). Уния укрепила основы колониального господства Англии над Ирландией. — *135, 280.*

[148] Речь идет о школьной системе, введенной в Ирландии в 1831 г. тогдашним главным секретарем для Ирландии Стэнли (лорд Дерби). В Ирландии учреждались единые школы для католиков и протестантов с отдельным преподаванием религиозных предметов для тех и других. — *135.*

[149] Данное письмо Маркса было написано в ответ на письмо В. И. Засулич от 16 февраля 1881 года. Засулич от имени своих товарищей, позднее вошедших в группу «Освобождение труда», обратилась к Марксу с просьбой высказать его точку зрения о перспективах исторического развития России и особенно о судьбах русской сельской общины.

В процессе подготовки ответа на письмо Засулич Марксом были составлены четыре наброска, представляющие в совокупности чрезвычайно богатый содержанием обобщающий очерк о русской крестьянской общине, о коллективной форме сельскохозяйственного производства. Наброски письма к Засулич (за исключением последнего, четвертого, текстуально почти полностью совпадающего с письмом), так же как и само письмо, были опубликованы в т. 19 настоящего издания (стр. 250—251, 400—421). — *136.*

[150] Имеется в виду Исполнительный комитет «Народной воли».

«Народная воля» — тайная организация народников-террористов, возникшая в августе 1879 г. в результате раскола организации революционных народников «Земля и воля». — *137, 147*.

[151] Здесь и ниже см. настоящее издание, т. 23, стр. 726, 728 и 772. Разночтения между текстом этих цитат и текстом т. 23 объясняются тем, что Маркс цитирует первый том «Капитала» по французскому изданию 1875 г., а русский перевод в т. 23 сделан с 4-го немецкого издания 1890 года. — *137.*

[152] Имеется в виду лондонское Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих, которое было основано в феврале 1840 г. К. Шаппером, И. Моллем и другими деятелями Союза справедливых. После организации Союза коммунистов руководящая роль в Обществе принадлежала местным общинам Союза коммунистов. Активное участие в деятельности Общества в 1847 и 1849—1850 гг. принимали Маркс и Энгельс. 17 сентября 1850 г. Маркс, Энгельс и ряд их сторонников вышли из Общества в связи с тем, что в борьбе между руководимым Марксом и Энгельсом большинством Центрального комитета Союза коммунистов и сектантско-авантюристическим меньшинством (фракция Виллиха — Шаппера) большая часть Общества стала на сторону меньшинства. С конца 50-х годов Маркс и Энгельс вновь приняли участие в деятельности этого Общества. Лондонское Просветительное общество продолжало существовать до 1918 г., когда оно было закрыто английским правительством. — *138, 263, 306, 324.*

[153] Имеется в виду незаконченная статья Энгельса «Du sollst nicht ehebrechen» («Не прелюбо сотвори»); возможно, Энгельс послал эту статью

Бернштейну в связи с публикацией в газете «Sozialdemokrat» двух статей под заглавием «Die zehn Gebote» («Десять заповедей»), Статья не была опубликована. — *138.*

[154] Имеется в виду статья К. Каутского «Der Staatssozialismus und die Sozialdemokratie» («Государственный социализм и социал-демократия»), помещенная под псевдонимом Symmachos в газете «Sozialdemokrat» № 10, 6 марта 1881 года. — *139.*

[155] Далее Энгельс критикует взгляды Шеффле, изложенные последним в книге, вышедшей анонимно в Готе в 1875 г. «Die Quintesseuz des Socialismus» («Квинтэссенция социализма»). — *140.*

[156] *Seehandlung* (Морская торговля) — торгово-кредитное общество, основанное в 1772 г. в Пруссии; это общество, пользовавшееся рядом важных государственных привилегий, предоставляло крупные ссуды правительству, фактически выполняя роль его банкира и маклера по финансовой части. В 1904 г. было официально превращено в прусский государственный банк. — *140.*

[157] Намек на колебания среди руководителей социал-демократической партии Германии по тактическим вопросам после введения исключительного закона против социалистов (см. примечание 106). Эти колебания, в частности, нашли отражение в выступлениях Либкнехта в рейхстаге 17 марта 1879 г. по поводу введения так называемого «малого осадного положения» в Берлине и его окрестностях и в саксонском ландтаге 17 февраля 1880 г. по поводу выборов в первом избирательном округе города Хемница. В выступлении в рейхстаге 17 марта 1879 г. Либкнехт заявил, что социал-демократическая партия будет соблюдать исключительный закон против социалистов, так как она является партией реформ, в строгом смысле этого слова, и отрицал как бессмыслицу «насильственную» революцию. В речи в ландтаге 17 февраля 1880 г. Либкнехт сказал, что, поскольку социал-демократическая партия Германии участвует в выборах в законодательные органы, она не является партией переворота. — *140.*

[158] Ф. Фрицше и Л. Фирек совершали поездку по Соединенным Штатам Америки в феврале — мае 1881 г. по заданию Социалистической рабочей партии Германии в соответствии с решением Виденского съезда, состоявшегося 20—23 августа 1880 года. Целью поездки были агитация и сбор денег на партийные нужды. Хотя митинги, проведенные ими в США, имели большой успех и они собрали в пользу партии 1300 марок, Энгельс считал, что во время своей поездки они «принизили партийную позицию до вульгарно-демократического и добродетельно-филистерского уровня», что нельзя возместить «никакими американскими деньгами», и оценивал их посылку в Америку как промах (см. настоящее издание, т. 36, стр. 22 и 76). — *140, 162, 371.*

[159] Речь идет, по-видимому, о принятой палатой общин 3 февраля 1881 г. по предложению Гладстона резолюции, вводящей новый процедурный порядок в английском парламенте. В связи с тактикой обструкции, применяемой ирландской оппозицией в палате общин, которая не давала возможности провести в парламенте билль о введении в Ирландии исключительных законов (см. примечание 160), Гладстон предложил

резолюцию о праве спикера прерывать выступление оратора в любую минуту и изгонять его из зала заседаний. — *141, 149.*

[160] *Исключительные законы* (coercion bills) принимались английским парламентом несколько раз на протяжении XIX в. с целью подавления революционного и национально-освободительного движения в Ирландии, в частности, в начале 1881 г. через палату общин прошло два билля о введении в Ирландии исключительных законов. В силу этих законов на территории Ирландии вводилось осадное положение и английским властям предоставлялись чрезвычайные полномочия. — *141, 149.*

[161] *Земельный билль 1881 г.* обсуждался в парламенте уже с конца 1880 г., но стал законом только 22 августа 1881 г. (см. примечание 18). — *141, 149, 151.*

[162] Отчет о митинге в Бостоне, состоявшемся 7 марта 1881 г., был помещен в газете «Sozialdemokrat» №№ 13 и 16, 27 марта и 17 апреля 1881 года. — *142.*

[163] Представители немецкой демократической эмиграции, в том числе члены немецких гимнастических обществ, принимали активное участие в Гражданской войне в США 1861—1865 гг. на стороне североамериканского Союза. Одним из примеров этого участия является случай, происшедший около города Сент-Луиса в 1861 г., когда большое количество немцев-эмигрантов, живших неподалеку, присоединилось к армии северян и разбило войска губернатора Джэксона, собиравшегося передать Сент-Луис в руки рабовладельцев-южан.

Немецкие гимнастические общества существовали в разных городах Соединенных Штатов Америки и представляли собой одну из форм организации немецкой демократической, в том числе и рабочей, эмиграции после поражения революции 1848—1849 гг. в Германии. 5 октября 1850 г. на съезде в Филадельфии эти общества объединились в Социалистический гимнастический союз, поддерживавший в начале своего существования связи с немецким рабочим движением в Америке. — *143.*

[164] Имеется в виду убийство 1 (13) марта 1881 г. императора Александра II по приговору Исполнительного комитета «Народной воли». О «Народной воле» см. примечание 150. — *143.*

[165] Речь идет о статье Моста под заглавием «Endlich!» («Наконец!»), посвященной убийству Александра II, которая была помещена в газете «Freiheit» («Свобода») № 12 от 19 марта 1881 года. 30 марта Мост был арестован в Лондоне, 4 мая предан суду, в июне приговорен к полуторагодичному тюремному заключению с принудительными работами за литературную защиту на иностранном языке политического убийства. — *143, 145, 146.*

[166] Имеется в виду обсуждение в германском рейхстаге 30 и 31 марта 1881 г. отчета гамбургского сената и прусского правительства о введении «малого осадного положения» в Берлине и Гамбурге-Альтоне в октябре 1880 года.

Под названием «осадное положение», или «малое осадное положение», были известны мероприятия, введение которых предусматривалось параграфом 28 исключительного закона против социалистов (см. примечание 106). Эти мероприятия заключались во введении

правительствами союзных государств в отдельных округах и местностях осадного положения сроком на один год. В период осадного положения собрания проводились только с разрешения полиции, распространение печатных произведений в общественных местах запрещалось, лица, считавшиеся политически ненадежными, высылались из данной местности, право владения оружием, ношение, ввоз и продажа его запрещались или ограничивались. — *145.*

[167] Французский журналист, писатель и политический деятель А. Рошфор, высланный после подавления Парижской Коммуны из Франции, оказался в 1874 г. в Женеве, где установил связи с русскими политическими эмигрантами. Исполнительный комитет «Народной воли» направил Рошфору письмо с просьбой оказать агенту Комитета Л. Гартману помощь в деле организации пропаганды против царского правительства. Однако 26 марта 1881 г. в газете «Freiheit» появилось сообщение о том, что русские эмигранты в Женеве на открытом собрании сделали заявление, что они отказываются от каких-либо связей с Рошфором и никогда не снабжали его информацией. — *147.*

[168] Имеется в виду судебный процесс народовольцев (см. примечание 150) А. И. Желябова, С. Л. Перовской, Н. И. Рысакова, Т. М. Михайлова, Н. И. Кибальчича и Г. М. Гельфман, принимавших участие в убийстве императора Александра II 1 (13) марта 1881 года. Процесс происходил 26—29 марта (7—10 апреля) 1881 года. 29 марта 1881 г. был вынесен приговор, по которому все участники покушения, кроме Гельфман, были приговорены к смертной казни через повешение. 3 (15) апреля 1881 г. приговор был приведен в исполнение. Гельфман, получившая отсрочку из-за своей беременности, была приговорена к бессрочной каторге и умерла 2 февраля 1882 года. — *147.*

[169] Землетрясение на острове Хиосе происходило с 3 по 11 апреля 1881 года. В результате землетрясения было убито свыше 3000 человек и свыше 1000 ранено; город Хиос и близлежащие деревни были почти полностью разрушены. — *148.*

[170] *Закон о ношении оружия* (Arms Act) рассматривал всякого, кто носит оружие без разрешения, как нарушителя общественного спокойствия, подлежащего наказанию по суду. 18 марта 1881 г. этот закон был принят английским парламентом для Ирландии, а с 6 апреля был издан указ, предписывавший всем лицам, не имеющим специального разрешения, сдать оружие в ближайшие полицейские участки до 15 апреля и перечислявший графства и города, в которых запрещалась свободная продажа оружия с 7 апреля. — *149.*

[171] *Ирландская национальная земельная лига* — массовая организация, основанная в 1879 г. мелкобуржуазным демократом Майклом Девиттом. Земельная лига, объединявшая широкие слои ирландского крестьянства и городской бедноты и пользовавшаяся поддержкой прогрессивных элементов ирландской буржуазии, отражала в своих аграрных требованиях стихийный протест ирландских народных масс против гнета лендлордов и национального гнета. Однако часть лидеров Земельной лиги (Парнелл и др.) занимали непоследовательную, колеблющуюся позицию, стремились свести деятельность Земельной лиги исключительно к борьбе за гомруль, то есть за ограниченное самоуправление Ирландии в рамках Британской империи, не выступали

за ликвидацию английского лендлордизма, на чем настаивали революционные демократы. В 1881 г. Земельная лига была запрещена английским правительством, но фактически продолжала свою деятельность до конца 80-х годов. — *149, 281.*

[172] Энгельс имеет в виду стенографический отчет о дебатах рейхстага, где были помещены речи Ауэра и Бебеля по поводу «малого осадного положения» в Берлине и Гамбурге и речь Бебеля по поводу законопроекта о страховании рабочих от несчастных случаев (см. примечания 166 и 176). — *150.*

[173] Очевидно, Энгельс имеет в виду выступления Либкнехта (см. примечание 157). — *150, 228.*

[174] Либкнехт был приговорен к шестимесячному заключению в лейпцигской тюрьме в середине ноября 1880 г. за речь, произнесенную на собрании в Хемнице. — *150.*

[175] Очевидно, имеется в виду «Акт о преступлениях против личности» («Offences against the Person Act»), принятый английским парламентом в 1861 г. (об осуждении Моста см. примечание 165). — *151.*

[176] Об «осадном положении» см. примечание 166.

Здесь Энгельс имеет в виду речи Бебеля о введении «малого осадного положения» в Берлине и Гамбурге-Альтоне в октябре 1880 г. и по поводу законопроекта о страховании рабочих от несчастных случаев, произнесенные им 31 марта и 4 апреля 1881 года. См. «Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstags». 4. Legislaturperiode. IV. Session 1881. Bd. I, Berlin, 1881, S. 652—661 u. S. 744—756 («Стенографический отчет о заседаниях рейхстага». 4-й созыв. IV сессия 1881 г. Т. I, Берлин, 1881, стр. 652—661 и стр. 744—756). Речи Бебеля были опубликованы также в «Sozialdemokrat» №№ 16—22, 17 апреля — 29 мая 1881 года.

Законопроект о страховании рабочих от несчастных случаев являлся частью проводимого Бисмарком так называемого «рабочего законодательства». Проект предусматривал создание особого имперского банка для страхования рабочих от несчастных случаев. Расходы по страхованию несли на две трети предприниматели, а на одну треть рабочие, кроме рабочих, годовой заработок которых не превышал 750 марок (за них платило имперское казначейство). Если пострадавший терял трудоспособность, то страхование вступало в силу только на 5-й неделе, до этого расходы несли больничные кассы. Бебель подверг законопроект обстоятельной и резкой критике, потребовав, чтобы расходы по страхованию рабочих от несчастных случаев были возложены целиком на предпринимателей. Законопроект был принят рейхстагом только 6 июля 1884 года. — *152, 322, 336.*

[177] Намек на выступление в рейхстаге 30 марта 1881 г. Р. Путкамера, пытавшегося обвинить социал-демократов в подготовке террористических актов и ссылавшегося при этом на статью Моста (см. примечание 165), в которой неоднократно повторялось обращение «братья». — *152.*

[178] Вблизи Мейтленд-парка, в доме 41 по улице Мейтленд-род, проживал Маркс с семьей. Мейтленд-род пересекалась улицей Саутгемптон-род,

на которой, очевидно, находилась таверна под названием «Лорд Саутгемптон». — *154.*

[179] Имеется в виду одно из условий ирландского земельного билля 1881 г., ставшего с 22 августа 1881 г. законом (см. примечание 18). — *154.*

[180] Лидер радикалов Ж. Клемансо выступил с критикой правительства, возглавлявшегося Ж. Ферри, в связи с предпринятой Францией в марте 1881 г. военной экспедицией против Туниса. Клемансо обвинял правительство в бесполезной затрате средств на военные авантюры, которые только ослабляли Францию. Он мотивировал свою критику также тем, что насильственное завоевание «нецивилизованных» народов роняло моральный престиж французской нации. — *156.*

[181] См. настоящее издание, т. 4, стр. 174. — *157.*

[182] Настоящее письмо, так же как и помещаемое ниже письмо Энгельса к Зорге, было приведено газетой «The New-York Herald» («Нью-йоркский вестник») в тексте интервью, данного Зорге корреспонденту газеты. Редакция «New-York Herald» обратилась к Зорге с просьбой дать интервью в связи с приездом в Нью-Йорк из Лондона в июне 1881 г. русского революционера-народовольца Л. Н. Гартмана. Гартман принимал участие в подготовке взрыва царского поезда в ноябре 1879 г. и после неудачи покушения, спасаясь от преследования полиции, эмигрировал во Францию, где был арестован по настоянию русского правительства, потребовавшего его выдачи. Под влиянием протестов со стороны демократической общественности, после выступления В. Гюго, опубликовавшего 27 февраля 1880 г. открытое письмо французскому правительству с требованием о невыдаче Гартмана, он был выслан из Франции и поселился в Англии. Здесь снова был поднят вопрос о выдаче Гартмана России, и 3 июня 1881 г. Гартман эмигрировал в Соединенные Штаты. Нью-йоркские газеты, в частности «New-York Herald», сообщили о приезде Гартмана. Петербургские газеты высказали сомнение относительно переезда Гартмана из Англии в Америку, и тогда «New-York Herald» 10 сентября 1881 г. опубликовала интервью своего корреспондента с Зорге, напечатав рекомендательное письмо, данное Марксом Гартману, написанное им на своей визитной карточке, а также письмо Энгельса в переводе с немецкого. Визитная карточка Маркса с текстом рекомендательного письма была возвращена Зорге Гартману и до нас не дошла; не сохранился также и оригинал письма Энгельса. — *158.*

[183] *Банковский праздник* (bank holiday) — неприсутственный день для служащих английских банков и других учреждений. Празднуется 6 раз в году, как правило, в понедельник. — *159.*

[184] Имеется в виду митинг, состоявшийся 5 июня 1881 г. в Гайд-парке в знак протеста против принятия исключительных законов для Ирландии (см. примечание 160). На митинге была принята резолюция, возлагающая ответственность за тяжелое положение ирландского парода на английское правительство, требующая прекращения сгона с земли и выселения фермеров, не уплативших арендную плату, освобождения арестованных деятелей Земельной лиги (см. примечание 171) и отставки министра по делам Ирландии Форстера, проводившего политику жестокого подавления национально-освободительного дви-

жения в Ирландии. На митинге с большой речью выступил Парнелл, заклеймивший деятельность Форстера в Ирландии. — *159.*

[185] В действительности С. Перовская поселилась с Гартманом под видом его жены в доме, из которого велся подкоп под полотно Московско-Курской железной дороги, с целью устройства взрыва царского поезда.

О казни Перовской см. примечание 168. — *159.*

[186] 18 марта 1876 г. эмигрировавший в США немецкий социалист Фердинанд Лингенау завещал около 7000 долларов — половину своего состояния — Социалистической рабочей партии Германии. Душеприказчиками он назначил А. Бебеля, И. Ф. Беккера, В. Бракке, А. Гейба, В. Либкнехта и К. Маркса. После смерти Лингенау, последовавшей в Сент-Луисе 4 августа 1877 г., его душеприказчики пытались добиться, чтобы завещанное им состояние было передано в распоряжение партии. Однако Бисмарку путем дипломатического нажима удалось в конечном счете воспрепятствовать передаче наследства Лингенау социал-демократической партии. — *162.*

[187] См. настоящее издание, т. 4, стр. 446. — *163.*

[188] Маркс цитирует свою работу «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 174). — *164.*

[189] *Наполеон Малый* — прозвище, данное Луи Бонапарту Виктором Гюго в речи, произнесенной на заседании французского Законодательного собрания в 1851 году; получило широкое распространение после выхода в свет в 1852 г. памфлета Гюго «Napoléon le Petit» («Наполеон Малый»). — *164.*

[190] *Противниками ренты* (anti-renters) назывались арендаторы земли в штате Нью-Йорк в 30-е и 40-е гг. XIX в., отказывавшиеся вносить ренту крупным землевладельцам и требовавшие продажи им ферм в полную собственность. Арендаторы оказывали вооруженное сопротивление сборщикам податей, пытавшимся собирать ренту силой. Наиболее крупные волнения арендаторов происходили с 1836 по 1845 год. Борьба арендаторов и землевладельцев окончилась компромиссом: с 1846 г. крупные землевладельцы начали постепенную продажу своих земель арендаторам. — *165.*

[191] Возможно, Маркс имел в виду статью Г. Джорджа «The Kearney agitation in California» («Агитация Керни в Калифорнии»), напечатанную в журнале «The Popular Science Monthly» («Популярный научный ежемесячник») в августе 1880 года. Сохранились выписки Маркса из этой статьи Джорджа. — *165.*

[192] Данное письмо было впервые опубликовано на русском языке с небольшим сокращением в журнале «Вопросы истории» № 12 в декабре 1962 года. — *165.*

[193] Имеется в виду Демократическая федерация — объединение различных радикальных обществ Великобритании полубуржуазного, полупролетарского характера, созданное 8 июня 1881 г. под руководством Г. М. Гайндмана. Программа федерации носила буржуазно-демократический характер и состояла из 9 пунктов: избирательное право для

совершеннолетних, трехгодичный парламент, равные избирательные округа, уничтожение палаты лордов, как законодательного органа, независимость Ирландии в области законодательства, национализации земли и т. д.

На учредительной конференции Демократическое федерации ее участникам была роздана брошюра Гайндмана «England for all» («Англия для всех»), в двух главах которой (гл. II — «Труд» и гл. III — «Капитал») Гайндман изложил в качестве программных положений Федерации целые разделы из I тома «Капитала», во многих случаях исказив их и не ссылаясь ни на автора, ни на саму книгу.

Демократическая федерация просуществовала три года, в 1884 г. она была преобразована в Социал-демократическую федерацию. — *166, 202, 263.*

[194] Энгельс сотрудничал в органе английских тред-юнионов «Labour Standard», издававшемся в Лондоне, в мае — августе 1881 года. Редактором газеты был Дж. Шиптон. Статьи печатались без подписи, появляясь регулярно почти каждую неделю в виде передовых (см. настоящее издание, т. 19, стр. 255—299). Всего Энгельсом было написано 11 статей. Последняя статья Энгельса «Общественные классы — необходимые и излишние» была напечатана в «Labour Standard» 6 августа 1881 г., после чего он прекратил свое сотрудничество в газете ввиду усилившегося влияния оппортунистических элементов в редакции газеты. — *168, 226.*

[195] Энгельс имеет в виду направление в экономической мысли, называемое *манчестерской школой* и отражавшее интересы промышленной буржуазии. Сторонники этого направления, фритредеры, отстаивали свободу торговли и невмешательство государства в экономическую жизнь. Центр агитации фритредеров находился в Манчестере, где во главе этого движения стояли два текстильных фабриканта — Кобден и Брайт. В 40—50-х годах фритредеры составляли особую политическую группировку, вошедшую затем в либеральную партию Англии. — *171, 267.*

[196] *Женевская конвенция* Красного Креста 1864 года — международное соглашение, принятое в Женеве на конференции 16 европейских государств. Женевская конвенция предусматривала заботу воюющих сторон о больных и раненых и давала право «нейтральности» обслуживающему раненых медицинскому персоналу. Русское правительство присоединилось к Женевской конвенции в 1867 году. — *172, 181.*

[197] Энгельс приводит выдержки из письма к нему Гирша от 11 августа 1881 года. — *174.*

[198] Энгельс имеет в виду две статьи Э. Бернштейна под одним названием: «Es fehlt uns an Intelligenzen» («Нам не хватает интеллигентов»), помещенные им под псевдонимом Leo в газете «Sozialdemokrat» №№ 31 и 33, 28 июля и 11 августа 1881 года. — *174, 179.*

[199] Энгельс имеет в виду «Sozialdemokrat» № 33 от 11 августа 1881 года. Корреспонденция о Брэдло, помещенная в разделе «Sozialpolitische Rundschau» («Социально-политическое обозрение»), начинается сло-

вами: «Der schworlustige Atheist Bradlaugh...» («Брэдло — атеист, готовый присягнуть...»). — *175.*

[200] Речь идет об отзыве редакции «Sozialdemokrat» о Ж. Валлесе как о «храбром и весьма ценном члене Коммуны» (см. «Sozialdemokrat» № 33, 11 августа 1881 г.). Редакция ссылалась на опубликованное Валлесом письмо, в котором он отказывался от кандидатуры во французскую палату депутатов (куда был выдвинут от двух парижских округов) на том основании, что предпочитает попасть в парламент не через двери, а на плечах восставшего народа. Письмо Валлеса было опубликовано в «Le Citoyen de Paris» («Гражданин Парижа») 5 августа 1881 года. — *175.*

[201] Открытое письмо Ж. Валлеса президенту французской республики Ж. Греви было опубликовано в начале февраля 1879 г. в газете «La Revolution Francaise» («Французская революция»). — *175.*

[202] *Новая мадридская федерация* была образована 8 июля 1872 г. членами редакции газеты «La Emancipacion» («Освобождение»), исключенными анархистским большинством из Мадридской федерации в связи с разоблачением газетой деятельности тайного Альянса в Испании. Активное участие в организации и деятельности Новой мадридской федерации принимал П. Лафарг. Новая мадридская федерация вела решительную борьбу с распространением анархистского влияния в Испании, пропагандировала идеи научного социализма, боролась за создание самостоятельной пролетарской партии в Испании. В ее органе, газете «Emancipacion», сотрудничал Энгельс. — *175.*

[203] Имеется в виду Международный конгресс анархистов, состоявшийся в Лондоне 14—19 июля 1881 года. Следуемые ниже сведения о конгрессе, сообщенные Энгельсом в данном письме Бернштейну, были приведены почти без изменений в газете «Sozialdemokrat» № 35, 25 августа 1881 г. в разделе «Sozialpolitische Rundschau» («Социально-политический обзор»). — *176.*

[204] Играя в конспирацию, делегаты анархистского конгресса выступали на заседаниях конгресса не под фамилиями, а под номерами (см. отчеты о конгрессе, опубликованные в газете «Freiheit» №№ 31, 32 и 33; 30 июля, 6 и 13 августа 1881 г.). — *176.*

[205] См. об этом в работах К. Маркса и Ф. Энгельса «Мнимые расколы в Интернационале» и «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (настоящее издание, т. 18, стр. 38—42, 382). — *177.*

[206] В июне 1881 г. в Лейпциге было введено «малое осадное положение» (см. примечание 166), в результате которого многие активные социалисты, в том числе Бебель и Либкнехт, были высланы из города. 2 июля 1881 г. Бебель и Либкнехт покинули Лейпциг; Бебель поселился в Дрездене, а Либкнехт — в Борсдорфе, под Лейпцигом. — *178, 308.*

[207] Энгельс имеет в виду, по-видимому, следующее место из выступления Либкнехта в рейхстаге 31 мая 1881 г. по поводу законопроекта

о страховании рабочих от несчастных случаев (см. также примечание 176): «Исторический процесс развития бесконечно сильнее, чем самый могущественный властелин. Князь Бисмарк сам пережил удивительные превращения, он честно признался.., что он некоторое время плелся в хвосте фритредерства, затем в хвосте протекционистского движения, а теперь в хвосте социализма». См. «Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstags». 4. Legislaturperiode. IV. Session 1881. Bd. II, Berlin, 1881, S. 1455 («Стенографический отчет о заседаниях рейхстага». 4-й созыв, IV сессия 1881 г. Т. II, Берлин, 1881, стр. 1455). — *179.*

[208] Имеется в виду речь Г. В. Гартмана, произнесенная им в рейхстаге 15 июня 1881 г. по поводу законопроекта о страховании рабочих от несчастных случаев, о которой «Freiheit» (№ 26 от 25 июня 1881 г.) писала: «Гартман ползал на брюхе перед Бисмарком и рейхстагом при обсуждении законопроекта». «Freiheit» приводит, ссылаясь на «Frankfurter Zeitung» («Франкфуртскую газету») выдержки из речи Гартмана, причем некоторые выдержки не совпадают с текстом речи, опубликованной в официальной стенограмме (см. «Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstags». 4. Legislaturperiode. IV. Session 1881. Bd. II, Berlin, 1881, S. 1757—1759). Судя по стенограмме, Гартман заявил, что «социал-демократы... с радостью приветствуют законопроект, внесенный рейхсканцлером» и что «основным принципом» социал-демократии является «гуманное стремление» и «моральное чувство помощи нуждающимся». — *180.*

[209] Имеются в виду выборы во французскую палату депутатов, состоявшиеся 21 августа 1881 г., на которых впервые баллотировались кандидаты от французской Рабочей партии. — *180.*

[210] *Тайный совет* — специальный орган при короле Англии в составе министров и других должностных лиц, а также высших представителей духовенства. Впервые образован в XIII веке. В течение длительного времени обладал правом законодательства от имени короля и помимо парламента. В XVIII и XIX вв. роль Тайного совета резко падает. Он сохраняет только право принимать и рассматривать апелляционные жалобы по колониальным, духовным и административным делам. В состав Тайного совета входит ряд комитетов, в частности комитеты по изысканиям в области науки, промышленности, медицины и сельского хозяйства. В управлении современной Англией Тайный совет практически вообще не участвует. — *182.*

[211] Седьмой Международный медицинский конгресс происходил в Лондоне с 3 по 9 августа 1881 года. На этом конгрессе был затронут вопрос о вивисекции — операциях на живом организме животного. В связи с кампанией против вивисекции под флагом защиты животных в буржуазной печати конгресс выступил в защиту вивисекции. Наиболее яркую речь произнес Джон Саймон, разоблачивший лицемерный характер кампании. Он показал, например, что, в то время как опыты профессора Тирша над мышами, предпринятые для того, чтобы найти средство против азиатской холеры, стоили жизни всего лишь нескольким мышам, во время эпидемии холеры в 1848—1849 гг. и 1853—1854 гг. акционерная компания, не желая расстаться со своими барышами, продолжали снабжать население южной части Лондона

зараженной водой, что унесло несколько тысяч человеческих жизней (см. журнал «Nature», т. XXIV, № 616, стр. 370—375). В соответствии с указаниями Энгельса «Sozialdemokrat» выступила в передовой статье (в № 39 от 22 сентября 1881 г.), озаглавленной «Die Vivisektion des Proletariats» («Вивисекция пролетариата»), в защиту вивисекции. — *182.*

[212] Речь идет о кандидатуре от французской Рабочей партии в законодательные органы Франции. В августе 1880 г. Малон, Гед и Брусс начали издавать в Лионе газету «Emancipation» и по предложению Брусса подписали обязательство об отказе участвовать в выборах. Однако в ноябре 1880 г. «Emancipation» прекратила свое существование и обязательство редакции потеряло силу. Тогда Гед выставил свою кандидатуру на выборах 21 августа 1881 г. во французскую палату депутатов от города Рубе, что послужило причиной ожесточенных нападок на него со стороны Малона и Брусса. — *183, 186, 328.*

[213] Данное письмо было написано Марксом в ответ на письмо Каутского от 28 сентября 1881 г., в котором он просил Маркса познакомить свою мать Минну Каутскую, приехавшую осенью 1881 г. в Париж, с дочерью Маркса Женни Лонге, жившей в Аржантёе, близ Парижа. — *183.*

[214] Отрывки из данного письма Энгельса были впервые опубликованы в журнале «Le Mouvement Socialiste» («Социалистическое движение»), Paris, t. IV, № 45, 1 ноября 1900 г. в статье Э. Бернштейна «Неопубликованные письма Фридриха Энгельса о социальной политике». — *185.*

[215] Имеется в виду не дошедшее до нас письмо Бернштейна Энгельсу о положении во французской Рабочей партии, написанное Бернштейном после встречи с лидером правого крыла партии Б. Малоном на Международном социалистическом конгрессе в Хуре (см. примечание 140). Во время бесед с Бернштейном Малон позволил себе нападки на вождей марксистской части партии, объединявшихся вокруг газеты «Egalite» — Геда и Лафарга, а также Маркса и Энгельса. — *185.*

[216] Речь идет о сообщении Иоганна Филиппа Беккера Энгельсу в открытке от 13 октября 1881 г. о конгрессе в Хуре (см. примечание 140), в работе которого Беккер принял участие как представитель немецких рабочих Швейцарии. — *192.*

[217] Энгельс имеет в виду выборы в германский рейхстаг 27 октября 1881 г., на которых социал-демократы получили 312000 голосов и 12 депутатских мест (Крекер, Кайзер, Дитц, Риттингхаузен, Штолле, Блос, Газенклевер, Либкнехт, Фроме, Грилленбергер, Фольмар, Гейзер). Бебель не был избран ни в одном из трех избирательных округов, где была выставлена его кандидатура (Дрезден, Лейпциг, Берлин IV), не прошел он и на перебаллотировке 15 декабря в майнцском округе. — *192, 194, 217, 266, 379.*

[218] Отрывки из данного письма Энгельса были впервые опубликованы в журнале «Sachsisches Volksblatt» («Саксонский народный листок») № 117, 3 октября 1895 года. — *193.*

[219] Имеются в виду события 10 апреля 1848 г. в Лондоне, когда чартистами была назначена массовая демонстрация, которая должна была направиться к зданию парламента с целью подачи третьей петиции о принятии Народной хартии. Правительство запретило демонстрацию, войска и полиция были стянуты в Лондон, чтобы воспрепятствовать ее проведению. Руководители чартистов, среди которых многие проявили колебания, решили отказаться от проведения демонстрации и уговорили демонстрантов разойтись. Неудача демонстрации была использована силами реакции для наступления на рабочих и репрессий против чартистов. — *193.*

[220] Имеется в виду государственный переворот Луи Бонапарта во Франции 2 декабря 1851 года. — *193.*

[221] Энгельс имеет в виду сообщение, помещенное в газете «Sozialdemokrat» № 47, 17 ноября 1881 г., под заглавием: «Warum sind wir in Glauchau (Sachsen) unterlegen?» («Почему мы потерпели поражение в Глогау (Саксония)?»). — *194.*

[222] Имеется в виду выступление 17 мая 1879 г. социал-демократического депутата Кайзера с согласия всей социал-демократической фракции рейхстага в защиту правительственного проекта покровительственных таможенных тарифов. Маркс и Энгельс резко осудили защиту Кайзером в рейхстаге этого предложения, внесенного в интересах крупных промышленников и аграриев, а также неправильную позицию по отношению к Кайзеру ряда руководителей германской социал-демократии (см. настоящее издание, т. 34, стр. 313—315). — *194.*

[223] Реймский съезд французской Рабочей партии происходил с 30 октября по 6 ноября 1881 года. На съезде присутствовало 44 делегата, которые в подавляющем большинстве были ставленниками оппортунистической группы Малона и Брусса. Съезд утвердил Национальный комитет Рабочей партии Франции, созданный по инициативе Малона и Брусса в середине октября 1881 г. (см. примечание 29).

На Реймском съезде Малон и Брусс добились противоречивого решения относительно «программы-минимум» (см. примечание 30). Она была признана съездом «не вполне» соответствующей «стремлениям трудящихся» и фактически отменялась тем, что каждому из социалистических комитетов избирательных округов предоставлялось право выработать свою собственную программу. Но, с другой стороны, съезд постановил оставить в силе эту программу, пока не будет принята новая. Это решение было направлено против марксистских групп, объединившихся вокруг газеты «Egalite», руководимой Жюлем Гедом. Ведя борьбу против марксистской программы, лидеры оппортунистического крыла рассчитывали заставить гедистов первыми открыто выступить против них, а затем обвинить гедистов в раскольничестве и как раскольников исключить из партии. — *195.*

[224] Выражение *«музыка будущего»* возникло в связи с опубликованием в 1850 г. книги Рихарда Вагнера «Художественное произведение будущего»; противники взглядов Вагнера в области музыкального творчества вкладывали в это выражение иронический смысл. — *195.*

[225] На Международном социалистическом конгрессе, происходившем в Хуро (см. примечание 140), вскрылись серьезные разногласия между различными польскими социалистическими группами. Каутский, сообщая об этом Энгельсу в письме от 8 ноября 1881 г., запросил его мнение относительно позиции, которую должна была занять газета «Sozialdemokrat» в этом вопросе. Ответ Энгельса изложен в письме к Каутскому от 7 февраля 1882 г. (см. настоящий том, стр. 219—224). — *196, 206, 224.*

[226] Статья Женни Маркс об английском актере Ирвинге, написанная ею в связи с кампанией против Ирвинга, начатой английской прессой, была помещена во «Frankfurter Zeitung» в 1875 году. — *198.*

[227] Сочинение X. Г. Ф. фон Вестфалена «Geschichte der Feldzuge des Herzogs Ferdinand von Braunschweig-Luneburg» («История походов герцога Фердинанда фон Брауншвейг-Люнебург») было издано в 1859 г. в двух, а в 1871—1872 гг. в шести томах. — *198.*

[228] Третье немецкое издание первого тома «Капитала» вышло в свет уже после смерти Маркса (в 1883 г.), отредактированное Энгельсом. Вторым томом «Капитала» Маркс называет здесь ту часть своего труда, которая впоследствии составила второй и третий тома «Капитала». — *199, 201, 202, 359, 389.*

[229] Отрывок из данного письма был впервые опубликован в журнале «Die Neue Zeit», Jg. 6, № 11, 1888. — *199.*

[230] Статья Джона Рея «The Socialism of Karl Marx and the Joung Hegelians» («Социализм Карла Маркса и младогегельянцы») была опубликована в томе XL журнала «Contemporary Review» в октябре 1881 года. — *202, 214.*

[231] После Реймского съезда французской Рабочей партии (см. примечание 223), не разрешившего вопроса о программе партии, Гед продолжал вести борьбу за окончательное утверждение программы на следующем съезде. Он принимает все меры к возобновлению выхода газеты «Egalite», первый номер которой вышел 11 декабря 1881 г. (3-я серия). В этом номере были помещены следующие статьи: программная статья Геда, статья Лафарга об успехах германской социал-демократии на последних выборах в рейхстаг, статья Геда о Реймском съезде, речь Энгельса на могиле Женни Маркс и т. д. — *206.*

[232] При обсуждении в рейхстаге в декабре 1881 г. вопроса о соблюдении закона против социалистов депутаты Блос и Газенклевер в своих выступлениях по существу отмежевались от центрального органа социал-демократической партии Германии газеты «Sozialdemokrat». В передовой статье в № 51 от 15 декабря 1881 г. редакция «Sozialdemokrat» выступила с резким протестом. Прямо указывая на Блоса и Газенклевера, газета писала, что социал-демократические депутаты в рейхстаге «должны не плакать, не жаловаться, а клеймить и обличать... не вступать в переговоры, а протестовать». Этот протест газеты был поддержан большинством партии вне рейхстага и социал-демократической фракцией в рейхстаге. На специальном заседании (где

присутствовал также и Бебель, хотя он не был депутатом этого состава рейхстага) члены фракции единогласно приняли декларацию, в которой полностью одобряли общее направление газеты «Sozialdemokrat» как партийного органа. — *210, 228.*

[233] *О Реймском съезде* см. примечание 223. — *210.*

[234] Во второй половине ноября 1842 г. Энгельс впервые приехал в Англию для изучения коммерческого дела на бумагопрядильной фабрике в Манчестере, принадлежавшей фирме «Эрмен и Энгельс». В этот первый приезд в Англию Энгельс жил там до 26 августа 1844 года. — *211.*

[235] Речь идет о статье Э. Б. Бакса «Leaders of Modern Thought. XXIII. — Karl Marx» («Вожди современной мысли. XXIII. — Карл Маркс»), которая была опубликована в III томе № 12 журнала «Modern Thought» («Современная мысль») от 1 декабря 1881 года. — *213.*

[236] Маркс намекает на выступление бывшего английского члена Генерального Совета реформиста Джорджа Хауэлла с клеветнической статьей «История Международного Товарищества». Статья была опубликована в июле 1878 г. в журнале «The Nineteenth Century» («Девятнадцатый век») и содержала лживые утверждения относительно истории I Интернационала и роли в нем Маркса. В августе того же года Маркс выступил на страницах журнала «The Secular Chronicle, And Record of Freethought Progress» («Светская хроника и летопись прогресса свободной мысли») № 3 со статьей «История Международного Товарищества Рабочих, сочиненная господином Джорджем Хауэллом» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 151—156).

В 1881 г. Хауэлл баллотировался в качестве кандидата по выборам в палату общин от города Стаффорда, но был провален. — *214.*

[237] Намек на закон против социалистов (см. примечание 106). — *216.*

[238] «Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstages. V. Legislaturperiode. I. Session 1881/82. [Bd. I]. Von der Eroffnungssitzung am 17. November 1881 bis zur Schlussitzung am 30. Januar 1882». Berlin, 1882 («Стенографический отчет о заседаниях рейхстага. V-й созыв. I сессия 1881/82 г. [Т. I]. С открытия сессии 17 ноября 1881 г. до заключительного заседания 30 января 1882 г.». Берлин, 1882). — *217, 228.*

[239] Энгельс намекает, очевидно, на брошюру А. Гепнера «Meine $3^1/_2$-jahrige Leipziger Polizeicampagne». Braunschweig, 1874 («Моя $3^1/_2$-годичная кампания против лейпцигской полиции». Брауншвейг, 1874). — *217.*

[240] Здесь под *Кодексом Наполеона* Энгельс имеет в виду в широком смысле всю систему буржуазного права, представленную пятью кодексами (гражданским, гражданским процессуальным, торговым, уголовным и уголовно-процессуальным), принятыми при Наполеоне в 1804— 1810 годах. Эти кодексы были введены в завоеванных наполеоновской Францией областях Западной и Юго-Западной Германии, продолжая действовать в Рейнской провинции и после присоединения ее к Пруссии в 1815 году. — *217.*

[241] Намек на полемику между К. Бюркли и К. Шраммом (см. примечание 25), а также книгу А. Цешковского «Du credit et de la circulation». Paris, 1839 («О кредите и обращении». Париж, 1839). — *218.*

[242] Эти взгляды были изложены в работах Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 429— 430), «Третий международный обзор с мая по октябрь» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 449—467) и Маркса «Классовая борьба во Франции» (см. там же, стр. 97—100). — *218.*

[243] *Федеративный союз* (полное название: Union federative du Centre — Федеративный союз Центра) — одно из 6 федеративных объединений, на которые делилась французская Рабочая партия. Федеративный союз Центра сформировался к апрелю 1880 г. и являлся объединением партийных организаций Парижа; в нем насчитывалось 80 синдикатов и групп. Руководство Союза находилось в руках лидеров правооппортунистического крыла партии — поссибилистов: Брусса, Малона, Жофрена и др. (входивших в редакцию газеты «Proletaire»). На собраниях Федеративного союза Центра 17 и 24 января 1882 г. редакция газеты «Egalite» и все солидарные с гедистами партийные группы были исключены из Федеративного союза Центра. Формально за это предложение голосовали только 28 групп, то есть немногим более $^1/_3$ всех групп, входивших в состав Федеративного союза (на упомянутых собраниях из 80 групп Союза присутствовало только 48). После исключения из Федеративного союза Центра гедисты основали свою революционную федерацию, назвав ее Федерацией Центра (Federation du Centre). — *219, 323, 338.*

[244] Речь идет об австро-прусской войне 1866 г., в результате которой в 1867 г. был создан Северогерманский союз — союзное германское государство, образованное под главенством Пруссии вместо распавшегося Германского союза. В Северогерманский союз вошло 19 германских государств и 3 вольных города, которые формально были признаны автономными. Конституция Северогерманского союза обеспечивала господствующее положение в нем Пруссии; прусский король был объявлен президентом Союза и главнокомандующим союзными вооруженными силами, ему передавалось руководство внешней политикой. В 1870 г. к Союзу были присоединены остававшиеся ранее вне его южногерманские государства — Бавария, Баден, Вюртемберг и Гессен-Дармштадт. Создание Северогерманского союза явилось шагом вперед по пути к национальному единству Германии; в январе 1871 г. Союз прекратил свое существование в связи с образованием Германской империи.

Малая Германия — план объединения Германии под главенством Пруссии без Австрии. — *220.*

[245] Под лассальянской партией Энгельс имеет в виду *Всеобщий германский рабочий союз* — первую общенациональную организацию немецких рабочих, основанную 23 мая 1863 г. на съезде рабочих обществ в Лейпциге. С момента своего основания Союз находился под сильным влиянием Лассаля, принявшего непосредственное участие в его создании и ставшего первым президентом Союза. Союз ограничивал свои цели борьбой за всеобщее избирательное право и мирную парламентскую деятельность. Отвергая повседневную экономическую борьбу рабочего класса, лассальянский Союз выступал за создание производительных

ассоциаций, субсидируемых государством, в которых видел основное средство разрешения социальных противоречии. Занимая националистическую позицию во внешнеполитических вопросах, Союз тем самым поддерживал реакционную политику прусского правительства и объединение Германии сверху, путем династических войн. С образованием Международного Товарищества Рабочих Всеобщий германский рабочий союз под влиянием лассальянцев стал тормозом для создания подлинно рабочей партии в Германии. Последовательная борьба Маркса и Энгельса против оппортунистической деятельности лассальянского руководства Союза обусловила к началу 70-х годов отход от Союза передовых немецких рабочих.

На общенемецком съезде социал-демократов Германии, Австрии и Швейцарии, состоявшемся в Эйзенахе 7—9 августа 1869 г., была основана самостоятельная революционная партия немецкого пролетариата под названием Социал-демократическая рабочая партия (известная в дальнейшем как партия эйзенахцев или *эйзенахская партия).* Хотя на программе партии сказалось влияние лассальянства, в основном она была построена на марксистских принципах. На эйзенахском съезде был заложен «прочный фундамент действительно социал-демократической рабочей партии» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 366). — *220, 312.*

[246] *Союзный сейм* — центральный орган Германского союза, созданного в 1815 г. Венским конгрессом. Союзный сейм, состоявший из представителей германских государств, заседал во Франкфурте-на-Майне под председательством представителя Австрии. Не выполняя функции центрального правительства, этот орган играл контрреволюционную роль и вмешивался во внутренние дела германских государств лишь с целью подавления возникавшего в них революционного движения. Союзный сейм прекратил свое существование вместе с Германским союзом во время австро-прусской войны 1866 года. — *220.*

[247] В 1873—1874 гг. правительство Бисмарка усиленно пыталось спровоцировать войну с Францией. Русское правительство в этом конфликте решительно встало на сторону Франции. Благодаря нажиму, оказанному на правительство Германии Россией, Австрией и Англией, эта попытка Бисмарка не удалась. — *221.*

[248] В январе 1882 г. в Боснии и Герцеговине, оккупированных в 1878 г. Австрией по решению Берлинского конгресса (см. примечание 72), вспыхнуло восстание, поводом к которому послужило принятие австровенгерским правительством в 1881 г. закона о введении на территории оккупированных областей воинской повинности. Наибольшего размаха движение достигло в первой половине февраля 1882 года. — *221.*

[249] Имеется в виду начавшееся в январе 1863 г. национально-освободительное восстание 1863—1864 гг. в польских землях, принадлежавших царской России. Восстание было подавлено царским правительством. Польское восстание 1863—1864 гг. явилось важным этапом в национально-освободительной борьбе польского народа и имело крупное международное значение. Оно встретило горячее сочувствие и поддержку русской и европейской революционной демократии. Солидарность европейских рабочих с польским национально-освободительным

движением сыграла важную роль в создании предпосылок для основания Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала).

Упоминаемая здесь Энгельсом анонимная книга «Berlin und St. Petersburg. Preussische Beitrage zur Geschichte der Russisch-Deutschen Beziehungen». Leipzig, 1880 («Берлин и Санкт-Петербург. Прусские очерки по истории русско-германских отношений». Лейпциг, 1880) принадлежала перу немецкого буржуазного публициста Эккардта. Приложение 2-е, на которое ссылается здесь Энгельс, посвящено польскому восстанию 1863—1864 годов. — *222.*

250 Среди многих польских революционных эмигрантов, отважно боровшихся в дни Парижской Коммуны в одних рядах с парижским пролетариатом, наибольшей известностью пользовались Врублевский и Домбровский — как талантливые, смелые и преданные полководцы. Врублевский, назначенный генералом, командовал одной из трех армий Коммуны. Генерал Домбровский, сперва руководивший обороной одного из ответственнейших участков фронта, затем командовал 1-й армией Коммуны и в начале мая 1871 г. был назначен главнокомандующим всеми ее вооруженными силами. — *222.*

251 В феврале 1846 г. готовилось восстание в польских землях с целью национального освобождения Польши. Главными инициаторами восстания были польские революционные демократы (Э. Дембовский и др.). Однако в результате предательства со стороны шляхетских элементов и ареста руководителей восстания прусской полицией общее выступление было сорвано, и произошли лишь отдельные революционные выступления. Только в Кракове, подчиненном с 1815 г. совместному контролю Австрии, России и Пруссии, повстанцам удалось 22 февраля одержать победу и создать Национальное правительство, выпустившее манифест об отмене феодальных повинностей.

В программе, сформулированной в дни краковского восстания Дембовским, выражавшим интересы крестьянства и городских низов, нашли свое отражение и революционно-демократические и утопическо-социалистические требования (наделение землей безземельных, проекты коренного улучшения положения рабочего класса путем учреждения национальных, или «социальных», мастерских). Восстание в Кракове было подавлено в начале марта 1846 года. В ноябре 1846 г. Австрия, Пруссия и Россия подписали договор о присоединении Кракова к Австрийской империи. — *222.*

252 Говоря о наступлении в Германии в будущем конституционной «новой эры», Энгельс иронически намекает на «либеральный курс», провозглашенный прусским принцем Вильгельмом (с 1861 г. — король Пруссии) при его вступлении в регентство в октябре 1858 года. В 1858 г. принц-регент дал отставку министерству Мантёйфеля и призвал к власти умеренных либералов. В буржуазной печати этот курс получил громкое название «новой эры». На деле политика Вильгельма была направлена исключительно на укрепление позиций прусской монархии и юнкерства; обманутые в своих надеждах буржуа отказались утвердить представленный правительством проект военной реформы. «Новая эра» фактически подготовила открытую военную диктатуру юнкерства, начавшуюся с приходом к власти Бисмарка в сентябре 1862 г., что положило конец «новой эре». — *223, 234, 304, 347.*

[253] В письме Энгельсу от 1 февраля 1882 г. Иоганн Филипп Беккер предлагал основать новую международную организацию рабочих по типу Первого Интернационала. — *225.*

[254] Речь идет о законе, принятом французским Национальным собранием 14 марта 1872 года; согласно этому закону, предложенному министром юстиции Дюфором и разработанному специальной комиссией французского Национального собрания, принадлежность к Интернационалу каралась тюремным заключением. — *225.*

[255] Отрывки из данного письма Энгельса были впервые опубликованы в журнале «Mouvement Socialists», Paris, t. IV, № 45, 1 ноября 1900 г. в статье Э. Бернштейна «Неопубликованные письма Фридриха Энгельса о социальной политике». — *228.*

[256] Энгельс намекает на постановление социал-демократической фракции рейхстага (о котором редакция «Sozialdemokrat» сообщила 1 января 1882 г.), принятое в связи с выступлением социал-демократических депутатов Блоса и Газенклевера (см. примечание 232). — *228.*

[257] Имеется в виду обстановка, сложившаяся после убийства народовольцами 1 марта 1881 г. императора Александра II, когда Александр III отсиживался в Гатчине из страха перед возможными новыми террористическими актами тайного Исполнительного комитета «Народной воли». — *234.*

[258] Во время своего визита во Францию зимой 1882 г. генерал Скобелев имел 17 февраля в Париже встречу со студентами-сербами, на которой выступил с речью о необходимости освобождения славянских народов Европы. В этой речи, так же как и в своих последующих выступлениях, вызвавших большой шум и тревогу в Европе, Скобелев весьма резко высказался против Германии, предрекая неизбежность войны с ней и призывая к сближению России и Франции. — *234.*

[259] См. настоящее издание, т. 23, глава третья «Деньги, или обращение товаров». — *235.*

[260] Имеется в виду, очевидно, обмен мнениями между Энгельсом и Бернштейном по поводу работы Энгельса «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 306—314). — *238.*

[261] См. настоящее издание, т. 23, стр. 104—156. — *239.*

[262] В письме от 24 февраля 1882 г. Женни Лонге сообщала Марксу, что Элеонора Маркс отвергла предложение, сделанное ей Проспером Лиссагаре. — *243.*

[263] Речь идет о статье К. Гирша «Le Socialisme en Allemagne» («Социализм в Германии»), опубликованной в т. 15 журнала «La Nouvelle Revue» («Новое обозрение») за март — апрель 1882 г. за подписью Un socialiste allemand. — *248, 249.*

[264] Энгельс имеет в виду брошюру: «The Nationalization of the Land in 1775 and 1882. Being a Lecture delivered at Newcastle-on-Tyne, by Thomas Spence, 1775. Reprinted and edited, with notes and introduc-

tion, by H. M. Hyndman, 1882». London, Manchester, 1882 («Национализация земли в 1775 и 1882 годах. Лекция, прочитанная в Ньюкасле-на-Тайне Томасом Спенсом в 1775 году. Перепечатано и издано с примечаниями и введением Г. М. Гайндмана в 1882 году». Лондон, Манчестер, 1882). — *248.*

[265] Речь идет о *«железном законе заработной платы»,* сформулированном Лассалем в его брошюре: «Offnes Antwortschreiben an das Central-Comite zur Berufung eines Allgemeinen Deutschen Arbeitercongresses zu Leipzig». Zurich, 1863, S. 15—16 («Гласный ответ Центральному комитету по созыву Всеобщего германского рабочего конгресса в Лейпциге». Цюрих, 1863, стр. 15—16).

Критику лассалевского закона Марксом и Энгельсом см. в настоящем издании, т. 19, стр. 3—4.

Упоминая здесь о высказываниях буржуазных экономистов Рикардо и Тюрго по поводу закона о минимуме заработной платы, Маркс имеет в виду работы: Ricardo, D. «On the principles of political economy, and taxation». Third edition. London, 1821, p. 73—499 (Рикардо, Д. «О началах политической экономии и налогового обложения». Издание третье. Лондон, 1821, стр. 73—499; первое издание книги вышло в Лондоне в 1817 г.) и Turgot. «Réflexions sur la formation et la distribution des richesses (1766)». In: Oeuvres de Turgot. Nouvelle édition par E. Daire. Tome premier. Paris, 1844, p. 10 (Тюрго. «Размышления о создании и распределении богатств (1766)». В книге: Сочинения Тюрго. Новое издание Э. Дэра. Том первый. Париж, 1844, стр. 10). Критику взглядов Рикардо и Тюрго по этому вопросу см., в частности, в работе Маркса «Теории прибавочной стоимости» (IV том «Капитала») (в настоящем издании, т. 26, ч. I, стр. 25—31 и ч. II, стр. 441—461). — *249, 299.*

[266] В имеющейся в Институте марксизма-ленинизма рукописи последний абзац данного письма отсутствует; текст его перевода публикуется по журналу «Начало» № 5 за 1899 год. — *252.*

[267] Речь идет о корректурном оттиске предисловия Маркса и Энгельса ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», инициатива подготовки которого принадлежала Г. В. Плеханову. Непосредственно с просьбой о написании предисловия к Марксу и Энгельсу обратился П. Лавров, находившийся в близких отношениях с ними. Предисловие было написано Марксом и Энгельсом 21 января 1882 г. и 23 января они направили текст его Лаврову. Впервые предисловие было опубликовано на русском языке в журнале «Народная Воля» 5 февраля 1882 года. Отдельным изданием «Манифест Коммунистической партии» (в переводе Плеханова) с предисловием Маркса и Энгельса вышел в свет в 1882 г. в Женеве в издании «Русской социально-революционной библиотеки».

Энгельсу не удалось получить от Лаврова немецкий оригинал предисловия, так как он остался в бумагах Лаврова в Париже (в это время по настоянию царского правительства Лавров был выслан из Парижа и переехал в Лондон). Лавров прислал Энгельсу копию оригинала только около 17 апреля, но уже 13 апреля 1882 г. в № 16 «Sozialdemokrat» предисловие появилось в переводе с русского текста, опубликованного в журнале «Народная Воля»; перевод этот, принадлежавший неизвестному русскому, не удовлетворил Энгельса (см. настоящий том, стр. 260—261).

Впоследствии рукопись немецкого оригинала предисловия была найдена; факсимиле ее опубликовано в русском издании «Манифеста Коммунистической партии» 1948 года. — *252, 260.*

268 В Лондоне по адресу 6, Rose street, Soho square, W. находился Социал-демократический рабочий клуб, который в 80-х годах состоял из немецкой и английской секций; немецкая секция являлась первым филиалом лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих и была тесно связана с «Freiheit» — газетой немецкого эмигранта-анархиста Моста. — *253.*

269 Энгельс имеет в виду неоднократные выпады Моста и его сторонников на страницах «Freiheit» против политики и тактики социал-демократической партии Германии и позиции депутатов социал-демократической фракции в германском рейхстаге. В частности, накануне выборов в рейхстаг в 1881 г. Мост призывал своих сторонников в Германии всеми силами содействовать тому, чтобы Бебель и Либкнехт не были избраны в рейхстаг (критику позиции Моста и «Freiheit» см. в настоящем издании, т. 34, стр. 299, 325, 349). — *253.*

270 Имеется в виду лондонское Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих (см. примечание 152), которое в 80-х годах помещалось на 49, Tottenham street, в Уэст-Энде (Западной части) Лондона. — *253, 302.*

271 Лаура Лафарг приезжала в Истборн во время пребывания там Маркса вместе с его женой Женни Маркс (конец июня — примерно до 20 июля 1881 года). — *254.*

272 Имеется в виду французское страховое общество «Национальный союз», в котором в это время работал Поль Лафарг. — *256.*

273 Речь идет о статье П. Лафарга «Движение поземельной собственности во Франции». Статья была напечатана в русском переводе в журнале «Устои» №№ 3-4 и № 6 за 1882 год.

В письме Марксу от 20 марта 1882 г. Лаура сообщала, что вторая статья Лафарга еще не была к этому времени получена в Петербурге и редактор журнала ждал ее, чтобы опубликовать первую. — *256.*

274 Речь идет о неудачном походе императора Карла V в 1541 г. в Алжир (который был в это время частью Османской империи) под предлогом борьбы с обосновавшимися там пиратами. Потерпев жестокое поражение от турецких войск под городом Алжиром, испанские войска были вытеснены также и изо всех других укрепленных пунктов страны. — *257.*

275 В начале апреля 1882 г. социал-демократический депутат Гейзер получил анонимное провокационное письмо из Нью-Йорка о том, что в Германии будто бы подготовляется восстание. Гейзер сообщил о содержании письма полиции и опубликовал заявление, в котором утверждал, что германская социал-демократия вовсе не ставила своей целью революцию. В передовой статье в № 16 от 13 апреля 1882 г. под заглавием «Bekennt Farbe!» («Раскройте свои карты!») газета «Sozialdemokrat» подвергла выступление Гейзера резкой критике, напоминая, что, напротив, партия ставила своей задачей ускорить революционный переворот в Германии. — *261.*

[276] Имеется в виду корреспонденция в № 109 газеты «Kolnische Zeitung» от 20 апреля 1882 г., озаглавленная «Konstantinopel»; в корреспонденции разоблачались спекулятивные махинации известного австрийского железнодорожного спекулянта барона Морица Гирша, которому Турция предоставила железнодорожную концессию. — *261.*

[277] Письмом Дарвина Марксу, о котором упоминает здесь Энгельс, Институт марксизма-ленинизма не располагает; о нем писал Лонге в газете «La Justice» («Справедливость») в некрологе по поводу смерти Дарвина; некролог был перепечатан в № 18 «Sozialdemokrat» от 27 апреля 1882 г. в заметке «Дарвин». — *263.*

[278] В результате роста недовольства в массах ирландского народа английское правительство Гладстона было вынуждено пойти на некоторые уступки, отменив введенные в стране в 1881 г. чрезвычайные меры (см. примечание 160). 2 мая 1882 г. были освобождены из тюрьмы ирландские члены парламента, сторонники гомруля (самоуправления) — Парнелл, Девитт, Диллон и О'Келли; в то же время были сменены со своих постов подавшие в отставку «сторонники чрезвычайных мер» — вице-король Ирландии Купер Ф. Т. (племянник приемного сына Пальмерстона — Купера-Темпла У. Ф.) и министр по делам Ирландии Форстер, на место которого был назначен лорд Кавендиш. — *264.*

[279] Энгельс намекает на вызванные тяжелым положением ирландских арендаторов многочисленные террористические акты, которыми был отмечен 1882 г. в Ирландии; в течение этого года в стране удвоилось число убийств лендлордов, их агентов, английских государственных чиновников и других лиц. — *264.*

[280] Небольшой отрывок из данного письма Энгельса был впервые опубликован в книге: «Friedrich Engels. Politisches Vermachtnis. Aus unveroffentlichten Briefen». Berlin, 1920 («Фридрих Энгельс. Политическое завещание. Из неопубликованных писем». Берлин, 1920). — *265.*

[281] Речь идет о выступлении «Sozialdemokrat» против оппортунистической позиции социал-демократических депутатов Газенклевера и Блоса (см. примечание 232). В связи с этим выступлением социал-демократ Брёйель поместил в «Sozialdemokrat» два открытых письма (в № 4 от 19 января и № 9 от 23 февраля), в которых обвинял газету в необъективности, сползании к анархизму и т. п. и заявлял, что он разделяет взгляды Блоса и Газенклевера. Отповедь Брёйелю была дана в №№ 4, 5 и 9 «Sozialdemokrat» от 19, 26 января и 23 февраля за 1882 год. — *266.*

[282] Здесь и далее Маркс иронически намекает на комическую оперу Оффенбаха «Великое герцогство Герольштейнское»; во второй половине XIX в. главную роль в этой опере исполняла знаменитая французская актриса и певица Гортензия Шнейдер. — *271.*

[283] Энгельс иронически сравнивает оппортунистически настроенных социал-демократических депутатов рейхстага с буржуазными конституционалистами в период революции 1848—1849 гг. в Германии, которым демократы-республиканцы дали тогда прозвище «нытики» (Heuler). — *276.*

[284] Речь идет о статье социал-демократов реформистов К. Хёхберга, Э. Бернштейна и К. Шрамма, опубликованной под заглавием «Ruckblicke

auf die sozialistische Bewegung in Deutschland» («Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии») в вышедшем в Цюрихе в августе 1879 г. первом томе журнала «Jahrbuch fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». Статья явилась программным выступлением оппортунистического направления в германской социал-демократической партии после введения в Германии в октябре 1878 г. закона против социалистов. Подробный разбор и уничтожающая критика этой реформистской статьи даны Марксом и Энгельсом в «Циркулярном письме А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др.» (раздел III. «Манифест цюрихской тройки»: см. настоящее издание, т. 19, стр. 168—175 и т. 34, стр. 316—323). — *276, 278, 285, 373.*

285 *«Серная банда»* — название студенческого объединения в Йенском университете в 70-х годах XVIII в., пользовавшегося дурной славой из-за дебошей, учинявшихся его членами. Впоследствии выражение «серная банда» стало нарицательным. В 1849—1850 гг. в Женеве под шуточным названием «серная банда» был известен кружок немецких мелкобуржуазных эмигрантов. В 1859 г. мелкобуржуазный демократ, бонапартистский агент Карл Фогт в своих клеветнических выступлениях связывал деятельность этой «серной банды» с Марксом и его сторонниками. Маркс опроверг эту клевету в своем знаменитом памфлете «Господин Фогт» (см. настоящее издание, т. 14, стр. 402—411). — *277.*

286 Рассказанный Энгельсом эпизод имел место во время баденско-пфальцского восстания в Юго-Западной Германии в мае — июле 1849 г., в котором он принимал участие; см. об этом его работу «Германская кампания за имперскую конституцию» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 111—207). — *278.*

287 Впервые под своим именем Энгельс опубликовал в № 50 «Sozialdemokrat» от 8 декабря 1881 г. статью-некролог «Женни Маркс, урожденная фон Вестфален» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 300—301). Но своим первым официальным выступлением в газете (в № 19 от 4 мая 1882 г.) в качестве ее сотрудника Энгельс считал свою статью «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 306—314). — *279.*

288 Речь идет о съезде Федеративного союза Центра (см. примечание 243), состоявшемся 14—21 мая 1882 г. в Париже; явившиеся на съезд представители группы «Egalite» были исключены из партии. В № 23 от 1 июня 1882 г. в заметке «Frankreich» («Франция») газета «Sozialdemokrat» выступила с осуждением решений этого съезда; упомянутое в данном письме место из этой заметки было переведено в № 27 3-й серии «Egalite» от 11 июня 1882 года. Номером «Proletaire» с ответом на эту заметку Институт марксизма-ленинизма не располагает. — *279.*

289 Данное письмо Энгельса Бернштейну было написано около 11 июля 1882 г. в связи с передовой статьей в № 21 «Sozialdemokrat» от 18 мая 1882 года; статья была написана Бернштейном под псевдонимом Leo и опубликована под названием «Die Situation in Irland» («Положение в Ирландии»). Оригинал письма Энгельса Бернштейн передал Либкнехту, который опубликовал значительную часть его с редакционными вставками в № 29 «Sozialdemokrat» от 13 июля 1882 г. в статье

«Zur irischen Frage» («К ирландскому вопросу»). При этом Либкнехт сопроводил письмо полемическим заключением и следующим вступлением от редакции: «Один друг Ирландии, знакомый как немногие со страной и народом, пишет нам из Лондона нижеследующее о своих разногласиях по отдельным пунктам изложенной в № 21 «Sozialdemokrat» точки зрения». Оригинал этой опубликованной части письма был утерян; сохранилась лишь часть его со слов: «как простая глупость, но как чисто бакунистская рекламная бесцельная «пропаганда действием»» и до конца письма. Свой протест по поводу опубликования письма без его разрешения Энгельс выразил в письме Бернштейну от 9 августа 1882 года. Впервые письмо было полностью опубликовано на русском языке в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, 1924 г. — *280, 290.*

290 *Ribbonmen* (от слова ribbon — лента) — участники возникшего в конце XVIII в. в Северной Ирландии движения ирландских крестьян, объединенных в тайные организации (члены этих организации носили в качестве эмблемы полоску зеленой материи). Риббонисты нападали на помещичьи усадьбы, организовывали покушения на наиболее ненавистных лендлордов и управляющих.

White boys (Белые ребята) — такое название получили участники крестьянского движения в Ирландии, которое в 60-х годах XVIII в. вылилось в широкое восстание против гнета английских лендлордов (чтобы сделать себя неузнаваемыми, члены организации, выступавшие обычно ночью, окрашивали лица в черный цвет и надевали белые блузы). В XIX в. общества Белых ребят во многих случаях слились с организациями риббонистов, часть же обществ продолжала действовать под прежним названием до конца XIX века.

Captain Rock (Капитан скала) — общее название членов различных тайных крестьянских обществ, возникших и действовавших в Ирландии со второй половины XVIII и в течение первой половины XIX века против английских угнетателей.

Captain Moonlight (Капитан лунный свет) — псевдоним, которым обычно подписывались предостережения лендлордам и др., исходившие от тайного общества риббонистов. — *280.*

291 *Эмансипация католиков* — отмена английским парламентом в 1829 г. ограничений политических прав католиков. Католики, большинство которых составляли ирландцы, получили право быть избранными в парламент и занимать некоторые правительственные должности; одновременно имущественный избирательный ценз был увеличен в пять раз. С помощью этого маневра правящие классы Англии рассчитывали привлечь на свою сторону верхушку ирландской буржуазии и католических землевладельцев, расколов таким образом ирландское национальное движение. — *281.*

292 О *фенианизме* см. примечание 47. — *281.*

293 *Алабамское дело* — конфликт между США и Англией, возникший в связи с военной помощью последней южным штатам во время американской Гражданской войны 1861—1865 годов. Английское правительство, выступая в интересах своих текстильных фабрикантов и стремясь помешать развитию индустрии в США, строило и снаряжало для южных штатов военные корабли, которые наносили своими действиями значительный ущерб торговле северных штатов. В числе этих

кораблей было каперское судно «Алабама», потопившее около 70 судов северян. После окончания войны правительство США потребовало от английского правительства полного возмещения убытков, причиненных «Алабамой» и другими каперскими судами имуществу американских граждан. Собравшаяся по этому вопросу в Вашингтоне комиссия 8 мая 1871 г. вынесла решение о передаче Алабамского дела на рассмотрение третейского суда в Женеве. По приговору этого суда от 14 сентября 1872 г. Англия была обязана уплатить США сумму в размере 15,5 млн. долларов. Стремясь обеспечить невмешательство США в ирландские дела и добиться отказа их от поддержки ирландских революционеров, Англия пошла на уступку и подчинилась решению суда. — *281.*

[294] Намек на издававшуюся в Лондоне немецким анархистом, эмигрантом Иоганном Мостом еженедельную газету «Freiheit», редактором которой был Карл Шнейдт. Для газеты были характерны ультрареволюционная фраза и грубые нападки на политику и тактику Социалистической рабочей партии Германии и ее деятелей. — *283.*

[295] Имеются в виду события, связанные со съездом Федеративного союза Центра 14—21 мая 1882 г. (см. примечание 288).

О *Национальном комитете* см. примечание 29. — *284.*

[296] Энгельс имеет в виду свою статью «Бруно Бауэр и первоначальное христианство»; точная дата опубликования статьи — 4 и 11 мая 1882 г. в №№ 19 и 20 «Sozialdemokrat» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 306—314). — *285.*

[297] Речь идет о брошюре И. Моста: «Kapital und Arbeit. Ein popularer Auszug aus «Das Kapital» von Karl Marx». 2. Aufl., Chemnitz, [1876] («Капитал и труд. Популярное изложение «Капитала» Карла Маркса». 2-е издание, Хемниц, [1876]); первое издание брошюры вышло в Хемнице в 1873 году. Для второго издания брошюры Маркс при участии Энгельса внес отдельные изменения и дополнения по просьбе В. Либкнехта. Об отношении Маркса к этому изданию см. письмо Энгельса Ван-Паттену от 18 апреля 1883 г. (настоящее издание, т. 36, стр. 9—10). — *287.*

[298] Речь идет о втором русском издании работы Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии», вышедшем в переводе Г. В. Плеханова в 1882 г. в Женеве. — *288.*

[299] Большой отрывок из данного письма Энгельса был впервые опубликован в журнале «Mouvement Socialiste», Paris, t. IV, № 45, 1 ноября 1900 г., в статье Э. Бернштейна «Неопубликованные письма Фридриха Энгельса о социальной политике». — *289.*

[300] Речь идет о французском издании работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке».

По просьбе П. Лафарга Энгельс в 1880 г. переработал три главы «Анти-Дюринга» (I главу «Введения» и I и II главы третьего отдела) в самостоятельную популярную работу, напечатанную в переводе Лафарга первоначально во французском социалистическом журнале «Revue socialiste» под названием «Утопический социализм и научный социализм»; в том же году работа эта была издана на французском

языке в виде отдельной брошюры. Об упоминаемом здесь Энгельсом первом немецком издании этой работы, вышедшем в 1883 г., см. примечание 343.— *289, 308, 321, 332.*

301 О египетском вопросе см. примечание 57.

Здесь Энгельс имеет в виду выступление редакции «Sozialdemokrat» (в № 32 от 3 августа 1882 г.) со статьей «Die Sozialdemokratie und die egyptische Frage» («Социал-демократия и египетский вопрос»). В статье одобрялась резолюция, принятая на организованном гедистами в Париже собрании, с протестом против бомбардировки англичанами Александрии. Резолюция приветствовала Араби-пашу и «Национальную партию». — *290.*

302 *Хедив* — титул наследственных правителей Египта в 1866—1914 годах. — *291.*

303 *Феллах* — в Египте оседлый земледелец-крестьянин. Феллахи составляли низший эксплуатируемый класс сельского населения Египта. — *291.*

304 Обещанным Энгельсом материалом для фельетона явилась переведенная им в начале сентября 1882 г. с английского на немецкий язык старинная английская народная песенка «Брейский викарий»; перевод этой песенки, снабженной Энгельсом пояснением о политическом значении ее для Германии, был опубликован за подписью Энгельса в № 37 «Sozialdemokrat» от 7 сентября 1882 г. (см. настоящее издание, т. 19, стр. 318—320). — *291.*

305 Отрывок из данного письма Энгельса был впервые опубликован в книге: «Briefe und Auszuge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere». Stuttgart, 1906 («Письма и отрывки из писем Иог. Фил. Беккера, Иос. Дицгена, Фридриха Энгельса, Карла Маркса и др. к Ф. А. Зорге и другим». Штутгарт, 1906). — *292.*

306 Энгельс прекратил работу в манчестерской торговой фирме 1 июля 1869 г. и переселился в Лондон 20 сентября 1870 года. — *293.*

307 Большой отрывок из данного письма был впервые опубликован в качестве приложения к брошюре К. Каутского: «Sozialismus und Kolonialpolitik». Berlin, 1907 («Социализм и колониальная политика». Берлин, 1907). — *296.*

308 Данное письмо явилось ответом на письмо Каутского Энгельсу от 11 мая 1882 года; Каутский просил Энгельса высказать свое мнение по колониальному вопросу, главным образом, о судьбах колоний в Азии после победы европейского пролетариата. Сам Каутский, в частности, утверждал в своем письме, что и для английского пролетариата и для Индии было бы взаимно «выгодно», если бы Индия оставалась в составе британских владений. — *296.*

309 Изложенный здесь план по написанию и публикации серии статей или брошюры о Бисмарке и Лассале не был осуществлен Энгельсом. — *299.*

[310] Выражение «полный продукт труда рабочему» впервые было сформулировано Лассалем в его работе: «Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch, der okonomische Julian, oder: Capital und Arbeit». Berlin, 1864, S. 199—200 («Господин Бастиа—Шульце-Делич, экономический Юлиан, или Капитал и труд». Берлин, 1864, стр. 199—200).

Критику этого выражения Лассаля Марксом см., в частности, в настоящем издании, т. 19, стр. 16—21. — *299.*

[311] Речь идет об объединении двух немецких рабочих партий — эйзенахцев и лассальянцев (см. примечание 245), которое состоялось на объединительном съезде в Готе 22—27 мая 1875 года.

Маркс и Энгельс, относясь положительно к объединению обеих рабочих партий, считали, однако, что оно должно было быть достигнуто на принципиально здоровой основе, без уступок в теоретических и политических вопросах лассальянцам, терявшим свое влияние в рабочих массах. Общее мнение Маркса и Энгельса по этому вопросу было выражено в письме Энгельса А. Бебелю от 18—28 марта 1875 г. и Маркса В. Бракке от 5 мая 1875 г. (см. настоящее издание, т. 34, стр. 99—106 и 111—112), а также в написанной Марксом «Критике Готской программы» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 9—32). Несмотря на высказанную в этих документах критику проекта программы будущей объединенной социал-демократической рабочей партии Германии, который содержал целый ряд ложных, антинаучных положений и уступок лассальянству, он был принят на съезде лишь с небольшими изменениями. — *299*, *312.*

[312] На Готском съезде Социалистической рабочей партии Германии (27—29 мая 1877 г.), на заседании 29 мая, дюрингианцы предприняли попытку добиться запрещения публикации работы Энгельса «Анти-Дюринг» на страницах центрального органа партии — газеты «Vorwarts» («Вперед»). И. Мост внес предложение о том, что статьи «вроде опубликованных в последние месяцы Энгельсом критических статей против Дюринга» не должны впредь печататься в центральном органе партии. С аналогичным заявлением выступил и Ю. Вальтейх. А. Бебель внес компромиссное предложение: публикацию статей Энгельса против Дюринга в газете «Vorwarts» прекратить и опубликовать их в виде брошюры в издательстве «Vorwarts»; точно так же прекратить в газете всякое дальнейшее обсуждение этого спорного вопроса. В. Либкнехт выступил решительно против предложения Моста и утверждений Вальтейха. Как редактор «Vorwarts», он напомнил, что решение о публикации этих статей было принято предшествующим съездом, что после появления «Капитала» Маркса эти статьи против Дюринга были самым значительным трудом, который вышел из недр партии, и с точки зрения интересов партии эта работа была необходима. Либкнехт внес поправку к предложению Бебеля: публиковать подобные статьи в научном приложении к «Vorwarts» или в журнале «Zukunft» («Будущее»), или же в. виде брошюр. Съезд принял предложение Бебеля с поправкой Либкнехта. Второй и третий отделы «Анти-Дюринга» были опубликованы в приложении к газете «Vorwarts». — *300.*

[313] Речь идет о двух статьях Фольмара, опубликованных без подписи в №№ 34 и 35 «Sozialdemokrat» от 17 и 24 августа 1882 г. под названием «Aufhebung des Ausnahmegesetzes?» («Отмена исключительного закона?»). В том же году статьи были изданы в Хоттинтене-Цюрихе отдельной брошюрой под заглавием «Aufhebung des Sozialistengesetzes? Ein Wort

zur Taktik der deutschen Sozialdemokratie» («Отмена закона против социалистов? Несколько слов о тактике немецкой социал-демократии») под псевдонимом Surtur. — *300, 308, 318, 321, 325.*

[314] Энгельс имеет в виду свой перевод английской песенки «Брейский викарий» (см. примечание 304), у которой была своя народная мелодия. — *301.*

[315] Отрывок из данного письма был впервые опубликован в журнале «Mouvement Socialiste», Paris, t. IV, № 45, 1 ноября 1900 г. в статье Э. Бернштейна «Неопубликованные письма Фридриха Энгельса о социальной политике». — *303.*

[316] Введение к французскому изданию брошюры Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» было написано Марксом около 4—5 мая 1880 года. В брошюре введение было дано за подписью Лафарга, который подготовил французский перевод этой работы Энгельса. В обнаруженной недавно рукописи имеется приписка, адресованная П. Лафаргу, в которой Маркс сообщает, что введение было написано им после консультации с Энгельсом, и просит Лафарга «отделать стиль, оставив существо без изменений». Во введении была дана очень лестная биография Энгельса. — *304.*

[317] План написания этой брошюры не был осуществлен Энгельсом. — *304.*

[318] По вопросу о налогах Маркс и Энгельс неоднократно выступали в 1848—1849 гг. на страницах газеты «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты»), например, в статьях «Долой налоги!!!», «Воззвание», «Процесс против Рейнского окружного комитета демократов. Речь Маркса» и др. (см. настоящее издание, т. 6, стр. 29, 33, 254—272). В 1850 г. вопрос о налогах затрагивался в работе Маркса «Классовая борьба во Франции», в написанном Марксом и Энгельсом «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850» и др. работах (см. настоящее издание, т. 7, стр. 5—110, 257—267). — *304.*

[319] Речь идет о Федеративном союзе Центра (см. примечания 243 и 288). — *305.*

[320] Имеется в виду лондонское Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих (см. примечание 152). — *305.*

[321] Речь идет о захвате Англией Египта (см. примечание 57). — *307.*

[322] Намек на появившееся в конце 1881 г. в буржуазных газетах в Германии сообщение о смерти Маркса. — *307.*

[323] Шутливо намекая на библейскую легенду о бегстве евреев из египетского плена, Энгельс имеет в виду банкирские дома Ротшильдов в Англии и во Франции (Эрлангер являлся представителем Ротшильдов в Египте), которые принадлежали к числу вдохновителей финансового «контроля» над Египтом (см. примечание 57). Так, уже в 1875 г. с помощью банкирского дома Ротшильдов английский премьер-министр Дизраэли приобрел для английского правительства акции Суэцкого канала, принадлежавшие египетскому хедиву. — *309.*

[324] Небольшой отрывок из данного письма был впервые опубликован в журнале «Mouvement Socialiste», Paris, t. IV, № 45, 1 ноября 1900 г. в статье Э. Бернштейна «Неопубликованные письма Фридриха Энгельса о социальной политике». — *310.*

[325] Имеется в виду решение Реймского съезда о программе партии (см. примечание 223) и съезда Федеративного союза Центра в Париже (см. примечание 288). — *311.*

[326] Энгельс имеет в виду теоретическое обоснование программы французской Рабочей партии, составленное в 1880 г. Марксом и принятое без изменений Гаврским съездом партии (ноябрь 1880 г.). Практическая часть программы, выработанная Марксом, Энгельсом, Гедом и Лафаргом, была принята съездом с некоторыми ухудшавшими ее поправками, внесенными Малоном. — *311.*

[327] *Радикалы* — в 80—90-х годах XIX в. парламентская группа во Франции, отколовшаяся от буржуазной партии умеренных республиканцев («оппортунистов»), продолжала отстаивать ряд буржуазно-демократических требований, которые были фактически отброшены этой партией: отмену сената, отделение церкви от государства, введение прогрессивно-подоходного налога и т. д.; в целях привлечения на свою сторону массы избирателей группа требовала также ограничения рабочего дня, пенсионного обеспечения инвалидов и некоторых других мероприятий социально-экономического характера. Лидером радикалов был Клемансо. В 1901 г. радикалы организационно оформились в партию, отражавшую интересы главным образом средней и мелкой буржуазии. — *311.*

[328] Намек на вторую статью Фольмара «Отмена исключительного закона?» (см. примечание 313). — *311.*

[329] Приложенный Энгельсом к письму материал до нас не дошел. — *313.*

[330] Намек на интриги Лиссагаре с целью захвата газеты «Citoyen», в результате которых редакция последней, состоявшая из сторонников Геда, была изгнана из газеты, получившей новое название «Le Citoyen et la Bataille» («Гражданин и битва»). Гедисты, однако, сразу же основали большую ежедневную газету под старым названием «Citoyen», которое неоднократно менялось, пока газета не была названа «Egalite» (см. настоящий том, стр. 313—314 и 315—316). — *313, 324.*

[331] *Жарнакский удар* — вероломный удар. 13 марта 1569 г. в битве между католиками и гугенотами при Жарнаке (город во Франции в департаменте Шаронн) был взят в плен и расстрелян раненый принц Конде, вождь гугенотов, их политический и военный руководитель. — *313.*

[332] Речь идет о вызове на дуэль Поля Лафарга Проспером Лиссагаре; сравнивая последнего с французским политическим деятелем, журналистом Гранье де Кассаньяком, Энгельс иронически намекает на резкие выходки Кассаньяка в печати, которые привели к ряду дуэлей и судебных преследований. — *314.*

[333] Имеется в виду крупная стачка углекопов в Монсо-ле-Мин (Франция) в октябре 1882 года. Стачка была вызвана экономической депрессией,

резко ухудшившей положение рабочего класса. Во время стачки предательскую роль сыграл провокатор Брениза, действовавший по поручению полицейского префекта Андрье, который снабдил деньгами анархистскую газету «La Revolution Sociale» («Социальная революция») и через своих провокаторов совершил в этой местности ряд террористических актов. — *316, 344.*

[334] Ч. Дж. Гарсиа, лондонский корреспондент газеты «Sozialdemokrat», был секретарем одного из небольших демократических обществ в районе Лондона Мерилибон; общество носило название Мерилибонская центральная демократическая ассоциация (Merylebone Central Democratic Association) и помещалось по адресу: Grafton Street East, W. C., the University Hotel. — *317.*

[335] *«Haupt-Chef»* («Главный вожак») — так на кёльнском процессе Союза коммунистов в 1852 г. один из чиновников прусской полиции, Штибер, называл агента-провокатора Шерваля, стремясь в провокационных целях приписать ему руководящую роль в Союзе и создать видимость связи Шерваля с Марксом и обвиняемыми (см. об этом памфлет К. Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», настоящее издание, т. 8, стр. 436—449). — *317.*

[336] В. Либкнехт находился в тюремном заключении с 15 октября 1882 года; Бебель был приговорен к тюремному заключению с 1 ноября 1882 г. и отбывал его в лейпцигской тюрьме до 9 марта 1883 года. — *317, 319.*

[337] Небольшой отрывок из данного письма был впервые опубликован в книге: «Friedrich Engels. Politisches Vermachtnis. Aus unveroffentlichten Briefen». Berlin, 1920 («Фридрих Энгельс. Политическое завещание. Из неопубликованных писем». Берлин, 1920). — *318.*

[338] Согласно библейской легенде, во время бегства евреев из египетского плена малодушные среди них под влиянием трудностей пути и голода стали сожалеть о днях, проведенных в неволе, когда они были по крайней мере сыты. Выражение *«сожалеть о египетских котлах с мясом»* вошло в поговорку. — *318.*

[339] Энгельс имеет в виду статью А. Бебеля «Aufhebung des Sozialistengesetzes?» («Отмена закона, против социалистов?»), опубликованную в № 42 «Sozialdemokrat» от 12 октября 1882 г. и направленную против двух статей Фольмара, опубликованных в «Sozialdemokrat» и изданных отдельной брошюрой (см. примечание 313). Бебель выступил с резкой критикой главным образом второй статьи Фольмара, где автор призывал к тактике путчей и тайной организации партии. Бебель осудил эту тактику как неприемлемую и гибельную для партии. В письме Энгельсу от 1 октября 1882 г. он пояснял, что неосторожный тон и язык статей, подобных статьям Фольмара, могли повлечь за собой лишь ненужные жертвы в партийных рядах. — *318, 325.*

[340] Положение Лассаля об «одной реакционной массе» вошло в программу социал-демократической партии Германии, принятой на съезде в Готе (см. примечание 311). В программе говорилось: «Освобождение труда должно быть делом рабочего класса, по отношению к которому все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу». Критику этого лассальянского тезиса см. в работе Маркса «Критика

Готской программы» (настоящее издание, т. 19, стр. 21—22). В данном письме Энгельс употребляет выражение «единая (einzigen) реакционная масса». — *318, 325.*

[341] В связи с выступлением Бебеля против статей Фольмара, изданных отдельной брошюрой под псевдонимом Surtur (см. примечание 313), правый социал-демократ Л. Фирек заявил на страницах издаваемой им газеты «Suddeutsche Post», что эта брошюра вообще не имела ничего общего с мнением партии. Редакция «Sozialdemokrat» в № 44 от 26 октября 1882 г. выступила с протестом против заявления Фирека, подчеркнув, что входившие в брошюру статьи были написаны членом пар-тип и первоначально опубликованы в партийном органе. — *319.*

[342] Упоминаемая здесь статья Леона Пикара о парижских немцах, опубликованная в «Citoyen» от 3 сентября 1882 г. под заглавием «L'affaire de la rue Saint-Marc» («Афера на улице Сен-Марк»), была написана в шовинистическом духе и дезавуирована редакцией газеты; как видно, однако, из письма Энгельса Бернштейну от 4 ноября 1882 г., которое является ответом на не дошедшее до нас письмо Бернштейна Энгельсу, статья вызвала недовольство со стороны немецких эмигрантов против гедистов (см. об этом подробнее в настоящем томе, стр. 327—328). — *321, 322.*

[343] Кроме дополнений и изменений, внесенных непосредственно в текст первого немецкого издания брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» 1883 г., Энгельс написал для него специальное предисловие (см. настоящее издание, т. 19, стр. 321—323) и в качестве приложения включил в брошюру очерк «Марка» — об истории возникновения и развития земельной собственности в Германии (см. там же, стр. 327— 345). — *321, 349, 357.*

[344] Небольшой отрывок из данного письма был впервые опубликован в журнале «Mouvement Socialiste», Paris, t. IV, № 45, 1 ноября 1900 г. в статье Э. Бернштейна «Неопубликованные письма Фридриха Энгельса о социальной политике». — *321.*

[345] Энгельс имеет в виду свой замысел написать брошюру о Бисмарке и Лассале (см. настоящий том, стр. 299—300). — *322, 326.*

[346] *Камень из Розетты,* или Розеттский камень — базальтовая плита, обнаруженная в Египте около города Розетты офицером наполеоновской экспедиционной армии в августе 1799 года. На камне была высечена надпись, сделанная на трех древних языках и тремя шрифтами: на древнеегипетском, египетском разговорном и греческом, который был переводом двух предыдущих; это позволило французскому ученому Шампольону прочесть египетские иероглифы. Камень находится в Британском музее в Лондоне. — *322.*

[347] Энгельс употребляет здесь старинный боевой клич — «Hie Welf, Hie Waibling!» («Здесь Вельфы! Здесь Вайблинги!») — двух враждовавших между собой средневековых политических партий, одна из которых поддерживала династию Вельфов, а другая — Гогенштауфенов (или Вайблингов, от названия их родового замка и города Вайблинга). Впервые этот клич прозвучал, по преданию, во время сражения между сторонниками этих партий под Вейнсбергом в 1140 году. Впоследствии,

в период борьбы между римскими папами и германскими императорами в Италии в XII—XV вв. боролись между собой партии гвельфов и гибеллинов (названия вельфов и вайблингов, искаженные на итальянский лад). — *325.*

[348] *Виденская конференция* — имеется в виду первый съезд германской социал-демократии после издания закона против социалистов (см. примечание 106), состоявшийся 20—23 августа 1880 года; съезд проходил в старом замке Виден, расположенном близ Осингена в кантоне Цюрих (Швейцария). — *326.*

[349] На митинге в Париже, состоявшемся 29 октября 1882 г., в 18-м избирательном округе на Монмартре, депутатом которого был Клемансо, рабочие-избиратели не дали ему говорить. — *329.*

[350] Маркс имеет в виду опубликованный в № 21 2-й серии «Egalite» от 9 июня 1880 г. под заглавием «Le patriotisme de la bourgeoisie et les Chinois» («Патриотизм буржуазии и китайцы») отчет о собрании 5 мая 1880 г. членов парижского «Общества политэкономов», посвященном китайскому вопросу в связи с китайской эмиграцией в Калифорнию. Представители официальной политической экономии Леруа-Болье, Гарнье, Симонен (Simonin) и др. восхваляли дешевый труд китайцев, поскольку потребности их сводились к минимуму. На ту же тему в № 9 журнала «Revue socialiste» от 5 июля 1880 г. была опубликована статья «La Question chinoise devant les economistes» («Экономисты о китайском вопросе»), подписанная: Б. М. — *334.*

[351] Энгельс, в частности, имеет в виду «Диалектику природы» (см. примечание 103). — *335.*

[352] Указанные материалы Энгельс намеревался использовать для своей брошюры о Бисмарке и Лассале (см. настоящий том, стр. 299—300). Замысел Энгельса не был осуществлен. — *335.*

[353] Видимо, имеется в виду книга Б. Малона «Histoire du socialisme depuis ses origines probables jusqu' a nos jours». Lugano, 1879 («История социализма со времени его вероятного возникновения до наших дней». Лугано, 1879). — *336.*

[354] Следующие ниже в письме сведения и цитаты о состоянии сил поссибилистов и гедистов после раскола во французской Рабочей партии (см. примечание 75) Лафарг сообщил Энгельсу в письме от 24 ноября 1882 года. — *337.*

[355] *Северная федерация* — возникшая весной 1880 г. одна из 6 федераций, на которые организационно делилась до раскола французская Рабочая партия (см. примечание 75). Северная федерация объединяла партийные организации Лилля и Рубе. После раскола на Сент-Этьеннском съезде Северная федерация осталась на стороне марксистов. — *337, 347.*

[356] Энгельс иронически намекает на оппортунистическую позицию бывшего члена Союза коммунистов, впоследствии национал-либерала и прусского министра Иоганна Микеля, ярко проявившуюся уже в период реакции 50-х годов. Отход Микеля от революционных позиций отчетливо явствовал уже из его писем к Марксу от 6 апреля и 15 августа

1856 года. Микель утверждал, что революция в Германии была «не так уж близка» и что в процессе ее пролетариату следовало установить прочный союз не только с мелкой, но и с либеральной буржуазией, а после победы революции придерживаться такой тактики, которая не отпугнула бы буржуазию от пролетариата. — *338, 374.*

[357] Энгельс цитирует письмо Лафарга от 24 ноября 1882 года. — *338.*

[358] Речь идет о Сент-Этьеннском и Роаннском съездах (см. примечание 75). — *338.*

[359] О Годаре см. примечание 102. — *338.*

[360] Историей со Шмидтом Энгельс называет разоблачение немецкого провокатора в Цюрихе Ф. Шмидта. О похождениях Шмидта и его немецкого начальства редакция «Sozialdemokrat» издала брошюру: «Die deutsche Geheimpolizei im Kampfe mit der Sozialdernokratie. Aktenstucke und Enthullungen auf Grund authentischen Materials dargestellt». Hottingen-Zurich, 1882 («Немецкая тайная полиция в борьбе с социал-демократией. Документы и разоблачения, представленные на основе аутентичных материалов». Хоттинген-Цюрих, 1882). Там же и в том же году с тем же подзаголовком брошюра была издана под заглавием «Deutsche Polizeischuftereien» («Подвиги немецкой полиции»). В марте 1883 г. вышло второе издание брошюры. — *339.*

[361] *«Кабинет черных дел»,* или *черный кабинет,* — тайное учреждение при почтовых ведомствах Франции, Пруссии, Австрии и ряда других государств, занимавшееся перлюстрацией писем; существовал со времен абсолютистских монархий в Европе. — *341.*

[362] Речь идет о событиях в период становления в Англии абсолютной монархии Тюдоров после окончания войны Алой и Белой роз (1455— 1485). Причиной войны была кровавая междоусобная борьба английских феодалов, группировавшихся вокруг двух соперничавших и враждовавших между собой королевских династий — Ланкастеров и Йорков (свое название война получила от условных обозначений на гербах этих династий: алой розы — на гербе Ланкастеров и белой розы — на гербе Йорков). Основатель династии король Генрих VII Тюдор, победивший короля Ричарда III из дома Йорков, стремясь всеми средствами упрочить королевскую власть, а вместе с тем и закрепить свои весьма спорные права на английский престол, которые он обосновывал родственными связями с династией Ланкастеров, сделал попытку окружить эту династию ореолом святости. С этой целью в 1506 г. он обратился к римскому папе Юлию II с просьбой возвести в сан святых и мучеников одного из представителей Ланкастерского дома — короля Генриха VI, изгнанного с английского престола Йорками во время войны Алой и Белой роз. Юлий II, однако, уклонился под благовидным предлогом от выполнения просьбы короля, будучи хорошо осведомленным о том, что Генрих VI стяжал себе славу человека слабоумного, и опасаясь, что канонизирование его в качестве святого подорвет авторитет римской церкви.

Маркс использует здесь игру слов, основанную на разном значении слова «innocent»; «невинный, чистый», а также «полоумный, идиот». — *341.*

[363] Этот вывод К. Маркс, по всей вероятности, сделал под впечатлением прочитанной им в это же время книги В. В. (В. П. Воронцова) «Судьбы капитализма в России», С.-Петербург, 1882. В предисловии к этой работе В. П. Воронцов, известный литератор и экономист, лидер либерального народничества, писал о русских «социалистах школы Маркса», которые выступали с утверждением о неизбежности капиталистического развития России. Сам Воронцов пытался доказать некапиталистический характер ее социально-экономической эволюции, выдвигал антинаучные теории об особых путях развития России, о господстве в стране так называемого народного производства. В другом месте своей книги он называл оспариваемое им экономическое учение К. Маркса «общепринятой теорией». — *342.*

[364] Речь идет о статье Лафарга, опубликованной в № 47 4-й серии «Egalite» от 9 декабря 1882 г. под заглавием «Notre candidat» («Наш кандидат»). — *343, 347.*

[365] Энгельс имеет в виду изучение Марксом в течение ряда лет источников и литературы об общине и формах общинной собственности, о русской общине в связи со специальной разработкой им вопросов земельной ренты и аграрных отношений в целом. В частности, незадолго до этого Маркс внимательно изучил вышедшую в свет в 1879 г. книгу Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», из которой Маркс сделал подробные выписки о характере общины, о месте и социально-экономической роли ее в разные эпохи и у разных народов. — *346.*

[366] Речь идет о Социалистическом республиканском альянсе, основанном в Париже в октябре 1880 г. группой амнистированных коммунаров. Среди организаторов Альянса были видные и влиятельные деятели рабочего и демократического движения, многие из которых являлись членами Международного Товарищества Рабочих и его Генерального Совета. Альянсисты объявили себя социалистами, но выступали против какой бы то ни было доктрины вообще и проповедовали прудонистско-филантропические идеи, чем снискали симпатии буржуазных радикалов. Несмотря на большой престиж коммунаров, против их мелкобуржуазного социализма с резкой критикой выступал Жюль Гед. — *246.*

[367] В это время Бебель отбывал четырехмесячное тюремное заключение в лейпцигской тюрьме, но на рождественские праздники политических заключенных обычно отпускали домой. — *347.*

[368] Накануне австро-прусской войны 1866 г. Бисмарк негласно и в неопределенной форме обещал Наполеону III не препятствовать расширению территории Франции за счет Бельгии, Люксембурга и некоторой частя немецкой территории между Рейном и Мозелем, в случае если Франция не будет мешать образованию прусско-итальянской коалиции и разгрому Австрии. 6 августа 1866 г. французское правительство потребовало от Бисмарка обещанной компенсации за нейтралитет Франции во время войны, настаивая на восстановлении границ 1814 г., выводе прусского гарнизона из Люксембурга и присоединении последнего к Франции. Но Бисмарк решительно отклонил эти требования и в ответ на них 19 марта 1867 г. опубликовал заключенные еще в 1866 г. тайные союзные договоры Пруссии с южногерманскими государствами Баденом и Баварией.

Напоминая о поведении Бисмарка в те годы, Энгельс имеет здесь в виду его переговоры 19 ноября 1882 г. с царским министром иностранных дел Гирсом, просившим о содействии со стороны Германии русской восточной политике. После этих переговоров в германской печати появились заметки и статьи официального характера о существовавшем между Германией и Австро-Венгрией формальном союзе, заключенном еще в 1879 году. — *348.*

[369] Речь идет об опубликованной Рудольфом Мейером переписке с Родбертусом: «Briefe und Socialpolitische Aufsatze». Herausgegeben von Dr. R. Meyer. Bd. I—II. Berlin, [1882] («Письма и социально-политические сочинения». Изданы д-ром Р. Мейером. Тт. I—II. Берлин, [1882]). В письме Энгельсу от 14 ноября 1882 г. Бебель шутливо замечал, что Мейер очень хвалил Маркса и Энгельса, видимо польщенный «хорошим приемом», который они ему оказали (во время его визита в Лондон в 1879—80 гг.), но что эту «славу» им приходится разделять «с пятью кардиналами, которые удостоили его такой же чести». — *349, 374.*

[370] В своем выступлении 8 января 1883 г. в Ньюкасле либеральный член парламента, бывший чартист Джозеф Коуэн оправдывал захват Англией Египта (см. примечание 57). Говоря о гайндмановской «музыке будущего», Маркс намекает на руководимую Гайндманом Демократическую федерацию (см. примечание 193), в программе которой выдвигались широковещательные буржуазно-демократические требования. Коуэн был одним из основателей этой федерации.

О выражении «музыка будущего» см. примечание 224. — *353*.

[371] Энгельс имеет в виду ряд статей, опубликованных в начале 1883 г. в «Sozialdemokrat» в связи с выступлением социал-демократического депутата Карла Грилленбергера на заседании рейхстага 14 декабря 1882 г. против министра внутренних дел Путкамера (необходимость введения осадного положения в ряде областей Германии в связи с законом против социалистов Путкамер аргументировал тем, что социал-демократия подрывает святость семьи и проповедует свободу любви). Статьи назывались: «Aus Grillenberger's Rede uber die Handhabung des Sozialistengesetzes» («Из речи Грилленбергера по поводу соблюдения закона против социалистов») (№.№ 1 и 2 от 1 и 4 января), «Zum Kapitel von der freien Liebe. Etwas fur Herrn von Puttkamer zum Vorlesen im Reichstage» («К вопросу о свободной любви. Кое-что для г-на фон Путкамера к чтению в рейхстаге») (№№ 2 и 7 от 4 января и 8 февраля), «Puttkamer und die «Heiligkeit» der Familie» («Путкамер и «святость» семьи») (№ 3 от 11 января) и «Von der patentirten Ehre» («О привилегированной чести») (№ 9 от 22 февраля). — *356, 379.*

[372] Слова из инструкции Фридриха-Вильгельма II для генерал-майоров кавалерии от 14 августа 1748 года. — *357*.

[373] Имеется в виду речь социал-демократического депутата Макса Кайзера, произнесенная им в рейхстаге 11 января 1883 г. в связи с обсуждением «опроса о законе против социалистов. — *357.*

[374] По конституции упраздненного в 1871 г. Северогерманского союза (см. примечание 244) Союзный совет состоял из представителей, наз-

начавшихся правительствами всех входивших в Союз германских государств; функции Совета сводились к утверждению законов. — *357*.

[375] Намек на присоединение к Пруссии — в результате австро-прусской войны 1866 г. и объединения Германии — бывших самостоятельных государств: Ганновера, Нассау и курфюршества Гессенского, а также вольного города Франкфурта-на-Майне. — *357*.

[376] Энгельс намекает здесь на изданную в 1880 г. книгу Каутского: «Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft» («Влияние прироста народонаселения на прогресс общества»), в которой Каутский защищал «верное ядро» теории Мальтуса. Книга вызвала резкий отзыв также и со стороны Маркса. — *359*.

[377] Энгельс имеет в виду положение Гегеля о диалектическом противоречии, объективно существующем в вещах и процессах, против которого обрушился Дюринг в своей книге: «Kritische Ceschichte der Nationalokonomie und des Socialismus» («Критическая история политическом экономии и социализма»); второе издание книги вышло в Берлине в 1875 году; в этой книге Дюринг обвинял Маркса в том, что методу его политической экономии присуще гегельянство. Данное место из книги Дюринга Энгельс подверг критике в своей работе «Анти-Дюринг» (см. настоящее издание, т. 20, стр. 122—132). — *359*.

[378] В первой части своей работы: «Die uberseeische Lebensmittel-Konkurrenz». Leipzig, 1881 («Заокеанская конкуренция съестными припасами». Лейпциг, 1881) Каутский приводит ряд сведений о формах сельского хозяйства в Канаде, опубликованных Рудольфом Мейером в венской газете «Das Vaterland» («Родина»). — *361*.

[379] Речь идет о первой статье «Гетеризм» из серии статей Каутского «Die Entstehung der Ehe und Familie» («Возникновение брака и семьи»), опубликованных в дарвинистском журнале «Kosmos» («Космос»), Stuttgart, Jg. VI, Bd. XII (октябрь 1882 — март 1883). Вторая статья была озаглавлена «Умыкание и материнское право. Клан» и третья — «Брак-купля». В 1883 г. статьи были изданы отдельным оттиском под общим названием серии. — *362, 375, 376*.

[380] Речь идет о написанной Ж. Гедом передовой статье в № 1 5-й серии «Egalite», от 16 февраля 1883 года. — *366*.

[381] Речь идет о Копенгагенском съезде Социалистической рабочей партии Германии, который состоялся 29 марта — 2 апреля 1883 года; первоначально созыв съезда предполагался в Цюрихе. — *367, 375*.

[382] О привлечении к суду Геда и Лафарга см. примечание 94.

Code penal — французский Уголовный кодекс, принятый в 1810 г. и введенный с 1811 г. во Франции и в завоеванных французами областях Западной и Юго-Западной Германии. — *370*.

[383] Немецкий социалист Мозес Оппенхеймер в феврале 1883 г. был уличен в тайном сотрудничестве в буржуазной прессе и растрате партийных денег. — *372*.

[384] Энгельс намекает на принесение присяги в саксонском ландтаге В. Либкнехтом в ноябре 1879 г. и А. Бебелем в июле 1881 года. — *379*.

[385] Первым выпуском задуманного Гепнером издания серии «Немецко-американской рабочей библиотеки» вышла брошюра А. Бебеля «Unsere Ziele» («Наши цели»), которую Гепнер издал в 1883 г. в Нью-Иорко под измененным названием «Die Ziele der Arbeiterbewegung» («Цели рабочего движения»). Гепнер положил в основу этого издания 6-е издание брошюры Бебеля, но внес в него ряд поправок и изменений. — *379.*

[386] Телеграмма Энгельса Зорге от 14 марта 1883 г. была опубликована в «New Yorker Volkszeitung» («Нью-йоркской народной газете») без ведома Энгельса (с добавлением в тексте слова «пополудни») как телеграмма, якобы специально посланная Энгельсом на имя редакции газеты. В телеграмме, которая была действительно направлена Энгельсом в адрес газеты двумя днями позже (см. настоящий том, стр. 387), редакция тоже допустила искажения. Протест по поводу этого произвола Энгельс высказал в письме в редакцию «New Yorker Volkszeitung» от 18 апреля 1883 г. (см. настоящее издание, т. 36, стр. 11). — *382, 387.*

[387] Маркс навестил Иоганна Филиппа Беккера в Женеве 26 сентября 1882 г. перед своим отъездом из Швейцарии. — *384.*

[388] Большой отрывок из данного письма был впервые опубликован в журнале «Die Neue Zeit». Bd. I, № 23, 1902—1903, в статье Зорге «Zum 14. Marz» («К дню 14 марта»). — *384.*

[389] Полный текст телеграммы студентов Петровской земледельческой академии в Москве Энгельс включил в свою статью «К смерти Карла Маркса», опубликованную в газете «Sozialdemokrat» 3 и 17 мая 1883 г. (см. настоящее издание, т. 19, стр. 355—362). — *388.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

А

* Звездочкой отмечены фамилии адресатов Маркса и Энгельса в настоящем томе.

В

Г

Д

И

Й

К

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА*

Маркс, К. *Введение к программе французской Рабочей партии (настоящее издание, т. 19, стр. 246). In: «L'Egalite», 2-я серия, № 24, 30 июня 1880 г. — 189, 311.

Маркс, К. *Введение к французскому изданию брошюры Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (настоящее издание, т. 19, стр. 241—245).

In: F. Engels. Socialisme utopique et socialisme scientifique. Paris, 1880. — 304. *Маркс, К.* Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих (настоящее издание, т. 17, стр. 317—370). — The Civil War in France. Address of the General Council of the International Working-Men's Association» London, 1871. — 119.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала (настоящее издание, т. 23).

— Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprocess des Kapitals. Hamburg, 1867. — 64, 70, 123, 140, 166, 167, 182, 202, 203, 214, 218, 235, 239, 287, 332.

— Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprocess des Kapitals. Zweite verbesserte Auflage. Hamburg, 1872. — 116, 248, 353.

— Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprocess des Kapitals. Dritte vermehrte Auflage. Hamburg, 1883. — 116, 199, 201, 202. 248, 316, 326, 331, 353, 359.

— Le Capital. Traduction de M. J. Roy, entierement revisee par l'auteur. Paris, [1872—1875]. — 75, 82, 122, 137.

— Капитал. Критика политической экономии. Том второй. Книга II: Процесс обращения капитала (настоящее издание, т. 24). — 199, 201, 389.

* Заглавия работ, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, отмечены звездочкой. Издания на языке оригинала указываются только в случаях прижизненных публикаций.

— Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом (настоящее издание, т. 25, части I—II). — 199, 201, 389.

Маркс, К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. (настоящее издание, т. 7, стр. 5— 110).

— 1848 bis 1850.

In: «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». №№ 1, 2, 3, 5—6, 1850. — 218.

Маркс, К. *Математические рукописи. Частично опубликованы в журнале «Под знаменем марксизма» № 1, 1933 г. — 16.

Маркс, К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона (настоящее издание, т. 4, стр. 65—185).

— Misere de la philosophie. Reponse a la Philosophie de la misere de M. Proudhon. Paris— Bruxelles, 1847. — 157, 163—164.

Маркс, К. Ответ на статью Брентано (настоящее издание, т. 18, стр. 83—86).

— An die Redaktion des «Volksstaat».

In: «Der Volksstaat» № 44, 1 июня 1872 г. — 131.

Маркс, К. Ответ на вторую статью Брентано (настоящее издание, т. 18, стр. 102—109).

— An die Redaktion des «Volksstaat».

In: «Der Volksstaat» № 63, 7 августа 1872 г. — 131.

Маркс, К. Редактору газеты «Eastern Post» (настоящее издание, т. 17, стр. 479).

— To the editor of «The Eastern Post».

In: «The Eastern Post» № 169, 23 декабря 1871 г. — 119.

Маркс, К. Редактору газеты «Eastern Post» (настоящее издание, т. 17, стр. 487).

— To the editor of «The Eastern Post».

In: «The Eastern Post» № 173, 20 января 1872 г. — 119.

Маркс, К. Редактору газеты «Eastern Post» (настоящее издание, т. 17, стр. 488—489).

— To the editor of «The Eastern Post».

In: «The Eastern Post» № 174, 28 января 1872 г. — 119.

Энгельс, Ф. Американские продукты питания и земельный вопрос (настоящее издание, т. 19, стр. 278—280).

— American food and the land question.

In: «The Labour Standard» (London) № 9, 2 июля 1881 г. — 168, 226.

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом (настоящее издание, т. 20, стр. 1—338).

— Herrn Eugen Duhring's Umwalzung der Wissenschaft. Leipzig, 1878. — 123, 300, 307, 332.

Энгельс, Ф. Бисмарк и германская рабочая партия (настоящее издание, т. 19, стр. 289—291).

— Bismarck and the German Working Men's Party. In: «The Labour Standard» (London) № 12, 23 июля 1881 г. — 168, 226.

Энгельс, Ф. Брейский викарий (настоящее издание, т. 19, стр. 318—320).

— Der Vikar von Bray.

In: «Der Sozialdemokrat» № 37, 7 сентября 1882 г. — 291, 301, 303.

Энгельс, Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство (настоящее издание, т. 19, стр. 306—314).

— Bruno Bauer und das Urchristenthum.

In: «Der Sozialdemokrat» №№ 19 и 20, 4 и 11 мая 1882 г. — 238, 263, 279, 285.

Энгельс, Ф. Два образцовых муниципальных совета (настоящее издание, т. 19, стр. 274—277).

— Two model town councils.

In: «The Labour Standard» (London) № 8, 25 июня 1881 г. — 168, 226.

Энгельс, Ф. Диалектика природы (настоящее издание, т. 20, стр. 339—626).
— Dialektik der Natur. — 103, 317, 319, 335.

Энгельс, Ф. Марка (настоящее издание, т. 19, стр. 327—345).
— Die Mark.
In: F. Engels. Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft. Hottingen-Zurich, 1882. — 103, 105, 106, 108, 109, 304, 308, 339, 346, 349, 357, 379.

Энгельс, Ф. Наброски к критике политической экономии (настоящее издание, т. 1, стр. 544—571).
— Umrisse zu einer Kritik der Nationalokonomie.
In: «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», 1844. — 124.

Энгельс, Ф. *Набросок надгробной речи на могиле Маркса (настоящее издание, т. 19, стр. 348—349).
— Discours de Frederic Engels. In: «La Justice», 20 марта 1883 г. — 389.

Энгельс, Ф. Общественные классы — необходимые и излишние (настоящее издание, т. 19, стр. 296—299).
— Social classes — necessary and superfluous.
In: «The Labour Standard» (London) № 14, 6 августа 1881 г. — 168, 226.

Энгельс, Ф. *О концентрации капитала в Соединенных Штатах (настоящее издание, т. 19, стр. 315—317).
— *Mit welcher fabelhaften Geschwindigkeit die Konzentration des Kapitals* in den Vereinigten Staaten von Amerika vor sich geht...
In: «Der Sozialdemokrat» № 21, 18 мая 1882 г. — 263.

Энгельс, Ф. Партия рабочих (настоящее издание, т. 19, стр. 286—288).
— A working men's party.
In: «The Labour Standard» (London) № 12, 23 июля 1881 г. — 168, 226.

Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам (настоящее издание, т. 2, стр. 231—517).
— Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eigner Anschauung und authentischen Quellen. Leipzig, 1845. — 219, 287.

Энгельс, Ф. Похороны Карла Маркса (настоящее издание, т. 19, стр. 350—354).
— Das Begrabnis von Karl Marx.
In: «Der Sozialdemokrat» № 13, 22 марта 1883 г. — 389.

Энгельс, Ф. Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке» (настоящее издание, т. 19, стр. 321—323).
— Vorwort.
In: F. Engels. Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft. Hottingen-Zurich, 1882. — 303, 304, 306, 326.

Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке (настоящее издание, т. 19, стр. 185—230).
— Le Socialisme utopique et le socialisme scientifique.
In: «La Revue socialiste» №№ 3 и 4, 20 марта и 20 апреля 1880 г. — 289.
— Socialisme utopique et socialisme scientifique. Traduction francaise par Paul Lafargue. Paris, 1880. — 289, 304, 308, 321, 332.
— Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft. Hottingen-Zurich, 1882 (вышла в 1883 г.). — 289, 299, 303, 304, 306—308, 313, 321, 326, 332, 335, 339, 357, 358, 379.

Энгельс, Ф. Система наемного труда (настоящее издание, т. 19, стр. 259—261).
— The wages system.
In: «The Labour Standard» (London) № 3, 21 мая 1881 г. — 168, 226.

Энгельс, Ф. Социализм г-на Бисмарка (настоящее издание, т. 19, стр. 176—184).

— Le socialisme de M. Bismarck.
In: «L'Egalite», 2-я серия, №№ 7 и 10, 3 и 24 марта 1880 г. — 190.

Энгельс, Ф. Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день (настоящее издание, т. 19, стр. 255—258).
— A fair day's wages for a fair day's work.
In: «The Labour Standard» (London) № 1, 7 мая 1881 г. — 168, 226.

Энгельс, Ф. Теория заработной платы в толковании Лиги против хлебных законов (настоящее издание, т. 19, стр. 281—285).
— The wages theory of the anticorn law league.
In: «The Labour Standard» (London) № 10, 9 июля 1881 г. — 168, 226.

Энгельс, Ф. Торговый договор с Францией (настоящее издание, т. 19, стр. 269—273).
— The French commercial treaty.
In: «The Labour Standard» (London) № 7, 18 июня 1881 г. — 168, 226.

Энгельс, Ф. Тред-юнионы (настоящее издание, т. 19, стр. 262— 268).
— Trades Unions.
In: «The Labour Standard» (London) №№ 4 и 5, 28 мая и 4 июня 1881 г. — 168, 226.

Энгельс, Ф. Хлопок и железо (настоящее издание, т. 19, стр. 292—295).
— Cotton and iron.
In: «The Labour Standard» (London) № 13, 30 июля 1881 г. — 168, 226.

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих. Доклад и документы, опубликованные по постановлению Гаагского конгресса Интернационала (настоящее издание, т. 18, стр. 323—452).
— L'Alliance de la Democratie socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs. Rapport et documents publies par ordre du Congres International de la Haye. Londres—Hambourg, 1873. — 90, 177.

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Манифест Коммунистической партии (настоящее издание, т. 4, стр. 419— 459).
— Manifest der Kommunistischen Partei. Veroffentlicht im Februar 1848. London. — 114— 116, 163, 164, 218, 275, 287.
— Манифест Коммунистической партии. Женева, 1882. — 213, 288.

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Митингу в Женеве, созванному в память 50-й годовщины польской революции 1830 года (настоящее издание, т. 19, стр. 247—249).
— Do meetingu w Genewie, zwolanego na pamiatke 50-ej rocznicy Rewolucyi Polskiej 1830 г.
In: Sprawozdanie z miedzy-narodowego zebrania zwolanego w 50-letnia rocznice listopadowego powstania przez redakcyje «Rownosci» w Genewie. Genewa, 1881. — 224.

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Мнимые расколы в Интернационале. Закрытый циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих (настоящее издание, т. 18, стр. 1—46).
— Les pretendues scissions dans l'Internationale. Circulaire privee du Conseil General de l'Association Internationale des Travailleurs. Geneve, 1872. — 177.

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 года (настоящие издание, т. 18, стр. 89—90).
— Vorwort.
In: Marx, K., Engels, F. Das kommunistische Manifest. Neue Ausgabe mit einem Vorwort der Verfasser. Leipzig, 1872. — 115, 116.

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистиче-

ской партии» (настоящее издание, т. 19, стр. 304—305). — 261.

В журнале: «Народная Воля» №№ 8—9, Петербург, 5 февраля 1882 г. — 116, 213, 252, 260.

In: «Der Sozialdemokrat» № 16, 13 апреля 1882 г. — 252.

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Третий международный обзор. С мая по октябрь (настоящее издание, т. 7, стр. 446—490). — Revue. Mai bis Oktober.

In: «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 5-6, 1850. — 218.

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* *Циркулярное письмо А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. (настоящее издание, т. 19, стр. 161—175 и т. 34, стр. 308— 323). — 276, 277.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ АВТОРОВ*

Български народни пъсни. Chansons populaires bulgares inedites. Publiees et traduites par Auguste Dozon traducteur des poesies serbes. Paris, 1875 *(Болгарские народные песни.* Неизданные болгарские народные песни. Опубликованы и переведены Огюстом Дозоном, переводчиком сербской поэзии. Париж, 1875). — 233.

В[оронцов], В. [П.] Судьбы капитализма в России. С.-Петербург, 1882. — 342.

[Даниельсон, Н. Ф.] Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. Подпись: Николай—он. В журнале: «Слово». Год третий, Санкт-Петербург, октябрь 1880 г. — 127—128, 130.

Лафарг, П. Движение поземельной собственности во Франции. В журнале: «Устои» №№ 3—4 и 6, март, апрель и июнь 1882 г. — 127, 130, 256.

[Никитина, В. Н.] Le catholicisme socialiste en Allemagne (Католический социализм в Германии). Подпись: B. Gendre. В газете: «La Justice» № 687, 2 декабря 1881 г. — 197.

Скалдин. В захолустьи и в столице. С.-Петербург, 1870. — 6.

Янсон, Ю. Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. Тома I— II. С.-Петербург, 1878—1880. — 130.

Amos, Sh. «Spoiling the Egyptians»: revised version *(Эймос, Ш.* «Ограбление египтян»: исправленный вариант). В журнале: «The Contemporary Review», том XLII, октябрь 1882 г. — 94.

Auer, I. (Ауэр, И.) Выступление в рейхстаге 30 марта 1881 г. В издании: Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstags. 4. Legislaturperiode. IV. Session 1881. Band I. 25. Sitzung am 30. Marz 1881. Berlin, 1881. — 150, 151.

Bachofen, J. J. Das Mutterrecht. Eine Untersuchung uber die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiosen und rechtlichen Natur. Stuttgart, 1861 *(Бахофен, И. Я.* Материнское право. Исследование гинекократии древнего мира на основе его религиозной и правовой природы. Штутгарт, 1861). — 378.

Bancroft, H. H. The Native races of the Pacific states of North America. Volume I. London, 1875 *(Банкрофт, Х. Х.* Туземные племена тихоокеанских штатов Северной Америки. Том I. Лондон, 1875). — 103, 362.

* В тех случаях, когда не удалось установить с достоверностью, каким изданием той или иной работы пользовались Маркс и Энгельс, сообщается дата и место выхода ее первого издания.

В квадратные скобки заключены выявленные имена авторов произведений, вышедших анонимно.

Bax, E. B. Leaders of Modern Thought. XXIII. — Karl Marx *(Бакс, Э. Б.* Вожди современной мысли. XXIII. — Карл Маркс).
В журнале: «Modern Thought», том III, №12, 1 декабря 1881 г. — 203, 205, 213.
Bazin, G. A Monsieur le commissaire de police *(Базен, Г.* Господину полицейскому комиссару). В газете: «L'Egalite», 4-я серия, № 38, 30 ноября 1882 г. — 99.
Bebel, A. (Бебель, А.) Выступление в рейхстаге 31 марта 1881 г.
В издании: Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstags. 4. Legislaturperiode. IV. Session 1881. Band I. 26. Sitzung am 31. Marz 1881. Berlin, 1881. — 150—152.
Bebel, A. (Бебель, А.) Выступление в рейхстаге 4 апреля 1881 г.
В издании: Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstags. 4. Legislaturperiode, IV. Session 1881. Band I. 29. Sitzung am 4. April 1881. Berlin, 1881. — 150—152, 358.
B[ebel, A.] Aufhebung des Sozialistengesetzes? *(Б[ебель, А.]* Отмена закона против социалистов?).
В газете: «Der Sozialdemokrat» № 42, 12 октября 1882 г. — 325.
Bebel, A. Unsere Ziele. Leipzig, 1870 *(Бебель, А.* Наши цели. Лейпциг, 1870). — 379—380.
Bebel, A. Die Ziele der Arbeiterbewegung. Nach der sechsten Auflage vom Jahre 1877 kritisch revidirt und herausgegeben von Ad. Hepner. New York, 1883 *(Бебель, А.* Цели рабочего движения. Критически отредактировано и издано по шестому изданию 1877 г. Ад. Гепнером. Нью-Йорк, 1883). — 379—380.
[Bernstein, E.] Bekennt Farbe! *([Бернштейн, Э.]* Раскройте свои карты!). Подпись: Leo. В газете: «Der Sozialdemokrat» № 16, 13 апреля 1882 г. — 261.
[Bernstein, E.] «Entweder-oder!» *([Бернштейн, Э.]* «Или-или!») Подпись: Leo. В газете: «Der Sozialdemokrat» № 51, 15 декабря 1881 г. — 210. 228.
[Bernstein, E.] Ein Gedenktag *([Бернштейн, Э.]* Годовщина). Подпись: Leo. В газете: «Der Sozialdemokrat» № 4, 23 января 1881 г. — 126.
[Bernstein, E.] «Es fehlt uns an Intelligenzen» *([Бернштейн, Э.]* «Нам не хватает интеллигентов»). Подпись: Leo. В газете: «Der Sozialdemokrat» №№ 31 и 33, 28 июля и 11 августа 1881 г. — 174, 179.
[Bernstein, E.] Die Situation in Irland *([Бернштейн, Э.]* Положение в Ирландии). Подпись: Leo. В газете: «Der Sozialdemokrat» № 21, 18 мая 1882 г. — 290.
Bismarck, O. (Бисмарк, О.) Выступление в рейхстаге 9 января 1882 г. В издании: Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstags. V. Legislaturperiode. I. Session 1881/82. [Band I]. 20. Sitzung am 9. Januar 1882. Berlin, 1882. — 29—30.
Bracke, W. Der Lassalle'sche Vorschlag. Ein Wort an den 4. Congres der socialdemokratischen Arbeiterpartei. Braunschweig, 1873 *(Бракке, В.* Предложение Лассаля. Слово к 4-му съезду социал-демократической рабочей партии. Брауншвейг, 1873). — 288.
Bracke, W. «Nieder mit den Sozialdemokraten!». Braunschweig, 1876 *(Бракке, В.* «Долой социал-демократов!», Брауншвейг, 1876). — 288.
[Brentano, L.] Wie Karl Marx citirt *([Брентано, Л.]* Как цитирует Карл Маркс). В журнале: «Concordia» № 10, 7 марта 1872 г. — 131
[Brentano, L.] Wie Karl Marx sich vertheidigt *([Брентано, Л.]* Как защищается Карл Маркс). В журнале: «Concordia» № 27, 4 июля 1872 г. — 131.
Burkli, K. Demokratische Bank-Reform. Oder: Wie kommt das Volk zu billigerem Zins? Sieben

Fragen und Antworten uber die Reorganisation der Kantonalbank. Zurich, 1881 *(Бюркли, К.* Демократическая реформа банка, или: Каким образом придет народ к дешевому проценту? Семь вопросов и ответов о реорганизации кантонального банка. Цюрих, 1881). — 235, 236.

Caesar, C. J. Commentarii de bello Gallico *(Цезарь, Г. Ю.* Записки о галльской войне). — 95, 96.

Cafiero, C. Polemica *(Кафьеро, К.* Полемика). В газете: «La Plebe» № 17, 5 ноября 1882 г. — 101.

Candelari, R. Ancora sulla teoria del valore secondo Marx *(Канделари, Р.* Еще о теории стоимости Маркса). В газете: «La Plebe» № 18, 12 ноября 1882 г. — 101.

Candelari, В. Carlo Marx *(Канделари, Р.* Карл Маркс). В газете: «La Plebe» № 15, 22 октября 1882 г. — 101.

Candelari, R. La critica dell' economia radicale moderna *(Канделари, Р.* Критика современной радикальной политической экономии). В газете: «La Plebe» № 13, 8 октября 1882 г. — 101.

Candelari, R. De Laveleye e Rodbertus *(Канделари, Р.* Лавеле и Родбертус). В газете: «La Plebe» № 14, 15 октября 1882 г. — 101.

Candelari, R. Il salario *(Канделари, Р.* Заработная плата). В газете: «La Plebe» № 17, 5 ноября 1882 г. — 101.

Candelari, R. La teoria del valore secondo Marx *(Канделари, Р.* Теория стоимости Маркса). В газете: «La Plebe» № 16, 29 октября 1882 г. — 101.

Cieszkowski, A. Du credit et de la circulation. Paris, 1839 *(Цешковский, А.* О кредите и обращении. Париж, 1839). — 26, 218.

Cieszkowski, A. Prolegomena zur Historiosophie. Berlin, 1838 *(Цешковский, А.* Пролегомены к историософии. Берлин, 1838). — 27.

Colins. L'economie politique. Source des revolutions et des utopies pretendues socialistes. Tome I—III. Paris, 1856—1857 *(Колен.* Политическая экономия. Источник революций и так называемых социалистических утопий. Тома I—III. Париж, 1856— 1857). Четвертый том вышел в 1882 г. — 164.

Darwin, Ch. The formation of vegetable mould, through the action of worms, with observations on their habits. London, 1881 *(Дарвин, Ч.* Об образовании перегноя при содействии червей и наблюдения над их привычками. Лондон, 1881). — 56.

Die deutsche Geheimpolizei im Kampfe mit der Sozialdemokratie. Aktenstucke und Enthullungen auf Grund authentischen Materials dargestellt. Hottingen-Zurich, 1882 (Немецкая тайная полиция в борьбе с социал-демократией. Документы и разоблачения, представленные на основе аутентичных материалов. Хоттинген-Цюрих, 1882). — 339, 361.

Deville, G. Il y a cinq ans *(Девиль, Г.* Прошло пять лет). В газете: «L'Egalite», 4-я серия, № 27, 19 ноября 1882 г. — 336.

Deville, G. Le travail *(Девиль, Г.* Труд). В газете: «L'Egalite», 4-я серия, №№ 57 и 58; 19 и 20 декабря 1882 г. — 112.

Duhring, E. Kritische Geschichte der Nationalokonomie und des Socialismus. Zweite, theilweise umgearbeitete Auflage. Berlin, 1875 *(Дюринг, Е.* Критическая история политической экономии и социализма. Второе,частично переработанное издание. Берлин, 1875). — 359.

[Eccarius, J.] A German opinion of English trade unionism *([Эккариус. И.]* Мнение немца об английском тред-юнионизме). В газете: «The Labour Standard» № 14, 6 августа 1881 г. — 13, 14, 171, 172.

[Eckardt, J.] Berlin und St. Petersburg. Preussische Beitrage zur Geschichte der Russisch-Deutschen Beziehungen. Leipzig, 1880 *([Эккардт, Ю.]* Берлин и Санкт-

Петербург. Прусские очерки по истории русско-германских отношений. Лейпциг, 1880). — 222.

The Financial Reform Almanack. For 1882. London (Альманах финансовой реформы на 1882 г. Лондон). — 236.

Fitzgibbon, G. Ireland in 1868, the battle-field for English party strife; its grievances, real and factitious; remedies, abortive or mischievous. London, 1868 *(Фицгиббон, Дж.* Ирландия в 1868 г. — поле битвы английских партий; ее обиды, действительные и мнимые; меры к их устранению, неудачные или злонамеренные. Лондон, 1868). — 135.

Freeman, Ed. A. History of Europe. London, 1875 *(Фриман, Эд. О.* История Европы. Лондон, 1875). — 350.

George, H. The Kearney agitation in California *(Джордж, Г.* Агитация Керни в Калифорнии). В журнале: «The Popular Science Monthly», том XVII, август 1880 г. — 165.

George, H. Progress and poverty: an inquiry into the cause of industrial depressions, and of increase of want with increase of wealth. The remedy. New York, 1880 *(Джордж, Г.* Прогресс и бедность: исследование причины промышленных депрессий и роста бедности одновременно с ростом богатства. Меры по устранению. Нью-Йорк, 1880). — 157, 163—165.

Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit in deutscher Bearbeitung. Erster Band, erste Halfte. Die Urzeit. Berlin, 1847 (Историки германской древности в немецкой обработке. Первая половина первого тома. Древнейшая история. Берлин, 1847). — 95—96.

Grillenberger, K. (Грилленбергер, К.) Выступление в рейхстаге 14 декабря 1882 г. В издании: Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstags. V. Legislaturperiode, II, Session 1882/83. Band I. 28. Sitzung am 14. Dezember 1882. Berlin, 1883.— 379.

Guesde, J. Rentree en ligne *(Гед, Ж.* Возвращенная в строй). В газете: «L'Egalite», 5-я серия, № 1, 16 февраля 1883 г. — 366.

Hanssen, G. Die Aufhebung der Leibeigenschaft und die Umgestaltung der gutsherrlich-bauerlichen Verhaltnisse uberhaupt in den Herzogthumern Schleswig und Holstein. St. Petersburg, 1861 *(Хансен, Г.* Уничтожение крепостничества и преобразование отношений между помещиками и крестьянами вообще в герцогствах Шлезвиг и Гольштейн. Санкт-Петербург, 1861). — 107.

Hartmann, G. W. (Гартман, Г. В.) Выступление в рейхстаге 15 июля 1881 г. В издании: Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstags. 4. Legislaturperiode. IV. Session 1881. Band II. 61. Sitzung am 15. Juni 1881. Berlin, 1881. — 180.

Hegel, G. W. F. Werke. Vollstandige Ausgabe durch einen Verein von Freunden des Verewigten: Ph. Marheineke, J. Schulze, Ed. Gans, Lp. v. Henning, H. Hotho, C. Michelet, F. Forster. Bd. I— XVIII *(Гегель, Г. В. Ф.* Сочинения. Полное издание, выпускаемое друзьями покойного: Ф. Мархейнеке, И. Шульце, Эд. Гансом, Лп. ф. Хеннингом, Г. Хото, К. Михелетом, Ф. Фёрстером. Тт. I—XVIII).

Band II. Phanomenologie des Geistes. Zweite unveranderte Auflage. Berlin, 1841 (Том II. Феноменология духа. Второе, печатаемое без изменений издание. Берлин, 1841). — 23, 62.

Band III. Wissenschaft der Logik. Erster Theil. Die objective Logik. Erste Abtheilung. Die Lehre vom Seyn. Zweite unveranderte Auflage. Berlin, 1841 (Том III. Наука логики. Часть первая. Объективная логика. Раздел первый. Учение о бытии. Второе, печатаемое без изменений издание. Берлин, 1841). — 17.

Band VIII. Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Zweite Auflage. Berlin, 1840 (Том VIII. Основы философии права, или Естественное право и государствоведение в сжатом очерке. Издание второе. Берлин, 1840). — 322.

Band IX. Vorlesungen uber die Philosophie der Geschichte. Zweite Auflage. Berlin, 1840 (Том IX. Лекции по философии истории. Издание второе. Берлин, 1840). — 322.

Hepner, A. Meine $3^{1}/_{2}$-jahrige Leipziger Polizeicampagne. Braunschweig, 1874 *(Гепнер, А.* Моя $3^{1}/_{2}$-годичная кампания против лейпцигской полиции. Брауншвейг, 1874). — 217, 266.

[Hirsch, K.] Le Socialisme en Allemagne *([Гирш, К.]* Социализм в Германии). Подпись: Un socialiste allemand. В журнале: «La Nouvelle Revue», том 15, март— апрель 1882 г. — 248, 249.

(Hochberg, K., Bernstein, E. und *Schramm., C. A.]* Ruckblicke auf die sozialistische Bewegung in Deutschland. Kritische Aphorismen *([Хёхберг, К., Бернштейн, Э.* и *Шрамм, К. А.]* Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии. Критические афоризмы). В журнале: «Jahrbuch fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». Первый год издания. Первое полугодие. Цюрих-Оберштрасс, 1879. — 276, 277, 285, 373.

Hyndman, H. M. England for all. London, 1881 *(Гайндман, Г. М.* Англия для всех. Лондон, 1881). — 166, 167, 202, 203.

Joffrin, J. (Жофрен, Ж.) Письмо Геду. В газете: «Le Proletaire» № 171, 7 января 1882 г. — 28, 30.

Kautsky, K. Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft. Wien, 1880 *(Каутский, К.* Влияние прироста народонаселения на прогресс общества. Вена, 1880). — 123, 124, 359.

Kautsky, C. Die Entstehung der Ehe und Familie *(Каутский, К.* Возникновение брака и семьи). В журнале: «Kosmos», год изд. VI, том XII, октябрь 1882 г. — март 1883 г. — 362, 375—377.

[Kautsky, K.] International labour laws *([Каутский, К.]* Международное рабочее законодательство). В газете: «The Labour Standard» № 15, 13 августа 1881 г. — 13, 170—172, 174, 181.

[Kautsky, K.] Der Staatssozialismus und die Sozialdemokratie *([Каутский, К.]* Государственный социализм и социал-демократия). Подпись: Symmachos. В газете: «Der Sozialdemokrat» № 10, 6 марта 1881 г. — 139.

Kautsky, K. Die uberseeische Lebensmittel-Konkurrenz. Separatabdruck aus den «Staatswirthschaftlichen Abhandlungen», Serie II, Heft IV. u. V. Leipzig, 1881 *(Каутский, К.* Заокеанская конкуренция съестными припасами. Отдельный оттиск из журнала: «Политико-экономические сочинения», серия II, тетрадь IV и V. Лейпциг, 1881). — 359, 361.

Kautsky, K. Der Vetter aus Amerika, eine Erzahlung fur Landleute, erbaulich zu lesen *(Каутский, К.* Двоюродный брат из Америки, назидательный рассказ для крестьян). Листовка. — 179, 182.

Kayser, M. (Кайзер, М.) Выступление в рейхстаге 17 мая 1879 г.

В издании: Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 4. Legislaturperiode, II. Session 1879. Band II. 47. Sitzung am 17. Mai 1879. Berlin, 1879. — 194.

Keay, J. S. Spoiling the Egyptians: A Tale of shame. Told from the Blue Books. Second edition, revised and enlarged. London, 1882 *(Кей, Дж. С.* Ограбление египтян. Повествование о позорных делах. Пересказ Синих книг. Издание второе, исправленное и расширенное. Лондон, 1882). — 94.

Keay, J. S. «Spoiling the Egyptians». A rejoinder *(Кей, Дж. С.* «Ограбление египтян». Ответ). В журнале: «The Contemporary Review», том XLII, ноябрь 1882 г. — 94.

Kerdijk, A. Karl Marx. Haarlem, 1879 *(Кердейк, А.* Карл Маркс. Гарлем, 1879). В серии: Mannen van beteekenis in onze dagen (Выдающиеся люди наших дней, том X). — 131.

Kiepert, H. Karte von Bohmen, Maehren und Oesterreich. Berlin, 1866 *(Киперт, Г.* Карта Богемии, Моравии и Австрии. Берлин, 1866). — 233.

Kindlinger, N. Geschichte der Deutschen Horigkeit insbesondore der sogenannten Leibeigenschaft. Berlin, 1819 *(Киндлингер, Н.* История крепостной зависимости в Германии, в частности так называемого крепостного права. Берлин, 1819). — 107.

Knigge, A. Ueber den Umgang mit Menschen. Hannover, 1804 *(Книгге, А.* Об общении с людьми. Ганновер, 1804). — 56.

Kollar, J. Slawy dcera. Lyricko-epicka basen w peti zpewjch. Upelne wydanj. W Pesti, 1832 *(Коллар, Я.* Дочь Славы. Лирическо-эпическая поэма в пяти разделах. Полное издание. Пешт, 1832). — 223.

Lafargue, P. (Лафарг, П.) Письмо судебному следователю Эд. Пикану. В газете: «L'Egalite», 4-я серия, № 26, 18 ноября 1882 г. — 93.

Lafargue, P. Le droit au rire *(Лафарг, П.* Право на смех). В газете: «L'Egalite», 4-я серия, № 29, 21 ноября 1882 г. — 345.

Lafargue, P. Le Ministere enchante *(Лафарг, П.* Околдованное министерство). В газете: «L'Egalite», 4-я серия, № 32, 24 ноября 1882 г. — 98, 341, 343.

Lafargue, P. Notre candidat *(Лафарг, П.* Наш кандидат). В газете: «L'Egalite», 4-я серия, № 47, 9 декабря 1882 г. — 341, 343, 347.

Lafargue, P. Pretres et commercants *(Лафарг, П.* Пастыри и коммерсанты). В газете: «L'Egalite», 4-я серия, № 58, 20 декабря 1882 г. — 112.

Lankester, E. Ray. Degeneration. A chapter in darwinism. London, 1880 *(Ланкестер, Э. Рей.* Вырождение. Глава из дарвинизма. Лондон, 1880). — 130.

Liebknecht, W. (Либкнехт, В.) Выступление в рейхстаге 31 мая 1881 г. В издании: Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstags. 4. Legislaturperiode, IV. Session 1881. Band II. 53. Sitzung am 31. Mai 1881. Berlin, 1881. — 179.

Loria, A. La legge de' popolazione ed il sistema sociale. Sienna, 1882 *(Лориа, А.* Закон народонаселения и социальная система. Сиена, 1882). — 64.

Loria, A. La rendita fondiaria e la sua elisione naturale. Milano, Napoli, Pisa, 1880 *(Лориа, А.* Земельная рента и ее естественное исчезновение. Милан, Неаполь, Пиза, 1880). — 64.

Loria, A. La teoria del valore negli economisti italiani. Bologna, 1882 *(Лориа, А.* Теория стоимости у итальянских экономистов. Болонья, 1882). — 64.

M[alon], B. Histoire critique de l'economie politique. Lugano, 1876 *(М[алон], Б.* Критическая история политической экономии. Лугано, 1876). — 101.

Malon, B. Histoire du socialisme depuis ses origines probables jusqu'a nos jours. Lugano, 1879 *(Малон, Б.* История социализма со времени его вероятного возникновения до наших дней. Лугано, 1879). — 188, 195, 336.

Malon, B. Histoire du socialisme depuis les temps les plus recules jusqu'a nos jours. Tome I—II. Paris, 1882—1883 *(Малон, Б.* История социализма с самых отдаленных времен до ваших дней. Тома I—II. Париж, 1882— 1883). Все издание в пяти томах

было завершено в 1885 году. — 195.

Maurer, G. L. Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf-und Stadt-Verfassung und der offentlichen Gewalt. Munchen, 1854 *(Маурер, Г. Л.* Введение в историю маркового,подворного, сельского и городского устройства и публичной власти. Мюнхен, 1854). — 103, 105, 308, 346, 379.

Maurer, G. L. Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland. Bande I—II. Erlangen, 1865—1866 *(Маурер, Г. Л.* История сельского устройства в Германии. Тома I—II. Эрланген, 1865—1866). — 103, 105, 346, 379.

Maurer, G. L. Geschichte der Fronhofe, der Bauernhofe und der Hofverfassung in Deutschland. Bande I—IV. Erlangen, 1862— 1863 *(Маурер, Г. Л.* История господских дворов, крестьянских дворов и подворного устройства в Германии. Тома I—IV. Эрланген, 1862—1863). — 6, 103, 105, 106, 346, 379.

Maurer, G. L. Geschichte der Marken verfassung in Deutschland. Eriangen, 1856 *(Маурер, Г. Л.* История маркового устройства в Германии. Эрланген, 1856). — 103, 105, 308, 346, 349, 379.

Maurer, G. L. Geschichte der Stadteverfassung in Deutschland. Bande I — IV. Erlangen, 1869— 1871 *(Маурер, Г. Л.* История городского устройства в Германии. Тома I—IV. Эрланген, 1869—1871). — 103, 105, 346, 379.

Meitzen, A. Der Boden und die landwirthschaftlichen Verhaltnisse des Preussischen Staates nach dem Gebietsumfange vor 1866. Bande I—IV. Berlin, 1868—1871 *(Мейтцен, А.* Земля и аграрные отношения в прусском государстве в границах до 1866 года. Тома I—IV. Берлин, 1868— 1871). — 107.

Meyer, R. Der Emancipationskampf des vierten Standes. Bande I—II. Berlin, 1874—1875 *(Мейер, Р.* Освободительная борьба четвертого сословия. Тома I—II. Берлин, 1874—1875). — 197, 198.

Meyer, Д. Politische Grunder und die Corruption in Deutschland. Leipzig, 1877 *(Мейер, Р.* Политические грюндеры и коррупция в Германии. Лейпциг, 1877). — 374.

[Mirabeau, H. G.] Histoire secrete de la cour de Berlin, ou Correspondance d'un voyageur francois, depuis le 5 Juillet 1786 jusqu'au 19 Janvier 1787. 1789 *([Мирабо, О. Г.]* Тайная история берлинского двора, или Сообщение французского путешественника, начиная с 5 июля 1786 г. до 19 января 1787 г. 1789). — 284, 360.

[Most, J.] Endlich! *([Мост, И.]* Наконец!) В газете: «Freiheit» № 12, 19 марта 1881 г. — 143, 145, 146.

Most, J. Kapital und Arbeit. Ein popularer Auszug aus «Das Kapital» von Karl Marx. [Chemnitz, 1873] *(Мост, И.* Капитал и труд. Популярное изложение «Капитала» Карла Маркса. [Хемниц, 1873]). — 287.

Idem. Zweite verbesserte Auflage. Chemnitz, [1876] *(То же.* Второе, улучшенное издание. Хемниц, [1876]). — 287.

The Nationalization of the Land in 1775 and 1882. Being a Lecture delivered at Newcastle-on-Tyne, by Thomas Spence, 1775. Reprinted and edited, with notes and introduction, by H. M. Hyndman, 1882. London, Manchester, 1882 (Национализация земли в 1775 и 1882 годах. Лекция, прочитанная в Ньюкасле-на-Тайне Томасом Спенсом в 1775 году. Перепечатано и издано с примечаниями и введением Г. М. Гайндмана в 1882 г. Лондон, Манчестер, 1882). — 248.

Nieuwenhuis, F. D. Karl Marx. Kapitaal en Arbeid. 's Hage, 1881 *(Ньювенгейс, Ф. Д.* Карл Маркс. Капитал и труд. Гаага, 1881). — 131.

Nordau, M. Aus dem wahren Milliardenlande. Pariser Studien und Bilder. Bande I—II. Leipzig, 1878 (*Нордау, М.* Из подлинной страны миллиардов. Парижские очерки и картины. Тома I—II. Лейпциг, 1878). — 9.

Nordau, M. Paris. Studien und Bilder aus dem wahren Milliardenlande. Zweite vermehrte Auflage. Bande I—II. Leipzig, 1881 (*Нордау, М.* Париж. Очерки и картины подлинной страны миллиардов. Второе, расширенное издание. Тома I—II. Лейпциг, 1881). — 10.

O'Connell. Memoir on Ireland addressed to the Queen (*О'Коннел.* Памятная записка об Ирландии, адресованная королеве). — 135.

O[ldenburg], H. Die Grundlage des wissenschaftlichen Sozialismus (*О[льденбург], Г.* Основы научного социализма). В журнале: «Jahrbuch fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». Первый год издания. Второе полугодие. Цюрих-Оберштрасс, 1880. — 86, 88.

Picard, L. L'affaire de la rue Saint-Marc (*Пикар, Л.* Афера на улице Сен-Марк), В газете: «Le Citoyen» 3 сентября 1882 г. — 320—323, 327—329.

Plutarchos. Leben des Marius (*Плутарх.* Жизнь Мария). В книге: Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit in deutscher Bearbeitung. ErsterBand, erste Halfte. Die Urzeit. Berlin, 1847. — 95—96.

Plutarchus. Vitae parallelae (*Плутарх.* Сравнительные жизнеописания). — 55.

Podolinski, S. Il socialismo e l'unita delle forze fisiche (*Подолинский, С.* Социализм и единица измерения физических сил). В журнале: «La Plebe», год XIV, новая серия, №№ 3—4. Милан, 1881. — 109—111.

Podolinsky, S. Menschliche Arbeit und Einheit der Kraft (*Подолинский, С.* Человеческий труд и единица измерения силы). В журнале: «Die Neue Zeit», год изд. I, 1883. — 109—111.

[Potocki, I., Kollataj, H., Dmochowski, F. K.] Vom Entstehen und Untergange der Polnischen Konstitution vom 3-ten May 1791 Th. I—II. [Leipzig], 1793 (*[Потоцкий, И., Коллонтай, Г., Дмоховский, Ф. К.] О* возникновении и гибели польской конституции 3 мая 1791 г., ч. I—II. [Лейпциг], 1793). — 99.

Prendergast, J. P. The Crommwellian settlement of Ireland. London, 1865 (*Прендергаст, Дж. П.* Кромвелевское устройство Ирландии. Лондон, 1865). — 134.

Proudhon, P. J. Systeme des contradictions economiques, ou Philosophie de la misere. Tomes I—II. Paris, 1846 (*Прудон. П. Ж.* Система экономических противоречий, или Философия нищеты. Тома I—II. Париж, 1846). — 26.

Rae, J. The Socialism of Karl Marx and the Joung Hegelians (*Рей, Дж.* Социализм Карла Маркса и младогегельянцы). В журнале: «The Contemporary Review»,том XL, октябрь 1881 г. — 202, 214.

Ranke, J. Grundzuge der Physiologie des Menschen mit Rucksicht auf die Gesundheitspflege und das praktische Bedurfniss des Arztes. Leipzig, 1868 (*Ранке, И.* Основы физиологии человека применительно к здравоохранению и практическим потребностям врача. Лейпциг, 1868). — 350.

Redgrave, A. The Factory and workshop act, 1878, with introduction, copious notes, and an elaborate index. Second edition. London, 1879 (*Редгрейв, А.* Фабричный закон 1878 г. с предисловием, многочисленными примечаниями и переработанным указателем. Второе издание. Лондон, 1879). — 122.

Rodbertus-Jagetzow. Briefe und Socialpolitische Aufsatze. Herausgegeben von Dr. R. Meyer. Bande I—II. Berlin, [1882] (*Родбертус-Ягецов.* Письма и социально-политические сочинения. Изданы д-ром Р. Мейером.

Тома I—II. Берлин, [1882]). — 349, 359, 374.

Rodbertus, J. K. Sociale Briefe an von Kirchmann. Dritter Brief: Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grundrente und Begrundung einer neuen Rententheorie. Berlin, 1851 *(Родбертус, И. К.* Социальные письма к фон Кирхману. Письмо третье: Опровержение учения Рикардо о земельной ренте и обоснование новой теории ренты. Берлин, 1851). — 349.

Roscoe, H. E. und *Schorlemmer, C.* Ausfuhrliches Lehrbuch der Chemie. Bande I—III. Braunschweig, 1877—1882 *(Роско, Г. Э.* и *Шорлеммер, К.* Подробный учебник химии. Тома I—III. Брауншвейг, 1877—1882). Все издание в 9 томах было завершено в 1901 году. — 371.

Safarik, P. J. Slowansky Narodopis. W Praze, 1849 *(Шафарик, П. Й.* Перепись славян. Прага, 1849). — 231, 233.

Saling's Borsen-Papiere. Zweiter (finanzieller) Teil. Siebente Auflage. Saling's Borsen-Jahrbuch fur 1883/84. Ein Handbuch fur Bankiers und Kapitalisten. Berlin, 1883 (Биржевые документы Залинга. Вторая (финансовая) часть. Седьмое издание. Биржевой ежегодник Залинга на 1883/84 год. Справочник для банкиров и капиталистов. Берлин, 1883). — 327.

Samter, A. Social-Lehre. Ueber die Befriedigung der Bedurfnisse in der menschlichen Gesellschaft. Leipzig, 1875 *(Заммтер, А.* Социальное учение. Об удовлетворении потребностей в человеческом обществе. Лейпциг,1875). — 164.

Sax, E. Die Hausindustrie in Thuringen. Jena, 1882 *(Закс, Э.* Домашняя промышленность в Тюрингии. Иена, 1882). — 298.

[Schaffle, A.] Die Quintessenz des Socialismus. Von einem Volkswirth. Separatabdruck aus den «Deutschen Blattern». Gotha, 1875 *([Шеффле, А.]* Квинтэссенция социализма. Сочинение экономиста. Отдельный оттиск из журнала «Deutsche Blattern». Гота, 1875). — 139—140.

Schramm, C. Karl Burkli und Karl Marx *(Шрамм, К.* Карл Бюркли и Карл Маркс). В газете: «Arbeiterstimme» №№ 52 и 53, 24 и 31 декабря 1881 г. — 26, 27, 218.

Siemens, C. W. (Сименс, К. В.) Выступление на 52-м съезде Британской ассоциации содействия развитию науки. В журнале: «Nature» № 669, том XXVI, 24 августа 1882 г. — 73, 97.

Simon, J. State medicine *(Саймон, Дж.* Государственная медицина). В журнале: «Nature» № 616, том XXIV, 18 августа 1881 г. — 181—182.

Soetbeer, A. Edelmetall-Produktion und Werthverhaltniss zwischen Gold und Silber seit der Entdeckung Amerika's bis zur Gegenwart. Gotha, 1879 *(Зётбер, А.* Добыча благородных металлов и соотношение стоимости золота и серебра с момента открытия Америки по настоящее время. Гота, 1879). — 239.

Tacitus, C. Germania *(Тацит, К.* Германия). — 95, 96, 103.

Thierry, A. Histoire de la conquete de l'Angleterre par les normands, de ses causes, et de ses suites jusqu'a nos jours, en Angleterre, en Ecosse, en Irlande et sur le continent. Tome I—III. Paris, 1825 *(Тьерри, О.* История завоевания Англии норманнами с изложением причин и последствий этого завоевания в Англии, Шотландии, Ирландии и на материке, до нашего времени. Тома I—III. Париж, 1825). — 113.

Tissot, V. Les Prussiens en Allemagne. Suite du Voyage au pays des milliards. Paris, 1876 *(Тиссо, В.* Пруссаки в Германии. Продолжение «Путешествия в страну миллиардов». Париж, 1876). — 9.

Tissot, V. Voyage au pays des milliards. Paris, 1875 *(Тиссо, В.*

Путешествие в страну миллиардов. Париж, 1875). — 9.

Tissot, V. Voyage aux pays annexes. Suite et fin du Voyage au pays des milliards. Paris, 1876 *(Тиссо, В.* Путешествие в аннексированные страны. Продолжение и конец «Путешествия в страну миллиардов». Париж, 1876). — 9.

Valles, J. [Валлес, Ж.] Письмо к Ж. Греви. В газете: «La Revolution Francaise», февраль 1879 г. — 175.

[Vollmar, G. H.] Aufhebung des Ausnahmegesetzes? *([Фольмар, Г. Г.]* Отмена исключительного закона?) В газете: «Der Sozialdemokrat» №№ 34 и 35; 17 и 24 августа 1882 г. — 300, 304, 308, 311, 318—319, 325.

[Vollmar, G. H.] Aufhebung des Sozialistengesetzes? Ein Wort zur Taktik der deutschen Sozialdemokratie. Hottingen-Zurich, 1882 *([Фольмар, Г. Г.]* Отмена закона против социалистов? Несколько слов о тактике немецкой социал-демократии. Хоттинген-Цюрих, 1882). Брошюра издана под псевдонимом: Surtur. — 321.

V[ollmar, G. H.] Zur Spaltung der franzosischen Arbeiterpartei *(Ф[ольмар, Г. Г.)* К расколу французской Рабочей партии). В газете: «Der Sozialdemokrat» №№ 46, 47 и 49; 9, 16 и 30 ноября 1882 г. — 88, 93, 336, 346.

W[eerth], G. Heute Morgen fuhr ich nach Dusseldorf (*В[еерт]*, *Г.* Нынче утром в Дюссельдорф я съездил). В газете: «Neue Rheinische Zeitung» №44, 14 июля 1848 г. — 126.

[Weerth, G.] Ein Sozialistenfresser aus dem Jahre 1848. (Aus dem Feuilleton der «Neuen Rheinischen Zeitung») *([Веерт, Г.]* Пожиратель социалистов 1848 г. (Из фельетона «Новой Рейнской газеты»)). В газете: «Der Sozialdemokrat» № 33, 11 августа 1881 г. — 126.

Westphalen, Ch. H. Ph. Geschichte der Feldzuge des Herzogs Ferdinand von Braunschweig-Luneburg. Hrsg. von F. O. W. H. v. Westphalen. Bande I—II. Berlin, 1859 *(Вестфален, Х. Г. Ф.* История походов герцога Фердинанда фок Брауншвейг-Люнебург. Издано Ф. О. В. Г. фон Вестфаленом. Тома I—II. Берлин, 1859). — 198.

Westphalen, Ch. H. Ph. Geschichte der Feldzuge des Herzogs Ferdinand von Braunschweig-Luneburg. Zusammengestellt aus Materialien seines Nachlasses und des Kriegs-Archivs des Herzogs Ferdinand, und hrsg. von F. O. W. H. v. Westphalen. Bande I—VI. Berlin, 1871—1872 *(Вестфален, Х. Г. Ф.* История походов герцога Фердинанда фон Брауншвейг-Люнебург. Составлено по материалам его наследства и военного архива герцога Фердинанда и издано Ф. О. В. Г. фон Вестфаленом. Тома I—VI. Берлин, 1871—1872). — 198.

Wilhelm I (Вильгельм I). Рескрипт от 4 января 1882 г. В журнале: «Der Reichs-Anzeiger», 7 января 1882 г. — 24, 27.

ДОКУМЕНТЫ

Указ о понижении выкупных платежей. В газете: «The Times» № 30403, 13 января 1882 г. — 28.

Association Internationale des Travailleurs. Statuts et reglements. Londres, 1866 (Международное Товарищество Рабочих. Устав и регламент. Лондон, 1866) (см. настоящее издание,т. 16,стр. 545— 549). — 311.

Bundesgesetz betreffend die Arbeit in den Fabriken (vom 23. Marz 1877) (Союзный закон об условиях труда на фабриках (от 23 марта 1877 г.)). Книга без выходных данных. — 84, 88, 316.

Cinquieme congres national ouvrier socialiste de Reims. Compte rendu analytique (Пятый национальный конгресс рабочих социалистов в Реймсе. Аналитический отчет). В газете: «Le Proletaire» №№ 162 и 163; 5 и 12 ноября 1881 г. — 195.

Circulaire a toutes les federations de l'Association Internationale des Travailleurs. Geneve, 1871 (Циркуляр ко всем федерациям Международного Товарищества Рабочих. Женева, 1871). Подписи делегатов съезда от Юрской федерации. — 28.

Code civil (Гражданский кодекс, или Кодекс Наполеона). Принят в 1804 году. — 217.

Code penal (Уголовный кодекс). Принят в 1810 году. — 8, 370.

Gesetz gegen die gemeingefahrlichen Bestrebungen der Sozialdemokratie (Закон против общественно опасных стремлений социал-демократии). В издании: «Reichs-Gesetzblatt» № 34, 1878. — 99, 104, 175, 192, 221, 234, 276, 278, 300, 304, 308, 318, 325, 347, 356, 373.

Gewerbeordnung, die deutsche, in ihrer durch das Innungsgesetz erlangten neuesten Gestalt, mit den Einfuhrungsgesetzen fur Wurttemberg, Baden, Bayern und Elsas-Lothringen, den Abanderungen und Erganzungen der Novellen und dem Gesetz uber die eingeschriebenen Hulfskassen vom 7. April 1876, nebst den Ausfuhrungs-Verordnungen des Bundesrathes. 3. Auflage. Koln, 1882 (Немецкий промысловый устав в его новейшей, выработанной на основе закона о корпорациях форме, вместе с законами о его введении в действие для Вюртемберга, Бадена, Баварии и Эльзас-Лотарингии, с изменениями, дополнениями и добавлениями, с законом о зарегистрированных кассах взаимопомощи от 7 апреля 1876 г., а также вместе с постановлениями о выполнении, принятыми Союзным советом. 3 издание. Кёльн, 1882). — 84. 316.

Offences against the Person Act (Акт о преступлениях против личности). Принят в 1861 году. — 151.

Parti ouvrier. Conseil national (Рабочая партия. Национальный совет). В газете: «L'Egalite», 3-я серия, № 47, 5 ноября 1882 г. — 88.

Programme electoral des travailleurs socialistes (Избирательная программа трудящихся социалистов). В газете: «L'Egalite», 2-я серия, № 24, 30 июня 1880 г. — 28, 189, 190, 311.

Sachsenspiegel (Саксонское зерцало). — 107.

Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstags. 4. Legislaturperiode, IV. Session 1881. Band I. 25. Sitzung am 30. Marz 1881. 26. Sitzung am 31. Marz 1881. 29. Sitzung am 4. April 1881. Berlin, 1881 (Стенографический отчет о заседаниях рейхстага. 4-й созыв, IV сессия 1881 г. Том I. 25-е заседание 30 марта 1881 г. 26-е заседание 31 марта 1881 г. 29-е заседание 4 апреля 1881 г. Берлин, 1881). — 150—152.

Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des Reichstags. V. Legislaturperiode, I. Session 1881/82. [Band I]. Von der Eroffnungssitzung am 17. November 1881 bis zur Schlussitzung am 30. Januar 1882. Berlin, 1882 (Стенографический отчет о заседаниях рейхстага. V-й созыв, I сессия 1881/82 г. [Том I]. С открытия сессии 17 ноября 1881 г. до заключительного заседания 30 января 1882 года. Берлин, 1882). — 27, 217, 228.

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ, АВТОРЫ КОТОРЫХ НЕ ИЗВЕСТНЫ

«The Eastern Post» («Почта Ист-Энда»), Лондон, — № 168, 16 декабря 1871 г. Mr. Bradlaugh and the communists (Г-н Брэдло и коммунисты). — 119.

«L'Egalite» («Равенство»), Париж, — 2-я серия, № 21, 9 июня 1880 г.

Le patriotisme de la bourgeoisie et les Chinois (Патриотизм буржуазии и китайцы). — 334.
— 3-я серия, № 1, 11 декабря 1881 г. — 206.
— № 2, 18 декабря 1881 г. — 206.
— № 4, 1 января 1882 г. Корреспонденция, помеченная: Allemagne (Германия). — 209—210.
— № 4, 1 января 1882 г. Корреспонденция, помеченная: Paris (Париж). — 210.
— № 27, 11 июня 1882 г., стр. 1— 2. — 279, 284.
— 4-я серия, № 53, 15 декабря 1882 г. L'Arrestation de Lafargue (Арест Лафарга). — 107.
— № 54, 16 декабря 1882 г. L'affaire de Montlucon (Процесс в Монлюсоне). — 107.
«Freiheit» («Свобода»), Лондон,
— год изд. III, № 26, 25 июня 1881 г. Корреспонденция в рубрике: Socialpolitische Rundschau. Deutschland (Социально-политическое обозрение. Германия). — 180.
— №№ 31, 32 и 33; 30 июля, 6 и 13 августа 1881 г. Congress. Bericht (Конгресс. Отчет). — 176.
— год изд. IV, № 13, 1 апреля 1882 г. Корреспонденция, помеченная: Deutschland (Германия). — 253.
«La Justice» («Справедливость»), Париж,
— 7 декабря 1881 г. Некролог Женни Маркс в рубрике: «Gazette du jour» («Хроника»). — 198.
— 20 марта 1883 г. Obseques de Karl Marx (Похороны Карла Маркса). — 389.
«Kolnische Zeitung» («Кёльнская газета»)
— № 189,10 июля 1881 г. Заметка о втором издании книги М. Нордау «Из подлинной страны миллиардов». — 10.
— № 204, 25 июля 1881 г., второй выпуск. Корреспонденция, помеченная: Rusland (Россия). — 28, 43.
— № 109, 20 апреля 1882 г., первый выпуск. Корреспонденция, помеченная: Konstantinopel, 14. April (Константинополь, 14 апреля). — 261.
— № 192, 13 июля 1882 г., второй выпуск. Корреспонденция, помеченная: Paris, 12 Juli (Париж, 12 июля) и Das Bombardement von Alexandrien (Бомбардировка Александрии). — 72.
«Petit Marseillais» («Маленький марселец»), 8 мая 1882 г. — 49.
«La Revue socialiste» («Социалистическое обозрение»), Лион, Париж,
— № 9, 5 июля 1880 г. La Question chinoise devant les economistes (Экономисты о китайском вопросе). Подпись: Б. М. — 334.
«Der Sozialdemokrat» («Социал-демократ»), Цюрих,
— № 5, 30 января 1881 г. Die zehn Gebote (Десять заповедей). — 126.
— №№ 13 и 16, 27 марта и 17 апреля 1881 г. Fritzsche und Viereck in Amerika (Фрицше и Фирек в Америке). — 142.
— № 33, 11 августа 1881 г. — 175.
— № 39, 22 сентября 1881 г. Die Vivisektion des Proletariats (Вивисекция пролетариата). — 182.
— № 47, 17 ноября 1881 г. Warum sind wir in Glauchau (Sachsen) unterlegen? (Почему мы потерпели поражение в Глогау (Саксония)?). — 194.
— №№ 4 и 5, 19 и 26 января 1882 г. «Der Sozialdemokrat» auf der Anklagebank («Der Sozialdemokrat» на скамье подсудимых). — 266.
— № 9, 23 февраля 1882 г. Noch einmal Herr Breuel (Еще раз г-н Брёйель). — 266.
— № 23, 1 июня 1882 г. Корреспонденция, помеченная: Frankreich (Франция). — 279, 284.
— № 31, 27 июля 1882 г. In eigener Sache (По личному вопросу). — 335.
— № 37, 7 сентября 1882 г. — 306.
— № 38, 14 сентября 1882 г.

Корреспонденция, помеченная: Aus Leipzig (Из Лейпцига). — 302.
— №№ 1 и 2, 1 и 4 января 1883 г. Aus Grillenberger's Rede uber die Handhabung des Sozialistengesetzes (Из речи Грилленбергера по поводу соблюдения закона против социалистов). — 356, 379.
— № 2 и 7, 4 января и 8 февраля 1883 г. Zum Kapitel von der freien Liebe. Etwas fur Herrn v. Puttkamer zum Vorlesen im Reichstage (К вопросу о свободной любви. Кое-что для г-на фон Путкамера к чтению в рейхстаге). — 356, 379.
— № 3, 11 января 1883 г. Puttka-mer und die «Heiligkeifc» der Familie (Путкамер и «святость» семьи). — 356, 379.
— № 9, 22 февраля 1883 г. Von der patentirten Ehre (О привилегированной чести). — 356, 379.
«The Standard» («Знамя»), Лондон,
— 30 марта 1881 г. — 143.
— № 18191, 6 ноября 1882 г. Корреспонденция в рубрике: Russia and France (Россия и Франция), помеченная: Frankfort, Sunday Night (Франкфурт, воскресенье вечером). — 84, 85.
— Typhoid at Ventnor (Тиф в Вентноре). — 87.
— № 18192, 7 ноября 1882 г. Imperial parliament. House of commons. Sir C. Rivers Wilson (Имперский парламент. Палата общин. Сэр Ч. Риверз Уилсон). — 85.
— № 18195, 10 ноября 1882 г. Imperial parliament. House of commons. The obligations of civil servants (Имперский парламент. Палата общин. Обязательства должностных лиц). — 91.
«The Statist» («Статистик»), Лондон,
— том VII, № 153, 29 января 1881 г. — 128—129.
«Le Temps» («Время»), Париж,
— 6 августа 1882 г. Allemagne (Германия). — 66—67.
«The Times» («Времена»), Лондон,
— № 30165, 11 апреля 1881 г. Корреспонденция, помеченная: Cork, April 10 (Корк, 10 апреля). — 149.
— № 30390, 29 декабря 1881 г. Money-market and City intelligence (Денежный рынок и информация Сити). — 209.
— № 30712, 9 января 1883 г. Mr. Cowen at Newcastle (Г-н Коуэн в Ньюкасле). — 353.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гейне. Опять на родине, стихотворение 62. — 46.
Гейне. Путевые картины. — 355.
Гейне. Успокоение. — 216.
Гёте. Божественное. — 249.
Гёте. Кладоискатель. — 266.
Гёте. Кроткие Ксении. — 271.
Гёте. Рейнеке-лис. — 159.
Гёте. Рыбак. — 174.
Гёте. Фауст. — 7, 147.
Данте. Божественная комедия.— 61.
Диккенс. Жизнь и приключения Мартина Чезлвита. — 149.
Лангланд. Жалобы Пирса Плаумана. — 334.
Мольер. Мещанин во дворянстве. — 204.
Мюльнер. Вина. — 362.
Публий Теренций. Девушка с Андроса. — 188.
Софокл. Антигона. — 249.
Тысяча и одна ночь. — 243.
Филдинг. История приключения Джозефа Эндруса и его друга Абраама Адамса. Написано в подражание манере Сервантеса, автора Дон-Кихота. — 301.
Шамиссо. Салас-и-Гомес. — 364.
Шекспир. Много шуму из ничего. — 146.
Шекспир. Отелло. — 71.
Эпикур. Письмо к Менекею «О нравственности». — 386.

* * *

Библия. — 56, 103. 136, 275.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

«Journal des Debats politiques et litteraires» («Газета политических и литературных дебатов») — французская ежедневная буржуазная газета, основанная в Париже в 1789 году. В период Июльской монархии — правительственная газета, орган орлеанистской буржуазии. Во время революции 1848 г. газета выражала взгляды контрреволюционной буржуазии. После государственного переворота 1851 г. — орган умеренной орлеанистской оппозиции; в 70—80-х годах газета придерживалась консервативного направления. — 63.

«La Justice» («Справедливость») — французская ежедневная газета, орган партии радикалов; издавалась в Париже с 1880 по 1930 год; в 1880—1896 гг., когда газетой руководил ее основатель Ж. Клемансо, газета являлась органом так называемой «крайней левой» — левого крыла партии радикалов, отстаивавшей программу отдельных демократических и социальных реформ и выражавшей интересы мелкой и средней буржуазии; после амнистии 11 июля 1880 г. редактором газеты стал Шарль Лонге. — 7—9, 80, 85, 88, 127, 148, 156, 159, 197, 198, 243, 249, 302, 306, 307, 313, 314, 346, 355, 389.

«Kolnische Zeitung» («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила в Кёльне с 1802 года; в период революции 1848—1849 гг. и наступившей вслед за тем реакции отражала трусливую и предательскую политику прусской либеральной буржуазии, в последней трети XIX в. была связана с национал-либеральной партией. — 10, 28, 43, 47, 72, 83, 102, 104, 125, 261, 302.

«The Labour Standard» («Знамя труда») — еженедельная английская газета, орган тред-юнионов, выходила в Лондоне с 1881 по 1885 г. под редакцией Дж. Шиптона; с 7 мая по 6 августа 1881 г. в газете сотрудничал Энгельс. — 13, 14, 168, 170—174, 181, 226, 275, 292, 327, 330, 367.

«Die Laterne» («Фонарь») — социал-демократический еженедельник, издавался К. Гиршем в *Брюсселе* после введения в Германии исключительного закона против социалистов, выходил с 15 декабря 1878 г. по 29 июня 1879 г., выступал с критикой оппортунистической тенденции в германской социал-демократической партии. — 210.

«La Liberte» («Свобода») — ежедневная вечерняя газета консервативного направления, орган крупной буржуазии, издавалась в Париже с 1865 по 1944 год; в 1870—1871 гг., во время осады Парижа, выходила в Туре, затем в Бордо. В 1866—1870 гг. принадлежала Э. Жирардену; поддерживала политику Второй империи, выступала за войну с Пруссией и против правительства национальной обороны. — 119.

«Modern Thought» («Современная мысль») — английский ежемесячный буржуазный прогрессивный журнал по вопросам религии, политики, этики, науки и литературы, выходил в Лондоне в 1879—1884 годах. — 203, 205, 213.

«Nature. A Weekly Illustrated Journal of Science» («Природа. Еженедельный иллюстрированный научный журнал») — английский естественнонаучный журнал, издается в Лондоне с 1869 года. — 181.

«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie» («Новая Рейнская газета. Орган демократии») — боевой орган революционно-пролетарского крыла демократии в период германской революции 1848—1849 годов; выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года; в состав редакции входил Энгельс. — 125, 126, 390.

«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» («Новая Рейн-

ционала, поддерживала Генеральный Совет в борьбе с анархистами, публиковала документы Интернационала и статьи Энгельса. — 101.

«La Plebe. Rivista socialista» («Народ. Социалистическое обозрение») — итальянский ежемесячный социалистический журнал, издавался под редакцией Э. Биньями в Милане в 1881—1882 гг. (выходил как новая серия газеты «La Plebe»). — 109.

«Post» — см. *«The Eastern Post».*

«Le Precurseur» («Предвестник») — швейцарский социалистический журнал, выходил в 1877—1887 гг. в Женеве на французском языке иод редакцией И. Ф. Беккера. — 142, 344.

«Le Proletaire» («Пролетарий») — еженедельная французская рабочая газета, издавалась в Париже с 1878 по 1884 год; в начале 80-х годов вокруг газеты «Proletaire» объединились мелкобуржуазные оппортунистические элементы Рабочей партии Франции, так называемые поссибилисты. — 28, 30 — 32, 84, 89, 94, 101, 102, 186—188, 191, 195, 210, 219, 225, 279, 284, 322, 323, 329, 336, 381.

«The Radical» («Радикал») — английская буржуазно-радикальная еженедельная газета, выходила в Лондоне с 14 декабря 1880 по июль 1882 года. — 214—215.

«La Republique Francaise» («Французская республика») — французская буржуазно-радикальная ежедневная газета, основанная Л. Гамбеттой; выходила в Париже с 1871 года. — 9, 63.

«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung» — см. *«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue».*

«La Revue socialiste» («Социалистическое обозрение») — ежемесячный журнал, основанный французским мелкобуржуазным социалистом, позднее поссибилистом Б. Малоном; вначале республиканско-социалистический, затем синдикалистский и кооперативный орган; издавался в 1880 г. в Лионе и Париже, с 1885 по 1914 г. в Париже. В 80-х годах в журнале сотрудничали Маркс и Энгельс. — 334.

«Rownosc (Egalite), Czasopismo socyjalistyczne» («Равенство. Социалистический журнал») — польский социалистический ежемесячник, выходил в Швейцарии (Женева) с 1879 по 1881 год. — 224.

«Le Soir» («Вечер») — французская ежедневная буржуазная газета республиканского направления, издавалась в Париже с 1867 года. — 119, 120.

«Der Sozialdemokrat» («Социал-демократ») — немецкая еженедельная газета, центральный орган социал-демократической партии Германии, выходила в период действия исключительного закона против социалистов с сентября 1879 по сентябрь 1888 г. в Цюрихе и с октября 1888 по 27 сентября 1890 г. в Лондоне. В 1879— 1880 гг. газета выходила под редакцией Г. Фольмара, а с 1881 по 1890 г. под редакцией Э. Бернштейна. Маркс и Энгельс, который сотрудничал в газете в течение всего периода ее издания, активно помогали редакции газеты проводить партийную пролетарскую линию, критиковали и выправляли ее отдельные ошибки и колебания. — 88, 102, 125, 139, 142, 145, 150, 174, 175, 179, 182, 194, 210, 216, 218, 219, 228, 252, 263, 266, 276, 279, 284, 285, 291, 299, 300, 302, 306— 308, 317, 320, 321, 325, 326, 328, 332, 335, 339, 346, 356, 359, 370, 371, 373, 375, 379, 381, 389.

«The Standard» («Знамя») — английская ежедневная газета консервативного направления, основана в Лондоне в 1827 году. — 14, 15, 24, 57, 84, 85, 87, 91, 143, 231, 232.

«The Statist» («Статистик») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики консервативного направления,

СПИСОК ПИСЕМ,
ДАТИРОВКА КОТОРЫХ ИЗМЕНЕНА ПО СРАВНЕНИЮ С ПЕРВЫМ ИЗДАНИЕМ СОЧИНЕНИЙ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Автор и адресат письма	Прежняя дата в 1 изд. Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Уточненная дата в т. 35 2 изд. Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Маркс — Энгельсу	31 марта 1882 г. (том XXIV)	28—31 марта 1882 г.
Маркс — Энгельсу	8 марта (суббота) 1882 г. (том XXIV)	8 апреля (суббота) 1882 г.
Маркс — Энгельсу	29 июня 1882 г. (том XXIV)	24 июня 1882 г.
Энгельс — Марксу	[29 ноября 1882 г.] (том XXIV)	[1 ноября 1882 г.]
Маркс — Каутской	3 октября 1881 г. (том XXVII)	1 октября 1881 г.
Энгельс — Гартману	[декабрь 1882 г.] (том XXVII)	[конец декабря 1881 г.]
Энгельс — Бернштейну	25 января 1882 г. (том XXVII)	25, 31 января 1882 г.
Энгельс — Бернштейну	22 февраля 1882 г. (том XXVII)	22, 25 февраля 1882 г.
Энгельс — Гайндману	[1882 г.] (том XXVII)	[около 31 марта 1882 г.]
Маркс — Женни Лонге	6 апреля 1882 г. (том XXVII)	6, 7 апреля 1882 г.
Энгельс — Бернштейну	[начало августа 1882 г.] (том XXVII)	[около 11 июля 1882 г.]
Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге	9 ноября 1882 г. (том XXVII)	9, 16 ноября 1882 г.
Энгельс — Бернштейну	27 февраля 1883 г. (том XXVII)	27, 28 февраля, 1 марта 1883 г.

СОДЕРЖАНИЕ*

* Звездочкой отмечены письма, впервые публикуемые в составе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

1882 год

1883 год

Часть вторая

ПИСЬМА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

(январь 1881 — март 1883)

1881 год

1882 год

1883 год

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
397, 27 прим.	3 сверху	австрийского историка и публициста Генриха Рихтера	немецкого политическо-го деятеля Эйгена Рих-тера

Том подготовили к печати:
А. С. Дергунова (письма за 1882—1883 гг.)
К. В. Соловьева (письма за 1881 г.)
Помощники подготовителей *Л. Н. Владимиров*
и *Е. М. Овсянникова*
В работе над справочным аппаратом
принимала участие *М. П. Мариничева*

Редакторы *И. А. Арманд* и *Н. Б. Тер-Акопян*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина.*

Корректоры *В. П. Аносова* и *А. М. Холина*

*

Сдано в набор 30/III 1964 г. Подписано к печати 22/IX 1964 г. Формат 60×92$^{1}/_{16}$.
Физ. печ. л. 34$^{1}/_{4}$ + 5 вклеек ($^{5}/_{8}$, печ. л.).
Условн. печ. л. 34,87. Уч.-изд. л. 39,21.
Тираж 103 тыс. экз. Заказ № 972.
Цена 1 руб.

*

Издательство политической литературы.
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

*

Ленинградская типография № 1
«Печатный Двор» имени А. М. Горького
«Главполиграфпрома» Государственного
комитета Совета Министров СССР
по печати. Гатчинская, 26.